Дмитрий Н. Алексеев

ПРОЕКТНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Новый организованный человек

Москва 2017

Дмитрий Николаевич Алексеев

©Дмитрий Николаевич Алексеев. Серия книг.

Том 3: "Проектная антропология. Новый организованный человек". Москва, 2017.

Посвящается моим дорогим
друзьям и соратникам,
а также будущим поколениям
с верой в их способность
наследовать планету.

Оглавление

В КАЧЕСТВЕ ЭПИГРАФОВ 7

ВВЕДЕНИЕ 8

О НАУЧНОМ И ДЕЯТЕЛЬНОМ НАЧАЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА 16

Еще немного насчет связи и различия проекта и науки 16
Научение или здоровье – ключевой фактор трудовой основы экономической стоимости? 18
О стандарте денежного обращения и "научном" ПТМ 25
О ценности «неудачных» вариантов бизнеса и науки 28

ДИССОЦИАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРОЕКТАХ И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЧАСТИЧНОСТИ 33

Организованная диссоциация деятельности и номадизм 33
Интернационал и диссоциативный подход 38
Брендирование связывает культиндустрию с дизайном 45
Актерская игра как проектный ответ случайности 53
Частичность и диалектическое противоречие 59

"INTELLIGENCE", ЭЛИТЫ И ПРЕДМЕТ ИНТЕРЕСА КАК ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ 64

Финансовый дисбаланс и война 64
Об актуальности империалистической войны 67
О двух глобальных партиях и двух функциях восприятия 71
Гипотеза о группах "общественного иммунитета": три в одном в элитологии 75
Разные виды социальных проектов, а значит, и проектантов 90
Узурпация власти как социальная патология 93
Республиканское государство: оксюморон или нет? 97

ГОСУДАРСТВО И ДЕНЬГИ В СВЕТЕ МАРКСОВЫХ И ПОСТМАРКСОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ 121

Человек не только веберовский, но и смитовский 121
Доход и формации: экономическая гипотеза с позиции баланса 124
Этика как философская основа экономики и марксистская этика 135
Ложь о социальном предпринимательстве от представителей известных кругов 141
Марксистские аллюзии в свете идей С.Платонова 145
Расширение распределительной концепции происхождения денег идентификационной гипотезой 181
Внегосударственные деньги и товарно-денежный градиент 199
О пространственно-временном паритете хозяйствования 227

АНАРХИЯ В АСПЕКТЕ ДЕНЕЖНЫХ И ПРОЧИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ 247

Антигосударственническое начало частных денег 248
Проблема денежного измерения в анархизме 252
Еще несколько слов о понятии инстинкта 265
Анархистская этика: не утопическая кибернетика межличностного 276
Анархизм как республиканство для случая Европы и не только 282
Урбанистическое измерение анархии 291
О микрохозяйственной тезаврации (в качестве приложения) 298

ГЕРМЕНЕВТИКА И СТРУКТУРНОСТЬ МАСС-МЕДИА 305

Общие замечания, в том числе касательно энциклопедических статей о масс-медиа 306
Что можно понимать под герменевтикой масс-медиа? 315
Средства массовой информации: универсум 320
Информационные повод, событие и картина как составляющие сюжета медиа трансляции 326
Информационный повод, проблема и тезис как составляющие темы медиа трансляции 338
Авторская структура медийного сообщения 343
Двоякая природа масс-медиа 366

Особенности содержания динамических СМИ 371
Витологическая инноватика: патриотизм или компрадорщина? (в качестве приложения) 379

(TOTAL CONTROL & JAIL INDUSTRIES) VS DARKNET 386

Компромиссный класс в свете форсайта неономадиста Жака Аттали 386
Закат Европы: о некоторых противоречиях в рассуждениях о будущем 393
"Тюремные индустрии": первые признаки 397
Даркнет как "темная материя" социальной самоорганизации 407
Про контроль настроений общества как "социальной сети" 412
«Биохакинг» как пример даркнет- формата повышенной технологичности (в качестве приложения) 415

ОРУЖИЕ КАК ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО 417

Вторая поправка "Билля о правах" и вооруженные школьники 417
Liberator как продукция даркнета повышенной технологичности 423
Основания первобытного арсенала в смысле истории техники 428
О родственности рычага и ванты: дополнение к фундаментальному предметно-технологическому множеству Герона Александрийского с позиций Р.Б.Фуллера (в качестве приложения) 443

О ТОЛКОВАНИЯХ НЕОФАШИЗМА ИЛИ ЧТО ЛЕЧИТСЯ ДИССОЦИАТИВНОСТЬЮ 463

О способах говорения и толкования 463
О признаках сущностных и комплексных 470
О направлении действий 480

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 486

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ 498

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 501

ОБ АВТОРЕ 513

В качестве эпиграфов

"Для примитивного человека мир полон демонов и таинственных сил, которых он боится; для него вся природа одушевлена этими силами, которые на самом деле не что иное, как его собственные внутренние силы, спроецированные во внешний мир. Христианство и современная наука дедемонизировали природу, что означает, что европейцы последовательно вбирают демонические силы из мира в самих себя, постоянно загружая ими свое бессознательное. В самом человеке эти демонические силы восстают против кажущейся духовной несвободы христианства..."

Из интервью К.Г.Юнга швейцарской газете Die Weltwoch 11.05.1945

"You never change things by fighting the existing reality. To change something, build a new model that makes the existing model obsolete."

*"*You *cannot change how someone thinks, but you can give them a tool to use which will lead them to think differently."*

"The word synergy comes from the Greek sin-ergo, meaning, to work together. It describes a mutually supportive atmosphere of trust, where each individual element works towards its own goals, and where the goals may be quite varied; nevertheless, because all elements of a synergetic system support one another, they also support the whole."

"It is now highly feasible to take care of everybody on Earth at a higher standard of living than any have ever known. It no longer has to be you or me. Selfishness is unnecessary. War is obsolete. It is a matter of converting the high technology from weaponry to livingry."

R. Buckminster Fuller

"*Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют"*.

Протагор из Абдер

"*Сегодня поддержание экономики и обеспечение ее роста возможны только в том случае, если сознательно управлять системами разделения труда: не только поддерживать, но и постоянно их модернизировать, развивать. А здесь мы возвращаемся к вопросу «кто и почему это будет делать»*".

О.В.Григорьев

"Будущее не поддается законодательству. Все, что возможно, – это догадываться о его главных течениях и очищать для них дорогу. Именно это мы и стараемся делать".

П.А.Кропоткин

Введение

Эта работа, как и предыдущие, построена на принципе гипертекстовых отсылок, представляя тем самым анализ в строгом смысле этого слова как указание на место или принцип возникновения соображения или тезиса. Особенность ее структуры (так же, как двух предыдущих) состоит в том, что в ее (прямо)линейном изложении то и дело встречаются забегание вперед, тематические крючки и отсылки к ранее сказанному, то есть в ней реализован принцип гипертекста. Я не считаю это пагубой, ведь также и в жизни: линейно бытуя от рождения до смерти, но не считая саму жизнь линейной (за исключением отдельных людей, которым очень скучно живется), мы время от времени получаем возможность видеть точки тематического развертывания, и лишь обращая внимание на возникающие при этом связи с чем-то иным, обнаруживаем ее содержательную цельность и осмысленность.

Сегодня как никогда оказывается актуальным проявить жизнеспособный плод воображения, не апеллирующий к моделям и схемам прошлого, поскольку ни одна из существующих макромоделей не является более решением проблем сего дня (за исключением наиболее архаичных, некоторые уже активно воплощаются). А это, в свою очередь, обнажает принципиальную разницу между собственно способностью человека к воплощению мечты и его же способностью к постижению истины. Этой проблемы не было, когда человек Европы освобождался от религиозного гнета, поскольку свободное исследование мира и его преобразование было не дифференцированным единым целым, мечтой и средством воплощения мечтаний. Теперь же очевидна самостоятельность той и другой способностей и, отдавая должное первой из них, весьма важно не в меньшей степени развить вторую, направив ее на благо всех людей, относящихся к виду homo sapiens – не в меньшей степени, но не обязательно и даже вовсе не в той же бюрократической форме, в какой это было в случае с наукой последних шести столетий. Способность к воплощению мечты, или к проектно ориентированному воображению, принципиально не может рассматриваться как то, чему вспомоществует бюрократия или корпоративные иерархии: это заблуждение, ведущее не только к гибели такой способности, но и к невероятной диктатуре. Следует проявлять настороженность к тем, кто к этому призывает.

В меру своей вещественности, то есть способности к сопротивлению воздействию, и способности к ее осознанию, человек оказывается и мерой

самого себя, в действии творя собственную реальность, причем осознание оказывается первичным действием (потому философская антропология рассматривает человека прежде всего в системе его самоидентификаций). К этой древней максиме про меру всех вещей прекрасно стыкуются не менее древние тезис "многознание уму не научает", а также императив "познай самого себя". Общественные науки, апеллируя к знанию, направлены на изучение общества, но сколь много, однако, дает для понимания общества осознание человеком типичности собственных личностных проявлений!

Когда говорят об устаревании общественной или экономической модели, имеют в виду неприемлемость существующего в соответствии с ней состояния реальности, но при этом боятся помыслить нечто, радикально выходящее за рамки нее, предлагая поменять нечто внутри нее самой, сохранив в ней "самое лучшее"; а как же – ведь радикально новой модели не соответствует никакое реальное существование, за исключением разве что в воображении ее создателя, а потому она провозглашается ненаучной. При этом, однако, упускается из виду, что подобное действие человеческого воображения представляет собой не иначе, как проекцию модели божественного творения, существовавшей в период до позитивной науки. Между тем, именно когда содержание воображения становится содержанием сознания, бытие переходит в фазу создания будущего, реализуя способность духа продвигаться вперед (в гадамеровском смысле).

Помимо прочего, эта книга является отчасти продолжением не только второй, но и первой книги, в которой был создан некоторый задел понимания социальных и гуманитарных реалий, основанный на исследовательской программе «неокономики» Олега Григорьева, а также ряда других авторов, чьи работы не касаются напрямую экономики. Здесь же речь идет о том, в рамках каких условий (включая моральные основания) человек может переопределять свою психосому и управлять ею. Приступив ко второй книге с довольно общих и абстрактных вещей, я никогда не забывал, что они есть инструментальные содержания человеческой способности ума, интеллекта и памяти (или должны быть таковыми). Вопрос о формировании и типологии человека также был поставлен мной в первой книге, и связан с возможностями самоорганизации человека в качестве социального деятеля. Там же «общее» и «абстрактное» охватывали, в том числе, то, что относится к внечеловеческой среде обитания – к тому, что мыслится в качестве универсальных (вернее, «поливерсальных») принципов мироздания, существующих помимо процесса социальной истории, но проявляющихся в ней. Дальнейшее изложение следовало бы посвятить тому,

каким должен и может быть человек, снабженный обновленным набором мировоззренческих установок.

Рассмотрение возможностей новой эпистемы относительно новой концепции организованного человека (понятия, изначально восходящего к М.Веберу), конечно, нужно для того, чтобы излагаемое не было бы лишь самореферентной абстрактной картинкой, но имело бы конкретный смысл. С другой стороны, рассмотрение организованного человека не должно быть и чрезмерной конкретизацией до уровня «кейсов»; полагаю, многими трезвыми людьми уже достаточно прояснены недостатки кейс-обучения и исследования (равно как иными трезвыми – недостатки индуктивных рассуждений). Ведь если тип научности рассматривается в общности и в принципе, то и сам человек, дабы ожидания от него были общими, должен быть рассмотрен в общности и принципе законов и типовых механик своих проявлений. Это замечание видится значимым в связи с тем, что на момент написания этих строк нового «организованного человека» все еще нет в качестве социального феномена. Он есть лишь на уровне отдельных концепций и догадок, а потому и без «кейсов» проявления такого человека, и без требующих дальнейшего уточнения гипотез о нем, здесь все же никак не обойтись. Одной из общих предпосылок в сторону таких гипотез является разговор о целеполагающем и целедостигающем человеке, а значит (в рамках того, что было рассмотрено ранее) – о человеке проектном, но в то же время социально и природно комплементарном. Иначе говоря, дальнейшее изложение связано с вопросом о том, как возможен и каким может быть проектный человек, и с дискуссией, ожидаемой к расширению вокруг этой темы со стороны всех заинтересованных в ней людей доброй воли, готовых личным жизненным примером участвовать в реализации модели такого человека.

Особенность этой книги состоит в двух вещах. Прежде всего, в том, что значительная ее часть посвящена вопросам анатомии и физиологии такого аспекта формирования человека и, одновременно, деятельностной среды, как масс-медиа, часть наработок по которым, возникших у меня в период с 2000 по 2008 годы, представлена здесь. Во многом они носят дидактико-инструментальный характер, но именно они позволяют практически перейти к тому, что соответствует собственно вынесенной в заглавие теме проектной антропологии и рассмотрению ее аспектов в первых главах. Не обозначив, не осознав и не представив в отчужденном виде эти вещи, едва ли можно говорить о том, что составляет суть свободного действия. Ключевой и, на

первый взгляд, звучащий достаточно тривиально, тезис этой книги, к которому, однако, удалось прийти не сразу, состоит в том, что антропология человека современных развитых обществ, включая даже физиологические ее аспекты, в большей степени определяется медийной реальностью даже в том случае, если воздействие ее на отдельную личность минимизируется. Это воздействие, однако, имеет своим источником не просто отдельную отраслевую среду "культурных индустрий", а представляет собой эшелонированную систему управления обществом, начинающуюся с верхов государственного управления, включает факторы комплексного манипулятивного влияния на массовые проективные и "форсайтные" представления, влияя как на систему подготовки специалистов, так и на сферу спроса на них; кроме того, изучение американского опыта (отдельные, но далеко не исчерпывающие, примеры представлены здесь) свидетельствует о том, что современные медийные процессы также охватывают сферу военного строительства и тесно интегрированы с ней на институциональном уровне (тогда как в России подобное прослеживается только на уровне робких попыток). То есть сферу, затраты на которую с точки зрения прироста общественного блага традиционно являются финансовой дырой для любой страны. С учетом всего этого предмет медиа как фактор и феномен выходит даже за рамки собственно экономической реальности, имея, тем не менее, теснейшие связи с ней.

С другой стороны, эта работа продолжает тему ключевых типов или аспектов деятельности человека, идущую в сторону рассмотрения направлений этой деятельности, поскольку именно общая целесообразность и масштаб сознания определяет образ жизни человека, а значит, в существенной мере, и его физиологию. В предыдущей книге было упомянуто о фуллеровых категориях livingry и weaponry относительно специфической "пространственной" интерпретации номадичного и оседлого образов жизни как главных полюсов, определяющих базовую деятельностную и смысловую реальность современного человека.

Экономический проспект на ближайшее будущее, представленный здесь большей частью темой альтергосударственных денег, продолжает обозначенную в предыдущей книге тему того, что некоторые новые рынки (аренда, лизинг, ремонт и углубление разделения труда в аутсорсинге,

рассматриваемом как особый способ разделения труда вообще) представляют собой перспективу тех, рассмотренных в первой книге, сфер деятельности, в которых предстоит раскрыться творчеству и жизненным порядкам нового человека, сочетающего в себе триединство прогностической, проектной и дизайнерской способностей, как доминантной социальной страте, захватывающей элитные позиции, транслирующей свой стандарт жизни прочим социальным стратам в целях развития их до собственного уровня и подчиняющей ему прочие стандарты элитности. Контекстом этого сегодня оказывается антитезный этому форсайту реально протекающий во многих странах процесс разрушения среднего класса, опрокидывающий всю систему массового потребления и выстилающий дорогу к новым формам рабства, свидетельствующим о том, что массово распространяемые радостные и радужные ожидания постиндустриального мира относятся далеко не к большинству населению планеты Земля, а лишь отдельной ее элитной группе, структура которой оказывается все еще довольно размытой и неоднородной, но уже давно и вполне очевидно не многочисленной.

Эта антитеза представляет собой, пожалуй, главный цивилизационный выбор направлений дальнейшего существования человечества. А потому пересмотру должна подлежать сама категория элитности: это неизбежно, когда на смету абсолютной социальной исключительности приходит принцип творчества; в этом случае элитология не сможет быть оправданием намечающихся новых фашистских диктатур (если это вообще уместно для пост-модерна). Именно в отмеченных деятельностно-творческих сферах ожидаем оптимальный оборот неких новых (или хорошо забытых старых) финансовых средств персональной денежной эмиссии (как следствия почти что тщетного поиска перестающей работать многовековой финансовой модели), наиболее распространенных сегодня в форме "криптовалют" лишь в силу своего происхождения и наибольшего массового внимания к ней, и что именно на эти сферы будет ориентирован порядок массового формирования жизненных стандартов и смыслов в рассматриваемой далее системе индустрии "сверхновых медиа"[1]. Для B2B криптовалюты и частные деньги почти не используют, только для B2C в рамках онлайна. Но рынок

[1] Более широко эта тема раскрывается в разделе "Разные виды социальных проектов, а значит, и проектантов".

media есть фактор связи B2B с B2C, и как раз именно он способен продемонстрировать единство производства/поставки с потреблением/образом жизни. Положительный ответ на вопрос о том, следует ли из этого что-то продуктивное в смысле новых возможностей финансового сектора, будет представлять собой важную новацию внегосударственного управления общественными процессами. Но вместе с тем то, как будут выглядеть эти сферы и система распределения ресурсов в этом обществе, будет зависеть уже от этой, во многом внеположной им, сферы формирования смыслов. Одновременно здесь же оказывается нужным поставить радикальный вопрос о макромасштабной форме управления обществом таких людей и, в качестве еще одной гипотезы, рассмотреть известное понятие "республиканского государства" как содержащее внутреннее противоречие.

Однако, говоря о том, что есть необходимое, нельзя ограничиться одними лишь пожеланиями или констативами описания "должного" в смысле романтического поиска Атлантиды и прочих затерянных "светлых миров". Скорее, речь идет о медицинском решении: на иные стороны мира, перестающего работать исправно, оказывается возможным посмотреть с точки зрения задачи, связанной с поиском новых адаптивных возможностей и связей. И если то, что найдено многими, озабоченными проблемами мира и подвизавшимися действовать, будет оценено как логичное, разумное и годное к принятию на вооружение, то будет как раз верхом неразумности отказываться от находки, навешивая на нее ярлык иллюзорности или нереальности лишь на том основании, что-де известные законы общественного устройства гласят иное; эти законы работают или проявляют себя в том или ином режиме общественного состояния, и перестают работать, когда меняется сам режим; или, если угодно, модель мира, в рамках которого некоторые общие высказывания оказываются законами. Поэтому задача – не открыть, но спроектировать, общество будущего, взяв то, что еще осталось работоспособным. Должна ли при этом антропология проектного человека, говоря о "сверхновых медиа" и реализуемых в их рамках способах брендирования, также говорить о некоторой, постмодерновой, форме институционального мифотворчества? Будет ли вообще возможно мифотворчество в мире постмозаичной и

посткалейдоскопичной смены смыслов и мифов? Не будет ли такой мир одним сплошным мифотворчеством? Чуть став авангардными, эти вопросы уже стали привычными. В новом мире большим спрос будет на то, что способно не терять актуальность, став, едва родившись, сетевым "бояном". Ответ лежит в рассмотрении возможностей и последствий, которые несут мысленные эксперименты, следующие за принятием всего контекста гипотез.

Для этой книги я должен также обозначить пару предпосылок о культурно-смысловой природе человека, влияющей на его физиологическую природу (в каковом моменте, собственно, философская антропология отличается от медицинской, и в каковом же с ней стыкуется как деятельная "надстройка", способная влиять на "базис"), являющихся исходными, частично проясненными в двух предыдущих книгах и представляющих собой ценностный мотив моих дальнейших рассуждений:

- прежде всего, то, что человек суть не хорош и не плох, но выбирающ; вернее, он хорош или плох для кого-то или для самого себя лишь по результатам собственного выбора;
- а также то, что разговоры о некой "сущностной природе" человека принципиально недостаточны – будь то околоницшеанские разговоры про базовый "иерархический инстинкт", "стремление к доминированию", "волю к власти", "волю к мясу" и т.п., представляя эти инстинкт или волю как некие "хорошо забытые старые" истины, до которых-де наука об обществе не додумалась, ибо витает в своих метафизических эмпиреях, а витает-де потому, что большинство так называемых ученых-экспертов (равно как большинство людей) – идиоты и лжецы (в смысле Доктора Хауса и К^{o}). Именно такими подростковыми максимализмами страдает сегодня неоэкономическая элитология (существует ряд топорностей неоэкономики при построении целостной социальной науки, о чем следует говорить отдельно). Насчет массы тех, кто суть натурален и пребывает вне определенных познавательных практик, пожалуй, соглашусь (добавив к "идиотам" и "лжецам" еще пару – "трусы" и "убийцы"), но не соглашусь насчет общей массы тех, чьи основательные медитации посвящены общественным процессам: рискну утверждать, что стадные состояния исследователи не рассматривают не потому, что не замечают в них великой

социобиологической научной истины, но потому, что достаточно отчетливо понимают давнюю тему выбора бытия бабуином или небытия им в качестве самоочевидной, а также слишком и давно изжеванной предпосылки для того, чтобы акцентировать ее как что-то интересное.

Мне могут возразить, сказав, что двигателем истории оказывается не один какой-то человек, а целые группы – как, например, буржуазия, пролетариат или "средний класс". Действительно, это так, но на ком делать акцент? В этом смысле сделавшему ставку на пролетариат Марксу было проще: он опирался на то, что уже было видимо, тогда как в начале XXI века, в период глобальной неразберихи смешений и цивилизационного слома, образ человека ожидаемого или идеального (это вещи разные, но в какой степени наши прогнозы не есть планирование?) сегодня может быть нам дан только в виде отдельных маркеров или тенденций. Мы не знаем, какой человек получится в итоге, и будет ли вообще какой-либо особый "двигатель истории", но то, что способно повлиять на него в будущем, обозначается сегодня довольно четко.

О научном и деятельном началах человеческого существа

Еще немного насчет связи и различия проекта и науки

Вдогонку к тому, что было сказано ранее в рамках более широкого материала "Несколько слов о связи проектной и прогнозной деятельности"[2]. Наука определяет нам поле реализации личных возможностей, выступая своеобразным источником интеллектуального права (или права интеллекта) в большей степени, нежели закона (предписания) интеллекта. Последнее – взгляд одного интересного автора, изданного под псевдонимом С.Платонов, чьи идеи в свое время были оформлены в прекрасную и несколько странную (и на сей день, и на день ее издания) книгу "После коммунизма"[3]. Собственно же законом оказывается то самое "anything goes", что открывает нам проектное измерение науки: не конкретным предписанием любить что-то определенное или во что-то определенное верить, а из-обретение и во-площение, или "достижение возможного мира из данного", во благо и удивление себе подобным. А значит, эта поляна действий (определяемая, прежде всего, нами самими и теми, кто в меру собственных возможностей готов согласиться с нашими определениями) оказывается полем доверия к возможностям, действиям и последствиям работы с определенными степенями выбора и теми людьми, которые также декларируют доверие к деятельности с ними. А значит, под это проектное поле выбираются и определяются и те средства идентификации доверия, которые наиболее удобны для всех, в нем находящихся, как бы эти средства ни назывались и ни мыслились. Эти средства всегда будут условны, важнее – их значение и смысл, причем последний существует в своем классическом статусе долга лишь в меру приверженности воплощению реализуемой проектной возможности, и ею в таком качестве этот смысл определяется.

Присвоение производственных отношений, как об этом пишет С.Платонов в своей книге, говоря о способе ликвидации отчуждения, и есть не иначе, как присвоение способов и средств осуществления проектной деятельности вкупе с системой "сверхнового" медийного целеполагания ("сверхнового" в том смысле, что, строя картины мира и гипотезы идеалов, они уже не являются буквальным средством идеологии и пропаганды). А значит, производственных средств некоммерческого творческого экспериментирования, в ином отношении могущих выступать как коммерческие (например, станки), переходящих из категории частной собственности в категорию личной.

[2] В томе "Возможность управления...".
[3] М., изд. "Молодая гвардия", 1989 г.

Связь прогноза и проекта, прослеживаемая мною ранее, есть своего рода развитие и проекция старой проблемы знания и веры. И если, как показывает предлагаемая автором этих строк Invectiva vs dissertatio, прогноз есть наиболее важная и даже целевая функция знания, то проект оказывается ничем иным, как высшей формой веры, ее последовательно организованной формой, лишенной слепоты и снабженной плодом воображения, осененного разумом, как божественной творческой способности, где разум есть паритет рассудка и движения духа как первейшего виртуального организатора системы человеческих чувств.

Проблемы нашего понимания сути проектной работы в многом в том и состоят, что мы не только не мыслим проект как некое альтер-эго науки (тщетно желая найти в нем "научность"), но и в том, что не представляем его себе в измерении веры в воображенное и предложенное, но такое, что соединено с познанием, наукой и образованностью (не говоря про порядком позабытое слово "просвещение"). В этом же состоит причина недопонимания связи научного аспекта деятельности человека с технологическим: τέχνη – во многом и по сути искусство, где создание нового теснейше сопряжено со способностью воображения, обращающегося к знаниям за поддержкой, дабы невозможностями, декларируемыми рассудком, получить информацию о пределах возможного (собственно, эти пределы и есть информация). Невозможность природы (или человеческие "неспособности" – в случае "наук о человеке и обществе") существуют лишь постольку, поскольку определяются эмпирикой наблюдения (не всегда экспериментального, кстати) в сочетании с конкретными результатами рассудочной деятельности на сумме предпосылок о природной данности, но корректируются именно что воображением и проектом как допущением возможностей (расширением степеней свободы) и деятельностным воплощением этих возможностей в частично-системной или автономной формах существования. То есть проектная деятельность – та, где полезно via positiva. В этом смысле можно говорить об определенной целостности человеческой природы, и о том, что выполняющий некоторую рутину не создает новых возможностей и не работает в via positiva, однако имеет на это полное право.

В рамках проектной области как альтернаучной, помимо собственно единства и борьбы проекта с прогнозом (научностью, знанием) есть свой конфликт между воображением и деятельностью, осуществляемой, с одной стороны, по результатам воображения, с другой – в качестве поиска предметов воображения как творческого столкновения различного (так

сказать, "опыт подскажет"). И часто люди используют спонтанное либо инверсивное (обратное привычному) действие как метод поиска нетривиального решения – в мышлении, в художестве, в изобретательстве. Особенно хорошо это знают дети, пытаясь создать "нечто этакое", но не имея при этом метода (а когда они идут в государственную школу, им там дают не только метод, но и предмет создания как нечто исключительно правильное или наиболее ценное; тогда установленное они считают научно санкционированным, ибо их ведь этому "научили").

Проектный человек – прежде всего, свободный *к* следствию собственного воображения, ставшего целью планирования/проектирования, и *от* явным или неявным образом навязываемых ему внешних проектов, особенно метанарративных. Для существования проектного человека необходима соответствующая инфраструктура управления, из чего возникает вопрос о том, какова она должна быть и какие задачи должна решать, если ее необходимой частью оказывается компонента транспортная. Прежде всего, должна быть свободная система анализа информации, наложенная на архивы и базы данных, в серийном и массовом виде представляющая распределенное машинное средство.

Научение или здоровье – ключевой фактор трудовой основы экономической стоимости?

Вильям Истерли говорит о проблеме научения в рамках экономики знаний и неспособности последней решать стоящие перед миром проблемы. Помимо научения, однако, существует важный фактор здоровья того человеческого материала, что является исходным для экономического роста, и о котором часто забывается теми, кто призывает начать новую индустриализацию (кроме игнорирования или даже сознательного умалчивания ими того, чисто экономического, обстоятельства, что этот материал должен превратиться в бедную и дешевую рабочую силу). Дело в том, что масса рабочих рук индустриальных заводов первых пятилеток Советской Власти, равно как аналогичная масса в других странах, представляла собой привлекаемых городскими соблазнами либо гонимых естественно или искусственно созданной нуждой выходцев из сельской местности, природный ресурс организмов которых в среднем представлял куда больший потенциал здоровья, нежели средние медицинские показатели представителей трудоспособного возраста нынешнего, преимущественно городского уже в нескольких поколениях, населения (хотя и не столь многочисленного в этих

поколениях, как те же европейцы) – причем со стороны как женщин, так и мужчин. Это не говоря про относительную дешевизну жизни рабочих и пребывание массовой медицины в периоде долгосрочного роста. Сегодня же "трудоспособные категории", которые категория экономических умников предлагает (за исключением себя самих, разумеется) привлечь к станку[4] или, увы, к низкоквалифицированным работам, просто не оценены по массовым показателям своего физического здоровья и естественной природы относительно аналогичных показателей физического здоровья, требуемых для запуска индустриального процесса из аграрной фазы (о которой в нынешних условиях России начала XXI века также нет смысла вести речь); это помимо чистой численности населения, его плотности и распределенности по территории, которые уже и так обсуждаются в экспертных кругах (и то не во всех, но в НИЦ "Неокономика" это одна из ключевых тем). Похоже, этот вопрос о сравнительном жизненном ресурсе трудоспособных городских категорий макроэкономистами не ставился (ни вообще, ни всерьез) – видимо, по той простой причине, что среди них принято оперировать категориями прироста и убыли в более грубых различиях, безотносительно к тому, что связано с "диагностикой предрасположенностей", каковая и в позднесоветский период была отстроена слабо, а в послесоветский так и не была создана институционально. Между тем, совершенно открытым с экономической точки зрения остается, например, вопрос о возможностях и ограничениях трудоспособности людей с соединительнотканной дисплазией. Научное сообщество до сих пор не может окончательно решить вопрос насчет этиологии и статуса этого феномена, особенно что касается не резко патологических форм. Общим местом является лишь то, что это медико-антропологическая (сиречь анатомо-физиологическая) особенность, увеличивающаяся в своей массовости и, предположительно, связанная с пребыванием родителей имеющих ее лиц в местах радиационной опасности. Безотносительно к этому, не то связанному, не то не связанному с радиацией, феномену, на сегодняшний день в принципе нет никаких вменяемых статданных мониторинга здоровья происходящих из таких мест поколений хотя бы потому, что многие такие места нередко были засекречены, а происшествия аварийного характера на них – попросту

[4] Интересно, к какому – не к обрабатывающему ли центру? Если так, то сколько, где и, главное, зачем – только реально?

умалчиваемы. Хорошо известны Тоцкий и Семипалатинский ядерные полигоны, меньше – последствия их существования для жителей Оренбуржья; много ли известно об испытаниях в Ивановской области и последствиях случившейся в их рамках аварии для ее жителей? Много ли известно о чем-то подобном в других местах? Даже о демографических последствиях Чернобыльской аварии сведения скудны хотя бы потому, что эти последствия в XXI веке уже касаются жителей, по меньшей мере, трех суверенных государств. И все это – лишь в связи с радиационным фактором, без учета прочих эпифеноменов советской индустриализации и динамики показателей здоровья и трудоспособности жителей России в нескольких поколениях относительно собственно городских факторов риска (для которых также, судя по всему, в России нет референтных медико-статистических показателей). Иной уровень исследования здесь представляет вопрос о сравнении с аналогичными показателями в других странах, и он тем более актуален в период драматической встроенности России в мировую систему разделения труда[5]. Все это – подводка не к простому пессимистическому тезису о том, что "индустриализация невозможна, поскольку население немощно", но к тому, что вопрос о новой системе разделения производящего труда должен ставиться с учетом комплекса текущих условий, включая те, что ранее не замечались по причине того, что были либо самоочевидными, либо фоновыми; эти условия изменились (равно как изменились условия массового спроса и способы производственной деятельности), причем таким образом, что речь, похоже, сегодня придется вести об изменении как ментальной, так и физиологической, природы человека. И, более того, с поправкой на эти факторы придется ставить вопрос о творческом человеке-проектанте как автономном хозяйственном субъекте, соотнося его с тем, что говорил о творческой личности, к примеру, тот же Маркс.

***

Безотносительно к известным формам общественного устройства, предпочтительность зарплаты перед рентой и прибылью оказывается возможной (или становится возможной) в том случае, когда зарплата связана

[5] Когда этот, достаточно многогранный, вопрос о медицинском факторе трудовых ресурсов для индустриализации был в общих чертах задан читавшему в "Неокономике" лекцию по проблемам расселения проф. А.Е.Левинтову, он горячо поддержал актуальность этой темы.

с исключительными способностями, навыками, компетенциями или квалификацией того, кто этот труд осуществляет, и составляет исключительную же и неотчуждаемую первичность капитала, из которого рента и прибыль становятся производными.

На определенном этапе развития квалификаций, навыков, способностей у человека, если он сохраняет свою продуктивность и созидательность устремлений, возникает естественное желание передать эти квалификацию, навыки, способности другим людям как ценный капитал, ибо, как всякий капитал, эти трудовые возможности представляют собой доход, полученный в ходе жизни в виде сбереженного ценного опыта, включая открытия и наработки. И, по Смиту, этот опыт является источником всякой стоимости. То есть возникает желание учить, стать учителем. Помимо этого известно, что по достижении работником определенного уровня квалифицированности в обществе срабатывают тем или иным способом устроенные механизмы стимулирования к передаче им ценного опыта другим людям (иначе именуемые в некоторых кругах "социальные аттракторы").

Стоит сразу оговориться и ограничить предмет. Речь не идет о научении тем базовым вещам, которые знают и умеют все или должны знать и уметь все, и для корректного донесения которых до аудиторий с определенным уровнем сознания нужен специалист-педагог. Речь идет о научении как экономической категории передачи ценных знаний и навыков, часто дающих исключительные преимущества на рынке, и об учительстве как специфическом виде труда, который, с одной стороны, создает свою, особую стоимость, а с другой стороны, специфическим образом противопоставлен всем остальным видам труда. Здесь также речь не идет о ситуации нежелания экстра-специалиста или искусного мастера-ремесленника делиться знаниями и навыками секретов производства, поскольку вопрос об этом, несмотря на неоэкономический вектор, направленный в сторону углубления разделения труда и размывания компетенций в фирме и воспроизводимости процедур, все-таки оказывается не до конца решенным. Передача знаний сродни передаче жизни (если вообще не является разновидностью этого процесса), и всегда имеет экзистенциальный мотив, способный воплощаться в различных формах – в том числе в форме сохранения в формате hand made или отказа от такой передачи; так, в

медицине сегодня до сих пор ведутся давние споры о преимуществах ручного либо машинного осуществления целого ряда манипуляций различного уровня сложности[6], что, как бы кому ни показалось, имеет непосредственное отношение к рассматриваемому аспекту разделения труда, отчуждения знаний и рутинизации сложных процедур.

***

Знания, мнения, представления и навыки, с одной стороны, бывают практическими и общими (космологическими, метафизическими); с другой стороны, переданными другими людьми и приобретенными самостоятельно в рамках познавательных средств, способов, институтов и практик, общественно-экономическая форма которых выражена в институтах научной деятельности в одном случае, и в институтах передачи знания (образования и воспитания) в другом. Так вот, в рамках данной работы значимость будут иметь только те виды обучения, что связаны с созданием и повышением стоимости, причем именно стоимости труда, а также выстраиваемые вокруг так рассматриваемого обучения общественные отношения.

Ни Маркс, ни Смит не выделяли специфической роли научения и учительства в трудовом формировании стоимости. Это понятно: в своих рассуждениях о происхождении стоимости они исходили из примеров низко квалифицированного труда, переходя к более квалифицированным его видам, и в рамках этих переходов обучение было лишь одним из базовых общественных благ и необходимых видов труда, наряду с прочими; к тому же передача элементарных трудовых навыков неквалифицированному, но вменяемому и здоровому, работнику, представляется делом тривиальным. Помимо этого, ключевым аспектом квалификации для них как для политэкономов, то есть макроэкономически мыслящих ученых, было наибольшее разделение труда в обществе, нежели уровень квалификации отдельного работника, меняющийся в течении его жизни. Что, в свою очередь, также объясняется спецификой современных им капиталистических

[6] Не нагружая особо читателя подробностями, скажу лишь, что это касается фрезерного хирургического оборудования, а также инструментов для пластической хирургии. Советские хирургические школы были преимущественно сторонниками ручных манипуляций, но не по причине своей ретроградности, а в силу деонтологической установки на качество лечения, обеспечиваемое тем, что "ответственная голова врача управляет ответственными руками, работающими с конкретным случаем". Правда сторонников "механизированной хирургии", представленной американскими школами, состоит в установке на скорейшее исцеление, а также в макроэкономическом спросе на скорейшее возвращение трудоспособности.

обществ. Качество обучения в рамках их взглядов признавалось фактором влияния на производительность труда и стоимость, но они не рассматривали учительство и научение как самостоятельную экономическую категорию, хотя тот же Смит и говорил в начале своего «Исследования…», что наибольшая квалификация отдельного работника обеспечивает ему большую производительность с меньшими затратами[7]. Кроме того, преимущественным, если не исключительным, аспектом выгоды обучения трудовым навыкам было обретение таковых будущим работником с целью обеспечения себя заработком, а общества (в том числе эксплуататора и потребителя) – результатами своего труда. Однако, как помню, вопрос о выгодоприобретении учителя от передачи им кому-то знаний (во всяком случае, для случаев передачи навыков профессии между людьми, не связанными семейными отношениями) ни Смитом, ни Марксом даже не рассматривался.

Также Марксом, как одним из прямых теоретических продолжателей политэкономии Смита, скорее рассматривалось сознание в его отношении к общественному бытию, нежели расширение сознания посредством учительской коммуникации. Но Маркс, опять же, понимал и прямо указывал, что неимущий, но все более квалифицированный и сознательный, пролетариат способен стать главным двигателем истории.

С другой стороны, учительство, обучение и научение, как модусы единой экономической категории учения, взятой в аспекте трудовой теории стоимости, не рассматривались и сторонниками «экономикс», не признающими эту теорию, рассматривающими экономические процессы от микроуровня к макроуровню, не ставящими вопрос о конце капитализма и рассматривающими человеческую изобретательность как следствие потребности решать проблемы рыночной конкуренции в большей степени, нежели как следствие потребности решать все проблемы вообще с помощью процессов обучения и передачи знаний.

Между тем, обучение, взятое в отмеченном выше, макроэкономическом, смысле, обладает специфическими особенностями. Рассмотрим его еще раз.

[7] Что много позже на метафизическом, общесистемном, уровне Фуллер назовет эфемеризацией.

Как было сказано, оно являет собой определенный вид труда, нередко требуемый к смене или дополнению конкретной трудовой деятельности работника, достигающего определенного уровня квалификации, посредством действующих в отношении него социального давления, поощрительных механизмов или его личностных мотиваций и сознательных решений. При этом, вне зависимости от этих механизмов, владеющий квалификацией и опытом человек может выбирать, передавать их другим или нет – в частности, в случаях, если достаточно ответственный человек осознает, что обучение им других людей может быть связано с выходом из под контроля вещей, несущих значительную общественную опасность.

Другой особенностью передачи ценного опыта является то, что учительство есть труд общения и, в этом смысле, есть труд, связанный с формированием общественных отношений, специфическая форма их коррекции, если не сказать, что она есть сущностная форма, в рамках которых общественные отношения появляются: люди вступают в общественные отношения в меру знаний об обществе, нормах допустимого и недопустимого, обученности и представлений о возможностях собственной деятельности. Эти представления основываются на желаниях, мнениях, знаниях, которые в значительной доле своей представляют собой опыт, знания, мнения и желания, переданные другими людьми. Странно, но научение и учительство, возможно, в силу его умопостигаемой очевидности, очевидно признается, но не рассматривается в литературе по макроэкономике в качестве краеугольного аспекта экономической кибернетики.

В рассмотренном значении учительство есть категория специфических процессов обмена информацией в обществе, что объединяет в себе нравственную, хозяйственную, производственную и семантическую (культурную) составляющие, что, с учетом всего выше сказанного, делает ее замковым камнем этики, первоначально скреплявшим собой экономику, но впоследствии выкинутым из нее по известным причинам. Уровень развитости институтов научения определяет собой уровень сознательности граждан общества, причем здесь же обозначается проблема экономики знаний и отсутствие экономического представления о широкой способности понимания; неторгуемые блага видятся единственным окном современной экономической науки в сторону такого представления.

О стандарте денежного обращения и "научном" ПТМ

Различие естественного и искусственного типов предметно-технологического множества (ПТМ)[8] необходимо для поиска высокоэффективных и малозатратных альтернатив технологического развития. Поскольку деньги являются подмножеством ПТМ и, одновременно, компонентом управления им, разговор об альтернативных их вариантах и всем том, что касается денежных суррогатов и уточнения гипотез их происхождения, служит той же цели. Замещение естественного ПТМ искусственным и наоборот в случае денег понятно по условиям. Но как говорить о "несуррогатных" деньгах: как об "искусственных" или как системно-научно создаваемых (аналогично музейным кунстколлекциям)? Какая такая системная научность имеется в монопольном складе князя-грабителя? Скорее всего, это понятие о не-естественном и "научном" должно применяться не столько к самим денежным знакам, сколько к той модели-коллекции предметного мира, к которой они привязаны в рамках данной ойкумены (ибо принцип правильного употребления знаков требует иметь в виду значение, а не сам знак). Именно эта коллекционная типологизация, на которую обращены деньги (будь они государственными, суррогатными или какими еще) и определяет образцы и стандарты денежного обращения. В свою очередь, стандарт, или норма, денежного обращения может быть определен как общезначимый порядок распределения денежной массы относительно имеющейся товарной массы (включая услуги) в наборе ее категорий по степени взаимной семантической значимости (весов) последней; включая сюда, разумеется, управление скоростью денежного обращения. Тем самым понятие такого стандарта получает культурологическую интерпретацию, обнаруживая способ связывания рыночной системы вещей с жизненным миром человека. Разумеется, золото и драгметаллы при таком определении оказываются весьма частным случаем в системе таких значимостей – вполне по Адаму Смиту, но само понятие о таком стандарте не только не уходит в прошлое (в отличие от понятия денежного материала), но получает гораздо более объемное и актуальное звучание. Здесь же оказывается возможным мыслить такое, ассоциативно-сетевое, понятие о денежном стандарте кибернетически, и вести речь в сторону машинного и человеко-машинного управления категориями и потоками товарной массы, то есть, в конечном

[8] Данное в книге "Возможность управления...".

итоге, овладеть управлением той ситуацией, на которую в свое время указывал О.Григорьев как на одну из ключевых причин обрушения советской экономики: невозможности дальнейшей конкуренции числа товарной номенклатуры, контролируемой госплановской методикой межотраслевых балансов, с превосходящим на порядки числом этой номенклатуры, идущей от международной системы разделения труда с доминирующим центром денежной и технологической эмиссии в США.

Это, в свою очередь, означает необходимость переопределения категорий коллекции (которая всегда есть коллекция образцов), каталога (как разновидности коллекции), форматов работы сообществ по переопределению и кастомизации контента последних, а также роли и порядка работы систем массовых и маркетинговых коммуникаций для работы таких сообществ, в общем случае – культурных индустрий "порождения смыслов". Иначе говоря, это значит изменение структуры социальных процессов относительно нового порядка управления сложностью.

Здесь важным оказывается то, что наличие коллекционного образца и потенциальная задача его мультипликации (будь то замысловатые часы или медальон, формы которого берутся за прототип монеты) формирует запрос на поиск ресурсов для его воспроизводства. И в этом смысле технологическая эмиссия, действительно, зависит от спроса на конечный продукт и торгово-логистический фактор, нежели от обеспеченности этими ресурсами страны-производителя.

И еще один важный терминологический момент: эмиссия технологии, или создание так называемого know how, привязана к происходящему в режиме аврально-опытной деятельности (АОД) формированию коллекции (во всяком случае, на первых этапах), тогда как производство и воспроизводство – к регулярной процедуре выпуска потребной серии, даже если эта серия одноэлементная и высоко персонализированная. То есть коллекция, вернее анализ происхождения ее образцов в широком смысле (включая анализ альтернативных способов их происхождения), является условием перехода от аврально-эмпирической деятельности к регулярной.

Все это имеет непосредственное отношение к стадиальному развитию ПТМ и к управляемой смене точек стадиального развития (не хочется говорить "роста"), существенной частью которой оказываются деньги, придающие динамизм конкретному ПТМ.

Здесь может возникнуть закономерный вопрос о том, на какой глубине разделения труда оказывается доступным обществу такой машинный контроль товарно-денежного графа экономической системы. Этот вопрос, однако, не может считаться острым, поскольку, стоит напомнить, в современном мире, даже несмотря на все реальные и ожидаемые ужасы дефляционной депрессии, вопрос производства чего-либо в глобальной системы разделения труда (СРТ), включая производство электронной инфраструктуры для кибернетических систем, не является проблемой (в отличие от платежеспособного спроса на конечные изделия), не говоря про относительную дешевизну требуемых здесь технологических решений.

Три антропологических типа (2 веберовских плюс 1 "трансцендентальный" мой[9]) могут быть рассмотрены не только социально, но и онтогенетически, то есть как стадии личностного развития одного человека. Тем самым обнаруживает себя возможность разговора о русском протестанте "чеховского типа" и соответствующем ускорении процессов на социальном уровне, включая преодоление гомеостатической инерции существующих СРТ и переформирование новых СРТ под новые "коллекциогенные" ПТМ.

На взаимной реконфигурации двух последних с позиции роли денег следует остановиться особо. Поскольку первое, о чем здесь следует сказать – о роли эмиссии последних в смысле Дж. Лоу, ведущей к усилению инновационных и торговых флуктуаций и, одновременно, к росту инфляции. Дело в том, что эксперимент Лоу происходил безотносительно к целесообразному формированию некоторой искусственной СРТ, тем более – в привязке СРТ к экономически понимаемой коллекции образцов ПТМ, и уж точно – безотносительно к некоторой VSM[10], в которую эта СРТ как деятельность по воспроизводству ПТМ могла бы быть встроена. Да, все эти компоненты были, но они не были таким образом осознаны и связаны. Потому ведшийся в одном лишь денежном направлении эксперимент провалился, ибо не

[9] Отчасти близкий чикагской школе символического интеракционизма Дж. Мида.
[10] Viable System Model – термин С.Бира.

учитывал прочих, связанных с ним, органических факторов. Кунстколлекции тогда были большей частью государевыми, а не массовыми, а регулярный подход к формированию СРТ искусственным способом был на самой начальной – мануфактурной – стадии своего существования.

О ценности «неудачных» вариантов бизнеса и науки

В большинстве случаев то, что мы называем морем неудачных стартапов и погибших фирм есть ничто иное, как неудачные поисковые варианты социального и технологического взаимодействия. Это важная новость для преодоления страха перед открытием собственного дела и, одновременно, выстраивания процедуры регулярной работы планомерно, а не стихийно, учитывающей переход аврально-опытного режима работы фирмы в процедурно-рутинную стадию, то есть планомерное отношение к точке «Y», о чем у меня было писано ранее насчет связи проектного и прогнозного видов деятельности. Одновременно такое понимание «неудачных стартапов» очевидно означает необходимость обратного перехода от режима рутины в режим поиска, то есть переход в инжинирингово-девелоперский, или собственно «проектировочный», режим (в папанековском смысле, но и в григорьевском также). Это значит, что «промежуточные формы» поиска технологических решений и социального взаимодействия также представляют собой кунст-коллекционную или музейную ценность, а значит, часть их серийной продуцированности (и, во всяком случае, информация о них) должны быть сохранены от того, чтобы быть переработанными в качестве вторичного ресурса. Это имеет ключевую историческую ценность (что очевидно), причем не только в историческом, но и в клиническом, стандартах научности. Такие неудачные «опыты» и «поиски №…» могут быть уродливыми музейными экспонатами в огромных колбах, подобно генетическим мутантам из фильма «Чужой-4», но именно они не только показывают, в чем была ошибка и в каком направлении работая, можно получить корректное, но и то, что именно этим принципом "проб и ошибок", или последовательно оговариваемого по условиям "экспериментирования", достигается успешное состояние. Исключение промежуточных фаз делает успешное чудесным, что как таковое воспринимается массой подвизавшихся, однако пагубно для трезвого научения природе вещей и часто, в силу все той же, и довольно быстрой,

утилизации «неудачного», исключает аргументативную базу для понимания альтернативных возможностей и «свободных радикалов смыслополагания», открываемых в процессе поиска и могущих быть востребованными в условиях необходимого обращения к «режиму поиска», или к АОД. В этом смысле интересно соображение одного методолога науки (не припомню сейчас, кого именно), говорившего, что постпозитивистский отказ от некоторой теории в пользу другой еще не означает полную неправоту первой, но лишь неактуальность ее de re, и она еще может вернуться в случае, когда новая теория потребует смены концепции (или же, интерпретируя в постмодернистских понятиях, рецентрации на те парадигмально-универсальные основания, от которых был осуществлен отход в новой теории). Весьма верно подмечено: концептуальная целостность – более хитрое понятие, чем может показаться на первый взгляд, и ее формирование может быть описано в диалоговой модели.

Однако и неудачные примеры должны быть собираемы не абы как: основу здесь составляет не только поиск пути к лучшему решению (например, к оптимальной конструкции какого-нибудь изделия), но и некоторые возможности, свидетельствующие о хотя бы частичной реализуемости некоторой парадигмы; в противном случае имеет место нечто вроде патологического накопительства отжившего свое вещей – «синдрома Плюшкина», или даже сам этот синдром, но никак не научное коллекционирование, отличное от него, хотя и не лишенное аффектов и азарта (как, пожалуй, всякое коллекционирование).

Также интересно и уродливое, бывшее изначально непосредственным объектом петровского кунст-коллекционирования, поскольку оно есть удивительное-как-возможное в чистом виде, еще не достроенное до вписанности в логику «возможных миров», желательных и нежелательных «фаз» мироустройства и внутримирного сущего. Вопрос о происхождении («как так получилось?»), а значит, о способе, причинах и целях происхождения, непосредственно последует удивлению и раздражению от обнаруженного выбивающимся их ряда повседневности, и уже предполагает перспективу обогащения повседневности ответом на него. Изучение примеров неудачных фирм и стартапов как таких уродцев, особенно тех из них, что стоят на этапах возникновения некой устойчивой формы

деятельности, обогащает знанием возможностей, раскрываемых при определенных условиях; трудность возникает при оценке самих этих условий.

Между тем, есть вещи, проходящие неким инвариантом сквозь всю историю поиска оптимальных решений. Если брать обрабатывающее машиностроение – в частности, производство металлорежущей техники и принципов ее работы, то здесь на протяжении уже не одного столетия действуют принципы поверки (как категории образца или стандарта точности), допуска (как категории точности сочетания деталей, включая идущую от дотокарного периода технологию притирки крупногабаритной «цветнины») и обработки базовых форм. Последняя в существенных аспектах трудно машинизируема: так, если для шлифования имеются особые станки, то машинизация процесса шабрения представляет все еще по большей части ручной процесс на момент существования многокоординатных ЧПУ-решений. Эти же основания обработки материалов являются отправными точками вопрошания о неизвестных нам технологиях древности, будучи вполне уместно экстраполируемы на изумительную точность обработки известных каменных мегалитов, с последующими из этого гипотезами. Последние же рождают мысль о том, что хотя бы некоторое из представляющегося неказистым и неуместным есть лишь исполненное в другой логике, примененной для отличных от нашей повседневности случаев.

***

Еще немного о проекте и прогнозе в пирсовом смысле. Проект прагматичен в рамках не обязательной его истинности (как в смысле актуальной наличности, так и логичности с точки зрения той логики, с позиций которой его оценивают). Если, следуя прагматизму же, признавать трансцендентность неизменно сущей истины над познанием, то сразу же выходим на модализированный разговор о проектной деятельности, а значит, о неизменной присущности прогноза, как вершины любого аналитического мастерства, работе по созданию проектов, в которой он, равно как это самое мастерство, только и способен обрести свой смысл.

Обратно, отсутствие либо редукция в обществе проектной деятельности могут быть расценены как неспособность к сочетанию прогнозирования с творчеством в разных его ипостасях (хотя бы в трех – григорьевском, кестлеровском и кантовском), что ведет к еще одному, модальному, определению творческой способности, как способности к сочетанию желаемого с ожидаемым в алгедонических значениях, где ни одно не довлеет над другим.

В свою очередь, содержание понятия трансцендентной истины есть ничто иное, как признание рекурсивности мироустройства в том виде, как оно было представлено в книге "Возможность управления. Понимание человеческой способности". И этот вопрос о рекурсии еще должен быть проинтерпретирован в пирсовых категориях «прояснения знаний» и «улучшения верования», а также – в патнемовских категориях примирения прагмати(ЦИ)змом антискептицизма с фаллибилизмом, как, в конечном итоге, примирения, условно говоря, «консервативного» и «либерального» движений мысли.

Здесь же, для понимания условий возникновения проектной деятельности и «точки» ее начала, следует обратиться к расширительному толкованию абдуктивных рассуждений и всей той методологии, что связана с названной мной некогда деятельностью по выявлению и заполнению информационных лакун (известная также в научной методологии как деятельность по выдвижению и проверке гипотез) – как в ее содержательно-логическом, так и в машинно-прикладном, аспектах. Здесь же оказывается необходимым проделать работу по ассоциации абдуктивного мышления Пирса со всей суммой аспектов «логики смысла», включая оценочные значения, деонтические модальности, речевые акты, а также предложенную мной концепцию диалоговых моделей и «поливерсальных модельных структур». Все это должно прояснить способы определения проектов как выстраивание мозаики дополнительных возможностей. В этой модели куда более важным, чем допущение "диалектических противоречий", оказывается логика состояний, в том числе тех макросоциальных, на обеспечение которых работают технологии livingry и weaponry. Коммуникации меняют состояние, но почему главным глобальным драйвером должны быть коммуникации торгово-финансовые, причем в известном виде? Почему именно эта

коммуникативная технология должна быть главным негэнтропийным фактором человеческого развития?

Когда в начале XXI века говорят об экономическом кризисе, ведут речь о том, что не работает некая известная (кстати, так ли уж многим известная?) экономическая модель. Но модель – это редуцированное средство описания фазы, или состояния, человеческого общества. Почему следует вести речь о несменяемости фазы на том лишь основании, что она имеет полутысячелетнюю историю и отчасти наблюдалась ранее? Что бы к ней ни привело и сколь бы случайной она ни оказалась, само понятие состояния аналитически предполагает возможность альтернативы, а потому если и может являться сущностью общества, то лишь в рамках набора своих описаний. Поменять модель общественного аспекта – одно, поменять принцип гомеостатической целостности общества – совсем другое.

Диссоциативное поведение в проектах и образе жизни как реализация принципа частичности

"Скажи, Фрай: смертельно ли для тебя потрошение?"
Доктор Зойдберг, Футурама

Здесь речь идет о "темных" и "обратных" сторонах проектной деятельности, примененной к общественным процессам, пониманию которых нередко онтологически предпосылается представление об ассоциации людей как об абсолютной ценности и смысле их существования, безотносительно к адаптивным возможностям самого общества и сознательному управлению его динамикой. Иначе говоря, это попытка дать набросок связи концепций нетворкинга, номадизма и типологии социального проектирования, определив задачи для "сверхновых медиа", которые еще только должны возникнуть на неком основании, общем для всех этих вещей.

Частичную управляемость боятся и относятся к ней с подозрением, как боятся и с подозрением относятся к шизофрении. Эта глава направлена на то, чтобы развеять такое отношение, показав продуктивную возможность частичности в связи со спецификой самого общественного организма – прежде всего, способность здоровых форм такого состояния быть источником блага в отличие от девиаций капиталистических отношений, ведущих к шизофреническому мировосприятию отдельных людей. Что тем более важно в складывающемся посткапиталистическом мире.

Организованная диссоциация деятельности и номадизм

Для сверхновых медиа перспективной видится задача специфической работы с брендами. Если раньше бренд был ориентирован на личность потребляющего и живущего особой жизнью индивида, выбирающего образ жизни и связанные с ним вещественные и статусные атрибуты, то в новой реальности возможность выбора как условие личной свободы наверняка будет связана с деятельностными социальными группами разного масштаба, причем с ценностным акцентом не столько на право ассоциации с ними, сколько на право диссоциации. Причем именно право диссоциации не есть пресловутая вынужденная атомизация, каковой подвергается личность в капиталистическом мегаполисе. Напротив, в своей правовой форме именно возможность не только межличностного объединения, но и разъединения как часть коммуникативной культуры есть признак функционирования

здорового "сообщества граждан" ("society of sitizens"), отличающегося от коннотативно отяжелевшего "гражданского общества" ("civil society") как совокупности среднеклассовых потребителей – объектов изучения социологии на предмет электоральных и потребительских предпочтений, компонент "S" в наборе STEP. Будучи подлинным условием приватности и права рационального выбора круга общения, акт диссоциации личности не тождественен акту ее отчуждения и носит прямо противоположную направленность. Обеспечивающая самое приватность диссоциациативность также не тождественна пресловутому индивидуализму, жестко возводимому в мейнстриме философско-антропологического нарратива с этикой невротично саморефлексирующего и постоянно демаркирующего себя от нечистой натуральности мира протестанта.

Действительно, сегодняшняя задача деятельности людей, уж коли речь идет о дефиците спроса в условиях принципиальной возможности любого производства (производства чего угодно, ограниченного лишь доминирующими в обществе научными парадигмами), состоит скорее не в том, как подружиться и как что-то вместе построить, но в том, как легко и непринужденно разойтись-разбежаться (разумеется, с потенциальной возможностью новой встречи) в случае очевидно возможной неудачи (тем более вероятной, чем более емкими оказываются искушенность спроса и рынок), дисконтируя "транзакционные издержки"; и как деконструировать нечто построенное с целью реконструировать на новом месте или в новом качестве (провозглашенная постмодернистами идея деконструкции должна стать оперативным понятием, а таковым она может стать только в рамках урбосоциальных идей мобильной архитектуры и диссоциативного аспекта проектной деятельности). А это значит более внимательный и широкий взгляд на нетворкинговые процессы социального взаимодействия, выходящие за рамки кондовой интерпретации социальных сетей в терминологии социально-софтового френдования (с выстраиванием на нем рекламно-микроплатежных "прибамбасов"). Эти модели, сравнительно трудно постигаемые сегодня для российского человека, неким образом работают в среде низовой инноватики и стартапов США на коворкинговых площадках и прочих пространствах "третьих мест"; впрочем, последние как раз получают осмысленность в системе именно такой работы. С другой

стороны, "*диссоциативный подход*" к деловым коммуникациям и предметно-технологическому множеству означает акцент на потенциале дизайна мобильной инфраструктуры (включая архитектурную). Для первого случая подойдут схемы ротации экспертов С.Бира, организационно-деятельностные игры Г.П.Щедровицкого, методологии вычисления структур и плотностей социальных групп в обитаемых пространствах; для второго – идеи "реалистичного дизайна" В.Папанека, dwelling machines Б.Фуллера и всех тех вещей, что связаны с кинематическим художественно-технологическими концепциями (включая, пожалуй, даже ландшафтные), и направлениями manufactured/tiny housing. Для обоих случаев оказывается важным принцип игры-конструктора: и социум, и среда создаются из более-менее типовых элементов (или не типовых, выступающих в качестве среды формирования первых), представляющих собой средство проведения экспериментов, для которых как раз потребны диссоциации создаваемых структур и эргонов без утраты (во всяком случае, существенной) образующих их материалов и компонентов. На сегодняшний день, однако, утилизация не то что крупного, но даже локального сооружения или средового ландшафта (пресловутого моногорода или того памятника технологии, вокруг которого он создан) представляет собой фантастически сложную задачу, и сей факт столь очевиден многим, разбирающимся в этой теме, что приводить здесь какие-то примеры нет смысла. Равно как сравнимую по сложности задачу сегодня представляет собой во многих случаях "выход из игры", причем для самых разных социальных категорий.

А потому продуктивным видится усмотрение бренда (как образа жизни, формируемого сверхновыми медиа) в связи с таким фундаментальным, и нынче весьма многогранным, понятием, как номадизм. Однако этот номадизм, становящийся предметом брендирования в том или ином цивилизирующем проекте, вряд ли ограничится рамками известных взглядов: последние, скорее, станут отправной точкой и предварительным каркасом "экспериментов позиционирования", но конечной целью будет освоение способности формирования, расформирования и переформирования пространств в смысле Лейбница: образованных более-менее разнесенными друг от друга вещами и людьми. Такое, рационально-экспериментальное, освоение пространств и сред, в корне отличается от

естественного существования исторически известных номадов (хотя уже для них возможно констатировать весьма любопытные технологии), замкнутых в границах собственной повседневности и потребностей. Новая деятельность, будь она ведома большими группами или отдельными людьми, претендует на движение в направлении дизайна планетарного масштаба и, безусловно, требует особого внимания к своим возможностям и ограничениям. Здесь номадизм понимается как делокализация в логическом пространстве социальных сетей, нежели в физико-географическом пространстве: такие номады вполне могут присутствовать в одном и том же ландшафтном или городском локусе, однако менять свою "логистику повседневности" в зависимости от изменившихся условий деятельности или социальных контактов. Основанием же для такого номадизма в локусе оказываются системные задачи особого контура разделения труда, формирующего такой тип номадической личности.

На первый взгляд, диссоциативный подход отрицает концепцию бренда, поскольку в своих изначальных интуициях и определениях последний как раз направлен на формирование сообществ, представляющих собой потребительские ассоциации, пребывающие в более-менее широких, и даже пересекающихся между собой, нишах. Действительно, это так, но, опять же, диссоциация, если и направлена в известном смысле на воспевание возврата к природе, то уж, во всяком случае, не в руссоистской трактовке: выход из ассоциаций и воспроизводимых в них нарративов (включая мифологические) направлен как раз на возможность экспериментировать со строительством той реальности потребления и повседневности, что соответствует принципу здоровой адаптивности. То есть диссоциация означает возможность экстернального преодоления конкретных "торгуемых образов жизни" в сторону права (прежде всего, морального) на сам факт жизни в достойном качестве. В этом смысле диссоциация как раз направлена именно на развитие идеи бренда в "мобильном аспекте", подчиняя ее чему-то большему.

По сути, диссоциативный подход есть преодоление своего рода социально-группового атомизма, связанного, прежде всего, с понятиями ядра сообщества и лидера мнений. На сегодняшний день познавательная ценность общего понятия неделимости в атомизме видится не в том, что

нечто "атомарное" в принципе невозможно разделить (можно даже сказать, что делимость сегодня – парадигмальный мейнстрим, и рассматривается многими в качестве ключевого вселенского принципа), но в том, что устойчивость структурных особенностей неких дискретных вещей, подобных друг другу в этой структурности (или "не совсем" дискретных – например, образующих узлы линейных структур), обуславливает, во множестве близкого пространственного соприсутствия между собой, устойчивые виды взаимодействия и комбинаций, несущие ценные материальные свойства; возникший чуть раньше Аристотеля атомизм, в свою очередь, есть ничто иное, как первая в известной истории попытка дать сущностное определение связи формальных и материальных факторов причинности, наблюдаемой в интуиции и в опыте – то есть тому, что нынче понимается под информацией. И, подобно тому, как атомам атомистов всегда сопутствует "пустота" (в свое время так пугавшая Паскаля) и небытие (кого только не пугавшее), а информации – "хаос" (который всяко есть "хаос многочисленных возможностей"), в проекции общественных процессов всему этому соответствует распад социальных связей, открывающий именно что поле возможностей. Общественные науки привыкли понимать такой распад в лучшем случае как закономерную неизбежность, но не как операцию организованного управления (прежде всего, в смысле амортизированности такого процесса), служащую для деинициализации социального взаимодействия и высвобождения человеческих сил и времени, а также прочих природных и социальных ресурсов (подобно тому, как в компьютерной сфере существует категория "оператор деструкции"). О том, что такое понятие в этих науках и в сфере общественного управления отсутствует, свидетельствует столь замечательный феномен, как безработица. Мы не способны сегодня эффективно и безболезненно управлять разборкой как более, так и менее крупных общественных альянсов – подобно тому, как неспособны разобрать иные старые здания иначе, кроме как разрушив их; в частности, это означает принципиальную неспособность грамотно преодолевать инерцию сложившихся систем разделения труда и созданной для них инфраструктуры ради экспериментов с разного рода инноватикой (технологической, финансовой, социальной или какой еще) – особенно в условиях, когда на требования эффективности и безболезненности накладывается требование высокой оперативности.

Интернационал и диссоциативный подход

Возможность и принятие социальной диссоциации есть условие свободы – высшей человеческой ценности и, пожалуй, самого каверзного его проклятия. Однако нельзя сказать, что такое понимание абсолютно ново: одним из наиболее важных макросоциальных прозрений недавнего прошлого стала возникшая в эпоху "угля и пара" и "рабочего движения" идея Интернационала – идея взаимодействия между собой социальных групп – наций, имеющих свои собственные внутренние рынки – изначально самозамкнутых, самодостаточных и не нуждающихся в ином взаимодействии с внешним миром, кроме агрессивной экспансии, способных, однако, открыться друг другу через особых своих представителей – сознательных и грамотных тружеников-пролетариев, которым "нечего терять, кроме своих цепей" – своеобычных в своих национальных особенностях, но подобных в своем положении и характере деятельности. Однако, во-первых, диссоциированность здесь была дана как исходная данность человечества, но не как задача (как ее вообще было бы возможно тогда поставить?); во-вторых, она была дана, еще раз, для национального, или макросоциального, или странового, уровня; в-третьих, движущей силой интернационального движения объявлялся искушенный в профессии, но бесправный, класс, локализованный относительно своих рабочих мест в городских по преимуществу ойкуменах, слабо мобильный и ограниченный в выборе собственных структур повседневности; в-четвертых, представление о рассматриваемом состоянии стран и народов, в соответствии с марксовым учением о закономерности формационного развития общества, переносилось на весь мир, включая вненациональные регионы и группы; в-пятых, сразу было запущено обсуждение гипотетических условий преодоления диссоциированности наций, включая как "благорастворительные идеи", так и радикальные эксперименты вроде "русской революции" – столь смелые, что после "нулевых" годов в массовом русском сознании все еще устойчиво сидит весьма распространенный в образованных кругах перестроечной эпохи лозунг "довольно с нас социальных экспериментов!" (иные люди, только родившиеся в эту эпоху или после нее, вряд ли о нем знают, а я отлично помню, как он был на слуху). Идея Интернационала была концепцией глобальной ассоциации человечества, без особой проработки диссоциативного фактора и

комплексного продумывания экспериментальных условий ее реализации. Ничего не поделаешь, ход Истории был именно таковым, каким мы его знаем, развитие исторических событий (прежде всего, кризисных периода 1930-х годов) было поставлено экспериментаторам, опять же, в наборе случайностей, то есть "на-гора" и "как есть", а знали и понимали эти экспериментаторы только то, чем располагали; соответствующими были просчитываемость не то, что последствий условий эксперимента, но и этапов процедуры его проведения. Весьма важным моментом концепции Интернационала, однако, было именно то, что она работала на преодоление существования стран и отдельных людей в режиме "организованного человека" в сторону некоего более совершенного состояния, и требовало новой антропологической концепции личности, преодолевающей данность на всех уровнях бытия. В своих предыдущей книге "Частично управляемое..." я назвал человека такого типа "трансцендентальным" (или же, в силу особых гипотез насчет древнейшей истории Европы, "гельветическим"), выходящим за рамки веберовских состояний "естественности" и "организованности" (при том, что второе есть следствие реакции на первое), преодолевающим собственную самозамкнутость протестантичности (и русской чопорной "интеллигентности"). Только в случае Интернационала такая "трансцендентальность" была предложена не для отдельных личностей, а для классово и массово сознательных стран и наций; "отдельных личностей" стали создавать потом, в эпоху распространения социалистических моделей общественного устройства. Разумеется, советский проект создания "нового человека" не ориентировался на веберовские концепции[11] как приемлемые в определенных условиях, а потому и не мог целостно помыслить все эти антропологические фазы в динамике; не могли сформировать такое мышление и антропологические концепции "супермена" в социалистических системах фашистского толка.

Важно и то, что "открытие другим таким же" на практике вполне закономерно оказалось спутанным с открытием всему внешнему миру, а потому в какой-то момент становящиеся достаточно влиятельными в остальном мире общества с довольно древними имперскими историями, еще даже не прошедшие этап формирования наций (то есть не получившие в

[11] См. гл. "О протестантской сверхорганизованности" в книге "Возможность управления...".

своей истории столь случайной и аномальной по сути, как свидетельствует прояснение этого вопроса, флуктуации в сторону капиталистического развития), и представляющие эти общества элиты, не поняли, что есть этот Интернационал и о чем он, а потому восприняли оказанную этому миру открытость как слабость (что естественно для имперских обществ). Пример того, во что это вылилось – "мигрантская проблема" Европы и предшествующая ей волна всяческой толерантности и "толерастии", включая признание нормой открытость клиническим и социальным девиантам, равно как признание нормой растворение собственной самобытности в Другом, кем бы этот другой ни был. Сюда же можно отнести все те эффекты, которые дал принцип "плавильного тигля культуры" в США (хотя пример этой страны, конечно, всегда представляет особый случай империи, который нужно рассматривать отдельно). Горячие вненациональные народы Азии, Африки и Востока в целом, увидев Европу в качестве отдающейся им соблазнительной и ухоженной женщины (да к тому же кающейся перед ними), конечно, захотели ее поиметь.

С другой стороны, известно, что дошедшие до социализма, но не дошедшие до интернационала сообщества Европы смогли породить не иначе, как упомянутые фашистские диктатуры, ориентированные на самозамкнутость и тотальный контроль жизни в условиях ограниченного монархоконституционализма, что усердно работало на формирование и развитие внутреннего рынка и локальные мирсистемы, но в условиях открытости стало опрокидывать основания самого такого конституционализма, возродив давнюю дискуссию юридических факультетов о примате закона или морали в рамках либерального проекта в пользу первого и вызывая сильные искажения поведенческой логики, едва ли вписывающиеся даже в историю о фарисеях. Что же касается России, то и здесь великий смысл Интернационала как "союза самобытных" оказался утерян и, в сущности, будучи догматически ограничен узкими и фиксированными представлениями о "правящем классе", способствовал превращению интернационального движения в имперское (можно вспомнить историю советского "права наций на самоопределение" и ельцинского лозунга "берите автономии, сколько сможете"). В странах развитого капитализма все это почувствовали довольно рано, и столь

крупного носителя интернациональной идеи стали (опять же, закономерно) опасаться, ибо идея оказалась искажена и, похоже, мало кем понята корректно.

Весь этот разговор про Интернационал, очевидно, направлен на прояснение вопроса о том, как фигура новой, проектно-экспериментирующей, личности (рассматриваемой, с определенными оговорками, как "посторганизованная"), будет действовать в условиях работы макросоциального процесса открывания национальных (или даже постнациональных) сообществ друг другу, но в условиях или отсутствия марксового пролетария в странах европейского типа, или невозможности его подъема в странах, о пролетариате которых Маркс едва ли думал (обширную и до сих пор во многом открытую дискуссию о том, кто и как поведет за собой пролетариат, даже не стоит упоминать, поскольку здесь речь идет о другой социальной категории – проектировщиках-дизайнерах в основных сферах управления, доступных человеку, что даже шире, чем обсуждается в кругу предложившего этот термин О.Григорьева – там речь ограничивается "социальными проектировщиками").

Можно сказать, что гарантией безопасности как личности, так и нации при взаимодействии с себе подобными является то, что как та, так и другая всегда имеет возможность замкнуться, укрывшись в собственном деле либо внутренних рынках, не рассматривая, однако, при этом такое замыкание высшей формой существования. Это значит, что способность самозамкнуться, диссоциировавшись с одноуровневыми себе акторами (будучи ранее ассоциированными – добровольно или в силу неких принуждающих условий – в "интернационал" или иную деятельную группу), и есть условие создания новых ассоциаций и конфигураций, и, что немаловажно, существенная гарантия добровольности ассоциаций, а значит – поиска и выбора наиболее устойчивых их форм. Что лишь очевидным образом способствует повышению адаптивных возможностей человеческого вида в едва ли не любых формах его общественной организации. Пока что, однако, на вторую декаду XXI века диссоциация-как-норма, то есть то, что ранее было обозначено как нетворкинговое поведение, наблюдается лишь в среде корпоративных акторов, причем довольно крупных и средних. Да и здесь подобное происходит преимущественно в тех случаях, когда друг у друга

нечего взять, либо когда стороны находятся в достаточно редких равных позициях и могут причинить друг другу неприемлемый ущерб; как правило, окончание партнерства либо совпадает с окончанием проекта, либо заканчивается процедурами M&A той или иной степени легитимности и законности. Что до уровня отдельных личностей, то уже повседневное наблюдение свидетельствует о слабой способности большинства людей расставаться надолго, на неопределенный срок, или даже навсегда, по-хорошему, без обид, да еще с перспективной дальнейшего общения, и в целом свидетельствует о соответствующей личностной зрелости (особенно это видно на многочисленных примерах малых деятельностных групп и творческих коллективов); впрочем, хорошо сочиненные и обстоятельные социологические исследования на сей счет были бы здесь весьма кстати. Имеющиеся примеры реальной нетворкинговой работы уровня малых групп (исключая ее имитацию), на которые стоило бы указать справедливости ради – хоть и весьма обнадеживающее, но довольно узкое явление в мире, не говоря про Россию: здесь оно также в незначительной степени существует в околоуниверситетской среде молодых специалистов, самоорганизующихся на оффлайновых коворкинговых площадках или в профильных соцсетях и, как правило, связано с проектами в малом бизнесе либо стартапами, требующими инкубации.

Как бы то ни было, но уже сегодня известное об этих вещах – то, что расставание оказывается тем более мирным, чем более самостийными и состоявшимися являются решившие расстаться стороны: едва ли возможно представить склоки да скандалы в случае, если некие царь Соломон да царица Савская были бы женаты и решили развестись. Такому понятию самобытности на страновом уровне соответствует понятие кластерного способа взаимодействия с миром в концепции Григорьева, когда профессионализация деятельности имеет масштаб всей страны, что, тем не менее, обуславливает, в рамках неоекономической же логики, требование адаптации этой деятельности к изменившимся внешним условиям, но ничего в рамках этой логики не говорит о коммуникациях в смысле системной конструкции и деструкции последних, хотя и уделяет внимание (вполне, опять же, логичное в себе) такому средству коммуникации, как деньги.

В свою очередь, требование глобальной адаптивности кластерно специализированного и самобытного общества, как было рассмотрено ранее, связано с исключением переспециализации. Конечно, здесь можно было бы поступать так, как это делают другие страны – продавать самое собственную самобытность в виде туризма или некоего "духа страны"[12]. Но мне лично близка идея, приписываемая герцогу Эдинбургскому (Филиппу) в том духе, что "туризм достопримечательностей" есть своего рода национальная проституция. Действительно, когда страна ничего не производит, остается торговать с внешним миром "самобытностью собственной истории".

Диссоциативное управленческое взаимодействие хозяйствующих субъектов всяко должно быть рассмотрено относительно понятия профилирования и перепрофилирования деятельности, а наиболее продуктивным такое рассмотрение будет лишь в проектно-экспериментальных условиях (например, в моделях выстраивания локального межстранового торгового взаимодействия вроде ШОС, хотя, конечно, это не модель межстранового кластера, работающего на внешние относительно данного альянса рынки – похоже, в мире вообще нет практики выстраивания подобных альянсов и контуров). Иное дело, что пресловутый лозунг "хватит социальных экспериментов!" действует не только в России, но и в той части мира, что помнит перипетии XX века, где общества к его окончанию выглядели усталыми, а нынче – растерянными и архаизирующимися. Эти общества не могут выбрать свободу, поскольку для них оказываются взаимоисключающими самобытность деятельности и открытость миру. Здесь виделся бы продуктивным принцип "открытости себе подобному", а для неподобных – виды взаимодействия воспроизводственных контуров, кому какой нравится, но тогда встает вопрос о "справедливой цене"; и разве не такое было в послевоенный период "подтягивания" слаборазвитых экономик и пост- (или нео-) колониальных извинений первого мира перед третьим в ущерб второму? Именно в этот период, пришедшийся на вторую половину XX века, как раз и шли разговоры про условия "доступа в клуб"; иное дело,

[12] Например, "русского духа" (конкретизирующегося для многих иностранных покупателей российской экзотики в запахе водки), и ввязываться в борьбу за право использовать слово "водка" в международной торговле. Впрочем, по этому случаю есть особые условия: как продукт водка – дженерик, и торговля наиболее аутентичным продуктом в мировой торговле – не новость; только вот продукт этот не кластерный, а скорее монокультурный.

что, кроме "извинительной позиции", они велись в презумпции "все страны равные", да к тому же в условиях адаптации интернациональных идей к реалиям глобального экономического мейнстрима, но не его творческого развития с учетом этих реалий; в последнем случае есть довольно тонкая грань между апелляцией к удобным "законам общественного развития" и конструированием жизнеспособного режима существования человеческого сообщества в глобальном масштабе, приемлемого для большинства его членов. И одним из ключевых условий для создания такого режима оказывается возможность добровольного выхода из игры без существенных для себя потерь, с дальнейшей возможностью уважительного принятия обратно, а также к участию игрока (прежде всего, имеется в виду игрок странового уровня) в новых ассоциациях, не обязательно связанных с прежней. Следует пересмотреть представление о "предательстве партнерских интересов" и прочих архаично-общинных взглядов, распространяемых на человеческие множества значительных мощностей: все нации и народы живут на одном круглом космическом корабле, управлять которым следует совместно. Но для этого следует избавиться еще от одной, весьма вредной и доминирующей в умах очень многих, чуши – от идеи ограниченности жизненных ресурсов на планете: они всегда будут ограничены, если производить ресурсоемко да из грубой, не переработанной материи, да поганить ойкумену продуктами своей "жизнедеятельности"; и это – про нечто другое, нежели экономический закон первичного потребления наиболее качественного ресурса, впоследствии – менее качественного. Понимание (и, что более важно – принятие) этих вещей во многом связано с признанием той социальной логики, в которой мы существуем, и которая удобно и болотно избавляет нас от принятия решений.

Всякая социальная диссоциация (взятая как особый динамический фактор общественного развития, но никак не стагнации, хотя при этом конкретный проект или иной целевой процесс может прекратиться) задает поле информационной открытости и неопределенности, оказывающееся средой формирования вопросов (первейшего человеческого способа взаимодействия с неопределенностью), а значит – средой формирования логики вопросов, являющейся частью логики смыслов, в рамках которой

формируются спрос и востребованность. Невозможно говорить об экспериментах со спросом и об адаптации структуры последнего к меняющимся условиям, апеллируя к лучшему или идеальному истеблишменту, задающему стандарты статусного потребления, и представляющему элитные модели эпохи раннего капитализма и Ост-Индской кампании – хотя бы потому, что основания элитности, и вменяемые элитами остальному обществу категории должного и потребного, могут быть разными по сути да основаниям. Здесь речь может идти о таких категориях спроса, как здоровье (и то, что в свое время мной было названо "медико-промышленный комплекс", по аналогии с ВПК), красота (взятая, в отличие от роскоши, как организация тонких форм повседневности в качестве психофизиологической нормы, а значит, требующая переопределения на графике Торнквиста), польза, удобство и надежность, распространяемые на все производимое – в целом, относящихся еще к витрувианским критериям хорошей архитектуры (и, разумеется, дизайна). Эти категории, безусловно, являются общечеловеческими, но не в уравнительном смысле: конкретизация проявления категорий спроса у всех людей и народов разная.

Относительно так понимаемого спроса и допустимости оперативного переформирования социальных групп представляется возможным выстраивание проектных задач в сфере культурных индустрий нового типа.

Брендирование связывает культиндустрию с дизайном

Для того, чтобы превратить человека в робота, ему не обязательно что-то имплантировать в организм – достаточно подавить его волю и способность к выбору и организовать извне внешние условия его жизни определенным образом. Такой, сконфигурированный, человек, не будет зомби (каковым называет человека с "промытыми мозгами" расхожее мнение), поскольку его физиологический ресурс и палитра способов управления им будет куда выше картезиански управляемого трупа.

Похоже, мы вступаем в эпоху, когда производство излишков на продажу уступает место кастомизированному производству под задачи личности (что уже не новость), при этом сам процесс производства становится процессом получения удовольствия вроде приготовления себе кофе (а вот это уже новость). Потому-то здесь и возникают разного рода микропроизводства и

домашние производства, работающие как метабытовая техника, относительно которой человек сам себе и производитель, и потребитель. Вроде бы старая сказка на новый лад, но в ней есть одна особенность: от хоббийного-создания-для-себя человек может переключиться к созданию-для-других и началу собственного бизнеса. Здесь вполне уместно вспомнить то, что говорил Талеб насчет происхождения реальных инноваций из процедур прилаживания и внеакадемического поиска простых и удобных решений (а также таблицу, в которой он прямым образом помещает хоббийность в разряд антихрупкого[13]). В этом смысле производящий в свое удовольствие и для себя уже располагает естественно-деятельностным (и, эхом, естественно-правовым) потенциалом производства для других и начала собственного бизнеса, или дела, критерием продуктивности которого оказывается оплачиваемый спрос.

Чтобы стать человеком-проектом, сегодня нужно перестать быть человеком медиауправляемым (специально не говорю «медийным», поскольку в последнее также включаются и те, кто работает в индустрии масс-медиа; впрочем, они особенно интересны в том случае, когда начинают править процессом, будучи управляемы им же). А для этого нужно постичь структуру масс-медиа и культурных индустрий.

Это тем более важно в связи с признанием «безсущностной сущности» человека, исключающим для него социобиологический эссенциализм как для существа абсолютно свободного в своем выборе, а потому и абсолютно ответственного за этот выбор – ответственного перед вселенским ходом событий (scenario universe), в который он этим выбором вписывается и которым влияет на него, со-творит[14]. Фактически то, что есть масс-медиа и весь агрегат культурных индустрий, направлено на компенсацию неспособности к таким выбору и ответственности (фактически, на компенсацию неспособности к подлинному бытию философом), а потому лейтмотивом и растворенным духом в них присутствует концепция бренда, как, по сути, торгуемого образа жизни (и, разумеется, его атрибутов, причем торгуемых как можно дольше).

[13] Григорьев не верит в продуктивность хоббийных, то есть в перспективы прибыльности внебизнесовых, или заведомо внеденежных (в том числе доденежных), занятий.

[14] Что было заявлено мной как в рамках критики «неоекономического ницшеанства», так и (ранее) в рамках концепции исторически позитивного христианства.

Сермяжная правда состоит в том, что именно культиндустрии являются сферой порождения (посредством брендирования) того самого спроса, о недостатке которого сегодня так плачет экономика (включая и, наверное, в первую очередь, неоекономику). При этом философ – как раз тот самый человек, для которого собственная жизнь есть самостоятельно создаваемый концепт, проект и, в некоторых случаях, самому себе создаваемый бренд (не говоря о том, что этот бренд может быть транслируем другим людям). Философ – подлинный социальный источник понимания осмысленного и востребованного, и также подлинный носитель идеи трансисторичности и трансисторической преемственности. Он же – первый источник virtus, который как раз и есть то, что связывает диалогово-фрактальную геометрию Вселенной с проектной антропологией и продуктивной человекоразмерной "сверхновой" медиасредой.

В аспекте идей бренда и "брендирования" стоит сопоставить концепцию денежной семантики с концепцией семиозиса в культиндустриях (медиа). Медиа, помимо прочих определений посредничества, в экономическом смысле есть посредничество между миром натурально и управляемо выражаемых смыслов – с одной стороны, и миром благ – с другой, торгуемых, к тому же, через искусственно-языковые по своей природе деньги. То есть медиа предполагают, во-первых, сразу два вида такого опосредования ("благосмысловой" и "денежный"), и во-вторых, экономический смысл как частный среди прочих, ими порождаемых на метауровне содержания их работы, даже если на объектном уровне этот смысл доминирует. Также медиа (в рамках обоих видов опосредования) управляют значимостью, или оценочным типом значения, присутствующим в конкретной данности семантической сети, сиречь культуры: в рекламном своем выражении они либо усиливают позитивную оценку продукта, марки или бренда до максимума, либо негативную оценку последствий отказа от обладания или причастности таковым, причем делают это одновременно с выстраиванием порядка концептуального значения – собственно, того, что сегодня известно под понятием симулякра. Однако мир симулякровых денотатов, будучи частью реального мира, представляет для рационализированного (религиозным культом, "классической наукой" или "системой масс-медиа") человека поле шоков, случайностей и

спонтанностей. А потому, для того, чтобы перейти к антропологии проектанта (вернее – дизайнера), высшей формой которого (как показывает предварительное рассмотрение) видится превосходящий свою рациональность в открытости Другому человек "трансцендентальный" ("сверхрациональный", "гельветический" или, в некотором смысле, социально-комбинаторный, о чем речь ниже), нужно прояснить условия возможности действия при случайных событиях[15].

Случайности предоставляются миром для всякой личности на-гора, заставляя ее действовать по ситуации в условиях на-гора требуемого этой ситуацией задействуемого опыта, знаний, практик или рутин (а что есть рутины, как не опыт регулярной, успешно воспроизводимой и производящей практики?). Именно случайность есть провозглашение права "аврально-опытной деятельности" (АОД) в мире, однако возведение героики АОД в абсолют, действительно, иррационально, поскольку оно есть полное признание внутримирных случайности и новизны нормой, и провозглашение добродетелью статуса незнающего, но смелого, ребенка, полагающегося исключительно на свой жизненный опыт. Ребенка, выполняющего монотонную работу, можно считать полезным, но едва ли добродетельным (ну разве что в смысле добродетельности «достойного мужа», но никак не «у-вэй»). Добродетель же есть труд с выходом в новое качество регулярности действия, которое, однако, будет гладким только до тех пор, пока неизменны обеспечивающие его условия. Именно поэтому процесс создания новых регулярностей действия есть перманентно присущий человеку формат адаптации и создания управляемых эргонов, независимо от общественного положения человека: этот процесс (как уже упоминалось мной) относится к категории физиологической нормы, а потому исключает абсолютизирующе-кастовое социальное деление на "авральщиков", "рутинщиков" и "божественных" "проектантов", ибо как все наделены "божественной искрой", так и "не боги горшки обжигают". Другой способ – встраивание собственной или новой деятельности в регулярности действия уже существующих систем, и влияние на последние в нужную сторону. Но есть и третий способ – учет и взаимоучет интересов с внешними системами (особенно себе подобными), признаваемыми достаточно

[15] Именно поэтому в книге "Частично управляемое..." было уделено внимание позиции Н.Талеба на сей счет – весьма авторитетного для многих лидера мнений по этому вопросу.

сложными, автопоэтическими, договоро- и жизнеспособными в достаточной мере, чтобы паразитически не влиять на них как на заведомо косную относительно манипулятора материю (кстати, как правило, паразит и есть нечто более косное относительно того, на чем он паразитирует). Последнее – вопрос особой познавательной и жизненной установки. Здесь выбор простой: хотим ли мы оставаться людьми, контролирующими происходящее с нами, а также то, что мы произвели как средства контроля самих себя, или нет?

В смысле производства таких средств контроля отношение дизайна и медиа (в рамках темы «Григорьев-Папанек»[16]) сегодня видится в том ключе, что из медиа должен быть осуществлен выход в сторону дизайна и проектного мышления, но такой, чтобы при этом не разрушить саму сферу медиа, поскольку она есть также сфера дизайна: как собственного устройства, так и всего агрегата брендов, ею порождаемого. То есть средства массовой информации (СМИ) и средства массовой коммуникации (СМК) должны скорее измениться, нежели разрушиться, соответствуя требованиям породившего их, но меняющегося общества.

В рамках new media много кем и разного говорилось о гражданской журналистике, то есть о массовом праве граждан делиться фактами и их интерпретацией с массовой же (широкой) аудиторией, но за все 2000-е и первую половину 2010-х едва ли было всерьез обсуждаемо что-то вроде «гражданской философии», хотя, конечно, были статьи на тему чего-то вроде «гражданского брендирования», то есть выуживания образов жизни и стилей из «живого творчества народных масс» – как правило, масс среднего класса и, как правило, методом краудсорса. Однако это были, в основном, рассуждения о моделях и практиках того, как формировать фирменные предложения категории FMCG (и выше), улавливая моменты зарождения спроса в тонких настроениях общества до того, как емкая конкурентная среда перехватит продуктовую инициативу. О низовом формировании образов жизни до того, как они превратились в бренды, и о торговле ими (равно как их атрибутами, ибо именно таково сегодня большинство торгуемых товаров), речь не шла.

[16] См. "Возможность управления...", гл. "Дизайн и неоекономика: сопоставление взглядов Григорьева и Папанека на проектную деятельность как творческую".

Как бы то ни было, сегодня идею гражданского формирования брендов и дизайна связанного с ними предметного мира видится своевременным распространить за рамки среднего класса на все гражданское общество, и вести речь как раз о последнем, поскольку именно в нем, а не в каком-то отдельном, классе (как экономической, а не социальной, категории, в отличие от сословия) может быть решена общая проблема неравенства и бедности. В этом смысле важно проводить различие между брендами вообще и, так сказать "техносоциальными парадигмами", источником которых являются крупные компании – эмитенты технологий и технологических идей: такие парадигмы представляют собой особую разновидность бренда, предлагаемого со стороны корпоративного субъекта в качестве образа, стиля жизни или поведенческого паттерна всему обществу целиком в связи с выпускаемыми им продуктом или номенклатурной группой (линейкой) продуктов.

Здесь же возникает аргумент о праве членов общества на деньги до заработка, как подлинном экономическом обеспечении права гражданства: обеспечение игровыми фишками участников игр обмена для свободного выбора направлений обмена (см. авторов этой идеи и ее неосуществленное воплощение в Швейцарии). Со стороны неокономики здесь возражений быть не может, поскольку последняя предполагает примат денег над «культурой» и принципиальную независимость торговли от дефицита ресурсов в конкретных взаимодействующих контурах.

Далее, если дизайн-для-реального-мира есть перспективная сфера прикладных решений, идущая на смену финансовому делу как средству перехитрить экономическую природу, то дизайн масс-медиа, о котором здесь идет речь, также должен быть дизайном для реального мира и быть способен трансформировать в системе масс-медиа финансовый компонент, который суть семиотический; более того, пректно-дизайнерская работа в медиа среде не может иметь иную природу, кроме природы семиотических технологий и практик. Но если так, то и финансовые, и религиозные феномены обнаруживают себя именно в поле медиа проектирования – хотя бы потому, что они есть сфера доверительного-к-знаковому (то есть сфера семиотической прагматики).

Здесь позволю себе высказать гипотезу о том, что деньги имеют масс-медийную природу, а не просто семиотическую (как то было заявлено раньше по поводу одноэлементного знакового множества[17]). Полностью отдаю себе отчет в рискованности такого заявления, поскольку общеизвестно (и я, более того, разделяю эту точку зрения), что масс-медиа есть феномен и рынок эпохи развитого капитализма, ставшего, как свидетельствует прояснение его истории, следствием набора исторических совпадений и аномалий, тогда как сами деньги появились в истории задолго до того, что люди привыкли обычно понимать под СМИ и СМК. Что же такой тезис значит?

Прежде всего, в системе соответствующих медийных категорий он значит, что деньги могут быть понимаемы, в смысле логико-математического примитива, как «бренд нулевого уровня» (или, так сказать, «нуль-бренд»), несущий смысл их зарабатывания как самоценный и самореферентный, как чистая и подлинная «игра в бисер». Такая интерпретация денег, в свою очередь, дает саморефлексивную позицию, позволяющую осуществить скачок в смыслы и образы жизни другого, более высокого, уровня, где «единичный семиотический и нулевой смысловой» будет присутствовать в качестве своеобразного «реликтового излучения» и выполнять свою непосредственную, связующе-инфраструктурную, функцию, но не доминировать над всеми прочими.

Замена монокультуры собственным дизайном, предлагаемым миру в качестве решения некоторой проблемы (разово) или задачи (регулярно), и есть основа кластерного подхода к страновому разделению труда. Для этого потребна аналитика трендов глобального (хозяйственного) присутствия человека в надличностной природной (геоклиматической биосферной) среде; для чего весьма важно внимание к самым свежим дискуссиям вокруг выходящих за рамки самое экономики экстерналий – с одной стороны, и к низовым трендам хоббийных интересов – с другой. Соответственно, на эти макро- и микрокосмы присутствия человека на земле и предлагается нацелить агрегат культурных индустрий, рабочим инструментарием которых выступает агрегат СМИ/СМК, ключевые принципы устройства которых еще предстоит рассмотреть отдельно.

[17] См. там же, раздел "Семантика денег в аспекте понятия модели".

Между тем, сам по себе призыв к масс-медиа ориентироваться на какие-то внешние относительно их конъюнктурной деятельности темы или, тем более, метанарративы, выглядит полным наива идиотизмом. Что же тогда здесь имеется в виду? Прежде всего, когда речь идет о сверхновых медиа, имеется в виду новая структура выгоды, а значит, и новая аксиология общества, в рамках которой эта выгода себя обретает. Именно так, и никак иначе, поскольку любое представление о выгоде (уже всегда имплицитно носящей аксиологический характер) может быть конкретизировано лишь в целостном контексте своего бытия.

Здесь важна еще одна гипотеза насчет медиа: эта сфера способна обращать внимание на способ действия, каким соотносятся дизайн как «сфера произведения и производства» (в данном случае – внемедийного), и собственно медиа как «сфера порождения брендов». Именно в этом смысле важно прояснить способ, которым осуществляются запросы из сферы действия в сферу брендов, и способы устройства системы, реализующей эти запросы. В современных условиях, если говорить о медиа, идущих вслед за "новыми", возникает задача определить и новые форматы информационного поиска, а значит, и тех вещей, что лежат в основе сети Интернет. Для обеспечения возможности проектантам искать оказывается нужна система, основанная не на принципах выдаваемой за поиск коллаборативной фильтрации, или жутковатого аналитического спрута технологий deep learning, работающих на создающую навязанное желание рекламу, работающую, в свою очередь, на сбыт того, что уже давно стало производственной традицией в сложившейся системе разделения труда стран первого мира, уже давно не требующей никакой рекламы и не содержащей требующей информирования новизны, а на собственно стимулирование желания к поиску, ищущему оптимальные по всем затратам решения для воплощения в жизнь процедурных моделей и схем. Главным же мотивом здесь будет именно поиск нового мироустройства, или, так сказать, «мотив Медичи». А для этого, спускаясь на более конкретный уровень, необходима среда кооперации и SAAS-коллаборации (нечто вроде коллективной информационной фабрики, но не паразитарно-краудсорсовой в чистом виде), которая как раз и будет форматом среды запросов к сфере брендов (не исчерпывающейся, разумеется, известными способами их

порождения) для выбора решений в сфере проектов. И как раз именно подобные системы должны лежать в основе интернета нового типа, предлагаемого, в свою очередь, в качестве основы "сверхновых медиа". И, конечно, поскольку речь зашла о масс-медиа и брендировании, следует отметить, что в новых условиях по-новому будет работать категория моды, как наиболее здесь давняя и во многих смыслах "близкая к телу" конкретизация повседневных значимостей.

О специфике устройства медийного организма пойдет речь ниже. Но прежде – о том, что есть человек "медийной практики" в его, так сказать, художественно-академическом виде.

Актерская игра как проектный ответ случайности

В книге "Частично управляемое" одна из глав была посвящена критическому рассмотрению взглядов философа Нассима Талеба, говорящего о том, что подлинный "черный лебедь" – это "неопределенная неопределенность". Но должны ли мы в этом случае обратиться к религии как типу объясняющего сознания? С одной стороны, Талеб в чем-то прав, когда говорит о древности религиозного постижения. Но ведь чтобы четко и трезво выкапывать применимое здесь, нужно, прежде всего, осуществить корректную постановку задачи в рамках такого исследования, чтобы не скатиться в церковную догматику, свойственную обществам до периода индустриальных демократий. Специально не говорю "промышленных" как этимологически восходящих к промыслу[18], вполне сочетающихся с религиозным сознанием "промысла божьего" и сопоставления его со своим; возможно, далее придется остановиться на этой теме подробнее. С другой стороны, именно в связи с отношением к такой подлинной "чернолебяжьей" неопределенности сразу актуализируется все то, что было сказано на сей счет Спинозой в "Богословско-политическом трактате" – особенно насчет поводов обращения к "высшим силам"[19]. Если рассматривать Талеба относительно Спинозы, то, в отличие от последнего, он представляется как строгий индетерминист. И

[18] Эту тему развивает "ховринская" группа, обсуждение концепции "гаражной экономики" которой в рамках НИЦ "Неоекономика" привело к представлению о двух типах "гаражности": как среднестановой по сути, деградирующей формы экономической кооперации ("распределенных цехов") – с одной стороны, и как крайнестанового поля инновационных флуктуаций, порождающих такие инновации, как легковой автомобиль, аспирин и персональный компьютер – с другой.

[19] На эту же тему есть один лимерик – насколько помню, от М.Вакслера: "Когда лоху становится плохо, он минувшую хвалит эпоху. А когда хорошо – посылает он в жо...: и страну, и жену и эпоху".

если второй говорит, что не стоит выдумывать лишнего, поскольку в рамках субстанции и ее протяженности логос того, что мыслимо как "deus siva natura", всему уделил свое хитроумное место, то первый как раз провозглашает внезапную "десницу непонятно чего" ключевой познавательной проблемой: как познавать принципиально непознаваемое?

Решая эту задачу, Талеб отделяет стерильные, игровые или лабораторные, состояния неопределенности, относящиеся к "Среднестану" и "рискам по Найту", от тех, с которыми можно столкнуться в жизни. Иная ситуация – смена правил во время игры – одна из тех вещей, о которой говорит Пол Рикер в своей книжке "Герменевтика, этика, политика", когда вводит категорию динамики объекта постижения (на учете которой также постоянно настаивает О.Григорьев при описании экономических процессов, ибо в каком еще аспекте рассматривать категорию "взаимодействия", если речь идет об экономических контурах, а не одной национальной экономике). Это старая добрая философская проблема движения и связанные с нею вопросы об онтологическом статусе и возможностях такового, экзистенциально решаемая через "живое включение" в исследуемый процесс, с неизбежным следствием отсюда парадоксов самоприменимости как ключевых апорий ума – далеко не всегда, если вообще когда-либо, сразу осознаваемых последствий этого выбора, возникающих как двуглавый гносеологический "черный лебедь", прущий изнутри нашего существа. Отсюда возникает чувство неподконтрольности объектов или процессов изучения, и разные формы агностицизма, включая "деятельностный агностицизм" Талеба.

Обозначая "игровую ошибку", Талеб имеет в виду то, что он говорил по поводу пагубности обучения с помощью игр. Это серьезный камень в огород игротехникам и методологам а-ля Щедровицкий, но здесь есть еще более важный момент, имеющий отношение к "медийной" теме этой и других книг: в сегодняшнем мире явственно заметен тренд управления неопределенностью через формирование реальности в качестве игровой, причем это касается как деловой (проектно-рисковой), так и производственной (регулярно-деятельностной) реальностей, а объектом (или предметом – в отличие от того, что принято считать в "нормальной науке", для меня это синонимы) приложения игротехнологий оказывается, говоря виртуалистически, реальность исходного уровня. Разумеется, в этом

нет ничего нового – достаточно вспомнить древнеиндийские "шастры" и "сутры", в которых подробно был расписан порядок того, как "правильно" не только есть, пить, одеваться и ухаживать за собой, но даже как испражняться и заниматься сексом. Но также разумеется очевидным образом, что сегодня эту игровую неопределенность в реальную жизнь портируют масс-медиа и "культурные индустрии", формируя брендовое поле, включая поле "управляемой конкуренции", исключающей конкуренцию как таковую посредством "метатехнологий контроля" в том смысле, как их понимают некоторые современные российские футурологи. В итоге виртуализированная исходная реальность становится "всюду-пластмассовой", выхолощенной; апофеозом начала XXI века становится технологический феномен "augmented reality". Но эта выхолощенность специфична в том, что создает поле навязанных брендов, а любое самостоятельное формирование образа жизни, если только этот образ становится потенциально торгуемым, такая социальная система подхватывает и превращает в бренд. В этом нет ничего плохого – если не считать такого навязывания (включая бренды религиозные – но это уже для случая исключительно, пожалуй, США) посредством назойливой рекламы тем, кто либо не способен к самоидентификации, либо считает некий бренд подходящим для себя; а также более фундаментального в рамках этого феномена смешения риторико-софистических и собственно классико-философских мотиваций, требующих особой демаркации. Такова специфика современных средств избегания "черных лебедей" и трансформации реальности под себя, имеющих место в глобально развитом индустриальном мире (ошибочно считаемым постиндустриальным)[20]. Ключевым средством в таком брендово-игровом обучении здесь оказывается проигрывание роли, а потому такое значение обретает "фабрика грез" как крупнейший кластер производства смыслов, соответствующих им ролей, соответствующих ролям стилей жизни и соответствующих уже этим стилям ожиданиям черных и белых лебедей, моделируемых в рамках наиболее тяжелых форм контента и распространяемых в обществе по каскадному принципу COPE и подобными

[20] В СССР была другая ситуация – со среднестановыми "черными лебедями": так, смерть в системе культуры советских акцентов была либо героической, либо ее вообще "как бы" не было, как не было личной трагедии в отрыве от феномена общественной значимости или пользы, ради которой осуществляется самопожертвование. В связи со специфической "бессмертностью" советского человека в стране был и своеобразный культ молодежности, естественным образом становящийся брендом где-то с 1980-х гг. на вестернизированных стандартах потребления.

ему способами. В этом смысле, если отойти от почерпнутой из желтой прессы представлений о скандальной жизни "играющего" актерского сообщества, и рассматривать "фабрику грез" с точки зрения общественного блага, то получается, что именно это сообщество на сегодняшний день (включая продюссирование, режиссуру, операторские ракурсы, а также бутафорско-реквизиторско-гримерские вещи) оказывается в самом центре практической социальной инженерии (причем с многосотлетней историей) и дает фору тем же самым опросно-теоретизирующим социологам, со времен Вебера чванливо считающим себя "истинными" или "подлинными" профессионалами: хорошо образованный и грамотный "актер" – метапрофессионал, поскольку примеряет на себя профессии как модели социального поведения, выявляя в процессе последовательного задействования (сиречь метода) воображения и мимесиса порой такие вещи, до которых социологам оказывается далеко с их методиками. Впрочем, оно и понятно: объем инвестиций в киноиндустрию несоизмерим с выручкой от продажи социсследований как сателлита рынка аудита, где правит бал геополитическая конъюнктура производства и предложения, и принятие решений по типу финансовых транзакций, осуществляемых большей частью по результатам приватных договоренностей. Конечно, есть многочисленные свидетельства насчет таких договоренностей и на "фабрике грез", поелику там также крутятся круглые суммы. Однако, во-первых, такого рода социальная инженерия есть в куда большей степени техноемкое производство информации, нежели собственно социологический и прочий аудит (хотя в области медиаметрии, безусловно, имеет место как раз тот самый стык социсследований с масс-медиа и культиндустриями – наиболее технологичный, но в то же время рекламно-соглядатайски ориентированный); а во-вторых, "фабрика грез" даже в системе собственных продаж выступает как, пожалуй, ключевой во всей экономической системе создатель спроса, а не создатель производства и предложения: последние для нее являются частью рабочих и технологических процессов – нередко экспортируемых в качестве прединновационных идей и техносоциальных концепций в реальный сектор. И, конечно, работу на публику артиста из позиции, всегда представляющей презумпцию примерной роли, следует отличать от аналогичной деятельности софиста, всегда работающего в презумпции притяжательности позиции (в противном случае не достигается

убедительность как главная его цель) – даже несмотря на то, что собственно актерское мастерство и риторика идут рука об руку, как рука руку друг друга моют и подменяют. Актерское мастерство, собственно, как раз и представляет своеобразный стык софистики с философией.

Почему все это важно? Дело в том, что наиболее добросовестный проектант-предприниматель, исследующий предельные талебовы риски, выступает как социальный инженер – организатор системы разделения труда, то есть системы ролей с тем или иным набором ролевых степеней свободы (о чем пока не говорят в рамках неоекономики, однако приходится вести речь мне, ставя вопрос о том, должна ли профессия быть "делом всей жизни"). Также, как актер, предприниматель – метапрофессионал. И место, где он может почерпнуть факторы и точки роста спроса, находятся как раз в наиболее развитом варианте того, что может быть названо системой разделения художественного труда, лишь наполовину являющегося собственно художественным, а на другую половину – вполне себе научным в эмпирическом значении научного творчества. Игра, таким образом, не сбрасывается со счетов, но происходит отделение "игры в условиях лабораторной теплицы" от экспериментального проигрывания сценариев и возможностей взаимодействия, которое, кстати, также может быть лабораторным, но отнюдь не тепличным. Конечно, это принципиальным образом не избавляет от предельной "неопределенной неопределенности", но именно к ней именно такая практика и подводит плотнее всего, и как раз именно в рамках такой практики объективируется, артикулируется и подлежит изучению. Поскольку именно художественная игра, акцентируясь на творчестве столкновения разнородного, уходит в сторону от вероятностных калькуляций в рамках лабораторных игр.

Мы можем говорить о проекте как идее выстраивания регулярности, но сам порядок реализации проекта представляет собой сюжет, который вживую может быть сыгран по-разному. Будучи порядком осуществления ситуаций, он представляет собой и модель, и предмет творческой деятельности.

Именно в смысле таких экспериментов интересно следующее. Когда Талеб говорит о том, что мы носимся с тем, что случилось, игнорируя то, что могло бы случиться, любя контекст-нарратив и презирая абстракции, он с

некоторой иной позиции отмечает то, чем с другой занимался один мой хороший знакомый – ученый секретарь Российского Философского Общества Андрей Королев в своей диссертации: прерванными процессами как онтологическим феноменом. Процесс, развиваясь из некоторого исходного состояния в сторону какого-то результирующего состояния, оказывается прерванным некоторым событием или фактором, недоактуализировав при этом потенцию своего развертывания (такое, например, происходит с мечтами о самореализации человека, попавшего в бюрократическую систему: там он оказывается способным самореализоваться лишь частично). То, что относится к "возможности случиться", но не к случившемуся. Может быть как раз такая недореализованная потенция и проявляется как "черный лебедь", задавленный ранее иными событийными доминантами, но актуализирующийся вновь при определенных, "абсолютно неконтролируемых", обстоятельствах? Внимание к самим недореализованным процессам способно, на мой взгляд, осветлить, по крайней мере, значительную часть черных лебедей. В этом смысле лонгитюда процессов – что прерванных, что сценарно-игровых, выводит на еще одну тему, сходным образом обозначенную в предыдущей книге (а Талебом обозначенную в самом последнем предложении первой части его "Черного лебедя"), связанную с идеей того, что "*в прогнозах, в не в нарративе, реально отражается наше понимание мира*". Соответствуя тому, о чем ведется речь у меня, такой тезис вступает в конфликт с "нарративным подходом", используемым в неоекономике Олега Григорьева. Однако вполне сочетается с деятельностным подходом последнего к управлению фирмой, когда речь идет о специалистах в профессиях, не связанных с прогнозированием или планированием будущего (соответственно, занятым в рутинной, или регулярной, деятельности – условно говоря, водителями авто, коих Талеб ставит в пример прогнозистам), и собственно теми, кто прогнозирует и планирует, но польза от которых весьма сомнительна (соответственно, в деятельностном подходе Григорьева эта категория делится, в первую очередь, на "авральщиков", и во вторую – на проектантов); а также – когда Талеб сетует на то, что экономика является весьма изолированной от прочих наукой (греша, по-григорьевски, на отсутствие целостности социальных знаний), и что неплохо бы ей

интегрироваться с другими областями, а экономистам – расширить эрудицию и преисполниться "природного любопытства"[21].

Частичность и диалектическое противоречие

Частичность всегда, так или иначе, является спутницей и обратной стороной диалектической противоречивости, подобно тому, как противоречивость и полнота являются требованиями монологики. Диалектическое объяснение феномена развития не полно с одной лишь категорией противоречия, без неполноты, или частичности. Собственно, диалектический нарратив противоречия и диалоговый нарратив частичности вместе как раз и образуют обратную сторону – перевертыш классической логики, в которой конфликт и восполнение (ибо полное уже нельзя наполнить) являются взаимодополнительными условиями творческого действия. Вопрос об этом есть вопрос о способе, которым человек мыслит системность, умея отличать нечто от похожего.

В системе равных позиций (одноранговой) на ограниченной площади (планеты Земля) противоречия могут перерасти в конфликты, угрожающие целостности всей этой системы, а потому принцип взаимодействия и развития, основанный на конфликте, может быть заменен в ней на принцип недостач и лакун – тем более, что в понятие полноты противоречие (сиречь условие конфликтов) заложено аналитически в том специфическом смысле, что оно возникает в условиях не дефицита ресурсов (на что нам указывает распространенное представление о содержательной стороне противоречия и конфликтов), а наоборот, из привнесения некоторого ресурса в систему в качестве компонента, не представлявшего ранее для нее нужды. Причем этот компонент может быть как внешней, так и внутренней природы, и если в первом случае все более-менее понятно, то во втором имеют место структурные образования самой системы: например, невыводимые и неиспользуемые тезаврации либо нефункциональные и паразитарные структурные компоненты. Для организма это камни или иные отложения – в первом случае, и опухоли, недоразвитые, гиперплазированные или гипертрофированные органы или тератомы – с другой. Между тем, эквивалент этих вещей также можно обнаружить и в социальной органике – например, в системе массовых коммуникаций или рынков.

[21] Параграф "Реальность? Зачем?".

Для того, чтобы было развитие на принципе частичности, нужно, чтобы система формировала лакуны и недостачи (включая информационные) в новом качестве, восполнение которого требовало бы обретение значимой возможности в рамках всей целостности без ее нарушения (подконтрольно или в пределах допустимых значений), и не являлось бы субститутивным, паразитарным или девиантным замещением или образованием, ведущим к непреднамеренным и неподконтрольным внутрисистемным противоречиям (внутренним конфликтам, для организма – болезням) вследствие дополнения системы излишним либо лишения ее основного. Поскольку одно дело, когда система потребляет ресурс и остается в своем качестве, реализуя свою волновую структурность в океане мировой материи, и другое – когда она экстенсивно растет, повышая собственный пространственный универсализм, вместе с тем фактически переспециализируясь в масштабах всей ойкумены и ликвидируя тем самым взаимодействие частичных специализаций, образующих системность более высокого уровня. Такая самозамкнутая система лопается из-за переизбыточности отходами своей жизнедеятельности и компонентами с неэффективными или незадействованными функциями.

Именно такова, к примеру, система экономики России (и во многом – мира) на середину второй декады XXI века, пребывающая в состоянии ускорения имущественного расслоения и дефляционной депрессии – при том, что оказавшиеся на самом верху общественной пирамиды сверхсостоятельные элиты одновременно оказались совершенно не в состоянии предложить сколь-нибудь здравую перспективу не относящемуся к ним остальному миру, поскольку кроме них и ресурса (который также перестает быть ресурсом действия и становится едва ли не естественным и бессмысленным запасом) остальной мир попросту перестает существовать в виде достаточно организованной формы. В этих условиях, конечно, возникают "паразитарные восполнения" и противоестественные институционализации вроде фонда Сколково, Агентства Стратегических Инициатив, Общероссийского Народного Фронта, Центра Стратегических Разработок и тому подобных экспериментов администрирования (не считая массы политических "гитлерюгендов" на самый разный вкус и цвет) – имя им легион, и денег в тающем нефтебюджете на них – не один миллион. Эти структуры – образчик избыточно-лишнего вплоть до помпезности, а их основная функция – не

применимость и нефункциональность – у весьма многих вызывает вопросы в смысле затрат. Не мудрено – отсутствуют диалоговые механизмы формирования потребностей-восполнений для конкретики известных базовых экономических параметров: числа агентов действия (человеков) в ойкумене, площади ойкумены, плотностного распределения агентов по площади, средств коммуникативной игры (денег) и доступности их агентам, возможности ассоциаций и диссоциаций относительно регулятивов целостности системы (например, по принципу права крупного на деструкцию), ресурсной данности ойкумены относительно спроса на ресурсы (ибо ясно, что не всякий запас – ресурс, а ресурс – потенциально используемый запас, то есть такой, на который не обязательно, но может, возникнуть спрос). И все же, при очевидной сметливости людей, возглавляющих все эти организации, не покидает странная догадка насчет того, что все это – не столько пробы административного экспериментирования, сколько функция хорошо сработанного "надувного танка" для отвлечения общественного внимания, тогда как основное действие разворачивается на весьма не радужной поляне редукции институтов и связей общества, следующей за мировой тенденцией под лозунгом "естественности" процесса.

Частичность и неполнота как принцип развития направлен одновременно на творческую проектность и на здоровое представление о потребности и спросе: регулярная деятельность направлена на удовлетворение потребностей в том, что не связано с обретением новых качеств, однако деятельность поиска таковых (АОД) не есть также нечто нездоровое, если при этом не разрушается достигнутая регулярность, которая теперь уже мыслится как инфраструктурная, обеспечивающая потребности, воспринимаемые как "естественные достижения цивилизации". Так, без унитаза с сифоном и туалетной бумагой, электрического света и более-менее регулярного продовольственного обеспечения проектировать новые методы эндоскопической хирургии становится существенно труднее – при том, что спрос на таковые обусловлен широким кругом социальных категорий и экономических субъектов.

В этом же смысле очень важно не путать характер дисбаланса, привносимого в систему внешним фактором, постулируемым в качестве фактора его

развития[22], с ситуацией, когда в целостной системе компонентов возникают предпосылки для обретения нового качества (развития), и когда целостная самодостаточная система испытывает неполноту – подобно тому, как молодая особь, достигнув половой зрелости, ищет себе пару, ощущая частичность собственного существования (причем достаточно остро), будучи при этом вполне себе целостной, здоровой и крепкой. Если же здесь кто-то мне возразит, что-де организменные и социальные порядки несравнимы, то я, отметив прежде то, что исхожу из аристотелевой предпосылки об органичности общества, понимая его как роевой организм, неоднократно апеллируя к ее ценности, сошлюсь на лекцию того же автора неоекономики О.В.Григорьева, который в своей видеолекции от 24.01.2017 о трех классах инноваций как раз говорил о том, что иерархические распри между отдельными людьми имеют аналоги на уровне межгосударственных отношений престижа, подразумевая основой этого органику человеческих инстинктов (критикуемую, однако, в моих материалах). Но здесь – немного о другом. Здесь задача – проводить различие между той, диалектически развивающей, динамикой, что получает начало от недостатка ресурсов (простого содержательного противоречия), развивающей динамикой от привнесения дисбаланса (деньгами или чем иным) в нечто изначально сбалансированное, и развивающей динамикой общества (или иной системы), приводящей к готовности к переходу от некоторого сбалансированного уровня целостности (ставшего его органикой) к самой этой динамике – большей подвижности его компонентов и общих условий существования в пределах допустимых значений без существенных инфраструктурных (органических) потерь в период диалого-коммуникационного взаимодействия с иными (равными или иномасшабными) системами. Это, последнее, представление о развивающей динамике, обусловлено категориями экспонирования системы (собственно, созревания, или достижения зрелости) и проектных решений, основанных на ожидаемых рисках, или угрозах, а значит, здесь применимы методы управления, не исчерпывающиеся одними лишь регламентно-регуляторными организациями (полными). Смешение этих различий чревато

[22] Прежде всего, здесь имеется в виду пример неоекономических денег, дисбалансирующих систему хозяйственных связей и разделения труда в данной ойкумене привнесением извне – дающих основание действовать, но монополизированных или присвоенных в праве эмиссии внешним агентом из более дифференцированного в деятельностном отношении контура.

ошибками редукционизма, непростительного по своим практическим последствиям. Кстати, эта прогнозно-проектная деятельность может быть свойственна самым разным по степени технологической обеспеченности сообществам, поскольку в первую очередь зависит от способностей человеческого ума, нежели от оснащенности ситуационными комнатами, монитором состояний и "светофором угроз". И, кстати, умеренность потребления заложена в понятие неполноты/частичности в органической взаимосвязи со способностью к постановке и реализации проектных сверхзадач в смысле определенности потребления (хотя и не обязательно конкретности – новая "лакуна" не обязательно четко мыслима и артикулирована), что уже предполагает этику спроса, в которой самоограничение не носит насильственный характер, а высокая претензия к продуктам, качеству вещей, времяпрепровождению и характеру задач не оказывается развращающей.

"Intelligence", элиты и предмет интереса как объект защиты

Финансовый дисбаланс и война

Если признавать деньги фактором развития посредством внесения общественного дисбаланса по основанию "богатство-бедность", то это одновременно означает признание допустимости конфликтов (в пределе – вооруженных) со стороны несогласных с перспективой собственной бедности в чью-либо пользу. Неоекономика не рассматривает конфликтно-военные последствия изменения системы разделения труда (СРТ) вследствие появления в ней денег из ойкумены с более глубоким СРТ в силу того, что собственно вопрос о "продолжении политики иными средствами" не является сугубо экономическим; хотя, будучи наследницей именно что политэкономической традиции, признает вопросы политические как значимый фактор управленческого влияния на экономические процессы, как некую особую сферу принятия кардинальных решений "об образе жизни общества".

Однако война, будучи отдельным видом профессиональной деятельности, располагает своим не только экономическим, но и даже, при углублении в историю вопроса, более общим урбанистическим измерением. Это тема наиболее обстоятельно затрагивается начиная с 4-й книги "Исследования..." Адама Смита (хотя и в предыдущих он упоминает эти вещи), где ведется речь о том, что сегодня можно было бы назвать "высокотехнологичными товарами" или "товарами глубокой переработки", массовое производство которых на экспорт весьма выгодно государству для ведения длительных зарубежных войн, а также владельцам мануфактур, а потому "не нужно золото ему...", только в случае войны имеет место не простой товар, а сложный. Между тем, наиболее "развитые" в своей мотивации, капиталистические, войны (впрочем, также и более архаичные их формы) ведутся за более качественные или дефицитные ресурсы. Принцип дефицитности некоторых вещей в начале XXI века стоит очень остро в мире, однако вряд ли можно сказать, что этот принцип жестко связан с принципиальной возможностью обеспечить благополучие большинства людей на планете – особенно с учетом того обстоятельства, что локальный ресурсный дефицит не только не является условием неблагополучия, но, напротив, условием развития для иных стран. Экономический же кризис

весьма многими людьми понимается именно как невозможность для общества по разным причинам обеспечивать себе потребные ресурсы или продукты воспроизводства.

Одно из тех утверждений, что специалист по экономическим кризисам Олег Григорьев высказывает в последнее время, касается смещения акцента научно-философического удивления экономиста: удивляться нужно не тому, и задаваться вопросом не о том, почему существуют кризисы, но тому и о том, почему существует рост, поскольку-де рост есть куда менее частое и, в целом, аномальное явление в экономике, чем кризисы и всякого рода спады и коммерческие неудачи. Однако если рассматривать экономический процесс как природный, то даже это утверждение, напоминающее социальный аналог "воли к смерти" позднего Фрейда, оказывается не совсем точным. Основу известной нам природы составляют ритмы и вибрации, волны и циклы, каскады и ветвления, пружинные и спиральные структуры – как накапливающие энергию, так и отдающие ее в процессах растяжения и сжатия; а клинья и рычаги, столбы и балки здесь оказываются сущностями, встроенными в контекст именно этих вещей и, в известном смысле, являющиеся их кинематическими редукциями. Это значит, что, возможно, вопрос о социальном управлении природной средой с извлечением из нее пользы вообще, пожалуй, стоит рассматривать вне категорий роста и кризисов, каковые оказываются здесь лишь частными понятиями – сродни связанным с тезаврацией и эксплуатацией добычей и производством и связанным с амортизацией понятием поломки. Это тем более так, если вести речь о социальной инженерии в аспекте регулярного воспроизводства институтов и сообществ.

Здесь речь должна, скорее, идти не о творящей "творческий хаос" денежной массе, в которой захлебываются массы человеческие, и не о мертвящей и лишенной гибкости статичной стабильности, но о динамическом гомеостазе, основанном на регулярно выстроенных и ожидаемых ритмах тактовой частоты социального процессора. Это состояние еще иногда называют оксюморичным выражением "динамической стабильности". В модусе этого состояния кризисы (включая инфляционный, поелику возможно дать грамотное описание природы инфляции) и росты могут управляться (прежде всего, их чередованием), ибо, как сказано, уже воспринимаются в качестве

атрибутов социума, творимого как изделие. Однако на начало XXI века такое – все еще фантазия, поскольку человечество лишь на пороге управления подобными вещами, но не факт, что оно этот порог переступит.

Здесь важна еще одна вещь, не отмечавшаяся ранее: собственно регулярность деятельностной рутины образована именно ритмами ресурсных ростов и спадов, и она тем более способна к устойчивости, чем более сложной является система таких ритмов. А потому, в свою очередь, возникает еще одно любопытное обстоятельство: физика общества может быть рассмотрена не в дефицитной термодинамической парадигме, но в гармонической, или архитовой музыкальной, или квадривиальной. Эта парадигма также является строгой, но не фаталистической, и ее также можно было бы назвать игровой, но только в музыкальном смысле, когда игра означает или воспроизведение, или импровизацию.

Неоекономика строится как целостная научная концепция, а потому ориентируется на объяснительные процедуры, составляющие мейнстрим соответствующих областей знания, включая физику, современные положения которой могут сквозить и действовать в ней в качестве неявных онтологических предпосылок, даже если сам Григорьев и говорит, что с этой исторической производной прикладной механики еще предстоит разобраться.

В этом смысле общество, как своего рода органический эргон, может быть уподоблено музыкальному инструменту, наиболее близким интуитивным представлением которого в своем разделении труда оказываются хор или симфонический оркестр – где, кстати, никто не лишний, а ценность представляют исполнители самой разной численности. Создание таких групп и наделение их порядком осуществления такой деятельности и будет составлять суть социального проектирования по формированию рабочих команд и коллективов, где регулярность следования процедуре нотного текста способно сопровождаться личным творческим актом манеры и стиля исполнения, и уж во всяком случае никоим образом не отрицать способность исполнителя к собственному сочинительству.

Об актуальности империалистической войны

На территории некогда советской Украины формируется государство национального типа (последнее, пожалуй, в Европе), тогда как "Российская Федерация" – сохраняющаяся, но идущая к закату, территориальная империя, в своем постсоветском виде представляющая несостоявшееся государство – по мнению некоторых, причем немалочисленных, наблюдателей, специализирующихся как раз на вопросах государственного управления и либо противопоставляющих себя специалистов по экономическому управлению обществом, либо объединяющих обе эти компетенции. Национальные государства формируются путем грызни и дрязг с соседями – особенно если соседи – восточное "ополье". В этом смысле Украина смотрит на лавры Австрии, только Австрия была частью и даже центром тысячелетней панъевропейской недоимперии, а Украина – недоевросоюзный сателлит с неевропейскими деньгами (и это не гривны). Кто реально стоит за крымской провокацией (даже с поправкой на свежую новость о требовании украинского президента "соединить со всеми") и что там за процессы – ситуативное гаданье на кофейной гуще, достойное политологов, ибо мало входной информации, как это обычно и бывает в случаях роста военной напряженности, сопровождающегося усилением пропагандистских инструментов (кои суть военные инструменты), бряцанием в рамках этих инструментов оружием (прекрасна на сей счет регулярно обновляемая подборка обзоров позднесоветской военной техники, выдаваемой за постсоветскую, на вконец превратившемся в рупор пропаганды ресурсе Utro.ru) и резким сужением информационного потока с фактологией и комментариями. Во всяком случае, со стороны России – может, это и очередная "словесная интервенция" (была же такая словесная интервенция насчет рубля, оказавшая интересное влияние на пресловутую "инвестиционную привлекательность"), но с учетом свежих "успехов турецкого процесса", высокой активности НАТО на южных рубежах и недавних дипломатических реплик Украины насчет не срочности вопроса о назначении российского дипломата, все похоже на правду. Провокации – очередной маркер нагнетания, и здесь очень уместно вспомнить некие марксистские понятия. А как помним, империалистическая война такова, что ведется за передел "уже поделенного мира", за рынки сбыта на, как правило, нейтральной территории или территории некой слаборазвитой

страны, близкой к территории противника. Такой слаборазвитой страной, естественным образом высоко готовой к поножовщине в рамках первичного процесса становления национального самосознания, является Украина. Что касается России, то денег на ведение долгосрочной войны у нее нет: фонды скоро закончатся, доходов от внешней торговли товарами глубокой переработки, необходимых (по Адаму Смиту) для ведения такой войны, нет, а доходы от монокультурной торговли топливом – дохлые. Поскольку, однако, для защиты "кровно заработанного непосильным трудом" расеянской элитой (которая, по странной геополитической иронии, чуть менее, чем полностью компрадорская, равно как и нынешняя, и прежняя, элиты "незалежной") нужно оружие, вот уже который год в стране свирепствует все усиливающаяся фискальная охота на якобы богатенькое население центрального региона (с нищебродья остальных регионов имперским баскакам уже и взять нечего), ибо с предприятий, на которых это самое население работало в советское время, также уже нечего взять, ибо не нужны они, предприятия, когда страна встроена в мировую хозяйственную систему, а тающие деньги надо во что бы то ни стало выжать откуда только можно и дать тем немногим из жалких остатков местно-патриотической элиты "красных директоров" преимущественно предприятий военно-промышленного комплекса, что покамест милостиво не тронуты нынешними хозяевами российского "вишневого сада", дабы те создавали им средства "обоснованного бряцания". Ибо кто есть эти компрадоры в своем "лондонном отоваривании" без своего "патриотически защищаемого"? Такой парадокс вполне объясним диссонансной логикой этих элит, существующей в самых верхах госуправления: позднесоветско-полуандроповская идея конвергенции советских элит в мировое сообщество, берущее начало со староглиняного основания советско-американского Института Системного Анализа в австрийском Лаксенбурге, да послевоенная декадентская философия постмодернизма, устойчивой модой засевшая в хипстерско-силовых умах последнего тридцатилетия, исчерпывающе характеризует мировоззренческую позицию российского президента В.Путина. Плюс негласный доходно-нефтяной консенсус элит с народом эпохи "жирных нулевых", взрастивший низовой политический пофигизм, идущий фоном и более не действующий. Все это не хорошо и не плохо – это просто мировоззренческая позиция, сформировавшаяся у конкретных людей

в конкретном социально-историческом процессе. И сегодня, похоже, определенная драма и президента (как бы кто к нему ни относился), и других, весьма искренних в этом убеждении (существующем едва ли не на уровне бессознательной установки) состоит в том, что такое мировоззрение неадекватно, и его нужно менять: постмодернизм – не единственное, что есть в философском авангарде сегодня, а в клуб мировых элит нас не пускают не только по причинам, описанным в марксистской традиции, которую российские компрадоры, скорее всего, не очень хорошо знают, но и потому, что им же плохо известно устройство этих самых элит. Об этих, конкретных и вполне себе прикладных, вещах почему-то не говорит столь часто выступающий в последнее время декан философского факультета МГУ В.Миронов[23], как будто оправдывающий философию под обсуждение глобальных проблем. Он с готовностью рассуждает о том, что Китай и США – две сегодняшние сверхдержавы, но не говорит о том, что будет с китайской "сверхдержавой", если она потеряет (и, кстати, это уже происходит) американский рынок сбыта, и каковы комплексные последствия многолетней деятельности постмодернистов у руля российской власти (именно как постмодернистов с общими жизненными установками, а не неолибералов с экономическими).

Так что империалистическая война на носу мира, хотя роль России в ней сомнительна в виду ее экономической мизерности. Дай Бог, чтобы этого не было: война – это массовые страдания, трупная вонь, разруха, опасность, неопределенность, скоротечность жизни, лохмотья, голод, уголовный криминал и прочие "удовольствия", о которых лишь понаслышке знает поколение, заставшее бабушек и дедушек, прошедших Великую Отечественную, а те, кто этих живых свидетелей не застал, и верит в выхолощенную медиафантомностью память, не имеет все эти "удовольствия" как экзистенциальное переживание, будучи сформирован в своих представлениях также медиапродуктами вроде "бессмертного полка" вслед массе портретных задников с палками (сами портреты обращены к видеокамерам), идущего под дулами снайперов мимо задрапированного гомосяцкой голубизной мавзолея, не знает даже понаслышке (лучше всего

[23] https://life.ru/t/%D0%B7%D0%B2%D1%83%D0%BA/889332/byt_ili_nie_byt_voinie_diekan_filosofskogho_fakultieta_mghu_o_mirovoi_politikie

понять, что такое "бессмертный полк", можно не глядя на него в телеэкран, а реально пройдясь в его рядах). А это – также продукт эклектично-мозаичного постмодернистского мировосприятия, мешающего габсбургского орла с советским гимном и красной звездой, и эта историческая картина "глаз на заднице" в стиле Пикассо уже аукается. Об этом тоже почему-то не говорит господин Миронов. Не потому ли, что тогда тут же найдется некий думский "Ширинский-Шахматов-Яровой", и скажет, что "польза от философии сомнительна, а вред очевиден", и тогда уважаемому декану придется сражаться с владыками ситхами, а не заниматься внутри- и межфакультетскими разборками?

Может, войны и не будет, и удастся разрешить конфликт дипломатическими усилиями. Но ведь прежняя мировая война началась в глобальных экономических условиях куда более разрешимых, чем сегодняшние. Однако, продолжая вспоминать марксистские понятия, можно сказать, что куда больший, чем такая война риск для нас – в том, что мы находимся в преддверии ситуации, когда "верхи не могут" (а они уже сейчас не могут), а низы (особенно расположенные в местах концентрации инфраструктуры, торговли и кое-какого производства) начинают "не хотеть"; региональной низовой голытьбе вообще пофиг: "белые придут – грабят, красные придут – грабят...". А рейтинги падают. И тут вспоминается еще одна максима эпохи прикладного марксизма: "превратим войну империалистическую в войну гражданскую", однако сегодня в войну гражданскую придется превращать не столь актуальную внешнюю войну, сколь затянувшийся предвоенный "угрожаемый период". Когда начался военный конфликт с Украиной за Донбасс и Луганск, об этих местах на некоторое время заговорили как о каналах неконтролируемого оружейного трафика. Представим этот трафик на территории России в случае усиления конфронтации, и задействования тяжелых игрушек из резерва Минобороны. Спустя довольно короткое время в стране очень быстро вырастет уровень массовой военной организованности граждан – включая, разумеется, личную решительность и оснащенность. Тем более, если процесс перекинется на территорию России. И тут произойдет самое, на сегодняшний день, главное: в реальной, а не стилистической, массовизации военщины, силовая элита начнет терять свои позиции, и потеряет их, поскольку, будучи не менее компрадорской по сути,

вступит в конфликт с организованной, вооруженной и высоко мотивированной патриотической частью общества – с одной стороны, и полутеневой гвардией президента из чеченских бандитов на гелендвагенах в Москве (с резервом в самой Чечне) – с другой. А такой массовизации не может не быть, поскольку в противном случае компрадорам придется воевать лишь с помощью профессиональной армии и профессиональной же народоборческой Росгвардии, сформированной как вершина усиления "сил реакции" (еще одно, весьма верное в своем употреблении, понятие советской эпохи), но не очень-то стабильной внутри себя по причине неразберихи ведомственных "сфер компетенций". И здесь самым удивительным образом окажется вполне, однако, экономически объяснимый феномен того, что "технологии бряцания", о которых вещает вышедшее в свое, тогда еще прокремлевское, время из недр "Фонда Эффективной Политики" Utro.ru, носят чисто инструментальный характер симулятора новостных поводов, и могут быть даже неэффективными в ситуации, когда торгово-финансовая деятельность оборачивается собственным инобытием. А доходящая до кастовости профессионализация армии, как мы знаем из истории (того же Рима, например) и халдуновской теории, является признаком империи эпохи упадка.

О двух глобальных партиях и двух функциях восприятия

В современном мире обнаруживается странный политический расклад, причем он глобален и двухпартиен. Расклад этот заметен на уровне нарративов отдельных представителей космополитических элит, уже отчасти пресытившихся собственным статусом международного пребывания над социально-политической схваткой. Эти партии можно было бы по старинке назвать консервативной и либеральной, если бы не особая инверсия, касающаяся особенностей текущей фазы существования человечества на планете.

Та партия, которая на сегодняшний день является консервативной, до совсем недавних пор была ультралиберальной. Это она сломала поначалу схоластическую догматичность церкви, а впоследствии – абсолютно-монархические порядки (опирающиеся на всю ту же, церковь, стремящуюся взять реванш), создала масонские ложи, Соединенные Штаты Америки, а также самое капитализм и сопутствующий ему либерализм; а впоследствии,

по факту выхода на уровень глобального антихрупкого присутствия – неолиберализм с его сверх- (или над-) национальной идеологией. Это партия людей, верящих в продуктивные возможности капитализма – прежде всего, в его ключевую концепцию экономического роста, ищущих такие точки даже несмотря на очевидные для них признаки и весьма весомые доказательства того, что бесконечный рост невозможен – будь то витиеватые доказательства Розы Люксембург или графики докладов группы Форрестера-Медоуза. О.В.Григорьев, написавший фундаментальную работу и прекрасно знающий все эти вещи, тем не менее, принялся читать курс лекций на тему "Приключения экономического роста в России", по всей видимости, отчаянно ища возможности позитивной динамики системы, основанной на инструментальных деньгах и творящей блага цивилизации, но не опровергая свои же утверждения насчет того, что капитализм возник случайным и нестандартным образом. Но если он возник случайно как "черный лебедь", то не означает ли это, что очевидно существует некая альтернатива тому, что последовало за распадом хрупкого религиозного догматизма, а впоследствии – монархического абсолютизма?

Другая партия, также искушенная в вопросах истории и системологии, зная, что перенапряжение большей сложностью или авангардным этапом развития откатывает систему общества к предшествующему состоянию, стоит на позиции перехода от капиталистически-нуворишской обезличенности к осмысленностям эстетизма романтической эпохи куртуазности и бурлескных стихов, мира тайн и загадок, не имея, однако, ясного представления об осмысленности и загадках актуального для них мира, ибо мир актуальный для "их всемогущества" сер, тускл и наполнен одними и теми же ресторанами, отелями и предметами красивой жизни, а светские разговоры до безобразия чопорны и унылы, и даже паяснически встающий на голову постмодернизм их не радует[24]. Это – партия архаизации, противостоящая отживающему свое капитализму с его демократизмами и либерализмами. Главный острый момент для "архаиков" состоит в том, что людишек на планете стало слишком много, и в массе своей они перестали быть нужны,

[24] Отсюда происходит возникновение "рынка впечатлений" – которым, кстати, пользуются обе политические стороны и который низводится в сторону остатков среднего класса, все еще способных позволить себе заграничные путешествия.

однако поскольку их не только много, но они еще и требовательны, с ними нужно что-то сделать.

Однако эту партию нельзя назвать ни консервативной (ибо она не "сохраняет", но "возвращает"), ни либеральной (относительно чего либеральной? Такой эпитет был бы очевидным оксюмороном), ни нео- нео-либеральной (такое название было бы коряво). Именно поэтому она есть именно партия архаизации – оппонент партии "капиталистического-консерватизма-любой-ценой", образующих вместе универсум глобального метаполитического пространства, занимаемого выходящими за собственные рамки транснациональными торгово-финансовыми элитами. Этот универсум, однако, исключает либерализм: вторая из партий – по своему аналитическому определению, тогда как первая – в том смысле, в каком развитый марксизм видит перспективы предельного имущественного расслоения, конвертирующего собственно капиталистическое не просто в архаическое, но в вырождающееся, поскольку быть сверхбогатым в условиях нищего, вымирающего и не занятого в достаточно глубокой системе разделения труда населения означает весьма недалекую перспективу для этих самых сверхбогатых элит вновь начать пользоваться блохоловками (гаджетом, безусловно, статусным и недоступным низшим сословиям). И это касается, разумеется, не только России.

Тем не менее, у нелиберальной, но якобы парадоксальным образом устремленной (теперь уже в темное) будущее партии более честная позиция. Ее конструктивный недостаток состоит в невозможности или неспособности увидеть самое республиканство как союз малых обществ в глобальных масштабах, лишенный националистической (сиречь политико-капиталистической) интерпретации, и связанное с этим более тонкое понимание взаимосвязи эстетической функции с утилитарно-прикладной, лежащей на глубоком, архетипическом, уровне представлений. Разрыв этих функций составляет один из существенных, но малозаметных, эффектов воздействия капиталистической эпохи на массовое сознание (то есть сознание всего общества de re безотносительно к социальному статусу).

И если в данный период этой эпохи эстетическая и утилитарно-инженерная функции механически сочетались в одном эргоне (вроде инкрустированного

арбалета XV века), а впоследствии тенденция формирования предметного мира была направлена поначалу на взаимную изоляцию этих двух функций с доминированием утилитарной в мире предметной деятельности, то в самое предкризисное время начала XXI века эстетическая функция стала возвращаться в рамках "промышленного дизайна", эстетики минимализма, стилей "техно" и "дизельпанк" и т.п., по сути представляя собой дополнение утилитарного эстетическим-как-деутилитаризированным. Но дело в том, что эти обе функции, разделенные в историческом каскаде европоцентрического разделения труда, есть ничто иное, как режимы человеческого отношения к одному и тому же в смысле специфической вовлеченности или невовлеченности в тот или иной предметный мир тем или иным способом восприятия и деятельностью взаимодействия с ним, а не функции разных предметностей. Это знали древние, прежде всего – архитекторы, рассуждавшие о декоративной либо несущей функции пилястра, а также близкие к ним оружейники (по совместительству – полуювелиры), рассуждавшие о декоративной либо армирующей функции долов на клинках. Весь вопрос – в этом самом "либо" – строгой дизъюнкции, занявшей место нестрогой дизъюнкции "или" и превратившей эстетику (почти одновременно с ее возникновением в качестве "строгой науки" у Баумгартена) в "хороший тон", лишив ее прикладной же функциональной и физиологической значимости (оставив последнюю значимость на уровне смутных интуиций, слабо рефлексируемых классической медициной). Разумеется, наряду с музыкой, низведя ее с пифагорейско-александрийского пьедестала "подлинной физики" до статуса чистого эстетизма обеспеченных людей, интерпретируемого в сиволапых политэкономических понятиях как "сфера роскоши".

Почему это важно в контексте обозначенных акцентов транснациональной двухпартийности? Потому, что это имеет отношение к выходу на уровень реальных продуктивных решений, и потому, что обе эти партийные позиции, по большому счету, также сиволапы.

Проблема взаимосвязи эстетической и утилитарной функций имеет прямое отношение к задачам средового проектирования, являющимся задачами идущей на смену экономике более комплексной (и, кстати, в своем зачаточном состоянии ставшей истоком ее создания) урбанистики, а также к

задачам прикладного уровня в сфере неторгуемых благ и экологии, проблемы которой также составляют существенную часть задач средового проектирования. Более того, к вопросу о взаимосвязи эстетической и утилитарной функций (которые, прежде всего и еще раз, есть разные прагматические функции отношения к одному и тому же предмету, а не "сущностные" прагматические функции разных предметов для одного потребителя) относится и задача переосмысления инструментальной роли денег в новых условиях. Капиталистический экспансионизм денежной игры представляет собой эстетическую самореализацию социальных доминаторов, исключающую биологическое разнообразие иных эстетических форм и редуцирующую (исходя из приведенного выше различия определений обеих функций), тем самым, биологическое разнообразие палитры утилитарной адаптивности. Из немощи получения удовольствия от созидания проистекает замещающее удовольствие чистой игры в денежный бисер. Но эти способы получения удовольствия не так уж далеко отстоят друг от друга – пагуба возникает из самодостаточной центрации на одном из них и неумения видеть ценность инаковости.

За полусознательным чаянием средневековых романтичности и простоты в полуструктурированной партии архаики большинством ее сторонников (если не всеми) не усматриваются блохоловки и ночные горшки под кроватью, хотя признаются демографические циклы как "феномены самоорганизации", происходящие как раз из этих самых блохоловок и ночных горшков, но уже в качестве абстрактных "естественных причин". Но что уж точно ими не усматривается, так это то, что "демциклы" есть скорее природно-климатический феномен самоорганизации, а в социальном и социоприродном планах он весьма примитивен. Единство двух функций требует своего прояснения и, по факту этого прояснения, инсталляцию в систему проектных задач элит рассматриваемого уровня.

Гипотеза о группах "общественного иммунитета": три в одном в элитологии

Не знаю, есть ли в элитологии такое подразделение или нет, но существует особая категория элит, формируемая из представляющих общество личностей, являющихся носителями его культуры и ориентированных на самое выживаемость и безопасность этого общества. Эта категория имеет определенную степень сплоченности между собой и выраженность в

институционализированных формах. Оптимальная ротация членов этой группы, обеспечивающая ее жизнеспособность, не кастовая.

Особенностью этой группы является не только то, что она является, пожалуй, наиболее ответственной среди всех категорий общественных элит, но и то, что она проявляет себя в тех явлениях общественных движений и групп вокруг них, которые чаще всего в обыденной жизни понимаются как различные по существу, это:

- разведчики (или внутренние и внешние спецслужбы как часть силовой компоненты системы государственного управления);
- революционеры (радикальные трансформаторы общественного устройства и даже того, что именуется "социумностью");
- партизаны (теневые военные деятели в самом широком смысле, включая организованную герилью, егерские регулярные части как, в числе прочего, институт противоборства им, или даже "черкесов" в исходном, внеэтническом, их понимании как "ночной герильи").

В действительности же о связях этих групп известно довольно давно – например, о том, что спецслужбы иностранных государств оказывают поддержку революционно-повстанческим движениям в тех странах, где выгодно посеять смуту, а также о том, что, например, в годы Великой Отечественной Войны в СССР партизанское движение во многом создавалось усилиями НКВД. Это не говоря о том, достаточно расписанном Карлосом Маригеллой[25], обстоятельстве, что диверсионно-партизанская форма борьбы является оптимальной для революционного движения, и о том, совсем уж прозрачном, факте, что спецслужбы являются первейшим институтом, рассчитанным на борьбу с революционными движениями и зачатками вооруженных мятежей. В этом смысле получается, что одна из приведенных групп конфликтует с другой группой. По факту это так, но здесь нет противоречия: борьба спецслужб с революционными настроениями является аутоиммунным феноменом общественного организма. И в этом же смысле невозможно быть «за» или «против» той или иной компоненты общественной триады, в частности, костерить почем зря «происки

[25] В его книге "Бразильская герилья. Краткий учебник городского партизана".

спецслужб» и нести тому подобную ахинею, как то делают некоторые: спецслужбы и есть иммунная система общества, без которой из страны утекают технологические и людские ресурсы, а общество наполняется враждебными агентами влияния, отнимающими очень много сил. Это не говоря о том, что спецслужбы формируют изрядный научно-исследовательский потенциал (об этом ниже). Другой частью системы общественного иммунитета являются те, кто способен критически воспринимать тотальные проблемы и связанные с ними перспективы, и в той или иной степени конструктивности (осознавая ее возможность) взаимодействовать и консультировать правящих администраторов. Только при признании невозможности диалога с привластными элитами естественным образом появляются революционеры. Совершив революцию и отстояв ее завоевания, требуется стоять на их страже. Именно поэтому, например, элитная иранская спецслужба носит название «Корпус Стражей Исламской Революции» (КСИР) и, составляя часть вооруженных сил страны, включает в свои задачи вопросы идеологии и борьбы с подрывной деятельностью. Другим примером являются США. Рассматривая общественные процессы в этой стране в 2012-2013 гг., я пришел к выводу, что уничтожение там «среднего класса» и возможный уход последнего в экономическую и коммуникационную «тень» может сопровождаться уходом туда же представителей американских intelligence[26], являющихся милитарным аналогом российской «интеллигенции» с высшим образованием, широкими связями в академическом сообществе и специализированными прикладными знаниями в области гуманитарных и социальных технологий, способных стать лидерами мнений в этой «тени», а также запустить и контролировать процессы социальной организации низового уровня. Потенциал этой «тени» я оцениваю достаточным для формирования не просто революционных настроений, а параллельного общества, способного, в конечном счете, сбросить «старую кожу» со всеми ее блестками роскоши.

Однако чаще всего такие связи между приведенными группами (являющимися, в действительности, режимными формами одной типологической группы, имеющей реальное воплощение во множестве

[26] См. ниже раздел "Даркнет как "темная материя" социальной самоорганизации".

различных комьюнити, более-менее связанных между собой социально и культурно) рассматриваются в свете ресурсной причинности (одна группа оказывает поддержку другой), нежели как явление одного порядка, то есть как некий тип общественной группы с единым типом представляющих ее личностей: в одном случае (мирный период) функционирующей как спецслужбы, основной задачей которых является разведдеятельность; в другом (период внешней либо тотальной внутренней агрессии) – как партизанское движение, в системном воплощении и при народной поддержке представляющее собой почти неубиваемую военную силу; в третьем случае, в периоды существенных кризисов управления общественными процессами (разложение элит, кризисы государственного управления) – как движение революционное, направленное на смену элитной и прочих структур общества.

Во всех трех случаях, кем бы ни были эти люди, их основным фактическим мотивом является системно реализуемые безопасность и адаптация общества в окружающей социально-природной среде, вне зависимости от того, какие мотивы номинально декларируются их институционализированными аналогами. То есть эти декларации и мотивы могут совпадать или нет, но в своей действенной форме они являются наиболее патриотичными и социально ориентированными акторами, на которых общество предъявляет спрос de re. Соответственно, формирование и актуализация группы в тот или иной период существования общества, как часть системы общественного гомеостаза, происходит, как правило, внеинституционально, а после того, как будет достигнут желаемый гомеостатический эффект, группа получает свой институт с соответствующим названием (и, при определенных условиях, финансируется и разрастается, иной раз изрядно, подобно разведсообществу США к. XX – н. XXI веков), при этом часть ее представителей переходит в другие области общественного управления (подобно тому, как иные руководители партизанского движения в СССР после войны умудрялись воссоздавать из руин богатые сельские хозяйства).

Почему это важно? Дело в том, что оптимизация перехода группы общественной безопасности (взятой как естественный социальный феномен) из одного режима существования в другой минимально насильственным

образом представляет собой не только задачу социальной адаптации, но и особый уровень управления общественными процессами, связанный с пониманием неких существенных, и даже критических, принципов, лежащих «по ту сторону» общественного договора и тем, собственно, составляющих управленческую проблему.

Все три группы, представляющие разные варианты одной социальной (вернее, социально-личностной) формы, поскольку открытость их фактичности связана с открытостью же скрытного характера их действия, окутана ореолом мистификаций и таинственности, особенно в период наибольшей активности той или иной из этих групп. И главное направление их демистификации, ИМХО, должно быть связано как раз с пониманием их исторической взаимотрансформативности.

Далее я пытаюсь связать между собой:

- отмеченный выше научно-технический потенциал группы общественной безопасности, наиболее ярко реализуемый в институциональных формах (по крайней мере, в обществах с ростовой экономикой капиталистического типа);
- вопрос о «трансисторическом» управлении общественными процессами (с учетом различных форм существования групп общественной безопасности);
- еще одну функцию этой группы, связанную с общественной безопасностью – с одной стороны, и с ценными прикладными знаниями – с другой: выживальщицкую, или сюрвивалистическую, функцию (в качестве примеров можно привести тот же КСИР, в задачу которого, кстати, входит помощь в чрезвычайных ситуациях, а также российское МЧС – пожалуй, единственный пример в мире, где до сих пор преимущественно субкультурные знания и практики выведены на уровень компетенции государственного министерства); эту функцию в ее развитом виде можно считать ключевой (по крайней мере, на рубеже XX и XXI вв.), обеспечивающей рекрутмент в группу общественной безопасности из широких народных масс и комьюнити субкультурной направленности;

- формат участия групп общественной безопасности в управлении государством и обществом и использование ими для этого специфических инструментов мониторинга, анализа и принятия решений.

Если начинать с первого пункта, то наиболее актуальной здесь темой будет пример упомянутых США, чье разросшееся разведсообщество породило целый экономический комплекс, производящий, с особым порядком финансирования, государственно-частную инноватику – то ли параллельно-подобный военно-промышленному, то ли составляющий его значительную часть. Но это не самый первый пример, когда группа общественной безопасности системно работает в области науки и технологий. Таковым примером не может быть и деятельность нацистской Аненербе, чьими прагматическими подобиями стали RAND и множество ARPA-образных проектов в США (в СССР, похоже, такие целевые институты не создавались вообще, если не считать организаций первых лет советской власти). Едва ли не наиболее ранним примером такого рода деятельности является «Совет Девяти» царя Ашоки, чья мандала расположена в центре нынешнего индийского флага. В этом смысле проявляются различные отношения группы общественной безопасности, с одной стороны, к возможностям знаний, с другой стороны – к возможностям технологий, откуда происходит три типа такого отношения к ним:

- выяснение наличия и реализуемости;
- способствование реализации;
- предотвращение реализуемости.

Разумеется, в различные исторические периоды акценты делались по-разному как между этими отношениями в целом, так и в распределении по внешней и внутренней средам обеспечиваемого этой группой общества. Например, согласно преданию, «Совет Девяти» собирал источники знания внутри общества в рамках политики предотвращения распространения нежелательных знаний и навыков, дабы не «наломать дров», нацисты выясняли возможность и воплотимость идей древних, а в США была создана система пропаганды новых технологических реалий через медиаконтент, дабы способствовать адаптации технологических новинок в обществе, готовя для их появления рыночные и производственно-кадровые условия.

Разумеется, эти вещи научно-технологического порядка относятся к разведдеятельности и компетенции спецслужб. Но, с другой стороны, и сама наука Нового Времени, с момента основания Лоренцо Великолепным университета нового типа, стала ничем иным, как разведыванием у природы (это если не считать более позднего, но не менее интересного и важного, кунсткамерного, источника науки, основанного на подсматривании у природы курьезов, девиаций и аномалий). Ранее понятия, имевшие известную долю религиозно-нравственного и церковного начал в оттенках своих значений (ср. английские “exploration”, “examination”, “inquisition”, “experiment”), стали впоследствии научными, замещаясь экономическими коннотациями (“investigation”, “investment”). Исследование и расследование природы чего-либо происходит по праву облеченности полномочиями, но уже по преимуществу финансовыми, либо государственными (в меру подконтрольности финансов государству), нежели морально-нравственными или религиозными. Именно поэтому наука, взятая как капитал и часть капиталистической системы воспроизводства, в лице ее представителей бежит туда, где в нее вкладываются, и ей, кроме ценности «познания истины» (а по сути, познания сущего и аспектов его возможного использования), плевать, по большей части, на все прочие ценности, в частности – на вопросы должного, которые, однако, составляют этическую праоснову экономического дискурса, в рамках которого такая наука обретает свой смысл. Хотя в последнем случае имеются исключения, к коим относится, например, корпус медицинских знаний со всей его деонтологией.

Далее, по мере общественного развития и стратификации исследовательской деятельности, разведывание природы дополнилось разведыванием полученных результатов у тех, кто уже у нее разведал, без существенных затрат на научные и конструкторские пробы и, разумеется, перехватом контроля над научно-технологическим производством. Иначе говоря, речь идет о формировании (по крайней мере, в капиталистической системе разделения труда) социальной стратификации исследовательской деятельности, воплощающей классический марксов принцип паразитирования на прибавочном продукте. На национальном уровне это разведка в отношении других стран, на уровне капитала внутри одной страны – в отношении конкурентов, при неизменном хранении своей

деятельности в режиме секретности Полишинеля. Внеинституциональные формы такого паразитирования известны под именем «плагиат» и наиболее заметны в периоды кризиса идей, распада социализирующих институтов научно-технологического производства и выключения внутри них карьерных лифтов; то есть известный набор явлений «пауков в банке», заболачивания творческой среды и получения грантов «аксакалами» под чужие идеи по старому принципу приращения капитализации за счет снижения издержек и эффекта массовости. Эта категория насыщена людьми науки (авторами организационных концепций либо организаторами), причем с широко известными широкими гуманистическими взглядами: русский Миклухо-Маклай, английский Даниэль Дэфо, американский Николас Негропонте, советский Евгений Примаков.

В то время, как исследования составляют основу задач разведчиков, будь то сугубо научных, внешних или внутренних, для поддержания существующей системы общественных отношений, главной задачей революционеров является трансформация общественного организма на уровне принципов устройства и структуры элит с целью адаптации к среде и требованиям времени. Наибольшая эффективность их деятельности обеспечивается при наибольшей системности знаний, подчиненных этим задаче и цели, а наиболее эффективное обеспечение их этими знаниями происходит при наиболее системной и грамотной организации разведывательной деятельности, обеспечивающей их мониторинговой и аналитической информацией. Здесь уместно вспомнить о том, сколько среди деятелей Русской Революции или людей, сочувствовавших ей, было лиц с революционными научными идеями, да и вообще лиц с широким кругом познавательных интересов (стоит вспомнить П.А.Кропоткина, А.А.Богданова, Р.О.Бартини, М.А.Охитовича и многих других). Главную трудность здесь представляет сама трансисторичность деятельности революционеров и противостояние им легальных и официальных организаций общественной безопасности. Это значит, что уровень их информационно-аналитического обеспечения должен быть либо соизмерим, либо асимметричен обеспечению легальных и официальных спецслужб. Либо в обществе должны быть неким образом выстроены специфические механизмы, обеспечивающие «бесшовный» переход к ним контроля над процессами

управления. Разумеется, такое предположение выглядит полной маниловщиной и идет вразрез с классиками революционной борьбы, однако продиктовано исключительно гуманистическим пафосом автора этих строк. Как бы то ни было, отмеченная соизмеримость либо асимметричность системы познавательного обеспечения, если отказываться от идеи такого обеспечения за счет интервентов (что уже имело место в Истории), должна состоять в том, что в революционеры-подпольщики должны прийти выходцы из спецслужб и академической среды, о чем я высказался в рамках рассмотрения происходящего в США процесса исчезновения среднего класса начала XXI века (и что также отчасти имело место в российской Истории начала XX века, когда иные агенты царской охранки способствовали революции).

Аналогичная задача информационно-аналитического и познавательного обеспечения стоит и перед партизанами, но, в отличие от революционеров, несмотря на ключевую роль партизанской тактики в революционной борьбе, перед ними особо стоит вопрос сохранения идейной и культурной идентичности при одновременном условии сохранения способности к активному и скрытному же сопротивлению противодействующим факторам подавления, безотносительно к тому, являются эти факторы внешними (интервентами) или внутренними (деградирующий и репрессивный аппарат управления). В этом смысле партизанство, как корпус знаний и практик, оказывается логически внеположным и разведдеятельности, и революционной деятельности (между собой противоположным по основанию), в качестве общего силового метода действия в целях обеспечения "общественного иммунитета" (неизменно редуцируемого в системе государственного управления до государственной же безопасности), обеспечивающего, на различных уровнях организованности и легальности, как грядущую революцию, так и достигнутые ею завоевания, исходя из первичной оценки ситуации де-факто при вторичности (если не принципиальном игнорировании) оценки ситуации де-юре.

И в этом же смысле партизанство представляет собой некое промежуточное состояние между разведдеятельностью спецслужбиста и подпольной деятельностью революционера, являясь местом пересечения того и другого, и в эту "область пересечения" входят с обеих сторон. Как предельный

инструментальный и функционально-методический аспект деятельности группы безопасности, противопоставленный революционному и разведывательному аспектам как преимущественно целевым, этот вид деятельности обременяется целевой же функцией ситуационного управления процессом борьбы и установлением контроля в зонах действия – с одной стороны, и выделения собственной практики в некую, планомерно организуемую, систему средств и методов ситуационной деятельности, связанной с выживаемостью субъектов этой деятельности, распространяемой на любые ожидаемые в рамках располагаемой модели чрезвычайные ситуации – с другой стороны. Собственно, эта «другая сторона» и представляет собой полностью содержание теории и практики сюрвивализма, взятого как легальный институт и субкультурное явление.

То, что все три категории являются элитными инициаторами социального процесса, способно определяться проявлением способности у хотя бы одной из них (поскольку, как выясняется, одно есть обратная сторона другого). И, хотя автор этих строк не сторонник социобиологических аргументов и способность к смелому поступку скорее связывает скорее со способностью вдохновения, решимости и здоровья любого возмутившегося человека, здесь будет весьма уместен именно такой аргумент одного из наиболее основательных исследователей революционного процесса В.Д.Соловья, поскольку:

> *"Занятие революцией, точнее, даже способность помыслить о революции всерьез, служит отличительной чертой определенного психотипа. Именно люди с таким психотипом совершают революции и выступают ее авангардом. Те, кто его лишен, оказываются в стороне или втягиваются в революционный процесс помимо своей воли. Людей с революционным психотипом (по-другому их еще можно назвать нонконформистами) в любом обществе немного. Нонконформистское ядро составляет всего лишь 3-5%, и похоже, что оно биологически детерминировано. (Ситуативно к нему может присоединиться до 17-20% общества. Но большинство – никогда.) Причем далеко не все из этого биологического ядра нонконформистов движимы высокими идеями и самопожертвованием, то есть этакие Данко, вырывающие собственное сердце, чтобы осветить путь заблудшему человечеству. Среди них немало людей, которых мой покойный друг, Михаил Малютин, называл «хаотами», то есть теми, кто выступает против любого политического и социального порядка. И совершенно неважно, какой это порядок и под каким идеологическим знаменем против него выступать. Просто по самой своей природе*

«хаоты» враждебны любой упорядоченности, они, что называется, врожденные революционеры"[27].

Отсюда проистекает существенная задача, требующая нетривиальных решений: как и в каких формах получить контроль над управлением стационарным, оседлым, обществом среди условий и средств, соответствующих режиму «выживания», особенно с учетом того, что системные компоненты партизанской инфраструктуры (если о ней вообще идет речь) полустационарны или мобильны по преимуществу, а в некоторых случаях носят дисперсно-роевой характер. Собственно, этот характер и эта мобильность как раз и играют здесь ключевую роль, будучи сегодня принимаемы на вооружение странами «первого мира», переходящими на принцип действия малыми группами – так что вскоре, вполне возможно, основная тактика регулярных войск будет неотличима от тактики партизан. Иное дело – ресурсы: против партизана действуют, в одном случае, либо безопасники-охранители, либо интервенты, при мощной поддержке внутренних либо армейских войск, вкупе с мощным арсеналом мониторингово-аналитических и пропагандистских средств, интегрированных в публичные площадки, а также, самое главное, при мощном финансовом обеспечении. В этом смысле в «новые партизаны» начинают вливаться патриотично настроенные представители спецслужб, что и следует ожидать в США в первую очередь как в мировом эмиссионном центре, ибо финансовой поддержки со стороны «интервентов» ожидать вряд ли стоит (ну не Китай же будет ее источником, уже 30 лет как растущий за счет рынка США?!). И тут выявляется еще одно различие, связанное с задачей формирования и повышения внутренней самоорганизации и распространения этой самоорганизации на все общество.

Дело в том, что даркнет, в который уходит сегодняшний истребляемый средний класс – это не совсем партизанство. Во всяком случае, коннотативно, ибо партизанство – военно-социальное движение, а те, кто

[27] В.Д.Соловей. "Революtion!". Издательство «Эксмо», Москва, 2016 г. Здесь основное сомнение связано с природой этих самых 3-5%: дело в том, что оно может иметь не только биологический, но и социальный, генезис. Речь идет о флуктуациях судьбы, выбрасывающих личность в нетипичную последовательность событий, а потому особенности организма (соединительнотканная дисплазия, синестезия или что еще), хоть имеют значение, но не исключительное. Это не более, чем союз внешних и внутренних факторов, кэрроловское или нэшевское действие в обе стороны (или, вернее, с обеих сторон) сразу. Извечно проблемные бытие и отношение здесь оказываются более существенным фактором, нежели сущее и соотносимое.

составляет основу общества потребления, воевать, в большинстве своем, не особо стремятся или не умеют. Львиная доля этих граждан представлена хипстерами – лицами творческих профессий, в меланхолической экзальтированности озабоченными собственной экзистенциальной заброшенностью. И, в общем-то, желания завоевывать кого-то у них нет. В большинстве своем у них есть типичный сценарий собственный жизни, связанный с получением высшего образования и, если повезет, своего небольшого бизнеса, дабы не «работать на дядю». Вполне себе нормальная мотивация смитовских мелких собственников-бизнесменов. И вот их-то вытесняют в область криминала – не только ростом безработицы из-за снижения совокупного спроса и «заменой мелкой розницы мегамоллами», но и как будто специально сделанными для этих целей вещами вроде тюремных сроков за пользование торрентами[28]. Потому и появляется даркнет – не совсем криминальный, не совсем легальный, но полукриминальный (ибо вынужденно криминальный), полулегальный (и, разумеется, имеет градации в сторону избавления от этого «полу-»). То есть у него имеется два качества:

- его социальная структура в массе своей не исчерпывается представителями элит общественной безопасности;
- существенную роль в его формировании играют инфокоммуникационные технологии, прежде всего – технологии так называемого «социального софта», не исчерпывающегося официальными и широкоизвестным социально-сетевым софтом вроде Facebook или Вконтакте.

Добавление необходимых регламентных компонентов к специфически организованной архитектуре такого софта ведет к появлению нецентрированных систем управления пирингового типа[29]. Но для формирования такой управляющей системы низового уровня, как говорится в том документе, нужна смена парадигмы пользовательского присутствия в среде Интернет. Не больше и не меньше. И эта смена произойдет постольку,

[28] Насчет формирующейся в США системы тюремных индустрий также см. отдельную главу.

[29] О чем идет речь в последней главе статьи «Ситуационные центры и нецентрированные системы управления в историческом контексте», представленной в качестве одной из глав книги "Возможность управления...".

поскольку технологическая среда общения вынуждена будет измениться под давлением требований локальных и глобального процессов.

Я понимаю, что недостаточно раскрыл здесь тему трансисторического управления обществом. Это весьма непростая вещь, скорее всего, образующая предмет целого исследовательского проекта, и кажется, что такая задача вообще не выполнима, поскольку смена элит почти всегда сопровождается общественным хаосом, потрясениями и массовыми трагедиями. Между тем, я убежден, что разработка и применение специфических представлений и средств управления, возможности которых становятся все более очевидными, способны решить и эту задачу, выведя человечество на новый этап социальной эволюции.

Конкретным примером того, о чем шла речь касательно партизан и прочих категорий, как ни странно, может служить свадьба племянника "чеченского господаря" Рамзана Кадырова[30], празднуемая с размахом аравийского шейха на невесть какие деньги (хотя, конечно, федеральные, ибо говорить об официальном и легальном торговом обороте Чечни попросту глупо – нефть там отнюдь не аравийских масштабов) при нищающем населении России. Такого рода свадьбы в такого рода условиях существования страны бывают, когда ведешь эффективную повстанческую войну с Федеральным Центром, а потом садишься на ресурс борьбы с повстанцами, эксплуатируя страхи этого Центра за нефтедолларовый счет и де-факто получая контрибуции. Ибо главный ресурс восточного торговца, исповедующего религию торговцев – человеческие хотелки да страхи. Это – пример успешной партизанской войны, приведшей к созданию реальной автономии в составе федеральной империи с мощной региональной элитой. Все это наводит на одну интересную мысль из области военной политики, казалось бы, не связанную с этими, теперь уже не фээсбэшными, но чеченскими, гелендвагенами: насчет специальности егеря, чьи целевые способности – очень метко стрелять, да бесшумно "преодолев все трубы и колена канализации, найти и уничтожить любую задницу". Если посмотреть в ретроспективе, то государство до чертиков боится егерей. Оно их создает под конкретную задачу, и под нее же учит и воспитывает, а потом уничтожает: так было при Николае I, в свое время расформировавшем егерские полки русской армии,

[30] https://www.youtube.com/watch?v=RXl55T_4D7Q

так было при Сталине, накануне Второй Мировой объявившем охоту на тех офицеров, что, вслед за Фрунзе, предлагали заблаговременно готовить партизанские подразделения, и спешно формировавшем партизанские отряды из необученного населения, когда война началась. И в Чеченскую войну тихие ребята в лохмотьях появились тоже не сразу. Пока егерь сидит в засаде, выслеживая потаенных, он крайне осторожен и много думает – в том числе о тех, на кого он охотится. У него много шансов стать философом и революционером, а в долгосрочной перспективе – исключительным военным специалистом, чьи навыки и умения как нельзя кстати подходят к задачам хирургического обеспечения революции. Потому в этой, проистекающей из специфики его деятельности, перспективе он опасен.

Общесистемным примером существенной задачи элитных категорий, о которых здесь шла речь, является решение проблемы узурпации власти, осуществляемой как социально не ограниченное проявление воли к власти. А поскольку этот феномен всегда так или иначе связан с насилием, на нем имеет смысл остановиться отдельно, поскольку еще одной, общей, задачей элит, сознающих себя и действующих в более развитых формах, нежели примитивные, является минимизация насилия в условиях конфликтов и выработка приемлемых условий и устройства существования общества, сглаживая конфликты – как сословные, так и классовые; к тому предлагаются разные способы (включая насильственные), но все это именно способы управления, направленные, в конечном счете, на поиск условий "как можно более вечного мира"[31].

Все три категории с трансисторической миссией антитетичны к государству по сути, но если с партизанами и революционерами все более-менее ясно, то с разведчиками (спецслужбами) могут быть вопросы: казалось бы, как же так, ведь они часть госаппарата? Тем не менее, дело не только в том, что они заведомо международно кооперативны в своей задаче фактической выбивать финансы у собственных госбюджетов под разруливание проблем "внешних угроз", но и сама их официальная функция связана с противопоставлению себя государству в "интересах общества" для лучшего

[31] Все это вот к этому интересному рассуждению Нассима Талеба (https://insider.pro/ru/opinion/2016-08-16/kak-rabotaet-diktatura-menshinstva/#), в котором, в частности, содержится раскрытие интересных принципов ренормализации, отсылающих к фрактальному самоподобию и дополняющих мои собственные рассуждения насчет модели и рекурсии.

управления им согласно в его же интересах действующему "основному конституционному регламенту, и пребыванию в структуре государственного управления на институционально "полувнешней" позиции стороннего наблюдателя, ибо эта их функция – контрольно-предупредительная. При этом собственное государство интересным образом всегда выступает как субъектом, так и объектом влияния со стороны разведсообщества по сходным каналам коммуникации, то есть отношение государства и его спецслужб содержит особую внеиерархическую компоненту внутри иерархической по своей исторической сути системы. А потому в принципе нетрудно переопределить направление разведывательной деятельности на предотвращение возникновения в обществе/стране государственных начал в новой системе цивилизационных условий. Да, разведсообщество – во многом "вещь в себе", но без цели и объекта приложения оно существовать не может и деградирует.

Важной новостью здесь является то, что все три рассмотренные здесь категории являются взаимоуравновешивающими политическими полюсами, причем полюсами формирования базовой политической позиции для любого гражданина едва ли не на базе его архетипов "экстренного макросоциального действия", а потому позволяют общественному кораблю проплыть между Сциллой иерархии и Харибдой анархии, не создавая при этом напряжения полугосударственничества, чреватого рисками диктатуры в исторической перспективе[32].

Важным моментом здесь излагаемого является то, что элитная позиция может мыслиться как функциональная, а не как сословная или классовая, позиция. То есть формирование элит и "деэлитаризация" могут мыслиться как проект под определенный функционал макросоциальных задач. Все остальное – вопрос человеческого достоинства, воспитания и "аристократии духа", которые имел в виду академик Д.С.Лихачев, когда говорил про интеллигентных крестьян Русского Севера.

[32] Анархия а данном случае берется как "не-управление", а не как кропоткинская "не-власть". Не власть, но управление, обеспечивает республика в том смысле, как она здесь вводится. Анархия есть название состояния, основанное на отрицании – именно поэтому требуется вернуть изначальный смысл выражения res publica в модусе via positiva.

Разные виды социальных проектов, а значит, и проектантов

Относительно решений проблем и задач, предлагаемых себе и миру в рамках управления социальной средой, просматривается существование, по крайней мере, двух типов проектов: по степени регулярности их выполнения – с одной стороны, и основаниям связи с медиа – с другой. Первый тип – разовый, к числу которых относится спецоперация или некая организация течения событий, имеющая ожидаемый результат, который проблематизируется как идеальный или должный в некоторой системе значимостей. В данном случае уместно вспомнить соображения на тему трех типов групп общественной безопасности (или, вернее, "общественного иммунитета"), приведенные выше с целью прояснения ответственных за трансисторическую преемственность социальных категорий: "разведчиков", "революционеров" и "партизан", которые, похоже, образуют особую категорию элит (и класс над классами, и сословие над сословиями) со взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми функциями, триедино решая прикладные задачи трансисторической преемственности общества в условиях переходных и кризисных периодов; а значит, являются прикладными (профессиональными) занятиями философа, поелику последний как раз и есть тот самый человек в обществах античного-аврамического типа, кто в силу своей специализации озабочен именно что трансисторическими вопросами (причем, как показывает исторический опыт, безотносительно к тому, мыслит он себе это или нет).

И революция, и разведдеятельность (в англоязычном смысле intelligence), и партизанская (диверсионно-теневая) работа направлены, в общем и целом, на конкретные разовые проекты, сменяющие один другой, способные выполняться на основе регулярных принципов и даже фундаментальных знаний, однако каждый раз являющиеся отдельными случаями социальной процедуры (подобно тому, как практикующий хирург оперирует по поводу каждого конкретного случая, но по вполне конкретной методике) при сопровождении объектов наблюдения или выявлении структуры интересов в наблюдаемом сообществе (например, клике), диверсионной военной деятельности, либо для смены политического режима; для всего этого исследуется социальная активность противника в ландшафтном и гражданском пространстве, применяются методы конспирации, а также

изучаются соответствующие социальные группы и сети. Очевидно, что авторы разовых проектов и спецопераций, представляющих собой организацию конкретного потока событий, действуют в рамках некоторой стратегии. И, несмотря на то, что обычно понятие «спецоперации» связывают именно с деятельностью intelligence, применительно ко всем трем категориям (вернее, деятельностным режимам существования одной и той же категории) более уместным представляется применение термина «социальная операция».

Эту триединую когорту дополняют медийщики, осуществляющие более регулярные (лонгитюдные) проекты в социальной среде, но стоящие относительно внешнего по отношению к ним, не контролируемого ими, потока случаев – новостного потока, производимого информагентствами и контент-агрегаторами. Масс-медиа есть та отрасль деятельности индустриальной эпохи, в которой оказываются возможными целевые модельные эксперименты, посвященные усовершенствованию общественного и межчеловеческого устройства[33].

Используя представления классической виртуалистики (предполагающей исходную реальность), можно сказать, что контроль этого потока с их стороны, если даже имеет место, ограничен возможностями его дополнения, фильтрации (причем в случае фильтрации – для определенной аудитории), а также интерпретации в системе так называемых «экспертных комментариев», размещенных по уровням экспертности и, в целом, состоит в переводе информационных событий в поле событий реальных посредством сенсационных фактологии и форматов ее преподнесения; но этот контроль не распространяется (во всяком случае, полностью) на сферу формирования исходно реальных событий как информационных поводов медиа трансляций – это есть удел проектантов соцопераций, интерпретирующих создаваемые события и ситуации в категориях системно понимаемых социальных процессов. Если же такое формирование потока событий медийщикам и присуще (что расхоже обычно связывают с профессией PR-менеджера), то это, как правило, относится либо к случаям

[33] У автора этих строк сложилось впечатление (возможно, не вполне корректное), что наиболее в этом направлении на начало XXI века продвинулись "главнейшего из всех искусств", пожалуй, испанцы, британцы и американцы – давние специалисты по социально-управленческим практикам.

комплексной работы, предполагающей разделение труда между двумя отмеченными типами акторов, либо к так называемой деятельностной сфере event-management, относящейся, несмотря на свое общее название, скорее к сфере брендирования, организации досуга и так называемого новомодного «рынка впечатлений», нежели к трансисторическим средствам «социальной хирургии».

Между тем, на сегодняшний день представляется, что именно комплексная работа по ровному и достаточно гомеостатическому управлению согласованием жизненных перспектив и стратегий общества, объемлющая собой оба отмеченных типа социального проектирования и получающая творческую искру на стыке этих типов, есть дело, так сказать, "сверхновых медиа", появление которых можно было бы ожидать.

Размышляя о том, как можно было бы перевести на английский язык, являющийся сегодня языком авангарда исследований в области социального управления и культурных индустрий, я бы отказался от использования напрашивающегося варианта “supernova media” (тем более что словом “Supernova” называется известный медиаметрический продукт), но применил бы выражение “super new media”, как более отвечающее понятийной реальности, поскольку это понятие сохраняет коннотации “new media”, одновременно обозначая суперпозицию над имеющимся авангардом в связи с требованием наиболее общих и радикальных макросоциальных решений. Иначе говоря, сверхновые медиа – состояние, в которое должны перейти новые медиа. И никаких "пост-": хватит поститься!

С вопросами экономики знаний тесно связан вопрос о памяти в системе социальных приложений. В новой инфраструктурной реальности также должна быть решена проблема отчуждения знаний от высоко квалифицированного специалиста (каковым неизменно оказывается универсалистско-возрожденческий проектант). Структура мотиваций плюс дизайнерская ориентация на скорость прохода (в обход массовизации и расширения масштаба), на мой взгляд, должны решить проблему.

Но именно здесь возникает вопрос о том, что именно есть сверхновые медиа, работающие в экономике, акцентированной на эффект масштаба, то есть на массовость стандартизированного потребления. Лишь отчасти

решения можно найти у учебниках по маркетингу 1990-х гг. Общим же ответом будет то, что новый характер массовых коммуникаций будет ориентирован на развитие нетворкинговых концепций, то есть ситуаций не только ассоциации, но что более важно, диссоциации и переформирования экспертных групп при сохранении дружественности контактов и реальной установки на потенциал возможного сотрудничества. Собственно скорость прохода зависит именно от корректного формирования экспертной группы и процедуры внутреннего взаимодействия под конкретный запрос.

И, конечно, поскольку дизайн для реального мира создается вне рамок luxury, целый ряд премиальных вещей (включая художественно премиальные) возможны в своем появлении «снизу» и, разумеется, с использованием сравнительно недорогих материалов.

В двух следующих разделах данной главы предпринимается попытка прояснить ключевые проблемные аспекты социальной реальности, составляющей предмет работы "проектантов социальных операций" и "проектантов брендов" на более широком территориальном пространстве и более сложной общественной среде, чем совокупность распределенных по ограниченной климатической ойкумене конкурирующих полуплеменных-полуфеодальных банд, историческими перспективами которых иные авторы нынче пугают просвещенную часть человечества.

Узурпация власти как социальная патология

Здесь речь идет о том, что до того, как рассматривать в качестве уголовного преступления, узурпацию следует рассматривать как социальную болезнь. Но для этого необходимо встать на перипатетическую позицию и признать социум специфическим организмом. Этот материал – на правах памятки, причем в той же мере для людей искушенных, в какой для невежд, идиотов и людей забывчивых (в том числе исторически забывчивых). Он продолжает тему социальных болезней, среди которых ранее был обозначен капитализм как трансисторическая и хроническая патология[34].

Узурпация власти, как притязание на ее несменяемость безотносительно к требованиям закона, считается уголовным преступлением в обществах, организованных по типу конституционных монархий с рациональной

[34] См. соответствующий раздел в книге "Возможность управления...".

бюрократией (большинство стран Европы, включая Россию), президентских республик с конкурентной системой государственного администрирования (США) и конфедеративных республик (Швейцария)[35]; последние два случая сегодня уникальны. Тезис об уголовном статусе узурпации многими, его разделяющими, воспринимается с протестным аффектом эпохи буржуазных революций XVIII-XIX веков. Перипатетический взгляд на общество, вкупе со следующим из него клиническим стандартом научности, проясняет беспристрастную причину того, почему узурпация имеет основания считаться уголовным преступлением, хотя сама ее криминализация оказывается проистекающим решением в системе правового регулирования, но никак не абсолютной исходной данностью – тем более «богоданностью» или «богозапретностью». Вместе с тем, полагаю, что если рассматривать этот вопрос таким образом, то в поисках ответа на него люди будут меньше искать виноватых, и больше – конкретных и конструктивных решений проблемы. Хотя увы: как показывает История, часто здесь решения находятся в сфере «социальной хирургии».

Удержание власти одним лицом, группой или категорией лиц ведет к утрате контроля над системой управления общественными процессами. То, почему это происходит, обусловлено ограниченностью человеческого ресурса – ограничениями памяти соответствия и обуславливания исходных целей и деклараций при вступлении в должность результатам пребывания при ней, ограничениями возможностей принятия информированного решения, а также, что более важно – задачей избегания переспециализации общества по целям и задачам политического и экономического характера относительно суммы интересов отдельной группы элит. То есть условием здорового состояния общества может быть признание того, что ни одна задача или установка политического или экономического характера не может быть вменяема всему обществу абсолютно – непреложно и бессрочно. В этом смысле узурпация рождает тем большую диспропорцию, чем больше разница между емкостью и сложностью общества – с одной стороны и, с другой стороны – немногочисленностью и безответственностью элит, удерживающих власть в несменяемом состоянии – как правило, путем

[35] Две страны с пока еще государственными формами управления обществом, исторически возникшими вследствие борьбы против включения в некую внешнюю государственность.

подмены принципами землячества и кумовства принципа институциональности. В конечном итоге узурпация завершается известными вещами – военно-революционными трансформациями вследствие перехода дисбаланса общественных интересов в рост социальной напряженности до критического уровня, что нередко совпадает с халдуновскими и демографическими циклами. Во всяком случае, отсутствие процедурных ритмов сменяемости власти ведет к запуску естественных процессов социальной динамики, управляемых вне- и надличностными законами, но не управленческим творчеством.

В случае же институциональной сменяемости власти (какую бы форму она ни имела) приходящий к ней вновь может использовать прежние предпосылки, цели и декларации, причем не в качестве мотиватора, вмененного себе в обязательном порядке как руководство к действию, а в качестве исторического (или, вернее, новейше-исторического) условия, в котором он вынужден действовать, и более волен в том, чтобы придерживаться этих предпосылок или менять их. Однако если таковые могут меняться в пределах одного срока правления, то это не существенно (таковыми, например, оказываются явно нуждающиеся на конец 2015 г. в пересмотре указы президента В.В.Путина от 12.05.2012).

Куда более важной системной причиной сменяемости власти как условия социального здоровья является фактор вовлеченности в процесс, и возможность выхода из него для возможности наблюдать со стороны – включая последствия собственных управленческих действий (это не говоря про пагубы управленческих иерархий, заведомо чреватых потерей контроля и откровенным вредом для здоровья – о чем с таким юмором живописал Л.Питер). В предельном случае узурпатор оказывается не в состоянии уйти из власти без рисков для самого себя при продолжающемся накоплении груза ответственности – тем более увеличивающемся, чем более основания такой бессрочной власти сакарализуются, для чего заключаются политические сделки с религиозными конфессиями. Постоянные усилия по удержанию власти (а наличие властных полномочий вообще должны предполагать «в норме» таковые усилия?), сдабриваемые к тому же нередко азартом и аффектами (особенно когда власть удерживается из страха, то есть неизменно на страхе подвластных) все больше уменьшают возможности

сторонней оценки собственных действий и попадания в ловушку пропагандистской аналитики (именно поэтому я ничего не говорю про разного рода рейтинги и «фирменные опросы избирателей»: они не имеют никакого отношения к оценке надличностных состояний и процессов социального организма). А в связи с тем, что узурпация ведет к размыванию властного поста в качестве рабочего места, и превращению этого места в сакральное, перекрываются также возможности грамотного или научного разговора о природе управления общественными процессами, что ведет к дерационализации системы социальных коммуникаций.

Можно было бы, наверное, выискать иные причины, объясняющие патологический характер узурпации, однако считаю перечисленное достаточным.

Возвращаясь к началу этого параграфа, можно прояснить обновленное основание для криминализации проявлений узурпации власти: таковые проявления (включая ограничения гражданских прав и свобод) теперь могут мыслиться как проявления управленческой безответственности, противоречащей исходной посылке и условию делегирования лицу, группе или категории лиц властных полномочий: решению официально заявленных и социально акцептованных, легитимных, задач с эффектом, ожидаемым и оцениваемым в конечные сроки по конечному набору критериев. (Главной же управленческой задачей здесь неизменно является социальная адаптация максимума граждан, осуществляемая посредством создания систем разделения труда и регуляции степеней углубления такого разделения.) То есть в уголовном смысле узурпация может мыслиться как безответственное поведение управленца, чреватое очевидным риском потери профессиональной пригодности (или, по Питеру, компетентности). Показателем, требующим обозначения в законе в качестве отягчающего обстоятельства, должны являться стремление несменяемо удерживающих в свою пользу власть элит упростить структуру общества, а также обусловленные этим стремлением действия. Понятно, что тогда здесь возникает вопрос о законодательной допустимости реформ, и «с другого конца» вылезает вопрос об адаптивности общества, но он оказывается не столь существенен, если развивать, закреплять и воспроизводить не только в законодательных, но и в гражданских, структурах идею социального

организма, а значит, условий его деградации и механизмов препятствования этому.

Аргументом в пользу инновационности излагаемого здесь является то, что буржуазные революционеры недавнего прошлого – авторы большинства европейских конституций для ограниченных монархий со спящими полномочиями – не имели никаких операциональных оснований для того, чтобы мыслить общество как социальный организм (перипатетически) в виду не развитости ни инструментов воздействия, ни целостной социальной теории (таковая только создавалась К.Марксом как раз в этот период, и осваивалась параллельно с конституционным процессом). Сегодня же, в условиях необходимости пересмотра и адаптации многих вещей, открытых Марксом, к новым реалиям, таковая теория не только еще не отстроена, но многими вообще не мыслится как таковая. Кроме того, буржуазные революции происходили в период жесткого разделения естественных и социогуманитарных наук, что исключало целый спектр подходов к пониманию органических и целостных аспектов социальных систем, не говоря про то, что в тот период отсутствовали имеющиеся сегодня знания в области кибернетики. В сегодняшних условиях, однако, статус государственного управленца вполне может получить иную правовую (в частности, криминальную) оценку. Во всяком случае, он, даже несмотря на становящуюся все более заметной архаизацию социальных процессов, может быть даже в еще большей степени десакрализирован.

Республиканское государство: оксюморон или нет?

Вначале – цитата классика, предлагаемая в качестве внутреннего эпиграфа. Да не покажется она слишком большой дорогому читателю.

> *"Если по несчастью во время будущей революции народ еще раз не поймет, что его историческая миссия – уничтожить государство, созданное кодексом Юстиниана и папскими эдиктами; если он еще раз позволит ослепить себя идеями римского права о государстве и собственности (над чем упорно работают социалисты-государственники), – тогда ему еще раз придется предоставить заботу об устройстве этой организации тем, которые являются истинными представителями государства, т. е. буржуа.*
>
> *Если он не понимает, что истинный смысл народной революции – это разрушение неизбежно иерархического государства для того, чтобы поставить на его место свободное соглашение индивидуумов и групп, т. е. федерацию свободную и временную (каждый раз с какой-нибудь определенной целью); если он не понимает, что нужно уничтожить собственность и право приобретения, отменить господство избранных, которое заменило*

свободное соглашение всех; если народ отказывается от традиций свободы личности, добровольных группировок и свободных соглашений, ставших основой для правил поведения, – традиций, которые были сущностью всех предыдущих народных движений и всех учреждений народного творчества; если он отбросит эти традиции и примет традиции католического Рима, – тогда ему нечего будет делать в революции; он должен будет все предоставить буржуазии и ограничиться тем, чтобы выпросить у нее несколько уступок.

Идея государственности абсолютно чужда народу. К счастью, он ничего в ней не понимает, не знает, как ею пользоваться. Он остается народом; он остался пропитанным теми понятиями, которые называются обычным правом, – понятиями, основанными на идеях взаимной справедливости среди людей, на реальных фактах, в то время как государственное право основано либо на понятиях метафизических, либо на лжи, либо на толковании слов, созданных в Риме или Византии в период разложения для того, чтобы оправдать эксплуатацию и притеснение народных прав. Народ несколько раз пробовал вступить в состав государства, завладеть им, пользоваться им. Он никогда этого не мог достичь. И он кончил тем, что предоставлял этот механизм иерархии и законов – другим: государю после революций шестнадцатого века; буржуа в Англии после революции семнадцатого века и во Франции – восемнадцатого века.

... нечто высшее этих чувств ненависти соединяет их всех, от бульварной кокотки до приторно-сладкого Карно, от министра до последнего профессора светского или духовного лицея. Это культ власти.

Они не могут понять общество без сильного и властного правительства. Жить без централизации, без иерархии, простирающей свои лучи от Парижа или от Берлина до последнего сельского стражника и заставляющего последнюю деревушку поступать согласно приказаниям столицы, – для него все равно, что исчезнуть обществу".

П.А.Кропоткин. Анархическая работа во время революции. 1914-1919 гг.

22.01.2017 О.В.Григорьев опубликовал заметку о режиме существования российской экономики до президентских выборов 2018 года "Курс на полную стабилизацию"[36], в конце которой поставлен ключевой риторический вопрос – о "смене вывесок" либо "изменении глубинных основ бюрократического аппарата". В этом-то вся загвоздка: смена таких основ есть смена основ государства... со всеми вытекающими последствиями. Если же предполагать, что бюрократия есть самовоспроизводящаяся сущность национального государства (а с этим, по здравому рассуждению, трудно спорить), то речь должна идти не о смене основ шила на основы мыла, а об упразднении самого государства (собственно, здесь я вслед за классиками марксизма ничего не сказал нового). Иной вопрос - что на замену: очень не хочется архаики (чаемой многими умниками и распространяемой среди молодежи через медиаконтент уже много лет кряду), и весьма сомнительно

[36] http://neoconomica.ru/article.php?id=565

внеархаичное постнациональное государство. Но даже если оно будет пост-вот-такое, то что, собственно, предотвратит образование в ней вненациональной самовоспроизводящейся бюрократии, и что лишит его, как государства, сущности стационарного бандита? Может, стоит в таком случае вести речь о реформе администрирования общественных процессов в более широком смысле, нежели в том, что известен нам из определений со школьной скамьи?

Платону приписывается императив, согласно которому философы должны управлять государством. Но правильно ли для философа (свободолюбца по своему определению) стремление к управлению тем, что представляет собой высшую форму несвободы – как в нижней своей части, так и в верхней? Едва ли не все проблемы с определением понятия государства состоят в том, что требуется обозначить его границы, то есть обозначить некий формат управления обществом, который не есть оно само, но который при этом не рассматривался бы как предшествующий, или догосударственный, уровень общественного развития. В качестве последнего обычно называют родоплеменной (хотя для случая племени иные авторы требуют указания признаков наличия родоплеменной знати), рассматривая все остальные как нестабильные или квазигосударственные.

Во втором десятилетии XXI века много кем говорится о том, что человечество переходит в какой-то новый этап своего существования, который радикален, но неясен в своих очертаниях. Моя гипотеза состоит в том, что это переход в режим постгосударственного управления общественными процессами, который, хотя не так уж и нов в своем принципе, и даже имеет свое название, по срочности своего существования часто представлял собой в истории временную межгосударственную прослойку (и лишь локально занимал многовековые периоды), а сегодня на пороге перехода в актуальное и устойчивое состояние доминирующего формата человеческой жизни без того, чтобы представлять собой социальную энтропию. Более подробное описания условий жизнеспособности такой системы еще должно быть осуществлено, здесь же будет представлено нечто на сей счет вкратце – тем более, когда речь идет о пересмотре давно известного понятия в новом формате.

Государственники – хрупкоделы. Они полагают, что если им сопутствует успех на поприще человеческой хитрости, это значит, что они обладают более высоким уровнем интеллекта. Это не так: в первую очередь, потому, что интеллект бывает разным, и порой коммуникативный интеллект бьется "математическим" интеллектом того, кто захотел чем-то насолить "коммуниканту", поскольку тот насолил ему; а во-вторых, попросту потому, что "хитрость – ум слабого и оружие слепого". Мы так привыкли к государству, что саму Историю видим как всюду подтверждаемую историю государств, считая их более высокими формами сравнительно с первобытнообщинными, и лишь последние усматриваем в качестве унылой альтернативы им, тогда как первые – содержащие нечто "интересненькое", где можно "за что-то побороться". Вопрос о том, что такой рассудок сам уныл и примитивен, не ставится, равно как не усматривается то, что такой рассудок ищет и чает в государственном сразу же межгосударственное, международное, торговое, денежное и надгосударственное, но под защитой все же его, родимого. Понятие государственника ("государственнически мыслящего человека") сопоставимо с понятием инициатора или лидера проекта примерно тем же образом, каким понятие здоровой эрекции сопоставимо с понятием приапизма – как нечто здоровое с чем-то болезненным, постоянным и постоянно-болезненным, как нормальное представление о достоинстве с извращенным. Именно отсюда происходят и проблемы приапизма экономического роста – из исконно государственнического базиса политэкономии и государственнически-надличностной сути "научно признаваемых" денег, сублимативно расширяемых и системно стяжаемых. Деятельностная флуктуация может быть запомнена как удачная или лаконичная форма, но она всегда конкретна, тогда как ее бесконечное самоподдержание девальвирует ее значение для той первичной общественной системы, в которой она возникла, поскольку свидетельствует не иначе, как о ригидности последней. В этом же обстоятельстве здоровой проектной сменяемости заключена суть "сменяемости власти" – вернее, сменяемости руководства регулярным проектом управления: такая сменяемость означает, прежде всего, возможность адаптивной изменчивости объекта управления, что невозможно в случае "эффективно выстроенной" системы разделения труда. Не говоря про то, что суть организации труда – не в самой дифференциации

деятельности по отдельным, а в создании системы рабочих позиций (конкретных экспертно-деятельностных задач, к которым люди лишь прилагаются) с их серийным воспроизводством, или создание модели конкретной деятельности, протоколируемой и воспроизводимой как общественное благо. Ибо рыночная задача создателя деятельностных цепочек – франшиза, а не финансовый приапизм сам по себе (в условиях дорогого рынка труда и переспециализированности таких задач возникает автоматизация).

Наши представления о республике очерчены наиболее известными и близкими формами: так, обычно мы говорим о Риме эпохе республики, Великом Новгороде либо о более близких нам национальных республиках. И те, и другие, однако, либо уже имеют для нас государственную форму, сиречь форму стационарного бандита, либо свидетельствуют о переходе к такой форме. Также наши представления о макроуровне управления обществом в значительной степени опосредованы убеждениями о "неизбежном зле" государства, которое мы при этом считаем что-то "должным делать" и почему-то "нам"; причем считаем, одновременно полагая себя лицами, самостоятельными в жизни и независимыми в собственных решениях, что есть признак свободной и развитой личности. Причем, когда говорим об этих вещах, почему-то ссылаемся на авторитетные представления Платона, Аристотеля, Кампанеллы, Макиавелли или даже досократиков, не говоря про прорву более современных нам политологов и "специалистов по государственному управлению" разной степени интересности. Еще говорят про "автономные республики" в составе федерации, фактически подразумевая и оперируя понятием окраинных имперских колоний с сильными региональными элитами. Очень существенный вклад в массовое проникновение в умы догматов "юридической образованности" также вносит базовая типологическая онтология государства, обозначаемая из учебных пособий и с кафедр юридических вузов и университетских факультетов, где уже от абитуриентов требуют четкого и неизменного различия типов государственного устройства (уния-федерация-конфедерация), типов правления (республика-монархия, с прилагательными "президентская", "ограниченная" и т.п.) и типов

политических режимов (демократический-авторитарный-тоталитарный)[37]. За введением этой нехитрой классификации, конечные таксоны лишь последней категории в которой очевидно представлены семантическим дифференциалом, обычно идут туманные, общие и патетические рассуждения об особенностях их отличия, представляя собой преимущественно границы эрудиции и фантазии преподавателя, излагающего эти вещи учащимся[38]. Экономический аспект при этом не рассматривается вообще (готовят-то юристов, а не экономистов, да и зачем ребятам "знать лишнее"?), и эта же система базовых различий, как правило, оказывается тем немногим и последним местом проявления в юриспруденции человеческой способности воображения, после чего подспудно начинается внушение неофитам "научного" подхода, состоящего в доверии только фактам и руководствовании только "буквой закона", лишь относительно которых и возможны какие-либо вариации; тогда как сама способность воображения и возможность воспитания оной объявляется категорией чисто фантазийной и критерием профессиональной непригодности юриста. Ибо юрист действует в системе норм. До кучи ему преподается логика в обоснование этой, формирующей сознание, посылки, причем, как правило, в ее нормативной и весьма урезанной части, да так, что большинство студентов, не разобравшись как следует в этом основоположении управленческой науки, получают от нее впечатление, лишь укореняющее их убежденность в том, что ключевая задача юриста – использование закона в нужном ему либо его клиенту направлении, но никак не собственно законотворчество в соответствии с оперативной оценкой состояния общества. Молодым юристам в качестве исходной установки также объясняется такая особенность государства, как эксклюзивное право на насилие, причем как некоего естественного – с одной стороны, и социально ценного – с другой. Углубленное прояснение этого

[37] Конфедерация как республиканская по сути своей структура имеет преимущество (перед федерацией или унией) не в том, что она стабильна, а в том, что она как раз антихрупка; стабильность же ей придает сетевая структурность.

[38] Давно отмечено, и не только мной, что должности преподавателя и артиста весьма схожи. Это чрезвычайно важное обстоятельство, поскольку в системе культурных индустрий артист оказывается практиком социальной инженерии, примеряющим и отрабатывающим поведенческие шаблоны и паттерны в системе ролей и сюжетных ситуаций. Тем самым оказывается возможным выход того, что было названо мной "сверхновыми медиа" (см. соответствующие разделы), на уровень информационного обеспечения и брендирования, обеспечивающих реальный гомеостатический прирост общественного блага.

обстоятельства, как правило, оказывается витиеватым и насыщенным отсылками к историческим проявлениям мнений упомянутых авторитетов.

Я много раз наблюдал все эти вещи, включая способ преподавания логики в вузах, и общался на эту тему с будущими и новоиспеченными с юристами, и могу сказать, что все это, действительно, так. В общем и целом, сегодняшняя юриспруденция (по крайней мере, российская), ориентирована на адвокатуру, криминал, коммерческий арбитраж и судебные споры – сиречь, на сутяжничество и, соответственно, получение доходов посредством нее.

Например, в рамках весьма непродолжительного, хотя и программного, курса логики, как правило, ограничиваются нередко невесть зачем им нужной силлогистикой и весьма куцим изложением натурального вывода. Что касается деонтической логики, непосредственно относящейся к юридической кибернетике, то вряд ли она читается в общих потоках, если вообще читается в рамках каких-то спецкурсов. Что касается юридической герменевтики, то про ее преподавание ничего не могу сказать, за исключением того лишь, что связи с законотворчеством здесь тоже не прослеживается: одним из аспектов такой герменевтики является выяснение реальных жизненных условий, в которых возник тот или иной закон, с последующим формированием рекомендаций из сферы правоприменения к сфере законотворчества, но именно эти самые условия, завязанные на жизненный мир людей, в нынешней России распадаются на "законные интересы" элит и "естественные права" внеэлитного "населения", которые "втаптывают в прах", особенно по мере истощения финансовой кормушки (по факту же элиты живут по праву, "население" – по навязанному ему первыми закону). И здесь же обнаруживается еще одна существенная особенность сегодняшнего юридического образования, связанная с жизненным миром "простого человека": мораль в сегодняшней юридической науке ставится ниже права при рассмотрении давнего в этой науке спора морали и права, вслед за международными общеевропейскими установками, мировыми умонастроительными трендами и законами, имеющими, согласно актуальной на начало XXI века (хотя и тайно желательной многими к изменению) Конституции Российской Федерации, приоритет над внутренним законодательством. "Закон морали" редуцируется до собственно "морали" с выбрасыванием из нее "закона",

сама мораль объявляется, вслед за воображением, сферой пустых фантазий неустойчивого и склонного к ошибкам человеческого существа (что лишь подкрепляется идеалами "формальной логики" в рамках соответствующего курса), и потому ей противопоставляется некий "внеморальный", хотя и соотносящийся с некой "мотивировочной частью" закон, призванный быть ясным, прозрачным и формальным для всех без исключения... но вот беда – требующий для этого профессионального юриста, способного его использовать в нужном его клиенту ключе и направлении за соответствующее денежное вознаграждение (верхняя граница которого зависит лишь от степени платежеспособной заинтересованности в исходе дела), ибо услуги юриста стоят недешево. При этом фактически истолковательная способность рядового юриста (будь то адвокат, криминалист или судья) разбираться в законах ограничена в апелляции к основному закону – Конституции (однозначность истолкования текста которой по логике вещей должна быть обеспечена преподаванием русских языка и литературы в общеобразовательных школах), поскольку правом исключительного толкования этого закона ("по закону же") обладает лишь Верховный Суд Российской Федерации; не говоря про народ, который тем более не обладает этим правом – несмотря на то, что, согласно применению Основного Закона же к самому себе, он есть закон прямого действия, и в этом своем прямом действии написан во имя народа и для народа как множества граждан, подпадающих под его действие, а потому должен быть предельно понятен вменяемой его части. И, конечно, Конституция является еще одним редким местом в юриспруденции, где в наибольшей степени представлены мотивировки и плоды человеческого воображения.

Это важно, поскольку в лице современных юристов наблюдается определенный антропологический типаж с определенной конфигурацией развития соответствующих долей головного мозга, стоящих, наряду с некоторыми другими категориями, на доминантных уровнях управления обществом. И еще это важно, поскольку именно юристы сегодня оказываются лидерами мнения, дающими определение понятию государства; что логично в силу специфики спроса на их профессию. Другие типажи представлены экономистами, занимающими либо неолиберальную позицию, не только признающую примат рыночного управления над

государственным администрированием, но иной раз вообще признающую архаичность последнего вплоть до его неприемлемости в большинстве сфер общественной жизни, однако не усматривающую при этом для общества иной альтернативы управления, кроме рыночной; либо экономистами-наследниками политэкономической классики, довольно жестко соединяющими экономический и государственный виды управления, но также не видящие иных способов управления для общества, кроме этих двух. Соединенная с экономикой, обеспечиваемая законодательным инструментом политика элит образует две последние компоненты американской аббревиатуры социального универсума "STEP", в котором представители первых двух сфер ("Social" и "Technology") оказываются вне доминантных уровней управления хотя бы потому, что если последние две сферы ("Economy" и "Policy") в наибольшей степени соответствуют самому принципу иерархической "уровневости", то первые две фиксированы в "уровневости" внеиерархической, или сословной, поскольку "Social" (как эквивалент вещи-в-себе "гражданского общества") и "Technology" (как эквивалент вещи-по-сути конкретной системы разделения производственно-обеспечительного труда) есть фактически одна категория. Структурно-социальная задача проектной антропологии, о которой идет речь в этой книге, состоит в том, чтобы, редуцировав вертикальную уровневость, снизить жесткость фиксации горизонтальной, сословной уровневости, обеспечив, во имя человеческой способности воображения и творчества, адаптивную и безболезненную гибкость общества к формированию и трансформации систем разделения труда. Любой человек, родившийся в данном обществе, занимающим данное пространство, имеет гарантированное право реализоваться в своих творческих способностях как высших способностях личности, имеющих давно известные, не особо сложные и довольно многочисленные определения[39].

[39] Я их насчитал порядка шести и ранее уже озвучивал – это, еще раз: восходящее едва ли не к Гуго Гроцию "интеллектуальная", или идущая от него к Н.Хомскому "порождающая" способность; восходящая к Канту "трансцендентальная способность воображения"; восходящая к Г.Гегелю и К.Марксу способность к использованию диалектических противоречий; восходящая к А.Кестлеру способность "сталкивать разнородное"; восходящее к методологическим идеям П.Щедровицкого и управленческим идеям О.Григорьева демиургическая способность к превращению хаотической деятельности в упорядоченную. Все они очевидным образом органично дополняют одна другую. И, конечно, идущие от Фрейда, связанные со всеми прочими, идеи сублимации и продуктивного перевода содержания "Ид" в область "Суперэго".

...однако, вернемся к юристам. Так вот, эта вся уродливая околесица составляет суть внеденежного, или законодательного, способа управления общественными процессами в сегодняшней России, и образовательной подготовки специалистов в данной области. Причина тому проясняется в очевидно заметной здесь ориентированности этой системы на обеспечение по сути посткапиталистических, неофеодальных интересов элит, защищающих себя законодательным способом помимо оружейно-насильственного, и обеспечивающих собственный эксклюзив использования в обществе последнего через первый, поскольку обнаруживается прямое действие формулы Монтескье: "*закон – что паутина, в которой запутываются мелкие мошки. Крупные оводы прорывают насквозь*". И здесь нет ничего нового, это давно известно, а кому в России для понимания этих вещей на начало XXI века в этой книжке не хватает аргументов (дополнительные приводить не буду), тот носит гордое название "дурак"[40].

Для полноты картины следует отметить важное замечание, неоднократно повторенное О.Григорьевым (являющимся не только экономистом, но и государственным советником первого класса) замечание насчет того, что именно в силу того, что способность воображения является критерием профессиональной непригодности юристов, создавать общефедеральные законы в России с порядка 146 млн. человек населения способны от силы 3 или 4 человека – прежде всего потому, что такие законы нужно не просто писать или издавать в улучшенной редакции (наподобие Конституции РФ, являющейся лучшим переработанным изложением Конституции революционной Франции конца XVIII века, а потому и взятой не так давно за основу Конституции Финляндии), а именно что сочинять, ибо такое сочинительство есть фактически проектирование общезначимых регулярных процедур идентификации по ценностям, гипотезам, диспозициям и санкциям за их нарушения, примененных к потребностям актуального существования сфер правового регулирования (коммерческой, медицинской, транспортной, гражданской и т.д.), в сторону обеспечения социального гомеостаза в этих сферах в новом состоянии, воображенном и

[40] Мне встречались такие искренние дураки: иные из них либо требуют точных доказательств того, что возмущение "законами Яровой" не есть происки "агентов Госдепа США", либо того, что таковыми происками не являются разговоры о баснословных состояниях высших чиновников Российской Федерации; понять же, что уголовные дела по факту обнаружения таковых состояний есть не борьба с коррупцией, а внутриэлитные дрязги, для них задача непосильная.

продуманном в обеспеченности этими правилами проектантом такого закона. А значит, согласно Григорьеву, сочинитель федеральных законов должен быть более целостным специалистом в области общественных наук и управления, нежели "чистый юрист". С учетом того, что было ранее сказано про перспективы развития неоэкономической концепции и целостность наук об обществе, можно сказать, что такое сочинительство требует сознания урбанистического масштаба, выражающего в сфере прикладных задач сознание философа-универсалиста. А потому здесь действует уже платонова формула об управлении государства философами. И здесь стоит остановиться и рассмотреть этот момент внимательнее, поскольку оказывается, что государство, как якобы неизбежная стадия развития любого общества, есть управление посредством элит, осуществляющих свою диктатуру через осененных "святым законом", "божественной санкцией" или еще какой выдумкой юристов, свои экономические интересы реализующие через более поздних по исторической этапности экономических консультантов. Философы, несмотря на очевидно кастовый (а значит, сословно-элитарный) характер описываемого Платоном государства (а значит, уже элиторазмерного общественного устройства), в качестве ключевых специалистов обеспечения здоровья и существования общества здесь оказываются не нужны, а сама эта фраза в мире законников-крючкотворцев оказывается не более, чем романтической идеализацией. Однако действительно ли именно государственный тип разных форм общественного устройства является наиболее здоровым (если перипатетически признавать органическую интерпретацию общества)? Этот вопрос вполне логично будет задать вслед за признанием капитализма исторической аномалией. Мы привыкли считать государство чем-то естественным в силу древности его форм, эксклюзивности государственного права на вооруженное насилие и столь же древнюю естественность отдельной человеческой личности к проявлению агрессии и насилия. При этом, однако, забывается наибольшая способность именно такой личности к самоограничению агрессии и насилия, причем куда более оперативная, чем таковая для иерархического государства-банды.

***

Все энциклопедические определения понятия республики, так или иначе, дают ему государственническое толкование и, хотя при этом признают собственно источником власти народ, дают различные трактовки способам реализации этой власти. С латинского res publica переводится либо как «общее дело», либо как «реальный народ», но когда оно при этом начинает ассоциироваться с государственностью, общность бытия и вещественность народа уступает место делу, декларируемому народу элитами, а реальность, или онтологическая способность к сопротивляемости воздействию, уступает место реальности того немногочисленного, что воздействует. Эти вещи хорошо описаны модным нынче Нассимом Талебом, а здесь важно то, что источник элитного воздействия внушением или воздействием на народ, как правило, тем более случаен, чем более случаен и многочисленен этот народ на своей земле, и чем более его отдельные представители воспринимают себя в таком качестве.

Однако когда говорят о республике, то, как правило, не разделяются вооруженная гарантия "власти народа" и аналогичная гарантия "свободы народа", поскольку первое и второе отождествляются. А поскольку демократия также мыслится в презумпции "представительства", как естественный порядок вещей общезначимо признается и транслируется идея делегирования права вооруженной защиты народа, осененная идеей "разделения труда". Между тем, оружие как средство вооружения, равно как рассмотренные в предыдущих двух книгах деньги, оказывается весьма специфической технологией, или метатехнологией, интерпретированной ранее, в отличие от исходного толкования этого понятия, как открывающей возможности для существования иных технологий и, соответственно, рынков. В социальном же плане вопрос об имущественном статусе оружия оказывается критерием фактической демаркации гражданина от подданного безотносительно к тому, как они декларированы юридически: во втором случае оно выдается рядовому жителю лишь для того, чтобы вооруженно отстаивать интересы господствующих элит, кем бы эти последние ни были, в первом оно есть ключевой атрибут и право свободного человека, или подлинная правоспособность бытия на грани закона со свободой выбора быть в правовом и мирном поле, а значит – право заинтересованного и осознанного влияния на текущий закон. Этот имущественный и правовой

статус оружия, определяющий ситуацию бытия гражданином, представляет собой фундаментальное институциональное состояние естественного права, в корне отличающееся от ситуативно-акцидентального закона об оружии и регулируемого этим же законом декоративно-бутафорского понятия оружия как части национального костюма. Личное оружие, включая его изготовление и выход на защиту страны непосредственно из собственного дома, сегодня есть свойство лишь двух стран – США и Швейцарии, причем лишь во второй из них это свойство проявлено полностью[41].

...вернее даже так: деньги оказываются метатехнологиями в смысле "открытия", тогда как вооружения – в смысле "закрытия", соответственно, иных технологий и рынков, что, в некотором смысле, соответствует фуллерову различию технологий livingry и weaponry. Однако если при этом деньги соответствуют livingry, то их дефицит или феномен экономического удушения, известный из ранних политэкономических, марксовых или постмарксовых штудий, есть ничто иное, как использование того, что предназначено быть источником питания и лекарством, в качестве яда, то есть в качестве weaponry. А значит, таковой может быть признана и денежная игра капиталистической монополизации, идущая вразрез с принципом проектного инвестирования, поскольку последнее предполагает прирост общественного блага (а значит, инвестиционного смысла) в зависимости от масштаба проекта.

***

Фактические империи, реализующие и демонстрирующие эту фактичность халдуновской или околохалдуновской физиологией, а также республики-нации, являющиеся ограниченными монархиями со спящими полномочиями (как классической эпохи, так и эпохи модерна), благочинно рядятся в республиканские одежды, акцентируя при этом фактор "представительства" как признак подлинной демократии, уже давно изгрызенный молью и

[41] Сегодня постепенно становится общим местом то, что ключевое противоречие, движущее общественные процессы в России, есть напряжение неопределенности между бытием всечеловечной империей и русской нацией – подобно тому, как для Европы аналогичное противоречие определяется в пределах разрыва между "светской" имперскостью и "религиозностью" папства. Продолжая аналогичным образом, обнаруживаются основания предполагать, что принцип североамериканской свободы также зиждется на противоречии – он касается разрыва между имперскостью (реализуемой исторически обусловленной президентской властью) и внегосударственническим республиканством (которое, в таком смысле, разумеется, не имеет никакого отношения к политической "партии республиканцев").

расписанный в этой своей изгрызенности и неработоспособности всеми комментаторами последнего времени из тех, кому не лень. Однако умалчивается (то ли благочинно, то ли целомудренно) о форматах и механизмах собственно народного управления и средствах его инструментального обеспечения, будь то истребленный в постсоветской России референдум, позабытые всей планетой аутентичные средства электронной демократии[42], полицентричные формы управления на больших территориях долатинской Европы с выборностью правителей и равноправием голоса мужчин и женщин, право граждан на личный арсенал[43], а также прочих вещей, коих, если поискать, найдется немало. Можно, конечно, вслед за О.Григорьевым сокрушенно признавать, что-де демократия не есть естественная в мире вещь, и сильно зависит от ресурсного дефицита. А можно искать реальные формы экономического ее обеспечения (или гомеостаз форм экономического взаимодействия ойкумен при республиканской форме общественного управления[44]), где это обеспечение тесным образом связано с собственно управлением (тем более что сам Григорьев отдает предпочтение фактору макросоциального управления, с коим у него довольно жестко связано управление государственное, перед фактором управления экономического). Здесь важно то, что res publica сегодня способна мыслиться именно как роевая система, и способы управления в ней оказывается возможным рассматривать относительно способов и принципов существования как именно такой системы, каковая всякий раз является открытой, но внутренне связанной. В отличие от той же нации, формирующейся как система замкнутая – через процедуру осознания и определения чужаков внутри своей общности, с последующим истреблением и изгнанием их, и экспансивным распространением на прочие народы и земли. В этом смысле России, получающей энергию напряжения от собственной административной неидентифицированности в "вечном" вопросе "нация или империя?" (сопровождающемся, однако, неизменной предпосылкой вечного бегства от

[42] См. главу " Ситуационные центры и нецентрированные системы управления в историческом контексте" в книге "Возможность управления...".

[43] Бывшего, кстати, во времена вольных городов Германии не только правом, но и обязанностью свободного гражданина.

[44] Каковое выражение столь легко и часто подменяется выражением "республиканская форма государственного правления". Так, советское государство, если и было "советской республикой", то весьма недолго, хотя продолжало именоваться и мыслиться таковым в течение десятилетий, де-факто будучи вполне себе государством.

государства не только народа, но и, самое интересное, элит), наверное, имеет смысл перевести внимание на форму "res publica без коннотаций", и осуществить коллективную феноменологическую редукцию этого понятия, обратившись к его не коннотациям, но интуициям, начиная, пожалуй, с самого Аристотеля, апеллируя к которому многие до сих пор полагают, что с основными формами общественного устройства все давно ясно.

Все это подводит к воспоминанию о том, что в СССР строилось "государство рабочих и крестьян", синонимично называемое "советская республика", и к тому соображению, что в этом кроется существенная ошибка: государство и республика имеют серьезные основания считаться антонимами, а "республиканское государство" – оксюмороном. Не стоит также забывать, что еще один оксюморон – "демократическое государство" – придумала для народов Европы католическая церковь. В связи с чем возникает отдельная задача выйти в понимании возможностей высокоразвитого общественного устройства за рамки представляющихся неизбежными насильственных форм. И в этом смысле, уж коли еще одним известным республиканским предшественником наций был вольный город-коммуна, антиподом которого выступал город-синьория, то стоит вести речь в рамках собственно градоразмерной, или поселенческой, тематики. Эта тематика уже затрагивалась в книге "Частично управляемое...".

***

Как глубокую личностную драму и едва ли не как некую фундаментальное проектное противоречие представляет Олег Григорьев то, как вождь мирового пролетариата в последние годы своей жизни пытался решить проблему бюрократического засилья в системе администрирования страной, вроде как избавленного от имперского прошлого Великой Революцией, освобождающей трудящихся от паразитов, но пришедшей все к тому же затягиванию зеленой ряской сколь бы то ни было возмущенной водной поверхности. Конечно, согласно современным концепциям революции, ключевую роль в этом процессе затягивания, пожалуй, играет фактор возрастной демографии. Предложения каких-то комиссий контроля выглядели жалко, все его институциональные потуги закончились ничем, а вопросы администрирования разрешались уже радикальными хирургическими методами при Сталине. И вот, спустя много лет, когда уже много копий было сломано (а иные вещи оказались столь обстоятельно

забыты, что умалчивать о них стало весьма малозатратно и выгодно), на фоне архаизации и потери управляемости, уже в далеко постсоветский период возникает одна из немногочисленных сегодня героическая попытка сформировать деятельностный подход к управлению. Однако ж вот вопрос: таки что строили-то? Строили государство рабочих и крестьян на основе диктатуры пролетариата; еще короче: государство на основе диктатуры как ключевого атрибута любого государства (с причитающимися оговорками насчет демократии, свободы, равенства, братства, его особенностей в отличие от "прежних форм" и прочего хорошего против всего плохого). Мудрено ли, что наиболее опытные члены системы разделения административной трудовой деятельности (насчет слова "трудовая" здесь ведутся давние споры) из числа не эмигрировавших ее представителей оказались естественным образом востребованными в естественном же для любого государства – иерархическом способе ее структурирования? Кто бы ни создавал государство во имя нового государства с любой формой государства и благими целями государства, ни уничтожал прежнее государство ради нового государства, в итоге получится государство, ибо иное не мыслится и не планируется, а чувствуется и предполагается лишь в смутных чаяниях, а рационализация не предполагала столь радикального отказа от научности в пользу воображения и поиска альтернатив даже для специалистов в этих вопросах, не говоря про "кухарок, солдат и матросов". Ведь марксизм – наука, и кто бы спорил?! Постпозитивисты со своим дискурсом тогда еще не появились, а когда они появились, бюрократическая система администрирования, существуя в своей естественной организованности, смела направленный на изменение самой ее природы глушковский кибернетический проект, благополучно реализуя безопасные для нее космический и ядерный проекты, а также все менее масштабное в советском оборонно-промышленном комплексе, подтверждая успехи советского общественного строя в движении по пути "прогресса и процветания", гордясь этим строем и продолжая гордиться успехами в постсоветский период, используя все тот же, известный с момента зарождения капитализма, аппарат пропаганды, масс-медиа и "культурных индустрий". Той группой, что трансисторически воспроизводится, осталась бюрократия, ориентированная на сохранение и воспроизводство самой себя; а поскольку она желает это везде и всюду на планете, где только она существует, она стала едва ли не отождествляться с понятием "господствующих элит", основная задача которых (поелику они господствующие) – удерживать собственную власть. Эта концепция "удержания власти элитами", как правило, цементируется водой расхожего

ницшеанства и преподносится в качестве знания, составляющего содержание социальной науки. То соображение, что признаком здоровья и силы является как раз способность уйти от рычагов управления, ибо всегда предполагается возможность, в случае необходимости, к ним вернуться, а также допущение собственной неисключительности и множественности бытия себе подобных, в расчет не принимается и рассматривается как некое соглашательство. Следствием этого, однако, оказывается наличие сильной архаичной предпосылки внутри всякого социально-инженерного проекта, разрывающей связь между прогнозом и воображением и подавляющей творческое воображение своей "эссенциальной незыблемостью". Предположить иной формат существования элит (даже если имеются исторические намеки на возможность такового), однако ж, бывает страшно, ибо для этого оказывается нужным менять еще более глубинные установки (воспитанные, впрочем, если начать разбираться, скорее двором, нежели генетикой), нежели те, что были сформированы на студенческой скамье. Однако если у человека достаточно брезгливости насчет тех, кто реализует свое "трансисторическое естество" столь топорным и не соответствующим уже новой структуре спроса (а также запроса к жизни, если угодно) образом, то для него как раз естественным будет напрячь свою (трансцендентальную, между прочим) способность воображения, начав с вопроса об альтернативных способах управления такой странной органикой, как общество; он отличается от вопроса о том, как удержать власть. Найти такую альтернативу – значит найти условия свободы для той человеческой категории, о которой идет речь в этой книге. Этой альтернативой "людям пера" (кстати, в каком смысле бюрократия есть именно что "люди пера"? всяко не в высоком) должны быть "люди меча" (каковые вполне вольготно себя чувствуют именно что в бюрократиях и, собственно, охраняют ее). Речь идет о синтезе даже чего-то большего, чем только этих двух категорий. Но Ленин, еще раз, был по образованию юрист, чья профессия (во всяком случае) органично противна воображению и, более того, считает развитость такового в собственных рамках признаком профессиональной непригодности. Не поэтому ли он не заметил, что получил органичный атрибут как раз того, что, по сути, хотел построить, пусть и с благими намерениями? Однако неформальное название создаваемого им государства было "советская республика", и предметом более позднего спора в ее "государственническом" аспекте были именно границы; но поскольку аспект был именно государственнический, и не существовало в

четком виде понятия "открытой масштабируемой системы" с ее индифферентностью относительно нечеткости собственных границ[45], постольку не была реализована возможность управлять вариациями этой четкости искусственным, а не жестким (как в случае "рубежных оборонительных систем" нации) и не натуральным (как в случае "естественных границ" империи), образом.

Пример непонимания этих обстоятельств – сама расшифровка аббревиатуры РСФСР, где есть и слово "федерация", и слово "республика", и слово "Россия", но само выражение означает лингвистическую сложность, выражающую некий правильный пафос, но четко не артикулированный – подобно тому, как в архитектурных вузах морочат студентам головы "предварительно напряженными" системами вместо того, чтобы рассказывать про "первично натяженные" как правильный перевод выражения "primarily tensioned". Сколь многое, однако, в принятии решений может зависеть от правильной настройки "концептуального гетеродина"!

***

Проблема понимания пагубности государства, а также рассматриваемого далее восприятия анархизма как науки, связана еще и с тем, что во множестве мировых правосознаний (что европейского типа, что азиатского) отсутствует понятие институциональной преступности, хотя широко используется понятие преступности организованной. Здесь имеется в виду нечто иное, нежели восходящая к Э.Дюркгейму и Р.Мертону "институциональная теория преступности" (любое преступление так или иначе попирает общественные институты) – а именно, представляющий актуальное и фактическое общественное благо общественный институт как объект сознательного, организованного, регулярного и планомерного преступного посягательства либо как объект манипуляций институтами в обход публичности, особенно если последствия ведут к значительному ущербу для граждан. Между тем, институциональная преступность как форма антиобщественного поведения есть высшая форма последнего, и стремится стать таковой в масштабах пространства действия институтов (прежде всего, очерченного масштабами страны или межстрановой культурной общности региона) ровно таким же образом, как любое капиталистическое воспроизводство пытается стать монополией, на

[45] Отдельные, чуть более поздние, научные наработки граждан вроде В.Вильсона не в счет – куда более важным для Истории проектом Вильсона оказалось создание Федрезерва США.

межстрановом уровне представляющей империализм. В этом смысле всякая организованная преступность носит политэкономический характер. Обычно под организованной преступной группой (ОПГ) понимают хозяйственно-правовое сообщество, навязывающее свою волю обществу помимо легальных и легитимных законов, но не имеющей еще масштаба финансово-промышленной группы (ФПГ) – для того, чтобы в этом убедиться, достаточно составить по открытым источникам информации хронику "конфликтов хозяйствующих субъектов", ситуаций с M&A и рейдерством, а также разного рода "переделов сфер влияния". Либо таковой группой называют уже имеющую такой масштаб, но недостаточно сильную среди прочих финансово-промышленных групп в интересах более сильных игроков, не заинтересованных в конкуренции. Не всякая ФПГ возникает из ОПГ, однако в период первоначального накопления капитала это скорее правило, нежели исключение и, если в экономическом плане все более-менее гладко, то (опять же, как правило) криминальную неоднозначность представляет деятельность "служб безопасности" (коммерческих армий) "хозяйствующих субъектов". Главное отличие ФПГ от ОПГ – в том, что первая начинает действовать в легальном поле, используя официальные закон и право. Если в ходе житейских баталий с себе подобными такой субъект смог обеспечить достаточную силовую и юридическую защиту, следующим его шагом будет осуществление лобби на уровне законодательства, а значит – выход на уровень парламента в целях обеспечения легитимности собственных коммерческих и брендовых ("идейно-жизненных") интересов. Именно поэтому наиболее трезвомысленное суждение способно относить представительную демократию к эпохе "золотого века" ранненационального капитализма, когда шансы на деловой успех были распределены в европоцентрических сообществах более-менее равномерно, а сами сообщества были не столь многочисленны, как к концу XX века, то есть когда деловая активность распространялась на достаточно локализованные и малочисленные городские территории, а значит, соответствующим был и мотив заручиться электоральной поддержкой потребителей, партнеров и подрядчиков. Общественный институт в то время формировался всей ойкуменой с апелляцией к надзаконным нормам морали – как правило, осененным религией (как правило, представленной системой обмирщенной этики с апелляцией к привнесенному ранее извне иррациональному началу).

Между тем, в условиях высоко атомизированных общественных сред мегаполисов религия становится вчерашним днем, роль локальных внутригородских сообществ (с учетом истории конкретных мест), как правило, не очень сильна, поэтому оказывается возможным для организованных хозяйственных групп, имеющих солидаризированное ядро, ставить задачу не просто использования законов или формирования их под себя, но, имея в виду уже наличное законодательно-правовое равновесие интересов, влиять на институциональные и надзаконные факторы существования общества, включая нормы морали. Последние, впрочем, оказываются объектом усилий в том случае, когда начинают объединяться сообщества групп хозяйствования, причем на межстрановом уровне. Однако это влияние имеет предел, поскольку задача холдинговой структуры – не следовать нормам сообществ "экологии места", а экспансивно воспроизводиться. Однако что касается постлоббистского этапа существования хозяйственного общества, то он связан с получением им или группой таких сообществ статуса государственной элиты, распространяющей исключительное влияние собственных интересов (интересов, выработанных и согласованных в своем кругу) на всю хозяйственную ойкумену страны. Именно это и есть тот уровень, на котором создаются и уничтожаются институты. Это происходит помимо большинства страт общества, включая страту "рядового обывателя". Это и составляет суть институциональной преступности как воспроизводства государства в его сути. А потому элитаризирующаяся группа заинтересована в пропаганде государственнической идеологии имперской первоформы, для которой существует кочевая (мобильная) элита и выпасаемый локализованный народ – выдаиваемый в хорошую годину и вырезаемый в тяжкую. На этом этапе идущая к власти (вернее, уже пришедшая к ней) элита разводит общезначимость связки закона и права: своему кругу она оставляет право, остальным категориям общества – закон, причем законотворчество начинает осуществляться в прямом произволе, с отбрасыванием маски представительства. Отсюда следует важный вывод: государство возникает там и тогда, где и когда ослабевает система одноранговых связей. То есть даже в развитой и действующей на достаточно обширной территории одноранговой системе возможно возникновение государства. А потому способность противостоять ему со стороны системы локальных сообществ

связана с важной (и даже, пожалуй, критической) их способностью к мобилизации и мобильности. А значит – со способностью к воспроизводству мобильной инфраструктуры при сохранении способности к оседлому существованию. А понятие институциональной преступности (усиление проявлений таковой) должно служить ориентиром и основанием для проявления такой способности и перехода и перевода общественных ресурсов в режим сопротивления антиобщественной форме государственничества.

То, что происходит в России на 2017 год с законом "о московских пятиэтажках", с законопроектом "о признании встреч с депутатами митингом" и тому подобным, может быть названо институциональной уголовщиной (а оно и просто есть уголовщина, ибо есть узурпация и самоуправство), но такого понятия, еще раз, нет в обращенном к "государству-кормильцу" массовом архетипе государственнического правосознания, из чего следует непонимание бессмысленности апеллировать к стоящему на стороне уголовщины закону. У жителя России все еще с трудом укладывается в голове, как это государство может быть таким: в нем же существуют "правоохранительные органы", выступающие от имени закона-ради-общественного-блага! Социальная сеть Facebook, где все это обсуждается, наполнена сексотами, сливающими протест в безнадегу, обреченность и соглашательство. Многие соглашающиеся просто боятся резко высказываться, все еще выражая трусливое стремление быть услышанными властями. О том, что рабочие в 1905 году тоже хотели быть услышанными властями, они не помнят – у истории короткая массовая память. Мирный массовый протест – это, конечно, хорошо, это надо делать, но вот тут выносят закон о том, что встреча с депутатом – митинг. И кучу других, один нелепее другого, за которыми не усмотришь. Нелегитимный, потерявший право представительства, парламент выносит фантасмагоричные законы. Какой вывод должен сделать взрослый человек, не страдающий идиотией, из всего происходящего? Чтоб волк начал рассматривать овна вопрос по обращению оного? Ответ здесь простой – начало революционной борьбы граждан за свои права с очевидно внутренним врагом и переход к реальной гражданской консолидации с использованием сетей с альтернативными и шифрованными протоколами. Это общение начнется (если уже не началась) именно там, где нет "страха

репрессий", где есть отчаянная воля и где есть отчетливая решимость перестать сдавать позиции.

***

Простые вопросы: как строить "страну мечтателей, страну ученых", ориентируясь на апеллирующие к конституционной изначальности революции правовых инструкций, а не на спрос и обмен, не получив при этом смысловой конфликт? Каким категориям вообще может быть вменено право на следование инструкции и следование удовлетворению спроса? И почему следование одному и не следование другому есть вопрос вменения, а не выбора? Похожими вопросами, в той или иной форме поставленными, задавались многие. Сегодня все более отчетливо прослеживается оправданность того соображения, что конкурентное администрирование возможно в той мере, в какой управление обществом осуществляется на республиканских началах, а не на имперских или национальных.

Собственно, то, о чем я здесь пытаюсь говорить, представляет собой определение условий возникновения специфической республиканской модели системы разделения труда (СРТ), которая предлагается в качестве наброска перспективы развития мира вслед за английской и американской моделями СРТ, поскольку на вторую декаду XXI века эти две, уже исчерпавшие себя, модели не предлагают ничего вразумительного себе на смену[46]. Однако здесь можно пойти к "экономике" со стороны "политики", обратив внимание на то, что "английская" модель возникла в системе сугубо государственнического национального администрирования с глубокими историческими корнями неоднозначных, но конвенциональных отношений народ-элиты, "американская" – в полугосударственнической-полуреспубликанской системе, тогда как следующую модель предлагается строить в сугубо республиканской системе администрирования в том понимании, который намечен в предыдущем томе и здесь, и в которой существенным атрибутом прослеживается специфический фактор управляемой диссоциации социальных акторов, обеспечивающий преодоление инерции СРТ и, кстати, предупреждения рисков формирования "трудовых резервов" за счет институциональных и законодательных гарантий самозанятости, а также введения категории режимов

[46] О чем и говорит О.В.Григорьев в 10-й главе своей книги "Эпоха роста".

экономического состояния общественного организма с обеспечением управляемого перехода по их спектру в зависимости от данных мониторинга текущих тенденций. Так, в экономическом блоке правительства сегодняшней России существует "страх инфляции" без учета того, что инфляция – спутник роста; но то, что рост инфляции чреват неприятным "прекращением музыки", означает лишь требование жизни разработать механизм коррекции системы и адаптивного перевода ее в иное состояние без потери степени организации. Собственно, признаком ее потери как раз и является отказ экономического блока от запуска процедур выработки решений такого рода.

Весьма важным здесь моментом понимания будет то, что республика (а также по сути синонимичное, и лишь коннотативно дополнительное ему понятие демократии) есть нечто большее, нежели конкурентное администрирование – прежде всего, это альтернативный иерархическому по сути, государственному, тип цивилизационного уклада, работоспособную модель которого (работоспособную – в смысле VSM) еще предстоит построить. Этот тип представляет собой не просто внеиерархическую (что нередко в системе рассуждений на правовые темы становится еще одним источником заблуждения, ведущего к ложным интуициям насчет неустойчивости таких систем), а принципиально антииерархическую систему в том смысле, что любая доминанта в ней носит частный характер.

Поскольку сегодня у проектантов и прогностов этого рода вещей нет достаточно четкой модели того, что предстоит построить и, конечно, даже прекрасный пример США (одновременно сочетающих в своем устройстве "Рим эпохи республики" с "Римом эпохи империи") не может быть воспроизведен "под копирку" – здесь нужно верное сочетание обоснованных общих принципов с конкретными условиями существования страны. Хорошая новость – в том, что существенные контуры прослеживаются уже сегодня. Однако, рассматривая перспективы этой модели с точки зрения курса лекций Григорьева (как он сам о том просит), оказывается нужным, еще раз, ни много, ни мало, как отказаться от государственнического субстанциализма, составляющего одну из краеугольных предпосылок неокономики: да, в ее рамках эта предпосылка весьма кстати, но когда перед нами оказывается задача спроектировать новый мир, тем более в условиях, когда в глобальном масштабе уже

оказывается возможным достаточно эффективно влиять на достаточно масштабные движения и состояния человечества, пересмотр этой предпосылки становится вполне обоснованным и закономерным[47].

Помимо конкурентного администрирования, к числу условий существования проектного человека и, одновременно, требуемых к прописыванию в "республиканской конституции" аспектов неотчуждаемых свобод, скорее всего, будут относиться:

- отмеченное специфическое право личного оружия, обеспечивающее гражданственность и подлинно народный принцип формирования армии как системы защитников "своей страны";
- частные или личные деньги, функционирующие как средства инвестиций в прирост общественного блага, органично встроенные в систему общественных отношений и гарантирующие экономическую независимость естественным образом всем и каждому;
- свобода деловых ассоциаций и диссоциаций, сопровождаемая институционализированной системой гарантий рисков, как в том, так и в другом случае;
- закрепление права на средства творческого экспериментирования любого уровня, в смысле их доступности соразмерно персональной осваиваемости, и право на отдачу от них в меру востребованности результата обществом.

Система ростовой экономики – это, фактически, система дерридовых центраций – невидимых, а потому немыслимых, экспертно заменяемых невнятной интуицией безосновательно вводимых кондратьевских циклов или технологических укладов – вместо того, чтобы ставить точку на асимптоте относительно имеющегося уровня "ресурсного перегрева" и

[47] Собственно, в заключении своей книги "Эпоха роста" Григорьев говорит весьма близким образом: "*Кто и почему вообще начнет усваивать сложную идею разделения труда с целью организации управления им, когда в мире существует множество привлекательных, на первый взгляд, простых идей? Только не надо мне говорить про какое-то там абстрактное государство и возлагать на него какие-то надежды. Бюрократия всегда предпочитает простые решения. Да и вообще в условиях выбора между движением вперед и откатом назад, к феодализму, государство, формы организации которого формировались в феодально-абсолютистскую эпоху и с тех пор не претерпели существенных изменений, явно предпочтет возвращение к своим истокам.*" Здесь речь идет о разделении труда как сложной идее, однако почему бы ее не рассмотреть в контексте всего остального, здесь сказанного, включая тот, его же, пассаж насчет сознательной управляемости, что был представлен в качестве одного из эпиграфов?

определять "конструктивное движение в известных обратных направлениях", исключающее замаскированное перераспределение.

В аспекте того, о чем идет речь применительно к среде инфокома и media, важно понять: электронно-сетевой пиринг в своей основе имеет республиканское начало в интуиции того, что было артикулировано здесь.

Государство и деньги в свете марксовых и постмарксовых концепций

Человек не только веберовский, но и смитовский

Если в начале экономической деятельности используют самый качественный ресурс (прежде всего – землю) и лишь затем – менее качественный, то это же применимо и к миру информации: более важны первоисточники, а в них – наиболее свежие идеи, часто представляющие собой инсайты, которые оказываются наиболее верными либо в своей свежести, либо вследствие долгих мучительных исканий, но в последнем случае они представляют собой продукт глубокой переработки. Однако именно этот, информационный, ресурс, относителен не только в качестве возобновимости, но также и отчуждаемости, и начальная его форма по качеству и востребованности не то, чтобы не хуже, но под стать конечной. И это тот самый ресурс, что в наибольшей степени определяет сознание (включая его паттерны и образы), а также поведенческое существо человека, в наибольшей степени. Кроме того, изначально организованный веберовский человек был снабжен системой христианских религиозных установок, полученных вследствие исторически обусловленной ревизии монотеистического мироучения и реализуемых в весьма герметичных и жестко контролируемых группах сектантского типа, породивших дальнейшие практики социальной герметизации вроде тайных обществ, ответвлений протестантизма, религиозно-хозяйственных общин, а также иных форм. В новых условиях «инструмент мировосприятия» неизбежно оказывается обусловлен опытом существования науки эпохи «научно-технического прогресса», сколь бы ни пугала наблюдателей начала XXI века современная им активная рецепция феодальной архаики.

В книге о возможности управления, в рамках неоекономического рассмотрения общественных процессов, был обозначен тот момент, что

современная личность, во многом определяемая особенностью жизненной практики человека эпохи капитализма, может быть начата веберовским буржуазным протестантом, рассмотрение которого с позиции условных кибернетических моделей открывает некоторую постпротестантскую перспективу как логичную возможность и определенную надежду для человеческой природы при всех деградационных рисках и угрюмостях для нее, имеющихся в начале XXI века. Между тем, помимо веберовского антропологического контекста, являющегося, пожалуй, наиболее общим, стоит отдельно остановиться на еще одном, представленном идущей от Адама Смита политэкономией, хотя и выступающей первичным по времени (как до прочих политэкономических штудий, так и до более поздних, и возникшего, судя по всему, в полемике с этими штудиями, Вебера), но в основном определяющим весьма многие воззрения (вплоть до сегодняшних неоэкономических) описанием основных процессов особой, экономической, реальности "протестанта" безотносительно к саморефлексии им собственной протестантичности. Политэкономия Смита, порвав с мифическими "физиократами", определила тот способ бытия и задала тот способ мышления, какой и естественным образом, и вследствие эдипова эффекта, создал человека, для которого стала существовать именно эта реальность помимо реальности хозяйственной – с одной стороны, и торговой – с другой, объединившая и ту, и другую в несводимой к каждой из них целостности и получившая познавательное выражение в виде особой науки новоевропейского типа. Между тем, именно для такого человека отмеченное прежнее различие двух реальностей преобразилось в отмеченную Кейнсом двойственность экономической науки – собственно науки о "системе хозяйствования" – ориентированной на понимание природы экономических процессов, и "финансового дела" как, по большей части, сферы прикладных знаний и практик, апеллирующей, тем не менее, к существенному общему вопросу о природе и допустимых формах денежных средств, ответ на который дается в рамках экономических теорий. Соответственно, среди homo economicus произошло важное разделение: на тех, кто знает и консультирует, и тех, кто платит за консультации, но не обязательно знает предмет консультаций, поскольку его дело – скорее не знать, но понимать и иметь навык верных вложений для возврата с прибылью, поскольку деньги – заменитель знания. Отсюда проистекает

важное обстоятельство – примат человека понимающего над человеком знающим в рамках одной и той же "экономической реальности". Что, в общем, не является большой новостью: знание в любом случае – костыль, средство и торгуемый товар для понимания. Иное дело, что не только в экономическом смысле, но и в социальном (поскольку экономика стала рулем социального процесса) понимание возможностей торговли оказалось приматом над прочими предметами и формами, на которые может распространяться способность понимания, и подчинило их себе. А значит – специализировало мир человека относительно денег (разумеется, известной их формы) и прибыли, и далее – как только основанная на таком примате система стала рушиться – такая установка акцентированного понимания все чаще обнаруживала себя в качестве переспециализации, то есть патологии, проявляющейся в социальных и личностных девиациях и дисбалансах – нарушений того, что выше было названо "системой общественного гомеостаза". Помещение все большего числа людей в игры обмена выводило в тень то обстоятельство, что деньги – лишь часть инфраструктуры присутствия человека на планете, и подчинение всей системы одной части, бесконтрольное размножение которой признается нормой, ведет к разрушению наиболее крупных и реальных инфраструктурных благ на более общем, экстернальном, уровне сложности.

При этом вряд ли можно считать набор познавательных установок самой "политэкономии" содержащим предпосылки к такой переспециализации – скорее здесь следует вести речь о неполноте экономики как целостной социальной науки, каковой она не является, претендуя при этом, по мнению некоторых авторов, на роль главной и наиболее трезвой среди всех социальных наук. Какие науки являются главными, а какие целостными – вопрос отдельный, и сегодня относится к "спору факультетов" в рамках избыточного разделения общественнонаучного труда. Однако к этой теме социального организма, мыслимого в терминах гомеостаза, стоит сейчас перейти – она будет ключевой при прояснении возможностей соединения, в меру обнаруживаемых возможностей, классической, балансоориентированной, политэкономии, с неоэкономической концепцией финансового дисбаланса как необходимого системообразующего, негэнтропийного (ужасное, нагруженное, но неизбежное, слово) условия.

Доход и формации: экономическая гипотеза с позиции баланса

Существует недавний исторический случай, дискредитирующий старую экономическую идею баланса: это модель межотраслевого баланса, лежавшая в основе советской плановой экономики почти с начала существования СССР, которая рухнула, не справившись со сложностью номенклатуры товарной массы, хлынувшей в страну после того, как спор систем разделения труда был проигран внешнему миру с центром в США. Между тем, здесь сразу нужно отметить, что в СССР была вполне конкретная балансовая модель, где само слово "баланс" имеет четкую предметную, терминологическую и метафорическую определенность, и не является прямой интерполяцией общенаучного понятия гомеостаза в экономический предмет (последними занимается многократно мной упоминавшаяся "кибернетика второй волны"). А значит, можно вести речь о направлениях выхода на такую общую интерпретацию слова "баланс" изнутри самих экономических концепций.

Здесь следует высказать несколько соображений по поводу типологии источников дохода Адама Смита и формационного подхода Карла Маркса. Отмечу, что далее в этом разделе намеренно нигде не фигурирует понятие "догмы Смита", как будто и не существовало ее критики Марксом, введшим такое понятие. По мнению автора неоэкономической теории Олега Григорьева, обозначенное Бем-Баверком противоречие между 1 и 3 томами Капитала (трудовой теорией стоимости и теорией эксплуатации) нивелируется в случае корректной интерпретации распадения цены товара на зарплату и ренту – при том, что есть некоторые основания считать, что Бем-Баверк все же об этом знал[48]. В данном случае рассмотрение ведется с совершенно другой позиции, ориентированной на расширенное, виталистическое и кибернетическое, понимание общеэкономической (небухгалтерской) категории баланса – уж коли предыдущий контекст рассмотрения этой темы был посвящен вопросу о принципиальной способности человека управлять чем-либо.

В свое время Адам Смит выделил три типа источника дохода, возможных в мирное время, не более. Это:

[48] Об этом идет речь в первой книге, в разделе про встречу с Бузгалиным и Колгановым (главными сторонниками реформы позднейшего капитализма "по Марксу в чистом виде") в "Библио Глобусе" по поводу выхода их соавторского многотомника.

- заработная плата;
- прибыль с вложенного капитала;
- рента с возобновляемого или долговременного ресурса (прежде всего, с земли).

Больше этих трех типов, не считая охоту и собирательство, а также воровство, грабеж и прочие девиации, человечество пока не знает (эти исключения можно отнести, с одной стороны, к не мирным, с другой стороны – к специфическим рентным). Еще Смит отмечал, что эти три типа бывают столь хитро устроены и столь похожи друг на друга, что их нередко путают, выдавая один за другой. Развитие идей Смита привело к Марксу, создавшему так называемый «формационный» подход к пониманию человеческой истории, общества и происходящих в нем процессов, в базисной основе которых, как он считал, лежали отношения экономические. Так возникла первая в известной исторической ретроспективе целостная социальная наука, центрированная на экономике, выросшая в "царицу социальных наук", скорее всего, именно из этих корней[49].

Формации Маркс понимал как некий способ общественного устройства, основанный на определенном, конкретном, типе отношений экономических. Так, он выделял широко известные рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую и коммунистическую формации, каждая из которых представлялись ему логичным следствием развития из предшествующей. Первобытнообщинную формацию я здесь рассматривать не буду, поскольку считаю возможным вполне отнести ее к примитивным природно-рентным, дофеодальным или протофеодальным, формам дохода[50].

Между тем, во взглядах Маркса на эти вещи есть одна тонкость, и состоит она в том, что актуальным типом общественной формации в период его жизни была капиталистическая, также характеризуемая как «власть

[49] Про физиократа-урбаниста Вобана к тому времени успели подзабыть – тем более что в угольно-паровые времена Маркса науки урбанистики, особенно завязанной на экологию и прочее неторгуемое, не было и в помине.

[50] Тем не менее, обращение к базовым природно-рентным формам накопления запасов и связанным с ними отношениям будет важно в дальнейшем, при определении возможностей выхода в это состояние на новом витке общественного развития, обусловленного сверхусложнением технологий, их развитием до автопоэтического состояния и удвоением природной реальности, с выходом за рамки контроля со стороны эмитентов данных технологий. Некоторые признаки позволяют судить о возможности такой ситуации.

капитала». Это значит, что извлечение прибыли любой ценой, взятое как некая высшая, надличностная ценность и ценность личностного успеха, безотносительно к разного рода объяснениям его более-менее обоснованными и вразумительными категориями «протестантской этики» или «допустимости ссудного процента», подавляло и подчиняло себе все прочие источники дохода – предшествующий капитализму «рентно-феодальный» и собственно зарплатный – который, в меру массовизированности тех или иных групп профессий в той или иной области, мог быть подавляем эксплуатацией со стороны «работодателей», заинтересованных, с одной стороны, в расширении числа профессий под расширяющиеся рынки сбыта, а с другой стороны – в массовизации и популяризации почти любой профессии в меру спроса на нее, дабы капитал мог, с одной стороны, регулировать цены на специалистов на рынке труда (в пределе размывая их), а с другой стороны – предотвращать формирование профессиональных гильдий, цехов и союзов, как влиятельных социальных объединений, конкурентных ему, основанных на некапиталистическом, зарплатном принципе – то есть, на примате "недоразделенного" или "ограниченно разделяемого" труда и квалификаций.

В пределе, однако, во времена Маркса наиболее массовизированным был пролетарский труд, который имел (и демонстрировал) значительный потенциал к повышению квалифицированности и сознательности его носителей, а потому, по мнению автора "Капитала", был способен сделать пролетариат источником значительных социальных изменений. Здесь же стоит еще раз вспомнить то, что в Англии эпохи промышленной революции "угля и пара" задача разделения труда решалась в условиях высокой цены последнего.

История знает общество, построенное на плате за труд как преимущественном, а в большинстве случаев – исключительном – источнике доходов. Это советское общество, построенное в СССР, добившееся грандиозных успехов и даже имевшее в 1970-е годы шанс стать полной глобальной доминантой, однако, в силу ряда вполне логичных, системных обстоятельств, вызванных не только внешними, но и внутренними, причинами (ломать копья по поводу которых если и буду, то точно не здесь), прекратившее свое существование. В основе хозяйствования в этом

обществе лежала плановая экономика, основанная на концепции межотраслевого баланса, разработанной в первые годы советской власти. Баланс, пропорция, колебания – едва ли не главное понятие, выступающее лейтмотивом отношений едва ли не всех категорий политэкономии Адама Смита (которое как выяснилось по результатам общения с несколькими экономистами, легко путают с понятием бухгалтерского баланса).

Как бы то ни было, налицо разница между пятью типами формаций и тремя типами доходов, причем все три смитовских типа доходов соответствуют трем формациям, размещаемым Марксом последовательно, как универсальные этапы общественного развития: феодализм (рента), капитализм (капитал), социализм (зарплата). Остаются формации-«маргиналии» – рабовладение и коммунизм.

Рабовладение – весьма неоднозначная вещь, поскольку, например, у некоторых традиционных обществ (например, у древних славян) причиной рабовладения были военные походы, и оно было срочным, то есть по истечении некоторого времени раб становился полноправным членом общины. Античное рабовладение также весьма неоднозначное понятие, о чем, а также о том, как, в частности, это марксово пятичленное деление формаций дает сбой на примере культур Востока, говорит известный российский историк-конспиролог Андрей Ильич Фурсов (пожалуй, самый трезвый из всех, современных ему, российских конспирологов). Не уходя в особо долгие академические споры, стоит, положа руку на сердце, признать, что, по большому счету, рабовладение, как обогащение и нажива одних за счет бесправия, бессилия и обмана других, есть нечто такое, что присуще любой из операционально обозримых общественно-экономических формаций (феодальной, капиталистической и социалистической), причем присуще в самых разных формах – и феодализму в виде крепостничества и оброка, и капитализму в виде экономического подавления труда, удушения опасных для извлечения прибыли технологических инноваций и ограничения доступа к образованию, и социализму, который, при всем постулировании ценностей социальной справедливости и даже воплощении их в жизнь для подавляющего большинства населения страны, будучи реализован в «отдельно взятой стране», значительную часть истории этой страны, ставшей источником его распространения, располагал разветвленной тюремно-

лагерной системой, формировавшей резерв дармового рабского труда на основе высосанных из пальца и сфабрикованных обвинительных приговоров (сейчас такая система активно создается в США – классической стране капитализма, находящегося в ярко выраженной империалистической фазе), а по мнению О.Григорьева – вообще представлял собой особый вырожденный случай капиталистической экономики. Еще можно вспомнить постсоветских гастарбайтеров в России, которых лидеры местных диаспор активно отваживают от изучения русского языка и понимания того, что у них есть какие-то права (во всяком случае, это было распространено до начала масштабной рецессии 2007 года и провала "болотной революции" 2011-2012 годов).

Отсюда следует вывод и, одновременно, гипотеза, идущие безотносительно к идеям Фурсова и прочих светлых голов: рабовладение в той или иной форме, будь оно угнетение человека человеком вообще, лишение одними людьми других свободы, принижение их достоинства и потенциала в качестве средства собственного возвеличивания, есть некая болезнь общества, по-аристотелевски взятого как целое; следствие некоего дисбаланса, диспропорции в нем, девиация от вселенского принципа, в нем выраженного. И то, что лежит в основе этого дисбаланса, я полагаю связанным с неравномерностью или неравноправностью трех типов источников доходов, распределенных на различных системных уровнях в конкретных обществах.

При этом следует учитывать и то, идущее от Смита, обстоятельство, что в основе всякой экономической стоимости все-таки лежит труд, безотносительно к тому, добровольный он и зарплатный ли.

Из этой гипотезы следует несколько важных допущений:

- известных общественно-экономических формаций, противоречия внутри которых ведут к возникновению другой формации, всего три, а не пять, как утверждает Маркс;
- доминирование хотя бы одного из видов доходов и подавление им других (на различных системных уровнях, пока безотносительно к их конкретике) ведет к экономическим диспропорциям, социальной

несправедливости и, в конечном счете, чревато рабовладением в той или иной его форме;

- само понятие общественно-экономической формации связано с болезнью и нездоровым состоянием общества – подобно тому, как признаком нездорового состояния у человека является непропорционально выпяченный орган, или же более-менее болезненное ощущение некоторого внутреннего органа, в норме не ощущаемого;
- смена экономических формаций может происходить не обязательно в том порядке, что обозначил Маркс, а конкретное историческое воплощение их последовательности (феодализм, капитализм, социализм) суть следствие конкретных исторических условий;
- экономические формации, даже если они «вдруг» имеют какую-то, логически кортежированную, цикличность (допуская, что марксов их порядок справедлив), могут воспроизводиться на новых «витках» исторического развития, порождая новые формы, эффекты и надстройки, оставаясь теми же в своей сути проявлениями дисбаланса общественного организма;
- коммунизм, в рамках данной гипотезы, есть такое состояние общества, в котором потоки различных ресурсов распределяются в системе сбалансированных отношений между типами доходов, где ни один из них не довлеет над другим и не подавляет другой (в том числе не делает это системно), а следовательно, ни один человек, реализующий себя в пространстве хозяйственной деятельности в рамках одного типа получения доходов, не подавляет другого и не паразитирует на другом, реализующем себя в этом же или другом типе, то есть не может получить за счет лишь какого-то одного типа своего дохода власть над другими людьми.

По поводу последнего пункта – простой кантовский вопрос: как это возможно? Вернее так: каким должно быть общество, или что должно быть в нем, чтобы это состояние типологического баланса доходов в нем было гомеостатичным? И это при том, что везде и всюду опыт свидетельствует о наличии колоссального классового расслоения, или расслоения по уровню доходов, обострения социальных противоречий и ожесточения борьбы уже в

постпролетарский период глобальной человеческой истории[51]. Хотя по поводу последнего – это как сказать: если пролетарий, следуя латинской этимологии, есть тот, кто не умеет ничего, кроме как плодить детей, то сегодняшнее его подобие не имеет доступа к труду и заработку, а также обзаведению собственным жильем и, далее, содержанию семьи и производству потомства, но имеет, как правило, высшее образование и даже ученые степени, готово трудиться и создавать высокую стоимость[52], и часто весьма умело; но, опять же, не имеет к тому возможности (что нынче широко известно в объеме понятия "прекариат"). Такова, например, бунтующая молодежь в Испании 2012 года, возмущенная бесперспективностью своего положения и вытесняемая на периферию жизни.

На первый взгляд, гипотеза о коммунизме как балансе смитовских типов дохода – полнейший наив и свидетельство незнакомства с книгой В.Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», где столь решительно обличаются всякого рода межклассовые соглашательства и компромиссы. Однако здесь речь идет не о классах, присущих той или иной формации, аналитически предполагающей внутри себя экономическую диспропорцию, но именно о способах дохода, взятых в их общих структурных особенностях, как их понимал Смит, воплощенных в любом обществе и не зависящих ни от каких классов, а также от уровня системной представленности этих способов, или типов. Это следует признать, если исходить из признания научной универсальности политэкономии (и экономики вообще) как средства описания любой, относящейся к ней, предметности и объектности. В этом смысле речь не идет о том, чтобы соглашательски примирить классовые противоречия, но о том, чтобы рассмотреть вложение средств в дело, заработок за труд или знания, а также получение рентных благ с точки зрения возможности их органического

[51] А в России, если верить Симону Кордонскому и его Ховринской Группе, сюда же добавляется расслоение сословное как особый, постиндустриальный, феномен.

[52] Понятие стоимости в смысле "ценность + цена", будучи понятием, прежде всего, теоретическим (и в этом смысле ценным, подобно тому, как, будучи бухгалтерским понятием, в своем смысле ценно понятие капитала) в своем социальном бытии коммуникативно обусловлено и, вместе с тем, оказывается синтетической категорией объяснения спроса, никоим образом не подчиняя аналитически входящую в нее цену (аналитически включающую в себя ресурсозатратность), как полагают некоторые политэкономисты ортодоксального толка.

взаимодействия и равновесия в обществе, но никак не перекоса в ту или иную сторону.

Разумеется, здесь, в связи с этим, следует сделать еще одну оговорку: сам Адам Смит создавал политэкономию как средство описания и толкования хозяйственных реалий уже присущего ему, достаточно развитого, капиталистического общества, которое само себя этой самой просветительской наукой расколдовывало. Однако, будучи в себе самом себе самому данное, это общество имело лишь конкретный опыт самого себя, и Смит наблюдал экономические категории в привязке и подчинении реалиям, раскрываемым этим самым опытом. Что совершенно не может отрицать иных условий, при которых способы получения доходов были бы представлены в обществе более органичным и гармоничным образом.

Таково общее изложение моей гипотезы, более подробное рассмотрение, прояснение и проверка которой наверняка смогли бы решить очень многие противоречия настоящего и ожидаемые проблемы тревожных перспектив.

Прежде всего, здесь нужно обозначить направление работы, которая связана с проверкой изложенных выше допущений. Ее особенностью будет, с одной стороны, прояснение общественных условий, в рамках которых возможен типологический баланс доходов, а также связанных с ним следствий и возможностей для общества. С другой стороны, специфику этой работы будет определять понимание основных условий нарушений баланса и перекоса в сторону той или иной формации, причем это понимание должно исходить из обозначенного принципа их системности, а не стадиальности (что наверняка потребует серьезного пересмотра еще целого ряда положений Маркса, связанных со стадиальным представлением о формациях). Наконец, с третьей стороны, специфику работы будет определять попытка представить типологический баланс и дисбаланс доходов в обществе как часть естественного процесса адаптации и развития общества в мире природы и в окружении других обществ, а значит, попытка понять ключевые условия и направления достижения общественного гомеостаза из состояния той или иной формации. Здесь-то как раз может потребоваться талебова "фрактальная постнеклассика", определяющая

общие условия пропорционирования доли и интенсивности шоков относительно островков неуязвимости в рамках "эффекта штанги".

И еще раз, отдельно, следует подчеркнуть, что данное исследование в рамках предложенной гипотезы основано на специфическом формационном подходе, где во главу угла кладется пропорция типов доходов, рассмотренных как основные политэкономические категории, с безусловным учетом значимости всех остальных категорий и связанности с ними этих данных все тем же отношением «пропорции» (или баланса). Это, в частности, означает, что в рамках верификации данной гипотезы совершенно не исключаются все прочие, известные в политэкономии Адама Смита, допущения и прогнозы возможностей экономического развития – в частности, прогноз конца капиталистической формации, связанной с невозможностью расширения рынков сбыта и углубления разделения труда. Это нисколько не противоречит ни системному подходу к формациям, ни представлениям о проблемах живых или жизнеспособных систем, столкнувшихся с теснотой среды обитания и недостаточностью ресурсов развития.

Собственно, сам Адам Смит в своем «Исследовании...» отмечает трудность идентификации видов дохода, переход одной их формы в другую и наличие ошибок, возникающих в связи с попыткой их конкретной типологизации. Однако, похоже, вопрос такого различения не является для него предметом пристального внимания, а потому он обходит его стороной; кроме того, политэкономия изначально исходит из макроэкономического подхода, и вопрос о преимущественном типе дохода в обществе для Смита был более важен, чем вопрос о типологическом балансе доходов, о чем он пишет в самом начале своей книги, во введении:

> «*В задачу первых четырех книг, таким образом, входит выяснение того, в чем состоял доход главной массы народа или какова была природа тех фондов, которые в различные века и у различных народов составляли их годовое потребление. Пятая, последняя, книга рассматривает доход государя или государства*».

Однако прежде чем сделать переход к более подробному изложению доводов в пользу или против рассматриваемой гипотезы, следует сказать несколько слов об этике как методологической основе самой политэкономии – тем более что в силу определенных причин такое понимание этики было

основательно позабыто. Собственно, просветительский пафос приведенной выше цитаты как раз и заключается в этическом посыле: начав с рассмотрения доходной доминанты народных масс, соотнести ее, в конечном итоге, с доходной доминантой управляющего народом государства, в пределе воплощенного в единственной фигуре государя.

Типологическая диспропорция видов дохода, будучи нивелируема на более низких системных уровнях, переходит на более высокие уровни, вызывая перечисленные кризисные проблемы. Разумеется, весьма желательно, чтобы данные соображения были подтверждены обстоятельным исследованием баланса видов общественного дохода, с подробным определением видов и категорий ренты, зарплаты и капитала, ибо в том же «Исследовании» Смит отмечает путаницу в типологии конкретных видов дохода конкретными их получателями. Будучи наложенными на системно-динамическое средство анализа, данные мониторинга общественных процессов должны показать, к каким негативным последствиям ведет гипертрофия в обществе каждого вида. Не исключено, что для этого потребуется работа, сравнимая с построением модели «World» группой Форрестера-Медоуза. Но возможна ли полная модель без исторической эмпирики?

Пока что нам даны лишь два примера гипертрофии источников дохода, первый из которых – рентный феодализм – закончился буржуазными революциями и формированием гипертрофии иного рода – капитализмом, при сохранении двух остальных в рецессиве, начало конца которого наблюдается в грозных предзнаменованиях начала XXI века. Чего же теперь ожидать: качение маятника истории в сторону гипертрофии зарплатных доходов, или баланс всех трех видов доходов? И если так, то как для того, так и для другого случая требуется сформировать картину общества, в котором как та, так и другая реальность будут описуемы с максимальной полнотой[53].

Как бы то ни было, именно эти два варианта экономического развития, по основанию баланса видов дохода, я предлагаю в качестве общей рабочей гипотезы посткризисного развития.

[53] При этом не будем задаваться вопросом о том, возможны ли в рамках трудовой теории стоимости какие-то еще источники дохода, кроме этих трех.

Кроме того, кроме этих двух гипотез о посткапиталистическом обществе я предлагаю еще одну, взятую по основанию способа производства, и состоит она в том, что производство в обществе будущего будет идти в направлении машинизации систем управления, подобно тому, как этот процесс происходил для машинизации производственных, изначально мануфактурных, процессов при капитализме. Этот процесс будет идти примерно с тем же пафосом, как в свое время шло внедрение «Cybersyn» в Чили (под лозунгом «дорогу регулированию»). Отличие этого процесса от «интернетизации» довольно подробно расписано в той части книги "Возможность управления...", где речь идет об "облачном ситуационном центре". Как бы то ни было, и в случае сбалансированных доходов, и в случае «власти зарплат» дело иметь придется с максимальной автоматизацией производства и почти всех процессов управления в обществе, что также требует определенного прогноза типологии составляющих такое общество личностей и производственных отношений в нем, если вообще можно что-то и как-то сказать об обществе, где производят и управляют машины.

Но для начала нужно ответить на вопрос, имела ли место когда-либо в истории человечества такая девиация общественного состояния, как «власть зарплат», и что это вообще такое. Очевидно, что советский опыт, когда были упразднены частное присвоение капитала и земельная рента, а все получали зарплаты, подходит лишь в качестве весьма специфического примера, поскольку в СССР, во-первых, имело место общественное присвоение капитала, и, во-вторых, некоторые виды зарплатных доходов были запрещены или общественно порицались как «нетрудовые доходы». Иначе говоря, в СССР была достаточно жесткая регуляция общественных доходов, и говорить о гипертрофии зарплат не приходится. Доминирование зарплат как источника доходов в СССР было связано с их фиксацией в жестких тарифных ставках распределительной системы, для большинства населения – на нижних границах (хотя эти зарплаты, в целом, обеспечивали сравнительно высокий уровень потребления, омрачавшийся пресловутым дефицитом), с зависимостью их величины от места в социальной иерархии (чем выше, тем больше) и с экономической невозможностью такой вещи, как извлечение сверхдоходов зарплатным путем.

Однако советский опыт девиации доходов – это именно опыт «нижних границ», а чтобы сравнивать «зарплатноориентированную» экономику с феодализмом максимальной ренты и капитализмом максимальной прибыли, нужно как раз вести речь о зарплатных сверхдоходах. То есть о таком состоянии, где зарплатные сверхдоходы способны составлять конкуренцию сверхдоходам от прибыли или ренты. То есть, в некотором смысле, состояние, когда один вид дохода сближается с другим по основанию абсолютных размеров, и становится в определенный момент более предпочтительным, чем другой. Такой взаимопереход, однако, наверняка возможен не только на уровне «сверхвеличин».

Этика как философская основа экономики и марксистская этика

Карл Маркс отправил мораль в область надстройки, обозначив ее зависимость от классового социально-экономического базиса и, вместе с нею, едва ли не весь корпус различий науки этики, в который входят вопросы морали[54]. Вслед за Марксом в область надстройки мораль, и за нею этика, были задвинуты его последователями-марксистами, в том числе Лениным, в конечном итоге обозначив поразительную схожесть в этом идей Маркса с идеями имморализма Ницше, на что в свое время обратил внимание профессор А.А.Гусейнов:

> «*Маркс согласен со всей предшествующей мыслью в ее критической части, в том, что мир действительно несовершенен, плох, что существующий разрыв между добродетелью и счастьем нельзя признать нормальным, достойным человека. Но он в отличие от нее не рассматривает мир как совокупность объектов, внешнюю по отношению к человеку реальность. К.Маркс понимает бытие как общественную практику. Это – основоположение его философии. Оно предопределило и его взгляды на мораль. Так как бытие есть общественная практика, то его возможно преобразовать по человеческим меркам. Можно создать моральное бытие. Морали незачем замыкаться областью познания внутренних мотивов, индивидуального опыта, незачем искать места где-то помимо реального мира (над ним, рядом с ним, в его случайных нишах), грезить о фантастических островах, изолированных садах, заброшенных бочках и т.п. Сам реальный мир может быть совершенным, дружественным по отношению к человеку*»[55].

[54] Вопреки замечаниям Поля Рикера о разведении философии морали как науки о должном и этики как науки о благе, лично я все же считаю, что в данном вопросе научные сущности умножаются Рикером без необходимости.

[55] А.А.Гусейнов. "Марксизм и этика" (http://sbiblio.com/biblio/archive/guseynov_miet/), 2004 г., активно на 21.03.2017. Стоит отметить, что так понятое представление Маркса о морали вполне соответствует идеям фуллерианства и терроформирующе-космистским представлениям и практикам красноярских ученых околобогдановского толка первой половины 1970-х годов.

Вместе с тем, Гусейновым был отмечен ряд содержательных апорий, появившихся в марксистской этике, в частности:

- проблема несовершенного субъекта, творящего совершенный мир, разрешаемая построением морального, то есть «*коммунистического, преобразования мира через революционную борьбу пролетариата*» (см. там же);
- проблема характера самой пролетарской морали:

> «*означает ли это, что а) пролетариат в своей борьбе должен придерживаться ограничений, налагаемых моралью, или б) сама его борьба обретает моральный смысл и становится своего рода этическим каноном… наиболее открыто и последовательно место морали в рамках коммунистического учения, на наш взгляд, определил Л.Д.Троцкий в работе "Их мораль и наша", заявив, что "мораль есть функция классовой борьбы", что "вопросы революционной морали сливаются с вопросами революционной стратегии и тактики"*» (см. там же).

А.А.Гусейнов отмечает значимость этических идей Маркса в следующих отношениях:

> «*Во-первых, он предложил антинормативное, сугубо конкретное, контекстуальное понимание морали. Во-вторых, он обозначил новую диспозицию этики по отношению к морали, которая состояла в переходе от апологетики морали к ее критике; теперь задачей философской этики становилось не прояснение и определение субъективной логики морали, а ее критика, дешифровка, выявление скрытого подтекста*».

То есть, иначе говоря, советско-российский философ-этик Гусейнов утверждает, что Маркс ставит вопрос об *истинной* подоплеке самой морали, то есть некой внеморальной истине человеческого существа, конституирующей самое мораль. То есть, говоря логически, о некотором базисном устройстве, утверждение о котором может принимать значение «истина»[56].

Это весьма важное обстоятельство потому, что, в рамках корпуса формально-логической составляющей науки этики – деонтической логики – этические суждения, помимо истинностных, могут принимать оценочные значения[57]. Кроме того, в отмеченной работе Гусейнова нет указания на еще одно

[56] В этом смысле, как ни странно, Маркс также похож на неолибералов – сторонников экономикс, но если он говорит о классовой сущности морали, то "экономиксисты", как правило, выводят этические вопросы и мораль в область околоницшеанского дскурса.

[57] Выявляемые, в рамках социологических и прикладных лингвоаналитических штудий, в практиках анализа тональностей, или сентимент-анализа.

обстоятельство, связанное с проблемами марксистской этики и относящееся, скорее, к вопросам межпредметных связей. Оно заключается в том, что Адам Смит – создатель теоретической политэкономии, чьи идеи развивал Маркс, был известен вместе с тем как философ-этик, и что именно этические идеи долга, блага и ценности лежат в основе как политэкономии, так и любой известной экономической теории и практики. Иное дело – где и как они лежат, что под ними понимается, и как они работают в рамках различных системных уровней, практик и предметов. Попутно стоит отметить, что у Адама Смита понятием, связующим прочие экономические категории (труда, стоимости, производства, рынков, дохода и т.д.) выступала категория баланса (пропорции, колебания, etc.), в "межотраслевом" своем виде лежавшая в основе работы Госплана СССР.

То есть этика (и как содержательная, и как строгая, наука) составляет парадигмальную и методологическую основу экономики как аутентичной науки и практики. Нет нужды здесь долго доказывать это – в частности, проводить связи между этикой как метаматематической основой алгедонической кибернетики (в смысле С.Бира), задачами экономической кибернетики и чилийским экспериментом 1970-х годов[58]. Стоит лишь отметить в связи со всем этим, что этика, будь она взята как абстрактный предмет или как часть системы религиозных взглядов, в значительной части, если не по преимуществу, эвристична, то есть допускает набор правил или принципов действия без конкретизации цели их применения. То есть предполагает работу по принципу «действуй так-то, и ты достигнешь благоприятных для тебя результатов». То есть в этике конечная цель действия допускается как трансцендентная актору. В частности, потому, что в некоторых данных условиях либо постижение цели, либо выбор одного из множества благоприятных исходов, могут быть недоступны самому актору. Между тем, эвристичность поведения жизнеспособной системы была одной из краеугольных тем, затронутых С.Биром в его книге «Мозг фирмы».

У Маркса была четкая определенность в ответе на вопрос о благоприятной цели, в рамках попытки ответить на более общий вопрос о неизбежном посткапиталистическом мире. Мой вопрос, однако, касается того, почему

[58] Когда строили не просто работоспособную, но жизнеспособную, систему, и она, между тем, работала, чем сильно напугала неолибералов-монетаристов и, судя по всему, стала главным поводом пиночетовского путча с последующими «чикагскими мальчиками».

Маркс, обращая внимание на проблему кризиса капитализма, обозначенную Адамом Смитом, не обратил внимания на этическую составляющую мировоззрения шотландского экономиста. На этот счет есть два соображения.

Прежде всего, идеи Карла Маркса были сформированы во второй половине XIX века, и с тех пор ушли в «самостоятельное плавание», тогда как начало основательной теоретической проработки темы философии и методологии науки, равно как темы межпредметных связей, начинается со 2-й трети – середины XX века, с работ постпозитивистов. Маркс находился в пределах текущих представлений о научности и рассматривал самое научность в системе общественных, производственных и ценностных отношений, не проблематизируя при этом демаркацию научности знаний так, как это делали постпозитивисты. Он жил в несколько иную, так сказать, научную эпоху, да и не были эти вещи его главной темой.

Другой причиной, по которой Маркс не обратил внимания на этическую составляющую взглядов Смита (считая, по-видимому, эти взгляды определенными исключительно классовыми условиями его бытия), было, собственно, то, что лежало в основе общественных, производственных и ценностных отношений и шло, по-видимому, не только со времен «длинного XVI века», когда сформировался капитализм в его известном виде. Именно с началом становления капитализма, то есть с Эпохи Возрождения, начинается процесс становления стандарта научности, исключившего, в конечном итоге, этику из числа познавательных сфер, в рамках которых формируются критерии научной ценности.

Процесс этот берет начало с заявлений Бэкона-веруламца о том, что знание дает силу, и даже, может быть, с еще более ранних времен томистской перипатетики, если не античности. Это постулат, или приверженность, тому соображению, что постижение истины обуславливает должное и благосообразное поведение и предшествует ему. Где бы и кем бы он ни был сформулирован в явном или неявном виде, этот постулат, в конечном итоге, представляет собой онтологическую предпосылку со вполне определенными следствиями. В конечном итоге, в рамках следования этому тезису, постижение истинного отделяется от постижения должного, взятого как

causa finalis, имманентность и постигаемость истины становятся должным и, в иных версиях, ценностно-критериальным для истины (в том числе в отношении ее научности), а должное и благое оказываются подчиненными так понятой истине (или истинности). Постижение того, что есть и как то, что есть, устроено, становится целевым, и сама трезвенная целесообразность получает жесткую сцепку с принципом есть-бытия.

Альтернативным тезисом является признание того, что истина открывается лишь должно и благостно поступающему, ибо ему имманентно может быть совершенно не даны или даны неполно, ни истина его собственного существа, ни истина окружающей природы, и открывается эта истина системно и в определенной мере, как рабочий бонус, согласно мотивациям, задачам, целям, склонностям и прочим интенциям познающего. Насколько помню, такой подход связывался некими людьми, некогда рассказавшими мне про него, с, условно говоря, «восточно ориентированной культурой» (вспомним китайские «поведение благородного мужа» и принцип недеяния «у-вей»), тогда как противоположный ему первый – с «западно ориентированной».

Все это, до определенной степени, проясняет мой собственный тезис о том, что основой высшего образования является и должна являться скорее не культура знания, а культура веры и желания, и что культура знания (или, если угодно, ученого незнания) оказывается культурой инструмента, обеспечивающего эту, более высокую, смыслополагающую, неизменно связанную с вопросом «зачем», культуру.

Однако управление собственными желаниями и верой совсем не означает ни отказ от деятельного и обоснованного изменения внешнего мира, ни сведения такого управления к хай-хьюму и манипуляциям с самосознанием. Скорее, они ближе к марксову представлению о самосовершенствовании освобожденного человека. Более того, так понятое образование в принципе должно обеспечивать устойчивость к манипуляциям.

Согласно «восточному» тезису, эвристичное поведение имеет общей целью именно баланс жизнеспособных систем, безотносительно к характеру и конкретике самой системности – прояснение последнего важно, но лишь во вторую очередь, ибо эти характер и конкретика изменчивы в процессе

адаптации и балансировки, и в нем на первое место выступает вопрос о принятии или не принятии того или иного инобытия, образование или не образование с ним симбиотической или иной органической целостности. Этика – это иной тип системного оперирования, могущий быть проясненным через истинностно-вероятностные идеи и конструкции[59], но не сводимый к ним. Он инаков, и обретает самостоятельный смысл, подобно истории с яйцом, служащим стоику наглядным пособием для объяснения связи этики, логики и физики, как это представлено в первых строках «Логики смысла» Жиля Делеза. Значения «важно-неважно» («значимо-незначимо») – иная, и достаточно самостоятельная, вещь, нежели «истинно-ложно». В некотором смысле, эти значения близки утилитаристской концепции истинности (достоверности), предполагающей критерием таковой степень полезности для заинтересованного субъекта действия или говорения, ибо очерчивают область есть-значений, в конечном итоге, самим субъектом целиком и, одновременно, представляют таковые «есть»-значения модализированными: хорошо или плохо нечто для него – значит, в большей или меньшей степени возможно к бытию или небытию для него. Также, разумеется, эта вещь представляет собой область смыслополагания. Недаром стоики проясняли смыслополагание вплоть до физического самоустранения из жизни.

Перед Марксом вопрос стоял иначе – устранение из жизни масс трудящихся происходило в силу недостаточности социальных, бытовых и экономических условий их обеспечения, при росте квалификации и, в конечном счете, сознательности этих масс, и вопрос о том, зачем жить и выживать, попросту не стоял. Вопрос был о том, как сделать окружающую жизнь лучше, а смыслополагающей инстанцией, фактором и состоянием признавалась борьба. Это чрезвычайно важное различие, поскольку оно проходит красной нитью от стоицизма к Альберту Камю с его вопросом «стоит ли жить?» и экзистенциализму XX века, появившемуся в условиях глобально расширяющегося марксизма. С другой стороны, именно стоицизм был прямым предшественником христианства, чьи базовые ценности, в том числе идеи социальной справедливости, были восприняты коммунистическим движением.

[59] Ибо вполне возможен и допустим вопрос «что есть этическое (нравственное, моральное) по существу?».

В этом смысле, учитывая идею баланса как лейтмотива этических и экономических отношений, стоит обратить внимание на альтернативный марксову подход к пониманию капитализма. Он состоит в признании того, что капитализм есть не просто общественно-политическая формация, возникающая на определенном этапе развития общества, достигающая вершины развития и ведущая к упадку этой системы общественных отношений, проявляющемуся в уже известном раздувании государственно-капиталистических монополий, формировании финансово-промышленной олигархии, падении эффективности (отдачи) капитала и неоколониализме, наконец, в препятствовании образованию новых рынков, внедрению новых технологий и уничтожении конкуренции. Но что это, скорее, есть возникающая в особых условиях, совпадающих, по большей части, с известными историческими условиями, девиация общественного развития, растянувшаяся, в известной исторической ретроспективе, на несколько столетий, и что кризис капитализма есть, в действительности, кризис не общественно-политической формации, но самого общества, подвергшегося такой девиации. Ее суть – в отмеченном выше дисбалансе видов дохода, и капитализм, будучи «властью капитала», есть ничто иное, как выпячивание, диспропорция, дисбаланс одного источника дохода в ущерб прочим – и ренте, в свое время гипертрофированной феодальным землевладением, и заработной плате искусного работника или мастера, размывая его искусность средствами массовизации и манипуляции спросом и предложением. А потому в период кризиса выпячивание начинает "маятниково" осуществляться по всем направлениям и обнаруживать то, что ранее считалось, казалось бы, давно ушедшей в прошлое архаикой.

Ложь о социальном предпринимательстве от представителей известных кругов

В контексте вопросов этики следует избавиться от одной елейной иллюзии благотворительности, очень активно распространяемой сегодня теми, кто ради собственной выгоды не гнушается делать из людей рабов. В апреле 2015 года вышла интересная статья пресловутого Л.Гозмана в период больших российских обсуждений «некоммерческого» и прочего «третьего» сектора, верящего (или убеждающего прочих поверить) в то, что в старые мехи старого доброго капитализма возможно влить новое вино борьбы с бедностью. Как будто бы новое вино. В как будто бы не дырявые мехи.

Так чем же может быть интересна одна статья[60]. Во-первых, кейсами деловой активности, кои все-таки можно рассматривать к воспроизводящему применению. А во-вторых, тем, что наглядно показывает, в какой степени г-н Гозман вообще является специалистом по проблеме бедности. Прежде всего, собственно той же кейсовстью подходов (рассказ про то, что кейс-методология MBA обучения зело дырявая, вельми бородат, да и не место здесь ему) и акцентом на «социальной ответственности». Честно говоря, из материала я так и не понял, чем организованные сентиментальными «богатенькими буратинами» микрозаработки, работающие на «психологический фактор», отличаются от социализирующей благотворительности. Они вполне себе вписываются в набирающий обороты, специфический сегмент «торговли впечатлениями», сильно пахнущий столь мерзким исконному протестанту синергизмом неорганизованного человека. Также стоит заметить, что автор статьи ничего не говорит ни о стандарте и нормах потребления (ну да, неоднозначная и щекотливая тема, но не настолько, особенно когда речь идет о здоровье и ритмах повседневности), ни об источниках бедности. Собственно, социальное предпринимательство, понятое так, как оно изложено автором, во всех этих кейсах чем-то напоминает «постепенное догоняющее развитие», о чем говорил Олег Григорьев в своих лекциях (пример экономики Панамы, с частичным развитием новеньких производств, довольно быстро загнувшихся, но только на уровне отдельных личностей и домохозяйств): вроде бы есть изменение, но качественный разрыв стандартов жизни не преодолевается. Все эти мелкобизнесы – не более, чем конвенциональные «швейцарии» для бедноты, нейтрально стоящие в стороне от серьезных рыночных баталий, уже заведомо помещающие людей вниз без гарантий подъема и вообще спроса на их продукт. Это еще один принцип работы финансового сектора в капиталистической системе, о которой говорил Григорьев: вытеснение сильными игроками слабых на все более бедные рынки, только здесь слабым уже сразу (в рамках институционально зарождающейся социальной практики) предоставляются специализированные или маргинализированные, но все равно бедные, рынки, на которые конвенционально не распространяется серьезный коммерческий интерес (поскольку такой интерес к ним и так будет не скоро). К тому же эти

[60] https://komitetgi.ru/publications/2569/ (Актуально на апрель 2017 года).

социально-предпринимательские вещи есть нечто, идущее сверху вниз, но не естественным образом снизу, будучи гарантированным институционально или морально (как это отчасти имеет место, кстати, в США в случае господдержки high-tech стартапов arpa-подобными фондами вроде In-Q-Tel). Однако желаемое многими как гуманное, или цивилизованное, общество тем-то и хорошо, что позволяет не только подняться, даже если человек «упал» или изначально находится снизу, но и заново принять участие в игре без необеспеченных рисков для имущества, здоровья и жизни. Собственно, это и есть принцип безопасности – ключевой принцип общественного блага, существующий даже среди животных. Однако в системе коммерческих и классовых иерархий, имеющих не только неравномерную ступенчатость в смысле Л.Питера, но находящихся внутри во многом естественного процесса активного расслоения на богатых и бедных (притом глобального) едва ли можно вести речь про устойчивую реализацию этого принципа иначе, нежели как про форму некоего паллиатива.

Между тем, на ином уровне понимания (а различие уровней, в рамках моих штудий, есть нечто, не обязательно относящееся к иерархиям) имеется исторический прецедент не качественного, но степенного, различия стандартов жизни – это пример с различием допетровских и послепетровских жилищ разных сословий: терем князя мало отличался «по формату» от жилища купца или крестьянина – различие носило количественный, или степенной, характер; после Петра разница стандартов жизни сословий стала связываться с инаковостью образа жизни (сегодня, в эпоху «постиндустриального госкапитализма», «классососословия» воспроизводят эту же раннюю послепетровскую модель). Полагаю, иные примеры тоже можно найти в истории иных обществ, но этот нам ближе. Культурологам эти вещи хорошо известны, но увы, в неоекономике такого рода «культурности» не рассматриваются.

…Так что, получается, вопрос – в способе социализации: в какой бы форме ни существовали подачки, они так и останутся подачками, если изначальная установка формирующих «социально ответственные бизнесы» элит – на то, чтобы не пускать «быдло» в «барский огород», в том числе – в языковой и атрибутивный. А ведь, на минутку, формирование «среднего класса»,

начиная со 2Н XIX века, происходило как раз во многом по линии передачи атрибутивных стандартов высших слоев общества вниз.

Я уже в некоторых местах отмечал, что проблему бедности, в частности, невозможно преодолеть без выстраивания социальных лифтов в обе стороны: как снизу вверх, так и сверху вниз. Что есть последнее, исследователи проблемы бедности едва ли хорошо себе представляют; похоже, здесь нужно вести разговор об инженерии социальных институтов, корректируя модели халдуновских циклов и начиная работу с объемом и содержанием расхожего понятия дауншифта. И, конечно, здесь же возникает вопрос стандарта образа жизни, находящегося вне коммерческой игры, и связанный с ним вопрос о смене такого стандарта на основе принципа достаточного основания. В том числе – рассмотрение внекапиталистического управления предметно-технологическим множеством (ПТМ), что в моем нарративе сопряжено с концепциями "интегрированного дизайна" Папанека, "метасоциальной" (метауправленческой) коллекционной научности, экстерналий и сверхрационального. Также направления определенных решений я вижу связанными с темой взаимодействия малых групп и сообществ, расселенных вокруг триангулированной инфраструктуры коммуникаций, адаптированной к ландшафтно-климатическим и действующим логистическим условиям. Но все равно эти вещи требуют обстоятельной проработки, поскольку представления о том, каким образом это возможно помимо принципа взаимодействия контуров и «живительных» денег, плодящих бедноту, все еще во многом смутны.

Начиная писать этот текст, я не сразу вспомнил, как раньше рассматривал социальное предпринимательство. Если исходить из суммы понятий трудовой теории стоимости, то, как бы то ни было, это суть предоставление возможности заработка незащищенным социальным категориям. Классическому капиталистическому предпринимателю это по-любому выгодно, поскольку, должным образом организуя труд детей, стариков, зависимых женщин, инвалидов или заключенных, можно преспокойно «стричь капусту», прикрываясь личиной «социальности» и получая профит с «должных быть благодарными» работников, не боясь, что те возьмут в руки «оружие пролетариата» – булыжник, тяжелый для них для всех и запретный для заключенных. Суть «социального предпринимательства», уже ставшего

очередным мемом, прекрасно раскрывается в понятии «тюремной индустрии», о которой идет речь ниже.

Между тем, массовый характер живого коммерческого (или даже «некоммерческого») творчества народных масс вполне себе определяется социальной базой бравых «отходников», столь интересным образом рассмотренных в одноименном отчете за 2013 год[61] под научной редакцией С.Кордонского и под эгидой Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», и вполне себе вписывающихся в контекст сказанного мною далее насчет даркнета и прочих эффектов, известных в "социологии тени".

Марксистские аллюзии в свете идей С.Платонова

У С.Платонова есть очень интересные вещи, касающиеся подзабытой ныне полемики, предмет которой, однако, становится все более интересным в свете происходящих вокруг процессов. Она же интересна в смысле учения о революционной ситуации, разработанной в свое время Лениным, мало соотносимого сегодня с "цветными революциями" как управляемыми процессами. Иначе говоря, революция как управляемый продукт и революция как процесс, управляемо запускаемый на фоне внеманипулятивных закономерностей состояния общества, не сопоставляются между собой, тогда как первый из них работает в презумпции управляемости едва ли не любых общественных процессов и одновременно также воспринимается теми, кто противостоит "цветным революциям", в презумпции не противостояния манипуляции позитивным проспектом общественного бытия, но осуществления "антиманипуляции" – вполне согласно сказанной некогда одним российским политиком неолиберального толка фразе "как скажем, так и будет"[62].

---

[61] Ю.М.Плюснин, Я.Д.Заусаева, Н.Н.Жидкевич, А.А.Позаненко. "Отходники" (https://www.hse.ru/data/2013/11/01/1283037797/OTHOD.pdf). Изд. "Новый хронограф", Москва, 2013 г.

[62] Говоря в понятиях "достаточно общей теории управления" (ДОТУ, одна из отечественных естественнонаучных концепций новейшего времени), управление социальными процессами в сегодняшнем мире носит в куда большей степени структурный характер (то есть по достаточно развитой структуре каналов связи), нежели это было в эпоху "русской революции" 1917 года. В первую очередь, безусловно, это связано с распространением средств массовой информации и массовой коммуникации (включая интегрированные массовые коммуникации и масс-медиа и мощные средства анализа личности в формате big data). Особый интерес в связи с этим представляет выход из-под власти структуры, поиск лакун в структуре, переструктурирование, создание параллельных структур (даркнета), получение контроля над каналами (хакерство), надежная демаркация бесструктурного управления от структурированного, выстраивание нечетких (частичных) структур управления и таких, что работают в рекомбинантном (калейдоскопическом) режиме (в том числе с использованием стеганографических решений). Последнее,

Концепция полной управляемости социальным процессом на основе предпосылки о принципиальной осваиваемости общества игнорирует, однако, адаптивные возможности оного как в отношении манипуляторов, так и антиманипуляторов (безусловно, склонных осваивать и применять манипулятивные техники), не учитывающих частность своего действия, специфику управленческих взаимодействий в нем (частичность), а также то, как общество способно отвечать таким самоуверенным управленцам демонстрацией того, как старая добрая теорема Геделя воплощается в реальности.

Акценты С.Платонова

Интерпретативные цели и, одновременно, ценности марксизма – уничтожение частной собственности и отчуждения, следовательно – труда, производственных отношений и производительных сил (в буквальном прочтении Маркса), что увязывается с удваивающей естество природы автоматизацией систем управления и воспроизводства. Этот тезис весьма пересекается с моей гипотезой (разумеется, рабочей) насчет того, что автоматизм исходного природного мира (прежде всего, биоценозного, а также отчасти геоклиматического), данный человеку в системе исходных природных ресурсов до частной собственности и даже орудийного труда, может быть также истолкован как сознательно и рационально спроектированная и спродуцированная реальность, однако этот, на первый взгляд, креационистский, аргумент, трансцендентен нам: у нас нет никаких оснований считать, что экосистема или какой-либо ее компонент (например, дерево) не есть воспроизводимый технологический автоматизм, созданный и деистически запущенный некой проектной инстанцией в древности подобно тому, как автоматизм воспроизводимых благ предполагается в качестве системного импланта в природу человеком, идущим, по Марксу-Платонову, в своем развитии далее эпохи капитализма и даже коммунизма в

еще раз, предполагается для управленческого взаимодействия с общественными структурами и процессами, поскольку на технологическом уровне, к примеру, рекомбинация каналов передачи данных давно реализована как технология защиты для сетей GSM (собственно, в том и состоит особенность этих сетей). А потому особую значимость в качестве фактора управления тривиальным образом получает сфера медиа, ключевым структурным особенностям которой посвящена отдельная глава этой книги – тем более что именно массовый потребитель инфоком-устройств и медиапродукта (планшетов, ноутбуков, телевизоров и прочих гаджетов) использует лишь незначительную их часть при принципиально полной доступности их профессионального функционала при недоступности средств и способов монетизации факта обладания устройством, что как раз и составляет подлинную суть пресловутого "цифрового неравенства".

некий посттрудовой мир. Собственно, мелькающий у Платонова глушковско-огасовский нарратив весьма соответствует тому, о чем идет речь в более ранних материалах, касающихся исторического смысла науки управления в XX веке. В этих вещах, по-видимому, выражается давняя христианская мечта о достижении гармонии человека с природой в том состоянии, когда человек достойно постигнет заложенную в него божественную возможность.

Также вопрос об уничтожении экономики как способа общественной организации соответствует рассмотрению ее в качестве общественно-исторического феномена в лучшем и наиболее авангардном теоретическом представлении "неоекономики", работающем на этапе позитивных эвристик, и оценивается в своих возможностях, ограничениях, и притязаниях как узкое место в смысле Э.Голдрата, только в масштабе не отдельной фирмы, а всей системы воспроизводства общественных отношений, поскольку как раз на уровне того, что именуется "субъективной достоверностью" и "феноменологией повседневности", сама экономика как значимый фактор человеческой жизни, толкуемый экономистами с позиции неких жизненных и непреложных законов, представляется чем-то весьма гнетущим и противоестественным, а потому требующим прояснения с более широких позиций (тем более, что сам автор "неоекономики" О.В.Григорьев утверждает, что в рамках экономики как науки не существует решения глобальных проблем XXI века). Такой, более широкий, подход, неизбежно выводит на обозначенные ранее общие вопросы управления и "правильного присутствия" человека на планете Земля как в общем и целостном доме – во многом непонятном и недоступном современному человеку со всеми его знаниями и технологиями. И способ естественного управления этим домом весьма отличен от того, что человек предполагает под актуальным для него, экономическим хозяйствованием различными ресурсами, силами и отношениями как высшей формой управления чем бы то ни было. Разумеется, находясь в рамках этой науки трудно предположить, что сам способ такого хозяйствования может перейти в собственное инобытие или оказаться чем-то новым в качестве "хорошо забытого старого" на новом витке спирали социоприродной эволюции. В этом смысле, конечно, становится понятным сатирическое уподобление С.Платоновым понятия

"социалистическая экономика" понятиям "социалистическая проституция" или "социалистическая спекуляция".

Здесь уместно сказать о моей претензии к тем людям, что, в свое время находясь близко к этим всем позициям осмысления и понимания, занимая ответственные должности, променяли это свое божественное первородство на чечевичную похлебку следования в фарватере удобных и простых понятий; скатившись к скотству роскоши, заменили красоту китчем; перепутали человека и занимаемое им место в ответе на вопрос о том, кто кого красит, а значит – к чему применяются слова "кто" и "что". Сегодняшний мой вопрос касается того, с кем вместе осуществлять подзабытые проекты: с этими перепутавшими или с кем-то еще? Поскольку все эти проекты, проспекты, форсайты и прогнозы, направленные на радикальный пересмотр основы основ, требуют для своего наилучшего осуществления людей доброй воли, образ которых никоим образом не вяжется с образом "следующих в фарватере" из чувства удобства и притязания на собственную значимость по факту одного лишь своего существования, постольку "меня терзают смутные сомнения" насчет любителей стяжать себе не многое даже, а всё (без кавычек) банальным отъемным образом, не приложив к тому созидательных талантов и сил (а чтобы пользоваться очень многим из этого всего, нужны оные). То есть будучи сволочью в буквальном, этимологическом смысле этого слова, подобно прожорливой беломорской селедке, волочащейся за связкой брошенных в море крючков без наживки – лишь потому, что те блестят. При всей своей прожорливости, "променявшие первородство на похлебку" – весьма ненадежные человеки[63]: их довольно легко могут съесть те, кто живет чем-то бОльшим, чем они сами, и вынашивает долговременные стратегические планы. И здесь возникает вопрос об альтернативной влиятельной силе, покамест остающийся во многом открытым. Лично я предполагаю искать ответ на него в системе "сложной общественной тени", обладающей потенциалами эффективного развития и охватывающей различные социальные, "сословные", финансовые и классовые категории[64], коих с марксовыми пролетариями роднит лишь самодисциплина да прикладная комбинаторная смекалка в современных им техносоциальных

[63] Именно человеки, а не люди, ибо считают себя равнее других – тех, которые им платят налоги – "полюдье", но не наоборот.

[64] Отдадим дань С.Кордонскому. Как пел В.Высоцкий, "...и скрываются до срока даже рыцари в лесах...".

условиях. В остальном они, конечно, не пролетарии, поскольку живут в условиях уже давнего сворачивания капиталистических отношений и (справедливо отмечаемой Платоновым) ленинской многоукладности развитых сообществ с формами занятости, претерпевшими немалые изменения со времен как Маркса, так и Ленина, а также собственно трудом, осуществляемым вполне себе в понятиях этих классиков и их последователей, отношения которого с "капиталом" перешли с внутристранового на глобальный межстрановой уровень (и прочими категориями, аналогичным образом сменившими масштаб).

К проблеме Калликла и Сократа у С.Платонова

Решение проблемы свободы и равенства Гегель нашел в государстве. Действительно, известная с античных времен тема главенствования выгодно ложится на иерархическую суть государства. Однако в республике свобода оказывается связанной с возможностью выбора в поле созидательных действий и взаимодействий, а не главенства отношений произвола и подавления (исключающих таковую возможность), тогда как равенство есть презумпция, ибо невозможно всегда знать, на что способен сообщающийся с нами визави и его органические силы, и в какой форме будут проявлены эти способности. Утопия, однако, состоит в самом понятии идеального государства, поскольку последнее всегда самоорганизуется идеальным образом относительно текущих условий собственного существования и не нуждается в сторонней оценке отдельной личностью, заинтересованной в нем как в благе, если только эта личность не соотносится с государством как часть его аппарата. Таковое управленческое образование находится в пределах естественной необходимости, выдаваемой за осознанную, ибо органическая основа любого государства – иррациональная по сути "рациональная бюрократия". Именно поэтому предлагаемая мной гипотеза состоит в том, что античная дихотомия свободы и равенства реально и конкретно разрешается в республике, а в государстве (как то утверждает Гегель, считая его проявления воплощением "абсолютного духа") – иллюзорно и абстрактно. Однако что такое республика как не-государство, еще предстоит более обстоятельно понять, и переосмыслить все то, что о ней известно в истории мысли. Хотя уже сейчас ясно, что этимологически это синоним демократии, а коннотативно – близкое ей понятие, только взятое в

аспекте своей изначальности ("res"), а не власти ("κράτος"), несмотря на то, что юристы тут же начнут нести научную околесицу про разницу "формы правления" и "политического режима". И также ясно, что республика может иметь набор базовых ценностных максим и регламентов, именуемых конституцией, и что в ней должен быть наложен запрет на формирование в стране управленческих иерархий (во всяком случае, в качестве управленческой основы общества), как ведущих к нарушению принципа паритета свободы и равенства.

В рамках такого понимания в республике возможность национализации производителей или торгово-финансовых агентов оказывается под вопросом, но и сами производители и какие-либо обменные посредники оказываются под вопросом в статусе частных собственников, а также прочие признаки ГМК вроде потребсообществ. В противовес тому, что говорит Платонов насчет режущего слух понятия "государственно-монополистический социализм", должно быть переопределено понятие республиканской собственности в смысле охраняемого и управляемого общественного блага. То есть одно дело – республика как не-государство, и другое – вопрос о ее существовании в условиях нынешнего элитократического упразднения частной собственности. Административный уклад в смысле достигнутой классовой однородности не может перестать быть диктатурой в случае, если при этом сохраняется сословность, вполне способная быть воспроизводимой (и воспроизводимая, кстати, в первую очередь) государственнической по сути бюрократией. А значит, в платоновском смысле движением в позитивном направлении должна быть человеко-машинная система, предполагающая с человеческой стороны равноправно-конкурентный способ администрирования (доказавший работоспособность в своей проектной сути), с машинной стороны – автоматизацию не только процессов регламентации, но и оперативного мониторинга точек контроля, что, в свою очередь, поднимает проблему total control и зон свободы.

Если кто-то думает, что это все – лишь утопические умствования, то могу напомнить, что мы чаще пытаемся научно обосновать будущее, исходя из доминант прошлого, нежели начать созидать его, опираясь на усмотрение благоприятных, но никогда ранее не имевших место или не

доминировавших (а потому неизвестных или мало известных) возможностей. И потому нашей проблемой скорее оказывается не знание будущего, но груз ответственности и страха выявить их, заявить о них (неизменно попадая под огонь остракизма и насмешек) и начать воплощать, рассчитывая на успех этой задачи и, одновременно, задаваясь вопросом о дальнейших последствиях и возможностях. Это – трудность деятельностного самосознания в историческом потоке.

Что, в случае автоматизации регламентирования, делать с изобретающими регламенты проектантами, и как развести регламентирующие процедуры с риском тотального контроля жизни, особенно для стрессовых сценариев массового потребления? Не потому ли в 1970-х гг. были задушены социалистические киберпроекты, что они ориентировались в большей степени на юридическую по своей природе регламентацию, нежели на управление денежным по своей природе биржевым процессом? Одно дело, если регламенты создаются для автоматизированных или даже автоматических систем, а если они распространяются на более широкий спектр поведения человеческой компоненты человеко-машинного взаимодействия? Насколько реален риск распространения усложняющихся регламентаций автоматической системы на агентов действия, создавших ее, но не контролирующих более высокие порядки сложности?

В автоматизированных финансах зависимость волатильных показателей от случайных событий не в меньшей степени проблемна, но здесь все же существуют специфические стратегии (например, талебовы); как быть в случае со случайной генерацией неприемлемых предписаний? Здесь ссылки на три закона робототехники: система предписаний может создавать регламентную среду, строго логически не противоречащую этим законам, но неприемлемую для человека по своим непредвиденным последствиям – включая те, что не просчитаны или случайны, то есть те, что выходят за сложностные или программные машинные порядки. К тому же здесь фигурирует давняя проблема достаточной обоснованности машинных решений. Первый (и, возможно, единственный) выход, который здесь видится – создание систем регламентаций относительно VSM управляемой предметности как основного критерия корректности регламента, а не на внутренней логике и междокументном координировании как приоритете, то

есть на "электронной бюрократии". Иначе говоря, равно как в случае с сочинением законов федерального уровня (а все, что из них следует – им подзаконно), машинное законотворчество также должно опираться на некую картину управляемого мира.

Автоматизация торговли и регламентации – это все тот же вопрос равенства и свободы, идущий от беседы Калликла с Сократом. Но если так, то и вопрос такого управления биржевой торговлей и финансами будет не в меньшей степени осмысленен в случае ориентации на VSM некой экономической реальности (оставим пока в стороне уточнения насчет того, есть ли это модель всего контура, отрасли или процесса каких-либо транзакций как системы), а не набор "фундаментальных факторов" и "шоков", сильно напоминающих восточный анекдот о группе слепцов, которых попросили дать определение слона, ощупав различные части его тела, позволив строить им химерические предположения о внешности животного. В таком случае все участники рынка и торгов оказываются мотивированными иметь более-менее согласованное представление об объекте управления, который уже одним этим становится чем-то большим, чем набором переплетенных и копошащихся в опилках разновеликих червей. И еще в таком случае биржевая торговля если и будет зависеть от психологических факторов, то от совсем других и, кстати, по существу предсказуемых, связанных со все той же жизнеспособностью объекта управления.

***

В ряде случаев куда более корректным, нежели использование понятия информации (как отношения формальных и материальных аспектов причинности в абстракции от двух других аспектов) является куда более обыденное понятие следа как продукта отношения различных степеней и форм солидаризации, способных "оставить след". В этом смысле, применительно к человеческим сообществам, оказывается важным, что солидаризация берущих право меньшинств, побеждающая пребывающее в своем праве менее солидаризированное большинство, о коих вещает в своих интервью Н.Талеб, еще вовсе не означает высокого качества самой солидаризированной социальной материи, и может носить предсказуемо срочный характер (как, например, асабия). Это обстоятельство важно для

понимания проблемы элитаризма, о коем идет речь дальше, и способов ее разрешения.

***

Здесь позволю себе немного отвлечься на пассаж, касающийся ранее обозначенной темы пространственного обеспечения денег[65]. Это нужно для того, что представлять основные критерии адекватного и продуктивного хозяйственного действия тех, с кем связываются определенные надежды, в нынешних условиях взаимодействия. Важной новостью здесь будет тезис о том, что специфика деловой коммуникации в ее мотивах, поводе и последствиях задается преимущественной функцией пространства деловой игры, которое есть, прежде всего, пространство в буквальном смысле, также определяет формат доходности, способ и конкретику приращиваемых благ, но что более, пожалуй, важно – типологию допустимых в нем проектов. Его дополняет тезис, согласно которому ни одна функциональная зона универсального типа не существует в отрыве от функционирования другой, а наложение сегрегирующего зонирования (известные по киноантиутопиям "зеленые" и "красные" зоны) на "универсальную хозяйственную типологию" ведет, в конечном итоге, к редукции хозяйственной сложности, хотя при этом не исключена и достаточно высоко организованная система универсальных пространств "зеленой зоны" в среде "земель варваров".

***

Наиболее свежие григорьевские различия типов взаимодействия экономик к уже имеющимся по результатам второго цикла лекций и его книге – транзитно-логистическое и оффшорное; их названия говорят сами за себя и, по-моему, не требуют общих определений. Вкупе с кластерным типом взаимодействия они содержательно коррелируют с тремя основными функциями хозяйственного зонирования пространства для любого масштаба, соответственно: миграционного (транспортного), хранилищного (тезаврационного) и производственного (перерабатывающего, синтетического или продуктового). Тип взаимодействия обуславливает деятельностную функцию внутри пространства, являющуюся по сути проектно-средовой. Будучи примененной к масштабу всей страны, та или

[65] "Возможность управления...", раздел "Спекулятивная гипотеза о деньгах в смысле времени и пространства".

иная из них специализирует ее в международной системе разделения труда (СРТ), обуславливая преимущественный способ использования территории страны тем или иным образом. Однако последний способ преимущественного зонирования для кластерного типа взаимодействия (который, еще раз, вовсе не автаркический) дает принципиально новое качество внутристрановых контуров и гибкости управления, обнаруживая и задействуя всю базовую палитру пространств операций с ресурсами и распределения их потоков (непосредственно за последние отвечают миграционные пространства), актуализируя возможность межмасштабного взаимодействия системы территорий одного уровня с системами других. Вся система ландшафтно-географической (реальной, эмпирической) экономики (будь она торгово-финансовой, промышленной, реальносекторной, деривативной или потребительской) реализуется в категориях этих трех пространств (или функциональных зон), носящих универсальный характер для любых видов деятельности.

Там, где нет производственного пространства (прежде всего, кластерного, но также инвестиционного с массовой бедностью населения), возникает основание для дистрибутивной экономики и, если собственно предметом тезаврации и транспорта не станут "какие-нибудь" особые грузы, требующие особых технологий хранения, транспортировки, защиты и обращения, а соответственно, или более глубокой СРТ, или большей квалификации, или (пожалуй, скорее всего) цены обслуживания, открываются возможности для скатывания к взаимодействию монокультурному, для которого оптимальным оказывается иерархический каскад с госрегулированием в той степени, в какой сам этот принцип дистрибутивности доминирует в качестве ценности и некой пасконной исходности хозяйственной жизни, овеянной ореолом научности, представляющий, в свою очередь, весьма удобное для элитаристских или госмонополистических элит самооправдание "сырьевого проклятия" и "ловушки среднего дохода", в которую попадает безоружное население, лишенное права ведения хозяйственной деятельности.

Оффшорная и транзитная доминанты взаимодействия содержат возможность межмасштабного взаимодействия территорий лишь потенциально и в некотором смысле представляют собой торгово-финансовую сублимацию монокультурного взаимодействия, поводом для

которой становится пространственно-временной ресурс, фактически сдаваемый в аренду; то есть в случае этих форм взаимодействия неограниченной по числу использований и неотчуждаемой в рамках международного права монокультурой оказывается сам континуум с тем или иным уровнем сервиса его предоставления.

Сюда же относится и неоэкономическое понятие об использовании лучших ресурсов (земель), с которого начинается понятие об основных принципах хозяйственной деятельности. В данном случае, однако, не рассматривается возможность первичности транзитно-логистико-миграционного фактора, однако гипотеза таковой первичности была бы весьма уместна в силу того, что на территории присутствия ресурса хозяйствующий субъект – человек как-то изначально оказался, то есть прибыл туда, используя собственную локомотивную способность (поелику он не растение) в составе большей или меньшей группы. А значит, для него является оправданным считать фактор коммуникации и синтеза имеющим первичную значимость над ресурсно-потребительским, которому соответствует исходный набор "лучших" природных ресурсов, естественно и априорно тезаврированных и воспроизводимых. Такое рассуждение вполне допустимо, если вести речь в понятиях "удвоения природы", позитивного гуманизма и прочих негригорьевских марксистских рецепций новейшего времени.

***

С другой стороны, функции пространств хранения и производства неким образом однопорядковы, тогда как миграционное пространство их опосредует, разграничивает и организует: условно говоря, хранение – место минимального преобразования (переработки) ресурсов, в некоторых случаях сводимого к нулю. Вся же система пространств de re в своем сбалансированном виде есть система проектно-сценарно-преобразующе-производственная. Однако в некоторых случаях пространство хранения может выступать в качестве производственного или части такового: это имеет место в случае реализации того, наиболее верным названием для чего я бы предложил "технологии экспонирования"[66]: они известны с древнейших времен, это: строительство деревянного сруба, требующего сезонности

[66] О несколько ином предмете – социальном экспонировании технологий от этапа изобретения до серийного производства и массового распространения, восходящем к соответствующим таблицам периодизации технологий Р.Б.Фуллера, речь идет в последней главе тома "Частично управляемое".

заготовки материала (зимой) и усадки (1 год), производство вина или хамона (1-50 лет), традиционных индийских луков (25 лет) и так далее. Они являются частым предметом споров (едва ли не ключевым аргументом в них), когда речь заходит о правах трудовой теории стоимости: ее противники утверждают, что, к примеру, для повышения стоимости сбраживающего содержимого винных бочек человеческий труд не нужен, тогда как ее сторонники возражают, что и бочки, и место их хранения, и содержимое их создано человеком, и человеком же контролируется процесс и охраняется пространство экспозиции; на что получают возражение, что-де это не шибко затратный труд, и уже в свою очередь получают ответ, что-де, если разобраться, то какой бы то ни был, а труд, причем требующий в такого рода случаях, как правило, достаточно высокой квалификации, а потому дорогостоящий. Скорее всего, в этих спорах будет верным соломоново решение, связанное с представлением о верном действии безотносительно его затратности в рамках концепции частичной управляемости. Неоэкономическое представление (или, выражусь более корректно, как я его помню и понимаю на данный момент) того, что "неорганизованные" силы природы "организуются" человеком в форме технологий, является недостаточным и требует корректировки, состоящей в признании того, в общем-то, очевидного обстоятельства, что иные природные силы и процессы устроены тоньше, чем человек их может реализовать, некоторые недоступны даже весьма продвинутому технологически человеку на начало XXI века, но более того – что первичная форма хозяйствования, связанная с собирательством и охотой как раз-таки представляет собой взаимодействие, в первую очередь (и, пожалуй в наибольшей степени), именно с этими тонкими формами и процессами природной организации, заведомо недоступными к управлению даже весьма образованному, но технологически не оснащенному человеку[67], который с тех самых древних времен использует "природные фабрики" по модели "черного ящика", будучи лишь чуть в меньшей степени осведомлен о принципах их работы, чем большинство потребителей-обывателей "эпохи интернета" осведомлено насчет производства на вполне себе человеческих фабриках товаров, используемых ими повседневного, и также взаимодействующих с миром

[67] Здесь неоэкономика никак сама с собой не расходится, встречаясь с собственной темой робинзонад и критики оконных способов производства.

преимущественно по той же, доверительной "черноящиковой" модели; которое естественно и нормально, поскольку в противном случае эти обыватели – либо ученые, либо аутичные "люди дождя" с нагруженным сознанием.

Однако именно для этих людей существует вполне себе рациональное представление о том, что в пространстве, заполненном чем-то, где ничего очевидным образом не происходит, все-таки могут происходить некоторые изменения, заметные не сразу, и как раз именно эти невидимые на первый взгляд преобразования-при-сохранении в рамках одного пространства, образуют человеческое понятие о времени и процессе "становления в нем", которое он продуктивно использует, дополняя его хозяйственным использованием движения как межпространственного перемещения. Именно там, где человеку недоступно или неоправданно затратно разделить пространство и что-то перемещать в нем, он предоставляет возможность действия хитроумному устройству природного процесса, к которому применен труд вычленения из контекста природной среды; собственно, с последним связано понятие воспроизводимости научного эксперимента. В этом смысле называемые "трудом" целенаправленные усилия за единицу времени (в случае их регулярности оказывающиеся работой, но также часто именуемой по невнимательности к привычкам словоупотребления трудом[68]), конечно, оказываются не единственной формой ценной человеческой деятельности, а в ряде конкретно оговоренных случаев могут представлять пагубу для отдельной личности, как то труд подневольный, мартышкин, сизифов или препятствие общественного развития. Эти последние как раз имеют место, когда высококвалифицированный человек оказывается лишним по мере углубления разделения труда и повышения общей производительности, погружаясь в тошноту экзистенциальной проблематики.

[68] Собственно, то, как С.Платонов в своей работе "После коммунизма" описывает труд в качестве явления, необходимого по Марксу быть уничтоженным, отлично от этимологической трактовки труда как преодоления трудностей, или того, что у Григорьева выступает под именем "аврально-опытная деятельность" (АОД), а у Фуллера – под именем "problem solving". Соответственно этому, регулярную рутинную деятельность уже следует считать не трудом, а работой, не связанной с преодолением содержащих компонент новизны проблем и сопутствующих им проблем новизны. Что касается проектной деятельности как демиургической интерпретации творчества создания регулярностей, рутин и регламентов, то она также вполне может быть отнесена к трудовой, ибо также связана с фактором новизны.

Платонов связывает отчуждение с разделением труда, но не идет дальше, как это делает Григорьев, и не говорит про экономику знаний и про то, что сутью отчуждения в процессе разделения труда является именно что отчуждение знаний и квалификации работника с обесценением его на рынке труда (об исторических реалиях которого российские обыватели имеют весьма смутное представление) и перевода его компетенций и знаний на уровень "знания фирмы" с распылением его деятельности среди менее квалифицированного, взаимозаменяемого и покладистого, более дешевого и менее требовательного, персонала. А потому у него отсутствует нарратив о том, как эти высококвалифицированные категории, оказавшиеся "белыми" или "светло-синими" воротничками не у дел, уступая место все более "черным" воротничкам, оказываются той социальной инстанцией, что способна осознать необходимость собственной кооперации на проектных началах и приступить к выстраиванию нового мира, где будет звучать одновременно как новое и как хорошо забытое старое категория человека предпринимающего, преодолевающего даже те экономико-капиталистические формы общественного устройства, в рамках которых им некогда довелось возникнуть в известной исторической ретроспективе. Не рассмотрение Платоновым отчуждения с позиции экономики знания приводит к тому, что преодоление отчуждения в рамках социалистического госмонополизма (ГМС) в отношении мелких собственников он закономерно рассматривает как частичную экспроприацию. Которая на деле оказывается ничем иным, как государственным грабежом различных категорий населения, до того ограбляемых фирмами в процессе отчуждения квалификаций. Проблему здесь, однако, составляет способность сопротивляться спецсредствам нормативного соцпроектирования (в первую очередь, косвенным налогам и драконовским законам), а также осознавать собственные интересы в долгосрочной перспективе во избежание эффекта медленного сварения лягушки, то есть мыслить и действовать трансисторично. Ну и, наконец, отдельная проблема – способность работать со стационарным бандитом с позиции внешних факторов, что вообще едва ли когда-то всерьез рассматривалось для мелких и средних экономических агентов (разумеется, за исключением лозунга "пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и связанных с воплощением его в жизнь вещей).

Рассуждая о регламентации, Платонов стремится раскрыть предмет и задачи автоматизированного проектирования. К тому же он понимает преодоление отчуждения в рамках госмонополии как преодоление отчуждения одного производителя от другого, имея в виду, скорее всего, организационных производителей, или предприятия. Если же речь идет о конкретных людях, то лишение квалифицированных специалистов их инструментов, обеспечивающих им гарантированное право дохода и творчества, в одном случае создает преодоление отчуждения между производителями 1/128 части сапога и 1/35 части носка, тогда как в другом – между опрятным производителем общественного блага и деклассированным забулдыгой; иначе говоря, имеется возможность понимания такого преодоления отчуждения в виде уравниловки. И это, еще раз, если при рассмотрении отчуждения исключать фактор знания.

Но эти проектанты – совсем не те, кто некогда проигнорировал свое право (и, одновременно, обязанность) радикально решать задачи общественного развития: здесь речь идет о некой продуктивной массе человеков нового типа. Хотя, конечно, "фарватерная сволочь" будет рада перехватить подвернувшуюся им лакомую политическую повестку, способность к самостоятельной выработке которой у них давным-давно атрофировалась. Конечно, первое желание – выкосить их косой революции (или, в мягком варианте – люстрации), поскольку их фееричная неспособность к управлению (прежде всего, в России, но для прочих стран это не менее актуально) выродилось в буквальное воплощение в жизнь картин И.Босха и произведений Дж. Оруэлла. В еще более мягком варианте эта проблема решается введением системы конкурентного администрирования в рамках административной реформы, но таковая сегодня весьма сомнительная в своей последующей эффективности именно по причине кризиса государственной системности как таковой (что, увы, замечается многими достойными умами или даже отрицается как нечто невозможное). Сегодня для такой реформы нужно позитивно упразднить (уничтожить) государство и провозгласить республику, написав для нее "внеиерархическую" конституцию, провозгласив право собственности на личное оружие с правами его применения, сделав многое другое, напоминающее знаменитый билль в десяти поправках. "Съест-то он съест, да кто ж ему даст"

– вот что будет первой верной репликой на эти предложения, которые к тому же более радикальны, чем те, что звучали лет двести назад в устах отцов-основателей полугосударства США, причудливо наследующего исторические эпохи Рима в одной системе[69]. К тому же внешний супостат, в связи с которым оное конкурентное администрирование вводилось, в сегодняшних условиях имеет не страновую и национальную, а глобальную и распределенную, локализацию, и совершенно внемонархическую природу. Ко всему, даже радикально размежевав эти понятия государства и республики, я бы не рискнул сказать, что нам сегодня достаточно известно о последней, взятой в таком именно качестве. И тем не менее, все это – лишь новые условия действия, отказываться от которого – малодушие. И хоть все это, может, для кого-то и "не факт", но "не факт, что по жизни".

Тема альтернативной силы здесь затрагивается и потому, что при всей справедливости неоекономического спускания с небес на землю в связи с тем, что капитализм сохранился, но в глобальном масштабе, и никогда в своей торгово-финансовой сути с этого масштаба не уходил, сама экспансионистская модель закончилась. Именно поэтому становятся актуальными удивительные рецепции Маркса Платоновым, предлагающим обратить внимание на куда большую сложность располагаемых представлений о стадиальности, чем дает нам поверхностная образованность, и ломающим шаблоны общественнонаучной расхожести столь радикальным образом. Именно в контексте этих радикальных перспектив и взглядов предстоит ставить вопрос о субъекте действия, живущего сегодня все-таки преимуществом сознания естественной необходимости и объясняющего окружающую его реальность и действительность волей всемогущих и ужасных божественных начал – кстати, тем более божественных и непреложных, чем более они "экспертно обоснованы". Человек бытия в удвоенной внетрудовой реальности должен быть отличен от естественного человека мистико-мифического восприятия – в противном случае описание такого "нового человека" сведется к констатации тренда на архаику как естественного, закономерного и, опять же, "экспертнонаучнообоснованного", где не будет места знаниям о новых качествах и проектной компоненте, которая, кстати, как раз и является

[69] Открытую систему с предложением себя всему миру в качестве таковой республиканской модели являл собой ранний СССР, но был в этом качестве достаточно быстро свернут в связи с троцкистским процессом.

ключевым отличием этих двух похожих категорий людей: для более раннего мир есть следствие проекта (замысла) трансцендентальных и данных заведомо вне его разумения сил, тогда как для последнего мир есть поле собственных действий как в смысле дизайна социальных структур, так и внечеловеческого мира (вопрос о том, насколько и как в пределы его дизайнерских способностей попадает его собственное тело, оставлю открытым) – действий, соотносимых, однако, со сверхрациональными порядками бытия, превышающими его собственное разумение, но не содержащих нечто мистическое или сверхъестественное (ибо последним является собственно технологическое). Порядками, необязательными для сознательного контроля, соорганическими и доверительными порядкам сложности, для природы которых совершенно не исключается их проектное формирование в прошлом, причем такое, что предполагало бы направленный процесс самоусложнения (к мышлению такового, не говоря о собственно технологиях, сегодняшнее человечество едва подходит).

Важной новостью здесь будет сознание пребывающим в "удвоенной природе" новым человеком того, что собственно стремление к бесконечному познанию есть пагубная эксплуатация познавательной способности, мешающая развитию способности познать нужное и сделать верное, проистекающая как раз из архаического первобытно-естественного страха перед опасной и непонятной природой, не располагающего доверительным принципом выстраивания взаимодействия с ней и не способного это делать наиболее трезвым и рациональным образом. Но это же одновременно означает и признание известной нам научности в качестве необязательного, частного и преходящего формата системного познания мира, а не вершины человеческой эволюции, причем не только потому, что закончилась обуславливавшая НТП-науку экономическая реальность капитализма, но и потому, что возможен принципиально иной порядок взаимодействия с природой, способный также выступать в модусе научения или познания.

Человек в сумме его задатков может быть воспитан как в более, так и в менее животном формате – в этом и состоит идея улучшения его природы – простая и, вместе с тем, первичная, идущая до и помимо разного рода концепций вроде body augmentation, и вовсе не представляющая собой

"подавление", как то считает фракция наивных психоаналитиков. Когда Маркс говорит о том, что человек должен обрести самого себя, избавившись от труда и производственных отношений, и перейти к гуманистической, посткоммунистической даже, деятельности, он в этом тезисе дает интересные предпосылки толкования: во-первых, в том смысле, что с незапамятных времен человечество как "аристотелева органика" нездорово; а во-вторых, в смысле возвращения некогда утраченного. Здесь неважно, была ли когда-то эта "великая атлантическая эпоха" или нет – важно то, что целевое деятельное состояние общества оказывается по Марксу виртуалистически заложенным в человечестве как potentia и causa finalis социального развития.

***

В этом разговоре сталкиваются стадиальность с универсальностью (помимо заявленного самим С.Платоновым столкновения свободы с равенством). Однако здесь нет сущностного противоречия, поскольку стадиальность есть фазовая реализация движения, также представляющая одну из фундаментальных универсалий, с свою очередь представляющая одну из фундаментальных, принципиальных и неснимаемых философских проблем, выступающих источником самой философии.

Эту, кажущуюся фантастической многим "трезвомыслящим ученым", реальность удвоенной самовоспроизводящейся природы, пользование плодами которой происходит в индивидуальной форме, не опосредованной обществом, Платонов, трактуя Маркса, называет высшей стадией коммунизма[70].

Особо интересно то, что Платонов пишет насчет автоматизации процесса регламентации. По сути, речь идет о необходимости пересмотра функций и задач григорьевского проектанта, превращающего АОД в регулярности посредством творения регламентов (их ли одних, в таком случае, и не оказываются ли уделом человека-творца в таком случае лишь регламенты высших порядков вроде тех самых федеральных законов, для которых

[70] Здесь вспоминается биомеханоидный мир "инженеров" из "Прометея" Ридли Скота. Интересно, читал ли прославленный режиссер книжку Платонова, или же самого Маркса, придя к аналогичным выводам? Как бы то ни было, представить эту техносоциальную реальность в адекватной форме оказалось делом проблематичным, потому фильм и получил репутацию сборника сюжетных нелепостей при замечательном замысле и красивых спецэффектах.

требуется воображение?); с другой стороны, автоматизация регламентирующей документации (которая заведомо должна быть основана на софте специализированных логических моделей с применением, возможно, искусственно-языковых систем вроде Универсального Семантического Кода В.Мартынова) означает не иначе, как ликвидацию профессии юриста и юриспруденции как доходной деятельности, идущей вслед (или одновременно) за ликвидацией профессии экономиста как, исходно, консультанта по вопросам адаптации в конкурентной среде конкретных фирм, выбравших специализацию на определенном бизнес-направлении.

Об авторских ошибках

Ошибка С.Платонова – в том, что, оценивая антагонизм эпохи уничтожения частной собственности, он противопоставляет коммунистический идеал социальной справедливости идеалу индивидуальной свободы. Более конкретно, она состоит, в первую очередь, в том, что социальная справедливость не обязательно должна носить государственнический характер – не только потому, что у государства как формы существует альтернатива, но и, собственно, потому, что самое коммунизм упраздняет государство. Во вторую очередь, в рамках тех же лозунгов-тезисов коммунизма насчет свободного развития каждого как условия свободного развития всех, взаимонаправленности способности и потребности относительно отдельной личности и т.п. индивидуальная свобода оказывается не в меньшей степени высшей коммунистической ценностью, но понимается как свобода "от чего-то к чему-то", как свобода творческой самореализации и здорового межчеловеческого общения. Элитарная свобода, в свою очередь, представляет собой не иначе, как формат разгосударствленного права (на которое, кстати, очень любят ссылаться элитарии), весьма напоминающая свободу закрытых аристократических клубов-борделей во Франции накануне буржуазной революции; только если там эти заведения были частными и все-таки подчиненными государству, то здесь "пространства свободы" представляют собой принципиально иную игру едва ли не психоаналитического характера, воплощаемую в продуцировании средств и методов страха, выражающуюся в военно-

промышленных игрушках[71]. Но это превратно понятая, а не подлинная, свобода личности, поскольку она не соотносится с проектным конструированием собственной жизни (в том смысле срочности профессий, как об этом говорилось раньше касательно научного и профессионального статуса проектной деятельности[72]). Признаком того как раз и являются те самые, отмеченные Платоновым, неорабовладельческие и неофеодальные проявления, что фактически представляют собой не иначе, как спрос со стороны незрелых личностей-детей, натаскавших себе игрушек в кучу и сидящих на ней. В этом факторе личностной недоорганизованности и заключена "кощеева смерть" элитаризма, то есть в бытии элитой неподлинной, не производящей смыслы-прежде-труда (вернее, работы производства регулятивов и мотиваций). Некое правильное и социально справедливое государство, основанное на справедливых идеологии с теорией, соединенных, по Платонову же, идеей революционности пролетариата, который, по нему же, исчезает именно благодаря успешным усилиям элитариев, свергнет "зажравшихся супостатов". Но, будучи государством, оно по-любому оказывается "государством уравниловки". Проектность по книжке Платонова "После коммунизма" легко спутать с идеологией, особенно в той части в ее конце, где речь идет о синтезе идеологии и науки. Скорее он различает эти вещи, хотя, конечно, именно категория смысла связывает проектирование с идеалом, постулируемым как нечто достижимое.

С этим же связана и упомянутая ошибка слишком широкого понимания Платоновым марксовой категории отчуждения (каковая, как всякая ошибка, есть возможность противоречия или условия развития в диалектическом смысле) как, в действительности, отчуждения работника от его знаний и квалификации в пользу фирмы, а значит – возможности получать высокую

[71] Согласно классикам (жанра), это как раз называется известным со школы (не оптимизированной) государственно-монополистический капитализм (ГМК), когда функцию экономического агента берет на себя государство, давя частную собственность и устанавливая над ней контроль. Особенность его состоит в том, что он живет наращиванием военной истерии, спускает бюджет в ВПК (который всегда дыра с точки зрения прироста общественного блага), кормит разношерстных силовиков и ведет "маленькие победоносные войны" в случае, если нет большой войны, для которой этот режим существования как раз применяется. А еще он закручивает гайки и ограничивает внутреннее потребление, в иных случаях прямо контролируя его. В нынешней России второй декады XXI века, с известными поправками на изменение конъюнктуры с тех времен, когда ГМК был выявлен и описан, он и есть.

[72] Книга "Возможность управления...", раздел "Научный и профессиональный статус проектной деятельности".

зарплату с последовательной заменой более дешевыми, покладистыми, нетребовательными, заменяемыми и производительными работниками. Это противоречие, согласно ему, как раз и способно быть разрешаемым в человеко-машинном смысле. Углубляя разделение труда за счет снижения квалификации и тем самым повышая производительность, частник ведет процесс к элитаризму, выбрасывая на улицу и ставя в предельно жесткие условия наиболее квалифицированного (в отдельных случаях – того самого "всесторонне развитого") человека (в отдельных случаях – белого воротничка), то есть пролетаризируя его (а пролетарии, по Марксу – именно что мало- или неимущие квалификанты) и формируя их массово, при этом одновременно творя "революцию менеджеров", сметающих самого частного собственника как основателя-изобретателя или правообладателя предприятия. Платонов говорит, что подлинный коммунист – тот, кто исследует подлинные интересы и страшилки всех социальных категорий. Что ж, и культиндустрии, и обыденный опыт, и OSINT свидетельствуют о том, что сидящие на игрушках элитарии, отрицающие со своей колокольни и государство, и частную собственность, суть те самые менеджеры, или приказчики, убежденные в своем элитарном праве как раз по причине того, что, считая себя подлинными творцами и тружениками (вопрос о конкретике собственных трудов и замыслов они, конечно, не ставят), они одержали верх над частными собственниками. Именно поэтому корпоратократия оказывается естественной средой приказчиков. Между тем, подлинный, или высший, пролетарий – тот, кто предельно осознал свою пролетарскость и свое творческое предназначение: будучи выброшен внешней силой, он отказывается от личного падения, ища подлинного человеческого общения в кооперации с иными себе подобными, и в этом состоит самая что ни на есть подлинная историческая необходимость. Избавляясь по мере роста сознательности (хорошее понятие, порядком подзабытое в результате отрицания всего "марксоидного"), он также ощущает и осознает бессмысленность "работы на дядю", ибо видит тщетность усилий саморазвития без действенной гарантии личной свободы, но не отказывается от него именно в силу того, что оно есть первейшее условие личной свободы.

Машинность – признак дорогой массовой рабсилы, автоматизированная машинизация управления – признак не только избавления от бюрократии (положительного упразднения, или уничтожения, государства, причем республику нельзя считать, в рамках всего выше сказанного, просто упраздненным государством), но также и признак общества, ориентированного на внетрудовые (еще раз, в том смысле, как понимает труд Платонов) формы творческой деятельности. Что уже с теоретических позиций указывает на то значение, которое имели кибернетические эксперименты 1970-х годов, и на ту опасность, какую они несли для мировой торгово-финансовой системы управления мировым хозяйством, пустившей развитие кибертехнологий в выгодном себе направлении. В этом смысле элитаризм есть высшая форма отчуждения, поскольку он стремится диктовать и властно определять меру личностной развитости, доходя до использования технологий LMS (кои, однако, не стоит путать с LCMS, в своих SAAS и freeware версиях способных работать как раз на благо антагонистичной стороны), поскольку приказчик принципиально нетерпим к обществу людей, более развитых в чем-то, чем он сам, видя в них лишь конкуренцию, но не возможность собственного развития. И в этом смысле также по особому начинает звучать вопрос о международной интеграции таких пролетариев, ключевым фактором консолидации которых могут оказаться университетские сообщества: ярким примером этого оказываются все те же представители направления "интегрированного дизайна", одним из которых по праву может считаться Andrew Heben с его книгой "Tent city urbanism", по-своему решающий проблему сохранения человеческого достоинства оставшихся не у дел бездомных людей (кстати, преимущественно коренных американцев) на вполне научно-прикладной основе решений в области ландшафтного и объемного проектирования.

***

Ключевыми ошибками неоекономики (или, вернее, ограничениями теории), от меньшей в своей значимости – к большей, на мой взгляд, являются:

- собственно строгий экономизм: несмотря на декларацию необходимости целостной социальной науки, постулирование отсутствия решения проблем XXI века экономическими средствами и даже выход в

область вопросов урбанистики, имеет место пребывание в пределах экономических понятий как преимущественных;

- крайний эмпиризм, вплоть до антидедуктивизма, что уже является отрицанием естественной когнитивной способности человека, или функции зоны головного мозга, при смешении понятия дедуктивного обобщения с обывательским догматизмом, ссылающимся на "личный опыт". Критика последнего, однако, приемлема, если считать такой антидогматизм борьбой с известным в логике и риторике феноменом "поспешных обобщений";
- социобиологический редукционизм с оттенками социал-дарвинизма, выражающийся в категории иерархического инстинкта, претендующей на объяснение природы человека (как демонстрирует прояснение образующих это выражение слов, не такой уж бесспорной), закономерно производящей понятие о государстве как исключительном и безальтернативном формате общественного устройства, хотя таковая безальтернативность сомнительна не только с точки зрения элементарной исторической оценки, но и собственно основного формационного подхода (разумеется, в той мере, в какой неокономика его может в себя включать), причем безальтернативном в будущем; несмотря на декларацию необходимости проектного формирования творческого "человека-проектанта" отрицается проектное формирование мира, в котором такому человеку предстоит жить, поскольку-де человек по своей природе иерархичен и не меняется;
- государственнический субстанциализм, в обоснование которого, собственно, и подводится аргумент об инстинктивной природе человека: внеэкономическим фактором начала собственно экономического процесса выступает государство как специфический институт насилия, эволюционировавший со временем в более развитые формы, изначально не заинтересованный в своей роли макросоциального попечителя, но впоследствии ставший главным фактором такого попечения и, одновременно, одним из ключевых стартеров экономического процесса, будучи главным и крупнейшим потребителем в обществе, каскадно запускающим низовой спрос и функционирование денег в режиме потребительских. Не исключая всей суммы неоекономических нарративов по поводу роли государства, нельзя согласиться со статусом последнего как исключительной формы макросоциальной организации и фактора, запускающего процесс разделения труда, даже если эмпирика

свидетельствует о столь его широкой распространенности в истории и пространстве, что ничто другое вроде бы и не заметно. Сомнение в таком статусе были предметом неоднократных философских рефлексий – в частности, изменившего мир марксизма. В 1-й лекции своего 2-го курса Григорьев говорит о том, что история экономики со времен ее возникновения у физиократов – это история ее деградации как науки, но почему бы не предположить, что, с точки зрения собственно науковедения экономика – прекрасный экземпляр жизненного цикла некоторой дисциплины, растянувшейся на века, и говорить о ее деградации (в известном, опять же, смысле, и отдавая должное аргументам Григорьева) – это все равно, что говорить о деградации человека, движущегося от рождения к смерти в рамках его естественного жизненного цикла?

В остальном же неоекономика – вполне себе достойная экономическая теория – возможно, лучшая в мире на момент ее возникновения и публикации в источниках, ее излагающих.

***

Здесь имеет смысл перейти к ключевым ошибкам того, что связывается с именем Ленина – непревзойденного теоретика и практика марксизма и революционной теории. И даже если кто-то скажет, что в очередной раз Вождя не так поняли, то это не будет иметь значения, поскольку в итоге получилось именно то, как поняли. Многие из этих ошибок проистекают из специфического ленинского представления об одномоментности исторического действия, не то прекращающего формационную стадиальность, не то переводящего ее в какой-то режим нового существования, в котором "отжившее" продолжает движение по инерции; и его не то упраздняют, не то вступают с ним в некие компромиссы. То есть достаточно совершить одну революцию, и дальше, постепенно утрамбовывая и пережевывая "остатки прошлого", строить светлое будущее руками трудящихся, благо власть принадлежит им. Но не тут-то было, и "вдруг" обнаруживается, что страной управляет все та же, имперская по сути, бюрократия. Обычно это называют социальной инерцией, причем в некоторых случаях оправданной (так, система разделения труда

сопротивляется внедрению нового изобретения, опасаясь роста безработицы и ресурсозатрат на переоснащение). Однако инерция – не совсем удачное слово; скорее, здесь следовало бы вести речь об эффекте памяти: затягивание возмущенной воды ряской в смысле социального процесса скорее следовало бы рассматривать как своего рода социальный гомеостаз до привычной формы, а потому представление о революции как об одномоментном действии должно быть пересмотрено: уж коли за ГМК (и его разновидностью – ГМС) следует элитаризм и сопротивление основанной на частной собственности системы, если можно говорить о том, что советская система представляла собой все ту же капиталистическую модель, и в новых рецидивных формах воспроизводит даже предшествовавшие капитализму формы[73], то революция должна стать не одномоментным, а итеративным, процессом, проектно-планомерно (модерируемо) воспроизводимым на протяжении значительного исторического периода в зависимости от того, в каком направлении развивается социальная динамика, и как раз именно для этих, управляемых в период элитаризма, процессов, нужны социально-исторические агенты трансисторической преемственности, названные здесь "группой общественного иммунитета" работающие в статусе управленческих агентов, внешних относительно любой политико-бюрократической администрации. Допустимость революции может (и, наверное, должна) быть заложена в обществе как на конституционном, так и на институциональном, уровнях; отчасти, хотя и с оговорками и с институциональным смягчением практики, эта возможность заложена в системе общественных отношений США, а также немногочисленных стран с исторически большим опытом борьбы с тиранией. Однако здесь речь о кое-чем другом: в данном случае, помимо первой задачи трансисторичности, состоящей в трансляции цивилизационных достижений сквозь бури общественных катаклизмов, войн и революций, возникает еще одна задача – исходя из памятования целей и

[73] Что в чудовищных по своей откровенности формах сегодня наблюдается в постсоветском несостоявшемся государстве "Российская Федерация", откровенно выступающим в своей фискально-грабительской сути по отношении к собственному народонаселению (именно собственному, ибо де-факто народ – собственность государства) как стационарный бандит в условиях, когда фонд промышленных предприятий как основной и классический источник налоговых поступлений разрушен, разворован и закрыт в условиях открытости глобальным рынкам, а у населения что-то можно законодательно изъять в пользу невесть ради чего существующего чиновничества ("социалка" ими также уже почти разрушена и свернута за ненадобностью), считающего государство своей собственностью (впрочем, это последнее – не главное, ибо не иначе, как государство есть сфера их профессиональной деятельности, источника дохода и самоидентификации, а потому естественно их восприятия государства как естественной и "собственной" среды обитания).

их коррекции со временем (как, соответственно, существенной части таких достижений) использовать соответствующие инструменты слома деградирующих или откатывающихся в прошлое политических режимов, формирующих себя в течение десятилетий (если не больше), а потому незаметных добросовестному обывателю соизмеримо с периодом его жизни. То есть это – вопрос управляемого процесса социальной коррекции, в том числе посредством управляемой революции. Речь, опять же, идет не только и не столько о полуконспирологической "цветной революции" (они есть лишь частный инструмент, причем весьма конъюнктурный), и даже не собственно о революции (которая может иметь весьма разные формы и которую следует отличать, несмотря на частую путаницу этих понятий, от гражданской войны, которая есть куда худшая вещь, чем революция, способная начаться даже без нее). Прежде всего, использование подобных инструментов социальной инженерии (куда относятся как военно-политические, так и экономические, средства управления общественными состояниями, что на начало XXI века признается уже не одним экспертом как свершившийся факт) должно опираться на четкое видение предмета и целей действия – в данном случае, модели жизнеспособного состояния мира, который нужно создать (или препятствие возникновения которого нужно устранить) в соответствии, опять же, с некоторой, достаточно четкой и обоснованной, проектно-прогнозной картиной – в противном случае это подобно тому, как без четких задач вмешательства и цели исцеления хирургический инструмент становится орудием мясника. На рубеже XIX и XX веков революция могла быть планируема и осуществляема[74], тогда как на рубеже XX и XXI веков она оказывается управляемой, и заведомо ориентированной на возможность ее повторения, поскольку заведомо признается именно что динамическая многоукладность общества, способного как к отмеченному гомеостатическому эффекту памяти, так и к не менее естественному революционному научению-в-развитии. Однако частичная управляемость революционным процессом и есть то, что обеспечит такое научение общества (путем институционального формирования в нем критической инстанции), при этом не наломав дров избыточной разрухи и хаоса (избыточной – потому, что понятно: ведущий из

[74] Как разовая смена глобальной фазы человеческого развития в отдельно взятом пространственном локусе – возможно в этом и заключается причина ее одномоментности, как именно запуска глобального процесса.

Глупова в Умнов через Буянов путь сопровождается битьем посуды и даже чего покрупнее). Хорошей новостью является то, что ужасные изобретатели "цветных революций" из зарубежных спецслужб – во многом лишь подражатели, хоть и небезуспешные, и находятся в лучшем случае на уровне слесарей-инструментальщиков высокого штиля, но заказчиком и основным разработчиком соответствующего инструмента всегда остается его изобретатель – хирург, именем которого инструмент называется в международной номенклатуре. Прежде всего – потому, что он знает, каким образом его применять не во вред пациенту. Конкретизацией принципа "не навреди" и, одновременно, гуманистической целью для тех, кто впервые радикально стал применять такие инструменты на научной основе (да, не во всем успешно, но это имело место впервые – можно обратиться к историями операций Р.Листона), было "свободное развитие каждого как условие свободного развития всех". Именно поэтому то, что реально препятствует свободному развитию каждого – будь то безудержное потребление или, наоборот, фискальный грабеж с лицемерным смешением скромности и неимущей бедности, церковное порицание интеллекта, лживое смешение служения государству со служением стране, и прочие ложные ценности, должны быть радикальным образом и систематически отслеживаемы в своей критической массе, оцениваемы с точки зрения тенденций общественных процессов и устраняемы наиболее авангардными средствами. Разумеется, те, кто станет их использовать таким способом, будут отличать этот способ от способа использования у других целях – например, мясницких; ибо, конечно, некоторым сложным вещам может научиться и обезьяна.

Одномоментность революции (а не серийность, допускаемая потому, что одной революции может хватить) в рамках специфически понятого диалектического процесса – предпосылочная "ошибка Ленина", а потому и не рефлексируемая. Серия революций в странах Африки и Латинской Америки – не новость, но там они были также чередой стихийных событий, причем достаточно быстро сменяющих друг друга, а не растянутых на десятилетия по причине того, что общественно-экономическое состояние откатывалось к прежним формам: эти революции – состояния, когда общество перманентно трясет и лихорадит, а не когда "только, сволочь,

опять оброс". Догадка о том, что социалистических революций (а речь идет именно о них – во всяком случае, в смысле управляемости со всеми оговорками насчет отдельно стоящих "цветных"), скорее всего, должно быть несколько по причине природы самого общества – одновременно и просветляющая, и удручающая: едва ли взрослый и ответственный человек в здравом разумении захочет запустить частично управляемый процесс, чреватый неуправляемостью и гражданской войной. Однако такие процессы именно в своей управляемой форме (а не форме бунтов или стихийных восстаний, о чем уж сколько раз говорили классики революционной теории), прежде всего, происходят по критической необходимости (как то факт отмеченного грабежа государством населения на 2016 и 2017 годы, предсказывавшийся отдельными наблюдателями еще в начале 2000-х гг.), но для запуска процесса нужны еще пресловутые предпосылки. Кроме того, здесь возникает непростая задача понять для многих заинтересованных этими вещами того, что частичная управляемость и неуправляемость – разные вещи, а также, что куда менее тривиально – того, как возможно обеспечить частичную управляемость в условиях изменившейся конъюнктуры, то есть в ситуации, когда изменились точки контроля и конфигурация усиления сигналов. Здесь, однако, не так все страшно, поскольку процесс, в общем случае, переходит в автопоэтическое состояние и возникает управленческий режим игры – коммуникативной ситуации, когда достижение цели ради объекта управления сталкивается с его способностью достигать эту цель самостоятельно: как, например, отходящий от наркоза человек, пытаясь дышать самостоятельно, сбивает ритм работы аппарата искусственной вентиляции легких. И, тем не менее, революция – рискованное предприятие, поскольку движется праведным народным гневом, направленным на конкретные категории паразитов, и да – заслуженно.

Вторая ошибка Ленина – в том, что, в рамках создания российского (и, кстати, мирового) осевого времени в XX веке посредством одномоментной революции Октября, он не упразднил государство, отложив решение этого вопроса до "светлого коммунистического будущего", отождествив государство рабочих и крестьян (с его диктатурой пролетариата, чреватой продразверсткой, что составляет еще одну, отдельную, тему) с советской

республикой. Еще раз, немудрено: Ленин был юристом, и не мыслил упразднение государства как поэтапно осуществляемый процесс вообще (реализуя сотоварищи, как первый среди равных[75], проект "государства достойных"). Тем более не мыслил он способность к такому упразднению силами и средствами идейного противника (что как раз наблюдается на рубеже XX и XXI веков в рамках элитаризма и о чем писал С.Платонов в 1980-х гг.)[76]. Принцип Интернационала "...а дармоедов всех – долой" так и не был реализован до конца – чему ж тут удивляться да изобретать какие-то революционно-административные примочки, которые вождь пролетариата предлагал, пытаясь исправить ситуацию?!

Едва ли не зеркально близкой, и теснейше связанной к предыдущей, ошибкой Ленина оказывается неупразднение денег, также оставляемое уделом "светлого будущего", и не рассмотрение конкретной формы такого упразднения в виде частных и личных денег как средства избавления от тирании известных форм капиталистической конфигурации общества. В рамках чего предполагалось, что в новом "справедливом государстве" и деньги будут не то "справедливо работать", не то "работать на принципе справедливости", а потом-де мы их отменим, но пока вот не можем в силу все тех же "закономерностей общественного развития", которые, однако ж, были преодолены революцией по Ленину, а не естественно по Люксембург. Для этого, однако, нужно было бы совершить едва ли мыслимое для Ленина дело – отказаться от марксовой презумпции металлодевизных денег и начать их рассматривать в чисто семиотическом ключе. Едва ли такое было возможно, особенно с учетом того, что концепция искусственных языков не была в то время в достаточной степени развита, а третий позитивизм получил свое начало как раз через год после смерти Вождя мирового пролетариата.

Возникновение в Европе капиталистических денег было следствием самооправдывающегося и квазикающегося присвоения "восточной госсобственности" (сопровождающееся традиционной междоусобной поножовщиной с последующим, уже национальным, покаянием). В неокономике признается присвоение чужих левиафановых денег, но как

[75] На сей счет также много чего и кем сказано, но здесь нет нужды обращаться ко всей теме русской революции, растекаясь мыслью по древу и упуская главное.

[76] А если мы отрицаем государство, то как позитивно назвать способ общественного управления?

одномоментный период в числе прочих случайностей, обусловивших капитализм, а не как его ключевая особенность, воспроизводимая далее итерационно, рефлексируемая и развиваемая в последующий исторический период (включая конспирологические формы в период устойчиво осваивавшего эмиссию абсолютизма). Создание негосударственной и негосударственночастной системы денег меняет этическую основу экономических отношений, возможность каковой в принципе не признает Григорьев, считая ее махровой интеллигентщиной. При этом хозяйствование оказывается способным изменить свою экономическую суть на что-то иное (неоекономическое, надэкономическое, неэкономическое – не суть важно). Именно поэтому и революционное преобразующее действие, творящее новые институты (не обязательно в формате той же гражданской поножовщины) нужно осуществлять не одномоментно, а итеративно (волнами), предъявляя и воспроизводя возможности и лекарственные преимущества новой модели перед прежней. Подлинное доверие к деньгам возникнет тогда, когда они станут средством артикулированно выраженной мерой доверия личности к социуму, обществу и, далее, к экономической системе, трудовая обязанность по отношению к которым опосредована этой мерой и составляет ее право в качестве основы общественного договора – конвенционального условия деятельности и оферты участия[77]. В таком случае пропаганда, идеология или религия с метанарациями о затрате жизни во имя трансцендентальных целей непонятно в чьих интересах оказываются ненужными – в том числе потому, что любая сверхзадача становится проектной и получает интерес в меру приверженности ей и оценки способности реализоваться в качестве таковой.

Следующая ошибка касается собственно пролетариата, который не мыслился основателем Советского Государства в иной, экономически свободной, категории предпринимателя, выбирающего предмет и объект производства, но ориентированного лишь на задачи государства и партии, гораздо лучше, чем он сам, знающей, что народу потребно. Ибо такой предприниматель неизбежно отождествлялся с мелкой буржуазией и, в отсутствии концепции

[77] Деление на собственно общество и социум, сразу создающее "академическую жесткость" различия в массовом "школьном" восприятии – надуманное: для человека общество и начинается, и представляется, прежде всего, социумом, и распространяется далее за пределы его контроля по системе социальных связей, которая все равно есть одно и то же общество.

частных денег как части государственной экономической политики, просто не мог мыслиться иначе, как социально чуждый элемент, бытие которым для пролетария – классовый моветон. Наличие артельной формы собственности вслед за прекрасным ленинским принципом многоукладности экономики оказалось недостаточно для того, чтобы эта артельность или потребкооперация стала чем-то большим в доле валового продукта, и создавала бы экспериментальные хозяйственные комбинации, разрушение которых амортизировалось бы всегда открытыми дверями государственного спроса на рабочую силу. Такая ситуация, действительно, была бы чистым идеализмом, не опирающимся на реальность процесса "огорожанивания страны", который как раз представлял собой исходную реальность. Пролетариат, пополняясь крестьянским резервом в своей городской массе, так и не понял, что в качестве хозяина сменил частного буржуина-капиталиста на государственно-монополистический социализм. Марксов пролетариат – квалифицированные малоимущие или неимущие, от которых что-то зависело на производстве. Процесс отчуждения никуда не делся, но был приглушен и скомпенсирован гарантией занятости, обеспеченности жильем и прочей социалкой – теми благами, которым страны первого мира могли теперь только подражать. Но обещанные предприятия и колхозы стали принадлежать не рабочим и крестьянам, а все тому же советскому государству: изобретательный и предприимчивый марксов рабочий постепенно вырождался, имея возможности самореализации лишь в рамках соцсоревнования и производственных рацпредложений, но не имея возможности быть свободным от денег, "покупая до продажи", будучи зависим от государственной зарплаты. Ни он, ни крестьянин, не могли перейти в категорию предпринимателя. Ленинский крестьянин мог стать пролетарием, но оба они предпринимателями – нет. А это значит, что, сделав ставку на право человека труда быть главным, этому человеку было фактически отказано в праве на воображение и воплощение творчества (собственно, антропологическую цель Маркса), что уже где-то через несколько поколений сказалось на куда большей заинтересованности этого человека в результатах и эффектах жизни произведшего самое промышленность аутентичного торгового мира, нежели в сытой и мирной, но достаточно унылой и заорганизованной советской жизни: начиная пролетариями (достаточно деградировавшими как класс к тому времени) и

заканчивая широко известными в узких кругах сотрудниками Института Системного Анализа АН СССР. В рамках марксистского диалектического подхода мирное творчество – это, прежде всего, полемика, и прежде всего – по вопросу своего основного предмета, а она-то в конечном счете и была свернута в самиздат и диссидентов. "Частное дело" пролетария было делом немыслимым, поскольку частное в общественном (да и, похоже, не только в нем), похоже, вообще никогда не мыслилось в эпистеме частичного.

Ну и, конечно, очень быстро после революции и гражданской войны рядовые представители победившего класса лишились права на личное оружие. Что, собственно, и можно считать началом самовоспроизводства государства в его известном смысле. Логика здесь простая: трудящиеся стремятся к миру, человек человеку брат, и личное оружие, как признак буржуйского общества, им ни к чему – особенно когда братоубийственная гражданская война закончилась. А вот в случае, если империалистические хищники вздумают напасть, тогда организованная мудрым советским государством система разделения труда произведет и поставит каждому подотчетную винтовку и амуницию, а по факту выполненного долга – изымет обратно, ибо советский человек – мирный по сути, но доверять ему оружие в личное пользование все же не стоит, ибо устроивший "русскую революцию" массовый человек – исторически воинственный. Однако право на оружие – это принцип комплектования армии и атрибут гражданственности. В некоторых странах он позволяет создать наиболее эффективные вооруженные силы, не требующие времени для мобилизации и поистине народные.

Нельзя сказать, что все эти ошибки были непоправимы: с некоторых пор мы знаем больше о природе вещей, но ценности остались теми же – даже несмотря на то, что они существенно сместились. Исправление их (вернее, безошибочное действие в данных отношениях) как раз и способно представлять набор основных векторов общественных изменений, образующих систему, о революционном или реформистском характере которых возможно принимать решение. Все преодоления этих ленинских ошибок (+ ошибок неокономики) должны привести к созданию республики – народоправию, где publica становится реальностью.

Как же должна управляться республика? В рамках развития доказавшего свои преимущества системы конкурентного администрирования (а вот особых системных недостатков ее известного вида, за исключением некоторых нюансов низовой амортизации, обозначенной чуть выше, у нее нет) вышеупомянутые три группы безопасности общества заведомо конкурентны между собой, будучи сермяжно родственны. Их конкурентность и задачи существования носят надуправленческий характер, и по сути своей, будучи артикулированы и активизированы в своем статусе, как раз должны быть направлены на препятствие превращению республики в государство (прежде всего, империю, но возможно, и монархическую нацию). Они взаимно конкурируют и взаимно дополняют друг друга, представляя собой альтернативный американскому вариант реализации такого управления, для России (также, как в США) обусловленный особыми историческими условиями. Это же значит, что в стране не может быть "президента", исторически выполняющего для случая США роль сверхсрочного квазимонарха: свободным людям не нужен начальник, а наличие главного, ответственного "за все на свете", есть первое условие формирование иерархии, сиречь государства. Да, это малость непривычно и неуютно – но лишь для тех, кто не способен до конца стать личностью, осознающей неслучайность собственного существования в мире и обществе, и несущей ответственность за происходящее с ней, а не делегирующей эту ответственность некой трансцендентальной инстанции; когда такая возникает из числа земных людей, создается условие формирования пространства власти. И чем больше самоуспокоенность и беззубость гражданина, те более власть и государство будут расти. Это давняя истина, ее лишь нужно вспоминать время от времени, и становится зубастым, чтобы не допускать безобразий, которые в дальнейшем будут навязываться в качестве нормы.

Конкурентное администрирование дополняется форматом неотчуждаемой хозяйственной консолидацией граждан, основанной на развитой и адаптированной к конкретному обществу системе частных или личных денег, как требующая особой проработки тема. Здесь же, кстати, может найти применение тема краудхэджирования (обозначенная в книге "Возможность управления..."), примененная к набору реальных рынков, представляющихся

перспективными в складывающихся экономических условиях России и мира. Хэджирование в формате "народ-как-биржа" представляется небезосновательным способом запуска процессов обращения "частных/личных денег"[78] и, одновременно, ненасильственным мотиватором экономической активности. Впрочем, "краудхэдж" – лишь слово, коннотативно приближающее не мыслимое классикой представление о возможной доминанте "денежных суррогатов" к наиболее известным формам частных финансовых обязательств из категории "джентльменских соглашений", то есть добровольных и ненасильственных по своей природе, а в силу повсеместности – к тому же предельно демократичное. Очень похожее понимание можно найти у основоположников идеи "частных денег" Гезеля и Ригеля.

Далее, прямое право граждан устроить революцию против узурпаторов (русским людям неплохо вспомнить, что узурпация власти и следующие из нее злоупотребления, ущемляющие права и свободы – тяжкое уголовное преступление, за которое в демократиях раннего капитализма полагалась смертная казнь) обеспечено правом владения оружием. Условия возникновения революционной ситуации как необходимость качественных перемен (а не как предмет страха нежелательных рисков) оценивает каждая из трех групп безопасности общества, обладающих надзаконным статусом "гарантов республики" и воспроизводимых в нем полуестественным-полуинституциональным образом – в силу своей фактической, а не номинальной, природы. Особое понятие "силовик" как связанная с насилием сословная категория и соответствующая ей внеторговая политическая партия исключается в обществе: теперь всякий есть силовик, будучи гражданином, заинтересованным в общественной безопасности и обладающий правами. Первое, что должна обеспечить реализация всех этих вещей – чтобы у гражданина не складывалось обоснованного ощущения, что некая сторонняя персонализируемая сторонняя сила технологически или социально определяет за него его судьбу или лишает выбора, требуя сделать оный в условиях недостаточной информированности (марксово определение человека как совокупности всех общественных отношений как раз находит конкретизацию в категории выбора, включая срочность предмета выбора).

[78] В данном случае я также различаю частное и личное в аспекте неснимаемости ликвидации частной собственности как теоретического прогноза и наблюдаемого глобального тренда.

Разговоры про то, что этот принцип не может быть применен ко всем, носят все тот же социобиологический характер; при этом нужно, во-первых, понимать, что макроэкономическое не тождественно макросоциальному, а во-вторых, понимать жизненную обоснованность различия между действительным, возможным и ценным.

Продуктивная задача России в период погружения в экономический кошмар – стать страной-гардарикой, союзом вольных городов, и неважно, крупный ли это региональный центр, начинающий свое хозяйственное бытие экспедиционный лагерь-поселение или комплекс зданий из предметов мебели в отдельно взятой квартире или частном доме. Если государственная власть боится городского населения, а потому всячески сегрегирует его и, как электорат, растворяет его в полуисчезнувшем деревенском, то значит, над людьми не должно быть этой власти, не говоря о том, что над человеком свободным не должно быть в принципе никакой власти, поскольку такой человек, властный над собой и собственной судьбой, в принципе не может ее никому делегировать, отчуждать или соглашаться на отчуждение или "делегирование". То, что многие не разделяют власть и управление как решение общих задач и проблем, является весьма значительной проблемой перехода к качественно новому состоянию человеческого общества. Власть как антропофизиологический феномен, и особенно государственная власть, по природе своей не рассчитана на решение общих проблем и задач, особенно проектных; реализация последних, при всех декларациях и даже очевидных и безусловных крупномасштабных успехах (как то свидетельствует уникальный советский опыт и опыт некоторых иных экономически развитых государств) всегда была содержанием деятельности, но никогда не сутью или природой государства, воспроизводящего себя как самоценность (за исключением, пожалуй, СССР, имевшего государственные сверхзадачи). Человеку, занятому задачей творческой, тем более такой, что вдохновляет других людей, нет дела до того, чтобы ставить себе цель получить контроль над этими людьми, распоряжаться отпущенным им сроком жизни и получать за это их максимальную приверженность, преданность и благодарность (а ни за что иное какая бы то ни было власть их получить не может и не стремится). Творец получает признание как побочное и сопутствующее благо в меру своей вдохновенности,

увлеченности и продуктивности. Можно "увлеченно править", но "увлеченно властвовать" звучит как оксюморон, и по факту является таковым: власть – это институциональное принятие сублимированной алчности, допускаемое вследствие невежества или малодушного безразличия к надличностном состоянию общества, но не извечное, и притом здоровое, естество человеческой природы. Не дело свободного человека быть выдрессированным со стороны пахана или фюрера, и теперь такую дрессуру.

Присвоение государственных денег без права их прямой частной эмиссии, но с бесконечно отвоевываемым правом эмиссии косвенной как суть капитализма[79] в данном случае встречается с требованием уничтожения права частной собственности как основным требованием марксистско-ленинского коммунизма. В рамках последнего сама частная собственность, судя по всему, была некорректно понята основной массой последователей, а потому и концепция ее уничтожения оказалась сформулированной как представление, массово воспроизводимое соответствующим образом. Прежде всего, имелась в виду частная собственность на средства производства, однако если считать таковыми производственные технологии, то частная собственность на них образуется из тех, что частно присвоены, но не лично произведены[80], и обуславливают самое задачу приобретения таких технологий с целью извлечения прибыли в "крысиных бегах вокруг стульев" расширенного воспроизводства. В результате последователи стали бороться с любой формой имущественной собственности, дающей хоть какой-то неучтенный "советским государством" доход, включая технологические средства самозанятости, изобретательства и производственного творчества. Разумеется, никакого представления о природе тех денег, что составляют

[79] Для чего оказалось необходимой крысиная гонка расширенного воспроизводства в условиях конкурентной среды в качестве средства компенсации недостающей денежной массы производственной частью финсектора, как следствие – формирование монополий, массовость банкротств как основание сомнений в предпринимательской деятельности, а также пресловутые кризисы перепроизводства, сопровождающиеся затовариванием и неплатежеспособностью спроса, а также ростом налоговой нагрузки государства, архетипически "возвращающего свое" в институционально-легализованной форме. И, разумеется, поиск новых способов итеративного присвоения оснований доверительности под руководством "авральной руки рынка" на новом этапе "развития" всей этой системы жизни, время от времени карнавализирующейся окончанием игры в "бег вокруг стульев".

[80] "Создание денег" приписыванием нулей на счете банкиром-кредитором следовало бы считать не "производством новых денег" (ибо выражаются они в легальной государственной валюте), и не "производством суррогатных денег" по той же причине (банкир – не феодал, чеканящий свою монету), но "суррогатным производством денег", поскольку суррогатом оказывается создание средства банкирского доверия к заемщику под прикрытием государственных денег.

основу аутентичной частной собственности, при этом не было – в лучшем случае обращались к марксовой металлодевизной концепции.

Расширение распределительной концепции происхождения денег идентификационной гипотезой

То, что излагается в этом разделе, представляет собой развитие неоэкономической идеи происхождения денег в рамках государственнического субстанциализма до своего логического предела. Представленный здесь текст отчасти продолжает тему, начатую в разделе "Некоторые замечания относительно складской гипотезы происхождения денег" тома "Частично управляемое...".

Есть определенное затруднение в логике неоэкономического понимания государственной природы происхождения денег. Григорьев говорит про то, что системам разделения труда (СРТ) свойственна инерция, препятствующая внедрению оптимизирующих ее деятельность инноваций (в том числе новых технологий, одной из которых являются деньги) в силу устоявшейся структуры занятости и риска потери рабочих мест, причем это свойственно любым СРТ не зависимо от эпохи. С другой стороны, в рамках его распределительной (не-обменной) концепции происхождения денег предполагается, что денежные жетоны были введены как удобное изобретение взамен бухгалтерских расписок в получении товара. Однако непонятно, с какой стати лица, ответственные за складские запасы государя и занятые не иначе, как в системе разделения труда государственной логистики, будут заменять сложность удобного им известного порядка крючкотворства (а значит, становящегося предметом их особых компетенций, не отчуждаемых в рамках этого порядка), на жетоны, фактически упраздняющие их профессию. Кроме того, обмен на жетоны (определенные исторические свидетельства тому имеются) складских продуктов-первотоваров не отменяет учетную природу расписок: записи в расходных книгах по-прежнему должны вестись на складе. А соображение о том, что деньги изначально "выгодны", неприемлемо по тому же неоэкономическому соображению затратности освоения искусства денежного оперирования ими товароведами, фактически превращающимися в закупщиков (и, далее, согласно теории – в купцов). Для того, чтобы внедрить деньги, нужна, по меньшей мере, не меньшая изобретательность вождя-

государя, что имела место в процессе условного первичного разделения труда, повлекшего за собой увеличение его производительности как побочный бонус. Однако в случае денег хоть и не исключается, но весьма сомнительно, что их придумал некий государь взамен складских расписок получения или, тем более, несколько государей в разных местах или эпохах. Искусственно-языковая одноэлементная грамматика в своей логике, конечно, вписывается в единство государственной иерархии, однако непонятна в смысле порядка внедрения в качестве изобретения. Впрочем, не исключено, что это затруднение может быть разрешено тривиальным образом – например, через понимание денег как заимствования из иной сферы деятельности или специализированной (и, соответственно, искушенной, а значит – способной передать знания о них складским работникам) на такой форме коммуникации группы акторов – возможно, не из государственного сектора и, возможно, не использовавших такой искусственный язык непосредственно в качестве жетонной системы распределения товаров со склада[81]. Другим вариантом может быть государственный источник, только не складской, а "доскладской военный" – например, государственная печать или жетон, предоставляемый гонцом иному представителю иного подразделения государевой дружины или ответственному лицу как средство доверительной идентификации (элементарный и древний вид системы распознавания "свой-чужой"). В таком случае жетоны оказываются средствами военной логистики, и возникает задача их массового производства – особенно накануне проведения боевых операций (войн) и во время маневров по театру военных действий. Если исходить из этой, военно-логистической, гипотезы, то становится значимой категория складского товара. У Григорьева солдат, придя на центральный склад, получает за жетон-монету хлеб и вино, и делает это (за несколько иную цену) в провинциальной таверне (или на провинциальном складе[82]), причем делает это:

[81] О семантике одноэлементной системы денег см. предыдущие две книги.

[82] О чем идет речь в книге "Частично управляемое..." в разделе "Некоторые замечания относительно складской гипотезы происхождения денег".

- любой солдат безотносительно к его месту в военной (протогосударственной) иерархии (ибо, по Григорьеву, в территориальных империях это место определялось как раз объемом располагаемых денег[83]);
- с некоторого одного склада;
- в мирный период времени или с не военными целями;
- получая складские жетоны как жалование за службу;
- как способ потратить свое жалование;
- как способ потратить свое жалование на личные нужды.

Однако если речь идет о военных коммуникациях, то речь идет о фураже, боеприпасах и оружии как (в первую очередь) запасах военного резерва, выдаваемых в обмен на предоставление средств доверительной идентификации определенного количества или достоинства – только не в транспортной логистике, а в складской. А это значит, что в рамках военной логики военно-жетонно-идентификационно-распределительно-складской гипотезы происхождения денег оказывается, что имеет значение число фуражно-оружейных складов (арсеналов), на которых принимаются жетоны единого стандартного вида. В случае проголодавшегося простого солдата он вполне может пойти в ближайшую ему полевую (или казарменную) кухню, где повар выдаст ему потребное, сделав простейшую расходную запись в бухгалтерской книге и не заморачиваясь лишними вещами, поскольку, в простейшем случае, помнит солдата (которому также нет нужды заморачиваться лишним), а также сколько чего тот уже съел и вообще как часто его нужно кормить. Иное дело, когда через империю движется отряд конников (или "кавалеров", занимающих в военной иерархии более высокое положение, чем простой солдат, а также не любящих шуток и церемоний), задача которых состоит в эффективном патрулировании имперской территории или даже в военной или налоговой экспедиции – тогда у складского работника должно быть достаточное основание выдать им фураж и прочее необходимое, будучи уверенным, что перед ним не грабители, не бунтари и не солдаты противника, и что гарнизон, охраняющий склад, не должен быть поднят по тревоге, дабы перебить непрошеных гостей. Именно для этого случая и нужны знаки доверительной идентификации, причем именно здесь (а не при простом опознавании) оказывается востребованным

[83] Опять же, невесть каким образом радостно воспринятых как инструмент складскими работниками.

их количество или номинал, свидетельствующий о предоставленном отряду доверии получить определенный объем запасов для выполнения задач патрулирования либо экспедиции. И в рамках этого же, гипотетического же, уточнения распределительно-складской, а не обменной, гипотезы происхождения денег, весьма удобным образом оказывается объяснимо происхождение еще нескольких финансовых категорий и явлений:

- начала банковской системы как "сети банков";
- зависимости положения в социальной иерархии от объема располагаемых денег;
- отличия собственно денег от векселей;
- возникновения купцов;
- инфляции и дефляции;
- межбанковских заимствований и кредита;
- процента;
- налогов.

Да, банк – это ресурсный центр, редуцировавший (согласно неоекономике) со временем свою складскую функцию до сбора жетонов (прежде всего – именно сбора, вспоминаем нарратив про взаимодействие финансового и потребительского секторов) с тех, кто их получил по долгу службы (и ради продолжения этого долга, для чего нужно кушать, одеваться и так далее), и дальнейшей выдачи армейским за полученные жетоны товаров, полученных у местных поставщиков в виде налогового грабежа либо при вторичном денежном обмене. Впоследствии такой полубанк-полусклад отстраняется даже от вторичных закупок и становится собственно банком, выдавая жетоны прибывающим в него армейским государевым людям и предоставляя им возможность самим приобретать товар у местных поставщиков. Иначе говоря, банк как денежный склад и оператор возникает в процессе эвфемеризации по Фуллеру[84] из сети складов во взаимодейственном решении собственных задач (синергийно – в одном аспекте, по Нэшу – с другом). В свою очередь, поставщики, волей-неволей вовлеченные в деятельность государственной машины, а значит, в ее

[84] Или замещения реальных функций информационными. Этот термин встречается довольно редко, а в рамках данной гипотезы свидетельствует о возникновении соответствующего ему феномена в весьма давние времена – задолго до того, как сам он был описан в качестве чего-то авангардного в XX веке.

иерархию, оказываются в состоянии конкуренции за право получать жетоны за госпоставки.

Тот среди воинов государя, кто пользуется его наибольшим доверием, получает наибольшее число знаков идентификации наибольшего номинала (которые как раз становятся регалиями относительной власти, в отличие от регалий абсолютной власти самого государя), позволяющих управлять наибольшими ресурсами распределенных по стране складов в целях государственной экспансии и контроля территорий. От его заказов (в дальнейшем – вкладов) в складах-банках увеличивается объем жетонной массы, которую склад-банк способен вбросить в массу поставщиков, обеспечив их госзаказами, и которые, в ситуации конкуренции, дифференцируют свою деятельность, плодя новые профессии и предлагая свой продукт в качестве нужного, одновременно заинтересовывая в нем тех армейских, кто пришел на склад за провизией и амуницией. Разумеется, в постоянной резиденции государя склад самый крупный, а потому наиболее интенсивная дифференциация деятельности вокруг нее превращает ее в столицу – управленческий, производственный и тезаврационный центр империи. Задача наиболее доверенного воина в рамках военно-распределительной концепции жетонных денег несколько иная, нежели о том говорит Григорьев: государев человек, вне зависимости от его национальности (в том числе склонности к "восточной хитрости" или чему еще) создает дельту полученных от государя произвольно выданных средств (действительно, на каком еще основании выдаются средства доверительной идентификации, как не на доверии?), осуществляя госзакупки по максимально дешевой цене, не потому, что хочет их себе прикарманить, занявшись спекуляцией (он, прежде всего, воин, а не купец-торговец; к тому же, по словам самого Григорьева, в аутентичной торговле "все честно"), а потому, что в его задачи входит либо максимально способствовать решению стоящей перед ним военной задачи (для чего запускается спрос на военную продукцию поставщиков), либо оптимально наполнить закрома всех складов на подведомственной территории, исходя из объема имеющихся денежных средств. Когда он приходит к начальнику склада, то может предъявить собственно идентификатор своего ранга (могущий иметь количественный номинал) и получить все нужное по нему; либо использовать более

сложную, работающую в государстве, схему, когда выполняющий роль протовекселя личный идентификатор сочетается с получением по нему на складе-банке некоторого количества идентификаторов более низкого уровня (протоденег) для получения конечных продуктов у поставщиков. Такая схема не позволяет предъявлять армейским (а впоследствии – поставщиками) на складе жетоны количеством, превышающим определенный лимит (жалованье, или заработную плату), дабы не разбазаривать государственные запасы на праздные нужды и не давать подниматься податным поставщикам выше определенного уровня доходов, что чревато созданием собственной системы хозяйственных связей и усилением этой категории неподконтрольным государству образом[85], хотя в дальнейшем государство начинает признавать их ценность в качестве скота, дающего весьма жирное молоко.

В одном случае государева "излюбленная голова" закупает все необходимое, предоставляя жетонные средства складу-банку или торговому посреднику, дифференцировавшемуся по ходу истории осуществления этой деятельности, превращающемуся в локального купца, становящегося естественным регулятором конкурентного поля поставщиков по основанию "цена-качество". При этом сам "торговый посредник" первоначально представляет собой делегата общины поставщиков данного складского ареала[86], выделяемого в своем труде среди прочих как наиболее способного к выручке жетонов для общины предложением ее продуктов по установленному складом курсу обмена жетонов на продукт (который тем самым становится еще одним финансовым игроком и регулятором рынка) и, будучи заинтересован в укреплении рыночной позиции (источника жетонов), расширяет предложение, плодя число поставщиков-вендоров и платежеспособно обеспечивая их занятость, пытаясь вписаться в лимиты тендерных сумм, а также занимая у склада-банка жетоны на осуществление проектов предложения продукта и рутинной организации деятельности поставщиков. А потому, будучи выгоден всем, по праву носит свое название посредника. И предпринимателя, с некоторого момента начинающего играть

[85] Не исключено, что именно желание экономически вырваться из лап государства и стать-таки свободными привело купцов-ювелиров-знатоков торговли, ремесел и дорогих материалов в соскучившуюся по деньгам Европу.

[86] Кстати, ряд русских купеческих фамилий "серебряного века" представлял собой как раз таких делегатов – финансовых распорядителей деньгами общины.

в свою пользу на разнице цены закупки продукта складом и продажной цены поставщика, расхваливая тому свой товар и стимулируя государство увеличивать и номенклатурно дифференцировать объемы закупок, эмитируя денежную массу, а членов общины – оптимизировать соотношение затраты/качество; ибо склад или склад-банк, которому он поставляет становящийся товаром продукт, в первую очередь есть государственное учреждение военного назначения (а поставщики – всегда вторичная категория в своем праве на получение складских продуктов за вырученные жетоны сравнительно с армейскими жалованными пенсионерами, потому как они, став предпринимателями, так и склад, став банком, стремятся вырваться из узды госконтроля, оставаясь в пределах рога изобилия госзаказа). Хотелки государства, ширящиеся амбициозными планами экспансии либо стараниями купцов (а также ширящиеся их же стараниями хотелки платежеспособных поставщиков) увеличивают объем закупок, в их обеспечение выпускается очень много жетонов, а поскольку они являются средствами доверительной идентификации, получается увеличение числа доверенных лиц, и в пределе "доверенным лицом" становится каждый встречный, предъявляющий спрос через банк-склад на один и тот же объем производимой для него общиной (а если община специализирована, то отраслевой) продукции. Для приобретения ее напрямую у купца-торгпредставителя в том же объеме, что она может быть произведена, он получает в банке большее количество эмитированных "жетонов доверия", которые, однако, увеличились раньше, чем успели появиться новые продукты по той же или меньшей цене, углубиться за счет увеличения численности поставщиков разделение труда вследствие все той же конкуренции за госпоставки и того же спроса на госхарчи, что представлены все теми же "жетонами доверия", сильно теряющими в цене по мере их эмиссии, но запускающими поначалу экономическую активность и увеличение числа профессий "поставщиков двора-склада-банка", плодящихся на радость друг другу. При этом, поскольку эти самые жетоны по природе своей государственны и все от них зависят, постольку все начинают любить государство как некое хитроумное устройство, продуцирующее самое движение человеческой жизни и весьма глубокомысленную коммуникацию "точильщика кончиков копья" с "лакировщиком портупейных пряжек" по поводу событий на ярмарочной площади, а также лично

гарантирующего сохранность этого устройства государя-кормильца. Когда купец или склад-банк видят, что шансы сыграть на разнице цен или получить реальный прирост благ через вложения низки, они начинают придерживать денежные жетоны, ибо и армейские пенсионеры мало что могут приобрести, и складские поставщики ничего не выигрывают от ставшей теперь хитроумно устроенной распределительной системы управления ресурсами и государственного резервирования.

В другом случае государева "излюбленная голова" (с прежнем доступом к неизменным идентификаторам доверия) осуществляет дальнейшие закупки в других складских ареалах подведомственной территории в зависимости от военных нужд и наличного объема жетонных средств (здесь – больше оружия, там – больше провианта), а потому вправе перебрасывать резервы из одного склада в другой под усиленной охраной (благо это военное имущество) в зависимости от разных обстоятельств: планово-стратегических (строительство крепости), авральных (враг на границе), представительных (государь едет) или, к примеру, отмеченного только что инфляционного обстоятельства, когда, видя складскую нескладность, ответственные за хозяйство чиновники начинают заниматься или распылением проблемы в масштабе всей системы, или срывать маски и возвращаться к сути фискального насильника, деря три шкуры с поставщиков, которые уже перестают быть поставщиками-за-деньги, да и вообще поставщиками, и становятся расходным материалом, или дойно-убойным скотом, каковым они, вообще-то, всегда были.

Однако если речь идет всего лишь о перекидывании госрезервов в зависимости от военно-стратегических (или народнохозяйственных) задач между складами, то эту функцию вполне можно передоверить самому складу, освободив важного военачальника от лишних хлопот. Переброска ресурсов от одного склада к другому означает дополнительную нагрузку на податных для восполнения запаса, поэтому склады-банки по системе правил могут захэджироваться обязательствами возвращать помощнику трудозатраченное. В случае если трудозатраченное вернуть не удается вследствие принципиальной депрессивности реципиента, ситуацию разруливает столичный государев склад как самый богатый, щедрый и сильный. А ежели везде на складах шаром покати, государство напоминает

армейским, что они солдаты и "должны терпеть все тяготы и лишения", прибегая к срыванию масок (см. выше). При неопределенной срочности продолжения игр "паханской доверительности" в этой фазе в государство приходит другое государство.

Когда кто-то из государевых солдат, имеющий по уставу определенный лимит потребления, по тем или иным причинам хочет большего, или в силу некой нужды представителю поставщиков склада необходимо больше ресурсов, чем они могут себе позволить в сложившейся системе отношений, они могут обратиться к кому-то, владеющему более статусным по номиналу жетоном или большим числом таковых с просьбой одолжить их во временное пользование для получения нужного. Но, разумеется, не бесплатно – тем более, что это, ни много, ни мало – свидетельства доверия самого государя и регалии относительной власти, потому и пользу из них нужно извлекать государеву (обычным образом – закупочно-идентификационную). А мотив давать кому-то во временное пользование свой, фактически, пропуск на государственный склад, может быть только один: если при этом расширятся возможности этого пропуска в смысле получения складских ресурсов, а тем самым – повысится доход и статус их распорядителя, но в первую очередь – самого государя, представителем которого выступает инвестор или кладовщик-банкир, который все еще воин, представляющий интересы государя. В таком случае, приобретая нужное на одних складах, предоставляя его поставщикам-производителям и, далее, поставляя уже новый продукт более глубокого передела на другие склады, заемщик средств подтверждения доверия и обеспечения возможного действия создает торговлю (ибо и поставляемых на склады товаров его общины становится больше, и на других складах оказывается недостаток регулярных товаров, на который теперь можно предъявить спрос местным поставщикам за появившиеся идентификаторы), и заемщик денег получает свой процент как плату за монету (вполне в соответствии с неоекономикой), и возрастает востребованность в эмиссии новой партии идентификаторов доверия, поскольку возросла в них потребность. В этом смысле инфляция возникает, когда эмиссия идентификаторов осуществляется до того, как возникает реальная потребность в них, с расчетом на то, что экономический процесс можно запустить "с другого конца", и найдутся те, кто в этом до сих

пор убежден; и отчасти, наверное, будут правы, но лишь отчасти. Именно таким был эксперимент Джона Лоу, но в те христианнейшие времена представления о природе денег были иные. К тому же инфляция возникает в том случае, когда склады начинают испытывать избыток жетонной массы, и в целом "доверенных лиц", обладающих уймой свидетельств государевой доверительности, становится столь много (в первую очередь и как всегда – у государевых людей, а также на складах, у поставщиков и их "торгпредов"), что системным образом у самих пользователей средств государева доверия теряется доверие к этим средствам.

Исправление этой ситуации – тривиальное системологическое возвращение на круги своя – к жетонному эксклюзиву, который изначально представляет собой отпечатанный или отчеканенный "жетон" в той же степени, как государственную печать, завизированный ею документ или именной государев перстень, предоставляемый визирю для предъявления на складе или в крепости и, кстати, могущий также нести рельеф, имеющий статус государственной печати – стандартизированное средство оставления следа, марки или клейма государства на чем угодно, что государство сочтет нужным пометить, объявив значимым ресурсом или собственностью подобно тому, как собака метит деревья. Государственные печати и перстни если и эмитируются некоторым тиражом, то весьма ограниченным. Они также могут считаться регалиями относительной власти, однако в меньшей степени, чем те жетоны, которыми пользуются рядовые солдаты и податные категории ремесленников – поставщиков государева двора или склада. Одного перстня достаточно, чтобы с высоким посланником стали обращаться, как с господином, предоставляя ему все или почти все, на что он предъявит спрос. Когда деньги начинают стремиться к этому состоянию, получая все большее число денотатов за каждую количественную единицу, при отсутствии желания со стороны их обладателя кому-то еще их передоверить, как раз и возникает процесс, именуемый дефляцией. Потому дефляция, как дефицит денег, и сопровождается возникновением признаков феодальных порядков в обществе.

В современном мире, пожалуй, лишь у США как страны первого мира нет герба в привычном смысле слова – его место занимает "Большая печать США", и как раз именно ею визируются как государственные документы, так

и (с некоторыми художественными модификациями) собственно реверс металлических монет этой страны различного достоинства различных исторических периодов. Тогда как в других странах собственно герб, как наследник феодальных эпох, является лишь основным композиционным элементом оттиска государственной печати, не имеющей в целом самостоятельного геральдического значения; а соответствующая цветографика наделяет любой рыцарский щит, помимо его непосредственной функции защитного вооружения, также функцией геральдической идентификации. Однако монета США такое значение получает де-факто в силу особенностей своего графического стандарта, буквально превращающего металл или иной материал в монету.

***

Итак, сколь бы причудливым образом в этой денежной системе не обнаруживались известные экономические понятия, она всегда имеет единоначальное военное происхождение, исторически связана с аппаратом насилия и преимущественно обеспечивает потребности этого аппарата, тогда как потребности его членов – лишь вторичным или остаточным образом. И здесь по существу не может быть что-то большее, чем распределительная по сути своего функционирования система денег, поскольку никакую иную создать не получается – иное означало бы институциональное провозглашение права на частные деньги и вообще шло бы вразрез с известной по столь многим работам конфигурацией экономики. Как только таковая возникает, она рано или поздно неизбежно помещается в нишу и встраивается в общий механизм. Именно поэтому сомнителен тот неоэкономический посыл, что нечто распределительное становится обменным: если и становится, то квазиобменным, но не качественно обменным. Иная конфигурация означала бы не фейковое отчуждение денег в примере XII-XIV веков с убежавшими на Запад банкирами территориальных империй Востока с правоустанавливающими вид на европейское жительство дотациями сюзеренам и владетельным синьорам на содержание армии, а реальное провозглашение денег в качестве средств обмена, с обеспечением этой их функции в качестве исходной и устойчиво воспроизводимой в качестве таковой. Но для этого необходимо положительное упразднение

бюрократической иерархии как доминантной модели управления обществом, а значит – провозглашение республики как основной парадигмы цивилизационного бытия. И, соответственно, выработки распределенно-одноранговых эмиссионных правил товарно-денежного обмена "с чистого листа", если вообще здесь будет иметь смысл говорение о какой-то товарно-денежной (экономической) сети, равно как о собственно деньгах применительно к односимвольному языку, функционирующему в ней.

В связи с идентификационным дополнением жетонно-распределительной концепции денег Григорьева и миметической концепцией денег финансистов-культурологов Орлеана и Аглиетты напрашивается вывод о том, что понятие доверительности применительно к деньгам способно иметь два основных аспекта толкования: французские авторы, говоря о доверительности, понимали под ним доверие к деньгам как средству коммуникации со стороны потребителей конечной продукции, предпринимателей и иных участников экономического обмена, которым деньги откуда-то предоставляются. В смысле предлагаемого дополнения к гипотезе Григорьева доверие к деньгам оказывается иного рода – а именно, доверие их предоставляющего к тем, кому они предоставляются, ради создания отношения доверия между ними и теми, кому они будут в дальнейшем переданы, именем источника (эмитента) денег и ради него (то есть трансляция доверия, в случае государства – каскадная). Такая передача денег также может осуществляться в различном виде, с дальнейшим возникновением отношений доверия (и прочих) в зависимости от типа участвующей в нем переменной: либо это передача другому неэмитенту в ходе торговых отношений, либо обратная передача от неэмитента эмитенту. Последняя есть налоги, или отъем средств экономического развития по принципу "бог дал, бог взял", только вместо "бога" выступает государство, а чтобы при таком раскладе отношение к государству было доверительным, податным категориям объясняется, что налоги собираются на общественно значимые цели, якобы не могущие быть реализованными отдельными внегосударственными консолидациями рядовыми пользователями – неэмитентами денег. Есть еще и третий вариант, когда эмитент передает деньги другому эмитенту с особыми условиями последующей доверительности, и здесь также возможны два варианта: или отношение

эксклюзивных эмитентов (государств), и тогда имеют место "внешние отношения" займов и торговли, а также валютно-курсовое регулирование (если у каждой страны есть своя валюта); или отношение неэксклюзивных эмитентов, и тогда имеет место ситуация "частных денег", относительно которых первоочередным в актуальности оказывается вопрос об их инвестиционной способности, а работоспособную модель которых, еще раз, только предстоит построить. И ключ к этому лежит именно в том самом различии видов "денежной доверительности", которое только что было рассмотрено. Предоставление средств частной/личной эмиссии другому – это, прежде всего, инвестиции в возможности и способности другого экономического агента к приросту благ, а не расчет на то, примет или не примет другой эти деньги в качестве средства платежа. Что касается прибыли, то оно, прежде всего, способно мыслиться в неденежной форме общественного блага – приращиваемого или поддерживаемого усилиями, возникающими вследствие инвестиционного доверия как признания этих действий осуществляемыми с пользой для инвестора-доверителя (именно из этих соображений исходит государь, предоставляя идентификационный жетон или перстень своему сановнику для предоставления на склад или прохода в замок), однако выражаться это благо способно как раз в денежной форме, реализуемой через институт и регламентацию способности к эмиссии (или "эмиссионной способности") изначального получателя благ, зависящей от совокупной доступности благ (запасов и, далее, мыслимых как блага ресурсов), или "блага тезауруса" – с одной стороны и, с другой стороны – от, так сказать, "инвестиционно-проектных перспектив", также рассматриваемых как, пожалуй, самое главное благо (благо из благ), с точки зрения их реалистичности, срочности, реальной внеденежной отдачи и взаимосвязанности. А значит, инвестиционно-проектные перспективы оказываются таким благом, что носят системный характер и являются также ключевым благом как смыслообразования, так и структурирования, экономической деятельности, способным обеспечиваться системой обращения частных/личных денег по преимуществу. То есть эмиссионная способность в такой системе оказывается зависима от паритета инвестиционно-проектной перспективы и доступности ресурсов, определяемой общественной значимостью (структурой спроса) как фактором осмысленности и оправданности инвестиций "частных денег".

Здесь же может быть введено понятие чистой эмиссионной способности как способности человека (но не частного субъекта, поскольку частная эмиссия ведет к монополизации рыночного присутствия и возникновению государства) вступить в экономические отношения, исходно предоставив иным лицам или организациям эмитированные денежные средства прежде всего как "кредит доверия", то есть право использовать соответствующие этим средствам возможности экономического действия соответствующим интересам эмитента образом (включая согласие эмитента со способом этого действия).

***

Представленное дополнение к жетонной гипотезе происхождения денег (которую теперь можно назвать "идентификационной") проясняет природу языка денег с одноэлементным, но многократно воспроизводимым в серии, множеством его знаков: идентификация и есть предъявление не-иного, редкость которого исключает альтернативу в предъявлении ради у-достоверения, по факту которого возникает доверие. А в массовом порядке таких удостоверений создается совместность удостоверительных действий, возникает кооперация, ведущая к сложным процедурам поиска, добычи, транспортировки и переработки ценных ресурсов. А государственная власть закономерно исключает альтернативные системы доверительной идентификации именно как системы заговора против нее, представляющие альтернативные языковые пространства доверительности, ведущие к формированию зон неподконтрольности и перекодированию лицами, в них находящимися, порядка бытия на физических ландшафтных пространствах, находящихся в юрисдикции государства. Эти альтернативные языковые пространства могут иметь разную природу – как естественно, так и искусственно-языковую[87], но среди них наиболее жестко пресекаются государством денежные суррогаты и жестче из жесткого с самых древних времен – фальшивомонетничество, ибо последнее подрывает существующую систему доверительной идентификации, представляющую едва ли не первейшую систему государственной собственности и условие существования всякой такой собственности, путем прямого паразитирования

[87] В начале XXI века выражение этого можно видеть на примере законодательных запретов на глубокое шифрование, двумя столетиями раньше – разного рода рогатки для тайных обществ, использовавших герметический язык, и тому подобное.

на ней и посягательство на частичное отчуждение эмиссионного права в рамках его собственной системы денежных знаков – то есть, фактически, посягательство на государственную власть. Денежные суррогаты еще более-менее терпимы, поскольку декларативно не государственные и могут быть признаны как не серьезные эмитенты доверия, то есть в меньшей степени способные к захвату и перераспределению ресурсов в зоне своего хождения. Именно поэтому первейшее обеспечение денег – "грамматологическая" технология их защиты и аппарат принуждения. В этом же смысле работают и всякого рода "деньги-перевертыши" вроде вымышленной Р.Стивенсоном пиратской "черной метки" – антидоверительного идентификатора, ограничивающего коммуникативные возможности (в отличие от денег, расширяющих таковые) в тех местах, где в системе вольного морского права не действуют государственные регулятивы – включая деньги, которые, хоть и ценны, но не обеспечены ни принуждением их использования, ни принудительной неприкосновенностью законного (получившего их в процессе обмена или дарения) владельца, всегда рискующего стать жертвой другого представителя отъемного сообщества и не способного внутри данного ареала на сколь-нибудь серьезные инвестиции несмотря на защищенность кодексами Берегового Братства – именно потому, что само сообщество специализировалось на профессии отъема. Пример "черной метки" хорошо показывает, что доверие к обычным государственным деньгам со стороны массовых податных пользователей обусловлено тем, что эти деньги есть средство обеспечения социальной антихрупкости. И в этом же – одна из причин того, почему государство признается этими пользователями желанным источником порядка при всех его "недостатках", которые они чают устранить то воспитанием нравов, то "развитием институтов", то еще чем-нибудь. Между тем, "черная метка" есть как раз признак демократии, поскольку она работает в модусе via negativa и позволяет убирать лишнее, когда неизвестно нужное; это весьма интересный инструмент доверительной коммуникации, основанный, между прочим, на правовом принципе презумпции невиновности, или доверительности, обеспечивающий лучший принцип отбора "политиков" и объектов частноденежных инвестиций.

В этом же смысле проясняются деонтические значения денежного языка: задача денег эмитента – в том, чтобы всегда поддерживать это значение в полюсе положительной значимости (в значении "хорошо" или "благо"), и не позволять получать нейтральное или отрицательное значения – при том, что в реальности положительное и отрицательное значения денег – маргиналии, между которыми существует градиент, в пределах которого пользовательское доверие к деньгам имеет различную волатильность. Потеря такой центрации ведет к естественному возникновению обращения в альтернативных деньгах, основанных на доверии к иностранной или суррогатной валюте, обеспеченных большим потенциалом доверия к экономической организации, включая более реалистичные или доверительные инвестиционно-проектные перспективы, более глубокую систему разделения труда или более богатое предметно-технологическое множество. И здесь не важно, идет ли речь о государственных деньгах или о легитимных частных (считаемых государством всегда суррогатом). В случае же "личных денег" их значимость обеспечивается успехом конкретных проектов, инвестиционным интересом к перспективам, "аппетитом к риску" и прочими вещами, мотивирующими решение задач, обращенных в будущее либо воспроизводящих существующие блага. А также массовой динамикой таких аппетитов и интереса.

Именно из-за военного происхождения денег, а также исторической попытки их дезертирного присвоения "восточными купцами" с последующей попыткой частной эмиссии на новой европейской территории путем разного рода торгово-финансовых ухищрений (вроде мультипликаций, виртуальных эмиссий и дериваций), деньги стали специализированным средством капитализма. Ибо правом эмиссии новые владельцы не обладали: будучи в Европе чем-то новым, они и не могли быть источником массового доверия, а разбодяживание денег сделало бы их еще более подозрительной сущностью, потому такими вещами могли с меньшим риском заниматься только более привычные народу монархи. О таком порядке инициации капиталистического процесса, впрочем, говорит григорьевская неоэкономика – отмечая, однако, что сам капитализм возник в силу череды странным образом совпавших исторических обстоятельств, связанных с обнаружением денежного материала в Америке, его логистическим оседанием в Европе,

возникновением протестантизма и некоторыми другими вещами. Можно сделать еще более жесткое утверждение, предположив, что собственно капитализм и возник из попытки сделать деньги частными, с той лишь особенностью, что эта попытка была осуществлена через своего рода отъемное присвоение, через (как ни странно для "деловых людей") миметическую (антипротестантскую в веберовском смысле) реализацию ключевой государственной функции отъема, распространенной на само государство как субъект воровского налогообложения, тогда как деньги стали предметом (или объектом – в некоторых контекстах это синонимы) такого отъема (то есть эти самые европейские первокупцы проявили себя как "естественные человеки" в высшей форме выражения). А не путем проектного создания самой частно-личностно-эмиссионной денежной системы с нуля, что положило бы начало независимой истории таковой в Европе. Но подобное быть не могло в силу металлодевизности денег той эпохи. Поэтому отъемно-присвоенные деньги, несмотря на все хитроумные причуды их обеления, так и остались полугосударственными, недолегитимным предметом желания и порицания по недопроясненным основаниям. И в этом – еще один момент диалектического напряжения в истории Европы, сравнимый по своей возможности быть драйвером общественного развития, пожалуй, с тем институциональным расколом элит по религиозному основанию, что тянется с времен Оттона Великого. Действительно, желанность денег от частных кредиторов (единственных, кто располагал ими при неясности происхождения их богатства) при очевидном представлении о принципиально государственной природе денег, как раз и могли стать теми условиями, что, попав на почву многосотлетних религиозных споров, привели к экономически ориентированной инверсии христианства и возникновению протестантизма, рассматривающего деньги как прямой индикатор божьей благодати, ниспосылаемой в частном или личном порядке, в отличие от милости светского или духовного сюзерена, также ниспосылающего благодать, но от своего имени и в качестве посредника высшей инстанции. Здесь предоставление "жетона доверия" исповедующему торгово-деловую мораль частному лицу в качестве "милости" вполне закономерным образом рано или поздно могло показаться оскорблением со стороны того, кому подобный жетон изначально был дан в качестве ссуды для осуществления вполне себе

земной (и до кучи – исконной) функции ведения войны и захвата имущества. Тогда как католической церкви ничего не оставалось, как начать играть при новых раскладах в демократию, придумав защиту интересов внеденежного (вернее, безденежного) народа от насильника-короля – с одной стороны, и оборотистого купца-деляги – с другой (а этот последний, в свою очередь, настраивал народ против церкви в рамках революционных процессов). Эта конструкция весьма похожа на григорьевскую гипотезу об исторических корнях капитализма, за тем лишь исключением, что католическая основа генезиса европейской демократии объясняется чуть более широким перечнем оснований "защиты обездоленных", а кроме того, сам протестантизм рассматривается не отдельно от прочих обстоятельств как "еще один случайный фактор", а как попытка обосновать право частной собственности на заведомо государственные деньги, исходно возникшие в данной ойкумене отъемным путем, через апелляцию к индивидуальному порядку воздаяния[88], а по мере становления абсолютизма – к тиранической природе государства, все же сумевшего стать эмитентом в Европе вследствие удержания их там в ходе долгого дележа "испанского наследства". Именно этот, еще один, экономический, раскол европейских элит, имеющий религиозные корни и возникший на почве более раннего раскола, привел к возникновению феномена "государственно-частных отношений"[89] – изначально конфликтных, а впоследствии – "партнерских", получив выражение в таких формах, как государственно-монополистический капитализм, государственно-монополистический социализм, а в новейшей истории России спроецированное в замысловатом понятии "государственно-частное партнерство", представляющее немногим большее, нежели медийный штамп, на фоне вполне реальных экономических преференций официальной ортодоксальной церкви, под буквальной тяжестью золотых одежд окормляющей народ сказками про благостность и богоугодность безденежной нестяжательности. Деньги при этом, однако, по-прежнему

[88] Действительно, только Господь может установить и определить, что изначально ворованные у государства-вора деньги достались кому-то по справедливости, потрачены праведно и на праведные цели, ибо концов уже не сыскать даже самому участнику "игр обмена" – концы ушли в воду истории, а начать их искать – сам чорт не разберет. Поэтому "только верой, только писанием, только благодатью"!

[89] Примечательно, что процесс возникновения раскола на почве более раннего раскола оказывается современным процессу возникновения самостоятельной "новоакадемической" научности на почве идей и стремлений научности "новоуниверситетской" (о чем шла речь в разделе "История европейской техники и неокономика: к прояснению корней фундаментальной и комбинаторной экономик знания" книги "Возможность управления...").

остаются государственными при стремительно растущем их дефиците, полном цугцванге хозяйственной жизни и воплощении самых смелых фискальных фантазий на фоне максимального запрета любых внегосударственных средств альтернативной хозяйственной коммуникации.

Что до научного сообщества, вроде бы предназначенного решать подобные проблемы, то оно либо по-прежнему смотрит на мир через государственнический светофильтр, либо продолжает вести тяжкие баталии по поводу различных аспектов "полугосударственной" природы денег, и того, насколько допустимо, оправдано и полезно применять те или иные меры в рамках сложившихся за 600-300-50 лет схем для улучшения благосостояния беднеющих дееспособных людей в обществе, где основной инструмент экономического развития не только не находится в их полном праве собственности, но и само это право отрицается через инструменты пропаганды.

Внегосударственные деньги и товарно-денежный градиент

Задача, которую предстоит решить сегодня в России – это создать новый, модернизированный конституционализм, превосходящий даже то, что имеет место в качестве 200-летних административных наработок США, представляющих собой значимое наследие всего человечества не только в плане достигнутых в этот период благ, но и допущенных ошибок "фундаментального регламентирования". Но на этом пути преодоления якобы реально существующей зависимости демократического состояния общества от экономических возможностей, как некоторой печальной новости начала XXI века, озвучиваемой иными здравомыслящими экспертами, не желающими, однако, следовать принципу "audiatur et altera pars" (вкладу юриспруденции в общенаучную методологию), придется пересмотреть некоторые вещи, до сих пор считающиеся авангардными и самоочевидными – будь до мнимость политического антагонизма республиканства и демократии, будь то формы монетарной системы, существующей в экономическое обеспечение кодифицированных прав, но не имеющих при этом собственный юридический статус, а потому становящихся объектом произвола, манипуляций и, в конечном счете, игнорирования и обхода конституционных прав. Это, в свою очередь, происходит потому, что порядок законодательно не закрепленных

демократических форм денежных систем не имеет законодательной защиты со стороны монархических форм управления и заинтересованных в них сил, прикрывающихся как раз идеей демократического закона (в случае США – Конституцией и первыми десятью поправками). На прояснение условий существования демократических денег с целью дальнейшего получения ими статуса всеобщей очевидности и соответствующего законодательного закрепления в качестве одного из надзаконных прав и направлен этот материал. Главная задача, до конца им не решенная в частностях, но, полагаю, решенная в смысле принципиальной возможности, состоит в том, чтобы через раскрытие семиотической специфики денег продемонстрировать, каким образом внегосударственные знаковые системы распределенной генерации и функционирования[90] способны быть реальным источником прироста общественного блага. В первой части этого раздела упоминается корпус прорывных прозрений по поводу такой демократической формы экономического "Эльдорадо" и успехов, достигнутых пестрой палитрой локально- и частноденежных систем. Однако оптимизм открытия их жизнеспособности может быть сведен на нет макроэкономическим вопросом о приросте общественного блага и о возможности управляемого ненасильственного, внегосударственного же, перехода к новому состоянию в рамках адаптивных процедур, то есть без потери экономической системой демократического статуса. Именно для того, чтобы обеспечить понимание условий прироста общественного блага как гомеостатически определенной (да, балансовой и да, динамически-равновесной) величины органической социальной ойкумены, а не самоценной и подавляющей величины ростового ожирения (коренящейся в центрированном функционировании), во второй части раздела дается дополнительное раскрытие некоторых аспектов специфики знаковой природы денег.

Важной новостью является то, что, будучи семантической технологией, деньги представляют собой средство частичного управления. Но что это значит и как это можно использовать? С одной стороны, здесь играет роль фактор того доверия в человеческих отношениях, через который реализуется эта частичность. С другой стороны, эта частичность, как будет рассмотрено

[90] В отличие от государственных систем, представляющих собой результат централизованной генерации и следующее из него распределенное функционирование.

ниже, обуславливается особенностью их знаковой природы. Проблема в том, что сегодня в денежных человеческих отношениях нет конструктивной диссоциативности на макросоциальном уровне, а если и есть, то диссоциация общества здесь происходит по уровням дохода, определяющим, в свою очередь, различие уровней жизненных интересов, исключая при этом из числа последних проектно-деятельностные, или те, что связаны с конструктивным, а не статусным, использованием денег. Между тем, статусное и конструктивное (проектное) использование денег еще не обязательно есть калька с различия потребительского и финансового их использования; последнее – частный случай первого. Важным свойством процесса социальной диссоциации оказывается сохранение памяти о предшествующих взаимодействиях, и разведение некогда унифицированно воспринимавшихся сообществом категорий на полюса допустимых толкований, в наиболее простых случаях – бинарных. Вместе с тем, диссоциация не означает создания максимального вакуума взаимодействия – оно продолжается, но в более опосредованных формах. И на моменты или этапы этого опосредования приходятся градиентные состояния полюсов некогда единых категорий, на уровне феноменов человеческого сообщества демонстрирующих смысл метафизического определения, согласно которому "Вселенная есть островки сжатия в океане растяжения". Социальная диссоциированность, представляющая собой преимущественное состояние общества тем более, чем более в ней заинтересовано государство и его крупнокорпоративные эквиваленты, действующие по принципу "разделяй и властвуй", тем не менее, скорее представляет собой в значительно большей степени растянутость взаимодействия, нежели его разорванность, а значит – тонкую материю сверхрациональных порядков социального мира. Более приземленное, но более гибкое в системном смысле, выражение этого обстоятельства, будет рассмотрено ниже по ходу развития концепции семиотической сущности денег.

Однако на экзистенциальном или эмпирическом уровне личного восприятия разъединенные люди оказываются не обеспечены адаптивными возможностями творческого прилаживания, и нет ничего, что способствовало бы творческой адаптации, в виде которой действовала бы "невидимая рука" управления, оказываясь не только рукой рыночной

торговли, и не только в смитовом варианте. Для Смита уход от другого был уходом от феодала как принцип свободы, а уход от более-менее равных себе был чем-то само собой разумеющимся, потому и не стоящим рассмотрения. В сегодняшних условиях проектная диссоциация, однако, есть высвобождение финансовых средств, тогда как ассоциация – их связывание, рисковое в меру определений срочности и целевых установок проекта. При этом деньги имеют естественную каскадную природу и представляют структурную компоненту товарно-денежной, или экономической, сети, а их ресурсное (включая игровое и товарное) связывание и высвобождение реализуется именно на сети знаемости, или социальной сети, где организация деятельностного процесса (разделение труда) под какую-либо проектную задачу, с одной стороны, имеет мотивом самоценность в тщеславии (или в пестуемом О.Григорьевым "иерархическом инстинкте"), с другой – в надстраиваемой над этим тщеславием системе смыслов и значений этой деятельности, формируемой и создаваемой как часть семантической сети (культуры), сферой масштабного производства в которой (а значит, аутентичных проектных мотиваций) оказываются media. Такая интерпретация на введенной ранее типологии общественных подсистем позволяет выйти на макросоциальное представление об источнике проектной деятельности, а значит, осуществить достаточно широкий подход к особенностям осуществляющего ее человека.

Артем Генкин в своей книге "Частные деньги"[91] со ссылкой на Эдвина Ригеля отмечает, что "*деспотичная эмиссионная монополия государства – это или тотальный контроль, или разорение частных предприятий и инфляция. Эмиссия в руках народа – это демократический контроль над правительством и качеством его услуг*". Если следовать этой максиме, то новый проектный человек, черты которого здесь намечаются, есть владеющий деньгами и их культурой на правах неотъемлемой собственности вслед за прежней формой их государственно-монополистической собственности. К тому же он идет дальше контроля над "правительством", под которым обычно понимается государственное правительство в рамках старого фундаментального вопроса о том, как же в рамках безусловно благой демократии обеспечить контроль "паствы" над "пастырями", особо

[91] Издательство "Альпина паблишер", Москва, 2002 г.

нужный в период тягот и кризисов – как раз тогда, когда "паства" превращается в "овец", а "пастыри" – в "волков", тем более неизменно начинающих видеть себе подобных в качестве корма, а не объектов защиты, в условиях дефицитов и хозяйственных неурядиц[92]. Только тогда проектный человек (он же "трансцендентальный", он же "гельветический") становится массовым и снизу-растущим, не боящимся развала крупных социальных монстров наподобие корпораций или самого государства. И, конечно, человеком, способным в рамках такой культуры к свободному развитию, прежде всего – самого себя, в конечном итоге – ради всеобщего блага, не только лишив тем самым государство последнего и главного морального оправдания собственного существования (ибо гражданин некоторых полугосударств – уже эмпирически правоспособный к вооруженности), но и криминализируя саму государственную власть как покушение на эгоистичную и заведомо ведущую к деградации общества узурпацию власти. Вместе с тем, именно такие деньги и открывают, собственно, экономическую дверь в республику как мир альтернативы государству. На сегодняшний день все, похоже, еще проще: тот, кто игнорирует "широкую масленицу" частных денег, рискует начать изучать регулирование общества, включая денежное обращение, исключительно по шариатскому праву, причем в наиболее радикальных его формах.

В принципе, то, о чем идет речь касательно мощности множества денежных значений в книге "Возможность управления...", вполне ложится на идею Ригеля о том, что ничто иное, кроме акта продажи, не является [подлинным] средством обеспечения денег. В его же понятиях прекрасно объясняется и государственно-монополистический капитализм – как сжатие денежной массы государством вокруг своих собственных задач хозяйствования и

[92] И эта неизменность представляется О.Григорьеву как некий (восходящий к чему-то термодинамическому) непреложный социальный закон, от чего он с сокрушением говорит, что демократия, как состояние широких социальных прав и свобод, скорее, зависит от экономических возможностей их обеспечения, нежели, наоборот, сама является в каких-либо своих аспектах условием хозяйственного благоденствия. В некотором смысле его посыл верен: если под демократией понимать лишь набор прав "в известном смысле", апеллируя лишь к овеянному авторитетом "научному стандарту" ее понимания, не проявляя при этом демократизм научной инициативы, и ограничиваясь лишь этим в решении задачи ее построения, как по методологии, так и в смысле развития (неужто способность демократии как формы политического режима к развитию – большая новость для "диалектиков"?), и не учитывая способность и право народовластия к присвоению и разрушению всех факторов, препятствующих собственному существованию, то, конечно, предпосылая зависимость, в итоге получаем не только зависимость от экономики, но к тому же – иллюзорное бытие "сущности-без-необходимости", достойной презрительного игнорирования с позиции "научной трезвости".

организация деятельности всего общества под них; однако эта его хозяйственная деятельность обнаруживает свою исторически косную суть всей системы управления, ориентированной на производство и воспроизводство военно-промышленной дубины, товарная отдача от которой – разрушение, а потому и возврат денежной по сути экономики к государству – движение в сторону, в конечном итоге, наиболее радикальных форм и средств разрушения.

Между тем, ригелевская направленность в сторону "демократии частных диктатур" встречается с бескомпромиссным и, на поверку, весьма замысловатым в своих форсайтах, нарративом "нового марксизма", взращенного в спартанских баталиях с иезуитизмом постмодернистской вседозволенности. Не говоря про то, что "частные деньги" ставят под вопрос не только государственность, но и сам феномен налогообложения, рецепция "аутентичного марксизма" способна допустить такие частные деньги лишь в том случае, если они будут способны упразднить частную собственность. Если обращаться к самому началу книги Генкина, то ни о чем ином, как именно об этом, он по сути не пишет, когда в самом начале своей книги говорит о наследии Гезеля и преимуществах, получаемых от его предложения различными экономическими агентами. Кроме того, в рамках марксизма задача – не упразднить, или "умалить государство до состояния слуги" по Ригелю, а позитивно упразднить его, то есть уничтожить. Но это же, определенно, есть большой камень в огород неоекономической распределительной концепции денег: распределение денег с протосклада здесь выглядит не как "дообменное" состояние, а как редукция обмена. Еще одна идея Ригеля хорошо ложится на представленный ранее в "Возможности управления..." постулат о деньгах как дизайне коммуникативной среды: задача денег – облегчать обмен, а не влиять на цены; действительно, цена и ценность определяются задачами "реального мира жизненных сред". И, действительно, если мир универсален в своих основных формах разного масштаба, то это значит, что ресурсный дефицит здесь представляет хоть и важную, но не первостепенную, и неплохо разрешаемую, проблему[93].

[93] Для неоекономики он даже способен выступать условием богатства и фактором запуска процессов торгового обмена в странах, его испытывающих.

Природа банковской эмиссии также объяснима в ригелевских терминах: действительно, если делить деньги не так, как это делает Григорьев – на потребительские и торгово-финансовые, суть единые и различные лишь в их функции, а на "государственно-политические" и частно-банковские или лично-общинные (запрещенные к эмиссии для граждан), то, действительно, частным банкам ничего не остается, как обеспечивать виртуальными деньгами торговлю и производство в виде накрученных нулей (которые им ставят в вину разоблачители из мультика "Дух времени"), недополучая деньги от руководствующегося своими соображениями госрегулятора (в России начала XXI века это Центробанк, подчиненный правилам сомнительной международной конторы "Банк Международных Расчетов"), зависимого в системе конституционно-монархической "(ир)рациональной бюрократии" от прочих госконтролеров лишь номинально, и способной для избавления от такой зависимости в любой момент апеллировать к конституционной зависимости государства Россия от международных обязательств. Международные права, договора и обязательства обозначены в ст. 15 п.4, ст. 17 п. 1, ст. 46 п. 3, ст. 62 п.1-3, ст. 63 п.1-2, ст. 67 п.2, ст. 69, ст. 71 к), ст. 72 о), ст. 79, ст. 80, ст. 85 п.2, ст. 86, ст. 106 г), ст. 125 п. 2 г), п. 6. Деньги упоминаются в ст. 71 ж)[94], ст. 75 п.1[95], ст. 106 в), ст. 114 п. 1 б)[96]. Действительно, если эмитент – сам заемщик (а право на таковое есть не иначе, как условие гарантии экономической свободы личности), то и процент как "плата за монету" не только теряет смысл, но и становится грубым нарушением основного закона. В этом смысле возможен пересмотр марксистской концепции отмены денег, по крайней мере, в направлении признания стадиальности такой отмены, предполагающей последовательную частную и личную их эмиссию, которую также предстоит обстоятельно разделить. Соответственно, именно трансисторических агентов (см. раздел "Гипотеза о группах "общественного иммунитета": три в одном в элитологии") предлагается рассматривать субъектами макросоциального проектирования, разновидностью которого, в свою очередь, предлагается рассматривать стадиально-формационные концепции (в первую очередь –

[94] Здесь обозначено право государства определять основы ценовой политики.

[95] Здесь – про то, что единый и неповторимый для страны рубль может быть эмитирован лишь Центробанком, при этом эмиссия иных валют не допускается.

[96] Здесь – про то, что государственное правительство России "обеспечивает проведение в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики".

марксову), как лежащие на непростом методологическом стыке проектной и прогнозной видов деятельности, акцентирующейся на мире необходимого – в одном случае, и мире возможного – в другом (начало этой темы в общем виде положено в материале "Несколько слов о связи проектной и прогнозной деятельности" в книге "Возможность управления..."); эти вещи, в рамках развития идей марксизма, прямым образом также представлены в книге С.Платонова "После коммунизма". В этом смысле в соотношении проектного и прогнозного обнаруживается самоопределение границ возможного и открывается поле творения системы права, доступной любому сообществу, освоившему эти различия, в качестве инструмента социальных координат ("социального стапеля") для достижения тех общих целей и желаемых перспектив, ради которых сообщества формируются. И в этом же смысле, следуя известной поговорке, валун (valun), действительно, становится оружием, только не пролетариата, а прекариата, гаражников-инноваторов и прочих субъектов "живого творчества народных масс". Дело в том, что призыв сделать деньги "частной собственностью" не нов и соответствует как неоэкономической концепции возникновения денег из задач их присвоения купцами – выходцами в Европу из великих империй Востока, так и входит в противоречие с уже обозначенным много кем (не только Платоновым) сворачиванием в мире частной собственности и капитализма, основанного как раз-таки на приватизированных по сути деньгах – с одной стороны, и закономерном в рамках этой системы процессе развития монополий – с другой, причем недопущение последних признано как раз контролировать государство, чем оно, в первую очередь, и объясняет собственную монополию на эмиссию. Когда деньги монополизируются в эмиссии, они приобретают модальность необходимого, становясь "законом" и "наукой", в своей же полицентричной эмиссионной форме они образуют пространство возможностей внеэлитаристического социально-инженерного творчества и прикладной технологии подлинно свободного человека. В общем, не исключая важности темы свободных денег и признавая их обоснованность, следовало бы с осторожностью относиться к их "частным" формам, не бояться "призрака коммунизма" (разве что вульгарного, но таковой не есть коммунизм) и признать, что в этом смысле нужно что-то еще. Отчасти об этом достаточно осторожно говорится в предыдущих двух томах касательно потенциала криптовалют.

Но здесь возникает еще один общетеоретический вопрос: если по Ригелю и Генкину государство есть частная, девиантная и отъемно-паразитарная форма общественного управления, а не их (по-любому социобиологическая) изначальность, как то утверждает Григорьев, то какова этиология уже этой социальной болезни – куда более длительной, нежели капитализм (рассмотренный в первом томе как "хроническая болезнь" человечества)? Вот только не надо здесь рассказывать про альфа-самцов в обезьяньей стае, методах армейской субординации и прочих общеизвестных вещах. Государство сегодня – в той же мере орфанное заболевание, как хвост у homo sapiens, только широко распространенное, и все более ощущаемое в качестве такового. Дискуссия на тему того, как это есть в истории, как правило, имеет большое поле аргументов в ту или иную сторону, но не дает однозначных свидетельств того, что иерархия, будучи широко распространена в животным сообществе и являясь чем-то почти всегда непреложным для стадных животных, переходит в степенную форму государства, имея, тем не менее, некий, очевидно бывший в истории, предшествующий догосударственный общинно-родоплеменной этап, предполагавший иерархию племенной знати или старейшин (с хитроумной регламентной системой инициации, исключающей произвольное или насильственное получение "высшего звания" вплоть до преклонных лет[97]), но не предполагавший отъемно-насильственной иерархии, возникающей, как известно из формационного подхода, вследствие имущественного расслоения, сиречь формирования неких доденежных экономических дисбалансов. Как известно из того же формационного подхода, "государство возникает там и тогда, где и когда возникают классы", а вовсе не внеэкономические сословия, в том числе "сословие старейшин". Здесь – некая загвоздка, поскольку, во-первых, именно деньги – начало таких дисбалансов (по неоэкономической теории), но они уже есть признак государства, вроде как зачинающего самое деньги; а во-вторых, получается, что отъемная иерархия в обезъяньем стаде и таковая в государстве оказывается опосредованной этапом социальной эволюции, не предполагающим таковую. Найдется немало охотников мне возразить, что в этой логике многое напутано, но эта путаница – лишь агрегированное

[97] На сей счет предлагаю перечитать подробное изображение процесса в книге "Кенийское сафари" журналиста-этнографа С.Кулика. Изд. Мысль, Москва, 1976 г.

изложение того, что преподается много где и кому разными учителями истории в разрозненно-непротиворечивом виде[98], и либо общинная форма бытия общества являет собой не реализованную в своих устойчивых видах параллель протогосударственным системам, либо мы плохо знаем о мире этих форм и возможностях их генезиса.

Следует сразу отличить свободную банковскую деятельность (СБД) от системы персональной эмиссии, о которой идет речь здесь и ранее – действительно, эмиссия банками для персон вполне вписывается в систему капиталистических отношений, но ее никак нельзя назвать личностно ориентированной – при том, что, в отличие от иных персон XIX века (главы банка Англии Дж.У.Норманна) частнобанковская эмиссия вовсе не обязательно должна вести к мошенничеству, и даже наоборот, скорее она способствует предпринимательству. Хотя для государства она скорее всего будет представлять угрозу – в первую очередь, как источник сепаратизма. Кредитование общества личностью (право такого кредита) есть не иначе, как доверие самого общества своему члену (представляющее, пожалуй, самое главное, исходное, общественное благо, связанное с категорией и презумпцией возможности будущего существования), коему подчинены все прочие – в противном случае таковым основным благом оказывается доверие выделенного из общества социального подмножества всему остальному обществу в лице его усредняемых членов (которое это подмножество, в силу отождествления с реальностью, закономерно и едва ли не всегда считает "untermensch"), основанное на презумпции насилия. Важным моментом здесь оказывается то, что абсолютизирующая элитаризация ведет к увеличению гомогенности внеэлитной структуры общества и снижает его адаптивные способности.

Вопреки мнению М.Лонгфилда (1840) насчет СБД, при спаде торговли в случае персональной эмиссии личность будет заинтересована деньги не эмитировать, а получать – при росте (ибо будет платежеспособный спрос на ее труд), и эмитировать доверие обществу, возлагая надежды на его институты жизнеобеспечения – при спаде торговли. Собственно СБД и

[98] Многие ученые-историки вполне могут признавать противоречие диалектическим двигателем исторического процесса, но едва ли каждый из них способен признать таковыми противоречия внутри его собственной научной картины мира, особенно если тезисы – члены противоречия представлены некими общими местами познавательных установок.

эмиссионное действие личности отождествлять не корректно, поскольку именно личность является первичным носителем этики, категорией которой является доверие, все остальные проявления коей от нее производны и надличностны. Однако риск такого отождествления всегда имеется именно в силу давней и тривиальной капиталистической хитрости ухода от персональной ответственности, именуемой "юридическое лицо"; в этом же смысле, но с другой стороны, такой риск связан с тем, что банк всегда так или иначе ассоциируется с его владельцем несмотря ни на какие ухищрения такого рода – если это, конечно, не такой банк, акционерный капитал которого сильно размыт; однако в случае СБД именно такие банки и не рассматриваются. Между тем, это различие юридического и физического лиц также содержит хорошие аргументы в пользу фундаментальной разницы частной и личной собственности, и оно же означает, что порядок регуляции систем СБД и систем персональной эмиссии должен быть разным, когда речь идет об особом порядке регуляции денежной массы с макроэкономической пользой.

Предоставляя кредит обществу и "покупая до продажи", личность способна вернуть ему лишь свой труд. Однако сам по себе труд не гарантирует ценности его плодов для других членов общества – он может быть "мартышкиным" или представлять в качестве плодов "медвежью услугу". А потому всякий трудоспособный кредитор общества может вернуть благо также по схеме "минимум затрат при максимуме эффекта", что стимулирует его к инновациям и приверженности к максимальной рутинизации трудовых процедур. Ибо всяко заинтересован в бытии по "эффекту штанги".

Государство как эмитент считается у инвесторов достойным в своих обязательствах обеспечения, но это обеспечение мнимое, когда речь доходит до возврата долгов: суть государства не в том, чтобы кому-то что-то отдавать, особенно в лихую годину, а совсем наоборот: отнимать и распределять, отдавая лучшее "лучшим своим представителям", которые тем лучше, чем выше стоят на иерархической пирамиде. А потому вкладчик в гособлигации напоминает чем-то муху, летящую к липучке: доверие к государству существует лишь в меру его бытия лучшим общественным институтом и восприятия его в качестве такового. Но с какой стати прилично одетое хамло – лучшее? Лишь с той, что оно уникально. И в этом случае

нельзя не согласиться с Хайеком. Равно как с тезисом А.Генкина о том, что современный копробог деньги (этот термин весьма уместен, поскольку, согласно средневековому эпитету, деньги есть "дерьмо дьявола"; справедливости ради стоит сказать, что древние схоласты едва ли в полной мере сами понимали позитивную природу денег) есть табуированная и малопонятная вещь даже для самых образованных людей на начало XXI века. Вместе с тем, радует то, что иной раз оказывается возможным обнаружить близкое здесь излагаемому у весьма многих людей, говоривших о необходимости создания денег в качестве инструмента свободы. Часть авторов высказывают в обоснование своих концепций частных, личных или антидолговых денег аргументы, по своим изначальным интуициям близкие к тому, что было отмечено касательно природы их происхождения – в частности, "антидолговая ассоциация" из США, призывающая к обеспечению денег дорогами и мостами, что отчасти подкрепляет тезисы насчет "жетонов логистического доверия", функционирующих на уже имеющейся транспортной инфраструктуре.

Как все эти наработки и очень близкие автору этих строк позиции соотнести с курсовой разницей валют и ростом налогооблагаемой базы предприятий? Как будет выглядеть курсовая разница (если она будет существовать вообще) в условиях системы персональной эмиссии? В каких условиях персональная валюта становится сильна или слаба, если эти понятия вообще здесь применимы? Курсовая разница определяется политикой Минфина, наполняющего бюджет поступлениями от предприятий, заинтересованных в низком курсе (то есть в слабой валюте). Ликвидация государственных денег ликвидирует и само государство, и "крупные предприятия", но это не значит, что обязательно должна быть ликвидирована глубина разделения труда (дифференциация деятельности), поскольку здесь речь идет именно об ином принципе формирования разделения труда, характера его углубления и возникновения вообще, то есть об ином принципе общественного устройства, где существенную роль играет срочность самой такой разделенности и углубленности. А потому отсутствуют основания для самоценного существования самих "крупных предприятий" – организационных монстров, отчуждающих знания и квалификацию людей в пользу "знания фирм". Совершенно иным является "союз малых групп",

имеющий вид ячеек Бенара, по сложностным порядкам и дифференциации деятельности не уступающий корпорациям – коммерческим проекциям государства, обираемым им в первую очередь ради бюрократов первого ранга – чиновников и государственно-дотационных паразитов, чуждых творчеству и живущих по указке – того самого агрессивно-послушного большинства, что способно проголосовать за любого диктатора, и не знающего иных интересов и целей, кроме диктуемых их жалким мирком, определенным тем же государством и предписанным к почитанию.

Примеры разных авторов идей частных и личных денег, которые рассматривает А.Генкин, совершенно не свидетельствуют об их обращении к фактору государства как источнику определенных последствий в случае, если оно остается не у дел, когда деньги оказываются подлинно народными, а также об учитывании сопровождающей ситуации социального конфликта и сопротивления не только государственной системы, но и всех тех, кто ее ценит и отождествляет себя с ней. Что не может быть отброшено, будучи очевидным и первейшим риском. Поскольку государство как регулятор жизни людей оказывается не только не нужным – становится видна его преступная сущность; а значит, соответственно вырастает и острота гражданского конфликта. Проблема разгосударствления денег и есть проблема отказа от государства.

***

На страницах книги "Частные деньги" А.Генкина известная идея "денежного товара" (или денег как особого товара) если где и использовалась, то была абсолютной, или дискретной, а не градиентной. То есть в рамках весьма близких излагаемому в этих книгах концепциях денег не встречалось рассмотрение ситуации, когда в одном случае некий предмет или продукт в сообществе больше котируется как товар, а в другом – как деньги. В этих концепциях предмет или продукт рассматривались либо как то, либо как другое с учетом того, что они когда-то таковыми стали, хотя постоянно приводились примеры, указывающие на такую градиентную возможность: то шотландские "деньги-гвозди", то функциональные валюты Найшуля, то параллельные валюты Блана. Ни у Маркса (Т-Д-Т´), ни у Григорьева (Д-Т-Д´), ни в ранее обозначенном мной объединении товарно-денежных транзакций в "граф экономической сети" не было указания на возможность такой

градиентности, то есть указания на то, что некоторый квант ценности может переходить из статуса товара в статус денег и обратно (подобно тому, как в собственно графе в некоторых случаях вершины и ребра могут быть инверсивно интерпретированы). Здесь же предлагается рассматривать компоненты предметно-технологического множества (ПТМ), частью которого, безусловно, являются деньги, что ранее было рассмотрено, в их промежуточном статусе между бытием товаром и бытием деньгами[99]. Причем рассматривать их предлагается сразу с предпосылкой о том, что любое их положение между двумя этими статусами всегда направлено в одну или в другую маргинальную сторону, поскольку вся система "игр обмена" находится либо в какой-то фазе, либо в противофазе, своего бытия; и что собственно эта функционально-статусная направленность определяет динамику бытия предметности человеческих хозяйственных транзакций в отношении "ценность (спрос) – доверие".

Но необходимость введения подобного градиента между статусами "деньги" и "товар" возникает лишь тогда, когда возникает задача выяснения способов самоформирования экономического механизма снизу, то есть вне системы насилия, и в ситуации обрушения действующих макромеханизмов такой системы. Другими словами, речь идет о естественных условиях формирования технологического разделения труда, когда возникает задача переопределить статус торгуемых благ (а возможно, и некоторых не торгуемых), а возникает она именно тогда, когда прежние статусы оказываются шатающимися. То, что можно было бы здесь назвать "товарно-денежным градиентом", есть адаптивная фаза бытия "графа экономической системы" в период кризиса. Именно здесь обнаруживается начало того, что можно было бы назвать предпринимательским творчеством: привнесение денежного (собственно экономического) измерения в систему актуально данного ПТМ (будь оно естественными или искусственным[100]). Именно поэтому здесь я могу отметить еще одно собственное расхождение с О.Григорьевым: для меня жетонно-распределительно-государственническо-

[99] Подобно мандельбротовому примеру клубка зеленых ниток, когда предлагается обратить внимание на то, что находится между такими паттернами восприятия конкретного объекта, как "зеленая точка" – "зеленый шарик" – "клубок зеленых ниток" – "скрученные зеленые волокна" и т.п. Действительно, имея дело с масштабом как аспектом бытия, мы не обращаем внимание на промежуточные формы, которые возможно наблюдать между со-стояниями.

[100] См. раздел "История европейской техники и неокономика: к прояснению корней фундаментальной и комбинаторной экономик знания" книги "Возможность управления...".

идентификационная гипотеза происхождения денег не исключает и гипотезы о системном существовании аналогичных языковых средств для внегосударственнической, одноранговой, модели, поскольку и для одноранговых сообществ общим и неоспоримым местом является такая же задача идентификации "свой-чужой" ("мое-чужое"), а значит, и соответствующие средства ее решения.

Возвращаясь, однако, к товарно-денежному градиенту как условию предпринимательского творчества: если признавать такие сущности, как "товароденьги" и "деньготовары", то что они есть и как они появляются в смысле представленной выше семиотической концепции сущности денег как одноэлементного (однобуквенного) языка? Если рассматривать ее в свете инверсии товарно-денежных маргиналий, то получается, что нечто, стандартно идентифицируемое как встречаемый или воспроизводимый в своих цветографических и прочих сенсорных характеристиках объект может мыслиться как деньги в случае, если растет объем его денотатов, на которые он может быть заменен, а в пределе этот объем начинает представлять собой неограниченное[101] множество, тогда как счетность этого множества будет определяться способностью охватить весь объем ПТМ единым листингом как потенциально товарную массу.

С другой стороны, товарность такого объекта, согласно концепции семиотической сущности денег[102], будет определяться тем, что он окажется сочтен в качестве денотата средства обмена/распределения наряду с другими объектами, способными быть на него обмениваемыми в силу доверия к этому средству или принуждения к обмену, или отдаваемыми по факту предъявления кем-либо идентификатора в качестве "удостоверения". Если такая рядоположенность представляет объекты одной предметной категории, то имеется случай функциональной валюты.

---

[101] Или бесконечное, но лучше здесь было бы использовать именно слово "ограниченное". Собственно "бесконечность" такого денотирования есть свойство иных экономических концепций, поющих славу деньгам в их способности обменивать на себя все и вся. Видимо, считая себя гораздыми к таковому использованию денег, они, согласно логическому "принципу пьяницы", распространяют представление об этой способности на всех остальных.

[102] В категориях Дунса Скота индентификационно-жетонная гипотеза представляет концепцию денег в смысле первичности по времени, в отличие от их семиотической "первичности по сути". Обе они направлены на прояснение того, каким образом деньги первичны для человека актуальным образом, а удовлетворительная концепция внегосударственных (судя по всему, "республиканских" в рассмотренном смысле) денег должна прояснить, как они могут быть для него первичны в качестве подлинного блага, исключающего бытие источником несчастий.

Корень денежного насилия – в расширении товарности ПТМ и тотальном согласии с бытием всего и вся товаром. Особенно и прежде всего это касается личного оружия, используемого во внетоварной форме. Бытие товаром – это способность быть денотатом чего-то однотипного, но случайного и условного в своем выражении; нравственная пагуба здесь заключается в подмене множества сверхрациональной системности, выходящего за границы контроля, некоторой единицей, случайной в наборе ее свойств, в качестве значения которой обозначен максимум предметного множества, вплоть до того, что в это множество-значение включают саму подменяемую сверхрациональную системность[103]. Эта пагуба дополняется пагубой монополизации эмиссии денежного объекта "с конкретными свойствами" социальным подмножеством, вменяющим его прочим членам общества на исключительных условиях и под угрозой применения вооруженного насилия. Это как если бы деньгами были тетраэдрические объекты из шести ребер, и правом производства и распространения таковых обладала бы какая-то одна подгруппа в сообществе, запрещая всем прочим производить и неподконтрольно использовать тетраэдр как геодезическую основу природных форм трехмерного пространства, рассказывая сказки про необходимость "сертифицированной квалификации" для этого занятия, и про всякие опасности и "высшие кары", которые постигнут занимающегося производством таковых объектов самостоятельно.

Распространенной во многих народах нравственной максимой является признание того, что не все продается за деньги. Однако именно семиотическое понимание денег проясняет смысл этой фразы: действительно, продается (обменивается), пожалуй, все, что может быть оценено другим лицом, для которого это может быть востребованным или сочтено неприемлемым. Но разные вещи имеют разную меру, а значит, не все, составляющее предмет нашей жизни, может иметь единую меру, выраженную в случайном знаке (тем более спускаемую откуда-то с верха социальной лестницы, каковой параллельными церковными иерархами с наглым апломбом объявляется богоданным). Иначе говоря, не только не все

[103] Собственно, это и есть то, что монотеистические религии порицают как идолопоклонничество. Отрицание этого заносчивого распространения семантической технологии на все без исключения и нашло выражение в предании об изгнании торговцев из храма. О сверхрациональном см. книгу "Частично управляемое...".

меряется единой мерой доверия, но и сам факт предложения такой меры заведомо должен снижать доверие и к ней самой, и к тому, кто таковое предлагает. А значит, доверие многомерно как феномен человеческих отношений, развиваемо как фактор личности, то есть заведомо для отдельной личности поливалютно, а обнаружение и осуществление самого этого статуса поливалютности в обществе является признаком развития ее жизненного мира и здоровым условием успеха в социальной системе. Нельзя подменять реальность, выходящую за рамки человеческой жизни, которая ограничена смертью как своей единой и единственной мерой, случайной символикой, субституирующей и жизнь, и смерть. И сверхрациональное – выходящее за рамки полного человеческого постижения, но постигаемое частично и влияющее как на судьбу отдельной личности, так и на взаимоотношения людей. Именно поэтому общества, основанные на безграничной власти самопорождающихся капиталистических денег (отрицающих на определенном этапе самое капитализм) так нуждаются в медийном воспроизводстве ложных ценностей, затушевывая (или, наоборот, переакцентируя) подлинные меры человеческой жизни.

***

Далее – вопрос о том, что из себя представляют "деньготовары" – с одной стороны, и "товароденьги" – с другой. Еще раз: здесь рассматривается некая, в действительности признаваемая в экономической науке, ситуация, когда обычно говорят о бартере, начале формирования денежной системы или первичных формах обмена, но не признают за ней возможности бытия особым режимом достаточно развитой системы, свидетельствующим о ее адаптивной гибкости. В рамках нынешнего рассмотрения таковое промежуточное состояние предполагается как возможная норма, соответствующая особой экономической логике как более развитая. При каких условиях описанное градиентное допущение оказывается возможным? А также: возможно ли некое среднее устойчивое значение между товарной и денежной маргиналиями? И, наконец: чем оказываются товар и деньги в качестве таковых маргиналий? Что можно сказать точно – это будут не параллельные валюты, не денежные суррогаты и не квазиденьги в собственном смысле слова – нечто другое, но расположенное,

во всяком случае, в области внегосударственного, поскольку никакое государство не может допустить существования чего-то такого половинчатого, ускользающего от его контроля в категориях однозначной идентификационной соотнесенности. Более того, можно предположить, что рассматриваемая через такую дифференциальность система ПТМ-хозяйствования окажется более динамичной и развитой относительно дискретной товарно-денежной, также как множество логик неклассических значений (n-значных) оказывается развитием и усложнением классической двузначной дискретной логики. И в этом смысле обнаруживается ответ на вопрос о том, что есть товар и деньги в данном контексте: это не более, чем значения (собственно, статусные режимы), но не менее, чем предельные аутентичные значения экономической логики, а дифференциал промежуточных состояний между ними – семантический. Едва ли раньше экономика de re рассматривалась как логика значений (представленная в книге "Возможность управления..." идея диалоговой модельной структуры не в счет), но эта странная логика, кто бы и как бы ее ни строил, похоже, будет сочетать в себе три набора значений: помимо собственно товарно-денежного, она неизменно будет представлена алгедоническим набором ("хорошо-нейтрально-плохо") и одним из трехзначных истинностных наборов (1;1/2;0), поскольку любое экономическое решение так или иначе связано с ожиданиями и целями.

Насколько можно судить по двум курсам лекций, когда О.Григорьев сталкивался с подобными вещами, он не рассматривал их с позиции "особых значений экономической логики", а говорил о реципроктном (доденежном натурально-"дарительном") обмене, не имея в виду какие-то промежуточные – полутоварные или полуденежные – формы. В его логике подобное заведомо не может быть серьезным, ибо серьезные товарно-денежные отношения начинаются там и тогда, где и когда государство привносит в общество деньги, которые не есть товар, и потом, в ходе исторического процесса, этот самый товар возникает как экономическое измерение вещной предметности и действий человеческого вспомоществования. В рамках неоекономической логики нельзя быть "немножко беременной", а всякая промежуточность – либо реципроктный обмен, либо пустые фантазии.

Здесь, однако, возникает интересная ситуация: с одной стороны, деньги – это, прежде всего, *знак* особого, повседневного, экономического языка. С другой стороны, деньги – *значение*, которое принимает некоторый объект предметного или вещного мира, будучи встроен в логику экономических значений, ибо в своей потребительской ценности он торгуется. Эти два языковых аспекта едва ли можно назвать аспектами натурального и искусственного языков; неплохо бы задаться вопросом о том, в какой мере этот язык денег, будучи, безусловно, семантической и древней социально-инженерной технологией, является естественным, и в какой – искусственным: отношение статуса денег как знака вещей и труда – с одной стороны, и статуса денег как значения, принимаемого вещью (ракушкой, гвоздями, слитком или банкнотой) – с другой, также не могут быть объяснены через отношение объектного языка и метаязыка: это два аспекта одной и той же языковой реальности, не содержащей притом никакого противоречия (во всяком случае, видимого), но в первом случае речь идет о своеобразном синтаксисе, а во втором – о не менее своеобразной семантике, допустимой к существованию в виде дифференциала промежуточных значений (да и без такового она все равно будет семантикой). Проблема постижения природы денег во многом упирается именно в эту их витиеватую лингвистическую талмудичность. Дальше обнаруживаются иные примечательные аспекты денежной природы, и об этом будет сказано чуть ниже.

Из уже рассмотренных обстоятельств получается, что некий объект тем больше деньги, чем больше он знак[104], и чем меньше – денежное значение (когда сами деньги оказываются денежным значением при сохранении денежно-знакового статуса "на своем уровне", тогда речь идет либо о нумизматике, либо о деривативах). С другой стороны, объект тем больше проявляет свою товарность, чем в большей степени тем или иным способом он проявляет свое бытие в статусе денежного значения: частотой спроса, редкостью (в этом смысле нумизматическая ценность – исключительно товарная), ростом цены, диапазоном отраслевой или территориальной (включая межвалютную) спецификации спроса. Однако и в том, и в другом

[104] Кому бы то ни было: экономисту, не экономисту или неоэкономисту, знающему или не знающему что-либо о деньгах, имеющему тот или иной объем знаний о них и точку зрения на их природу, деньги первично даются как именно знак.

случае разница семиотического статуса относится к управлению одним и тем же предметным миром, или "системой вещей", и при этом не рассматриваются возможные случаи обретения этими вещами каких-то внеденежных значений или смыслов.

Какую, однако, картину можно наблюдать в случае с товаром (товарным статусом объекта): такую же или иную? Иную, поскольку, становясь товаром, объект из "системы вещей" этим становлением обретает товарное *значение*, а этим обретением – бытие *значением* денег. Причем в обоих случаях свое значение он приобретает не с производственной, а именно с финансовой позиции. При этом сумма свойств и качеств товарного объекта оказывается подчинена и управляется количественностью объекта денежного, серийность воспроизводства и однотипное рядополагание которого распространяет это качество на весь остальной мир. Именно поэтому деньгам чужда целостность мира, в который они приходят: они направлены против нее. Именно поэтому любой объект, становясь товаром, лишается своей способности бытия знаком прочих внутримирных форм и явлений, но прежде всего – знаком целостности мира, в котором он изначально возник. Он может приобретать вторичную функцию знака денег, за которые он был куплен, будучи статусным объектом потребления (как условная фиксация количественного номинала регалий относительной власти в сторону абсолютной, выраженная в товарной форме), либо функцию самореферентного знака утилитарного присутствия в некоторой проектируемой системе (возможно даже финансовой – если это система денежных операций или "финансовая схема"), для которой он куплен в рамках инвестиционных издержек, но этот последний уже не является частью экономической знаковой системы, для классического вида которой товар – это всегда означаемое, и никогда – означающее.

Итак, очевидно, что в первом случае (от денег к товару) снижается объем денотативного множества объекта, выступающего в качестве воспроизводимого знака, а также его серийный выпуск, или эмиссия (даже в случае, если дензнак – ракушки). Если при этом сохраняется его семантическая общезначимость, то объект становится сверхценным и приобретает черты регалии абсолютной власти, к коим относятся короны, клейноды, чуринги, а также прочие 3D объекты и цветографические

структуры, у которых утилитарная функция редуцирована до функции символической.

И здесь возникает необходимость введения еще одного семантического дифференциала, идея которого появилась у меня как некая "математическая игрушка" во время учебы в университете: это градиент идентичности знака своему денотату, определяемый между знаком иконического типа (знаком-копией), означающим структуру или функцию денотата (в пределе совпадающим со своим денотатом, то есть само- или рефлексивно реферируемым) – с одной стороны, и знаком-символом, минимально идентичным своему денотату (а также, в меру этой не идентичности – их разнообразному множеству) – с другой. Пространство этого "символьно-иконического" дифференциала представляет не иначе, как градиент "модельностей" как степеней абстрагирования реальности; здесь же берут свое знаковое начало пресловутые симулякры. Иначе говоря, модельность представляет позицию между чистой орудийностью и предельной знаковостью. Как орудие становится знаком – понятно (пример – те же коронационные мечи). Иное дело – обратное, так получается лишь в случае типичной знаковой функции управления; иногда, правда, это может быть буквально – когда металлическую букву ("Т") используют в качестве инструмента (молотка). Но знак – это, прежде всего, инструмент преобразования орудийного мира с помощью воображения. В этом же орудийная особенность символа, который посредством организации распространения плодов этой человеческой способности осуществляет функцию эвфемеризации (замены механических и ресурсоемких компонентов информационными), хотя символ – едва ли единственное средство осуществления этой функции.

Чем более абсолютизируется регалия власти, тем более она становится идентификатором источника высших санкций. Но возможна и другая ситуация, когда при снижении семантической переакцентированности как воспроизводимой количественной "меры обмена" одновременно уменьшается объем множества денотатов, ибо реально происходящее при этом – снижение или функциональная специализация доверия к денежному знаку – что специализированному в виде банкноты, что предварительно

выделенному наподобие "шотландских гвоздей", используемых в качестве денег.

Вернее даже в данном случае следовало бы говорить просто об "обезденеживании" статуса объекта, нежели о наделении его при этом сразу товарной функцией. Ранее в аспекте вопроса о пространствах речь шла о том, что и логистика, и экономический граф представляют лишь подмножества более широкой системы вещей и, хотя и управляют ею, но полностью не покрывают ее. А еще раньше шла речь о том, что введенная категория сверхрационального вполне соответствует современным "позитивным" научным понятиям вроде теоремы Геделя, принципа Эшби или "черного ящика". При потере своего денежного статуса объект[105], конечно, может превратиться в товар, но не обязательно: так, австрийская императорская корона как регалия является "национальным достоянием", но никак не товаром и не действующей регалией абсолютной власти. А что касается статуса венских клейнод, то он спорный, поскольку они оказываются символами духовной власти для более широкого христианского мира, нежели для австрийских католиков или тем более австрийских социалистов, но и в этом случае их статус никоим образом не товарный. То есть когда речь идет об обезденеживании объекта без обретения им статуса абсолютной регалии, он переходит в систему вещей как вещь среди вещей с плавающей модельностью: мир ПТМ, особенно если это мир повседневности, всегда представляет нам полусимвольные – полуорудийные вещи с различными дрейфующими на знаковом дифференциале позициями для каждой из них; обобщенное восприятие их агрегата и представляет источник расхожего понятия о культуре. Особенностью культуры капиталистической эпохи является то, что серийное промышленное производство представляет собой сублимацию денежной эмиссии, недоступную предпринимателю. Именно поэтому серийное производство продукции ориентировано на максимальную востребованность потребителем – так же, как у него максимально востребованы деньги. А потому именно этот мир оказывается полем выуживания маркетинговых решений, формирования брендов и позиционирования симулякров как товарно-потребительских идеалов, смыслом которых оказывается референция идентичности знака товарному

[105] Представляй он даже по своей природе информационную реальность (например, некий текст), тогда как деньги всегда информационны.

виду означаемого. И это системно-вещное измерение с разницей символьно-орудийных модельностей – то самое, где некоторый орудийный или утилитарно-функциональный объект может начать свое движение в сторону как товара, так и денег. Будучи товаром, он ориентирован на то, чтобы максимально, до семантического неразличия, сблизиться по своему статусу с деньгами, дабы потребитель обменял их как нечто желанное, но непонятное в сути и возможности использования, на сравнимо желанное, но понятное и очевидное в своей утилитарной функции (в меру относимости товара к той или иной "нише"). В случае товара он извлекается, воспроизводится и сбывается в соответствии с имеющимися или формируемыми интегрированными маркетинговыми коммуникациями спросом, завися от платежеспособности потребителей, насыщенности рынка и тому подобных условий. Иное дело, когда объект в системе вещей становится деньгами безотносительно к его товарному значению. Когда говорят о существовании таких денежных знаков, как ракушки или гвозди (патроны, банки с тушенкой, куски рубленого серебра, etc.), то обычно предполагается, что они когда-то *стали* такими, то есть прошли процедуру становления. Реже, когда задаются вопросами о том, в связи с чем именно, и почему именно был запущен этот процесс, то на первый обычно отвечают, что это связано с определенными свойствами объекта – его дискретностью, воспроизводимостью в достаточном количестве и хорошей квантируемостью (отмеряемостью), а на второй – что "так удобно". Но едва ли ставится вопрос (а также ищется ответ на него) – о том, почему такой воспроизводимый, дискретно-квантируемый и наличный в достаточном количестве объект становится деньгами как знаково-языковой сущностью. Справедливости ради стоит сказать, что такой вопрос все же ставится в облегченном виде: "почему объект становится деньгами?", и здесь как раз обычно возникает объяснение в смысле его особой товарности или принципиальной внетоварности, или редкости (то есть ограниченной эмитируемости, ведущей к нарративу о все тех же регалиях относительной власти и государственной изначальности денег). Это все известные вещи, закономерные в своей логике. Здесь же – вопрос о другом: как вещь, существующая среди вещей, или объект среди объектов, начинает расширять объем своих денотативных значений в семантической сети некоторого сообщества (оправданность чего, по мере расширения этого сообщества, на определенном этапе начинают оспаривать отдельные его

подгруппы)? Как в случае с процессом "от статуса денег", случай процесса "к статусу денег" может быть двояким[106]: как в процессе "от денег" возможен переход в товарность ("ювелирка") или во внетоварную категорию ("вне рынка"), так и "к статусу денег" объект приходит либо из внерыночной (внеторговой) сферы, либо из товарной, предварительно "монетизируясь", но впоследствии сам становится "монетой". С учетом "идентификационного" уточнения жетонно-распределительной, государственнической по сути, концепции денег, сюда стоит добавить, что в процессе "к деньгам" могут быть вовлечены все менее абсолютные копии регалий абсолютной власти, все более массовизируясь в деньги по мере того, как в них осуществляется "символизация второго порядка": на "дифференциале идентичности денотату" они теперь уже не являются более-менее жалкой копией коронационного меча, но лишь воспроизводят его изображение на монетном реверсе. Это важный аспект денежного семиозиса по григорьевскому типу. Но в более общем смысле интересен чисто семиотический аспект процесса превращения некоторого объекта в деньги безотносительно к тому, берет ли его идентификационная функция доверительности начало в государственной логистике или нет. И если рассматривать этот процесс в такой абстракции, то получается, что в общем случае некоторый товар или элемент ПТМ, с учетом отмеченных выше факторов воспроизводимости, квантируемости, дискретности[107] и достаточности, приобретает вид одноэлементного синтаксиса с расширяющимся объемом денотатов постольку, поскольку обретает расширяющийся статус идентификатора (критерия) доверия, а не просто предмета доверия (доверия к производителю или бренду), и не просто идентификатора чего-либо (например, последствий своего использования или существования или действия других вещей, с ним связанных). Будучи таковым, он создает и свою семантическую форму, и собственно статус критерия равноценности, который только и творит номинальную денежную количественность, тогда как четыре предыдущих фактора ее лишь обуславливают: действительно, нечто делимое, квантируемое, достаточное

[106] Это более точное название процессов, нежели "то товара к деньгам" и "от денег к товару", поскольку товар уже несет в себе платежное и денежное измерение и, в отличие от него, именно деньги представляют собой ключевую проблему и ключевую задачу.

[107] А не дискретность денег способна вести к эффектами типа частичного резервирования с дурной, причем масштабируемой, бесконечностью.

числом и многочисленное вовсе не обязательно становится деньгами. Каждый товарный объект стремится приблизиться к статусу денег (особенно в логике государственных денег), но лишь тот становится деньгами, который получает исключительную инфраструктурную функцию – либо реальную, как в случае с "шотландскими гвоздями", либо мнимую, как в случае с ракушками или теми же голландскими тюльпановыми луковицами, в своей органической способности портиться весьма напоминающими игровую порчу гезелевских денег. А потому здесь возникает еще одно условие превращения чего-либо в деньги: быстрое пользовательское обращение во внетоварной системе вещей. Так, патроны, стрелы или их наконечники становятся расчетным средством в условиях войны или долгой внеденежной охоты, но вне этих состояний их интенсивного использования они даже могут не быть товаром. То есть спрос и близость к денежному статусу товара определяется ситуационной (сюжетной) и каскадной (инфраструктурно-иерархической – как нефть, в меру ее монополизированности) востребованностью объекта системы вещей (ПТМ), на которую обратили внимание торговые агенты и наделили данный объект товарным значением. Между тем, важно понимать, что объект системы вещей, став товаром, всегда будет стремиться осуществить центрацию на функции денег – это свойство товара именно капиталистической экономики, и не факт, что в рамках всего, предлагаемого здесь для проработки в качестве альтернативных существующим факторов развития, любой товар будет осуществлять именно такую экономическую функцию.

Есть еще одна особая ситуация, когда объект или предмет (вернее, человек, им располагающий или в нем сведущий) сопротивляется своей "товарности": это тот случай, когда чего-то стоят деньги, а не когда что-то стоит денег. Таковыми раньше были не торгуемые станки, производившие самое серийность спектра допустимой в рамках их функции товарно (сублимативно-денежно) ориентированной продукции; и эти станки были главным объектом промышленного шпионажа. Потеря того, чего стоят деньги, чревата потерей конкурентного преимущества, но что здесь самое интересное в рассматриваемом знаковом смысле – серийная не воспроизводимость таких объектов, а значит – их близость статусу регалии абсолютной власти, за тем исключением, что эта абсолютность ограничена

лишь областью своего применения (допущений). В условиях немонополизированных денег здесь нет проблемы. Она возникает, когда подобный объект или предмет обнаруживается и входит в столкновение с монополизированными государственными деньгами или производными более низкого порядка – финансово-промышленными монополиями, и тем более быстро, чем более востребованным в отмеченном выше смысле и потребительски обращаемым оказывается продукт "объекта-которого-стоят-деньги": он разрушает монополию доминантных денег. Именно поэтому здесь особую роль начинают играть механизмы защиты, включая вооруженную (как с той, так и с другой стороны), а также контроль распространения информации. В случае "мультивалютных систем нижнего уровня" (на "верхнем уровне" – мультивалютность межгосударственная) этот конфликт не имеет актуальности. Именно здесь кроется подлинная сущность власти экспертов в веберовском смысле, когда экспертиза формируется востребованностью результатов запущенного проекта. С другой стороны, этот подход соответствует хайековскому представлению об уникальном знании участника рынка, но с акцентом на его личный и неотчуждаемый (уже в марксовом смысле механизма отчуждения) характер, и права личности защищать и использовать это знание как макроэкономический фактор развития в одноранговых системах хозяйствования.

Товар всегда тяготеет в сторону превращения в деньги, но в случае капитализма – с особой интенсивностью и открытостью. Быть товаром – значит стремиться избавиться от статуса товарности, стать деньгами, по крайней мере максимально приблизиться к ним – например, когда деньгами становится специализированный объект вроде банкноты или ценной бумаги, исключающей неспециализированные формы дензнаков. Как только такое приближение происходит до предела, товарный рынок сменяется рынком акций и финансов. В иных случаях имеет место лишь объект до его рыночных значений. Иное дело – когда его статус товарности дрейфует где-то в средних значениях: стремление товарности объекта к статусу денег снижается, когда он оказывается в целостной мультивалютной среде, работающей на принципе дополнительности, а не конкурентности. То, каким образом такая дополнительность возможна, еще предстоит выяснить.

Более наглядно проблемные и тривиальные аспекты рассматриваемых превращений представлены на приводимой ниже схеме, акцентирующей то обстоятельство, что "товарность" принадлежит "денежности".

Для презумпции равновесности (равноправности, и тут снова возникает категория баланса как лейтмотива "предустановленной гармонии" политэкономии, идущей от астрономических интуиций Адама Смита) следует вспомнить сказанное в рамках "идентификационного уточнения" о том, что жетон способен реализовывать доверие в обе стороны: доверие получателя к его предъявителю важнее не в меньшей степени, чем доверие предъявителя к получателю и предмету обмена. Ключевым предположением здесь является то, что источником денег может быть не только государственная регалия с геральдическим гильошем, но и сама система вещей, которая для любого человека и внегосударственна, и сверхрациональна. Как только трансцендентальный проектный человек поймет механизм или способ создания денег из системы вещей (ПТМ), он осуществит, пожалуй, главный после права собственности на личное оружие[108], шаг от гнета государства на пути к свободе. Поскольку первое уже реализовано в конституции США конца XVIII века, а второе должно стать, пожалуй, главным событием XXI века, разрешив при этом без преувеличения многотысячелетнюю проблему. Поскольку, как было предположено ранее, способ формирования экономической сети предлагается рассматривать в системе динамических позиций градиента между товарным и денежным статусами ПТМ, постольку важным здесь содержательным моментом будет

[108] Именно для того, чтобы по возможности никогда не иметь повод его применять и не обременять себя его ношением, имея в качестве удовлетворенного спроса на превентивное средство социального сдерживания.

понимание того, что некоторый объект или вещь, используемая в "полуденежном" статусе, одновременно способна оказаться "полутоваром". То есть не столько иметь торгуемую утилитарную функцию, сколько быть в одной степени – средством, в другой – предметом расчета. Едва ли не во всех нарративах о бартере упускается из вида именно этот момент – обычно говорится о прямом обмене товаров или продуктов. Именно потому то, о чем здесь идет речь, есть нечто иное, нежели собственно бартер. Особенно это важно, если рассматривать деньги фиатные и персонально эмитируемые, но при этом электронно управляемые.

В производных от системы вещей деньгах реализуется принцип частичного управления, и здесь же способен проявляться принцип диссоциативности любого предприятия. Конкретно это означает не только определенность границ пространственного действия, но и конечность по времени любой валюты как часть ее повседневного восприятия личностью (поскольку никакая эмиссия на абсолютна, как не может быть никакой абсолютной власти над людьми), но вместе с тем – равной же ограниченности любого проекта, под множество которых человек использует денежный инструмент.

Чтобы чего-то достичь, нужно артикулировать интенцию по факту прояснения картины мира, и реализовать virtus в ее направлении (кстати, еще одно место сверхрационального в системе позитивной науки). Таким образом работает механизм организованного творческого действия. И то, о чем здесь идет речь, вполне можно осуществить.

Важной новостью будет то, что специфика валют в их новом, не государственном, представлении, состоит в их не товарной, а проектной, ориентированности. Иначе говоря, то, что именуется товаром, оказывается подчинено внеденежным задачам производства какого-либо нового состояния человеческих отношений или предметно-технологического мира, а не дурной бесконечности расширенного воспроизводства. Здесь товарность не отрицается, но она получает иное качество. Аналогичным образом "республиканская нация" существует не только в меру своего республиканства, но и в меру того, что реализует некий проект, предлагаемый прочим общностям и востребованный у них. Будучи сверхзадачей или сверхбрендом, он представляет собой нечто иное, нежели

внутренне ориентированная "национальная идея", которую тщетно пытаются искусственно высосать из пальца разного рода политики (особенно российские) в начале XXI века, когда естественные механизмы самозамкнутого на собственные интересы государства-нации уже исчерпали свой ресурс, а новые механизмы глобального взаимовыгодного существования еще не сложились, хотя именно этот уровень человечество оказалось уже способно перерасти. В этом же смысле с точки зрения срочности следует оценить и кластерный способ взаимодействия экономик как разновидность такой сверхзадачи: не стоит переживать, что акции Nokia или датского мясомолочного кластера упадут. Уж если речь идет о глобальной системе разделения труда, то задачей международной братии, плотно сидящей за одним столом при наличии ложек с длинными ручками и единым блюдом с едой, становится кормление друг друга этими ложками, а не так, что каждый сам себя. Но для этого у каждого должна быть ложка и каждому должна быть дана возможность придумывать рецепты содержимого блюда. Но разнообразие рецептов не может появиться сверху – в республиканской нации срочная сверхзадача возникает в относительно низовой, но обеспеченной, среде – в этом и состоит ценность поливерсальности.

Нечто подобное произошло в XV веке в республиканской Флоренции, когда низовая относительно элит прочих стран Европы, но находящаяся значительно выше средних категорий в своей стране группа лиц запустила развитие научного компонента капиталистической эпохи на принципе "ассоциации разного" (тогда как государство – ассоциация унифицированного). Но даже эти люди, осваивая возможности денег и умело их используя, едва ли преуспели в изучении их природы, рассматривая их как дар и стремясь выйти за границы известного им христианского мира.

О пространственно-временном паритете хозяйствования

Позволю себе вновь коснуться ранее обозначенной темы пространственного обеспечения денег[109]. В продолжение ее рассматривается типология зон пространства как универсалий дизайна, способного проектным, а не научно-

[109] См. раздел "Спекулятивная гипотеза о деньгах в смысле времени и пространства" в томе "Возможность управления...".

прогностическим, образом (научная основа здесь как раз связана не с прогностической, а с объяснительной, функцией) преобразовать непосредственное присутствие человека в ландшафтно-географической среде в новом качестве. С другой стороны, излагаемое здесь имеет прямое отношение к некоторым недопроясненным вещам насчет соотношения организованных и неорганизованных сил природы в рамках неоекономического нарратива, и связанного с этими недопроясненностями вопроса о том, насколько внечеловеческие силы природы действительно не организованы полезным для него образом.

Рассуждение ведется на максимальном уровне обобщения для получения достаточно сильной абстракции от любых экономических коннотаций, почти сразу же образующих дихотомию "системы природы" и "системы действия". Здесь же, напротив, ведется разговор с позиции единства систем. Что нужно для представления основных критериев адекватного и продуктивного хозяйственного действия теми людьми, с кем связываются определенные надежды.

Этот материал вызывает двойственное отношение к нему самого автора: с одной стороны, он представляется чем-то небесспорном в смысле отсылок к историческому прошлому, с другой – столь важным, что нельзя было бы проигнорировать во избежание ненужной полемики. Иначе говоря, сомнения возникают из-за рисков "проектирования прошлого", каковых автору хотелось бы избежать ради научной добросовестности. Должен сразу уверить читателя, что, если он заметит таковое проектирование, то пусть считает, что сделано это не из лукавства-ради-истины а-ля "фейерабендов Галилей", но в качестве рабочей гипотезы о возможности существования альтернативы в прошлом, либо таковых аспектов прошлого, которые ранее не были усматриваемы в силу доминантных способов мировосприятия. Впрочем, какая модель прошлого небесспорна? Эти вещи еще Фауст Вагнеру объяснял. Также, по мнению автора, этот и два предшествующих раздела[110] представляют еще одни содержательные ворота в тему частных денег. Дальнейшее развитие этой темы связано с *гипотезой* о том, что именно отдельная, или обособленная, система частных денег является

[110] " Расширение распределительной концепции происхождения денег идентификационной гипотезой" и "Марксистские аллюзии на современный лад".

единственным фактором, создающим нацию как общность, существующую на республиканской цивилизационной основе, в отличие от нации, существующей на государственной конституционно-монархической (и, далее – государственно-монополистической тоталитарной) основе, где деньги (как было рассмотрено выше) существуют в их исторически перверсивной форме. Она методологически оказывается проекцией в науку проектной деятельности как альтернативной научной и, вместе с тем, взаимно потребной в ней. В этом новом смысле правом нации на самоопределение оказывается право некоторого человеческого сообщества на негосударственную эмиссионную деятельность независимо от других "частноденежных" систем, запускающую автономные механизмы хозяйствования, в условиях проведения самостоятельной политики внешних связей. Такое решение о самоопределении не может быть следствием произвола, поскольку затрагивает всех участников группы, ориентированных на понимание выгод от перехода к новой системе расчетов, осознанной оценки ее популяционной достаточности и экономической жизнеспособности, а также невозможности пребывания в прежней эмиссионно-денежной системе. Область хозяйственного действия нации как область локального доверия ограничивает территориальное присутствие республики, однако именно здесь оказываются нужны иные такие нации-республики, которые позволили бы работать множеству экономических автономий в качестве системы взаимодействующих территорий. Открытость другим нациям-республикам обусловлена как раз неабсолютностью источника денежного инструмента, или десакрализованностью денег, действующих в актуальном локусе для актуального сообщества человеков (а не людей, ибо налогообложение, или полюдье, здесь оказывается делом конвенциональным и случайным)[111]. Именно тогда оказывается возможной

[111] Именно в аспекте такой десакрализованности денег вопрос Гэллэтина о том, должна ли природа частных денег представлять собой необусловленную личную эмиссию или все-таки обусловленную общими правилами, не лишаясь своей фундаментальной и глубоко укорененной в социальных последствиях этической значимости, также переходит в разряд инструментальных, а потому получает однозначный ответ в пользу обусловленности: любой инструмент, связанный с благополучием других людей или с опасностью для них, в своем применении так или иначе обусловлен правовыми рамками: в первую очередь это касается оружия (а также всего того, что может быть использовано в качестве такового), задающего рамки демократического мира. Что касается денег, то их статус инструмента общения тем более предполагает обусловленность эмиссии хотя бы своей непосредственной инструментальной логикой, и если общество мыслимо как организм, то ничто, соответствующее его здоровому состоянию, не может в нем расти бесконтрольно и произвольно. Иное дело, что сам этот вопрос как проекция более общего вопроса о соотношении двух фундаментальных способов общественного управления, в принципе извечен.

автоматическая коррекция верхней границы эмиссии (и сверхэмиссии) в том смысле, как об этом говорит Вера Смит (являющаяся, однако, сторонницей централизованной эмиссии). Итеративный массовый возврат к этой теме столь же необходим, как отмечавшийся ранее возврат к теме революции. При этом важно, чтобы вопрос о доверительностной природе денег был столь же очевиден рядовым гражданам, как и прочие идеи целей социальной революции. Именно потому эти вещи нужно преподавать со школьной скамьи (в меру способности оной существовать в системе развала обществ индустриальной эпохи) вместо муторного шарлатанства "финансовой грамотности".

За гипотезой о "свободных деньгах" как факторе формирования общества локального, но открытого и динамичного в своей самостийности, основанного на декларации рационального условия собственного существования, следует еще одна *гипотеза* – о том, что статусно-миметическая мотивация естественного человека в отношении денег, связанная с неограниченными затратами своего времени, может быть изменена мотивацией творческого самоосуществления в определенном, но почти не ограниченном по возможностям присутствия, пространстве социального действия, где любая затрата времени обусловлена ее срочностью.

Многое из того, что говорилось ранее о негосударственных деньгах (прошу заметить, весьма осторожным образом и с оговорками), в своем пафосе весьма соответствует тому, к чему призывал Ф. фон Хайек. Однако Хайек не рассматривал частные деньги как собственно конституэнту нации – ассоциируемую в той же степени процедурной легкости, как и диссоциируемую – в зависимости от того, обеспечивает ли этот общественный механизм составляющим его человекам здоровую жизнь, и не говорил о том, что самое нация может быть рассмотрена в некотором альтернативном смысле относительно того, что уже известно под этим понятием. Справедливо ведя разговор к идее абсурдности национального государства, он не давал именования и определений иным управленческим институтам, составляющим контекст существования частных денег, справедливо отмечая их в качестве краеугольного института новой жизни, развенчивая обывательские стереотипы и страхи. А потому и не мог

рассматривать нацию как по сути создаваемую единой системой знаков доверия ("эмблем сообщества") общность безотносительно к ее этничности (берущую свое начало в университетской общности), предупрежденную от мутации в "национальное государство" доминантой республиканских принципов управления, а не как что-то незыблемое и требующее вечного служения. С другой стороны, потому и наблюдается на вторую декаду XXI века мутация США в сторону "подлинного государства", что даже при таких средствах защиты ее полуреспубликанства, как избирательность на всех уровнях, высокая мобильность населения и надзаконная обеспеченность его оружием (прежде всего, исторически – в целях свержения узурпаторов), заложенных отцами-основателями, а также существование беспрецедентных феноменов самоорганизации американского гражданского общества вроде militia movement или tent/tiny housing/village movement[112], такой существенный компонент этого формата цивилизации, как частные деньги, не разработан и не введен в действие (история денег в США – это большой приключенческий роман социальных экспериментов), а потому и система гражданской самоорганизации на их основе если и возникает, то сразу же оказывается или сомнительной с точки зрения своей легальности (относительно слова "федеральный"), или пребывающей в пространстве государственных денег. Между тем, экономическая свобода – это, прежде всего, свобода доверительных финансовых транзакций. Говорить о социальной реформе столь грандиозного масштаба, центрируясь лишь на одном, пусть и наиболее существенном, аспекте социального доверия, невозможно хотя бы потому, что это доверие также относится к своему денежному языку, как мысль к выражающему ее языку натуральному: язык – ограничитель мысли или доверия в той же мере, в какой он есть ее или его выразитель, а потому сосредоточение на буквализме денежного языка позволяет легко впасть в заблуждение и начать считать его смыслом долг (налоги), тогда как этот последний выступает postfactum доверия как его изначального смысла, способного иметь весьма разнообразную структуру. Кроме того, нельзя говорить о целостных изменениях в обществе, рассматривая его одномодельно или узкомодельно, то есть не учитывая

[112] Этот пассаж – к реплике неоэкономического эксперта и по совместительству эксперта российской Общественной Палаты А.А.Виноградова насчет первых послечаушесковских румынских протестов и того, что даже в США происходят "мутации в стационарного бандита" (http://neoconomica.ru/article.php?id=569). Вот только Неоэкономика в сторону частных денег и альтернатив государству, похоже, даже смотреть не хочет.

возможность противоречия с актуальным состоянием структур, сопротивляющихся изменениям.

***

Однако есть и еще одно соображение: прежде, чем говорить о разделении труда, в какой бы системе денежных отношений оно ни углублялось, до акта этого разделения так или иначе существует представление о функции, действие выполнения которой (а функция, собственно, и есть ничто иное, как "действие выполнения") задает способ существования пространства. А потому то, как будет некий локус усложняться в смысле человеческой деятельности, зависит от того, какая система пространственного зонирования будет предпослана в изначальном замысле – в противном случае получаем все ту же суету и аврал, все творчество в котором сводится лишь к тому, насколько выделяемые в этом аврале самообразующиеся аттракторы и реперные точки соответствуют выпуску продукта всего этого действа в платежеспособное распоряжение иных лиц.

Именно поэтому важным этапом оказывается увязывание представлений о "пространстве хозяйствования" с наиболее интересными рассмотрениями этих же вещей с точки зрения обобщенной исторической эмпирики. Зная о моих поисках в этом вопросе, мой добрый друг Николай порекомендовал ознакомиться с "логистической теорией цивилизаций" авторства И.Ю.Шкурина, основы которой изложены в соответствующей брошюре[113] и которую я нашел оригинальной и гениальной по лаконичности и красоте концепцией. В целом, согласно этой теории, само понятие цивилизации связывается с эмпирически подтверждаемым образованием системы городов, имеющих транспортно-логистические связи обмена ресурсами, тогда как собственно натуральное (первобытнообщинное) хозяйство определяется как современное ему изолированное и самодостаточное ("обломовская деревня" в смысле О.Григорьева), а варварство (в рамках этой логики) – как переходный процесс формирования цивилизации на почве натуральности. В этой же теории акцентируется открытое логистическое пространство транспортного маневра моря-океана (с фактическим максимумом степеней свободы) и (фактически каскадно-линейные) каналы

[113] Игорь Юрьевич Шкурин. "Основы логистической теории цивилизации. Издательство". Изд. «Спутник +», Москва, 2013 г.

коммуникации рек в свете тезиса о том, что на сушу цивилизация приходит с моря, но через устья рек начинается специфическое освоение ею пространства "твердой" земной поверхности.

Потому возникает задача увязать логистическую теорию цивилизаций Шкурина с представленной выше идентификационной концепцией происхождения денег как уточнением жетонно-распределительной концепции Григорьева, а также – с ранее представленным набором четырех сетевых подсистем (семантической, социальной, экономической и образующей "систему вещей" предметно-технологической[114]), образующих универсум "человейника"[115] как социального организма. А потому возникает еще один вопрос – о том, к какой из них относится цивилизационно-логистическая сеть, на первый взгляд претендующая также на объяснение каскадной структуры государства, выстраивающего людей в социальном и физическом пространстве ресурсно-иерархическим способом, создающего основу того, что известно под (ир)рациональной бюрократией, с которой лучшие умы современности не знают, что делать: то ли радикально от нее избавляться, то ли заставить неким хитроумным образом работать на общественное благо[116]. Однако именно такой контекст оказывается способным связать абстрактно-логическое пространство ресурсно-доверительной пирамиды пищевых цепочек с условиями движения в конкретном физическом пространстве ресурсно же заинтересованных людей, игнорирующих интересы отдельных самодостаточных сообществ и подчиняющих их собственным интересам, создавая все то, о чем шла речь ранее насчет складов, жетонов доверительной идентификации и тех человеческих отношений, что известны под названием "экономические". Но дело в том, что сами эти отношения к транспортно-логистическим не сводятся, ибо всегда есть заведомо нечто большее; в этом смысле не случайно, что логистические знания сегодня рассматриваются как часть более широкой экономической науки.

[114] См. раздел "Естественность социальных структур и экономическая герменевтика" книги "Частично управляемое...".

[115] Сатирический термин А.Зиновьева, представляющийся в свете этого ряда понятий не только весьма удобным, но и вполне научным.

[116] О чем, кстати, не говорится в брошюре И.Шкурина, поскольку посвящена она несколько иным вещам, но с чем весьма близко соприкасается.

С одной стороны, логистическая, или транспортно-складская, сеть вроде бы относится к товарно-денежной (но дороги являются собственно товаром лишь в определенном смысле метатовара, или инфраструктуры, для превращения в товар всех иных продуктов); с другой – к системе вещей; с третьей – к ним обеим; с четвертой – ко всем четырем, включая семантическую и социальную, будучи связанной с системой культурных значимостей (включая предметно-технологические и те, что относятся к "производственным отношениям"), а также условий и поводов межличностной "знаемости". Как тут быть и куда определить логистику, столь богатую в своих модельных формах?

Если признавать, что началом экономической системы является ресурсно-распределительное хозяйствование, то собственно товарно-денежный "граф экономической системы" возникает, казалось бы, postfactum логистики как торговый феномен, тогда как сами дороги имеют внеэкономическое происхождение (как, например, в случае российских железных дорог, изначально создаваемых для перемещения войск и военного имущества). Однако, с учетом более раннего рассмотрения природы денег, получается, что язык символических идентификаторов (а также еще более ранней ремарки насчет черепично-морского происхождения самого понятия symbolon[117]) должен возникнуть едва ли не одновременно с возникновением логистических задач. Здесь важно понимать, что экономический граф имеет иной, конъюнктурный, характер смены ориентированности своих дуг, нежели собственно логистический, направленность которого поначалу носит более упорядоченный и генерализованный характер, а впоследствии, по факту освоения ойкумены, он перестает быть вообще ориентированным: когда дуги превращаются в ребра, сама логистическая сеть становится инфраструктурной основой для конъюнктурной экономической системы, развиваемой и меняемой в зависимости от характеристик интенсивности сообщений, определяемых своей "надстроечной" частью, регулирующей целостность ойкумены в некоторых пределах или границах, но уже не "осваивающей" ее целиком.

[117] Раздел "Некоторые замечания относительно складской гипотезы происхождения денег" в работе "Частично управляемое...".

С другой стороны, транспортно-складская система закономерно может мыслиться как часть или подмножество предметно-технологического множества, или "системы вещей", очевидно не сводимой к логистике и способной пребывать в своем эстетико-природном бытии вне товарного измерения, но в социальном макромасштабе управляемой как раз логистикой, основанной на базовом различии двух функциональных категорий пространства – хранения и перемещения. То есть, как часть более широкой системы вещей (которая сама есть оформленная "res extensa"), собственно "позитивная" логистика становится "res economicus", будучи связанной с экономическими трансакциями (по сути этическим, или деонтическими, регулятивами), макросоциально приданными ей в качестве доминирующего формата "res cogitans", управляющего этой более широкой системой и санкционирующего логистические операции с нею.

Эта система вещей за рамками (пусть и очень широкими) коммерческого функционирования представляет собой не только ту логистику, о которой говорит теория И.Шкурина, уже в неоекономическом смысле тяготеющую к самоорганизующемуся "экономическому деизму", изначально мыслимому как "невидимая рука рынка" (и, похоже, являющуюся ее началом), но также некое приращение к исходной природе с причудливыми эффектами и неконтролируемыми перемещениями, составляющими приватную повседневность человека. Этот предметно-вещный мир существует в своем некоммерческом статусе как до, так и после товарно-денежной переработки, либо выходя за рамки контроля и воздействий "позитивной", доминантной или конвенциональной системы хранения и перемещений, либо оказываясь ее конечным таксоном. Так, перемещение книги с полки на стол уже есть логистическая операция, равно как перемещение кофейных зерен из банки в кофемолку (а вот уже их помол – операция производственная), но и в этом, и в целом ряде иных таких случаев, нет товарно-денежных отношений (осуществляемых на обобщенном санкционно-доверительном основании), хотя книги, полка, стол, банка, кофемолка и сам кофе (порой стоящий дороже кофемолки, и весьма) были когда-то куплены. (Хотя нет – стол был получен в дар!) Именно эти приватные перемещения пытается вовлечь в свой оборот и сделать подконтрольными государственно-денежная система управления, поскольку человек – основа и стоимости, и затрат; и начинает

она это делать, как свидетельствует новейшая история после Второй Мировой Войны, со все возрастающей исследовательской въедливостью социологии, развивающейся до "deep learning" приватного мира, вываливаемого самими обывателями в социально-софтовые среды, объясняющейся своим глубоким интересом к их незатейливому бытию задачами маркетинга и брендирования.

На взгляд автора вполне оправдано соединение восходящего к Ж.Бодрийяру антропологического понятия "системы вещей" с восходящим к О.Григорьеву экономическим понятием "предметно-технологического множества" ради более целостных, весомых и разносторонних оснований для объяснения фрейдомарксистского феномена шизофренизации личности через надличностный механизм капиталистических отношений – в частности, различных степеней патологического накопительства как антропологического эпифеномена, формируемого обществом потребления и наблюдаемого в легкой массовой форме в послевоенное "тридцатилетие благоденствия". Понятие "предметно-технологической системы вещей" также дает более атмосферное представление о транспортно-тезаврационной сети, привнося в нее отмеченное измерение надприродности, бытующей "после вещей" экономического порядка в качестве системы с внеэкономическими эффектами, представляющей собой калейдоскопический источник экспериментов смыслопорождения для дальнейшего возвращения в хозяйственный оборот в новых условиях в виде нового порядка или образа жизни (бренда), но не бессмысленный скученный агрегат без какой-либо ценности. Скорее она представляет собой неосвоенные "запасы возможностей человеческого бытия", коммерческое обращение к которым, сопряженное с государственным или госмонополистическим тотальным контролем, не ставит вопрос о конечности и возобновимости этих запасов (по видимости, руководствуясь мерзким российским принципом "бабы еще нарожают"). Именно этим "свалка барахла" отличается от помойки, и именно этим дизайнер-старьевщик, работающий в винтажном стиле ретрофутуризма, отличается от патологического коллекционера, страдающего "синдромом Диогена"[118].

[118] Собственно, сам такого рода "факультет дизайна ненужных вещей" и представляет собой статическую или кинематическую реализацию систем "самодостаточной логистики" а-ля Голдберг-Робинсон, о чем

Ранее государство и республика были обозначены как цивилизационные типы, а по Шкурину цивилизация возникает там и тогда, где и когда возникает логистика. Как, в таком случае, совместить изначальность теллурократической иерархической логистики, возникающей из естественного коммуникативного ветвления бассейнов крупных рек, с принципом республиканства? Общим принципом здесь, конечно, будет сохранение недоминантности иерархических систем логистики при поиске и создании новых транспортных решений. Кроме того, неплохо бы озаботиться обстоятельным историческим исследованием того, как одноранговый принцип организации общества мог реализовываться на земных территориях с иерерхическими водными системами, и насколько в этом деле сыграла свою роль человеческая способность к гидротехнике и ирригации как одна из, пожалуй, древнейших технологических способностей человека к ландшафтному проектированию и терраформированию. Отчасти в связи со специфическим и четко артикулированным миропониманием, обусловленным этой способностью, ранее[119] был упомянут австриец В.Шаубергер как один из представителей "темной материи" новоевропейской научности, известный вполне себе наземными инновациями лесной гидротехники – не только сформулировавший целую парадигму корректного использования естественных источников пресной воды и понимания их природы, но и потративший много сил в борьбе с прогосударственническими представлениями (пост)имперских гидротехников его времени о необходимости спрямления природных округлостей и логарифмик. Ирригация и гидротехника здесь решают проблему горизонтальных связей природных иерархий, создавая низовую инфраструктуру. Однако если кому-то Шаубергер покажется неубедительно экзотикой, есть более очевидный пример монахов соловецкой обители, создавших более простую сеть озерных каналов на Большом Соловецком острове. А если и этот, предельно локальный, случай отшельного сообщества, изолированного морем даже от страны собственной юрисдикции, не убедителен, то еще одним очевидным примером являются

также упоминалось ранее. Доведенное до хозяйственного предела предметно-технологическое множество (ПТМ) переходит в собственное инобытие и становится театром абсурда. Но речь здесь, разумеется, не только о предельных случаях.

[119] См. раздел "Схематический нарратив о связи натурфилософских понятий нескольких авторов" в книге "Частично управляемое...".

США, которые занимают, пожалуй, уже не одно десятилетие устойчиво лидирующее положение в мире по числу воздушных судов гражданского и военного назначения, а также предъявляют устойчиво высокий внутренний гражданский спрос на внедорожные и полувнедорожные пикапы и кросоверы (даже после начала экономических котовасий 2007 года), не говоря про разного рода кемперы и дорожные яхты, составляющие "национальную" американскую особенность. Расширение возможностей воздушного транспорта с максимальным числом степеней транспортной свободы способно качественно изменить присутствие на земной "тверди" едва ли не до таких форматов, что на пространство непосредственно примыкающего к земной поверхности воздушного океана могут быть применены нормы морского права. Что, безусловно, способно повлиять на доминирование республиканского цивилизационного типа с технологической стороны[120].

Конечно, здесь можно сказать, что эти все примеры одноранговых сетевых вещей возникли уже на достаточно развитых цивилизационных основах, однако ничто не мешает вести исторический поиск признаков подобных решений до того, как в распределенные социальные системы "пришла цивилизация", и рассматривать иерархической каскад государственного устройства безотносительно к естественному каскаду речных русел как к некой "архетипической причине" – таковая будет весьма спорна даже в случае обнаружения здесь каких-то статистических корреляций[121], да и сам И.Шкурин, кстати, прямо указывает на такие порядки когнитивной вписанности "нецивилизованных" замкнутых сообществ в окружающий их природный мир, которые оказываются существенным преимуществом перед знаниями цивилизованных людей в сравнимых условиях (о чем, кстати, столь ярко живописали авторы романов и повестей эпохи географических открытий и освоения "диких мест"). Кроме того, даже самым первобытным и

[120] В России (в частности, в НИЦ "Неоекономика") ведутся дискуссии по вопросам возрождения коммерческого дирижаблестроения на базе предприятий среднего и малого бизнеса, однако упираются в такие, сугубо российские, проблемы, как законодательное регулирование воздушного и частотного трафика с невнятной позицией "партии силовиков" (разумеется, заведомо отъемной позицией "стационарного бандита" в меру существования здесь хоть каких-то источников дохода), а также мощным лобби со стороны конкурентных авиаперевозчиков. Внесоциальную проблематику представляет мнение профессионалов авиастроения, высказывающих определенные сомнения в связи с фактором парусности "надувного флота".

[121] Кстати говоря, заключение от корреляции к причине сегодня является весьма распространенной методологической ошибкой статистиков.

примитивно-общинным сообществам свойственны хотя бы начала транспортно-складских систем вроде лесных троп и примитивных методов консервации добытой лесной пищи.

***

Обобщение форм цивилизационного аспекта присутствия человека на планете в различных форматах логистик (ризоматических, древовидных, звездчатых и прочих, доступных описанию в языке теории графов) дает трехчастное зонирование пространств на "миграционные", "тезаврационные" и "преобразовательные" (в макромасштабе – городские), последние из которых задаются пересечениями транспортных линий. И, соответственно, три григорьевских типа продуктивных для взаимодействия пространств – транзитного, оффшорного и специализированно-кластерного, о чем идет речь ранее насчет "марксизма на новый лад". Остальные три (вернее, четыре) григорьевских типа взаимодействия экономик (последовательно: монокультурное, инвестиционное и оба догоняющих – постепенное и ускоренное) вполне могут быть названы "миметическими", или подражательными – связанными с проекцией статусного потребления различными категориями общества (прежде всего – элитами) и следующими отсюда мотивами экономического взаимодействия, высшим своим этапом имеющие авральную погоню за "более развитыми цивилизациями", осуществляемую по все тем же мещанским принципам "не хуже, чем у людей" и "мы тоже хотим", и реализующую все тот же подражательный, преимущественно эмоциональный, а не инструментально-профессиональный, спрос на деньги, чреватый уничтожением предпринимателя. Здесь важно то, что миметическими оказываются все эти способы взаимодействия, а не только монокультурный, когда элиты обменивают монокультуру на стеклянные бусы или автомобили: во втором случае мещанские принципы распространяются на способ производственной деятельности в формате "пригласим и пусть научат" (в эпоху Петра Великого курение и вшивые парики были признаками цивилизованности, однако в те ранние годы России удалось обогнать Европу по станкостроению), а в двух остальных случаях "догоняющего развития" – в форме "сделаем такое же сами – мы не хуже остальных".

Здесь нужно сразу обозначить "гантельную" разницу "преобразовательного" и "тезаврационного" пространств, опосредованных пространством "миграционным": пространства добычи запасов природы и природных сил или их создания пересечением (в виде культур или "монокультур"), превращенных в артефакты хозяйственной деятельности (то, что экономике представлено степенным понятием передела) – с одной стороны, и хранения преобразованных ресурсов вне пересечения – в изоляции или консервации, как отмеренных (квантированных) и тем уже организованных запасов и сил природы – с другой. Специализация пространств, а равным образом и рассмотрение самого пространства в качестве ресурса, возможно и имеет место, но в первую очередь – в случае земной "суши", хотя море, будучи пространством миграционным в больших степенях свободы, нежели канализированные пространства миграции земли, также являясь источником запасов (благо там же добывают и продовольствие, и полезные ископаемые), весьма проблемно в квантировании, которое было не очень удачным, несмотря на неоднократные попытки пиратов-инноваторов "классической эпохи" это сделать – в отличие от морских государств, привязавших ближние акватории к землям собственной юрисдикции.

Существенным компонентом любой системы, помимо соединяющего и соединяемого, является среда – изначально внешняя. Собственно, "овнешнение" и создает самость демаркации внешнего и внутреннего, между которым создается первичное опосредование мембраной – будь то мембрана живых систем или сублимативная мембрана языка, опосредующая человека с человеком, и человеков – с внечеловеческим миром[122]. Однако когда система с имеющимися у нее (как во всякой системе) внутренними связями, оказывается помещена в среду, заведомо являющуюся для нее первичной, она в дальнейшем осуществляет ресурсный обмен с ней, делая ее средой обитания и формируя внутри себя среду "внутреннего действия", представляющую специфическое пространство, заведомо рассчитанное на пересечение ресурсных каналов. Такие пространства внутреннего действия образуют "цеховую" или "реакторную" зону, пространства действия внешнего – среду ландшафтного,

[122] Здесь, собственно, и возникают фундаментальные фуллеровы универсалии отношения направленности движения inward и outward. В рамках такого понимания язык есть высокоуровневая эвфемеризированно-виртуализированная биомембрана.

агрикультурного или экоклиматического/терраформного проектирования. В некотором смысле тезаврационные пространства также способны выступать в качестве зон переработки ресурсов, однако в этом случае они могут быть различно управляемыми: либо с целью неизменности свойств хранения (и тогда здесь возникает понятие срочности хранения, а также консервации), либо с целью трансформативного хранения, и тогда возникает то, что ранее было названо "технологиями экспонирования", связанными с допуском в пространство хранения известных природных процессов, запускаемых посредством создания условий для их протекания срочным образом (винный погреб и т.п.)[123]. Поэтому собственно тезаврационные пространства являются таковыми лишь в силу технологической обеспеченности их функции, и эксплуатации их в такой функции; равным образом используются пространства "производственно-экспозиционные", в которых скорость протекания процессов заданная, а срочность пребывания ресурсов обусловлена задачами их преобразования. Такими же пространствами переработки могут быть и миграционные каналы: использование их в таком виде дает пример конвейера или верфи.

Пересечение ресурсных потоков в каналах (естественных или искусственных), отмеченное как полезное, становится инновацией, а будучи огражденным и выделенным как пространство хранения, становится производственным, специализированным и целенаправленным образом преобразующим ресурсы (например, в случае присутствия обрабатывающих станков в цеху). Собственно, это и есть пример того, как пространство хранения функционально задает преобразующее пространство, являясь одновременно "антипреобразующим" для осадков и металла станков, то есть управляет ресурсным взаимодействием, не обязательно будучи при этом пространством экспонирования. В этом смысле интересно жилье английских буржуа второй половины XIX века: жилые комнаты этих dwelling machine с чучелом любимой моськи и урной с прахом бабушки на камине являются примером пространства производства самоидентификации в смысле сохранения памяти как части личного мира в противовес грязной, шумной и опасной улице вечных перемен, сиюминутно существующих

[123] См. также раздел "О предсказании технологий и технике предсказаний" тома "Частично управляемое...".

подозрительных личностей, дымящего заводского мира и прочих символов нестабильной жизни капиталистического общества[124].

Связи любой системы как организации пространства в наборе структурных возможностей и ограничений мыслятся или как множество двухместных связей, или как гиперграфовые связи-пространства большей местности. В случае если миграционное пространство линейно, имеет место граф набора двухместных отношений перемещения ресурсов, объединения и разделения их в некоторых узлах, где уже добыча есть производство ресурса посредством разделяющего извлечения из среды (где, собственно, и происходит соединение миграционного пространства с пространством среды[125]). В случае же непрямолинейного миграционного пространства имеет место гиперграф, где пересечение ресурсов будет осуществляться через мембрану. А дальше – ресурсное распределение с переработкой в товар и с тем, что называется утилизацией, то есть столь мало продуктивно мыслимой в своих системных последствиях процедурой возврата в малопонятную, но по-прежнему эксплуатируемую, среду, всего того, что было наработано человейником в виде отходов его жизнедеятельности. Вопрос тезаврации отходов и переработки их средой как управляемый процесс, похоже, в принципе не рассматривается, ибо непонятно, как, почему и зачем управлять (или, вернее, соуправлять) чем-то, что до того веками, если не тысячелетиями, лишь осваивалось.

Все это значит, что система "основных пространств" устроена несколько сложнее, чем представляется на первый взгляд, но и не настолько сложно, чтобы ее нельзя было бы ухватить одномоментным умозрением. Здесь важно то, что, поскольку пространство образуемо вещами, а вещи сами образуют систему в связи их физической (механической или химической) сопряженности, функциональной зависимости, истории происхождения (и каким-либо прочим основаниям), постольку и система пространств как таковых образуема ими же, а среди них первичны те вещи, что образуют самое структурирование пространства (несущие системы и топологические

[124] О чем столь интересно рассказывается в документальном фильме Д.Дэмблби "Как строилась Британия".

[125] Несмотря на всю абстрактность "пространственных категорий", такого рода соединение неоднократно оказывало вполне себе конкретное стрессовое воздействие на жителей тропических лесных сред, когда границы этих сред резко прерывались "зоной освоения" с экскаваторами и грузовиками. Там, где начинались такие зоны, была граница мира и безмирья, а пагубность такого воздействия выражалась во вполне себе конкретных физиологических дисфункциях аборигенов.

маркеры, также имеющие в основе несущую систему) и представляют собой функциональную основу любой имущественности (поскольку имущественность, если вдуматься, так или иначе в своей сути пространственно редуцируема).

В свете сказанного, изначально два структурных типа пространства – канализированного (двухместного) и не канализированного (континуального, или 2+n-местного), дополняются их функциональными измерениями:

- миграционности (перемещения без взаимодействия) [126];
- преобразования (перемещения с взаимодействием);
- сохранения (изоляции или консервации) ресурсов;
- экспозиции (изоляции с внутренним взаимодействием).

Таков основной набор функционально-пространственных зонных[127] категорий. Это сочетание классификационной простоты – с одной стороны, и "не совсем тривиальности" – с другой, и является причиной случайности эффективной организации пространств и территорий – в том числе "производственных колбас" фирм, а также проблем выявления узких мест в них и понимания объема необходимых затрат. В отмеченной классификации заключен общий принцип существования любой логистической системы, мыслима она в полном списке этих категорий или нет, а также, по сути, любой реальной системы, даже механической несущей (где, казалось бы, ничего не движется, но канализируются и компенсируются, а также рассеиваются и концентрируются, соотношения векторов сил и механических импульсов).

Принятие этого принципа ведет к обнаружению того обстоятельства, что дифференциация человеческой деятельности (почему бы не сказать "любой разумной деятельности" – пусть хоть жителей далеких планет), или того, что именуется разделением труда (РТ), при всем многообразии их видов возникает и усложняется не абы как вздумается сочиняющему ее проектанту, а в соответствии с обозначенной типологией допустимых способов

[126] Тот факт, что канализированное пространство образуется сжатием "омнидименционального", как раз и дает интуитивное основание некоторым физикам-теоретикам гипотетически мыслить черные дыры как порталы в параллельные вселенные через некие умозримые "дополнительные измерения".
[127] Хотя здесь я намеренно стараюсь избегать использования слова "зона".

использования имеющегося пространства, соответственно которым определяются профессиональные квалификации для любой предметной области. Иначе говоря, допустимость специализации пространства предваряет специализацию деятельности, причем безотносительно к тому, запускается ли эта система деятельности как трудовая или инициируется как некий искусственный или естественный автоматический процесс. То есть до начала самого процесса разделения труда, помимо собственно требуемой в достаточном количестве "рабочей силы" и собственно проектной задумки системы рабочих позиций, должно быть наличным пространство достаточного действия, предпосылаемого для этой задумки в качестве существующего или доступного в том качестве использования, в котором требуют цели всего предприятия. Если такового нет при той же численности рабочих рук, то либо меняются цели, либо осуществляется проектная перепланировка РТ до того, как позиции будут заняты и разделение труда станет естественным, а значит – гомеостатично способным к сопротивлению изменениям. Специализация пространства есть след, оставленный предшествующей деятельностью, который часто сохраняется и воспроизводится как полезная привычка, но бывают моменты, когда привычка деятельности оказывается не адекватна адаптивной задаче. Так, созданная государством дорога может быть полезной местному населению, но в какой-то момент этот фактор цивилизации может оказаться источником разрушительных тенденций для локальной самовоспроизводящейся ойкумены. А значит, закономерен вопрос о тех каналах взаимодействия с внешним миром, что окажутся для нее здоровыми. Это важно, поскольку невозможность влиять на способ использования пространства (осуществлять свою демиургическую функцию) есть еще один фактор насилия над человеком, помимо отчужденности от мира финансовой игры и зависимости от чуждых денег как заменителя времени, права и знаний[128]. В этом же смысле обнаруживается, что если знания и способность к прогностической оценке образуются в модусе времени, то возможность проектно-творческой деятельности – в модусе именно пространства, тогда как время оказывается здесь лишь средством, доступным к оптимизации без утилизации его носителя как ресурса деятельности. Именно поэтому человек, продающий

[128] См. соответствующую схему в разделе "Знания vs деньги" в нынешней системе неоекономических понятий" тома "Частично управляемое...".

свое жизненное время, не располагает, как правило, широким собственным пространством, и осуществляет эту продажу в пространстве чужом, а собственность его пространства тяготеет к границам его тела, и даже на приватность этих границ он не всегда вправе рассчитывать – особенно когда лишен средств защиты и права применять их.

Проблема многих обществ – в том, что, пытаясь определить инварианты возможной человеческой деятельности, они застряли в своих представлениях о допустимом, подчинив творческую способность догматичным представлениям о возможном, породив социальные, профессиональные, а также этнические, касты, пытаясь определять место человеку (главным проклятьем, главной возможностью и главным этическим регулятивом которого является его неограниченная свобода) – не объясняя и предлагая, но предписывая, задавая вместо пространств функционально-процедурных систему ритуально санкционированных пространств в универсуме сакральных, табуированных и обыденных, где последние оказываются единственно свободными от страха серыми зонами убогих регламентаций. И вслед за этим распространяя соответствующее представление на весь мир. Ортодоксальная историография свидетельствует, что именно такое представление о мире было изначально в веках у многих народов, и лишь прогрессистская наука капиталистической эпохи смогла изменить мир, сделав пространства рабочими, продуктивно преобразуемыми самим человеком, а также посредством человека или автоматов продуцирующего. Но дело в том, что в период экспериментальной науки сама экспериментальность безотносительно к ее научности стала открытием как возможность человеческого действия, а частичность представлений о последствиях действия лишь подстегивала то, что сегодня именуется в биржевой торговле как "аппетит к риску". Сколь многие народы пытались остановить мгновение, попав в дьявольскую ловушку сегрегационных и самосегрегационных представлений, не предполагая воспроизводства вселенских форм в процессе осуществления scenario universe, и не выходя на взаимодействие с иными формами человеческого развития, не осознавая свою зависимость от непонятной и неподконтрольной им внешней природной среды и полагая, что только неограниченно "осваивая" ее способны сохранять и поддерживать то

немногое, чего им удалось добиться в их "святом постижении", обеспечивая тем самым контроль и спокойствие своей жизни.

Переходя от абстрактных универсалий к более приземленной эмпирике, можно в связи с этим предположить, что для запуска некой населенной территории, вписанной в международную систему разделения труда и хозяйствования, куда более уместным может оказаться предложение себя миру в качестве достаточно диверсифицированной зоны тезаврации в статусе оффшора, либо той же транзитной зоны, либо того и другого в сочетании, нежели в качестве инвестиционного трудяги-производителя не своих товаров на конъюнктурно слабо подконтрольные внешние рынки, заведомо обрекая народ на нищету и работу до седьмого пота в чужих коммерческих интересах, либо продавая монопродукт и также способствуя деградации народа задачами эрзац-занятости и ценностями ничегонеделания (и то, и другое – "миметическая" торговля ресурсами, только в первом случае ресурсом оказывается массовая человеческая жизнь, продаваемая задешево в качестве рабсилы). Тезаврируемые блага – вовсе не обязательно деньги (хотя они – в первую очередь) или грязные отходы производства[129]. Ими, например, могут быть складируемые запасы неких средств производства или иных ресурсов, имеющих свойство меняться как в своих внутренних свойствах, так и во внешних к ним отношениях спроса или цены, а потому здесь могут возникать как моменты роста обеспечивающих сервисов и инфраструктуры, так и условия для формирования кластерной системы обеспечения мира уникальным и не воспроизводимым никем больше продуктом.

[129] Непонимание аналогичной типологизации и зонирования природных пространств ведет к экологическим дисбалансам и не охватываемым последствиям эпифеноменального исчерпания неторгуемых благ. Логика примерного цикла существования природно-логистической системы могла бы быть следующей: естественное (природно-средовое) хранилище запасов – миграционно-транспортное пространство – предварительное хранение – пересечение миграционных пространств (пространства переработки) – искусственное хранилище – вторичное потребление – возврат в среду.

Анархия в аспекте денежных и прочих обстоятельств

Здесь рассматривается факт существования анархо-монетаристских концепций и проектов начала XXI века, не имеющих такого самоназвания, но фактически являющихся таковыми, относительно кропоткинского анархо-коммунизма как политического учения, с точки зрения их возможной связи, а также развития целостного знания о человеке и обществе. Речь идет о продуктивных возможностях идеи анархизма в условиях кризиса капиталистической мирсистемы.

Есть наблюдения, согласно которым со второй половины XX века стало возможным осуществлять управление такими формами общественных процессов, которые до сих пор оказывались недоступными или полустихийными, включая масштабные по времени и пространству бунты, войны и динамику биржевых показателей. Одним из способов ухода отдельного политика, и даже целых элитных категорий, от ответственности сегодня оказывается смена ими основ политической жизни – изменение конституционного статуса или формы правления, сочетанное с подтасовкой процедур представительности. При этом, однако, сохраняется основа "природы" управления. Кроме того, некоторые современные историки уже отметили прецеденты похожей способности элит к мимикрии в ином масштабе в прошлом – когда они перешли от феодального формата своего существования к капиталистическому; теперь, похоже, происходит обратный процесс. Однако есть еще кое-что, позволяющее выявить новоиспеченного управленческого "протея" в его исходной форме: его можно увидеть со стороны иной среды, нежели та, в которой он существует и трансформируется. И тогда становится ясно: протей существует, чтобы сохранить свой статус и остаться не узнанным, прикрывшись маской "новых времен". В том – его умение управлять фазами общественного бытия, а в этом – умение его отслеживать. Поскольку болезни, не проявляемые анатомически, но ухудшающие функции отдельного организма, способны иметь не только межличностную внешнесоматическую этиологию (каковая была обнаружена Фрейдом), но и макросоциальную, как в случае с капитализмом и государством.

Антигосударственническое начало частных денег

Сама способность трезво рассматривать природу денег, да и вообще представлять себе причину того, почему эта материя столь долгое время оставалась "темной", открывается в те, не такие уж частые, периоды истории, когда обильное предложение денег вкупе с их высокой покупательной способностью оказываются в кризисном состоянии, сталкиваясь как с дефицитом денежной массы, так и с инфляцией, то есть когда начинает разнонаправленно усиливаться разница финансовых потенциалов, непродуктивно разбалансируя ойкумену. То есть именно тогда оказывается возможным ставить вопрос о деньгах трезво, когда еще нет их недостаточности, но уже очевидны риски таковой. Подобно тому, как еще есть возможность рационально мыслить причины начинающейся болезни, не корчась от боли и трезво постигая (или вспоминая) устройство собственного организма, наблюдая за происходящей эмпирикой.

Когда А.Генкин (в книге "Частные деньги") говорит об обмене "свободных денег" на "исходную валюту", он фактически основывается на все той же идее "денежного материала", и в данном случае не важно, выступает ли таким материалом металл (к которому апеллировал в том числе и Маркс в своих представлениях о деньгах) или бумажка с конкретным рисунком водяных знаков. Кроме того, такая способность обмена не уничтожает идею центробанка как центральной организации поддержки банковской системы, работающей с государственными деньгами. Однако женить эти деньги с личными/частными – значит скрещивать ужа с ежом. Если признавать фиатность денег любого типа в рамках жетонно-распределительной гипотезы, то имеет значение тип их не материального обеспечения, а только социального, то есть доверия, выступающего критерием стоимости (то есть целесообразности) осуществления какой-либо транзакции (или сделки, или обменной операции).

С ним стоит согласиться в том, что в России необходимо введение внегосударственных денег, и жесточайший, вплоть до уголовного преследования, контроль монополизации эмиссии[130]. Вопрос лишь в том, чьим именем будет осуществляться такой контроль и такое преследование. Смешно было бы предполагать такое преследование государством самого

[130] Стр. 285-286, глава 2, раздел "Система свободных денег для СНГ".

себя от имени общества за то, что оно является основным эмитентом денег, причем историческим. Безотносительно к тому, имеется ли внегосударственная историческая альтернатива начала денег, за подобным пассажем должна следовать идея уничтожения государства и выработки способов защиты той, более совершенной, формы, что должна прийти ему на смену, как от возврата в предшествующее состояние, так и от погружения в социальный хаос.

Работоспособность денег как преимущество-для-народа, по Генкину, имеет место лишь в презумпции государственного согласия с бытием экономического процветания оного народа. Но представляющей государство элите нет и не может быть до него никакого дела, что есть историческая норма для всякой государственной элиты во все времена – что в России, что где-нибудь еще. Все эти, рассматриваемые Генкиным, системы местных валют (СМВ) в мире, рассчитанные на функции общин и электронный выход за рамки локусов своего присутствия, работают лишь в меру государственных санкций, которые автором ставятся в зависимость либо от степени "прогрессивности" и "сознательности" отвечающих за финансы чиновников, "пекущихся о народном благе", либо от неспособности государства проконтролировать ширящееся пространство интернет-свободы. Действительно, на 2002 год (выхода книги "Частные деньги") это выглядело именно так, но спустя 15 лет видно, что государство вполне способно, к примеру, наложить ограничение на объем разовой транзакции через электронные кошельки и платежные системы, ужесточить законодательство о глубине шифрования, внедрить в сегменте или на территории своей юрисдикции средства мониторинга нежелательной сетевой активности на основе big data и сочинить еще какую-нибудь бяку для интернет-простонародья. Это не значит, что сетевая неподконтрольность исчезнет полностью, но значит, что неподконтрольность электронных коммуникаций станет полем обострившейся борьбы легального и легитимного, повышения профессионализации средств обхода законодательных ограничений, оформления внегосударственного сетевого сегмента в "даркнет" (сетевое подполье), а поскольку речь здесь идет о деньгах и, следовательно, доходах – в краеугольное пространство классовой борьбы начала XXI века. В итоге вопрос о доверии массы все еще государственно ориентированного народа к

обменно-распределительным средствам, циркулирующим в таким образом заданном пространстве интернет-свободы, будет вновь подвешен. Это пространство станет полем отчаянных пассионариев, подкованных в специфических знаниях (своего рода лихих "людей нашего времени"), повышающих криминализацию этой среды. Без прозрачных процедур правовой саморегуляции (политик) которой она попросту не сможет стать народной. В своих многочисленных примерах СМВ Генкин говорил о правовых политиках как условиях повышения доверия к ним, но здесь речь идет о политиках более широкого рода, касающихся хитрой и пока что до конца не проясненной связи онлайна с офлайном[131].

Кроме того, если и говорить об удешевлении электронных денег (ЭД) как о преимуществе, то почему в качестве примера приводить "компакт-диски, кино- и видеопродукцию" (как это делает Генкин), а не предметы первой необходимости – продовольствие, одежду и средства гигиены (как это делает за сто лет до Генкина него упоминаемый ниже Кропоткин)? Да, это было сказано в 2002 году, но тем более показательно: торговля здесь берется как таковая по факту, без отнесения к ее предмету, а зря: если речь идет о местных электронных валютах, то близкий бартеру (существующему в таких же, местно-электронных, пространствах) предмет денежной торговли обладает существенным значением. Между тем, именно предметы первой необходимости имеют инфраструктурное значение и не являются объектом большого доверия при интернет-покупках (тогда как само это недоверие годы спустя уже стало интернет-мемом, не говоря про то, что сами эти мемы стали "боянами").

Что касается упоминаемой им "экономики подарка" в системе интернет-валют, основанной на принципе "я помогу вам сегодня, а кто-то другой поможет мне когда-нибудь потом", то таковая фактически представляет собой распространяемое на все локальное сообщество хэджирование, в свою очередь представляющее собой экономическую форму общественного договора, и перекликается с тем, что было рассмотрено ранее в материале, посвященном такой замысловатости, как "краудхэдж" вкупе с некоторыми

[131] Попытка несколько прояснить эту связь представлена в материале "Сообщества низового уровня в аспекте локальных инфоком-сетей" в книге "Частично управляемое...".

конкретными возможностями существования "народного интернета"[132]. Однако в рамках такого договора речь не идет о гарантиях возврата вложений доброй воли, и в этом – еще одна важная особенность оперативного получения благ взаимовспомоществования, лежащих на стыке онлайна и офлайна (к которому, кстати, онлайн возвращается в тех или иных видах).

Наиболее интересные теоретические вещи приводятся в конце книги российского исследователя "альтерденег". В частности, наново поднятый вопрос о том же бартере – особенно что касается terra incognita макроэкономических аспектов этого формата хозяйствования, и того, что названо его "антициклическими свойствами". Особый вопрос возникает о том, какую роль будут играть низовые деньги и в смысле конвертации системы вещей "относительной товарности" в экономико-языковую форму товарно-денежного семиотического градиента, и в папанековском смысле дизайна средств коммуникации "для реального мира". Однако, пожалуй, самый важный здесь вопрос – о том, как эту альтернативщину сделать мейнстримом. Важно, что Генкин обратил внимание на встраивание альтерденег в субкультурные системы, уже фактически работающие в качестве экономических систем – с одной стороны, и сред "пользовательского брендинга" – с другой.

В связи с особым характером коммуникаций внутри частно-личных систем обмена и хозяйственных локусов примечательно следующее место из его книги:

> "*Политическая идеология СМВ основана на отказе от иждивенчества, благотворительности и институциональной помощи. Все, кто серьезно пострадал от социальных и личных катастроф, имеют большую потребность в помощи в связи с тем, что поле их социальных отношений резко сузилось, а то и просто исчезло. Участник СМВ может испытывать финансовые затруднения, не иметь работы, но тем не менее принимать участие в работе системы. Социальная позиция СМВ хорошо передается фразой, часто произносимой участниками французских СМО: связь важнее денег... Эта мораль отношений и обменов в некотором роде определяет общую архитектуру СМВ*"[133].

Если считать деньги эксклюзивным предметом, доступным изначально элите – с одной стороны, и вещью среди вещей, обладающей к тому же

[132] Раздел "Гипотеза о реальносекторных перспективных трендах ИТ-отрасли, или краудхэдж как возможность" в книге "Возможность управления...".
[133] Книга А.Генкина "Частные деньги", раздел "Уникальная "связь" внутри СМВ".

определенным качеством товарности – с другой стороны, то их историческая редукция до их народной дженериковой эмиссии тем более оправдана с учетом неоэкономической истории о порядке внедрения общественного блага хлопкового сырья "сверху вниз" как изначально премиального товара для монаршьих особ, распространившегося вниз по каскаду "пищевых цепочек". Но это лишь дополнительный аргумент в пользу личных денег. В целом речь идет об изначальной возможности и прецеденте альтернативного иерархическому исторического бытия.

Проблема денежного измерения в анархизме

Проблема обоснованности тех вещей, о которых говорит Генкин – в том, что они не соединены с артикуляцией фундаментального анархического нарратива, представляя частный случай такового по сути. А потому, уж коли речь зашла об экономике доверия и вспомоществования, имеет смысл вспомнить анархизм в его наиболее развитом виде – кропоткинском. На эту тему удобно ложатся излагаемые здесь (и не только здесь) концепции республиканства, трансцендентального (или гельветического) человека, диссоциативности, внегосударственных денег и прочих вещей (или, скорее, эта тема интегрируется с этими, уже отчасти взаимоувязанными, концепциями). Все, что было сказано ранее, идет в духе этой темы и представляет ее лишь в той мере, в какой презумпция свободы личности представляет собой общую им всем, самоочевидную, а потому неявную, онтологическую предпосылку. И если верно, что наши собственные достижения есть следствие того, что мы стоим на плечах гигантов, то иногда для того, чтобы увидеть самого гиганта и оживить его, оказывается нужным проделать поистине гигантскую работу спускания с него и залезания обратно, позволяющую увидеть подлинный смысл достижений недавнего прошлого и задействовать их результаты практическим образом – особенно если готовность к такому задействованию была весьма высокой, но решений в нужный момент принято не было.

Более серьезная проблема несерьезного отношения многих к анархизму – в том, что у него нет собственной, достаточно развитой, оригинальной и учитывающей многие существенные нюансы, экономической концепции, потому он, как эгалитаристическая позиция, большей частью находится в тени элитаристического марксистского понимания. Эта проблема как раз

решается отталкиванием от наиболее жесткой и радикальной постмарксистской экономической концепции Олега Григорьева, вкупе с признанием целостности внегосударственного общественного организма и способности его к внегосударственному развитию. Конечно, Кропоткин пишет о том, что новой форме экономической организации должна соответствовать новая форма политической организации. Но была ли у него концепция анархической экономики на основе глубокого понимания природы денег, фигуры столь желаемого им предприимчивого "человека из народа" и представления о способах ведения хозяйственной деятельности, идущих дальше прежнего, капиталистического, использования обретенных в ходе экспроприации производств? Едва ли (если не начинать еще более радикальный разговор об исчезновении самой экономики, взятой как торговля и денежное обращение по преимуществу), хотя он и говорил о необходимости естественного формирования новых реалий в формате "местных восстаний и местного творчества". Между тем, сегодняшний вопрос о "сетевом революционере", осуществляющем изменения в обществе методом "ползучей конверсии", несколько иной, нежели тот, что ставился Кропоткиным: нужно делать поправку на технологическую обеспеченность государства современными средствами контроля и подавления общества. В кропоткинской экономической системе общин нет роста, ибо нет расширенного воспроизводства и расширяющегося государства, но есть категории развития, творчества и новаций, столь близкие григорьевскому "проектному человеку". И если верно то, о чем говорит Кропоткин насчет истории развитой общинной жизни как внегосударственной, то имеет место ответ на вопрос об источнике спроса как главного фактора экономического развития (хотя, возможно, и не роста в ортодоксальном смысле).

Пожалуй, наиболее авангардно и системно идея революции в начале XXI века в России, с учетом всех процессов новейшей истории, представлена в работах историка В.Д.Соловья. В своей книге "Революtion!"[134] он выражает позицию на стыке вопросов о структуре революции и концепции "справедливой власти", используя понятия власти и государства как естественные категории общества. Но не работает с вопросом о

[134] ООО «Издательство «Эксмо», Москва, 2016.

радикальном упразднении государства как целью революции основных социал-демократических движений эпохи "интернационалов". И, кстати, не рассматривает фигуру революционера как структуру личности среди прочих структур личности, хотя и говорит о ключевой значимости воли к действию в условиях неопределенности и непрямолинейной связи этой воли с актуальным набором условий революционной ситуации. У него антропология субъекта революционного действия тесно связана с системой манипулятивных практик и социобиологических факторов медийного воздействия в этическом модусе "осознать и преодолеть животную природу". Об этом отчасти также ведет речь автор этих строк, соглашаясь с таким подходом[135], но идя дальше в этическом модусе "человеческая природа шире в своих возможностях". В этом смысле нарратив В.Соловья оказывается историко-социолого-техническим, но не менее ценным, и не только не лишенным пафоса социальной справедливости, но напротив, представляющим анатомию и физиологию революционного процесса именно в смысле такого пафоса, а саму такую справедливость – как операциональную категорию, четко разводя понятия собственно революции и гражданской войны. Похоже, в его понятиях кропоткинское учение выгладит как утопия или социальный миф, годный к оформлению в недопроясненную и алогичную революционную идеологию (каковой она, согласно Соловью, в своей исторической норме и должна быть). Во всяком случае, фамилия "Кропоткин" не упоминается ни в "Революtion!", ни в других трех его книгах ("Несостоявшаяся революция"; "Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования"; "«Кровь» и «почва» русской истории"). Хотя собственно анархия и анархизм много раз упоминаются в книге "Несостоявшаяся революция" в распространенном понимании (при этом очень часто с предикатом "народный") и без углубления в подробности анархических концепций. В работе "«Кровь» и «почва» русской истории" он предъявляет интересный тезис о том, что народные государственничество и антигосударственничество "выступают двумя полюсами, напряжение между которыми составляет нерв отечественной истории" – то есть являются диалектическим условием развития как, с другой стороны, полуимперскость-полунациональность той же, отечественной, истории, или папскость-имперскость в истории Европы.

[135] Такой же подход, судя по всему, разделяет в своем экономическом нарративе О.В.Григорьев.

Он склонен связывать анархичность с этническим архетипом русского, которую эксплуатировали то либералы, то большевики, а не с некоторой конкретной научной концепцией, приходящейся кстати в определенных исторических условиях. (Хотя почему бы ее также не свести к определенному архетипу, уж коли русские столь преуспели в ее разработке?) Объяснение у него расхожее: "*Однако плюрализм и анархическая свобода – человеческий Хаос – исторически кратковременны, ибо человек не в состоянии долго выносить бремя собственной свободы, которая чаще всего оказывается свободой от, а не свободой для*". Что значит "чаще всего"? Каковы выборки и условия обобщения? В рамках общих рассуждений русский человек не в меньшей степени предприимчив, а значит, вполне себе знает, чем себя занять, как организовать и распорядиться своей свободой.

Однако даже если кропоткинское учение и есть, как то до сих пор многими расхоже считается, утопия (а более плотное знакомство с ним и с теми вещами, что образуют сегодняшний, и весьма реалистичный, контекст исходного анархизма, свидетельствуют о том, что это не так), то даже в этом случае кропоткинские идеи следовало бы рассматривать как реалистичную проектную задачу (вернее, сверхзадачу) – особенно с учетом того, что сказано здесь и в других местах по поводу управляемости общественными процессами. Кроме того, следовало бы реабилитировать презрительно коннотируемое слово "утопия", идущее в такой коннотации сквозь столетия и прочно сидящее в умах: утопия есть ничто иное, как гипотетический пример задачи социального проектирования, и уже совсем другое дело, является ли она плохой или хорошей, жизнеспособной или нет. Однако в своем негативном значении нереального "бесплодного мечтания" применяется даже к такому классическому ее примеру, как "Город Солнца", тогда как именно этот сюжет был как раз преимущественно срисован с диковинной натуры заморского общества.

Согласно Кропоткину, богатые становятся богаче, а бедные беднее потому, что существует государство. Иначе говоря, тезис "деньги к деньгам" делает фундаментальным экономическим законом (опять же, в григорьевском смысле) существование системы государственной иерархии. Это и тривиально для непосредственного восприятия входящих в несложное выражение привычных понятий, и трудно одновременно, поскольку...

неужели все еще нужно объяснять, почему? Ну да ладно: говоря современным языком, из объяснений "князя анархистов" следует, что государство и религия сидят в бессознательном, на подкорке. А потому для того, чтобы стать анархистом по-настоящему, нужно провести серьезную внутреннюю работу, преимущественно в одиночестве, испытать культурный шок, и походить какое-то время "ускромненным" и как бы побитым. Подлинный анархист-революционер потому и страшнее своего собрата революционера-марксиста-коммуниста для того "чудища облого", коего он вознамерился преодолеть, что не рвется с ррреволюционным (как некогда иронично высказался Ленин) порывом в бой, а действует весьма осмотрительно, ибо не просто от видимых оков своих избавляется, но заглянул в бездну, куда тянутся их цепи, и пережил ужас открытия для себя того, как иной вид лжи передается с детства и в поколениях столь разных, многочисленных и добрых людей. Это не тот анархизм, что представляет собой модный выбор отрицания государства с узнаваемым логотипом на бетонном заборе, как выбирают себе мировоззрение-из-супермаркета бэби-бумеры и хипстеры в США. Это экзистенциальная дрожь от внезапного осознания того, что полагаемое основанием бытия развитым человеком в действительности оказалось основанием пребывания в животном состоянии и проявления животных начал. Анархия – вовсе не либертинство а-ля Сорбонна-68, как раз и проявлявшее таковые начала.

В случае внегосударственных денег важно не допустить их кооптации в государственный же оборот, исключив возможность возврата общества в государственное состояние частной собственности, но оставив их в качестве инструмента бизнеса. Это выглядит оксюмороном, но лишь на первый взгляд. Прежде всего, речь идет о создании естественных процессов демонополиизации, ключевую роль в которых должна сыграть социальная диссоциативность и срочность проектов, а значит, и профессий. Действительно, хорошему врачу трудно быть не врачом, но он может менять или варьировать специализацию в рамках одной своей профессии; кроме того, это та исключительная профессия, где творчество и неопределенность сильно переплетены с самыми жесткими регламентами и рутинами. Подобным образом – насчет специалиста по общественным наукам; более того, для него как раз и необходима смена акцентов рассмотрения общества:

исторического, экономического, политического, демографического, медийного и так далее.

Платежеспособность частных валют[136] может быть привязана лишь к конкретному срочному проекту, ставшему поводом ассоциации граждан, тогда как личная валюта – к отдельному человеку, представляющему участие в наборе проектов или рутинных процедур и способность к такому участию. Именно в проектной работе и ее продуктовых последствиях такие деньги способны обретать свойство доверительности. И компания, и кампания имеют срочность существования, а потому и подключение к ним посредством финансового аппарата оценивается с точки зрения надежд на успешность ее текущих показателей – что, впрочем, мало отличается от критериев биржи и фондовых рынков. Но это же накладывает и определенное обязательство на локус присутствия СМВ-СБД-СМО-LETS-etc.: в нем должны изобретаться и запускаться интересные проекты, под которые не жалко эмитировать и кредитовать в виде знаковых эквивалентов человеческих сил, времени и внимания. Идея примыкающего сюда развитого бартера, о которой пишет Генкин применительно к системе местного обмена (СМО), в чем-то подобна процессу продюсирования эксперимента или заведомо конечного телесериала, только предметом проекта оказывается то ли целостность локальной жизни, то ли, в рамках того же, обозримого, локуса, выстраивание отношений взаимных подрядов как главных оснований спроса.

Разумеется, всем этим вещам государство будет ожесточенно сопротивляться, используя наиболее продвинутые средства и методы "total control", доходя в этом до своего государственно-монополистического предела. Свидетельства реализации этой антиутопической фантастики можно наблюдать уже сегодня. Самой этой теме у меня посвящена особая подборка эмпирических материалов, а что касается ее проекции в книге А.Генкина, то она представлена в разделе "Частные деньги и информационный контроль властей" (стр. 314). Однако там анархия упоминается всего один раз – в заключении, в качестве эпитета

[136] Кропоткин ведет речь о частных деньгах, называя их "чеками труда", привязанными к рабочему времени – один из вариантов в довольно пестрой палитре возможностей существования внегосударственных денег, представленной Генкиным.

апокалипсиса, вызванного обрушением гипотетической "всемирной валюты". А до этого робкие притязания отдельных организаторов СМВ к государству, чтоб оно от них отвязалось, были названы "смелыми заявлениями", хотя, еще раз, при этом ведутся вполне себе анархические разговоры о разгосударствлении денег с акцентом на Хайека, в иных кругах именуемого представителем "анархо-капитализма"[137]. Сам Генкин говорит в пользу неолиберальной концепции широкого капитализма, свободного от денежного контроля властей, на 2002 год не представляя, что имеется в мире в смысле сворачивания среднего класса и контроля физического (товарно-логистического) пространства на 2017 год – в частности, в США и в России. О свободных деньгах внекапиталистического типа он не говорит и, похоже, не мыслит их, закономерно считая денежные отношения основой капиталистических, будучи на тот момент "певцом сетевой свободы". Ключевую роль государства в системе капиталистических отношений он, похоже, также не мыслит, а потому и не может начать разговор об особой специфике внеиерархических денег. Что касается природы актуально существующих декретно-капиталистических отношений, то она в изрядной подробности расписана О.В.Григорьевым, и эту горькую пилюлю следовало бы проглотить каждому, кто желает оставаться на позиции познавательной трезвости.

Еще одна тема, которая не поднимается в книге А.Генкина – это проблема обезналичивания расчетов сверху, когда само государство начинает осваивать сетевое пространство, и следующие из этого проблемы на фоне роста безработицы и деградации социальной структуры. Также вряд ли, что это могло быть видно на волне радужных перспектив 2002 года, но к 2017 году зловещая антиутопия стала реальностью. Тот факт, что "*значительное количество LETS[138] финансируется, а иногда и создается правительственными агентами*", рассматривалось как признак прогрессивных начал государства на местном уровне, но не как адаптация государства к новым условиям согласно его сущностной природе (под

[137] Может ли капитализм быть анархическим (или, наоборот, анархизм – капиталистическим)? Для Кропоткина – однозначно нет. Однако корректно примененная в рамках целостной оценки общественных процессов концепция внеэлитаристских денег, сопряженная с концепциями их происхождения и сути, способна в меру этой самой монетарности сохранить капитализм "в снятом виде", а "дух предпринимательства" – в превращенном и адаптированном, благо человеческое творчество извечно.

[138] LETS – Local Exchange Trading System.

"правительством" в его книге понимается в таких контекстах исключительно государственное правительство); особенно забавляют пассажи про "демонстрацию властям ненужности денежной монополии".

Насколько системы местных валют способны держать удар технологически обеспеченного тотального контроля (идеологического, экономического и политического) – сермяжный вопрос, на который пока нет однозначного ответа. Этот ответ оформится лишь тогда, когда будет поставлен дополнительный вопрос о формах защиты низовой экономической коммуникации (включая электронную), в первую очередь – о факторах ее "естественной мобильности", а потому здесь должно сыграть особую роль данное ранее идентификационно-логистическое уточнение жетонно-распределительной концепции денег и все то, что было сказано насчет ухода "среднего класса" в даркнет.

С другой стороны, Генкин говорит о том, что электронные деньги (ЭД) не снижают подконтрольность финансовых транзакций со стороны Центробанка. И здесь же он говорит об уменьшении способности государства собирать налоги как о наиболее захватывающем свойстве электронных денег. В связи с чем важен тезис этого автора насчет того, что повседневное локально-денежное оперирование станет естественным мультивалютным оперированием, причем используемые деньги различных типов (отраслевых, территориальных, узкофункциональных или каких еще) закономерно уйдут в область технической и неосознаваемой компоненты операций предъявления и обмена, однако доступной для коррекции конечным пользователем (возможно, также являющимся эмитентом). Что уже выводит на проблематику киберзащиты экономических локусов в системе даркнета.

Чуть дальше, в конце книги, он заявляет набор принципов, радикальным образом разводящих СМВ с истеблишментом капиталистической экономики, вроде этого:

> *"Цель СМВ – не создавать рабочие места или побуждать членов к возобновлению работы, а скорее, позволять каждому использовать и оценить свою компетенцию в объективной экономической системе"*[139].

[139] Раздел "Государство и СМВ: перераспределение и взаимопомощь".

Здесь, соответственно, возникает вопрос номинации частных денег как финансового анархизма в системе "полутовар-полуденьги ", поскольку такой базовой полутоварной ценностью становится сама "компетенция", а значит, снова встает вопрос об экономике знаний и возможностях формирования оптимистических гипотез уже в рамках этого нарратива, отличающихся от нарративов "экономики знаний" В.Истерли, ведшего свои рассуждении все-таки в презумпции государственно-декретных денег.

Поэтому не стоит отталкиваться от "анархизма" как некоего ярлыка со всеми его коннотациями: да, это слово весьма к месту, но оно не должно быть редукцией всего того, о чем здесь и ранее шла речь. Читатель может мне не верить, но я действительно даже не вспоминал анархизм, когда ранее вводил все те понятия, что после обращения к нему обнаруживают видимую с ним связь. Так, программная установка Фуллера позволяет вернуть метафизику "единственному" Макса Штирнера на новой, "естественнонаучной", позиции, но не является при этом самоцелью всего того, что было сказано ранее по поводу идей "американского Леонардо", который снимает штирнеровский вопрос о местоположении цели вне- или внутри нас – хотя бы тем, что "outward" не менее важно, чем "inward", и что во Вселенной нет в строгом смысле "верха" и "низа". И Фуллер же своей геодезической концепцией способен примирить с метафизикой естественнонаучника и социального практика П.А.Кропоткина – одного из наиболее знаковых ученых, способных сочетать в едином сознании глобальное присутствие человека на планете с поиском адекватного этому присутствию способа общественного устройства, как бы дико на первый взгляд такое примирение ни выглядело. Говоря в понятиях доступных человеку сфер управления, этот революционер-мыслитель присутствует на стыке управления обществом и внечеловеческой среды обитания, с небольшим "социобиологическим" погружением в сферу человеческой психосомы, с акцентом на проблемах управления обществом, а пространство поиска решений у него явно носит метауправленческий характер. Кроме того, судя по многочисленным рисункам, Кропоткин был ученым с "геометрически ориентированным" мышлением в смысле А.Пуанкаре, склонным в своем познании иметь дело скорее с формами, нежели с формулами. В силу всей этой специфики мировосприятия его можно ставить

в один ряд с такими фигурами, как Фуллер, для поиска ценных моментов сопряжения идей[140].

Будучи последовательным и памятуя то, что было сказано насчет критики категории инстинкта и наипаче "иерархического инстинкта", нельзя согласиться с кропоткинским понятием "инстинкта общительности" как "инстинкта", но не в смысле пафоса его рассуждений: общительность может быть признана "инстинктом" в качестве условного обозначения, тогда как в действительности это есть система функций, рефлексов и прочих категорий управления, как "адаптивная находка" или наследуемый поведенческий паттерн, объяснимый чем-то вроде "тезиса Пирса", нежели как особая физиологическая "сверхцель" – хотя бы потому, что всегда возникает вопрос о степени сложности системы взаимоуживающихся сверхцелей[141], а также об инстанции контроля следования им. Куда более приемлемым понятием (в смысле операциональности и не абсолютизированности), лишенным позитивистской шаблонности, является более широкое понятие интенции, реализованной на биологическом субстрате, нежели понятие-затычка "инстинкт"; оно несет больше познавательной ценности (не хочу говорить "больше научности").

Вряд ли можно найти лучшее, чем сказанное Кропоткиным об условиях возникновения подобных социобиологических понятий-затычек для общественных наук:

> "*С теорией Дарвина случилось то же, что случается со всеми теориями, имеющими отношение к человеческой жизни. Его последователи не только не расширили ее, согласно его указаниям, а напротив того, сузили ее еще более. И в то время как Спенсер, работая независимо, но в сходном направлении, постарался до некоторой степени расширить исследование вопроса: «кто же оказывается лучше приспособленным?» (в особенности в приложении к третьему изданию «Data of Erhics»), многочисленные последователи Дарвина сузили понятие о борьбе за существование до самых тесных пределов. Они стали изображать мир животных, как мир непрерывной борьбы между вечно голодающими существами, жаждущими каждое крови своих собратьев. Они наполнили современную литературу возгласами: «Горе побежденным!» – и стали выдавать этот клич за последнее слово науки о жизни... Беспощадную борьбу из-за личных выгод они возвели на высоту*

[140] То, о чем ведет речь Кропоткин в своей естественнонаучной статье "Пластичность льда" от 1878 года, когда он рассуждает о сжатиях и растяжениях этого состояния воды, рассматривая гипотезу Форбса и различные эксперименты с полужидкостями, весьма напоминает некоторые места насчет отличия механических систем сжатия и растяжения, представленных в статье Фуллера "Тенсегрити" от 1961 года.

[141] Многочисленны эмпирические примеры, особенно среди людей, того, как "инстинкт общительности" одной особи вступает в противоречие с "инстинктом размножения" другой.

принципа, закона всей биологии, которому человек обязан подчиняться, – иначе он погибнет в этом мире, основанном на взаимном уничтожении. Оставляя в стороне экономистов, которые изо всей области естествознания обыкновенно знают лишь несколько ходячих фраз, и то заимствованных у второстепенных популяризаторов, мы должны признать, что даже наиболее авторитетные представители взглядов Дарвина употребляют все усилия для поддержания этих ложных идей"[142].

Примечательно, что именно с такого же представления об истории экономической науки как истории деградации этой области знания начинается второй курс лекций по "неокономике" О.Григорьева – изобретателя понятия "иерархический инстинкт". Кропоткин не был экономистом, но, похоже, был не менее сведущ в естественных процессах, нежели иные экономисты. Кроме того, его взгляды красиво[143] дополняются некоторыми альтерэкономическими (или, если угодно, проектно-экономическими, или изобретательско-экономическими) вещами. Текст, идущий далее во "Взаимопомощи..." после цитаты, содержит призыв к уравновешенности (или, говоря более современным языком, децентрированности) в вопросе о том, "как все устроено в живой природе" (нет нужды приводить его здесь – предлагаю читателю самому обратиться к соответствующим работам Кропоткина).

В кропоткинской идее доверия и взаимопомощи, в отличие от идеи конкуренции, дабы, по-григорьевски, купцу "не потерять деньги" в крысиных бегах как главной его задаче, теоретически исключающей конспирологию (хотя почему на практике "высшие купцы" не могут между собой договориться?) заключается отличие денег государства (существующего на принципе "разделяй и властвуй" и распространяющего его на все и вся) и частных или личных денег, основанных на кооперации и диссоциации, не навязанной внешним насильственным отчуждением. И если это последнее осенено социобиологическими исканиями последовательного и въедливого исследователя Кропоткина в развитие идей Дарвина, то и Григорьев со своими социобиологическими интуициями не может быть против эволюционной перспективы человеческого естества.

Сколь важна тема денег, их сути и происхождения для самого Кропоткина? Здесь можно высказать предположение о том, что, похоже, ни он сам не

[142] П.А.Кропоткин. "Взаимопомощь как фактор эволюции", 1902 г. Глава I. "Взаимная помощь у животных".
[143] Не стоит кривиться от слова "красиво" – как сказал один мой знакомый авиатор, "некрасивое не летает".

озабочен пристально этой темой, ни инициаторы большинства частно- и личноденежных внегосударственных проектов не рассматривают реалии, выходящие за рамки их "альтерденежного" сопротивления институциональной государственности. Сам составитель коллекции таких проектов А.Генкин не рассматривает то, о чем он пишет, в прямом и открытом противостоянии с государством. Прежде всего, потому, что инициаторы таких проектов, оригинальным образом решая свои экономические задачи, не выдвигают при этом никаких политических требований, считая государство косным, но все-таки регулятором, которого нужно в одном случае увещевать, в другом – игнорировать, в третьем – судиться с ним (все это – по возможности, разумеется).

Более того, эта альтергосударственная денежность не рассматривается и теоретиками революционной борьбы как средство ее ведения, а также устройства общества после революции согласно идеалам последней. Тот же Кропоткин столь пламенно призывает к тому, чтобы дисциплине и "жалким идеям мелких реформ"[144] противопоставить "великую и свободную мысль революции" (сиречь проектную деятельность), но не говорит при этом об источнике тех специфических средств коммуникации, что были бы в своем отлаженном виде способны запустить автономный процесс революционного хозяйствования. Рассуждая об "общинной экономике", он не говорит о природе денежных процессов в ней и системе внегосударственной торговли, хотя у него есть места, близкие тому, о чем пишет Генкин, и что также соответствует изложению автора этих строк применительно к семиотике денег:

> *"...когда экономист говорит нам: «В совершенно открытом рынке ценность товаров измеряется количеством труда, общественно необходимого для их производства (смотри Риккардо, Прудона, Маркса и многих других), мы не принимаем этого утверждения как абсолютно верного потому только, что оно сказано такими авторитетами, или потому, что нам кажется “чертовски социалистичным” говорить, что труд есть истинное мерило ценности товаров». – «Возможно, – скажем мы, – что это верно. Но не замечаете ли вы, что, делая такое заявление, вы утверждаете, что ценность и количество труда обязательно пропорциональны Друг Другу, – точно так же, как скорость падающего тела пропорциональна числу секунд, в течение которых оно падало?*[145]

[144] П.А.Кропоткин. "Анархическая работа во время революции".
[145] П.А.Кропоткин. "Современная наука и анархия". "Некоторые выводы анархизма".

Следует отдать должное стратегическому характеру кропоткинской проектности: его идея естественного освоения буржуазной управленческой способности народом (и посредством этого – отъема власти у правящих улит с уничтожением самого принципа власти), с одной стороны, соответствует ленинской идее живого творчества народных масс, с другой – идее Розы Люксембург о естественности процесса деградации капитализма[146]. Кропоткин тем самым не только мирит Ленина с "жалким земляным червяком" Люксембург (или, скорее, ее с ним), но и неким образом через них – искусственно-юридический акцент марксизма с естественно-экономическим. У Кропоткина допустима революция, но она допустима естественным образом, путем освоения возможностей и захвата ниш, сопровождающегося дезавуированием роли государства как якобы самого "создателя общества", через отчуждение и вытеснение обществом государства[147]. В этом случае насилие если и допускается к применению, то носит вторичный характер – лишь в тех случаях, когда действительно требуется хирургическое вмешательство. Срочность проектов и начало конкурентного администрирования вполне сочетаются с идеями "князя анархистов":

> *"...Мы представляем себе дальнейшее развитие как движение прежде всего к уничтожению правительственной власти, которая насела на общество, особенно начиная с XVI в., и не переставала с тех пор увеличивать свои отправления; во-вторых, к развитию, насколько возможно широкому, элемента соглашения, временного договора и в то же время независимости всех групп, которые возникают для определенной цели и покроют своими союзами все общество. Вместе с этим мы представляем себе строение общества как нечто, никогда не принимающее окончательной формы, но всегда полное жизни и потому меняющее свою форму, сообразно потребностям каждого момента... Такое понимание прогресса, а также наше представление о том, что желательно для будущего (все, что способствует увеличению суммы счастья для всех) необходимо приводит нас к выработке для борьбы своей тактики; и состоит она в развитии наибольшей возможной личной инициативы в каждой группе и в каждой личности, причем единство действия достигается единством цели и силой убеждения, которую имеет каждая идея, если она свободно выражена, серьезно обсуждена и найдена справедливой"*[148].

[146] Не говоря про все те же талебовы преимущества малой солидаризированной группы (хотя малая социальная кооперация – собственно кропоткинская тема).

[147] Местами лицемерно признающегося в своей способности прикрывать эту свою функцию трансцендентальным "богом", выступающим источником иерархических установлений, но с позиции "высокой науки" продолжающего претендовать на этот статус "первичного фактора самоорганизации межчеловеческих отношений".

[148] П.А.Кропоткин. "Современная наука и анархия". "Способы действия".

На вторую декаду XXI века, когда в течение более чем 25 лет в России и мире происходит деградация общественных институтов в пользу все более сокращающихся элитных верхушек, на медленном огне проваривающих собственные народы, а иные эксперты утверждают о естественности этого процесса, как раз такая кропоткинская ползучая активность творческих масс и способна быть закономерным образом запущена как тотальный и частично управляемый, но едва ли остановимый, процесс. Рецепция предпринимательства и дизайн среды реальной жизни, вкупе с альтерденьгами, лишенными статуса суррогатности, при достаточной артикулированности сути сетецентрической и гибридной войн, наличии комплексной анархо-синдикалистской консолидации, осознавшей приход своего времени, а также характер и глубину задач, способны в своей слаженности осуществить плавность и управляемость перехода от деградирующего капитализма в новую фазу общественного бытия и новое качество общественной продуктивности.

Еще несколько слов о понятии инстинкта

> *"...то, что делает человека общественным животным, заключается не в его общительности, не в добродушии, сострадательности, приветливости, не в других приятных и привлекательных свойствах; самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и, по мнению всего света, самых счастливых, самых процветающих обществах, являются его низменные и наиболее отвратительные свойства".*
>
> *Б.Мандевиль, "Басня о пчелах".*

На Мандевиля ссылается Адам Смит, едва ли не подражая ему, на него же ссылается О.Григорьев с призывом "не строить иллюзий" и вспоминая К.Маркса, подозревавшего Смита в заимствованиях едва ли не стилистики басни[149]. Важно, однако, помнить, что Мандевиль создал свое произведение после Гоббса и до Дарвина. То, о чем идет речь дальше, касается альтернативному взгляду на условие появления этой максимы насчет человеческой природы (эмпирическую справедливость каковой нельзя отрицать), из духа которой возникла политэкономия Смита, каковой оказывается возможен с позиции более поздних представлений. Речь, опять

[149] Вебинар "Неокономики" от 15.03.2017. Весь этот раздел – в продолжение темы, начатой в книге "Частично управляемое", и касается критики неоекономического понятия "иерархического инстинкта", которое я считаю весьма неудачной и топорной заплаткой для теории О.В.Григорьева, выходящей за собственно экономические рамки в более широкое пространство гуманитарных знаний.

же, идет не о неизбежных социальных издержках "способности к обману", но о прямом толковании, и в дальнейшем я привлекаю себе в союзники весьма солидного автора русского происхождения – знатока "пчелиных сообществ". И кстати, кем-либо вообще всерьез обозначалось принципиальное различие между этой "способностью к обману" и "желанием большего"? Верно ли, что всегда второе осуществляется посредством первого? Видимо, с этим мандевилевским курьезом также связано понятие "иерархического инстинкта" у Григорьева, которое в первую очередь относится у него в государству как основе всего экономического. Именно на удивительную общественную пользу "естественных свойств" человеческого поведения, полагаемых "низменными", Мандевиль обращает внимание, что причудливо сочетает протестантский отказ от низменности "естественного человека" с иной категорией низменности, которую, однако, Мандевиль предлагает рассмотреть с точки зрения общественной ценности. Как говорится, коррупция – родимое пятно капитализма. Возможно, во времена Мандевиля коррупция не была социологическим понятием, однако получается, что именно из ее, родимой, душка возникает политэкономическая наука – нечто весьма полезное.

Будучи альтернативой "человека организованного", такая "новая низменность" является единственно санкционированной для него сферой эмоционального действия, очерчиваясь областью "игрового азарта обмана", или плутовства. Но можно ли говорить, что плут, по-гоббсовски играя в обществе как в конвенциональной площадке "войны всех против всех", реально занимался каким-то проектированием? Конечно, существенным подмножеством проектных мотивов являются чьи-то хотелки в смысле статусного потребления, но едва ли наиболее крупные среди людей замыслы были мотивируемы именно ими. Когда такие вещи называют сублимацией, то плохо понимают ее природу, отсылаясь лишь к авторитетной картине природных структур (безусловно, нужному), но не к попытке прояснить их самих. Подменяя продуктивность организованного начала протестанта новой "естественностью" в популяризаторской форме "Басни", он тем самым закрывает не только возможность структурного рассмотрения организованного человека, но и следующего за ним

трансцендентального[150] – подлинно проектного и, волей или не волей, несмотря на все свои благопожелательные оговорки, помещает свое произведение аккурат в один ряд с предшествующим "Государем" Макиавелли и "Атлант расправил плечи" Айн Рэнд – тонкими и весьма искусными формами концептуальных диверсий. Только вот протестант существует в презумпции массовизированной элитности и отрицания каких бы то ни было популяризаторских упрощений. Впрочем, сам Мандевиль производит впечатление человека доброй воли, а его произведение – впечатление попытки примирить католико-протестантские религиозно-политические дрязги его эпохи посредством классического английского юмора, сведя дело к тому, что позже будет названо диалектическим противоречием.

Человек ни свят по сути, ни порочен. Он homo ludens, и в меру своего здоровья он играет, приглашая к участию в игре себе подобных. Проблема возникает, когда он начинает играть в игру, и становится вынужден следовать ее правилам, не давая на участие в ней своего согласия. То есть когда обман относится не к игровой конкуренции как части ее содержания, а к самому факту игры. Между тем, выдумывать с некоторого этапа своей жизни свои игры, их правила, и предлагать разделить их с другими, есть естественное право человека на здоровое существование. Исключительность игры возникает в ажиотаже или экзальтации, относящихся к навязанному признанию массой своей ущербности к такому творчеству – с одной стороны, и нежеланию автора "суперигры" подарить ее обществу – с другой, став при этом ее рядовым участником, за чем кроется все то же ущербное недоверие к работоспособности собственного изобретения. В связи с этим важным моментом является то, что проект есть процедурно конечная игра целеполагания и целедостижения. Действительно, в смысле Антонио Сера богаче тот город, где больше профессий, только богатство – это, прежде всего, взаимообогащение, а создающее профессии разделение труда, или специализация деятельности, есть лишь средство, цель – кооперация в задаче in concreto, а потому сведение самоидентификации личности к частной производственной функции или даже спектру таких функций есть познавательная ошибка, ведущая к деградации всего общества в случае,

[150] Раскрытие этого понятия см. в предыдущих книгах.

если она становится руководством к действию. В этом и состоит суть общей проблемы переспециализации как бессменного застревания в одной и той же игре. Поскольку человек наиболее производителен в добровольной кооперации, он теряет эффективность в той мере, в какой перестает воспринимать общую деятельность как игровую ритмику с интересом (и выигрышем) для себя. Когда такая бессменность реализуется в системе бессменных игр и генерализуется на максимуме членов общества или концентрируется у предержащей ресурсы общественной категории, места для новых игр и проектантов не остается. Хорошей новостью здесь является то, что такая привычная бессменность игры вовсе не означает прежней востребованности в ней и в ее результатах, и то, что это имеет место для всех – весьма благоприятный человеку закон его общественной природы.

С категорией инстинкта нужно разобраться как для того, чтобы более обстоятельно продолжить начатую в предыдущих книгах тему проектного человека, так и для той, связанной теснейшим образом с данной, цели, чтобы прояснить степень подконтрольности и рациональной управляемости некоторых процессов спроса и предложения каскадно-мультипликативной природы, касающихся того, как основанные на принципе "пипл хавает" торговые стратегии способны аукнуться на агенте предложения, исходящего из примитивных представлений о природе конкуренции, в свою очередь основанных на примитивном представлении о природе человека – с одной стороны, и узких моделях деловых коммуникаций – с другой. Третья причина, по которой следует рассматривать эту категорию, состоит в том, что, избавившись от очень вредной, хотя и весьма типичной для истории науки, понятийной иллюзии, можно получить ту атмосферность познания и свободу воображения, которые способны вывести на решение по крайней мере некоторых критических проблем наблюдаемого нынче глобального цивилизационного кризиса. Реализуемая сегодня модель мироустройства соответствует определенной неономадической концепции (с ее упоминания начинается последняя глава этой книги), местами апеллирующей к "инстинктивному" поведению человека, местами интерпретируемой сторонними читателями и комментаторами с позиции этого понятия. Между тем, формирование новой модели мира происходит именно в соответствии с нашими установками о его перспективах, и не факт, что будущее, в котором

человеку предстоит жить, станет следствием неких "объективных и неумолимых законов развития" в большей степени, нежели следствием проектной деятельности, осуществляемой в соответствии с некой конвенциональной картиной мира, полученной вследствие более-менее хаотичных и более-менее предсказуемых утрясок.

По странному совпадению, микросоциальное и даже физиологическое понятие "иерархического инстинкта" введено Григорьевым в принципиально макроэкономическую и отрицающую сколь-нибудь значимую относительно микроуровня неоэкономическую теорию. Если же обращаться к общему понятию инстинкта (а ему, безусловно, следует уделить внимание в этой книге, посвященной возможностям человеческого существа в связи с его природой), то здесь имеется достаточная путаница, возникшая едва ли не с введения данного понятия стоиками первой волны (возводить это понятие к Аристотелю в виду наличия у него понятия целевой причинности[151] не совсем корректно, хотя категория животной души, безусловно, идет у него в единой связке с понятием "энтелехии") для категории "врожденного стремления" или, говоря более современным языком, априорной интенции, которое, будучи некой данностью безотносительно к своим видам (размножения, иерархи, самосохранения или чего еще), уже выступает неким особым в организме действующим началом, реализующим алгедонический принцип (ибо со следованием этой интенции либо отклонением от нее определяется, что хорошо и что плохо), но не сам этот принцип есть специфика (деонтической, кстати, в аспекте системы значений) логики устройства и функционирования организма как целого на различных уровнях его бытия. Спустя столетия, собственно, начинается современное представление об инстинктах, ознаменовавшееся изгнанием из биологии теологически нагруженной целевой причинности в живом и упорном нежелании ее уходить в виду очевидной целесообразности проявлений живого (о чем было сказано в книге "Возможность управления), а потому срочно потребовалось прикрыть позорище эпистемической дыры. Маркерной фигурой этого процесса стал шевалье де Ламарк. Он определил инстинкт как

[151] В предыдущих двух книгах отмечалось, что наиболее эффективными на начало XXI века средствами системного и структурного объяснений целевой причинности являются дискурсы virtus и эвфемеризации, некоторые гениальные прозрения, сделанные в свое время Лейбницем, а также некоторые аспекты понятия рекурсии.

некую наклонность (опять же, интенцию), возникающую в качестве продукта ощущений (которые уже апостериорны, даже если они внутренние), кои, в свою очередь, порождают потребности (то есть системную нехватку) и тем стимулируют к определенному поведению, причем независимо от таких факторов управления (безусловно, человеческим поведением), как мысль или воля[152]. Иначе говоря, категория инстинкта представлена как базовая проблемная феноменологическая категория, связанная с поведением сомнительной цепочкой каузальности и абстрагированная от иных двух существенных регулятивных факторов интенциональной природы безотносительно к их прояснению. Однако если содержание мысли и воли все-таки прояснять, то структура мысли как смыслополагания довольно быстро окажется связанной с потребностным аспектом человеческого бытия, а природа воли, в современной ее трактовке – с понятийной неопределенностью насчет бессознательных аспектов человеческой природы (включая гормональные), опосредованности воли как желания (will) мышлением и рассудком (и тем самым отличия воли от действия в соответствии с решением) и, в конечном итоге, кругом в определениях, если только разговор не начинает идти о воле в аспекте сознания, либо подавляющего животные стремления (хорошо, пусть они называются "инстинктами"), либо правящего ими без аффектов и перверсий, но в этом случае, помимо дополнительных штрихов к картине веберовского натурального человека, мы получаем хорошее основание для критики "эволюционистской расхожести" (или "штампа", или "пошлости"): когда оправдывают или объясняют нечто инстинктом, апеллируют к мудрости эволюции, а когда говорят об эволюции, подразумевают "миллионы лет", не удосуживаясь задаться вопросом о том, все ли проявления "инстинктивного" есть автоматизмы, выработанные именно за "миллионы лет", а не за пару-тройку тысячелетий, несколько столетий или, к примеру, десятилетий: едва ли все паттерны поведенческого автоматизма человека имеют временную соизмеримость, и не представляют комплекс рефлекторных доминант и привычек (единых лишь в том, что все они алгедоничны), выработанных в различных условиях природных и социокультурных детерминаций в

[152] "*l' instinct dans les animaux, est un penchant qui entraîne, que des sensations provoquent en faisant naître des besoins, et qui fait exécuter des actions, sans la participation d' aucune pensée, ni d'aucun acte de volonté*". J. B. Lamarck. "Philosophie zoologique..."

различные сроки и (кстати, на это совсем мало обращают внимание в рамках данной темы) с разной периодичностью актуализации. Но даже безотносительно к этим, незамечаемым "расхожестью", срочности и условиям, собственно сознательное решение есть средство управления даже наследственными детерминантами поведения, представляющее неизменный атрибут человеческой свободы и в этом смысле нечто естественное для него и сермяжно здоровое (то, что при этом могут быть не удовлетворены не менее естественные животные потребности из числа физиологических – отдельный вопрос, также касающийся категории здоровья: человек, простите за трюизм, не одномерен); в своей внеаффективности и внеперверсивности оно характеризует то, что именуется личностной зрелостью.

Собственно то, что касается послеламарковского объяснения Ж.Л.Кювье инстинкта как наследственной поведенческой детерминанты, не содержит в себе ничего нового и представляет собой даже доламарковское картезианство. Дальше по линии биологической науки в XX веке насчет природы инстинкта идет какая-то жуткая муть – хитроумная загогулина, представляющая попытку разных исследователей артикулировать собственные интуиции на сей счет, оставаясь в пределах позитивной науки – вроде "фиксированных комплексов действий", прекрасно иллюстрирующих сказанное насчет "эволюционной расхожести". Все остальное касается либо отрицания инстинктов в психологической традиции, либо рассуждений в духе "жизненной силы", либо все тот же картезианский рационализм, но в более продвинутой форме идей Конрада Лоренца или Николаса Тинбергена, дающих процедурно-аппаратную интерпретацию инстинкту, однако весьма близко подходящих к виртуалистическому пониманию феномена целесообразности.

***

Иерархический или стадный инстинкт (если это вообще инстинкт) простирается лишь до границ конвенциональной конформности, за которой следует война, в которой и для которой пестуется инстинкт убийцы – вернее даже не инстинкт (еще один неизбежный недостаток свежей неоэкономической теории – не всегда отточенная многочисленная терминология, называемая "рабочими понятиями", которая тут же, будучи

широко используема в обсуждениях, делается изъезженной и как бы самоочевидной), а комплекс установок и поведенческих реакций (сиречь целенаправленно выработанных привычек), включая рефлекторные, создающих деятельность эффективного убийцы либо охотника на себе подобных. Причем, вопреки всякой социобиологии, такую эффективность может проявлять актор, совершенно не снабженный зубами, клыками и шкурой альфа-самца, но интеллектом, сиречь способностью к изобретательности, позволяющим, с использованием этих привычек и даже элементарных подручных средств, одолеть любой вид "естественного человеческого социума" (простирающегося в туманное пространство действий "общественных сил"), основанного на естественном же иерархическом праве клыков, когтей и шкур. То есть человек, управляющий собственной злобой и проектирующий месть (а речь, как нетрудно догадаться, идет именно об организованном человеке) – это про другое (равно как про другое – месть, сопровождаемая естественной порослью эмоций, но не исходящая из них, а потому в лучшем своем виде "подаваемая холодной"). Попытка встраивания такого человека в иерархию стада помимо его же воли может закончиться плачевно для предпринимающего ее. Таков человек не столько производящий, сколько защищающийся лучшим способом – нападением – внезапным, концентрированным и целенаправленным, особенно когда пружина взводится в течение многих лет или даже веков (что можно видеть на рубеже XX и XXI веков на примере внутренних конфликтов Северной и Южной Европы). Но даже если он по своему антропологическому типу организован или трансцендентален, то все равно пребывает в мироотношении weaponry, тогда как его проектное, дизайнерское и творческое отношение с миром в наиболее эргономичном, экономном и лаконичном выражении определяется в мироотношении и режиме ведения жизни livingry. И важно, что именно такой человек, владея средствами и приемами weaponry, имеет интерес в чем-то другом. Бабуин не видит этого другого, вооружается чистым ницшеанством и до чертиков боится непредсказуемого человека, не вписывающегося в его логику; пытаясь воспроизвести его творческую способность, плохо понимает ее природу, а потому понятие творчества оказывается у бабуина отсутствующим или в лучшем случае искаженным. Доминирование вообще не имеет отношения к желанию получить признание и быть оцененным по

достоинству. Оно есть статусно-демонстративное действие, следующее за чувством превосходства, которое, по мере его питания и культивирования, теряет связь с осознанием реальных условий и обстоятельств, а также относительности и временности любого превосходства, ведущее в конечном итоге к недо- или пере- оценке сил и ресурсов, потере контроля над ситуацией и распаду системности. Конечно, естество социальной животности присуще всем людям, однако в разной степени, причем ни иерархия, ни война всех против всех из него напрямую не следуют. Человеку эволюционно даны животные опции как мотивационно-поведенческие инструменты, но не в меньшей степени эволюционно ему же дана и развиваемая способность к невероятно гибкому самоуправлению, и этот инструмент не хуже и затрагивает куда большее число иных когнитивных способностей, нежели те, что исчерпываются животным "базисом" (это помимо того общего соображения, что один и тот же тип конструкции может быть представлен разными носителями).

Организованный человек не только заведомо пребывает вне стада, но доводит свою индивидуалистичность до патологического предела, тогда как трансцендентальный коммуникант – человек общества, но также внеиерархического и внестадного (самое интересное, что история и мир способны демонстрировать такое внестадное существование). Будучи довольно примитивной конструкцией, социобиология не видит и не мыслит этих вещей. Пределом разговора про всякого рода волю к власти оказывается именно что воинственная личность и коммуникация боевых действий, до которой "честный" ницшеанский разговор почему-то не доходит. Желания подчинять и подчиняться – весьма обратимые, но вместе они – совершенно иные, нежели желание убивать (желание несуществования) и даже противоположны ему. Именно поэтому иерархия так важна в армиях и прочих дисциплинарных структурах в качестве средства контроля, а не потому, что мотив к санкционированному убийству имеет одну с ней природу. Организованная оперативная свирепость предполагает техничность и кооперацию, иерархия в которой выполняет все ту же функцию контроля, но редко превышает для своих задач два уровня и носит заведомо срочный характер. Такие вещи, как "иерархический инстинкт", представляются нам "природой человека" лишь потому, что они составляют

содержание так любимой нами эмпирики, провозглашаемой в качестве критерия истины. Но это лишь критерий актуально наблюдаемого, которое не обязательно есть закономерное, за которым маячит вполне себе абстрактная гегелевская предпосылка о "разумности" актуального, несмотря на всю его герценскую "гнусность"; к тому же, как было сказано, провозглашаемое в качестве наблюдаемого не так уж очевидно.

Макросоциальная иерархия представляет собой надличностный организационный каскад, имеющий преимущественно ресурсную, а не алгедоническую, природу, которая проявляется postfactum, а потому и воспринимается в этом своем проявлении как ее суть.

Здесь есть еще одна неоекономическая нестыковка за рамками собственно экономического разговора: организованный проектант-протестант (состояние которого в принципе открыто каждому) принципиально чужд иерархическому инстинкту, но в разговоры про сообщество проектантов будущего почему-то вкрадывается странная идея "неуправленческой иерархии", якобы не имеющая условий иррационального поведения (хотя социально-психологически вполне-таки себе их имеющая), которая легко оказывается спутываема с ранжированием; но это разные понятия (тем более с учетом того, что на сей счет говорил Л.Питер): ранжировать или кластеризовать можно что угодно и как угодно – например, по степени плешивости: это не значит, что более плешивый подчиняется менее плешивому (или наоборот). Равно как не значит, что мультимиллионер подчиняется мультимиллиардеру – хотя в этом именно случае наверняка моментом спора для многих будет то соображение, что деньги – фактор управления, и чем их больше, тем больше возможности управления. То, почему такое прямолинейное суждение – полная чушь, я даже не буду здесь рассматривать. Равно как не буду рассматривать то, почему социальная модель вовсе не обязательно должна предполагать концептуальную (социобиологическую или какую-либо иную) заплатку со стянутыми краями.

Оправдываемая понятиями вроде "иерархического инстинкта" элементарная коммуникативная недоразвитость (или, если угодно, невоспитанность или несамовоспитанность) есть причина неоцененного числа упущенных проектных возможностей и гибели весьма захватывающих начинаний.

Модель – это всегда редукция; желаете более полных знаний и "атмосферных" представлений предмета – добро пожаловать в философию! Здесь же рассматриваются вещи, до сих пор остающиеся в тени без внимания, недопроясненные или незаслуженно забытые, кои лично мне видятся содержащими решения многих существенных проблем, и выходящих за рамки самого понятия модели.

И если суть жизни усматривать в лейбницевом степенном движении, то свобода, пожалуй, будет тем предикатом, который определяет главный смысл жизни сознательного и разумного существа. Иначе говоря, этот смысл обнаруживает себя в выборе направления и способа такого движения.

***

До кучи, используемое Григорьевым понятие иерархического инстинкта противоречит веберовской антропологии (естественного и организованного человеков), с которой Григорьев же начинает свой разговор о об исторических корнях капиталистического предпринимателя: профессия, или дело, или бизнес, или "макропроект", есть такой режим "человеческого естества", который исключает выстраивание подчинения или подавления тех или тому, кто также представляет собой человека дела: вместо этого существуют заказчики и подрядчики (которые, опять же, конкурируют, но не подчиняются). Здесь важный момент в том, что понятие иерархического инстинкта аналитически содержит в себе понятие подражания , от которого органи... (очень хочется сказать "органический", а не "организованный" – из вредности) человек как раз и отказывается, создавая свое, но и замыкаясь в нем, и переходя в своем состоянии к экспансии. Преодолевает же он собственную самозаорганизованность в становлении и бытии трансцендентальным человеком, осуществляющим прыжок сознания за рамки собственных интересов и эгоизма в мир других людей, признавая их себе подобие, будучи предметно и осознанно заинтересованным в деятельностном взаиморазвитии всех и каждого, осуществляющим ненасильственный принцип не соподчинения, но сотворчества и сотрудничества. Среди таких людей, безусловно, возможна конкуренция, но она всегда носит ограниченный игровой характер[153]. И, похоже, именно это

[153] См. предыдущие две книги.

сотворческое состояние представляет собой тот формат хозяйствования, что в смысле формаций Маркса носит название позитивного гуманизма.

"Трансцендентального" человека не стоит путать с тем, что имеет в виду трансгуманизм в широком спектре своих направлений: первый представляет собой развитие идеи веберовского человека, идущего вслед за организованным, формирующийся на основе личного выбора поведения и взаимоотношения с окружающим миром, а человек "трансгуманистичный" предлагается к созданию на основе применения к человеческому комплекса перспективных технологий, представляющих собой реализацию идей научной фантастики: с одной стороны, корни этой идеи фаустовы, с другой – фуллеровы. Но и Фуллер имел в виду "несколько" иное, нежели киборгизация, сингулярность и перенос сознания, хотя в его случае имеет место наиболее современное и наиболее близкое современному пафосу трансгуманизма представление, бытующее со времен "благостного послевоенного тридцатилетия" в качестве "коллективного научного бессознательного" до сих пор. У него была рецепция некой природной данности и природных форм, остававшихся до некоторого времени в тени человеческого умозрения.

Анархистская этика: не утопическая кибернетика межличностного

Российское общество начала XXI века гибнет и, похоже, первая причина тому – в том, что оно пребывает в великой инфантилизации: пытаясь быть трезвыми оценщиками происходящего, иные интеллектуалы нередко соглашаются с необходимостью кого-то ограбить или понести еще какие-то исторические издержки, но лишь до тех пор, пока дело не коснется их самих, и тогда они затягивают разговор о справедливости-без-прилагательных (а кого уже обидели, ведут разговор об исторической справедливости). Однако если им предложить некую модельную перспективу, выходящую за пределы их интересов и представлений, они назовут ее не реальной.

Если марксистский коммунизм и считать наиболее социально-научно-системным и всеобъемлющим (на момент его возникновения в собственных исторических условиях, разумеется), то кропоткинский анархический коммунизм, скорее всего, следует считать наиболее последовательным. И состояние глобального общества начала XXI века, судя по всему, требует ничего иного, как рецепции последнего в сочетании с постмарксовыми и

"постсоюзными" оговорками. Собственно, наиболее серьезное и системное развитие постмарксовых идей и представляет собой неоекономика О.Григорьева, от жестких и острых углов которой автор этих строк отталкивается в сторону более целостного социально-научного нарратива (здесь – преимущественно по вопросу о государстве как "содержательном аттракторе" рассуждений), беря реперной точкой все еще облачную ("клубящуюся" в разных значениях этого слова) урбанистику. Так, уже позиция кропоткинской этики представляет момент расхождения социобиологической позиции революционера-анархиста с аналогичным предметным аспектом неоекономической теории российского экономиста[154]. Что касается автора этих строк, то его собственное усмотрение основоположения этики в экономической науке происходит из логико-кибернетических и науковедческих оснований, а не социобиологических. Ничто иное, как до сих пор авангардная идея сетецентрической войны и соответствующих вооружений, возникшая во второй половине XX века из военно-экономического нарратива затрат, как раз может быть возведена к социобиологическим идеям П.Кропоткина, не говорившего прямым текстом, но прямо указывавшего на эмпирические роевые (swarm) системы управления и координации в живой природе (муравьев, пчел, подземных грызунов и тому подобное). И не случайно идея такой войны возникла в американском полугосударстве. Это, кстати, тем более верно и важно с учетом того, что подлинные элиты лишь тем становятся суперэлитами, что доходят до своего отрицания, а также того, каким образом малые группы осуществляют получение контроля над большими сообществами (каковой механизм раскрывает в своих выступлениях Н.Талеб). Однако более совершенная эволюционная задача такой суперэлиты может состоять в том, чтобы максимально приблизить среднего человека к своему уровню, дабы жить в наиболее достойных ее и комфортных условиях окружения – в обществе себе подобных, причем как в биологическом, так и в социальном, смыслах.

[154] Поскольку краеугольным камнем кропоткинской этики является "золотое правило", постольку логичным будет считать начало этого разговора в книге "Возможность управления...", в разделе "Методологические требования для разработки машинных систем, работающих в логике диалога", где речь идет о проблеме формализации, связанной с особенностями модальностей, используемых в логической структуре этого правила, и с уже давно ставшим общим местом положением о несводимости этой структуры к закону контрапозиции.

В связи с этим стоит упомянуть о существовании расхожей точки зрения, согласно которой анархизм есть "ящик Пандоры", чреватый противоестественностями вроде разного рода телесно-личностных разнузданностей а-ля "неолиберальная Европа конца XX века". Однако избавление от болезни или перверсии и возврат к здоровью не есть замена одной болезни другой, хотя ослабленный первой из них организм вполне способен получить сопутствующие заболевания, порой смертельные. "Анархизм с прилагательными", собственно, отражает или какие-то аспекты этого исходного понятия, или представляет собой такие перверсии. Именно поэтому, как было отмечено, здесь особую роль играет задача истолкования наиболее взвешенного варианта этой концепции "без прилагательных" в новых условиях[155]. Подобные перверсии, однако, можно наблюдать во всяком случае, когда некая ничтожная и до того затравленная личность, получив некие права или жизненные возможности (или, к примеру, не столько бесправная, сколько испорченная некорректным воспитанием), начинает вокруг хамить или задирать нос, пытаясь ощутить реальность происходящей перемены посредством примитивной вседозволенности. Таков половозрелый человек, не изживший детские способы освоения мира, таково пришедшее в постсоветской России к власти номенклатурное чиновничество, а также известные во всех странах и эпохах случайно обогатившиеся нувориши-халявщики. Собственно анархизм-с-прилагательными есть ничто иное, как разовые или масштабные состояния одного и того же анархизма (за исключением, пожалуй, чего-то вроде анархо-феминизма или анархо-гомосексуализма, представляющих собой анархизм-с-девиациями). Тем более такие прилагательные оказываются не заведомыми "расхождениями-сразу" некогда единой общности (подобно протестантским течениям христианства), но свидетельством аспектативной гибкости этого режима демократической свободы, при котором большинство прилагательных не исключают одно другое.

Однако сегодня, похоже, придется осуществить ничто иное, как формирование посткропоткинского "анархизма-без-прилагательных", выстраиваемого именно с учетом, а не в русле, всего того, что может быть

[155] Собственно то, о чем идет речь в материале "три в одном в элитологии", можно связать с содержанием "синдикалистского" существования res publica, все прочее – с анархо-коммунистическим. Но и там, и здесь в основе присутствует принцип диссоциативности, срочности, адаптивности и гибкости.

связано с этим понятием именно с целью не выбросить ценное в качестве лишнего, избежав при этом превратной понятости и раскрыв пафос этой идеи в новых условиях. Нужно вновь осознать со всей отчетливостью эту братскую альтернативу марксистского проекта в его позитивных коннотациях, и необходимость строить с этой позиции целостную социальную науку в части межчеловеческих отношений (с учетом всего того, что может быть сказано насчет средств массовой информации и массовой коммуникации). В области этих рецепций лежит существенная часть тех надежд, что связаны с поиском продуктивного и наименее болезненного выхода из глобального цивилизационного кризиса начала XXI века.

Насчет этических взглядов Кропоткина можно сказать одно: он жил до открытия Дж. Нэшем рациональности кэрроловского движения в обе стороны (ради себя и ради других), однако весьма близко подошел к этому решению, прямым образом указав на целый ряд вдохновенных поступков, в которых едва ли можно четко различить, сделаны они из эгоистических или из альтруистических побуждений. В рамках используемых здесь категорий можно сказать, что они сделаны из побуждений виртуалистических, но во времена Кропоткина наука, опять же, не пользовалась таким понятием.

В своей критике подхода Гексли к природной внеэтичности и человеческой этичности[156] Кропоткина можно отнести к последователям той самой неопифагорейской традиции, что в XX веке проявлялась столь яркими, но столь редкими для XX века, самородками, каковыми были "естественники" Тесла или Фуллер. Преодолевая посткартезианские перверсии английского ученого, русский анархист отсылает к подобию макро- и микрокосма, не говоря о том, что позволяет выйти на этическое измерение логико-натуралистической категории рекурсии[157]. Здесь же обнаруживается бытие государства этической моделью мира. Это еще одна причина того, почему государство исключает полицентричность, или "мультимодельность": государство по сути не живет диалогом, осуществляя монопольную управляемость своей ойкуменой посредством универсальных политик, в рамках которых оно создает прескрипции и рамки. А еще государство знает лишь один масштаб – актуальный, и стремится его расширить, игнорируя

[156] Лекция "Справедливость и нравственность", прочитанная в Анкотском Братстве в Манчестере перед собранием рабочих, изданная на русском языке в январе 1920 г.
[157] См. материал "Модель vs рекурсия: вопрос научного метода" в книге "Возможность управления...".

прежние уровни. Именно поэтому для него набор актуально данных феноменов рассматривается не во взаимоадаптивной сложности, а в модели – циркулярах, регламентах и шаблонах, представляющих собой целесообразные упрощения, но никогда – природную простоту в ее исходном виде. Ведь для того, чтобы следовать ей, не нужно внешнее управляющее воздействие.

Если кто-то скажет, что все, здесь излагаемое, утопично – как по причине столь "необъективных" этических основ экономики, так и по причине той, известной с советских времен, "истины", что сам "просвещенный анархизм" утопичен, то я отвечу: зато мир, в качестве лекарства которому предлагается вся эта "утопия", антиутопичен. Мы говорим об утопии как о чем-то нереальном, но не потому ли на рубеже XX и XXI веков столь сильно упал интерес к фантастике, что она воплощается в жизнь, все больше сближаясь с темами катастроф, зомби-апокалипсиса и постапокалипсиса? Не говоря про то, что фантазия заменяется магией и архаикой фэнтези? Это весьма известные, исследованные и оговоренные вещи, чтобы на них останавливаться особо. И они реальны как медиаконтент и феномен сознания, творящие "исходную реальность". Однако когда начинаешь вспоминать известные, но подзабытые, направления решений, тут же возникают возгласы, что-де предлагаемое не работает, и потому лишь, что оно ранее не встречалось в жизни. Тем временем кошмар "постразвития", ранее комментируемый выражениями "ну нет, возврата к прошлому не будет: человечество бесповоротно развилось в более совершенную форму" (автор этих строк неоднократно слышал этот успокоительный оптимизм в "продвинутой" среде во времена перестройки, 1990-х и 2000-х), теперь не только воплощается в жизнь, но и считается очень многими чем-то само собой разумеющимся. Еще бы! Ведь оно происходит – а значит, реально. Но эта реальность ощущается обстоятельством столь же непреодолимой силы, как раньше считалась непреодолимой реальность прогресса. А вот что действительно оказывается нереальным, так это вера в собственную способность повлиять (воздействовать) на реальность. Действительно, как сила воображения или фантазии способна повлиять на "окружающую действительность"? Ведь это "действительность", а то – "фантазии"?! И первая творит реальность исходную, а вторые – виртуальную, и только так, а

не наоборот, "ведь только в кино бывает по-другому". "А зачем тогда кино снимают о том, что кажется реальным"? "Ну, чтоб денег заработать". Главная проблема, однако, состоит в том, как не дать заметившим продуктивность плода фантазии паразитам-скептикам перехватить инициативу: малодушные трусы, "умеющие жить", в случае легкой выгоды оказываются довольно алчными и круто расправляются с источником творческого воображения – конечно, ведь они считают "фантазера" витающим в облаках человеком, которого можно обвести вокруг пальца. Вопрос, однако, в том, как овладевшему удивительной способностью virtus создавать себе подобных и кооперироваться с ними, ибо эта способность удивительна по силе воздействия, а в случае надобности – по своим боевым качествам.

Считать сегодня идеи Кропоткина утопизмом – значит фундаментально не представлять себе масштаб и характер реально существующих проблем и происходящих процессов. Но у него, при всем его уме и достижениях, похоже, также не было представления о республике как не-государстве, и о демократии как принципиально внеиерархической системе управления и позитивном номинативном аналоге анархии, как не было представления о деньгах в той системе смыслов, в какой они рассматриваются здесь (как вполне естественный, а не вымученный или подавляющий менторством или государством, фактор самодисциплины). Не исключено, что хотя бы отчасти это имело место по все той же причине искусственного разделения системы научного труда, которую он, как честный ученый, просто не мог игнорировать. Однако, возможно, анархия как антропологическая суть, цель и пафос социальных преобразований для него была важнее любых институциональных или структурных акциденций, каковые обнаруживаются при пересмотре понятия республики. Ибо, по его же словам, «*миром управляют идеи гораздо больше, чем это думают, а великие идеи, выраженные в решительной форме, всегда имели влияние на умы*». Кропоткинскому понятию анархии скорее ближе понятия богдановской тектологии или фуллеровой синергетики, нежели расхожее понятие "социальный хаос", а потому оно скорее представляет собой понятие преодоления хаоса.

Можно долго соглашаться или спорить с Кропоткиным по нюансам – здесь важно сделать методологическое замечание о том, что аргумент может вступить в конфликт с гениальной догадкой, возникшей как инсайт или прозрение интуиции – "неподконтрольной сознанию логики", дабы предупредить какие-либо возражения в духе "а вот, историки нашли факты, опровергающие то, что говорил Кропоткин". Это – тот самый методологический момент, что возвращает теориям право на существование безотносительно к какому бы то ни было фальсификационизму, не учитываемый расхожими научными последователями постпозитивистов, не склонными вдаваться в тонкости вопроса. Действительно, то, что может быть здесь связано с понятием "гельветического человека", идущего корнями вглубь истории Европы (так же, как рецепции современными европейцами начала XXI века своих дохристианских корней), не было частью разговора Кропоткина о коммунах и общинах в начале XX века. Но здесь имеет место одно и то же направление мысли, или ее пафос. И то, что понятие общинности у него не перешло в пересмотр понятия республиканства, не умаляет единства мысли во всех этих случаях. Также то, что он упоминает республиканство критически, наряду с монархиями как вид государственничества, от которого человечеству стоит избавиться, не противоречит тому, о чем здесь веду речь я: разумеется, от него нужно избавиться, если по юридической старинке считать республику государством; однако если она есть альтернатива государственному типу цивилизационного развития, то само слово "республика" оказывается позитивным выражением-аналогом для негативного выражения "анархия" с дополнительными этимологическими коннотациями. У Кропоткина таким позитивным аналогом оказывается слово "федерация", однако в начале XXI века очень многие согласятся с тем, что этот термин куда в большей степени себя государственнически дискредитировал, нежели "республика"; тогда как в начале XX века было ровно наоборот. Кропоткин проясняет принцип декартова метода от простого к сложному именно в социальном смысле. Да, на-гора человеку дана изначальная сложность природного "мира феноменов", и его модельная редукция играет против познания, становясь основой государственнической науки. Но как принцип построения общества свободных людей "от простого к сложному" играет против государства.

Государство следовало бы "позитивно упразднить", то есть уничтожить, даже в том случае, если бы были неизвестны те, уже многочисленно здесь представленные, черты заявляющего о себе нового общества, которое пришло бы ему на смену. Негативная коннотация слова "анархия" проистекает как раз из-за того, что разрушение власти более-менее большого государства расхоже мыслится как смена единой власти множественной властью более-менее мелких деспотий, вплоть до деспотий отдельных личностей-тиранов, при согласии с тем, что-де власть над себе (и не только себе) подобными имманентно присуща природе человека[158]. При этом и для народного "здравого смысла" лучше, если власть будет "макрогосударственная", поскольку чем она больше, тем легче от нее убежать – где умыкнув, а где подмазав. А потому безвластие приравнивается к власти же, без рефлексии того, что и сами такие опасения, и "мелкие власти" есть лишь плод страха перед почти полностью неизвестным большинству "людей платящих" состоянием, сопровождающегося бурным "воображением фрустрации" (но не "предпочтения"), не способным здесь породить ничего, кроме прежних форм в худшем виде. С другой стороны, призыв к анархии воспринимается как заведомая ложь, то есть как стремление призывающего к ней в действительности реализовать власть над человеками другими хитрым способом – через ее отрицание. Но ничего, кроме все той же проективной логической ошибки по "принципу пьяницы", такая подозрительность не осуществляет. Призыв к анархии в действительности есть ничто иное, как призыв к ответственности за собственную жизнь и жизнь других людей, с коими человек добровольно связывается обязательствами и добровольно может расстаться. Но именно это и страшит больше всего, а потому этот неизвестный (или давно позабытый) предмет страха заменяется предметом страха более известным.

И если Кропоткин говорит о том, что политэкономия должна стать не похожей на современную ему, и представлять своего рода физиологию общества, то здесь сразу видится и панвиталистическая нота, и социальный аристотелизм, и современный ему позитивизм. Но важно видеть все это у Кропоткина как нечто большее, чем естественнонаучный позитивизм: более, чем за полвека он заявил о вещах, воплощенный в жизнь С.Биром. Даже на

[158] Можно было бы здесь снова начать цитировать Кропоткина, много где цитирующего Дарвина, но едва ли стоит, поскольку эти вещи уже давно дженерики.

сегодняшний день новаторски звучит ремарка Кропоткина насчет условности любого так называемого "закона природы": как раз понимание этой условности для него оказывается условием подлинной научности[159]. Буквально же Кропоткин утверждает, что без представления об обществе как целостной жизнеспособной системе "науки политической экономии еще не существует". Общество как одноранговая сеть конечных подсистем – вот идея, предлагаемая Кропоткиным и недоосознанная сегодня. Сетевой принцип организации общества – сермяжный принцип анархии, который сегодня берет на вооружение государство. Именно поэтому, в наибольшей степени развившись в США как полугосударственном (а потому экономическом) лидере мира, этот сетевой анархический тренд социальной организации различных видов и уровней начинает разрушать оставшуюся половину американской государственности, вызывая управленческие коллизии, находящие выражение, в первую очередь, в достижении предела экономических проблем на глобальном уровне и самозамыкания "Соединенных Штатов" в пределах государственных границ. Следующий закономерный этап – системная анархия, и вот именно здесь у России как страны, а не государства, оказывается шанс перехватить глобальную инициативу.

Олегу Григорьеву, безусловно, будет представляться история экономической мысли как история деградации соответствующей ей науки, поскольку, исходя из идеи государства и отталкиваясь от его монархического начала, эта мысль в конченом итоге пришла в лице своих наиболее смелых представителей к идее независимости от государства в экономическом смысле, но так и не смогла признать его ненужность в более широком смысле общественной патологии. Что касается менее смелых или менее догадливых представителей, то они весьма верно прозревали эту идею лишь смутным, частным и косвенным образом, хотя и не высказывались насчет нее прямо и артикулированно. А потому, знал он об этом или нет (необходимость

[159] *"Люди науки, не знающие естественных наук, не способны понять истинный смысл закона природы; они ослеплены словом закон и воображают, что закон, подобный закону Адама Смита, имеет фатальную силу, от которой невозможно освободиться. Когда им показывают обратную сторону этого закона, результаты, плачевные с точки зрения развития и счастья человеческой личности, они отвечают: «Таков неумолимый закон», – и иногда этот ответ дается в таком резком тоне, который доказывает их веру в свою непогрешимость. Натуралист знает, что наука может уничтожить вредные последствия закона, что часто человек, который желает осилить природу, одерживает победу".* П.А.Кропоткин. "Наука и анархия". "Некоторые выводы анархизма".

государства для экономики, еще раз, является одной из онтологических предпосылок неоэкономической теории), Григорьев сделал простую вещь: вернулся к исторической изначальности своей науки, и стал развивать ее оттуда. Анархические идеи этому экономическому кибернетику и государственному советнику, похоже, весьма чужды.

Помимо того, что связывает Григорьев с возникновением европейского человека из конфликта (разумеется, диалектического) папы с императором, в рамках кропоткинского нарратива возникает еще один его источник: "обратное" возникновение общинного человека как сопротивленца государству из духа революции (собственно, этот-то момент и подхватила церковь, став началом демократического "народного представительства", что также является частью нарратива неоэкономического). Но этот кропоткинский нарратив "гипотезы прошлого" весьма отличен от того, что говорит Григорьев насчет возникновения вольных городов – также, по его мнению, возникающих в истории как нечто уникальное из присутствия в качестве третьей стороны между двумя европейскими центрами силы, получающими вольности то от одного, то от другого "макрогосударя". Соображения насчет этих вольностей также есть у Кропоткина, но, будучи рассмотрены в более масштабном историческом ключе, они не только не выступают у него как уникальное явление, но представляют собой вариацию прочих форм, которые он как раз считает естественным, исходным состоянием общественной жизни, тогда как для Григорьева такой исходной формой оказывается территориальная империя с тороидной динамикой элиты по линии "центр-периферия" согласно халдуновским циклам[160]. В материале "Государство, его роль в истории" он прямо пишет о том, что покровительство сеньора вольному городу было далеко не общим правилом, и "*сотни вольных городов жили без всякого другого права, кроме собственной воли, под защитой своих стен и копий*". Важной заслугой кропоткинского нарратива является разведение понятий средневековья – с одной стороны, и феодализма как хронической патологии этой эпохи – с другой. Он же утверждает немыслимую для "ортодоксальной политэкономии" вещь – а именно, что технологическая промышленность

[160] Переходя на более скромный относительно этих титанов мысли уровень исторического рассмотрения, автор сих строк осмеливается спросить, случайно ли революционеры рубежа XIX и XX веков вынашивали и обсуждали свои планы в австрийско-швейцарской "гельветической" ойкумене?

зародилась в вольных городах с их спецификой внеэкономического социального устройства (системы одноранговых систем), а не с чистым действием притока денег в качестве "инвестиционной крови", как то гласит неоекономика. Здесь же важна еще одна кропоткинская демаркация – государства, общества и правительства. Однако поскольку для него правительство оказывается синонимом государственной системы управления, постольку Кропоткин использует это понятие едва ли не как синоним государства; никаких экспериментов с "киберсиновщиной" и "локальными инфоком-сетями" (ни реальных, ни мысленных) в его времена быть не могло. Но почва для этого создавалась, причем именно кооптированными в Интернационал анархистами.

Для Кропоткина оказывается важным преодолеть научно-исторические расхожести, рассказанные с позиции государства – например, раскрыть ложь исторического противостояния феодальной раздробленности государству, демонстрируя государственническую суть всякого феодала, и феодальную – всякого государства. При этом он связывает начало государственнического закабаления "общества вольных" с переходом от общегородской торговли к личной; действительно, когда "я" желает торговать, то начинает испытывать нужду в денежном инструменте, который в конечном счете оказываются монополизированным, а вместе с ним через механизм лицензирования государство присваивает себе право ограничения торговой деятельности.

Догоударственные и безгосударственные общества отличаются от анархии тем, что последняя представляет собой осознанное отрицание государства с предупреждением его возникновения и развития, то есть содержит его "в снятом виде" как исторический опыт болезни и адаптации с выработкой иммунитета против него. Республика должна научиться не просто бороться с проявлением государственничества, но освоить эффективные способы его управляемой редукции. Первыми, известными в обозримой исторической ретроспективе, изобретателями такого способа были отцы-основатели США, введшие в практику общественного управления принцип конкурентного администрирования, известный также как принцип "сдержек и противовесов". Этот принцип ведет к следующему соображению. Если суть государства – иерархия, то значит, избавиться от государства – ликвидировать иерархию: устранить ее, разрушить, осуществить деструкцию,

предупредить ее. Примечательно, но на 06.03.2017 (дата создания материала этого раздела) в результатах выдачи Яндекса в Рунете не обнаружилось адекватной информации на сей счет – не считая какой-то статьи, где многократно упоминается категория хаоса и (в очередной раз) неверное происхождение понятия синергетики от Хакена. Связи деструкции иерархии с принципом конкурентного администрирования в результатах поисковой выдачи также не прослеживалось.

Отец иерархологии Лоуренс Питер говорил о видах иерархии и о том, что они вредны для общества и для здоровья отдельного человека, но не давал системных советов насчет того, как избавиться от тотальной государственной иерархии[161], тем более имеющей такие развитые адаптивные средства, как мощный репрессивно-контрольный аппарат, задействуемый в богатой палитре политик кнутов и пряников. Однако сама постановка вопроса о том, как разрушить иерархию, не отправляясь за океан и не ведя войны с Англией, представляет в корне неправильную формулировку задачи. Иерархия, или каскадная структура поуровневого разбиения, воплощает принцип "разделяй и властвуй". Важной новостью здесь является обнаружение того, что иерархия сама представляет собой структуру деструкции, спецификой которой является набор позиций, или мест, но сама способность к спонтанному или не регламентированному взаимодействию редуцирована. В этом смысле, следуя кропоткинскому духу, призовем в помощники естественную науку. Не любя в принципе позитивизм и сциентизм, автор сих строк видит, тем не менее, уместным проведение определенных аналогий с механикой – тем более что столь многие, ратующие за социальную инженерию, технократы (едва ли не в подавляющем большинстве своем представленные государственниками), поддерживают максимальное применение точных наук в анализе всех живых социальных процессов – даже тем, где, по их мнению, имеет место хаос – неотличимый, в их понимании, от категории сверхрационального (каковой, похоже, среди их понятий просто нет). В этом смысле рекомендую читателю тематически весьма близкую Кропоткину небольшую статью по геологии "Об иерархической природе деформации и разрушения природных

[161] С наличием каковой в системе восходящего к идее равенства и прочим идеям Просвещения массового образования как раз и начался его интерес к этой теме.

тел и сред" авторства П.В.Макарова[162], где в самом первом абзаце введения представлено следующее:

> *"К настоящему времени можно считать установленным, что деформация пластичных твердых тел, как и разрушение хрупких сред, является коллективным многоуровневым иерархическим процессом. Все больше появляется работ, в которых эти процессы изучаются в рамках иерархических представлений и моделей. Первые работы в этом направлении связаны с изучением геоматериалов и геологических сред. Одним из базовых положений физической мезомеханики также является идея об иерархической организации нагружаемых материалов".*

С учетом всего сказанного выше, читатель сам может оценить, насколько начала общественных устройств могут быть найдены в области столь грубой материи и приложимы к материи общественной, а также то, насколько категория иерархии соизмерима с категорией хрупкости или динамичной адаптивности той материи, в которой она проявляется – будь она грубой или тонкой. Там же иерархия уровней разбиения породы интересным образом рассматривается с точки зрения понятия самоподобия. Экстраполируя этот натурализм на социальную среду государства, получаем необходимость "формулы действия" в случае, когда нужно сыграть образ более высокого масштаба. Однако здесь наиболее интересно, пожалуй, не столько то, как низшие типы подражают высшим, сколько возможности реализации этого принципа подражательности в области денег, когда они сверху донизу начинают использоваться по "формулам насилия". Первейшая из них, конечно – налоги, как обратная сторона "благодатной эмиссии", монопольный вариант которой неизбежно чреват инфляцией (коей столь опасается глава российского Центробанка). Однако вне иерархического каскада деньги не используются по принципам самоподобия – там начинает действовать многообразие-в-полицентричности, в смысле оптимистичной гипотезы Кропоткина.

Управленческая иерархия, как трещина, самопорождающаяся как отрицательная величина расщепленности, всегда противостоит "массиву" исходной внеиерархической "социальной руды", которую она и должна "организовать". Она не видит эту среду как систему связей – для отрицательной геометрической величины это лишь косная материя, а потому она прорезает ее своей пустотностью, играя обналиченными, а потому уже

[162] Институт физики прочности и материаловедения СО РАН, Томск, 634021, Россия.

подконтрольными, поверхностями, бывшими ранее частью внутреннего. Но тем самым она разрывает социальную ткань и шизофренирует ее, вместе с тем способствуя гомогенизации и повышая энтропию управляемой среды. Помимо "конкурентного" предупреждения возникновения трещин и того, что предлагает Н.Талеб, издревле известными вариантами борьбы с трещинами оказывается стягивание краев (латание) и заполнение (создание рубцов). Все остальные известные способы связаны с повышением гибкости исходного материала, в случае социальной среды – наделением ее качеством humor, способностью ускользать, быть протеем. Именно потому власть так не любит скоморохов, что они привносят живость, спонтанность и нетривиальность в восприятие действительности. Попробуйте разрезать ручными ножом или пилой упругую и гибкую резину вроде амортизатора для автомобильного кузова – это бывает довольно трудно сделать. Если есть задача предупредить государственническое начало в обществе, то оно для него должно стать средой автономной, неподатливой и неперевариваемой – как та резина, потому в качестве координатных конструкций механических ножей и пил для "социальной резины" выступают законы. Примечательно, что понятие статистической измеримости общества (статистики вообще) происходит из понятия о государстве. Неподконтрольная автономия общественных процессов должна быть обеспечена неприемлемыми издержками для государства в тех случаях, когда оно пытается сунуться в общественный локус со своими инициативами во имя его же, общества, официально или формально провозглашаемого блага. Именно поэтому специфическая социальная динамика должна ориентироваться на специфические же элементы мобильных инфраструктурных решений. Как они должны выглядеть и взаимодействовать между собой – отдельная тема в развитие темы адаптации и выживания эгалитаристических общественных систем.

Социальная кропоткинская квадра "законовед, поп, помещик, солдат" хорошо дополняет триаду государственнических инструментов управления "деньги, насилие, идеология", однако позитивной инверсией последней, как ни странно, оказываются те же деньги, оружие и смыслы, только взятые в их поливерсальной, неабсолютизированной и не монополизированной, форме. И если в случае денег и смыслов все более-менее понятно, то в случае

оружия речь идет о его личном и общинном вариантах согласно категориям сложности обслуживания. Кроме того, здесь также важно отличать такой, не всегда учитываемый, фактор, как различие "оружия умения" и "оружия технологии", представляющее собой специфическую проекцию одного весьма давнего методологического нюанса в истории техники.

Если, уже следуя Кропоткину, вольные города были побеждены государством через закрепощение деревни и дальнейшего формирования крепостнического отношения к крестьянам среди граждан самих городов, то тем более оказываются важны результаты спора о соцрасселении, не соединяющие город с деревней, но предлагающие третий путь в новых условиях глобальных цивилизационных "бифуркаций" (проще говоря, развилки, а уж "би", "три" или "квадро" – другой вопрос). И главное в этом третьем пути состоит в том, чтобы не заключать сделок с предшествующими институциональными формами насилия (в глобальном масштабе это вполне согласуется с идеями Р.Люксембург предотвращать выход капитала на новые рынки сбыта). И, конечно, учитывать нынешние причудливые звучания некогда куда более абстрактных, но современных Кропоткину, понятий: Интернационала, хитрым образом замененного Интернетом, и коммунизма, хитрым образом замененного "массовыми коммуникациями".

Одна из наиболее существенных проблем реализации анархии в значительной мере состоит в том, что в своем радикальном представлении ее призыв к антигосударственничеству становится либо, с одной стороны – абсолютным, либо, с другой – центрирующим. Для первого случая полугосударственническое состояние может выглядеть наиболее приемлемым в смысле частичной управляемости, как она была введена ранее. Однако следует учитывать, что конкретные случаи ее воплощения в системах общественного управления, будучи лучшими в сравнительных планетарных масштабах и периодах истории (как в США, или в той мере для Швейцарии, в какой ее правление представляет государство, или для любой страны, где возникает подлинное республиканство) вовсе не обязательно окажутся наилучшим или идеальным вариантом среди всех возможных полугосударственных-полуреспубликанских систем. Но при этом для любой из них будет общим принятие того, что любая такая иерархия всегда имеет обозримо срочный и функционально-конкретный, но не тотальный,

характер, то есть не может быть непререкаемой или неопределенно длящейся для любого статуса и любой категории лиц. Иерархия может быть рассмотрена лишь как частно допустимый эффект одноранговой системы, не поглощающий всю систему полностью. А значит, для второго случая, само представление о децентрации от анархии в промежуточное состояние между нею и государственностью оказывается весьма ожидаемым, но опасным заблуждением: избавление от пожирающего общество "стационарного бандита" является не компромиссом с ним, а полное уничтожение в том смысле, что лишь одноранговый принцип организации общественной системы способен обеспечить ее подлинную полицентричность. Иначе говоря, стать центром в чем-то одном специальном другой центр может помочь лишь временно, но не полностью расходуя себя и не имея иных целей и функциональных соотнесений. Противное ведет к распространенному явлению, когда вершине иерархии начинают приписывать несвойственные ей заслуги; так, сторонники карго-культа могут приписывать все возможные добродетели командиру экипажа воздушного судна, привезшего им провиант, тогда как он сам в своей конкретной функции есть главный не более чем на время выполнения полета.

Урбанистическое измерение анархии

01.03.2017 на семинаре в Центральном Доме Архитекторов в Москве разгорелась дискуссия между автором "неокономики" и председателем союза малых городов России по вопросу о том, что нужно делать с этими самыми малыми городами. Григорьев сотоварищи говорил о том, что-де они не перспективны, и надо бы создавать города-"несколькомиллионники", что председатель сотоварищи отрицал, ссылаясь на то, что города – богатство и, в отличие от просто предприятий, имеют большую мерность, нежели экономическую да денежную. Сотоварищ Григорьева гражданин Виноградов парировал, что-де российские месторождения нефти, где цена добычи $500 за бочку, не являются богатством. И так далее. При этом была представлена презентация гражданина Шарыгина (еще одного неокономического сотоварища) с глобальными данными по городам, в которой со ссылкой на закон Ципфа были представлены количественные данные расселения городов Европы, США и России, в том числе долевые блины по присутствию в разных населенных пунктах. Согласно этой масленичной статистике получалось, что если в Европе и США доля проживающих в сельской или

малогородской местности (от 0 до 100 тыс. человек) составляет от 60% до 85%, то для России доля таковых составляет 49,8%[163]. При этом качество жизни населения в этих провинциальных юрисдикциях Российской Федерации оставляет желать лучшего, а структура миграции – довольно простая, и устойчиво направлена из этих мест – в миллионники, из них – в Москву, из нее – за границу. Про то, что характер обеспеченности жизни в аналогичных по численности и плотности пунктах иных стран выше, чем в России, особо рассказывать не стоит, хотя для США с их ипотечными проблемами и городами-призраками, безусловно, стоит сделать особую поправку.

Кропоткинские общины, поселения и кооперативы (а также те "сообщества низового уровня", что были рассмотрены в томе "Частично управляемое..." в материале "Сообщества низового уровня в аспекте локальных инфоком-сетей") соответствуют мезоуровню экономики, находящемуся между микроуровнем предприятия (фирмы) и макроуровнем "политэкономических стратегий", где главенствующая роль принадлежит государству. В этом же смысле видится разрешимой и проблема небольших городов. На кропоткинскую тему хорошо укладывается старый добрый "спор о соцрасселении" с его охитовичевским лозунгом "ни город, ни деревня". Смена монопредприятий самозанятостью должна быть обеспечена сопутствующими факторами целостности: местными системами экономической коммуникации, гражданской системой формирования смыслов и брендов, вооруженной защищенностью граждан (придуманной по швейцарскому типу, но для равнинных территорий), порядком межрегионального взаимодействия и некоторыми другими вещами. Разумеется, все это еще нужно обстоятельно вводить, поднимать и обсуждать.

Задача создания целостной социальной науки – это не столько урбанистика с "постмарксом", сколько урбанистика с "посткропоткиным". Поэтому сегодняшнее обращение к спору о соцрасселении 1920-х годов будет иметь заведомо иное звучание, и очистит идеи Охитовича от определенных напластований (включая, кстати, троцкистские), сделав его пафос более

[163] Англия – 62,2%, Франция – 85%, Германия – 69,3%, Италия – 77,5%, Украина – 60,1%, США – 71,7% (данные Википедии на 2016 год).

широким в социал-демократическом смысле – тем более что здесь же рефреном идет фуллерианский техногуманизм, избавляющий саму кропоткинскую идею от жесткостей позитивизма, но оставляя ее в пределах строгой научности. Ибо Кропоткин клялся в верности механистической науке и утверждал необходимость пребывания в поле естествознания (в противовес гегельянской "метафизикосхоластике"), противопоставляя, тем не менее, "механицистской" интерпретации наблюдаемого процесса "биологицистскую". В этом ключе он и начинает свою работу "Анархия в природе. Взаимопомощь как фактор эволюции" с биологической эмпирики, подтверждая пересмотр дарвиновской теории. Однако так любимый им индивидуалистический эмпиризм (в противовес критикуемой им диалектике) еще не прошел горнило попперовской критики, а диалектическое представление о противоречии еще не было расширено кестлеровским представлением о разнородном[164] и теми вещами, что были представлены ранее автором этих строк относительно "модельной структуры" диалога. Соответственно не было при Кропоткине и проблемы роста, следующего из позитивистского прогрессизма, созданного как раз-таки теми самыми учеными-на-службе-государства, которых так костерил Кропоткин, только не историками, экономистами и юристами, а их естественнонаучными собратьями, довольствующимися из одной с ними государственной кормушки, но с жаром оспаривающими у них как "вшивых гуманитариев" собственное высшее право на "подлинную научность".

Сегодняшний американский tent/tiny city/housing movement(s) являет собой научный и прикладной аспект сознательного формирования того, что соответствует понятию средневекового вольного города, создаваемого "с нуля" и "на ровном месте", как то предлагает в своем урбонарративе Григорьев, только предлагает он создание новых городских инфраструктур, начиная сразу с мегалитических форм инвестиций, осуществляемых держателями крупных капиталов, номинированных в государственных деньгах, которых вроде как должно посетить озарение насчет выгодности успеха перехода на вольные хлеба, в чисто поле, с насиженных точек

[164] В рамках кестлеровского понимания творчества собственно диалектическое гегелевское противоречие (в социальном плане – взаимодействие интересов) как еще одно условие творчества, оказывается лишь одним из этапов взаимодействия сторон, а собственно "диалектическое противоречие" может быть рассмотрено как ситуация парадокса.

рыночного притяжения – городов старой инфраструктуры с 600-летней историей формирования государственнического капитализма.

Именно здесь обнаруживается еще одна научно-прикладная социально-инженерная задача в области управления финансами, в своей первой декларации кажущаяся просто фантастичной: как, с одной стороны, сделать так, чтобы кооптированный в некоторую инструментальную систему внегосударственного экономического обмена человек, оказавшийся "на бобах" (допустим, он дан лишь в одежде и с носимыми вещами) достаточно быстро и гарантированно стал обеспеченным? Для этого, собственно, и ни для чего иного, изучаются СМВ, СБД, ЭД, LETS и прочие "кошмары для классической политэкономии". Но ими одними дело ограничиться не может, поскольку обозначенные выше "movement(s)" представляют собой не то "альтертоварный", не то "квазитоварный" инфраструктурный аспект дружественной такому человеку среды, погружение в которую призвано настроить попавшего в него человека на творчество и предприимчивость столь же естественным образом, как попадание на территорию санатория призвано настроить его на отдых. Эта задача, однако, имеет свою зеркально-противоположную сестру-задачу, кажущуюся невероятно фантастичной даже не с первой декларации, но, во всяком случае – весьма нетривиальной: как сделать так, чтобы некий субъект лишился своей сверхобеспеченности, причем тем более гарантированно, чем ближе он расположен к верхушке государственной пирамиды и, соответственно, к внепредпринимательскому источнику предпринимательской жизни в рамках классической модели? То есть в меру того, насколько он есть сублимированный грабитель и стяжатель. Нетривиальность этой задачи связана с проблемой архетипической институциональности, гарантированной массовым восприятием и пропагандой ценности государства как архибренда[165], а также конфликтом гарантии обрушения государственно-декретной финансово-промышленной империи как пока еще задачи с реально существующей вооруженной гарантией статуса сверхблаг. Первая из этих задач очевидно находится в пределах livingry, вторая – в пределах weaponry. Но и для той, и для другой парадигмы в качестве стратегии решения здесь как раз и предлагается развитие обозначенной ранее системы "user generated branding",

[165] Проблему чего интересным образом обыгрывает в своем нарративе С.Платонов.

реализованной посредством "super new media" на одноранговом социальном субстрате. Важно понимать, что когда этот процесс будет запущен, законодательные рогатки могут либо не работать, либо играть против государства, поскольку будут представлять собой эскалацию регламентов, все более чреватых противоречиями, выражающими конфликт чиновничьих аппетитов, поскольку таковые будут представлять собой либо фискально ориентированные меры во время денежного дефицита, либо идеологическое латание рейтинговых дыр спорадическими бюджетными вливаниями. Поскольку так, постольку действующим в рамках такой стратеги следовало бы поступать по ницшеанскому принципу "падающего подтолкни". И здесь не нужна фурсовская "неоопричнина", поскольку ситуация разрешается иным путем и иной силой.

Главная проблема понимания организации общества через разделение труда – в самом слове "разделение". Производительность труда повышается не разделением самим по себе, а соединенностью после разделения и внешоковым технологическим и экономическим обменом между исполнителями трудовых ролей. Именно это, а не только сочинительство таких ролей, составляет предмет предпринимательского творчества. Более того, дальнейшее разделение не обязательно в том случае, когда уже имеющихся профессий в избытке, но нет нового качества их взаимодействия. Возможно, Сера и был прав, когда говорил, что богатство города определяется числом имеющихся в нем процессий, однако само это число подвижно и относительно искусства кооперации (то есть наличия метапрофессионала-проектировщика или некоего естественного общественного механизма, творящих ее), и относительно того, насколько жестко каждый профессионал зафиксирован (или закрепощен) в своей "трудоролевой" позиции.

Потому возникает еще один важный вопрос в связи с товарностью денег: возможно ли существование денег во всех, описанных выше, аспектах как некое общественное благо, при ликвидации их привязки к стоимости рабсилы – каковая привязка, как следует из неокономики, возникает из котировочной разницы цены труда и агрессивного взаимодействия воспроизводственных контуров (вернее, такового воздействия со стороны богатого контура на бедный) различной степени деятельностной

дифференцированности? Здесь кропоткинская идея о необходимости уничтожения, вместе с государством, зарплатного рабства, будучи закономерной в своей логике, сталкивается с вопросом о жизнеспособных и эффективных альтернативах понимания природы денег. Избавление от этого рабства как раз и способно стать задачей тех концептуальных уточнений представления о деньгах, что были даны ранее в рамках семантических, идентификационных, мультивалютных и прочих понятий, среди которых понятие личной эмиссии как раз и открывает путь освобождения человека от необходимости продавать свою рабочую силу и рабочее время по неконтролируемой им цене. То есть зарплата оказывается связанной не с трудом как удешевляющимся товаром, но с изначальной взаимностью кредита, ибо существует в денежной системе иной природы. Анархизм и деньги в широком смысле не противоречат друг другу. Такое противоречие возникает, когда анархии противопоставляются капиталистические средства финансовой коммуникации: центрально эмитируемые, государственнические, рассчитанные на финансовый доход немногих от удешевления рабочей силы. Именно личная, а не частная, эмиссия денег способна создать принципиально новую конфигурацию разницы экономических потенциалов. Именно такие деньги дают путевку в жизнь личной предприимчивости, не вгоняя саму личность ни в крайний индивидуализм, ни в крайний коллективизм (или, пожалуй, в еще худший корпоративизм), давая отчетливое интуитивное понимание того, с чем человек имеет дело в случае денег (разумеется, если обращаться с ними учат с детства), избавляя от страха перед рисками экспроприации, основанными на интуиции, чувстве или сознании недостаточной правомерности обладания деньгами. Это тем более так, что деньги, как неоднократно отмечалось ранее (в соответствии с неоекономической теорией), есть управленческая альтернатива праву (в более общем виде – закону), а потому и должен быть изыскан способ, при котором деньги служат в конечном итоге не закону, но являются средством личной свободы, будучи также предупреждены от церковной религиозности исламской уммы.

И если неоекономист скажет мне, что это чушь, и не соответствует устройству денежной реальности, то я отвечу, что задача проекта в том и состоит, чтобы ломать существующую реальность в более выгодном направлении, создавая

новую реальность технологическим способом как естественную, лишь ориентируясь на возможно более четкое понимание актуально данного, которое может предоставить наука.

Для экономики фирмы важно удержание различия отрасли и монополии в смысле копоткинского "торгуем всем городом", что в сегодняшних условиях едва ли имеет прецедент: близкие этому понятию чеболь и моногород здесь не могут выступать примерами в силу их встроенности в государственные по сути экономические механизмы, автономия совхоза также весьма сомнительна по причине все той же встроенности в систему "общей валюты" и номинированного в ней налогообложения. К тому же ни один совхоз, моногород или чеболь не имеют своей армии: что-то вроде "частной армии Газпрома" здесь не в счет по той же причине бытия подобных экономических субъектов "инфраструктурными монополиями", имеющими ярко выраженный государственно-монополистичский характер; к тому же само понятие "частной армии" более соответствует понятию постоянной кондотты и, как правило, берет начало в службе безопасности холдинга, концерна или конгломерата, но никак не представляет собой армию-милицию в этимологическом смысле последнего слова как систему, основанную на функции добровольного общественного долга производящих граждан с полным правом собственности на личное оружие, подобном полному праву собственности на транспортное средство и жилище.

Собственно отрасль, более или менее крупная, как раз и может быть представлена, и требует, множества мелких и "средних" (ладно уж, допустим их существование) производителей-новаторов, и способна выступать в качестве субъекта торговли de re, подобно "вольному городу". Но для того, чтобы так было, обществу необходимо выработать иммунитет ко всякой монополизации – что политической, что экономической, что (объединяющей обе) бандитско-государственной. Однако что касается порядка накопления капитала и освоения ранее не охваченных им территорий, то эти вещи представлены в лучшем виде у Григорьева, нежели у Кропоткина.

Но именно в период, когда картина состояния, в которое погружаются постсоветская Россия и постсоветский мир, становится наиболее отчетливой, более явственной становится необходимость пересмотра

недореализованных вариантов, недосделанных шагов и недоуточненных тонкостей, конструктивные возможности которых были оттенены брутальным восторгом Октябрьской Революции, задавшей стандарт восприятия "условий успеха" и задавившей возможность дальнейшей стратегической дискуссии. Возврат к этой дискуссии оказывается возможным через куда более радикальную и взвешенную, чем большевизм, концепцию, снабженную более умудренным и взвешенным же постмарксовым подходом и теми проспекциями возможностей, которые представляет сегодня столетний опыт минувшей исторической эпохи.

О микрохозяйственной тезаврации (в качестве приложения)

Излагаемое дальше касается того, что в первую очередь может касаться конечного набора аспектов жизненного мира человека, рассмотренных в свете органических идей интегрированного дизайна. Иначе говоря, что человеку потребно в корзине микрохозяйственной тезаврации такого, чем бы он мог быть удовлетворен в смысле имущественной достаточности, особенно (но кстати, не в первую очередь) с учетом тех макросоциальных вещей, что были рассмотрены выше? Рассмотрение этого вопроса ведется в презумпции допустимости поиска оптимальной потребительской корзины и направлено на выработку обоснованных номенклатур товарной массы, связанных с решением проблем бедности различного масштаба. В историческом процессе рискам подвергается не только человеческое имущество, но само право на него, потому видится не лишней небольшая памятка насчет элементарного состава такой корзины, едва ли обеспечивающей антихрупкость жизненной игры, но дающей определенную неуязвимость повседневности. Читателю самому предоставляется ответить на вопрос о том, в какой мере составляющие ее компоненты (а значит, средства элементарной обеспеченности) способны быть подконтрольными со стороны внешнего "макроагента" в смысле как фискальной, так и экономической, подконтрольности.

Потому с другой стороны – речь о том, что может быть помещено в базовый набор объектов имущественных прав – гарантий гражданственности в поле "подлинной республики". Имущественные права в данном случае предполагаются в качестве законодательных гарантий прав критического действия и, вместе с тем, прав минимального действия, нарушение которых

любым субъектом регулирования, получившим свои полномочия тем или иным образом, прекращает его полномочия прямым образом и ставит вне закона. Одновременно то, о чем здесь идет речь, относится к праву "первичных затрат" – только (в смысле различий Д.Скота) первичных не по времени (таковую первичность, к примеру, ищут исследователи редукции зарплатно-рентных отношений до элементарных состояний вроде "сбора ракушек на берегу"), а первичных для человека и, в некотором смысле, первичных по сути, значимых для определенного состояний общественных отношений, уж коли речь идет о проектировании нового, а не бесконечных поклонов "древней человеческой природе".

С третьей стороны то, о чем идет речь, представляет собой (небезосновательную, на взгляд автора) попытку пройти между Сциллой потребительского накопительства, пестуемого обессмысливающимися "интегрированными маркетинговыми коммуникациями", всегда заинтересованными в более-менее легкой шизофренизации потребителя, и Харибдой максимального отказа от имущественности, насаждаемого агрессивными неоцерковниками наряду с распространением патернализма на половозрелых особей, сеньоражем, антиинтеллектуализмом и прочими демонами феодального мракобесья, весьма удобными для безденежного времени.

Запасы представляют собой тезаврированные предметно-технологические множества (ПТМ), составленные в натуральной (неденежной) форме, сохраняемые или воспроизводимые из года в год, позволяющие обеспечивать универсум жизненно необходимых благ, включая биологические и социальные, являющиеся предметом собственности их владельца, а потому представляют собой ничто иное, как личный имущественный капитал. Это множество может иметь как естественную, так и искусственную, природу[166].

Тема тезаврации является достаточно проблемной, поскольку нередко возможна путаница в распознавании и наблюдении феномена тезаврации с

[166] В этом же смысле "первичного предметно-технологического множества" идет речь в разделе" Основания первобытного арсенала в смысле истории техники". Различие естественного и системно-научного способов формирования ПТМ представлено в разделе "История европейской техники и неоекономика: к прояснению корней фундаментальной и комбинаторной экономик знания" книги "Возможность управления...".

отложенной выгодой и феномена патологического накопительства (причем как в случае личностного, так и группового или массового поведения). Как известно, в последнем случае имеют место аномалии островковой доли, поперечной борозды и лобных долей мозга. Их неорганические дисфункции социальной этиологии представляют особый интерес для междисциплинарных исследований. Не исключено, что специфические функции этих долей обуславливают непатологические формы первого случая – прежде всего, коллекционирование как основу системной научной деятельности эллинистически-новоевропейского ("музейонного") типа. В целом, коллекционирование всегда есть деятельность с отложенной выгодой, нацеленной на комбинаторное производство нового путем операции сравнения, а также применения коллекционируемых знаний или артефактов для редких или необычных случаев – причем сюда входят как случаи практического применения, так и эстетического переживания (а также случаи двойственной природы, примером чего может служить часовой станок – объект как прикладного использования, так и эстетического восприятия, и целый ряд иных вещей). Проблема тезаврации оказывается тем более актуальной, что, в своем чисто экономическом выражении, безотносительно к научной форме коллекционирования, осуществляется в натуральной форме как рационально обоснованное действие в кризисных условиях утраты доверия к некоторой валюте как средству сбережения (например, к национальной вследствие инфляции и падения курсовой цены). В этом случае натуральное накопительство представляется тем более обоснованным, чем большую прогностическую ценность представляют экономические знания сберегающего актора (например, знания о том, что дефицит денежной массы в конечном итоге ведет к падению спроса и, далее, к исчезновению ряда товарных категорий, включая товары длительного пользования). Однако далее возникает вопрос о содержании тезаврации – ее объектов и номенклатурных категорий и, соответственно, ошибки. Прежде всего, потому, что эти объекты и категории трудны в оценке (либо вообще не оцениваются) с точки зрения перспективных условий и способов их: 1) непосредственного личного потребления или использования; 2) обмена части из них на другие ресурсы в системе социальных отношений востребованности; 3) воспроизводства (в упрощенном либо модернизированном виде) в изменившейся системе обеспечивающего это

воспроизводство предметно-технологического множества вследствие отмеченного исчезновения товарных категорий (снижения разнообразия, уменьшения объема их множества). С другой стороны, на возникновение ошибок выбора номенклатуры категорий объектов тезаврации влияет то, что в кризисных условиях у многих принятие таких решений сопровождается аффектами и спешкой. Некоторые из числа тех, кто сохраняет присутствие сознания в пространстве рациональных моделей, вспоминают «пирамиду потребностей Маслоу», но и эта модель не вполне обуславливает верное решение – прежде всего, потому, что ничего не говорит об отмеченных выше непсихологических основаниях сбережения (собственно, она возникла в иных нарративно-дискурсивных условиях); кроме того, модель Маслоу является расхожей, а потому обращение к ней чаще всего является подражательным (равно как подражательную природу имеет феномен доверия к валюте), и ее некритическое восприятие способно привести к ошибочным выводам и решениям.

Потому вопрос о тезаврации должен основываться на целостной прогностической оценке условий востребованности и возможностей предметно-технологического множества. Ясно, что в широких интерпретациях данная задача является неподъемной, а потому вопрос касается ограничений, а также сроков использования и хранения объектов сбережения. При этом важным, если не ключевым, подспорьем оказывается та максима, что сохраняемым набором должно располагать (и неизбежно уже располагают все, не пользующиеся чем-то своим «здесь и сейчас») во внекризисный период, а формировать его можно и в кризисный. Отсюда следует важная гипотеза (уже имеющая, кстати, статус подтвержденного факта): патологическое накопительство – деятельность внепрогнозная относительно перспективных условий ресурсной среды и возможностей использования, а также (как раз в аспекте адаптивного использования) – относительно творческого комбинирования накопленного (в смысле А.Кестлера).

В целом же, классификаторы тезаврируемых запасов могут быть различными и формироваться относительно различных моделей использования. Во всяком случае, достаточно обоснованный и практически ориентированный классификатор будет являться ценным know how, подобно иным

классификаторам в сфере научно-технических решений. Один из них, с частичным обоснованием, и предлагается ниже.

Ключевой ценностью этой темы является четкая очерченность системы материальных потребностей (даже на уровне нечетких множеств), что радикально повышает гарантии независимости человека от медиа среды, сохраняя позицию между "океаном желаний" и не менее патологичным тотальным нестяжательством, хотя и не обеспечивает полностью эту свободу. Иначе говоря, здесь идет речь о "стандарте коллекции", причем личного уровня (а значит, с определенного момента – ее амортизируемости, или долгосрочности), хотя на более высоких уровнях социального масштаба состав и объемы коллекции регулируются принципами макроэкономического взаимодействия. Также эти вещи важны в смысле того, что может быть выводимо из-под внешнего контроля, поскольку в презумпции "ничего не принадлежит" под контролем может оказаться все имущество того, кто "пока что" не является тюремным сидельцем (имущество которого подконтрольно внешней стороне вплоть до трусов); да это, впрочем, и не нужно – достаточно сформировать сознание, содержанием которого будет перманентный фактор грабежа и тюрьмы, и ограничить возможности действия.

***

К базовому набору имущественных благ большинство опрошенных автором знакомых экспедиторов, сюрвивалистов, урбанистов и дизайнеров, а также просто добрых обывателей, относит три категории:

- укрывные и несущие системы – средства, обеспечивающие хранение и складирование иных средств, а также их владельцев (основная категория факторов собственности); сюда же включаются их мобильные варианты и транспортные средства[167];

[167] Если редуцировать классическую систему зонирования жилого пространства италийской виллы (взятую именно в системе, так сказать, "архетипической эмпирики"), а также то, что составляет основной набор простого, но сносного "жилья эпохи роста", бесспорными масс-культовыми достижениями каковой можно обозначить зонное выделение примерно сравнимых по габаритам отдельного "санузла" и знаменитой "франкфуртской кухни о шести квадратах" – бесподобное творение австрийского гения М.Шютте-Лихоцки, то здесь получаются общее пространство, представляющее собой миграционное, а также набор приватных пространств, более понимаемых как персональная спальня (рецепция римской кубикулы) – еще одно такое достижение, по габаритам чуть большее, чем эта самая кухня. Особенность, составляющая проблему недореализованности дизайна современного жилища, отчасти состоит в том, что эти пространства жестко

- одежда – средство укрытия психосомы владельца;
- продовольствие – сумма средств относительно сбалансированного питания, обеспечивающая баланс веществ и энергии психосомы владельца;

Более внимательное наблюдение и расспрос позволяют добавить к ним еще четыре:

- личное оружие и средства самозащиты;
- инструменты – сумма производственных средств обработки природных ресурсов в продовольственных и непродовольственных (сельскохозяйственных) целях (в широком смысле – средства создания ПТМ), включая ручные, тягловые и машинные (но прежде всего – ориентированные на воспроизводство базового набора, включая самих себя[168]);
- медикаменты – сумма расходных медицинских средств профилактики (средства гигиены и косметики), оздоровления и реабилитации психосомы владельца (и в традиционном, и в классическом дискурсе они пересекаются с продовольствием известным образом), реально гарантирующие здоровье и не вызывающие зависимость[169];
- информационные ресурсы и средства обработки информации (библиотеки), содержащие прикладные данные и сублимированно полезные данные, выступающие средством воспроизводства культуры (семсети). К этой же категории, кстати, относятся деньги.

сопряжены друг с другом – что в случае апартаментов, что в случае отдельного дома, а жилой тренд openspace (или студии) не обеспечен системой мобильного зонирования пространства (за исключением разве что санузла, хотя известны случаи премиальных квартир начала XX века, в которых унитаз был отделен от кухни лишь перегородкой), решаемого либо системой перегородок (японский стиль), либо замкнутых модулей, перемещаемых в системе единого пространства; массовый рынок таких решений отсутствует до сих пор – как в сфере дизайна интерьеров, так и в стройиндустрии. Это решение, кстати, является весьма экономичным и дает совершенно особый подход к модульной организации микрохозяйства в смысле интегрированного дизайна, лозунги которого – "все нужное, ничего лишнего" и "красота вместо роскоши" (последний вообще есть девиз хорошего тона). Предлагаемая же концепция может быть выражена максимой "помещение как предмет мебели". Некоторые движения в этом направлении, впрочем, уже намечаются в современном дизайне интерьера в виде решений вроде "мебельных комбайнов", "домильонов под общей крышей" (например, организации open space по принципу decorate-кастомизированных "рабочих островков" в офисах Google) и т. п. средств зонирования, однако по большей части рассматриваются потребителем как средства формирования детского игрового пространства. Современным взрослым человеком, в массе своей ориентированным на "деловую серьезность", личное пространство все еще не рассматривается как пространство игрового творчества.

[168] И здесь, безотносительно к масштабу рассмотрения, возникает старая добрая проблема первичности производства средств производства либо средств потребления для некоторой данной системы разделения труда, которая в рамках базового набора решается тривиальным образом: его составляющие одновременно являются и тем, и другим.

[169] Разумеется, весь корпус медицинского обеспечения не может быть вмещен в систему домохозяйства – речь идет о некотором относительном уровне таких средств локального обеспечения.

Этот набор, хоть и представлен обобщенным описанием, достаточно универсален для того, чтобы решать проблему внеростового потребления без ущемления имущественных прав, и для того, чтобы относительно него выстраивать стратегии борьбы с бедностью в широком диапазоне дизайнерских и организационных решений, включая те, что относятся к самозанятости и самообеспечению. Каждая категория в этом наборе может быть конкретизируема, варьируема и улучшаема, а также дизайнерски усовершенствуема в смысле гигиенической адаптивности и эстетической кастомизации, расширяема или сужаема в зависимости от задач тезаврации или коллекционирования, а также дополняема или сокращаема в ходе решения текущих коммуникационных задач владельца – здесь важен не конкретный объект владения, но принципиальная обеспеченность в каждой из них, регулируемая естественным образом – подобно тому, как каждый человек в среднем способен следить за своим здоровьем. Эти же имущественные направления образуют "полюс неуязвимости" в смысле талебова "эффекта штанги".

Герменевтика и структурность масс-медиа

Излагаемое в этой главе представляет собой извлечение из более объемных по составу материалов автора, представленных в сборнике "Труды Российского Философского Общества" с начала 2000-х гг., и содержит наиболее существенные для данной книги моменты. Здесь представлена большей частью классификационная систематизация ряда предметных различий, позволяющих организовать работу аналитического OSINT отдела по широкому и, как представляется, наиболее полному спектру направлений. Методики и дидактики, относящиеся к порядку прикладной (технической, лабораторной, кабинетной) работы с медиа трансляциями и аудиториями, в эту главу были включены лишь частично (в двух разделах, начинающихся "Информационный повод..."), тогда как примеры информационно-аналитических продуктов и подробное рассмотрение принципов построения и работы автоматизированных решений для Open Source Intelligence (OSINT) в нее вовсе включены не были – в рамках данного масштаба и предмета они не столь актуальны, как его институциональная анатомия.

Также здесь представлено толкование медиа среды с точки зрения особой герменевтики власти, взятой в аспекте идеологии как властного инструмента. Структуру этого инструмента, разумеется, образует язык, производящий императивы: как скрытые (они представляют интерес в наибольшей степени), так и явные. Императив здесь понимается скорее не как перформативная или грамматическая языковая форма, но как некая стратегия речи (или пафос текста), предполагающая в качестве ее реализации выстроенный в соответствии с набором приемов и принципов дискурс, вменяемый читателю в рамках одной трансляции или даже их серии. Этот дискурс тем более сложен, чем более разнообразными и технологичными оказываются средства трансляции.

Герменевтика СМИ (или, если угодно, методологическая основа «медиа социологии») предполагает прикладной понятийный аппарат, основная часть которого сформировалась в рамках регулярных исследований медиа-трансляций, а также по итогам консультаций с исследователями аудиторий. Собственно, то, о чем речь пойдет ниже, представляет собой некий развернутый глоссарий, попытку привести в систему уже существующее, но

пока не имеющее приемлемых основ для фундаментального изучения. Часть представленных здесь слов и выражений имеет устойчивое хождение среди журналистов, рекламщиков и пиарщиков, по-своему толкующих их в зависимости от своих задач.

Общие замечания, в том числе касательно энциклопедических статей о масс-медиа

Не только кино, но и достаточно сложная литература (включая не периодическую, хотя и переиздаваемую с различной регулярностью, научную и философскую) в медийных понятиях будут закономерно относимы к категории тяжелого контента – подобно тому, как именуемое в психологии влечением в психиатрии числится манией (с определенными оговорками); в этом смысле книги также представляют собой такой контент в меру своей серийности, хотя могут не восприниматься как таковой (в силу особенного отношения к слову книжному в ряде культурных систем), оказываясь исходной реальностью медийных смыслов. Иным видом масс-медиа является система биржевых маркеров.

Масс-медиа (включая в объем этого понятия как именуемое "средствами массовой информации", так и носящее название "средства массовой коммуникации") управляют условием воображения отдельных личностей и связывания с ним и с его продуктом денег в овеществленной товарной форме, с поправкой на собственное возникновение от некоторого эмитента медийного проекта с учетом его масштабности или элитарности и независимости отдельных проектно-творческих агентов, способных действовать независимо от общих мест в мире представлений и смыслов. Действительно, и деньги, и медиа суть семантические технологии, но последние способны творить в "сверхновом" формате своего существования массовые смыслы через связанный с категориями выбора и предпочтения user generated branding (UGB), тогда как смысл денег – в категориях долженствования и доверительности их принятия.

Область медиа также может быть рассмотрена как среда научения, что не есть принципиальная новость – особенно там, где речь идет об учебном медиаконтенте, однако составляет новость в развитие темы того, что медиа есть пространство формирования сред научения и кооперативного формирования новых стандартов жизни. А значит, эта область не только

может, но и должна быть рассмотрена как имеющая отношение к экономике знаний.

***

Вышедшая в начале 2000-х моя заметка о социологии СМИ грешила несколькими существенными недостатками. Один из них был связан с потерянной в ходе верстки диаграммой, наглядно демонстрирующей структуру описываемого универсума СМИ. Другой связан с тем, что уже после сдачи заметки в печать в ее главе появилось дополнение, касающееся определения эффективности воздействия СМИ на целевые аудитории. Третий, более существенный недостаток, был связан с тем, что в размещенной в сборнике за 2002 год публикации на эту тему по независящим от автора причинам заголовок пришлось сократить, вследствие чего вместо «Заметка об основаниях социологии средств массовой информации» было напечатано «Заметка об основаниях социологии». Впрочем, автор считает себя вправе быть не сильно обескураженным этим ляпсусом – во-первых, потому, что все дальнейшее изложение неоспоримо указывает на то, что речь идет именно о социологии СМИ, а не о социологии вообще, а во-вторых, потому, что кто знает: может быть, медиа-социология когда-нибудь станет методологическим основанием социологии общей. Ведь претендует же герменевтика на статус методологического основания наук о духе и гуманитарных наук вообще. Так почему бы исследованию медиа реальности не стать таким основанием – тем более, что, как видно из вышедшей ранее моей заметки-манифеста, в основу самой медиа социологии я положил некую герменевтику СМИ? Тогда я выделил медиа тексты в качестве особого объекта такой герменевтики, не останавливаясь на подробных отличиях от прочих типов текстов, с которыми она имеет дело[170]. Здесь же выделю те, что характеризуют социальный статус текста.

Все дело в том, что человек ощущает, беря в руки экземпляр некоторого текста. Различные ощущения появляются при обращении к текстам различной общности. То, что я называю здесь общностью, выражается в самых разных отношениях, но в любом случае это то, насколько массовым или, напротив, нишевым (в частности, элитным) является адресат текста.

[170] Более краткий вариант текста заметки о предметных основаниях медиа-социологии можно найти в выпуске сборника статей Divisio «Доминанты и девиации современной философии» за 2002 год.

Именно на базовом различии в адресации сообщений построена герменевтика СМИ. Иллюзия либо идеал СМИ построены на том, что статус автора равен статусу его читателя (презумпция редуцированности проблемы понимания), и является учительским (гомелетическим или назидтельным) лишь в частном случае либо в ироническом контексте[171].

Здесь разбираются отдельные аспекты универсума масс-медиа для операционализации работы с ним – как с трансляциями (в их содержательном и внешнеисточниковом, или метаинформационном, составляющих), так и со средствами и сторонами их воздействия/восприятия.

***

В качестве введения во все то, что касается масс-медиа, следовало бы дать вкратце общее представление о предмете. Поступлю просто и представлю здесь свою статью над названием "Средства массовой информации и средства массовой коммуникации", написанную специально для международного междисциплинарного энциклопедического словаря "Глобалистика" – титанического в своем роде проекта, увидевшего свет в 2006 году под редакцией И.И.Мазура и ведущего российского специалиста по философии глобальных проблем А.Н.Чумакова и благодаря их великим организаторским способностям. По причине весьма специфического отношения к авторским материалам и своей роли одного из рядовых составителей сборника статья в более, чем тысячестраничной книге, появилась под заголовком "Средства массовой информации" – и на этот раз также в сильно урезанном виде, поскольку из нее была попросту выброшена часть про массовые коммуникации. Чуть позже я понял, что, скорее всего, это было связано с тем, что в сборник вошел более пространный материал одного известного ученого, посвященный глобальным коммуникациям, и что, скорее всего, действия с моей статьей были осуществлены в стремлении избежать тематических повторов (и никоим образом не мотивированы лизоблюдством в системе научных иерархий). Конечно, этот составитель позвонил мне и предупредил, что статью надо немного сократить, но я никак не подозревал, что будет убрана половина содержательной части (как позже стало известно, я был не единственным, кому сей гражданин подкузьмил,

[171] Обратно, учительство может быть выражено в медиа тексте в ироническом стиле, и фактически является таковым во многих случаях трансляции учебного контента, особенно в случае онлайн-каналов.

причем не только в рамках этого проекта). К слову, кроме общегуманитарных посылов, суть и природу "глобальной коммуникации" в соответствующей статье мне понять не удалось, тогда как свой материал я писал предметно – на базе свежего (двухлетнего на тот момент) опыта регулярного мониторинга и качественной аналитики трендов глобального рынка new media, сотовых и проводных инфраструктур, интернет- и моб-телевидения по 50 категориям, делая это для одной из ведущих на тот момент холдинговых компаний в сфере интернет-маркетинга и сетевых игр. Сейчас уже вряд ли, а на тот момент эта статья содержала вещи, мало обсуждавшиеся не только в широких кругах, но даже среди знакомых мне журналистов. Приведу ее полностью, ибо не сомневаюсь в актуальности изложенного в ней до сих пор, дабы от этого краткого и общего представления двигаться к тому иному, что представляется мне существенным.

***

Определение средств массовой коммуникации (СМК) нередко сводится к базовым моделям процесса коммуникации (в их числе – модели Лассвела, Шеннона-Уивера, ДеФлюэра, Осгуда-Шрамма, Дэнса и других авторов). Определения же средств массовой информации (СМИ) в одних случаях строятся как уточнения этих моделей, в других рассматриваются независимо от сферы СМК (хотя почти всегда признается, что масс-медиа есть специфическое средство связи людей). Необходимость совместного рассмотрения СМК и СМИ обусловлена не только близостью обоих понятий, но также и тем, что в обыденном употреблении они нередко подменяются одно другим, порождая круг в определении. Во всяком случае, массовый характер этих явлений неизбежно ведет к доминированию их социальной роли среди всех прочих средств и способов информирования и общения.

СМК можно определить как совокупность технических средств, обеспечивающих распространение и обмен информационных и транспортных потоков в значительных социальных масштабах, вне зависимости от их содержания (то есть СМК – это, прежде всего, *средства транспорта и связи*). Вместе с тем, масштаб трансляции определяется именно технологическим обеспечением каналов коммуникации. Однако не все средства коммуникации являются СМК: возможность использования некоторой технологии коммуникации в качестве массовой, но реальное не

использование ее как таковой, не делает ее СМК, поскольку бытие таковой, прежде всего, означает организацию деятельности всего социума с учетом особых технических средств, а не фактическое использование этих средств кем-либо в обществе.

В отличие от СМК, технологии средств массовой информации (СМИ) специфицируются в большей степени *информационными площадками*, или *медиа-носителями*, нежели системами транспорта и связи. Понятие информплощадки характеризует не только средства, но и способы трансляции целевым группам определенным образом организованных содержаний новостного, аналитического, рекламного, развлекательного и других типов. В отличие от прочих СМК, технологическая составляющая СМИ в наибольшей степени связана с транслируемым содержанием. (Стоит отметить крылатую фразу «media is a message» Маршалла Маклуэна, утверждавшего о наличии статуса сообщения у самого средства трансляции.) Существенной чертой СМИ также является регулярный характер вещания, то есть периодическое обновление содержания информационной площадки при сохранении общетематической направленности издания или передачи. Таким образом, СМИ, выстраиваемые на технологической базе СМК, не сводятся к последним, поскольку, помимо технологических, специфику масс-медиа во многом определяют характеристики транслируемого содержания.

По типу носителя СМИ делятся на *специфические* и *неспецифические*. В первую группу входят пресса, телевидение, радио, особые виды наружных носителей (рекламные щиты, призматроны и т.п.), а также специализированные Интернет-ресурсы (электронные газеты и информагентства). Во второй группе – так называемая «сувенирка», различные поверхности в общественном пространстве (например, стены домов), а также непрофильные ресурсы сети Интернет.

Тенденцией последних десятилетий является то, что некоторые виды СМК, а также СМИ, выступают в качестве факторов распространения политического и экономического влияния за пределами тех общественных и государственных образований, в которых они возникли. Однако это не означает, что, выходя за эти пределы, СМК и СМИ полностью ассимилируются иными культурными средами: опыт развития мировой

экономики после второй мировой войны подсказывает, что весьма успешной ассимиляции подвержены технологии коммуникации и масс-медиа, но не организационно-идейная составляющая медийных корпораций международного уровня. Скорее наоборот, на уровнях содержания и способа подачи информации они становятся факторами языковой и культурной экспансии со стороны тех стран и общественных институтов, в которых они возникли (прежде всего, это страны «первого мира»).

Важной специфической чертой большинства современных СМИ, выделяющей их среди прочих средств массовой коммуникации, является однонаправленный характер их функционирования. Иначе говоря, в отличие от других СМК, в СМИ, во-первых, отсутствует обратная связь между коммуникантами в рамках одного канала трансляции. Во-вторых, возможностей у адресата медийных сообщений распоряжаться информплощадками (если они вообще имеются) гораздо меньше, чем у различных сил, контролирующих медиа. Это обстоятельство позволяет некоторым представителям современной философии обоснованно говорить о таящихся в СМИ социальных опасностях. Так, в статье Ж.Бодрийяра «Реквием по масс-медиа» СМИ рассматриваются в аспекте метафизики власти через понятие безответности, как эффективное орудие господствующих групп влияния, подавляющее мысль и общественную инициативу. Вместе с тем, отмечая однонаправленность коммуникативного процесса в большинстве нынешних масс-медиа, Бодрийяр говорит о сути современных ему СМИ, констатируя факт, но не указывая на перспективы развития данной предметности.

Преодоление упомянутой «безответности» видится на сегодняшний день в создании *интерактивных СМИ*, предполагающих живое участие рядового потребителя информации в процессе вещания. Несмотря на то, что развитие интерактивных средств вещания наверняка не исключит полностью возможность использования СМИ в качестве инструмента власти, именно это направление выглядит наиболее перспективным с точки зрения демократизации индустрии масс-медиа и повышения их социальной значимости. В настоящее время в ряде стран первого мира можно наблюдать технологическую конвергенцию различных средств коммуникации и масс-медиа (Интернета, мобильной 3G телефонии,

телевидения, различных транспортных систем и т.п.). С одной стороны, это ведет к тому, что развитие каждого типа СМК и СМИ является также фактором развития других типов; с другой стороны, это означает технологическую спецификацию СМК под конкретные функции. Глобальный характер этому процессу придают Интернет, международный роуминг сотовой телефонии, средства международной логистики и другие факторы. Так, будучи всемирной системой связи с богатым спектром коммуникативных возможностей, Интернет позволяет соединять различные типы информационных площадок в единое целое, создавая как внутрисетевые варианты обычных СМИ (Интернет-радио, Интернет-телевидение), так и вовлекая в свою сферу традиционные СМИ (интерактивные функции обычных средств телевещания, быстро обновляемые электронные версии прессы и т.п.). Медийное пространство становится глобальным в смысле широты охвата и преодоления проблем доступности информации в различных частях планеты, однако локализуется в отдельных потребительских сегментах, более четко определяя профиль отдельных изданий и передач.

***

Далее, обозначив предмет в общем, видится необходимым задать ряд предпосылок, или аксиом, от которых предлагается отталкиваться, дабы понять, как это самое понимание медиа возможно – причем не только текстов трансляций (практике аналитической работы с ними уделена существенная часть этой книги), но и собственно той реальности, в которую они погружены; последняя, в свою очередь, на сегодняшний день очерчивается предметом так называемой медиа социологии. Как было отмечено, методологической основой такой социологии и должна стать некая герменевтика СМИ, а с рассмотрения возможностей такой герменевтики должен начинаться всякий разговор в данной области[172].

Во-вторых, а может, и во-первых, желательно объяснить необходимость рассматриваемого здесь предмета. Очень часто во многих мониторинговых

[172] На сей счет в русскоязычной литературе уже имеется некое тематическое движение – например, вот этот материал моих дорогих ученых с кафедры методологии науки философского факультета МГУ, преподававших мне герменевтику: http://evartist.narod.ru/text12/04.htm (на 07.01.2017); http://www.km.ru/referats/27F3943ECEA54B24B72D96B0E6D19366 (на 07.01.2017). Однако в моем случае речь идет о несколько иных вещах: я исследую масс-медиа, исходя из представления о социальной модели отрасли и типологических аспектах медиатекста, отталкиваясь от чего выстраиваю практики понимания, ориентируясь при этом на конкретную типологию исследовательских продуктов.

службах проводятся так называемые «медиа-исследования». В результате таких исследований появляются толстые количественники или настоящие филологические изыскания содержаний газетных публикаций, однако часто открытыми остаются вопросы об их осмысленности, результативности или четкости проводимых в них основных предметных различий. Еще большие трудности вызывают вопросы о том, как подобное исследование совместить с исследованием социологическим, то есть как наиболее достоверным образом представить и оценить влияние media на социальную среду, а также реальные функции media в этой среде, причем дать такое представление и оценку о конкретных media и социальных группах. Разумеется, можно найти немало разработок на эту тему, особенно в англоязычной литературе, но едва ли большинство из них имеет существенное практическое значение, особенно для социологов-прикладников, если учитывать, к тому же, что медиа-социология разработана в России крайне слабо (монопольные промышленные медиа исследования от Video International, осуществляемые машинным способом, не в счет). Учитывая данное соображение, предлагаю ознакомиться с моим видением этого предмета, тем более что необходимость его систематического изучения в последнее время становится актуальной для все большего числа лиц, занятых вопросами управления социальными системами и прогнозирования их динамики. Я прекрасно понимаю, что моя концепция может вызвать у многих нарекания и решительное несогласие по целому ряду моментов, однако открыто излагаю то, что думаю, и считаю, что излагаю все-таки нечто лучшее, нежели те представления о роли СМИ в обществе, с которыми я сталкивался в различных аналитических отделах и мониторинговых службах. Назвать эти представления системными можно с большим трудом.

Объясняя, зачем нужен анализ СМИ помимо манипуляции этими СМИ настроениями различных общественных групп[173], можно сказать, что любой коммуникант достигает предела вывода новой информации для других коммуникантов, если он не занят вводом информации извне и

[173] Что также носит название рекламных и PR-технологий. Примечательно, что сами так называемые рекламщики и PR-технологи часто имеют довольно смутное представление об анализе СМИ, не говоря о том, чтоб иметь хоть какое-то представление о социологии СМИ (хотя в рамках широкого распространения вузовской подготовки по специальности "PR-менеджер" такие представления стали массовизироваться). В большинстве случаев их деятельность построена на чистой коммерческой коммуникации, связях, откатах при размещении публикаций и других полезных личных навыках, связанных скорее с тренировкой способностей речевой казуистики и языковых игр, нежели с культурой познания и мышления.

соответствующим ее преобразованием. В частности, для модерации поля PR-воздействий необходим мониторинг этого поля и потенцирование данных этого мониторинга (в смысле их аналитического приращения) для принятия адекватных решений о воздействии на него. В зависимости же от того, каким образом осуществляется эта модерация, и от того, какие цели ставит перед собой исследователь, оно осуществляется до (предварительный мониторинг или анализ), после (ретроспективный мониторинг или анализ) или во время модерации (текущий мониторинг или анализ). Это различие имеет практическое значение для принятия решений о составе исследовательской группы и порядка выполнения исследовательских и модераторских работ.

Медиа-исследование не должно быть поиском неких самоочевидных истин, уже известных до всякого исследования, или эмпирическим подтверждением всегда подтверждаемых гипотез. И это не есть нечто такое, о результатах чего можно было бы судить без определенного трудоемкого процесса. Оно должно предполагать, по крайней мере, одну объяснительную модель исследуемого предмета – с одной стороны, и хотя бы одну систему аргументации для выводов об этом предмете – с другой. Медиа-исследование (включая измерение) должно, в первую очередь, обеспечивать достоверность этих выводов и проверку высказанных ранее предположений, и во всяком случае давать приращение информации о предмете.

"Социология media" имеет дело с тем, что наиболее фундаментально идентифицирует общество – язык, причем исследует влияние языка на социальные процессы в широких диапазонах значимости, актуальности, предметности, адресности, плотности и т.д. Это еще одно соображение, по которому такая социология не может быть сведена к социологии "средств массовой информации" (СМИ). Она хороша тем, что не брезгует никаким проявлением языковой активности, пытаясь почерпнуть значимые сведения из любого типа говорения или письма, исследуя влияние языковых средств на целевые аудитории, авторов выражаемых с помощью этих средств посланий, и тех, кто является хранителем этих средств (последние, как показано далее, должны различаться).

Говоря о предметах, соприкасающихся с предметом социологии СМИ, обойдусь без предварительного их введения, и просто перечислю их. Предмет этот появляется в его осмыслении с позиций герменевтики, риторики, культурологи, общей социологии, логики, психологии, религиоведения, науковедения. Разумеется, список не полный, а потому буду говорить о том предмете, что я поставил в самом начале списка.

Маркс и марксизм (как область целостной социальной науки определенного типа, сформированная определенным образом при определенных исторических обстоятельствах) обходятся с медиа достаточно просто: они не очень пристально рассматривают эту реальность, отводя ей место в сфере надстройки, обслуживающей интересы капитала. Они же не рассматривают ее как индустрию, производящую особые, общественно полезные, блага: отдельный момент здесь составляет, так сказать, смыслонавигационная функция масс-медиа, являющаяся, по сути, специфической образовательной функцией. Честный и жесткий разговор о лоббистско-пропагандистской функции, представляющий медиа "индустрией лжи", оттесняет ее возможности в качестве общественного блага. Между тем, таковые есть, и должны быть использованы при формировании человека и общества нового типа, хотя и в других условиях.

Что можно понимать под герменевтикой масс-медиа?

То, что я некогда обозначил герменевтикой медиа трансляции (или медиа текста), начинается не с классического "круга понимания", а с некоторого набора предметных дистинкций, операционально дающих этот предмет, на которых данный круг способен работать. При этом своей инструментальностью они непосредственно относятся ко всему тому, что в этой книге сказано насчет total control, сверхновых media, республиканства как "продуктивного союза разукрупненных" и прочих аппроксимаций выхода за рамки дилеммы экспоненциальности и цикличности, касающейся основных способов деятельного существования глобального человейника.

Герменевтика, взятая как наука понимания, в своей исторической изначальности представляет практически ориентированные знания, поэтому в ряде случаев к ней более применим эпитет “искусство”, нежели “наука”. Основанием деления герменевтики как системы знания может являться предмет понимания. Наиболее типичными среди таковых предметов

являются: понимание потустороннего мира, законов, человеческих поступков (в том числе речевых), природы (или окружающего мира), литературных памятников и т.д. Герменевтика СМИ есть тип герменевтики текстов, а значит – искусства понимания этих текстов. Одной из первостепенных задач, возникающих при овладении этим искусством, является задача овладеть спецификой текста СМИ, дабы понять, что здесь вообще возможно исследовать. Стоит заметить, что потребность в развитии искусства понимания возникает именно из начальной ситуации непонимания или неудовлетворенности существующим пониманием предмета. Значит, другой задачей герменевтики СМИ является задача выявления тех обстоятельств, что побуждают нас исследовать медийные источники.

Исторически предметом герменевтики были особые тексты, преимущественно божественные, богоданные, сакральные. Ее задачей являлось правильное их истолкование, поиск новых значений и смыслов, умение адаптироваться в многообразии жизненных ситуаций, пользуясь единственным источником (или немногочисленным их количеством). В ходе своего развития предмет герменевтики меняется, она все больше десакрализируется. Герменевтика media есть нечто обратное герменевтике священных текстов. Можно сказать, что она есть герменевтика «антисвященных» текстов, герменевтика суетных мнений, слухов и кривотолков, выраженных в соответствующих источниках и носителях. В противоположность истолкованию заветных, древних, почитаемых текстов, составлявшихся на протяжении длительного времени и сохраняющих значимость на протяжении многих веков, она имеет дело с быстро создаваемыми текстами, имеющими кратковременную актуальность – как для авторов, так и для их читателей. Тем не менее, такие тексты составляют ткань Истории, обладая существенным влиянием на социальные процессы – с одной стороны, и представляя собой естественный массив регулярного протоколируемых и дублируемых данных – с другой. Поэтому герменевтика СМИ исходит из того предположения, что эти тексты, при всей разношерстности их видов, могут представлять познавательный интерес как на соизмеримых им самим временных интервалах, так и для более фундаментального (и, соответственно, менее срочного) изучения связанных с ними сущностей и событий. Герменевтику СМИ скорее волнует то, как одни и

те же ситуации освещаются различными источниками, а также какие системы и структуры образуют взаимодействующие между собой авторы, потому ориентиром здесь является множественность позиций относительно значимой для исследования ситуации.

Уже одно слово “media” указывает на “герменевтическую размерность” исследуемого предмета. Как наука (или, если угодно, интеллектуальное искусство), герменевтика СМИ предполагает умение за видимым видеть иное; как гуманитарный акт, она предполагает развитие способности понимать медийную реальность. Именно это обстоятельство во многом делает осмысленным осуществление герменевтики СМИ как науки. Не стоит, однако, рассматривать эту науку как нечто вполне обособленное, взятое в смысле классической науки. Более эффективным представляется ее рассмотрение в свете тех возможностей, которые от нее ожидаются. Прежде всего, она должна дать метод (или, если угодно, эвристики) эпистемологического подхода к СМИ. Помимо формирования эпистемологических основ понимания, задачей такой герменевтики является также совершенствование культуры понимания медийной реальности, которая, в рамках более общих исторических контекстов, в силу ряда принципиальных обстоятельств, до сих пор является новшеством. История последних полутора – двух столетий едва ли имеет аналогии по интенсивности коммуникативных революций. Испытываемый в связи с ними культурный шок требует формирования знаний о возможностях эпистемологического, процедурного, дисциплинарного, гигиенического и других способов освоения этой области. Разнообразие (и, вместе с тем, совмещаемость) того, что мы имеем в виду, говоря об информационном, медийном или коммуникативном пространствах, часто сбивает с толку. Лишь какое-то время спустя мы понимаем, что “сбивание с толку” есть одна из функций этой среды. Приглядевшись внимательнее, мы обнаруживаем еще одну функцию – управление толками (или, вернее сказать, их перенаправление). Часто эту функцию осуществляют так называемые “машины желания”, которые “работают, ломаясь”. То, как работают такие машины в медиа – тема отдельного рассмотрения.

Герменевтика медиатекстов, о которой здесь идет речь, исходит из той предпосылки, что эти тексты, будь то газетные статьи, телепередачи или

новостные ленты информагентств, могут быть прочитаны двояко: профессионально и профанно. То есть тексты, предназначенные для «масс», несут в себе «элитную» информацию, но только для тех, кто читает их «элитно», не как «все те», на кого эти тексты в основном рассчитаны, но так, как их читал бы исследователь, преследующий при таком прочтении особые цели. Определенность собственных, потребительских целей обращения к текстам СМИ, во многом определяет характер профанности или, наоборот, профессионализма их чтения. Едва ли человек, беря в руки газету или включая телевизор, всерьез задумывается над тем, зачем он это делает. Смысл его действия для него очевиден почти настолько же, насколько очевидными являются такие элементарные культурные действия, как чистка обуви или мытье рук. Желание быть в курсе событий, развлечься, узнать для себя что-нибудь новенькое или просто скоротать время – все это можно чаще всего услышать, а проще всего – придумать, дабы при случае ответить без труда. Ситуация несколько усложняется, когда мы пытаемся уточнить эти ответы, выясняя, какие события нас интересуют больше всего, что является для нас развлечением или почему мы позволяем себе убивать время именно таким способом. Уже сама постановка вопроса о цели потребления медиа продукта, не удовлетворенная простыми объяснениями, ведет к возможности формирования таких целей, которые при обыденном потреблении продукта СМИ не могли быть поставлены.

Медиа трансляция есть ключевая составляющая управления достаточно сложным человеческим сообществом, она возникает как особая отрасль на определенном уровне разделения труда и, надо признать, также должна быть рассмотрена как предмет интереса кибернетики жизнеспособных систем. Иначе говоря, герменевтика медиа трансляций есть деятельность понимания специфического живого. Помимо этого, и герменевтика медиа, и собственно медиа среда, имеют важность как для идентификации, так и для формирования, стеганографических процедур, реализуемых в формате потоковых данных, а значит – для преодоления разобщенности категорий и групп, на которых направлены трансляции.

Не забывая особой терминологии социологов, в смысле "скрытых вещей" следует сказать, что большая часть того, что здесь изложено, имеет отношение к так называемому «интент-анализу», представляющему собой

разновидность контент-анализа. Интент-анализ дает нам представление о "бессознательном текста", но это не обязательно значит, что он дает представление о проявлениях в медиа-тексте бессознательного его автора; более того, исследование такого рода вовсе не обязательно должно быть главным при исследовании таких текстов. Скорее, речь идет о давно известном обстоятельстве реализации в тексте собственных семантических и выразительных возможностей языка помимо целевых значений и смыслов самого автора. При этом в основе исследования эффективности воздействия трансляций более важным является то, каковы возможные способы формирования бессознательного (коллективного или личного) у целевых аудиторий, то есть какие тропы, типы и части распространяемых содержаний способны формировать у тех или иных групп определенные бессознательные реакции (или наоборот, отчетливо сознаваемые и принимаемые) не только на контент, но и на сами его источники.

Существенное значение здесь имеет категория оценки (широко именуемая "тональностью"), уже ставшей довольно-таки скучным дженериком для многих разработчиков автоматизированных систем анализа текстов. Герменевтика медиа, расхоже называемая социологами "контент-анализом СМИ" (с коннотативным подразумеванием лингвостатистики скорее, нежели какой-либо герменевтики), как правило, методологически весьма скудна. В центре большинства известных автору контент-аналитических исследований (еще до всякой автоматизации этого процесса, начавшегося где-то с 2010-х годов), как правило, находятся количественные соотношения оценок различных фигурантов, представленных в стандартном наборе значений «позитивно-негативно-нейтрально», которые почему-то называются направленностью публикации (как будто оценка есть единственная характеристика направленности[174]). При этом сами условия распознавания оценок едва ли можно встретить в большинстве таких документов – для

[174] Или интенциональности. Впрочем, здесь можно предположить следующее объяснение. Дело в том, что, как правило, контент-анализ проводится лишь с точки зрения оценки тональности текста (агрессивности или благожелательности) по отношению к кому или к чему бы то ни было в нем упоминаемому, и такие важные характеристики интенциональности, как проблема и тезис (констативное выражение), остаются за рамками операционализации или подразумеваются как некая, сама собой разумеющаяся, предпосылка. Операционализирован бывает информповод, однако и его различие часто бывает в исследовании оторвано от различия прочих категорий направленности. Вместе с тем, при проведении имиджевых компаний в СМИ решающим риторическим актом является не формирование информповода (ибо он относится к области реальных событий), а его интерпретация в контексте значимых для определенных целевых групп проблем и приемлемых для этих групп способов их решения.

социологов здесь обычно начинаются структурно-лингвистические дебри, куда большинство из них не решается лезть – полагая, что критерии приписывания деонтических (алгедонических) значений находятся именно в этих дебрях[175]. Часто бывает, что при анализе публикации оценка фигуранта определяется в абсолютных терминах, что характерно для резких пропагандистских статей, не предполагающих сомнения. Трудности возникают при исследовании обзорных или аналитических материалов, где оценки одного и того же фигуранта не всегда бывают однозначными. Тогда появляются характеристики вроде «поляризованная оценка», которую с трудом отличают от «нейтральной», и прочие глупости, вместо того, чтобы принять оценочную относительность высказываемых в публикации суждений как более зрелую позицию, и просто разбить оценки на категории, сохранив тот же набор оценочных значений. Чем более дифференцированно даны оценки в тексте, определенном как пропагандистский, тем более следует предположить, что такой текст ориентирован на более искушенного читателя.

В связи с изложенным оказывается возможным представить некий сухой остаток, который будет пригоден для расколдовывания медийного мира (разумеется, на первенство такой задачи автор этих строк ничуть не претендует). И частью этого расколдовывания оказывается далеко не для всех приемлемое обстоятельство – рассмотрение научного текста в качестве специфического медиаконтента из категории "тяжелого", или основного, с последующим распространением в общественной среде в виде более легких и адаптивных форм.

Средства массовой информации: универсум

Понятие медиа является более широким, чем понятие масс-медиа, которое, в свою очередь, более общо, чем понятие средства массовой пропаганды. Однако здесь, в качестве наиболее привычного синонима «масс-медиа», с указанными оговорками, все же будет использоваться выражение «средство массовой информации», или СМИ. Разумеется, автор вычленяет понятие «средство массовой коммуникации» (СМК), которое более объемно по сравнению со «СМИ», но и меньше всего употребляется сравнительно с этим

[175] То, что эти значения являются именно "деонтическими" и "алгедоническими", то есть логическими и кибернетическими, а не сугубо филологическими или структурно-лингвистическими, они в своей массе (за редкими исключениями) не мыслят.

понятием теми, кто работает со «СМИ». В данном разделе сущности, соответствующие общему понятию СМК, не рассматриваются, поскольку ее предметом являются коммуникативные системы с прямым типом связи.

В качестве основных предметных понятий, задающих структуру универсума средств массовой информации, могут быть рассмотрены:

- группы интересов, контролирующие источники, или средства, массовой информации и влияющие на возможность появления в них различных материалов. В универсуме СМИ группа интересов является группой управления;
- целевые аудитории потребителей сообщений источников массовой информации. В универсуме СМИ целевая аудитория является группой управляемых;
- собственно средства массовой информации (СМИ) того или иного типа (пресса, радио, телевидение, компьютерные сети, etc.), обеспечивающие связь групп интересов с их целевыми аудиториями и являющиеся собственно продуцентами медиа трансляций и, в более общем смысле, культиндустриального продукта. В универсуме СМИ сами СМИ являются средством управления.

Эти три категории должны быть учитываемы при разработке любых методов исследования СМИ. Едва ли такая интерпретация универсума СМИ представляет собой что-то принципиально новое. Однако здесь стоит отметить ее именно потому, что часто, обращаясь к исследованию media, забывают и не учитывают базовые роли составляющих такого универсума.

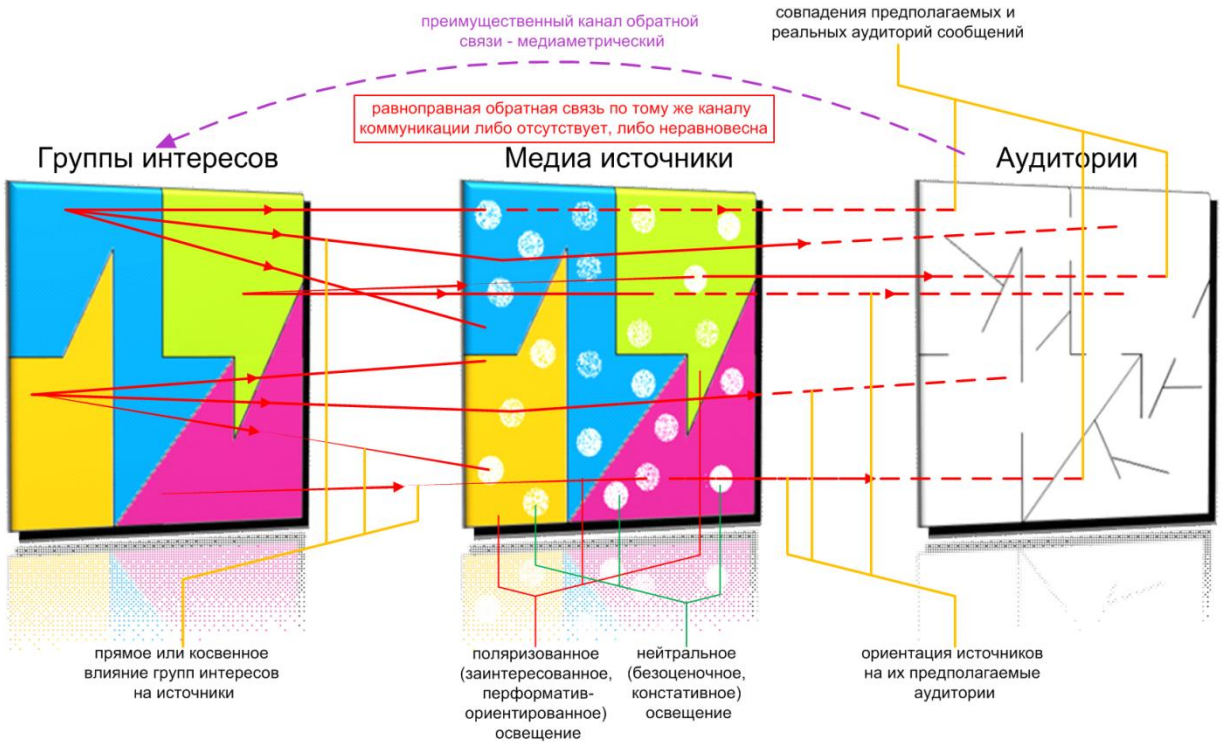
Элементарным структурным уровнем массового сообщения следует считать отношение между одной группой интересов, контролирующей один источник СМИ, рассчитанный на одну целевую аудиторию. Все прочие выделяемые структурные уровни предполагают элементарный структурный уровень массовой коммуникации в качестве исходного.

Специфическим свойством средств массового сообщения является векторность их функционирования: сообщение через СМИ идет от группы интересов к целевой аудитории, но не наоборот. Сведения о целевой аудитории группа интересов может получать через различные

социологические исследования, тогда как большинство представителей целевой аудитории источника может и не быть осведомлено насчет контролирующей его группы интересов.

В общем и целом система масс-медиа может быть представлена следующей схемой. Стоит отметить, что эта схема очевидно представляет собой иерархию, то есть структуру соподчинения, причем такую, в которой декларативно соподчинения нет, однако оно обнаруживается по сути и обсуждается весьма широко в самых разных этических интерпретациях (одно из первых мест среди которых занимает марксова).

Далее – та же схема, но в несколько ином аспекте – коммуникации, а не соподчинения.



В данном случае двусмысленность связи с аудиторией обеспечивает фактичность иерархии не только на уровне отдельной личности (каковая, хоть и не всякая, может ограничить собственное восприятие трансляций и начать самостоятельно интерпретировать), но на уровне всего общества как реципиента трансляций. Здесь следует особо подчеркнуть важное обстоятельство (имеющее ключевое значение для "поливерсальной" структуры диалога), что стратификация (в частности и прежде всего – общества) вовсе не обязательно предполагает отношение соподчинения. В случае коммуникативной схемы медиареальности типологические уровни категорий групп интересов и групп источников (собственно, медийствующие также и прежде всего в смысле опосредования областей B2B и B2C) не обязательно связаны таким отношением внутри себя (хотя таковое, безусловно, имеет место, равно как неиерархическое межпрофильное партнерство, однако для наглядности оно не представлено на схеме[176]), хотя между собой они соподчинены экономически или политически. Подобное смешение представлений о деятельностных стратах, тем более ограниченное лишь категорией групп источников, является еще одним условием

[176] Более сложную конструкцию даст представление с использованием treemap (очень популярную в североамериканских системах визуализации и отчетной документации).

формирования массовой иллюзии "независимых СМИ" (разделяемой, прежде всего, его персональными участниками), реально способных к подрядному и партнерскому взаимодействию внутри своего рынка.

Дав общее представление о структуре универсума СМИ, кратко рассмотрю типологии исследования медиа-реальности. В зависимости от исследовательского интереса универсум объектов исследования СМИ делится на два основных класса: исследование продукта СМИ и исследование универсума СМИ.

Ниже представлен ряд идентичных интенциональных характеристик для медиа (СМИ) и их целевых аудиторий, по которым возможно выявление совпадений параметров.

Целевая аудитория	**Media**
Значимые проблемы, задачи, смыслы	Освещаемые проблемы, задачи, смыслы
Приемлемые варианты решения проблем или задач	Предлагаемые варианты решения проблем или задач
Значимые фигуранты	Освещение значимых фигурантов
Приемлемые оценки фигурантов	Оценки фигурантов
Категории оценки	Категории оценки
Значимый тип события	Освещение информповодов
Предпочтения (читательские, зрительские, аудиторные)	Текстовые барьеры и триггеры

Таким образом, релевантность media целевой аудитории предполагает совпадения:

- тематическое;
- фигуративное;
- оценочное;
- событийное.

Установление соответствия по данным основаниям позволяет говорить не только об эффективности влияния media на целевые аудитории, но также устанавливать соответствия между другими частями универсума. Столбец, названный выше как «целевая аудитория», вполне может быть озаглавлен как «группа влияния». Выводы о соответствии или несоответствии частей универсума друг другу могут быть получены на основе сопоставления конкретных данных, подставляемых в приведенную таблицу. Принципиально

важным здесь является то, что, несмотря на типологическое единство наборов интенциональных характеристик и для группы влияния (ГВ), и для целевой аудитории (ЦА), они находятся в заведомо неравноправном отношении. Поэтому можно сформулировать еще одно определение эффективности media: она имеет место, когда интенциональные характеристики ГВ удается транслировать ЦА посредством подконтрольных или дружественных ГВ медиа ресурсов.

Три набора характеристик частей универсума СМИ делают возможным построение эвристической модели эффективности их взаимодействия. Ниже представлена именно такая модель, основанная на общих условиях совпадения интенциональных характеристик этих частей. Знаки «+» и «–» указывают на наличие или отсутствие совпадения. Стратегией уточнения данной модели является прописывание условий для каждого из четырех отношений совпадения отдельно.

ГВ	СМИ	ЦА	Возможные значения совпадающих групп параметров
+	+	+	• Эффективность продвижения группой влияния своих интересов в системе данного СМИ. • Подконтрольность данного СМИ группе влияния. • Адекватность медиа-усилий СМИ декларируемой группой влияния политике. • Влиятельность СМИ на целевую аудиторию. • Поддержка целевой аудиторией политики, проводимой группой влияния, и ее доверие средствам пропаганды этой политики.
+	+	–	• Эффективность продвижения группой влияния своих интересов в системе данного СМИ. • Подконтрольность данного СМИ группе влияния. • Отсутствие контакта с целевой аудиторией, или неспособность СМИ оказывать на нее влияние, или начальный этап осуществления информационной политики.
+	–	+	• Поддержка целевой аудиторией некоторого СМИ политики, проводимой группой влияния на данный источник СМИ, при конфликтующей или пребывающей за рамками этих политических игр.
–	+	+	• Адекватность или влиятельность информационной политики некоторого СМИ своей целевой аудитории, при конфронтации целевой аудитории или СМИ с группой влияния, пребывании СМИ за рамками влияния или недостаточном контроле СМИ со стороны группы влияния.
–	–	–	• Полное отсутствие вовлеченности частей универсума СМИ в процессы медиа-коммуникаций.

Рассмотренная модель является статической. Другая, динамическая, модель, возможная на основании отмеченных выше интенциональных характеристик

частей универсума СМИ, должна дать условия, определяющие тенденции их влияния друг на друга.

Разумеется, представленное есть лишь схема, и разумеется, она есть всего лишь упрощение. Но вместе с тем она задает общее направление движения в сторону медиаметрии, охватывающее медиа куда более целостным образом пространства присутствия, нежели это делают известные медиаметрические системы с высоким уровнем автоматизации, отмеченные ранее (ТВ-метрические или контент-аналитические). Важным моментом выхода в сферу "сверхновых медиа" здесь будет признание того обстоятельства, что группы влияния и целевые аудитории могут совпадать как одна и та же группа потребления информации (структурным образом образующая петлевой граф) – подобно тому, как для понимания проблем "постиндустриальной экономики" важной новостью оказывается признание того, что производитель конечных товаров и их потребитель – одно и то же лицо. Но здесь есть нечто большее в структурном смысле, поскольку целевые аудитории могут оказаться в активном отношении деятельностной специализации к средствам трансляции[177]. На уровне первичной декларации это, безусловно, выглядит как технократический наив, однако сказанное ранее уже предполагает, что, поскольку речь идет о новой категории и новой модели мира, которую предстоит построить, эта конструкция может быть институционализирована, что не противоречит даже тому непосредственно сбывающемуся мрачному футуризму, о котором идет речь дальше в этой книге.

Информационные повод, событие и картина как составляющие сюжета медиа трансляции

Исходными категориями, задающими топику исследования содержательных аспектов продукта СМИ, является информационное событие и информационный повод. Понятие последнего, иногда в формулировке "новостной повод", используется чаще, тогда как понятие информационного события используется крайне редко, если вообще используется. Поэтому видится необходимым обозначить их отличие. Для анализа медиа-трансляций различие событий этих двух уровней крайне важно, поскольку в

[177] Такая модель образует некое подобие замысловатой машины Тьюринга, в которой не одна каретка пробегает по ленточной секвенции, а множество кареток (некоторые из которых представляют собой специализированные динамичные ячейки или ячейки, работающие в "динамичном режиме"), осуществляющих движение по матричной или даже тензорной структуре.

ряде случаев информационные события становятся поводом их освещения в медиатекстах. Таким образом, различие информационного события и информационного повода иной раз оказывается различием языка и метаязыка. Это различие также отчасти подкрепляет вводимые ниже понятия фактов первого и второго уровней.

Информационным событием (ИС) является текст, представляющий сообщение определенного содержательного типа, идентифицируемый с некоторым множеством его исходных данных (источник, автор, дата, etc.), а также – множество содержательно (интенционально) идентичных сообщений СМИ (множество текстов), характеризующихся общностью исходных данных. Информационное событие может быть также понято как интенциональный относительно некоторого данного информационного повода контекст.

Информационным поводом (ИП) является событие (или совокупность взаимосвязанных событий), описываемое или комментируемое в содержании сообщения (то есть факт), внешнее по отношению к этому содержанию и образующее структурную основу (топику) его темы, или предмет. Информационный повод характеризует смысловой аспект сообщения.

Информационная картина (ИК) представлена формируемым в некотором текстовом содержании возможным миром. Контексты информационных событий и связи между ними излагаются так, как они представлены источниками, освещавшими тему за рассматриваемый период времени. Связанность информационной картины должна соответствовать целостности обозначенных в тексте тематических доминант и гипотез.

Здесь фигурирует еще один фактор, который был условно обозначен ранее (в книге "Частично управляемое") как "тезис Джемса", предполагающий ненулевую вероятность наступления события или состояния при декларации и массовизации представлений о его возможности. В виду понятийной близости его следует отличать как от "эдипова эффекта" Поппера (ибо здесь речь идет, во-первых, именно о массовости, а во-вторых, о воплощении системы смыслов, не обязательно относящихся к сфере научного производства), и того, что известно под "теоремой Томаса" (и было

обозначено В.Соловьем в его книге "Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования"): если люди определяют ситуации как реальные, то эти ситуации оказываются реальными по своим последствиям. Здесь речь идет именно о социальном (если не социоприродном) воплощении состояний, или возможных мирах, а не просто о последствиях человеческого смыслополагания. То же, что касается собственно последствий человеческого отношения к чему-либо воображаемому или представляемому как масс-медиа-манипулируемому, связано именно с последствиями формирования массовой тональности в отношении некоторого возможного состояния, которые не обязательно связаны с рациональной (внеэмоциональной или внеоценочной) реализацией возможности; именно аффект и алгедоническое стремление к маргинальным значениям является тем, что смешивает воображение с реальностью, дерационализирует и дискредитирует ее, а также оказывается объектом вторичных массово-риторических манипуляций. В рамках данной главы тональности посвящен отдельный материал. Так, уверенность в доказуемости теоремы Пуанкаре не определена (и не подконтрольна) по своим последствиям в попытках осуществить это доказательство, может сопровождаться аффективным состоянием вдохновения и получением позитивных эмоций в случае успешного результата, а сами эти попытки предприниматься достаточно массовой группой лиц, к которым применимы целевые способы медиа-воздействия. При этом сама теорема вовсе не обязательно есть предмет приписывания тональных значений, каковой в большинстве случаев такого приписывания есть субъект или объект рыночных отношений, в концептуальном значении в рамках медиатрансляции выступающий в качестве либо персоны, либо торгуемого артефакта. Однако тем, что объединяет все эти понятийные попытки усмотреть связь потенции и действия на уровне преобразуемых в обществе смыслов, безусловно, является логика описания состояний (фаз) и возможных миров, уточняемая в зависимости от предметных ограничений этих концепций.

***

Особенностью отношения новостных поводов и вопросно-ответных конструкций является то, что они, будучи связаны между собой как

целостные характеристики текстового содержания, различны в их отношении к информационному событию. Информационный (новостной) повод может быть и есть (в той или иной степени) информационно *значимым* событием, но сам не есть информационное событие. Последнее – это характеристика вопросно-ответных (смыслообразующих) конструкций текстового содержания.

Информационным событием могут быть:

- новая тема освещения:
    - (сравнительно) новый вопрос или проблема;
    - (сравнительно) новый тезис или вариант решения проблемы;
- освещаемое развитие событий по некоторой данной теме, могущее быть рассмотренным как порождение новых проблем или вариантов разрешения уже существующих.

Событие, находящееся вне коммуникационного (информационного) поля, может и не стать информационным (коммуникационным) поводом, или поводом для коммуникаций. Что касается пространства информационных событий, то вопросно-ответные (интеррогативные, эротетические), содержательные конструкции являются первейшими насельниками этого пространства. Как и реальное событие, информационное может быть новым или не очень, иметь явный повод или нет.

В зависимости от того, какая составляющая интеррогативной конструкции доминирует в тексте, можно выделять вопросно и ответно ориентированные тексты. И в зависимости от того, какая часть доминирует, определяется тип первичного информационного события, выражающего проблему, как средоточие возможных интенций, или тезис как средоточие возможных удовлетворений интенций.

В ряде случаев проблема задает драматизм текста, тогда как тезис – его авторитарность. Информповод же определяет переломный момент (или завязку) развиваемого в СМИ сюжета, будь то в рамках одной или нескольких трансляций; он же трансформирует отношения проблем и тезисов.

Проблему возможных миров поставить можно только в рамках структуры проблемы, но никак не в рамках структуры тезиса, ибо возможный мир – это должное или недолжное, ожидаемое или неожидаемое, значимое или незначимое. Структура тезиса задает нам универсум подвижного, структура проблемы – универсум универсального.

Пафос проблемного (или, вернее, проблемноориентированного) текста – стимулирование, спрос, потребление, потребность.

Пафос ответного (ответноориентированного) текста – рецепт, предписание, предложение, удовлетворение.

Дальнейший вопрос о пафосе касается конкретных их характеристик, среди которых выделяются характеристики значимости информационных событий для тех или иных фигурантов (групп, персоналий или иных коммуницирующих сущностей).

Не только информповод может инициировать тему (проблему или тезис). Особую праксиологическую и практическую значимость имеет то, что сами смысловые структуры могут становиться основанием для обеспечивающих их событий. Как сказал Маркс, «*когда идеи овладевают массами, они становятся материальной силой*». Подобная ситуация имеет место для многократно упоминаемого в этой книге «эдипова эффекта». Однако к какой бы области не относилось то, о чем здесь идет речь, важно понимать, что, прежде всего, она идет об отношениях между структурой событий и структурой смыслов.

Если устройство того, что названо темой, смысловым направлением, или, если угодно, интенцией, было, в общем, представлено через комплементарность проблемы (вопроса) и тезиса, то теперь логично будет сказать о структуре того и другого. Классически тезис легко представим через отношение субъекта и предиката. В иных случаях тезис может быть представлен как отношение темы и ремы (напомню, что именно здесь слово «тема» использовано в ином значении, как термин относительно понятия «ремы»), неподвижного и подвижного, константы и переменной, но, во всяком случае, как отношения конкретных категорий.

В контексте данного рассуждения тема не является еще одним отдельным параметром; она есть статус различных параметров исследуемых текстов или частей их содержания (в нашем примере – медиатекстов), позволяющий рассматривать эти параметры во временном измерении, в динамике. Временной контекст рассмотрения параметров позволяет отслеживать их влияние на структуру других параметров и частей содержания. Это влияние оказывается интенционально или экстенционально, то есть новые информповоды, темы, оценки, фигуранты и прочие параметры задают временную характеристику контекста освещения темы.

Что же касается структуры проблемы, то она также представима в бинарном отношении, но в несколько ином. Дело в том, что если некое языковое выражение имеет вид отношения между двумя термами с противоположным значением и связкой между ними, то это еще не значит, что конкретные значения такого выражения тождественны значениям других языковых выражений, имеющих такую же форму. Более того, вовсе не обязательно, что связка во всех случаях будет одинакова. Структура проблемы характеризуется отношением присутствия и отсутствия, знания и незнания, существования и несуществования. Очень легко бывает спутать субъектно-предикатное отношение тезиса с подобным отношением структуры вопроса, или проблемы, являющимся, скорее, отношением упорядоченного и неупорядоченного, известного и неизвестного. Кстати, путаница эта нередко возникает при попытке интерпретировать отношение темы и ремы.

Частью контекстов информационных поводов являются контексты упоминания различных фигурантов исследуемого предметного поля. Обратно, некоторые контексты упоминания фигурантов исследуемого предметного поля составляют информационные поводы сообщений.

Приоритеты освещения некоторого предмета источниками могут не зависеть как от структуры текущих информационных поводов, в том числе – новостных сообщений, так и, тем более, от приоритетов исследования. Как правило, они зависят от информационной политики, проводимой редакцией источника или группой его контроля. Следует провести различие между информационным событием – с одной стороны, и информационным

поводом – с другой. Специфика информационного повода состоит в том, что он, формируя реальную основу информационного события, фактически не является им. Повод создает условия активности СМИ, но сам не является таковой активной сущностью, ибо относится к иному типу активности. В связи с этим, тему следует рассматривать как часть информационного события, ибо реальное событие имеет статус информационного повода лишь тогда, когда оно провоцирует событие информационное.

В качестве информационного повода, в общем и целом, могут выступать факты двух уровней: *описания свершившегося события (событий) и предположения о возможных событиях (событий)*.

Фактом первого уровня являются наблюдение события (место, время и прочие обстоятельства события – если достоверность данных об этом не вызывает сомнений) и его описание в их целостной связи.

Достоверность фактологического описания во многом зависит от того,

- является ли автор описания события наблюдателем события,
- насколько точно и подробно описание события,
- насколько и в каком смысле описание события является предвзятым.

При исследовании содержания трансляций основное внимание уделяется способам представления факта в источниках СМИ, каковыми могут быть: умолчание события, частичное представление события, искажение сведений о факте, сопровождение описания события средствами привлечения\рассеивания внимания (выделение материала среди прочих или стремление снизить значимость события; это во многом достигается за счет использования визуальных характеристик материала: спецификации типа заголовка, предварительных анонсов материала, фото и рисованных иллюстраций, особенностей объема материала, типа и размера шрифта, использования сообщений по другим темам в качестве контекста сообщений по исследуемой теме, ets.), смешение описания события с оценкой или интерпретацией события (включая описание особенностей оценки или

интерпретации события различными авторами), смешение факта с предположениями о возможных событиях, адекватное описание события[178].

Возможность описания специфики освещения фактов в источниках СМИ во многом зависит от наличия и достоверности сведений о них помимо тех, что изложены в исследуемом наборе источников СМИ, которым располагает аналитик. Таковыми источниками являются, например, сообщения информационных агентств или информационных лент торговых роботов, на основании которых составляются хроники событий. Впрочем, и здесь возможность умолчать о событии зависит, например, от политики, проводимой информагентством.

Фактами второго уровня являются предположения о возможных событиях; информационные поводы этого типа могут быть представлены:

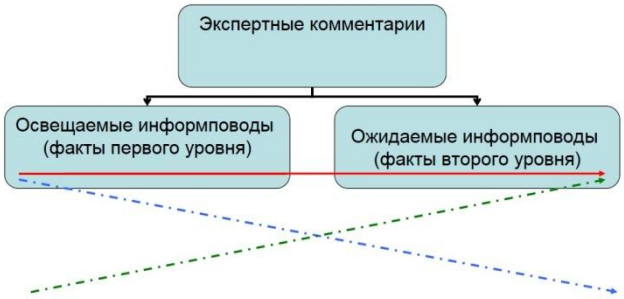
- анонсами событий;
- прогнозами в тех сообщениях источника, что носят аналитический характер (в этом случае исследованию подлежит система приводимой аргументации).

Отдельным типом событий являются "экспертные комментарии", высказываемые значимыми фигурантами в виде мнений и оценок представителями как структур СМИ, так и других областей вне этих структур (тогда исследуются различные показатели достоверности полученной от источника информации – например, может быть поставлен вопрос о том, сознательно или непреднамеренно произведена фальсификация данных); в эту же категорию могут быть включены слухи, происхождение которых установить затруднительно, но в распространении которых участвуют значимые фигуранты.

Так называемые "экспертные комментарии" являются категорией управления процессом формирования информационных поводов и событийных рядов, формирующие возможные события освещения.

[178] Эти способы подобны отмеченным в разделе " Двоякая природа масс-медиа" общим манипулятивным способам передачи сведений, тогда как факты и события представляют лишь разновидность их содержания.

Динамика информповодов в зависимости от экспертных оценок



Основными прикладными значениями исследования этих вещей являются:

- экспертиза фальсификации данных источниками СМИ;
- экспертиза ангажированности источников СМИ.

Нередко в сообщениях СМИ бывает трудно вычленить информацию не только о подробностях какого-либо фактического события, но и о самом событии, ставшем предметом освещения. Информация о событии очень часто бывает перемешана с комментариями, содержащими явные или неявные оценочные характеристики его участников (организаций или персоналий). Также нередки случаи, когда в публикации СМИ освещение фактических событий смешано с предположениями о возможных событиях, высказываемыми теми или иными лицами, а некоторые ожидаемые события столь высоко вероятны, что журналисты говорят о них как о свершившихся фактах. В ряде случаев СМИ держат события, их участников или даже целые ситуации в информационном вакууме или дают искаженную их картину в соответствии с отмеченными классами способов это делать.

Информационным поводом является событие, спровоцировавшее медиа-трансляцию. Исследование специфики освещения информационного повода есть выяснение дискурсивных средств, используемых журналистами для направленного формирования у целевых аудиторий отношения к нему. Впрочем, такое формирование не всегда может быть предсказуемо – как в плане реакции аудитории на сообщение, так и в плане тех сведений о событии, что могут быть непроизвольно транслированы автором сообщения.

В ходе исследования описываемого типа оказывается необходимым осуществить такие операции, как:

- вычленение в сообщении структуры освещаемого события;
- выявление в сообщении доминирующей оценки освещаемого события;
- выявление проблематики, представленной в сообщении в связи с данным событием;
- связывание данного события с другими событиями, освещаемыми источником СМИ;
- выявление замалчиваемых событий или подробностей событий;
- отличие авторских комментариев события от экспертных.

В процессе проведения исследования на основе серии мониторинговых документов общими предметами исследования являются:

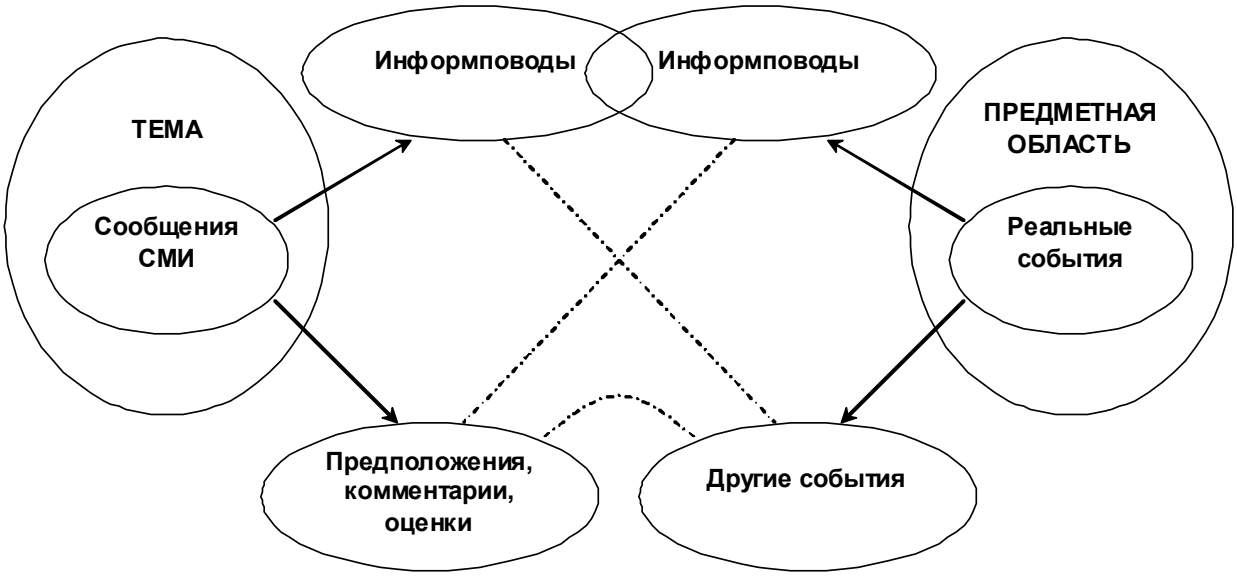
- доминирующие информповоды;
- доминирующие способы освещения информповодов.

Исследование специфики освещения информационных поводов предполагает мониторинг двух рядов.

1. Последовательность событий из интересующей предметной области, одна часть которых представлена множеством информповодов сообщений СМИ, тогда как другая остается «в тени», за рамками медиа-пространства.

2. Последовательность сообщений по интересующей теме, информационными поводами которых стали значимые события.

В ходе исследования определяется период мониторинга (периоды обеих рядов должны совпадать), и происходит сопоставление структуры выявленной последовательности событий с характером их освещения в СМИ. Ниже приведена общая схема корреляции обоих рядов данных.



Результатом мониторинга событий по значимой теме, также как и мониторинга сообщений, является дайджест с последующей аналитикой, предполагающей связывание тем, выявление информационных лакун и, далее, предметных (отраслевых) трендов с точки зрения благоприятности факторов (готовности спроса, технологических возможностей, конкурентной среды) и ожидаемости форс-мажорных обстоятельств – белых и (опять же, в меру возможности) черных лебедей. Мониторинг событий желательно проводить параллельно мониторингу сообщений.

***

Составление хроники информационных поводов является базовой процедурой при реконструкции реальной картины событий. Основа упорядочивания информационных поводов – хронологический порядок.

Хроника информационных поводов представляет картину информационных оснований, или отражения этих оснований в СМИ; именно поэтому ее вернее было бы назвать хроникой “квазиреальных” событий. Иначе говоря, часто (а для СМИ – едва ли не всегда) реальные события бывают даны не иначе, как информационные, и реконструируемая на их основе реальность оказывается, во всяком случае, квазиреальностью. Задача в том, чтобы минимизировать “квази” и максимизировать “реальность”, то есть повысить адекватность формируемой хроники. Освещаемые дискурсы не могут быть представлены “в чистом виде” (в смысле кантовских “чистых сущностей”) также по причине их целостной связи: взаимообусловленности – с одной стороны, и обусловленности контекстами их упоминания – с другой. Хроника

характеризует ситуацию, складывающуюся вокруг некоторой сущности, процесса или дискурса.

Выявление информационных поводов позволяет задать топику информационных событий, имевших место в источниках СМИ за исследуемый период. Их можно представить в виде списка информационных поводов, расположенных (по возможности) в хронологической последовательности, или в виде системы классификации (по степени значимости или влиятельности событий). Наиболее сложные системы классификации возможны в случае качественных исследований-обзоров, охватывающих значительные периоды времени и предполагающих анализ значительного числа сообщений (месячные отчеты, квартальные, сезонные, годовые, etc.).

Говоря о классификации информационных поводов, следует ввести понятие основного события. Таковыми событиями являются информационные поводы сообщений за рассматриваемый период времени, ставшие прямым (не опосредованным) следствием событий, выходящих за рамки исследуемого периода времени и повлекшие прочие (реальные или планируемые) события, ставшие информационными поводами сообщений за рассматриваемый период времени (см. выше о фактах первого и второго уровней). Понятие основного (доминантного) события коррелирует с понятием основной (доминантной) темы (см. ниже).

Еще одним значимым параметром исследования медиа-реальности является понятие ключевого выражения (или ключевой фразы) исследуемого текста. Это языковое выражение, характеризующее основной вопрос (проблему), тезис или новостной повод, основной message текста, представляющее натуральное их выражение. При обработке данных публикаций детальное кодирование в каждой тексте новостного повода или темы может быть заменено характеризующей их ключевой фразой, выявляемой в тексте.

Событиям, ставшим информационными поводами сообщений, последовательно сопоставляются даты. В случае невозможности датировать описываемое событие оно датируется его первым появлением в источнике, а характер датировки оговаривается отдельно. Информационными поводами сообщений за исследуемый период могут стать события, выходящие за

рамки этого периода (в тексте обзора эти обстоятельства желательно оговаривать отдельно).

Критерием значимости события в медийном пространстве является частота тех сообщений за единицу времени, в которых оно является информационным поводом (основным или не основным – вопрос усложнения анализа).

Информационный повод, проблема и тезис как составляющие темы медиа трансляции

Основными структурными характеристиками темы являются:

- вопрос или проблема или задача (перформатив с "областью неизвестного");
- ответ, или тезис или решение (констатив с определенной степенью релевантности перформативу);
- информационный повод (констатив, значение которого – событие определенной значимости, точка формирования вопросно-проблемных, ответно-тезисных и вопросно-ответных смысловых комплексов).

Информповод может быть сформулирован и способен выступать в качестве тезиса новостного сообщения (а значит, его темы), ибо смысл такого сообщения заключен в вопросе «Что произошло?» или «Каковы текущие события?».

Тема задается как отношение двух содержательных полюсов, в которых осуществляется смысловая целостность текста (message), а именно, явного или неявного вопроса, выражающего некоторую проблему (или группу таковых, выраженную в некоторой системе вопрошания), и явного или неявного ответа на этот вопрос, выражающего решение этой проблемы (или некоторой системы суждений, выражающей способ решения данной проблемы или иного к ней отношения), или тезиса. Отсутствие одного из составляющих в явном виде может нарушить целостность восприятия темы, затрудняя ответ на вопрос о том, "о чем" говорится в данном сообщении, и разрушая тем самым коммуникацию автора и читателя. А потому далее предлагаются следующие исследовательские эвристики:

- в случае, если в тексте явно обозначен лишь один из элементов образующей тему вопросно-ответной пары, то задачей исследования

является реконструкция другого элемента с использованием имеющегося контекста сообщения, истории освещения темы, внешних данных источника и т.д.;

- в случае, если в тексте явно не обозначен ни один из этих элементов, но присутствуют оценочные характеристики, то исследовательской задачей оказывается реконструкция обеих элементов.

Тема, будучи представлена смыслообразующей и событийной составляющими, является, образно выражаясь, показателем упругости информсреды. Тема может быть интересной или неинтересной (актуальной или неактуальной) как вопрос или как ответ на тот или иной вопрос или информационный запрос респондента, тогда как сюжет всегда представлен в своей описательной данности (даже если он более, чем наполовину выдуман).

Выражаемые в тексте явные или скрытые тезисы преимущественно являются суждениями и могут находиться в различных логических отношениях (в том числе подчинения или независимости). Возможная стратегия реконструкции (авторских) вопросов и связанных с ними потребностно-мотивационных характеристик текста заключается в исследовании логических отношений между тезисами.

Желательно при этом, чтобы множество тезисов, предлагаемых в качестве основных, было максимальным (исчерпывающим) и не находились в отношении логического подчинения.

Тезис, как неотъемлемая составляющая темы, в свою очередь, предполагает еще один, достаточно известный, уровень внутритекстовых взаимодействий, задавая еще одно поле предметных исследований – а именно, систему аргументации в его поддержку. Выявление аргументативной структуры текста (будь то логическая, эмпирическая или апеллирующая аргументация) значимо для идентификации убеждающих факторов сообщения, будь они рекламными или PR-релизами.

По своему статусу различаемые в сообщениях темы делятся на острые и хронические. Острота темы зависит от актуальности связанной с ней проблемы. В связи с этим оказывается значимым соответствие пафоса

медиасообщения его этосу, то есть представляемая проблема должна быть адекватна как предполагаемой (профиль), так и реальной (данные социсследований) аудитории источника.

Острая тема	**Хроническая тема**
Внезапность	Ожидаемость
Высока вероятность поляризации оценок по данной теме	Оценок нет или они выражены неявно
Высока вероятность появления новых оценочных суждений	Оценочные позиции являются устойчивыми и типичными
Высока вероятность появления в качестве информповода конфликта между различными фигурантами (персоналиями или группами)	Конфликта нет, или он потерял значимость, или исчерпан
Высока вероятность нетипичных интерпретаций темы, связанных с ней фигурантов, событий и ситуаций	Интерпретации темы и связанных с ней фигурантов, событий и ситуаций являются устойчивыми и типичными
Высока вероятность сопоставительного упоминания фигурантов	Высока вероятность паритетного упоминания фигурантов
Тема или освещение ее источником связаны с (имиджевым или иным) риском для значимого фигуранта (клиента)	Риск для значимого фигуранта (клиента) незначителен или отсутствует
Высока вероятность вовлечения в контекст освещения темы значимого фигуранта	Тема не имеет непосредственного отношения к значимому фигуранту
Высока вероятность получения статуса доминанты, сохранения доминирования (за счет инициирования информповодов), или status qwo	Тема сохраняет status quo или снижает свою значимость
Связанность со значимым информповодом (сенсационна)	Информповоды типичны или не являются значимыми

По основанию внимания источников к темам последние делятся на доминирующие и рецессивные.

Доминирующая тема далеко не всегда бывает острой, тогда как рецессивные темы могут носить спорадический характер.

В одном сообщении могут быть представлены сразу несколько тем, среди которых в ряде случаев различимы доминирующие.

В некоторых случаях острые темы могут быть доминирующими в освещении, но данное условие не является обязательным, и ни один из этих классов не исчерпывает другой. Доминирующая тема вовсе не обязательно должна являться острой, а острая далеко не всегда доминирует.

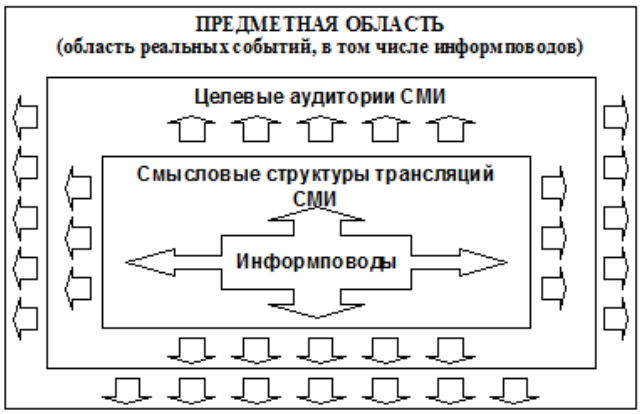
Доминантность темы определяется относительно интенсивности и плотности освещения ее источниками (de re), а также относительно ее представленности среди других тем (de dicto).

Базовой оценочной структурой является тема de re всего текста. Именно она придает осмысленность содержащимся в тексте оценкам. Неадекватность темы целевым аудиториям текста лишает смысла содержащиеся в тексте оценки.

Будучи событием, новостной повод может быть рассмотрен как момент формирования темы, а значит – некоторой проблемы или способа ее решения. Таким образом, он является средством управления вопросными и ответно-тезисными структурами, и может быть описан метафорой волн, распространяющихся по воде от брошенного в нее предмета с отражением от стенок сосуда. Эта же метафора позволяет рассматривать СМИ как некую хтоническую сущность, «жидкую стихию», или же сущность, имеющую «влажную природу». Следует заметить, что круги на воде распространяются не по гладкой поверхности, но по поверхности, где уже расходятся круги и плещутся волны, где волны могут появляться от подводного источника, а их форма зависит от формы брошенного в пространство СМИ предмета больше, чем форма волн, распространяющихся по обычной воде. Волны информационной реакции в СМИ, инициируемые поводом, создают эхо, распространяющееся по трансляторам во времени и пространстве. В отличие от механического мира, возможность отражения информации здесь зависит не от того, сколь тверже, но от того, сколь восприимчивее субъект отражения.

Другим предметом, к которому приложима метафора «кругов на воде», является эффект влияния трансляций СМИ на целевые аудитории. Выявление эффекта необходимо для понимания условий эффективности воздействия СМИ на целевые аудитории. Однако здесь речь идет не об отношении транслятора к транслируемому событию – информповоду, но о возможной реакции целевой аудитории на саму трансляцию. В прикладном плане метафора «кругов на воде» рассматривается в приводимых ниже методических рекомендациях для исследования эффективности СМИ.

Этот метафорический образ представлен на следующей схеме:



Очевидно, за границей предметной области оказывается область межпредметная, или межотраслевая – область весьма интересного взаимодействия, образующая мощный творческий потенциал конвергентной и межличностной коммуникации.

***

Базовым типом проблемы, а значит, и новостного повода (сообщений СМИ), является противоречие или, в более общем случае, конфликт (напр. хозяйствующих субъектов), иногда – коалиция. Идея о конфликте и дружбе как базовых принципах мироздания восходит к эмпедокловым космологическим штудиям. Как конфликт, так и коалиция могу составлять как основу проблемы (вопроса), так и способа ее решения (ответа).

Конфликту и коалиции соответствуют влечение и избегание (фобия), как два соматических состояния, к которым явно или скрыто апеллирует автор текста. Обе эти пары могут, при определенных условиях, быть рассмотрены как характеристические категориальные пары, соответственно, внешне- и внутрисоматических условий коммуникации. Они образуют набор из четырех возможных комбинаций, характеризующих основные типы коммуникативных состояний в модельном отношении «внутреннее – внешнее» (и связанные с ними аффективные состояния):

- конфликт: влечение (агрессия, злость);
- конфликт: избегание (страх, трусость);
- коалиция: влечение (дружелюбие, солидаризация, соборность);
- коалиция: избегание (недоверие, подозрительность).

Темы, в отличие от фигурантов, не могут быть оценены в системе поляризованных оценочных значений. Они могут быть признаны значимыми

или не значимыми (двузначная неполяризованная система оценок), существенными или несущественными, но не благоприятными или неблагоприятными. Таковой может быть приверженность некой теме. Факт освещения темы уже указывает на ее значимость или существенность. Оценены могут быть фигуранты или связанные с ними события (информационные поводы).

Идентичность оценки ситуации (событийной структуры, фактологии) фигурантом и источником определяет качество ангажированности материала. На это же указывает идентичность интерпретаций ситуации источником и фигурантом.

Авторская структура медийного сообщения

Авторство трансляций – одно из ключевых понятий герменевтики СМИ, которая неизбежно оказывается методологической основой исследования продуктов "медиа индустрии", какими бы массово ориентированными, серийными и потоковыми они ни были, и которая в наибольшей степени среди всех своих направлений есть прикладное знание, каковым, по мнению столпа этой науки Х.Г.Гадамера, она изначально и была – практическим, прикладным искусством. Корректность понимания медиатекстов (трансляций) определяется именно пониманием их специфики – того, что от них следует ожидать и получать ценного, а также – того, в каком пространстве вещей и сущностей они присутствуют. Именно это пространство свидетельствует о том, что понимание смысла этих текстов никак не может ограничиться одними их рамками, и никоим образом не сводится ни к филологическому, ни к логическому анализу их структуры (хотя таковые, в определенной мере, здесь присутствуют). За эти же рамки выходит и авторство трансляций, формируемое интересами различных общественных групп и их представителями.

В совместной работе "Герменевтический аспект языка СМИ" Ю.Д.Артамоновой и В.Г.Кузнецова (прекрасные люди и специалисты, у которых мне довелось учиться), опубликованной в сборнике "Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования"[179], где-то за год до того, как

[179] Отв.ред.: д.ф.н. проф. Володина М.Н. Учебное пособие, М.: Изд-во МГУ, 2003, ссылка здесь: http://evartist.narod.ru/text12/01.htm (валидна на апрель 2017 года).

вышел мой материал, ставший обобщением данных одного прикладного исследования, авторы пишут:

> "*...традиционная модель текста, на которой базируется герменевтика, предполагает, прежде всего, существование границ текста и его смысловую завершенность (и даже совершенность). Кроме того, текст для герменевтики существует в традиции – а следовательно, механизмы его освоения в культуре не являются произвольными. Текст же СМИ вовсе не предполагает эти моменты обязательными. Во-первых, он обладает адресатом, но не обязательно обладает смысловой совершенностью – хотя бы потому, что исходно является именно звеном в передаче информации. Т.е. речь идет не о тексте, а о гипертексте, или интертексте, в котором данный конкретный текст является лишь фразой. Гипертекст, или интертекст – это постоянная и бесконечная ссылка друг на друга и бесконечное цитирование; здесь нет базовых текстов, исходя из освоения которых шло бы развитие; здесь трудно указать исходные или направляющие моменты восприятия текста*".

Возможно, с тех пор что-то изменилось в представлении моих учителей о рассматриваемом предмете, однако здесь я располагаю только их текстом за 2003 год, и буду в своей полемике исходить из него.

Отмеченное в цитате верно лишь отчасти. Дело в том, что смысловым началом медиа текста, определяющим его конечность, всегда, так или иначе, выступает информационный повод, относительно которого данный текст выступает в качестве информационного события (которое, в свою очередь, также является частью мира реальных событий и, потенциально – информационным поводом). Однако это еще не означает ни моментальную организацию гипертекста, ни бесконечного цитирования. Почти всегда по каждой освещаемой теме, при достаточно кропотливом изучении вопроса, можно установить набор начальных сообщений, задающий волны информационного эха по ней, а также выявить на основе представленных в трансляциях интенциональных составляющих, кто является бенефициаром распространения информации и какие цели это распространение преследует.

В начале работы авторы говорят о превращении произведения в текст. Но дело в том, что у трансляции есть еще одно свойство: это в большей степени именно продукт, способный выступать в качестве товара, нежели чистое произведение, к тому же продукт есть произведение в некотором отношении определенное и законченное (тогда как не все, например, художественные произведения могут быть таковыми). То есть это некоторая

культурная реалия, имеющая экономическое измерение, а потому задачу герменевтики СМИ вполне корректно было бы усматривать в интерпретации в качестве текста именно продукта экономической или хозяйственной деятельности (но не обязательно монетарно торгуемого), специфическим смыслом которого является его воздействие на целевую группу (пусть бы она и состояла из одного человека), нежели произведения, смысл которого может заключаться в его совершенно нетоварной самоценности – например, в бытии средством коммуникации автора с самим собой. А "товарно-продуктовый" статус накладывает довольно жесткие ограничения на "дурные бесконечности": никакие "бесконечные" и "случайные" цитаты в "классических" системах вещания не предполагаются, ибо они есть средства влияния, потеря контроля над которыми равносильна потере оружия.

При этом стоит отметить, что рассмотренная в работе "ризоматичность" медиатекстов, безусловно, имеет место, но там, где происходит конвергенция средств трех направлений: вещания (СМИ), межличностной коммуникации (СМК) и медиаисследований. Такая конвергенция составляет сущностное условие появления феномена (и рынка) new media, а появляется она не иначе, как в ходе развития, во-первых, электронных, и во-вторых, транспортно-сетевых, форматов. И вот именно в этих медиасредах обнаруживают себя специфические "игры свободы", в которых вещательное начало специфически взаимодействует с межличностно-коммуникативным, и где появляются совершенно особые практики власти, неведомые "классическим" СМИ.

Цитирую дальше:

> "*Смысловая совершенность текста традиционной герменевтики предполагала наличие «источника» текста – автора. Для герменевтики XX века исследование души автора не является центральным (во главу угла ставится причастность общему смыслу, на основе которого и возможен диалог автора и интерпретатора), оно могло быть специальной исследовательской задачей. Однако эта герменевтика вовсе не отказывается от идеи автора – предпосылка смысловой завершенности текста предполагает именно исходную индивидуальную причастность смыслам, «самодвижение» этих смыслов в душе конкретного человека. Текст же СМИ нередко является текстом команды, а не отдельного человека, даже если под ним стоит имя автора. Уже такие простые факторы, как регулярность и свежесть информации, ставят под вопрос индивидуальное творчество.*
>
> *Итак, коллективный автор и коллективный реципиент информации – новые аспекты текста СМИ для герменевтики. Обратим здесь внимание на то, что речь идет не просто о том, что субъект творчества, равно как и субъект восприятия информации,*

стал коллективным. Когда традиционная герменевтика ведет разговор о коллективном субъекте, она исходит из допущения, что, несмотря на различие интерпретация, можно говорить об общем для всех смысловом ядре (значении), которое можно выделить в каждой отдельной интерпретации. А каждая отдельная интерпретация является вариацией этого отдельного значения (смыслом). Теперь же происходит размывание традиции в широком смысле слова, т.е. нельзя исходить из допущения «образцовых текстов» и общей логики образования, которая обеспечивала бы общность механизмов восприятия текстов. Сама идея «общего смысла» этого коллективного субъекта стала проблематичной. «Совпадение» в смыслах – желаемое, но отнюдь не само собой разумеющееся состояние коллективного субъекта СМИ".

Нельзя не согласиться с тем, что здесь имеется в виду некая множественность, или коллективность авторства без "общего смысла". Однако вполне себе существуют авторы публикаций со своей авторской позицией по рассматриваемым в тексте вопросам, несмотря на какой бы то ни было динамизм внешних событий или регулярность выхода материалов (так, идеи могут повторяться от материала к материалу, а повторение – мать внушения, во всяком случае – для СМИ). Кроме того, корректнее было бы говорить именно о комплексности, а не о коллективности, авторства трансляции: так, общность "смыслового ядра" журналиста "Эха Москвы" и менеджера "Газпром-Медиа" может быть налицо, но также налицо и то, что не только никакой "коллектив" они не только не образуют, но и находятся в разных статусах: первый – условный поставщик медиапродукта, тогда как второй – его специфический потребитель. Также нельзя согласиться с тезисом о размывании "образцовых текстов", исключающих общность механизмов их восприятия: скорее, такие механизмы являются предметом разработки и портирования в сознание целевых аудиторий (потребительской среды) на основе тщательного анализа состояния последних и оперативной реакции на них, причем чем быстрее и оперативнее произведен такой анализ и дана реакция, тем лучше (именно поэтому такое большое значение имеет автоматизация медиа исследований). Для new media объектом такого исследования оказывается user generated content (UGC), одновременно являющийся прекрасным полем информационных вбросов "от имени народа". Что до "совпадения в смыслах", то прекрасный пример их высокой значимости для масс-медиа являют собой те же промышленные конфликты и "споры хозяйствующих субъектов": не посвященному или не заинтересованному в теме человеку понять что-либо по одной публикации (и даже иногда двум-трем) будет невозможно: эти "массовые" материалы, как

правило, рассчитаны на вполне определенные целевые группы читателей, а иной раз – на вполне конкретных лиц. К тому же, цитируемые в тексте публикации лица также составляют часть общего авторства текста, но, вполне очевидным образом, далеко не обязательно составляют с автором публикации или с группой влияния на источник СМИ (или его владельцем) единый коллектив.

Авторы статьи отмечают:

> "*...Герменевтический инструментарий, таким образом, нуждается в серьезной модификации. Если центр тяжести переносится на поиск «резонансных» точек, точек «совпадения» в смысле и они произвольны (ведь в пространстве коммуникации допускать идею общих всем смыслов и сходных механизмов их обработки у нас нет оснований), то можно как-либо описывать пространство общения (коммуникации), где это совпадение возможно...*".

После чего дается несколько вариантов понимания герменевтического круга. Однако скорее большинство результативных решений герменевтики СМИ может быть реализовано во второй и третьей из четырех представлений герменевтического круга:

> "*Существует несколько типов такой техники. Первое понимание герменевтического круга: конкретный текст – целое, его структурные элементы – части. Второе понимание герменевтического круга: конкретный текст – часть, корпус текстов автора – целое (особо важен для литературоведческих комментариев и сравнительного политического анализа). Третье понимание герменевтического круга: конкретный текст – часть, социально-политическая группа, партия, движение и пр. – целое. Четвертое понимание герменевтического круга: конкретный текст – часть; две разновидности целого: а) социокультурный контекст автора, б) социокультурный контекст реципиента*".

Излагаемое далее представляет собой подход согласно второй и третьей концепциям круга понимания, поскольку они в наибольшей степени соответствуют представлению автора этих строк об универсуме масс-медиа. Кроме того, можно было бы выделить еще одну концепцию, согласно которой группы корпусов/серии текстов выступают в качестве части целостной информационной кампании, проводимой в интересах определенных групп влияния, поскольку у одной и той же группы может быть несколько сфер интересов, взаимоувязанных в целостную стратегию (и, более того, квантируемую на отдельные тексты и речевые позиции как раз с целью сокрытия ее содержания по старому принципу "разделяй и властвуй", спетому на новый лад). К сожалению, предоставляя эти концепции, авторы

не рассматривают тексты СМИ дифференцированно (возможно, обусловлено это лишь малым объемом их статьи) и, похоже, отказывают им в праве на статус источника ценных сведений. Однако исследование открытых источников информации и понимание их содержимого – занятие давно известное, требующее серьезных навыков и знаний, и чему же, как не особо выстроенной герменевтике, быть его методологической основой?!

В предыдущем разделе дано различие фактов первого и второго уровней (соответственно, представленных в трансляции описаний: либо свершившихся событий, либо предполагаемых[180]), а также понятие «экспертных комментариев», которое я определил как категорию управления процессом формирования информповодов. В этом разделе то, что раньше было названо «экспертными комментариями», ныне обозначено как внутренние авторские позиции; в ней также предложено несколько расширить понимание функциональных возможностей этих позиций, не ограничиваясь одними информповодами. Внутреннее авторство рассматривается здесь в качестве особого вида события. Относится это авторство к области реальных событий, или же оно, по сути, событие информационное, неоднозначно в отмеченном выше смысле – во всяком случае, внутренние авторские позиции относятся как к реальной картине событий, так и к имиджевой.

Излагаемое далее представление об авторской структуре медийного сообщения (будь то пространственное или темпоральное СМИ) является обобщением полугодового опыта анализа материалов печатных изданий на этот предмет, и основывается на следующих предпосылках:

1. авторство составляет основу идентификации смысловой структуры медийной трансляции;
2. базовую структуру содержания медийного сообщения определяет совокупность внутренних авторских позиций в их связи и порядке представления;
3. авторские тезисы различаются по основанию своего логического значения;

[180] Структуру события пока нигде не определяю по причине феноменологической неоднозначности этой категории.

4. типологическая иерархия внутреннего авторства является необходимым условием осуществления круга понимания медийных сообщений.

1. Авторство составляет основу идентификации смысловой структуры медийной трансляции.

Здесь необходимо прояснить, как связаны между собой проблема-тезис и контекст коммуникативности медийных сообщений.

Размывание, или диссипация, авторства – общегуманистическая проблема, связанная с корпусом того, что известно как постмодернизм и "постмодернистский дискурс". Оно же есть отличительное свойство «плюралистичных» текстов, появление которых стало следствием повышения социальной ценности «текстов от народа» в условиях «демократического проекта».

В отличие от многих других коммуникативных трансляций, существенным отличием медийной является именно привязка к авторству, поскольку ответ на вопрос «кто сказал?» есть, по общепризнанному мнению, условие начала демаркации так называемого «общественного мнения», «выражаемого» на информационной площадке, от слуха. Данное «общепризнанное мнение» (кое суть тот же слух), исходит из другого «общепризнанного мнения», согласно которому медийный источник не должен быть разносчиком слухов. Если же ссылка на таковые все же необходима, СМИ, как правило, используют данные так называемых социологических опросов, где анонимность общественного мнения опосредована авторством проводящей опрос исследовательской компании.

Также важно отметить, что в медиа трансляции лишенный авторства текст имеет не просто статус слуха, ибо он, в конце концов, может иметь *интентное авторство*; лишенный явного авторства медиа текст является хаотическим началом, значимым при понимании *средства массовой информации* как *средства массовой энтропии*[181].

[181] Соображения на этот счет опубликованы в сборнике №7 «Труды членов Российского Философского Общества» (Москва, 2004 г.).

В предлагаемой работе речь пойдет об отношении между информационным поводом (с его хроникально-событийным контекстом) и представленными в связи с ним авторскими позициями (авторством)[182].

В рамках базовой структуры медийного сообщения обнаруживают себя все внутренние категории медийной трансляции, в том числе тематические (тезисно-проблемные) конструкции, фигуранты, их оценки и контексты упоминаний, а также сами информповоды.

Как было отмечено мною ранее, основу смысловой структуры медийного сообщения составляют представленные в нем темы, выраженные отношением «проблемы» и «тезиса». Вместе с тем, тема в рамках медийного сообщения существует не сама по себе. Обозначение проблем или вариантов их решения получает легитимацию в нем благодаря категории авторства.

Авторство любого медийного сообщения бывает внутренним и внешним. Условием существования внутреннего авторства является наличие еще одного специфического контекста, дихотомическая классификация которого определяется по основанию *коммуникативности*. Фигурант может быть объектом освещения-заявления-публикации, и в таком этом случае он выступает в качестве значения выражений, используемых другим фигурантом. С другой стороны, фигурант может выступать в качестве субъекта (источника) освещения других фигурантов. Возможность для фигуранта быть субъектом описания обусловлена обладанием фигурантом свойством реальной коммуникативной активности[183]. Иначе говоря, коммуникативная активность есть ничто иное, как способность для фигуранта быть тем, что в юридической науке понимают под словом «лицо». Таким образом, внутреннее авторство есть не основная, но производная категория медийной трансляции, и основана она на особом способе упоминания фигурантов, при котором последние выступают в качестве объекта персонализированных объектов говорения или апеллирования.

[182] Общий вид такого отношения – лежащее в основе бихевиоризма отношение типа «стимул-реакция». Тема медийного сообщения как отношение «проблема-тезис» рассмотрена в сборнике №6 «Труды членов Российского Философского Общества» (Москва, 2003).

[183] Таковой активностью не обладают, например, бренды и торговые марки; однако эти фигуранты могут обладать виртуальной коммуникативной активностью в рамках содержания пропагандистской или рекламной трансляции.

Стоит отметить и то обстоятельство, что отношение описываемого и описывающего фигурантов есть отношение типа «действие-метадействие» (идентичное таковому между языками в логике). Таким образом, заявление некоторого фигуранта по поводу события или ситуации с участием другого фигуранта (фигурантов) может быть рассмотрено как часть информационного события – с одной стороны, и как своего рода реальное событие (могущее вовсе не зависеть от специфики его представления в медийном пространстве) – с другой.

Внешнее авторство определяется двумя тривиальными внешними характеристиками текста, которые связаны со спецификой информационной площадки:

- инициалами работавших над созданием и трансляцией текста (сюжета, репортажа, передачи, etc.) лиц (например, автора статьи, а также диктора динамического СМИ, наборщика, звукооператора и т.п.), а также
- названием издания, передачи или программы, транслирующих текст в рамках определенной редакционной политики.

Внутреннее авторство характеризует принадлежность отдельных частей содержания трансляции фигурантам, обозначенным в качестве источников этих частей, в различной степени заинтересованным или причастным к освещаемой ситуации или событию. Определение внутреннего авторства позволяет определить топику пафоса текста.

Авторство есть представленная в медиа тексте социальность как таковая. То есть представленная трансляцией структура авторства является моделью социальной значимости возникших в результате освещаемого события или ситуации социальных связей. Причем это возникновение относится, прежде и скорее всего, к содержанию трансляции, нежели к реальным социальным отношениям. Более того, последние нередко определяются на основе системы уже определенных в СМИ значений (как истинностных, так и оценочных). Разумеется, модель структуры социальной значимости события/ситуации может трансформироваться в процессе развития событий/изменения ситуации. Далее – два определения.

Df 1. Медиа моделью структуры социальных значимостей события/ситуации является множество представленных в трансляции фигурантов, коммуникативно активных в данной трансляции относительно освещаемого в ней доминантного события/ситуации.

Df 2. Значимость (как оценочная категория) является категорией способности для некоторого события/ситуации быть предметом поляризованных оценок для некоторого множества способных к коммуникативной активности фигурантов.

Сказанное означает, что авторство медиа текста может быть комплексным, причем это верно как для «внешнего», так и для «внутреннего», случаев. Более того, авторство комплексно в большинстве публикаций.

Поскольку внешнее авторство не является главным предметом текущего рассмотрения, сразу перейду к тому, как вообще возможно внутреннее.

Внутреннее авторство составляет основу *апелляции* как главной формы аргументации в системе медийного текста. Собственно, всего можно различить едва ли больше двух стратегий аргументации, а именно *апелляцию к доводам* (или рассуждениям) и *апелляцию к авторитетам*. Разумеется, апелляция внутри некоторой публикации к внешнему ее авторству всякий раз есть ничто иное, как апелляция к доводам (вне зависимости от того, кем они высказываются в рамках иных информационных событий[184]). С другой стороны, цитирование тезисов автора некоторой публикации (внешнего автора) в иной публикации делает такое авторство внутренним, ибо меняется структура прагматики коммуникации.

Оба типа аргументации едва ли не равно представлены в пространстве media, однако доминирующим типом аргументации в публикациях с доминантным информповодом (и, как правило, по острой теме) является апелляция к авторству. Вместе с тем, саму аргументацию не стоит смешивать с авторством, поскольку существование последнего не зависит от типа приводимой в материале аргументации.

[184] Однако вполне возможна отдельная экспертиза начального авторства того или иного довода (если, конечно, данный довод уже имел место в информационном поле).

Здесь же нужно отметить известное мнение, согласно которому СМИ преимущественно ориентированы на эмоции целевой аудитории, формирование или изменение коих во многом осуществляется нелогическими средствами. Иногда, при анализе данного обстоятельства, отмечается, что наиболее «эмоционально ориентированной» является апелляция к авторитету, будь то (предполагаемый или действительный) авторитет отдельных лиц, или же это некоторые качества, конституирующие авторитет – например, возраст, образование, общеизвестность или общепризнанность мнения. Данные качества определяют принадлежность потребителя информации к той или иной целевой аудитории трансляции.

2. Базовую структуру содержания медийного сообщения определяет совокупность внутренних авторских позиций в их связи и порядке представления.

Гипотеза. Жанр сообщения (трансляции) может быть определен по структуре его авторства, а также по отношению «авторство-тезис».

Значимым критерием смысла (или осмысленности) позиции (тезиса или проблемы, а также содержащихся в тексте тезиса [про-позиции] оценочных значений различных фигурантов) является степень вовлеченности его автора в освещаемое событие или ситуацию.

Типологическая иерархия позиций медийного сообщения основана на типологической иерархии внутреннего авторства. Позиции внутреннего авторства медийной трансляции могут быть распределены по трем типам:

- маргинальные позиции участников ситуации (позиции и мнения наиболее близких к событию или ситуации фигурантов);
- промежуточные позиции (позиции и мнения фигурантов, в различной степени близких к освещаемой ситуации, но не являющихся ее непосредственными участниками; данные позиции могут быть иерархически выстроены между двумя маргинальными типами);
- маргинальные позиции автора публикации, представляющие позицию и мнения наименее вовлеченного в ситуацию фигуранта.

Внутренние позиции автора публикации следует отличать от заявленного автора публикации – внешнего (отличие заявленного автора от реального

здесь не рассматривается), коим может быть человек (журналист), группа лиц (коллектив предприятия, обратившийся в данное СМИ с открытым письмом), юридическое лицо (редакция) или даже (гипотетически) электронная экспертная система, генерирующая публикации. Наличие заявленного автора еще не означает присутствия собственной авторской позиции в тексте, и наоборот, анонимность медийного сообщения не исключает наличия в тексте авторских тезисов. Впрочем, здесь возможны две модели. Первая из них предполагает возможность отсутствия какой бы то ни было (явной или скрытой) позиции автора текста, тогда как другая требует обязательного присутствия хотя бы скрытой авторской позиции. Таким образом, понятие неявного (интентного) автора здесь пока рассматривается только относительно «герметического» автора публикации.

Далее представлю в нескольких набольших абзацах некоторые закономерности содержания трансляции в зависимости от представленности в них авторства.

- Чем более вовлечен автор в ситуацию, тем более высока вероятность оценочной поляризованности (либо максимальной поляризованности) его высказываний. То есть значимость (возможность принимать полярные оценочные значения) выражения определяется степенью вовлеченности его автора в ситуацию.
- Проблемная ориентированность медиа текста или же его тезисная ориентированность зависит от того, в какой мере какого типа авторы представлены в медиа тексте. То есть общесмысловая типология медиа текста зависит от того, какие места в структуре освещаемой ситуации занимает большинство представленных в нем авторов (то есть можно рисовать диаграмму "роза ветров" или точечную диаграмму на координатах вовлеченности в событие и опосредованных связей с ним).
- Один из наиболее значимых моментов медийной трансляции – соответствие (релевантность) смыслового статуса текста как части содержания медиа трансляции социальному статусу автора этой части (будь то журналист, чиновник, биржевой аналитик, а также руководитель или рядовой сотрудник предприятия). Иными словами, соответствует ли определенность способности фигуранта высказываться относительно его заявленных статуса и рамок освещаемой ситуации. В случае несоответствия

отмеченных параметров возникает *диссонанс легитимности (легальности) высказывания*, могущий в отдельных случаях иметь юридические последствия.

- Автор публикации может быть рассмотрен как посредник между внутренним и внешним типами авторства. То есть это есть подлинно герметическая авторская позиция среди прочих типов авторства, отмеченных выше. «Автор публикации» герметичен в том смысле, что он равным образом относится как к внутреннему, так и к внешнему авторству. В соответствии с этой ролью автора публикации его типичная функции могут быть определены как резюмирование – результирование – опосредование – подведение итогов – окончательные (в рамках данной трансляции) выводы и предположения.
- Значимое для некоторой ситуации событие (формирующее острую или доминантную тему) может быть рассмотрено как точка бифуркации (кризис) ситуации, а ситуация – как система устойчивых типовых (взаимо)отношений между фигурантами, сложившаяся в результате последовательности событий с участием последних.
- Чем более близок представленный в тексте фигурант к авторскому маргинальному типу, тем больше вероятность неявного (имплицитного) присутствия в тексте его позиции или мнения. Однако это вовсе не означает ни абсолютной имплицитности любой авторской (или близкой к ней) позиции в тексте, ни того, что авторская позиция обязательно должна быть заявлена.

Следует выделить еще несколько зависимостей специфики представленного в медийном тексте тезиса от степени вовлеченности его автора в освещаемую ситуацию. В этой связи значимым оказывается понятие *возможности коммуникативной активности* того или иного типа для некоторого фигуранта, тесно связанное с понятием реальной коммуникативной активности (субъектности) фигуранта. Возможная, или допустимая, активность фигуранта может быть понята двояко:

- как активность, предполагаемая или описываемая некоторым источником СМИ (определяется редакционной политикой последнего);
- как реальная допустимость (возможность) для фигуранта того или иного способа коммуникативного поведения.

«Допустимость» означает способности и возможности (то есть ресурсы, для медиа допустимости – медийные) фигуранта, и необходима для выстраивания фигурантов относительно события или ситуации. Одно из оснований иерархии внутреннего авторства – степень вовлеченности в событие или ситуацию (заинтересованность в ней). Другое – степень способности влиять на ситуацию (в том числе – участвовать в коммуникативных играх различного уровня и типа по поводу некоторого события или ситуации).

3. Авторские тезисы различаются по основанию своего логического значения.

Здесь – о различии предмета контент-аналитического исследования: исследование фактологии или имиджевый анализ.

1. Проблемность или тезисность высказывания автора зависит от того, какой тип значения доминирует в его высказывании. То есть данная гипотеза утверждает, что тип значения высказывания задает его смысловую типологию: оценочный – проблемный, вероятностный – тезисный.

2. Дескриптивные и каузальные (объяснительные или предсказательные) тезисы. Первые – вероятностные, тогда как вторые – оценочные.

Тот факт, что одно и то же выражение может иметь два типа логических значения, позволяет говорить о новом типе неклассической логики.

Различие значений тезисов основывает различие (конституирует его) двух предметов контент-аналитического исследования: реальной картины событий (фактологии) или картины имиджевой.

Соответственно этому внутренние авторские позиции разнятся по основанию характера производимых заявлений.

Для имиджевой картины: постановка проблемы или тезис, а также оценка. Последняя возможна относительно некоторого фигуранта: как объекта описания, так и субъекта (или группы, к которой принадлежит фигурант – внутренний автор – субъект описания).

Для реальной картины: описание автором события\ситуации или предположение о событии\ситуации.

Представляемые в медиа тексте тезисы сводимы к структуре суждения, одно из логических значений которого – вероятностное, характеризующее степень достоверности тезиса. Другим значением тезиса может являться оценочное, характеризующее отношение события или ситуации к описываемому тезисом фигуранту. Именно последние являются собственно имиджевыми.

Как устанавливается оценочное значение тезиса? И может ли вопрос, как и тезис, принимать оценочное значение? То есть, в общем, каковы условия принятия логического оценочного значения языковыми выражениями?

1. Чем более тезис оценочен, тем более он значим в аспекте некоторой проблемы.
2. Оценка (или то, что сегодня известно под именем "тональности") есть смысловое значение.

Так каждый ли тезис имеет оба типа значения (истинностное и оценочное), или каждый тезис может быть интерпретирован относительно обоих типов значения? Скорее всего, ответ на этот вопрос следует искать при рассмотрении значения тезисов относительно значения релевантных им проблем (вопросов, задач).

Оценочное значение может быть только у выраженных констативами тезисов, тогда как вопросы (проблемы, тезисы) могут иметь только истинностное (вероятностное) логическое значение, поскольку в смысле своей интенции уже предполагают позитивную оценку удовлетворяющего ответа или разрешения[185].

Истинностные значения тезисов есть значения выражения верифицируемых сведений (представленных *заголовком* освещаемой ситуации и *новостным поводом*).

Освещаемые в медийном тексте события относятся к области информационных поводов, выражаемых предложениями, основное логическое значение которых истинностное. Иными словами, событие (информационный повод) или их совокупность представлены в медиатексте

[185] Вынесем здесь за рамки основания релевантности ответа вопросу и подлинность логического значения зависящих от контекста риторических вопросов.

«внутренними авторами» различного типа с различной степенью достоверности.

Оценочные значения тезисов представляют собой значения вычленяемых в тексте публикации позиций и мнения различных фигурантов по поводу благоприятности для иных (или этих же) фигурантов освещаемой ситуации (и связанного с ней события).

Аналитический мониторинг информационной картины дня по заданной теме представляет собой тезисно-событийный анализ, а значит – своего рода анализ ситуаций, годный к строгому описанию в понятиях логики "возможных миров" и "описания состояний". И при этом, в свете сказанного, предполагает выявление двух типов содержаний соответственно двум типам их значений: истинностных и оценочных.

Все это можно сопоставить с фактами первого и второго уровней (о чем идет речь ниже), а на основе этого различия – осуществить переход от истинностных тезисов к оценочным. Предположения о возможных событиях или анонсы событий представляют собой тезисы с вероятностным значением. То есть управление формированием информповодов осуществляется посредством вероятностных тезисов. Однако такое же управление осуществляется посредством оценочных тезисов. Согласие целевой аудитории с авторской позицией в трансляции обуславливает доверие к автору трансляции, что, в свою очередь, является условием миметического принятия позитивной оценки с ее стороны.

4. Типологическая иерархия внутреннего авторства является необходимым условием осуществления круга понимания медийных сообщений.

Идея герменевтического круга медийного сообщения – в переходе от иерархически выстроенных тезисов, основу идентификации которых составляет их авторство (частей текста), к целому тексту (в том числе – к обобщенным оценкам непосредственных участников ситуации de re).

Известное определение круга понимания состоит в последовательном переходе понимания части текста (или речи) к его целому и, обратно, от понимания целого – к пониманию части. Многократное осуществление круга понимания на одном и том же тексте ведет к осуществлению «спирали

понимания» (понятие П.Рикера), формирующей вектор развития понимания текста.

В предлагаемой модели определяющим круг параметром оказывается информповод. В нем маркером смыслового целого текста оказывается общая позиция «герметичного» автора публикации, тогда как маркером частей текста – все множество иных авторств между герметическим автором публикации и максимально вовлеченными в ситуацию-повод авторами. Поэтому переход от «максимально участвующих» авторов к герметичному автору (от одной маргиналии к другой) происходит посредством прохождения авторства «среднего». Собственно, промежуточное авторство опосредует две маргинальные позиции. Оно их опосредует даже в том случае, если маргинальное авторство не проявлено.

В свою очередь, герметичное авторство медиа трансляции является той структурной составляющей, которое связывает продукт СМИ с универсумом СМИ.

В предлагаемом подходе эквивалентом целого медиатекста является внутреннее авторство автора публикации. В независимости от того, явно или интентно представлена позиция автора текста, круг понимания медийного сообщения состоит в переходе от маргинальной позиции автора публикации ко множеству представленных в тексте иных позиций, вплоть до маргинальной позиции максимально включенного в ситуацию фигуранта.

***

Под фигурантами понимаются любые, обладающие единичным наименованием, персоналии, группы, продукты или бренды, могущие выступать в качестве единых таксономических единиц, выступающие в качестве отдельных коммуницирующих субъектов и являющиеся объектом освещения в тексте.

Фигуранты являются основными таксономическими единицами информповода. В сущности информповод, или информационно значимое событие, есть ничто иное, как:

- действие самого фигуранта, или
- действие в отношении фигуранта,

- то есть, во всяком случае, как:
  - взаимовлияние фигурантов,
  - пребывание их в некотором статусе (или в некоторой совокупности статусов),
  - при некоторых обстоятельствах или условиях взаимодействия.

Соответственно этому, основными структурными характеристиками фигурантов являются:

- оценка (зависящая от того, какая система оценочных значений используется, см. ниже);
- категория освещения (лидерство, инвестиционная привлекательность, кадровая политика и др.);
- контекст освещения (выделяется несколько оснований классификации, см. ниже).

Оценкой является отношение автора текста (в случае СМИ) к освещаемому в тексте фигуранту или позиция представляемой им группы интересов. С другой стороны, оценкой является интерпретация сущего относительно представлений интерпретатора (автора текста) о должных или предпочтительных состояниях или событиях.

Данное здесь определение оценки означает, что информационные поводы могут быть оценены как автором медиатекста, так и его исследователем, но лишь относительно некоторого фигуранта или группы фигурантов. Первая возможность оценки наиболее значима для исследования медиа-активности фигурантов, тогда как вторая – для реконструкции реальной картины событий.

Категория оценки является основой формирования контекста освещения фигурантов. Если информационные поводы составляют реальное, событийное или фактологическое основание (топику) текста, то фигуранты, будучи носителями определенных качеств или (предполагаемых автором медиатекста или его исследователем) потенций, образуют сюжетное основание (топику), безотносительно к статусу их реальности. Именно в этом причина отмеченного различия фактов первого и второго уровней. Выражение в медиа-тексте фантазии относительно реализуемости

потенциальных возможностей фигурантов создает условия для реализации их в реальности, или же влияет на формирование новых потенций и условий действия фигурантов[186].

Выражаемые в текстах оценки фигурантов показывают степень речевой толерантности автора к ним.

Основа любого универсума оценок представлена тремя значениями (позитивное, нейтральное, негативное), другие системы оценочных значений могут быть двузначными:

- в одной из них отсутствует нейтральное значение при наличии полярных («положительное-отрицательное», «хорошо-плохо», etc.);

- тогда как в другой оба полярных значения представляет одно («значимо-незначимо», «важно-неважно», «интересно-неинтересно», etc. В общем случае схема такой системы значений может быть выражена парой «полярно-неполярно»).

Системы оценочных значений могут быть также дополнены значением «неоднозначное». Такого рода оценки возможны в аналитических и обзорных публикациях. В ряде случаев, при выявлении такого рода оценочных состояний в текстах СМИ, они, как и случаи невозможности определить оценочную позицию автора, сводятся к нейтральным[187].

Несмотря на то, что первая из приведенных систем оценочных значений является наиболее типичной (по крайней мере, в логике), двузначные системы особенно значимы при проведении корреляций между оценками фигурантов и доминантами контекста их освещения.

Любая ценностная система надстраивается над топикой базовых ценностей и к ним в конечном итоге редуцируема. Поэтому при анализе оценок необходимо ориентироваться на выявление этой топики, представляющей собой систему координат освещения того или иного предмета.

---

[186] Здесь я очередной раз предлагаю обратиться к попперовскому «эдипову эффекту», который он ввел в оборот для критики психоанализа.

[187] Для логиков в этом случае могло бы быть интересным проведение параллелей между «неоднозначными» системами оценочных значений и системами с пресыщенными вероятностными значениями, предложенными Н.Решером для его «квазифункциональных истинностных систем».

Шкалирование оценок возможно по следующим направлениям:

- трехзначная структура типов (категорий) оценок накладывается на различные параметры исследуемого предмета;
- каждое из (трех) оценочных значений ранжируется по степени ее выраженности. Методологической эвристикой в данном случае будет поиск количественных критериев выраженности оценки для того или иного случая (например, наличие эпитетов, порицание или восхваление, выражение уверенности или сомнения в позитивной значимости предмета оценки).

Для этого возможно отметить следующие квазиправила выраженности в тексте оценки:

- число критериев выраженности для каждого типа оценки должно быть одинаковым;
- критерии оценки для каждого уровня ее выраженности должны быть сравнимыми.

Каждое оценочное суждение ранжируется по контексту оценки. В этом случае контекст либо может быть произвольно описан в матрице анализа (кодировочном листе), либо оценкам присваиваются категории их контекста, являющиеся относительно самого исследуемого материала частными (например, оценка компании UPSA в контексте освещения ее отношений с компанией Bayer, в статье, посвященной обзору рынка лекарственных препаратов).

Помимо критериальных возможны импликативные оценки. Последние фигурируют в виде намеков и контекстуальных определений; для их выявления в ряде случаев целесообразно применение средств анализа содержаний, тогда как на первые преимущественно указывают фигуральные характеристики текста (тропы).

Помимо категоризации предметных параметров и шкалирования степеней выраженности оценок следует различать контекст оценки, под которым следует понимать текстовые (или речевые) условия выражения оценки (контекст оценки во многом задает степень ее выраженности). Установление контекста оценки открывает возможность ее рассмотрения в измерении интенсионалов и применения соответствующих этой предметной области

методов исследования текстов[188]. В аналитическом медиа тексте (например, при табличном его кодировании) контекст оценки может быть представлен описательным комментарием к выбранному индексу выразительности или выбранной оценочной категории некоторого предметного параметра.

Парадигмальное и сущностное положение этой гипотезы состоит в том, что оценка (алгедоническое значение) предлагается к рассмотрению как ключевая категория интенсиональной логики.

В текстах, взятых относительно самих себя и исследуемых относительно самих себя, каковым является чистый медиа анализ, логика истинностных значений уступает место логике оценочных значений. Собственно, логика истинностных значений начинает играть роль в тех медиатекстах, в которых эти значения преимущественно нейтральны.

В медиатекстах оценочную «нагрузку» могут носить новостные сообщения. Несмотря на то, что они являются описанием событий, само событие может быть оценено как благоприятное, неблагоприятное или нейтральное для некоторого фигуранта, а потому этот фигурант может быть заинтересован или не заинтересован в новостном освещении некоторого события, то есть в существовании некоторого реального события в качестве информационного. Это объясняет мнение, согласно которому даже не содержащий интерпретаций блок новостных сообщений может быть не лишен предвзятости или тенденциозности. В данном случае в качестве манипулятивного средства выступает не только наличие сообщения в новостном блоке и его параметры (содержательность, продолжительность по времени, etc.), но также дискурсивная последовательность самого блока, то есть последовательность самих событий, каждое из которых «как бы» вытекает из другого. Собственно, сам дискурс новостного блока формируется именно как последовательность новостных сообщений (это можно наблюдать в новостных программах TV или в статьях газеты «Ведомости», идентифицируемой как "центральная" и "деловая"). В данном случае

[188] Например, идеи Р.Шенка в теории концептуальных (семантических) зависимостей. Его можно найти в выпусках сборника "Новое в зарубежной лингвистике". Например, выпуск XXIV: "Компьютерная лингвистика". (Изд. "Прогресс", Москва, 1989 г. 432 стр.), статья Р.Шенк, Л.Бирнбаум, Дж.Мей. "К интеграции семантики и прагматики". Перевод с английского Г.Ю.Левина.

использование возможностей игры исторического и логического совершается уже на уровне имманентных событий.

Контекст освещения фигурантов, во всяком случае, может быть:

- оценочным (характеризующим авторское отношение к ним);
- описательным (характеризующим отношение фигурантов между собой).

Оба типа контекстов освещения фигурантов в ряде случаев могут совпадать.

Контексты классифицируются по следующим основаниям:

- (степени) *общности контекста освещения одного фигуранта другим фигурантам*, освещаемым или упоминаемым в связи с некоторой данной темой: общие или частные;

- *присутствия в контексте иных фигурантов*: широкие или узкие (или, в более известной формулировке, контексты de re и de dicto);

- *релевантности упоминаемого фигуранта общей теме или информповоду*, в связи с которыми он упоминается: прямые или косвенные (абсолютный параметр, характеризующий значимость фигуранта для доминирующей в тексте проблематики);

- *информативности освещения фигуранта*: простые или содержательные (относительный параметр, характеризующий меру значимости или уникальности фигуранта для автора освещающего его текста);

- *ожидаемого поведения фигуранта*: условно их можно назвать либеральными (выражение ожидания новых форм или действий фигуранта) и консервативными (выражение ожидания прежних форм или действий фигуранта);

- *совместности упоминания фигурантов*, являющейся основанием попарной классификации фигурантов: сопоставительное или паритетное. В свою очередь, попарная совместность упоминания фигурантов делится трихотомически еще и по основанию множественности:

○ фигурантно-фигурантное упоминание (сравнительное или паритетное упоминание двух фигурантов),

○ группо-групповое упоминание (сравнительное или паритетное упоминание двух групп фигурантов),

○ фигурантно-групповое упоминание (сравнительное или паритетное упоминание фигуранта и группы фигурантов).

Следует сделать ряд замечаний по поводу последнего из упомянутых оснований классификации контекстов упоминания фигурантов – основания совместности.

- Трихотомическая классификация совместности упоминания фигурантов возможна лишь в том случае, если фигурант понимается как отдельная целостность (в юридическом понимании – лицо), например, отдельная компания или персоналия. В таком случае как сопоставление компании и персоналии (Газпром и Борис Федоров), так и сопоставление компании и компании (Итера и Газпром), и сопоставление персоналии и персоналии (Борис Федоров и Вильям Браудер) будет фигурантно-фигурантным. Однако если некий фигурант или лицо не рассматриваются в тексте как отдельная целостность, то отношение совместности уже будет иным. Если, например, в публикации СМИ совместно упоминаются не компании Итера и Газпром, но менеджмент Газпрома и менеджмент Итеры, то есть если в данном контексте совместно упоминаются не уникальные фигуранты, а их множества, то имеет место группо-групповое упоминание. В другом случае следует говорить о фигурантно-групповом упоминании, как, например, имеет место в случае совместного упоминания менеджмента Итеры и компании Газпром, или совместного упоминания группы входящих в Газпром предприятий и г-на Федорова. Таким образом, различие совместности упоминания фигурантов ведет к операционализации понятия масштаба фигуранта или его деятельности.
- Некоторые основания классификации контекстов являются значимыми для определения оценочного статуса контекста, косвенно указывая на этот статус. Таковыми являются основания ожидания фигуранта и совместности упоминания фигурантов. Частным случаем сопоставительного упоминания является сравнительное упоминание фигурантов. Независимо от основания

множественности, сравнительное упоминание фигурантов является общим основанием упоминания фигурантов для всех публикаций, информационным поводом которых является конфликтная ситуация (или последовательность конфликтных событий).

- Некоторые основания различия контекстов оказываются подобными или, если угодно, близкими между собой. Так, различию совместности упоминания фигурантов оказываются близки основания информативности освещения фигурантов и релевантности фигуранта общей теме. Дальнейший вопрос касается того, как понимать эту близость, какие возможности в связи с ней открываются и как ее можно использовать.

Наибольшую трудность при классификации контекстов может представлять различие оснований общности и широты. Общность или частность контекста упоминания некоторого фигуранта характеризует возможность для других фигурантов (упоминающихся или не упоминающихся в данном контексте) быть упоминаемыми или не упоминаемыми таким же образом, как и некоторый данный фигурант. Что касается широты или узости контекста, то этот параметр характеризует количество, или объем, тех фигурантов, которые составляют контекст упоминания некоторого данного фигуранта. Таким образом, оба основания классификации пересекаются, хотя и не подчиняются друг другу. Понятие общности контекста оказывается весьма значимым при осуществлении так называемого интент-анализа или, как его еще называют, анализа неявных или скрытых содержаний.

Также стоит отметить, что ожидания поведения имеют эвристическую значимость при их сопоставлении с категориями темы и ремы и динамикой исследуемых параметров.

Двоякая природа масс-медиа

Обычно говорят о «средствах массовой информации» (СМИ). Употребимость этого выражения стала настолько привычной, что его значение ни у кого более не вызывает сомнений. Тем не менее, представляется более адекватным говорить о средствах массовой пропаганды, поскольку термин «средства массовой информации» в своем значении не предполагает чего-то еще – какой-то другой, равновеликой по значимости функции этих средств, нежели информирование. Центрированность на названии «СМИ» исходит из устаревшей (если не попросту наивной, идущей от эпохи буржуазных

революций) предпосылки о том, что основная задача медиа-источников заключена в том, чтобы снабжать информацией более или менее широкие целевые аудитории, являющиеся для них профильными. То, что СМИ также являются средствами манипулирования этими аудиториями, не исключается, однако в большинстве случаев осуществление этой возможности по-прежнему понимается в связи с различными способами передачи сведений – такими, как:

- полная трансляция сведений;
- неполная (частичная) трансляция сведений;
- воздержание от сообщения сведений;
- искажение сведений;
- фальсификация сведений.

Иными словами, возможность манипулирования целевыми аудиториями усматривается в тех или иных формах снабжения этой аудитории информацией.

Такой подход мне представляется, по меньшей мере, неполным. Он не объясняет целый ряд вещей. Например, при таком подходе невозможно понять, почему в одних случаях целый шквал инициированных публикаций не находит отклик у целевой аудитории, а в других небольшая заметка в региональной газете формирует сенсационный повод, который провоцирует шквал публикаций, находит освещение в центральных СМИ и влияет на биржевые показатели. Он также не объясняет, почему гораздо более интенсивно (по сравнению с конкурентом) проводимая в СМИ кампания оказывает меньшее влияние на узнаваемость бренда или товара, тогда как узнаваемость конкурента, при сравнительно низкой его PR-активности, продолжает оставаться достаточно высокой с самого первого появления редких публикаций о нем.

Эти и другие неясности становятся разрешимыми, как только мы обратим внимание на то, что средства массовой информации одновременно являются также средствами массовой энтропии. Это означает не только то, что категория информации онтологически предполагает свою антикатегорию везде, в том числе и в медиа-реальности – это, впрочем, трюизм. Подобное рассмотрение СМИ открывает новые возможности понимания медиа-

реальности, а главное – новый спектр операциональных возможностей. Понимание энтропийной природы медиа-реальности открывает возможность использования понятия информационного шума.

Утверждение о тождественности понятий средств массовой информации и средств массовой энтропии означает, что здесь мы имеем дело с двумя возможностями одной и той же реальности, а именно, с такими двумя базовыми процессами, происходящими в ней, как информатизация энтропийных и хаотизация упорядоченных состояний различных частей этой (медиа)реальности, которую мы также можем охарактеризовать как идеологическую, или имиджевую, реальность (о топике этой реальности см. ниже, а также диаграмму).

Легко заметить, что имеется еще два общих типа процесса трансформации частей медиа-реальности. Это их переупорядочивание, а также изменение характера хаотичности (прежде всего, имеются в виду устойчивые и неустойчивые, а также динамические и статические состояния).

Учитывание энтропийного фактора для понимания медиа важен еще и потому, что он начинает играть роль тем большую, чем больший объем имеет целевая аудитория. Работа по трансформации высокоустойчивых к идеологическому влиянию групп может быть затруднена ввиду их немногочисленности и специфичности, а значит, компетентности. Работа по изменению мнения наиболее устойчивых к пропаганде групп (к таким автор относит, прежде всего, гуманитарно образованных лиц и лиц, профессионально работающих в системе пропаганды), очевидно, связана с появлением таких текстов, которые и содержательно, и по своему источнику, в большинстве случаев выходят за рамки СМИ. Выраженная в новостном поводе "сенсация", в свою очередь, и есть фактор внесения первичного дисбаланса в медийный процесс, предотвращающая "тепловую смерть" "смысловой вселенной", но для того, чтобы повод воздействовал как фактор влияния, неизменно должна быть аудитория как фактор восприятия, а значит, эффект новизны всегда носит срочный характер. Собственно, постмодернистская "экзистенциальная банальность" есть во многом плод деятельности развитой медиа отрасли.

Отношение «информация-энтропия» в транслируемых содержаниях может быть рассмотрено двояко – условно говоря, атрибутивно и реляционно.

С одной стороны, это информативность и энтропийность самих текстов СМИ, взятых относительно самих себя, то есть относительно свойственных для них семиотических, содержательных и организационных характеристик.

С другой – это информативность и энтропийность текстов СМИ, взятых относительно их читателей, распознающих или не распознающих эти тексты (в том числе их части или паттерны) в силу ряда своих способностей.

Работа по (ин)формированию и хаотизации может вестись по этим двум направлениям.

Рассмотрим второй случай, как имеющему наибольшее отношение к социологии медиа, или даже скорее их психофизиологии, имеющей массово-поведенческие эффекты[189].

Одним из наиболее ярких средств рассеивания внимания является пресыщение данными. Это может быть пресыщение как (изначально) шумовыми, так и нешумовыми, но отвлекающими данными, однако пресыщение есть процесс, первейшим результатом которого является информационный шум. Искусственное пресыщение достигается через превышение порога восприятия целевых аудиторий путем интенсивной трансляции им информации неопределенной значимости. Другим фактором пресыщения данными является интенсивность их трансляции, превосходящая возможности целевых аудиторий их усвоить. Еще одним способом создания информационного пресыщения является формирование новостных поводов, способных отвлечь на себя внимание от некоторых данных. Иными словами, речь идет о формировании доминирующей (в частности, острой) темы.

Итак, существуют по крайней мере три способа пресыщения данными:

- пресыщение чистым шумом (то есть сущностью или сущностями, воспринимаемыми как шум);

[189] В то время как первый является центральной составляющей исследования собственно структуры текстов.

- пресыщение данными неопределенной значимости (сущностью или сущностями, цель или значение которых не определено);
- пресыщение данными острой значимости (сущностью или сущностями, цель и значение которых исключительно актуальны).

Вместе с тем, последний из способов пресыщения данными является также способом преодоления информационного шума. То есть вывод из информационного шума осуществляется за счет обеспечения информационного доминирования. А это уже означает формирование приоритетов, то есть выстраивание структуры иерархического типа. А значит, предполагает вопрос о том, кто именно задает степень остроты значимости: источник трансляции или ее респондент. Тривиальным образом способность самостоятельно определять остроту значимости темы для себя составляет способность выходить из-под "магической власти" хаотической трансляции, и представляет собой ключевую способность самоуправления веберовского организованного человека, который в условиях процесса демократизации медиасреды начала XXI века должен научиться определять собственные приоритеты относительно предъявляемых, рекомендуемых или вменяемых ему иных, но уже равноправных ему (пиринговых) мировоззренческих установок и позиций.

Эффективность пресыщения данными (информационным шумом) связана с характеристиками социального порога восприятия информации[190]. С другой стороны, эта эффективность зависит от устойчивости тех или иных целевых аудиторий (ЦА) к тем или иным формам шума; эта устойчивость, в свою очередь, зависит от способности (ЦА – в целом и каждого их представителя – в отдельности) к распознаванию различных видов шума. Вместе с тем также следует учитывать и фактор доверия ЦА к источнику, которое тем больше, чем больше объем ЦА.

В свою очередь, эта устойчивость (для любого типа шума) зависит от:

[190] Прежде всего, здесь имеется в виду верхний порог восприятия информации целевой аудиторией. Это то количество информации, более которого поступающий поток данных целевая аудитория перестает распознавать. Соответственно, нижний порог восприятия информации целевой аудиторией характеризуется минимальным количеством сведений, которые данной аудиторией могут быть расценены как значимые для нее и которые составляют предмет коммуникативных взаимодействий между ее членами.

- мотивированности ЦА к получению значимой информации, а также – от сопровождающего его
- внимания к информационному полю, на котором возможно появление значимой информации.

Существуют различные формы пресыщения данными. Так, создание шума может быть осуществлено посредством сопровождения новостных поводов или информкампаний массой сообщений на смежные темы, также значимые для целевых аудиторий, равно как основная тема. С другой стороны, имеются естественные формы пресыщения данными, и связаны они с контрастом восприятия. Прежде всего, обращаясь к открытым медиаисточникам, человек сталкивается с медиахаосом реляционно. Коммуникативные неудачи и нахождение за рамками темы – первое, с чем здесь можно столкнуться. Но уже после того, как преодоление коммуникативных неудач в достаточной степени произошло, атрибутивные возможности хаотизации текста и рассеивания внимания, то есть возможности чисто риторические, относящиеся к логосу текста, при неразличении их продолжают рассматриваться как возможности или, вернее, как невозможности, невозможность, неспособность распознать текст тем, кто его читает, то есть как коммуникативная неудача. Такое истолкование введения в заблуждение тем менее заметно, чем больше доверия к самому источнику.

Особенности содержания динамических СМИ

Появление этого материала связано с тем, что несколько видных агентств (ФЭП, RPRG, а также некоторые другие, с которыми мне в свое время довелось сотрудничать), занимались мониторингом телевизионных и радио трансляций, формируя большие архивы и затрачивая на это дело, судя по всему, немалые средства. Однако представлялось весьма сомнительным, чтобы этот контент бы сколько-нибудь серьезно исследуем более, чем в рамках простого мониторинга и ручного подсчета простой упоминаемости[191].

[191] Материал был создан до начала массового распространения конвергентных медиа и соцсетей, для которых мониторинг трансляций и хранение результатов коммуникативной активности в рамках парадигмы big data представляет собой тривиальную ситуацию. Но даже после того, как new media стали дженериками, уровень обеспечения автоматизированной аналитической обработки таких данных, равно как обеспечения таковой обработкой систем поддержики принятия решений и ситуационно-управленческих систем, остается крайне низким и методологически весьма проблемным. Об этих вещах идет речь в книге "Возможность управления...".

Причем исследуем именно в рамках своей специфики, значимой в качестве средства влияния на воспринимающие его зрительские и аудиторные массы. С расчетом на то, что такая работа возможна, и был создан этот материал.

1. Суть динамических медиа – во временном контексте освещения категорий трансляций.

Собственно различие темпоральных и не темпоральных (пространственно ориентированных) площадок трансляции (сообщений) появляется именно при рассмотрении первых. Прежде чем перейти к описанию основных категорий темпоральных и пространственных СМИ, следует остановиться на различии понятий внутренней и внешней динамики трансляций СМИ.

При исследовании текстов СМИ внешними могут быть их источниковые, или адресные, данные трансляций. При исследовании внешней динамики трансляций, как правило, исследуются закономерности освещения различных тем, событий или фигурантов в СМИ на протяжении определенного периода времени. Единицами исследования здесь являются сами публикации СМИ. Что касается внутренней динамики трансляций, то предметом таких исследований являются преимущественно закономерности использования различных способов организации сообщения (дискурсивных способов), от которых последовательность прочтения трансляции зависит в большей степени, чем в статических СМИ. Последовательность сюжетов или клиповых рядов оказывается не только значимым фактором организации самого медиа сообщения. Она является модусом ее организации, определяя собой специфику темпорального media сразу в трех планах:

- интенциональном (содержательном);
- паралингвистическом (аудиовизуальном) и
- источниковом (план информационной площадки).

Единицами исследования здесь являются содержательные и паралингвистические категории трансляций СМИ, основными среди которых являются фигуранты освещения (или их группы) и, далее, информповоды, участниками которых они являются, темы, в связи с которыми они освещаются, а также комментарии по информповодам и темам. Иногда (но реже) единицами исследования являются источниковые элементы

трансляций, как в случае с некоторыми каналами, вещающими в разное время на одних и тех же частотах.

Аудиальные и визуальные способы динамической трансляции сообщения СМИ, выполняющие функцию трансляции сведений (в частности, функцию иллюстрации и примеров), следует отличать от аудиовизуальных паралингвистических характеристик сообщений СМИ, выполняющих эстетическую функцию (функцию организации эмоциональных состояний), и используемых для привлечения внимания (как правило, непроизвольного) к трансляциям СМИ.

Темпоральный характер трансляций динамических СМИ определяется способом освещения их категорий, являющихся общими для любых СМИ, в специфическом для них контексте – временном. По основанию сосуществования категорий содержания в аудиальном и визуальном каналах их трансляции, в рамках одного сообщения динамических СМИ, временные медиаконтексты делятся на аудиовизуальную синхронию и аудиовизуальную диахронию.

К аудиовизуальной синхронии («в вещах») упоминания фигурантов, информповодов, тем или их комментариев, можно отнести все множество контекстов освещения событий, фигурантов, тем, а также звуков и образов, которые непрерывно транслируются за один временной период. Синхронная трансляция значима, в частности, при определении факторов создания устойчивых ассоциаций у читателя (например, читателя бегущей строки), зрителя или слушателя, то есть при исследовании риторических возможностей трансляции.

Аудиовизуальная диахрония относится к тем же категориям трансляции, но упоминаемым в различные периоды времени в рамках одного общего периода трансляции. Она, в свою очередь, делится на:

- аудиовизуальную пре-диахронию, то есть упоминание одной категории или групп категорий до упоминания другой категории или групп категорий («до вещей») и

- аудиовизуальную пост-диахронию, то есть упоминание одной категории или групп категорий после упоминания другой категории или групп категорий («после вещей»).

Контекст освещения является едва ли не главным фактором управления релевантностью частей содержания трансляций динамических СМИ. От того, какой динамический контекст используется, зависит не только взаимная адекватность содержаний, но также и то, какое новое содержание может быть получено в результате использования такого рода контекстов. Различие синхронии и диахронии элементов трансляции значимо для определения суггестивных возможностей медиа сообщений.

Синхрония или диахрония упоминания категорий освещения могут быть осуществлены на уровнях:

- одного канала трансляции (аудиальная диахрония\синхрония либо визуальная диахрония\синхрония),
- различных каналов трансляции – как аудиального, так и визуального (собственно аудиовизуальная диахрония \ аудиовизуальная синхрония).

Различие синхронического и диахронического контекстов упоминания категорий трансляции формирует представление о, соответственно, параллельном и последовательном способах освещения этих категорий в динамических СМИ. Статические СМИ, как то пресса, наружные рекламные стенды и (отчасти) Интернет также дают возможность как параллельного, так и последовательного способов освещения, однако, в отличие от них, в динамических СМИ эти способы поставлены в зависимость не от правила прочтения их текстов читателем (фонетических или нефонетических, см. ниже), которые читатель может соблюдать или не соблюдать, а от трансляции этого прочтения самим СМИ (диктором, споуксменом, комментатором, или в визуальном клипе), которое в рамках трансляции становится самостоятельным текстом, параллельно с прочитанным. Причем речь не идет о языке и метаязыке, о тексте и метатексте, но о разных отображениях одного и того же текста, то есть о ситуации истолкования и перевода (например, визуально-нефонетического содержания в аудиально-фонетическое) внутри самого сообщения. Так, интонация уже указывает на интерпретацию. Отображение может быть таково, что параллельное

освещение в одном прочтении\тексте может стать последовательным в другом, и наоборот.

2. Особенности содержания трансляций динамических медиа заключаются в природе их языка.

Что касается различия содержания способов трансляции сообщения СМИ, то они, во всяком случае, имеют знаковую, а значит, языковую природу. Другое дело, какой язык применяется в том или ином случае. Причем речь идет именно о транслируемых параметрах звука или видео, а не тех, что могут быть изменены средствами самого приемника (экранный сервис телевизора, регуляция громкости, помехи антенны или кабеля и т.п.). Также предполагается, что во время эфирных изменений звуковых или видео параметров транслируемых темпоральных сообщений настройки аналогичных параметров приемников остаются неизменными.

Наиболее общими параметрами динамических содержаний являются:

- взаимная адекватность аудиоряда и видеоряда, основу которой составляет предметная целостность и связность содержаний, передаваемых по обоим каналам трансляции, а также
- штатность трансляции, то есть предусмотренность или не предусмотренность транслируемого звука (изображения) определенного качества в эфирной сетке или технологическими процедурами вещателя. Прежде всего, имеются в виду технические накладки и непредвиденные ситуации во время прямого эфира.

С одной стороны, ни аудиоканал, ни видеоканал трансляции медиа сообщения не сводимы друг к другу, поскольку по ним транслируется несводимая друг к другу информация. С другой стороны, оба эти канала пересекаются (или, лучше сказать, замыкаются) в некоторой области. Эта область позволяет не только связывать оба канала трансляции друг с другом. Эта область пересечения двух каналов трансляции и, вместе с тем, часть сообщения, такова, что встраивает транслируемые аудио и видео содержания в свою систему, придавая им осмысленность и являясь первейшим основанием их организации. Она не сводится ни к техническим особенностям видео или аудио трансляторов, даже если СМИ использует только один канал (как в случае с радио), ни к содержанию трансляций в

целом, но, скорее, относится к части (или даже к определенному типу) их содержаний.

Это область того натурального национального языка, на котором происходит трансляция, морфемы которого используются в динамической трансляции. Поскольку все языковые морфемы представлены либо типом графем, либо типом фонем, каждая из которых может найти взаимно однозначное соответствие в парном типе, постольку язык, являясь организующим принципом медиа трансляции, позволяет использовать все содержание обеих каналов максимальным образом.

Это содержание, разумеется, не сводится к одному лишь языку, в том числе к одному лишь естественному языку, однако именно естественный язык позволяет быть основным связующим звеном медиа трансляции, ибо всякое СМИ имеет языковую природу. Если бы в языке имели место иные морфемы для построения выражений (помимо графем и фонем), то в динамических СМИ наверняка имели бы место иные каналы передачи информации, помимо аудиовизуальных, и морфемы эти осуществляли бы взаимосвязь таких каналов с аудиовизуальными каналами, открывая возможность новым смыслам, аллюзиям и махинациям. Морфемы представляют реальность языка, но язык не сводится к морфемам, даже если он на них основан.

Итак, аудиальный и визуальный каналы трансляции сообщения связаны, прежде всего, своим содержанием, частью которого является язык – главный транслятор интенсионалов. Почему это определение роли языка важно? Ведь ясно, что динамическая медиа трансляция едва ли не всегда предполагает и речь, и надпись. Дело в том, что язык является средоточием смыслообразования в динамической трансляции, при том, что сама трансляция, как было сказано, им не исчерпывается. Он присутствует там, где, казалось бы, отсутствуют языковые морфемы. Аллюзии, ассоциации, возникающие в связи с неязыковыми (нетекстовыми, то есть не являющимися текстами натурального языка) образами, а также «неречевые» звуки, имеют языковую природу, которая не сводится к одной лишь номинации. Морфемы здесь – лишь ключ к запуску связей концептов, в связи с которыми зритель (слушатель, читатель) взаимодействует как с языковыми, так и с неязыковыми элементами трансляций. Неязыковые (вернее,

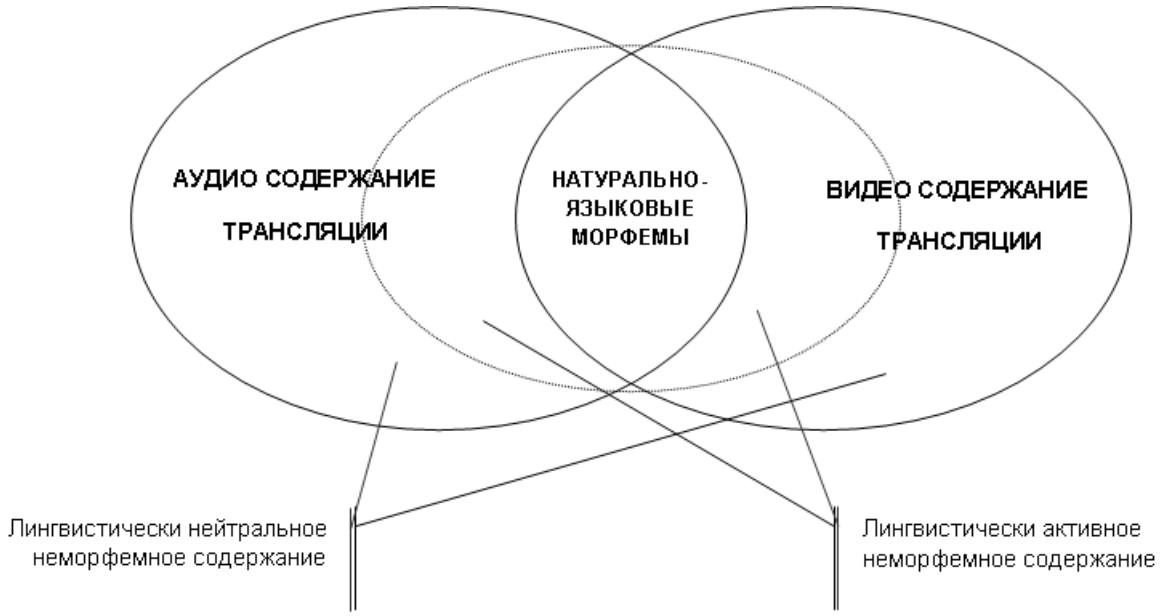
ненатурально-языковые) части аудио и видео содержаний, являясь денотатами естественного языка, в медиа сообщении могут выступать в качестве отдельной синтаксической системы, которая, будучи организована определенным образом (искусственно создана, например), способна при соответствующем натурально-языковом комментировании организовывать понятийные представления аудитории этого сообщения.

Следует еще раз повторить, что говоря о языке как части содержания медиа трансляции, имеется в виду именно присутствие натурального текста или речи в самом сообщении. Но это не исключает того, что все динамическое медиа сообщение целиком имеет языковую природу. Даже те части его аудиовизуального содержания, в которых отсутствуют такого рода натуральные составляющие, оказываются включенными в языковые контексты, поскольку всякое медиа сообщение адресовано к носителю естественного языка вообще, безотносительно к тому, какой именно язык может встретиться в этом сообщении: русский, английский, китайский, арабский или, например, иврит.

Признав язык организующим началом динамической медиа трансляции, можно констатировать, что это начало реализует себя с двух сторон:

- со стороны самой медиа трансляции (а значит – в той или иной степени со стороны редакции СМИ, журналистского коллектива и прочих групп влияния на содержание трансляции), и
- со стороны аудитории этого сообщения, способной:
  - распознавать фигурирующее в сообщении морфемное содержание и
  - вовлекать неморфемное содержание трансляции в семантику используемого ею языка.

На приводимой ниже диаграмме схематически представлена связь содержания каналов динамической трансляции.



Почему все, что сказано здесь о языке, имеет особую значимость именно для динамических аудиовизуальных СМИ?

Во-первых, потому, что отмеченные категории трансляции в динамических СМИ могут быть представлены как в языковой, так и в неязыковой (не натурально-языковой) формах (например, в репортажах). Отличие лингвистически активных от лингвистически нейтральных неморфемных содержаний в том, что первые непосредственно связаны с произносимым или демонстрируемым в сообщении натурально-языковым текстом, тогда как вторые – нет, хотя, конечно, вторые в целом ряде случаев могут быть такими для представителей аудитории СМИ, включающих все нелингвистические содержания в пространство своего языка. «Непосредственная» связанность с естественным языком здесь означает:

- минимальное количество оснований неявных связей с языковым содержанием;
- минимальное количество логических этапов, соединяющих языковое и неязыковое содержания между собой по каждому основанию связи.

Можно видеть, что различие лингвистически активных и лингвистически нейтральных языковых содержаний во многом ситуативно. Выявление участвующих в процессе семиозиса внутри сообщения неязыковых выразительных средств является важной методологической задачей.

Во-вторых, потому, что, в отличие от прессы, наружной рекламы и (отчасти) Интернет-СМИ, в которых означаемое и означающее достаточно разделены, в теле- и радиосообщениях означающее и означаемое настолько близки друг к другу, что в одних случаях оказывается возможным их смешение, тогда как в других – самопрезентация элементов трансляции. Кроме того, естественный язык задает направления, по которым теле- или радио аудитория на основе визуально-нефонетических и аудиально-нелингвистических содержаний достраивает свое представление о мире образов и звуков за пределами самой трансляции, что весьма важно для исследования скрытых смыслов и определений (интент-анализа).

Витологическая инноватика: патриотизм или компрадорщина? (в качестве приложения)

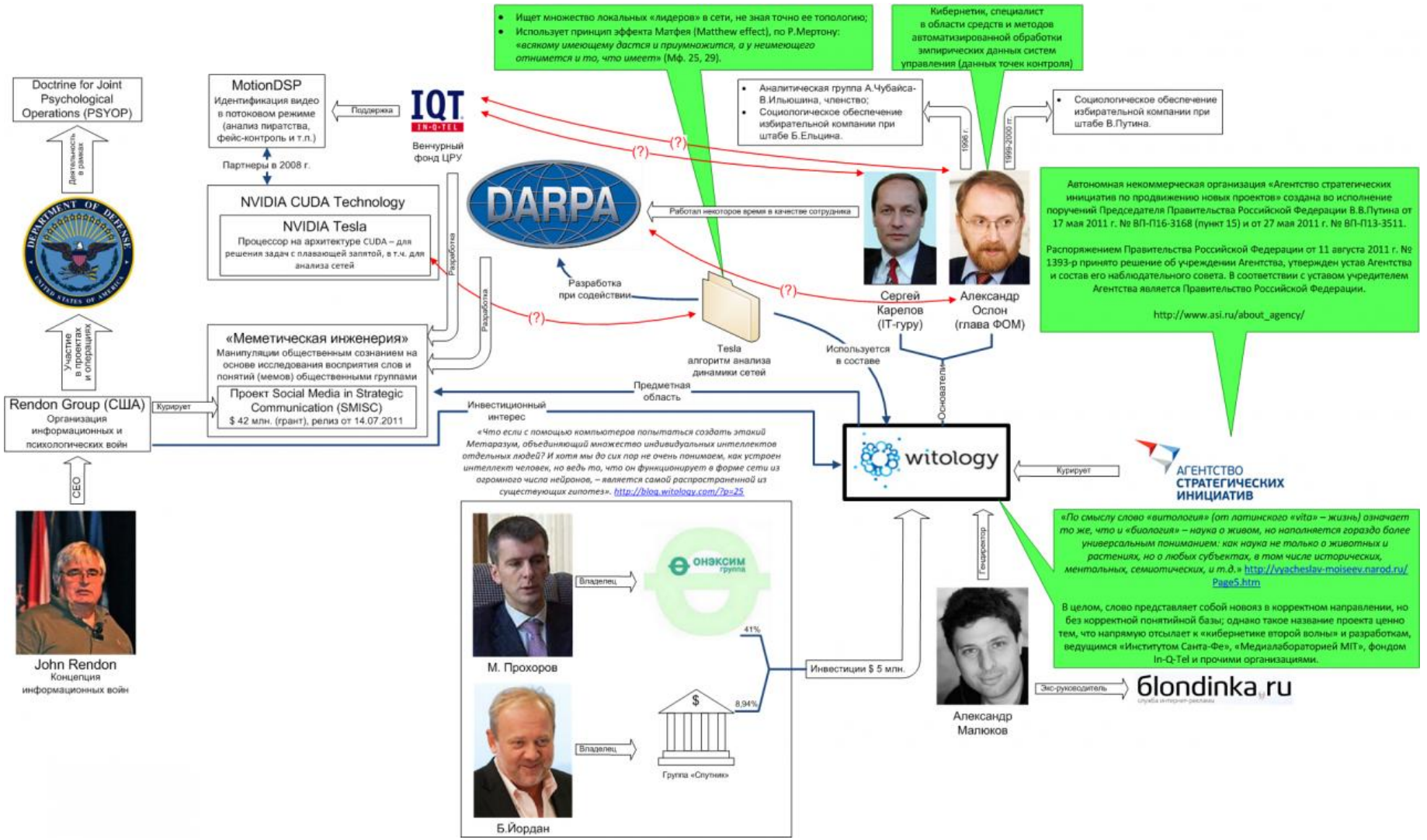
Если раньше «пропаганда Геббельса» была объектом пропагандистского же и личностного презрения, а также академического рассмотрения преимущественно в актуальной данности, то теперь она становится одним из основных компонентов ведения войн информационных, и должна изучаться (и кое-где изучается) как направление перспективных разработок с пониманием ее экономической подоплеки и подготовки к новым формам военной агрессии будущего – которое, кстати, уже наступило. Прежде всего – кто в эти направления вкладывает средства и как может использовать. Кроме того, в контексте все большей проблематизации экспертного обеспечения деятельности систем управления обществом и появления in concreto давно предсказанных технологий требуется понимание того, как в мире и, в частности, в России, выстраивается это обеспечение, какими силами и на основе каких познавательных установок.

Все данные по обозначенной в данном материале теме получено на основе достаточно простых процедур исследования открытых источников информации, доступных даже школьнику, и являются далеко не вершиной open source intelligence. Не думаю, что в данном случае спор зеркала и рожи может быть решен в пользу последней – что, увы, весьма часто происходит. Все это секреты Полишинеля – столь давно известные, что становится скучно. Интересно скорее содержание тех технологических наростов и отложений, которые, под эгидой правительственных программ и, в общем, благих государственнических лозунгов, развиваются в тренде новых

технологических реалий управления человеческим (в частности, массовым) сознанием, работающих в качестве индустрии с неизвестным выгодоприобретателем, к которому наверняка не относятся те, кто является объектом приложения этих реалий.

Однако, поскольку соответствующих подвижек в этом направлении, судя по всему, сегодня нет, а экономика продолжает работать в парадигме... она вообще работает?..., постольку любая технологическая инновация, развиваемая в России в рамках авангардных мировых трендов (а одним из таковых на сегодняшний день является создание искусственной жизни в рамках парадигмы управления сложностью) под государственной эгидой, всегда будет сопровождаться вопросами: как именно, в какой степени и в чью пользу? А вопрос «на какие/чьи деньги?» здесь даже не первостепенный, поскольку эти технологии (как и многие прочие) – не то, что стоит денег, но то, чего деньги стоят, особенно сегодня, когда «мировые деньги» не стоят даже золота, а сами они есть не более чем реализованная в виде знаковой системы технология фиксации дохода и конвертации ресурсов.

К числу таких технологий относится и российский (в какой степени «российский»?) проект Witology, созданный и развиваемый вполне себе известными российскими персонажами из числа тех, кто нынче правит экономический бал, а десяток-другой лет назад создавал нынешний истеблишмент.

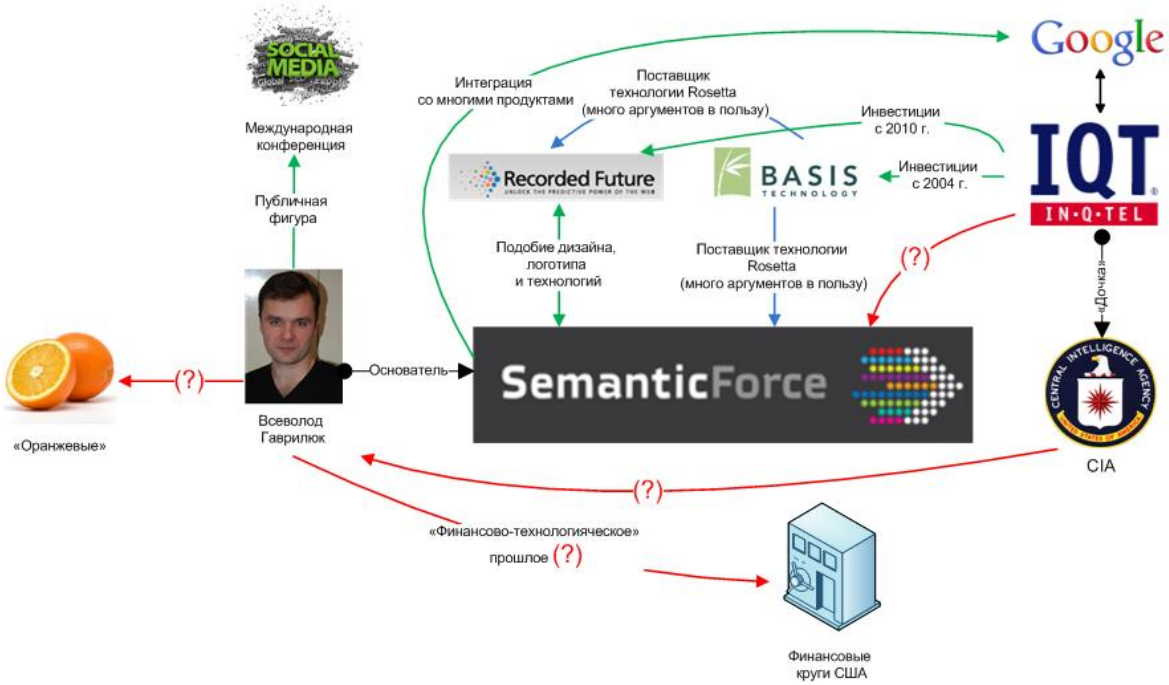

Doctrine for Joint Psychological Operations (PSYOP)
Деятельность в рамках
Участие в проектах и операциях
Rendon Group (США)
Организация информационных и психологических войн
Курирует
CEO
John Rendon
Концепция информационных войн
MotionDSP
Идентификация видео в потоковом режиме (анализ пиратства, фейс-контроль и т.п.)
Поддержка
Партнеры в 2008 г.
IQT
IN-Q-TEL
Венчурный фонд ЦРУ
NVIDIA CUDA Technology
NVIDIA Tesla
Процессор на архитектуре CUDA – для решения задач с плавающей запятой, в т.ч. для анализа сетей
Разработка
«Меметическая инженерия»
Манипуляции общественным сознанием на основе исследования восприятия слов и понятий (мемов) общественными группами
Проект Social Media in Strategic Communication (SMISC)
$ 42 млн. (грант), релиз от 14.07.2011
DARPA
Работал некоторое время в качестве сотрудника
Разработка при содействии
(?)
Tesla
алгоритм анализа динамики сетей
Используется в составе
Предметная область
Инвестиционный интерес
«Что если с помощью компьютеров попытаться создать этакий Метаразум, объединяющий множество индивидуальных интеллектов отдельных людей? И хотя мы до сих пор не очень понимаем, как устроен интеллект человек, но ведь то, что он функционирует в форме сети из огромного числа нейронов, – является самой распространенной из существующих гипотез». http://blog.witology.com/?p=25
Ищет множество локальных «лидеров» в сети, не зная точно ее топологию;
Использует принцип эффекта Матфея (Matthew effect), по Р.Мертону: «всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25, 29).
Кибернетик, специалист в области средств и методов автоматизированной обработки эмпирических данных систем управления (данных точек контроля)
Аналитическая группа А.Чубайса-В.Ильюшина, членство;
Социологическое обеспечение избирательной компании при штабе Б.Ельцина.
1996 г.
1999-2000 гг.
Социологическое обеспечение избирательной компании при штабе В.Путина.
Сергей Карелов (IT-гуру)
Александр Ослон (глава ФОМ)
Основатели
Автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» создана во исполнение поручений Председателя Правительства Российской Федерации В.В.Путина от 17 мая 2011 г. № ВП-П16-3168 (пункт 15) и от 27 мая 2011 г. № ВП-П13-3511.
Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2011 г. № 1393-р принято решение об учреждении Агентства, утвержден устав Агентства и состав его наблюдательного совета. В соответствии с уставом учредителем Агентства является Правительство Российской Федерации.
http://www.asi.ru/about_agency/
witology
Курирует
АГЕНТСТВО СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ
«По смыслу слово «витология» (от латинского «vita» – жизнь) означает то же, что и «биология» – наука о живом, но наполняется гораздо более универсальным пониманием: как наука не только о животных и растениях, но о любых субъектах, в том числе исторических, ментальных, семиотических, и т.д.» http://vyacheslav-moiseev.narod.ru/Page5.htm
В целом, слово представляет собой новояз в корректном направлении, но без корректной понятийной базы; однако такое название проекта ценно тем, что напрямую отсылает к «кибернетике второй волны» и разработкам, ведущимся «Институтом Санта-Фе», «Медиалабораторией MIT», фондом In-Q-Tel и прочими организациями.
Генеральный директор
Александр Малюков
Экс-руководитель
blondinka.ru
Владелец
М. Прохоров
ОНЭКСИМ группа
41%
Инвестиции $ 5 млн.
Владелец
Б.Йордан
$
8,94%
Группа «Спутник»

К этой схеме я бы прежде, чем давать однозначные ответы, задал бы вопрос о том, что же это все-таки такое: попытка наверстать упущенное в «стремные девяностые» в петровском духе «учиться у ~~немцев~~ американцев», или до наглости откровенный процесс перехвата контроля над российским обществом со стороны компрадорских элит, интегрированных с элитами транснациональными? В этом же смысле не столь интересны и рассуждения о том, добросовестным был бюрократом подавший в отставку якобы в связи со сколковским инноскандалом В.Сурков или нет, долго ли эта отставка готовилась и каким кланом. Важно, что это, пожалуй, вторая после А.Кудрина отставка «по собственному желанию» и, равно как Кудрин, занимавшийся на своем посту какими-то финансовыми двусмыслицами, Сурков на своем посту занимался какими-то двусмыслицами порядка гуманитарно-политтехнологического управления обществом, а теперь также, как и экс-минфин, вполне себе честно-благородно может уйти в «системную оппозицию» (или «в тень»?) под вывеской «я сделал все, что мог». Но и это, опять же, не особо важно. Важны не только лица, но и категории лиц, реализующие иннотехнологические тренды и стратегии в целом.

Под соответствующий экспертный истеблишмент, неолиберальный чуть менее чем полностью, будь то экономический Кудрин, политтехнологические Сурков и К.Костин или кибернетико-социометрический Ослон, сегодня выделяются грантовые деньги – как с российской, так и с зарубежной, сторон (в этом смысле любопытны пропорции инвестирования в направление «у них» и в конкретный проект по направлению «у нас»), а потому часто бывает затруднительно определить, в чьих же стратегических интересах в России развиваются стратегические же технологии (судя по «арабской весне» и «цветным революциям», они таковы). И опять же: кто их эмитент? Не получается ли так, что авангардные технологии управления обществом представляют собой лишь «отверточную сборку» на базе уже готовых идей и концепций, разрабатываемых далеко «не у нас»? А возможность выработки этих идей и концепций в России купируется мерами по деградации системы культурного воспроизводства (прежде всего, образования и науки). И в «нужный момент» эти технологии в лице их эмитентов или дилеров сработают «нужным» (вот только кому?) образом.

Тот возможный аргумент, что Witology используется в «триколорном» федеральном проекте в рамках «российско-американского сотрудничества», оказывается довольно шатким в силу того обстоятельства, что подобные технологии являются для их разработчика объектом экспорта не иначе, чем в виде эффектов инструментального применения в отношении «покупателя», но никак не в виде собственно инструмента, используемого последним в своих интересах. Иначе говоря, речь идет о "метатехнологии", отслеживающей появление прочих.

За несколько месяцев до того, как была нарисована приведенная выше схема, я уже размещал еще одну – насчет того, как подобного рода технологии портируются на постсоветское пространство на примере проекта SemanticForce – довольно кисло реализованного, кстати, на тот момент времени (что вовсе не означает его развития и возможности доведения до ума).



И, разумеется, это совсем не означает отсутствия аналогичного портирования в России – возможно, совсем не кислого. Разумеется, в период, когда «неолиберальная партия» теряет поддержку даже в США, финансирование технологий от ее имени также может просесть. Это означает, что экспортируются технологические возможности, а социальный процесс в каждой стране идет своим чередом. То, как и в чью пользу будут использованы эти технологии, целиком зависит от самих людей, ими

располагающих. К тому же не особо важно, в какой стране и под эгидой какой спецслужбы был создан тот или иной артефакт: важно, существует ли широкая среда интересов, способная предъявить на него спрос и встроить в прочие процессы общественной динамики.

Далее – несколько критических замечаний по поводу некоторых вещей, относящихся не столько к социальной значимости проекта Witology и месту в системе глобальных технологических трендов, сколько к аспектам интерпретации работы с семантическими и социальными сетями реализованных в нем технологий. Общий принцип, реализуемый на безмасштабных графах, не всегда совпадает с эмпирикой социальной действительности и ее гомеостаза. В частности:

- экспертное сообщество, то есть сообщество лиц, обладающих «властью экспертов» в смысле М.Вебера:
    - устроено иначе, чем толпа;
    - не падко на включение в неадекватные им сообщества;
    - является условием создания стоимости (ресурса выживания сообщества), не могущей быть отчуждаемой силой или хитростью со стороны лидера этого сообщества (хотя и не всегда, но иммунитет к таким вещам вырабатывается довольно быстро);
    - обладает в части своего подмножества большей компетенцией в плане управления социальными процессами, нежели стихийно сформировавшийся лидер (узел-концентратор);
- статус большого социального концентратора на основе чистой авторитарности или контроля избыточных ресурсов не гарантирует прироста добавленной стоимости или возможности самому обрести навыки ее получения;
- при общем уменьшении числа узлов-объектов влияния в обществе повышается конкуренция между «концентраторами», ведущая к снижению продуктивности общества, ослаблению его инфраструктуры и гарантированности существования;
- диспропорции перераспределения ресурсов в обществе, моделируемые в структуре «многоиерархичного» графа, ведут к обострению социальных противоречий и стимулированию выработки компетентной автономии «подчиненными» узлами в «теневом» секторе сети;

- в социальной действительности явления, подобные эффекту Матфея, могут возникать лишь при условиях:
    - наличия у обладателя преимущественного капитала знания или опыта способов корректного вложения с возвратом прибыли;
    - наличия в обществе спроса на стоимость, которую данный капитал представляет, то есть ценность капитала – если таковой ценности ресурс, составляющий капитал, не имеет, то он бесполезен в качестве преимущественного фактора безотносительно к своей себестоимости;
    - наличия в обществе платежеспособного спроса на стоимость, которую данный капитал представляет, что уже предполагает разделение продуктов, товаров и труда, и фактически сводит эффект Матфея не к понятию «абсолютного ресурса», а к абстрактному представлению о распределении частного ресурса, наличие которого в одном месте означает отсутствие в этом месте другого ресурса и наличие этого другого в другом месте, что является условием обмена, исключающем радикальную имущественную поляризацию.

Кроме того, реальные условия структурирования социальной и семантической сетей, реализуемых как некое целое в рамках Witology, различаются, хотя и являются в структурно-выразительном (графы безмасштабных сетей) и эмпирическом (человеческое общество) сущностями одного порядка. Трансформации на уровне семантической сети в социальном пространстве ведут к психофизиологической дезадаптации на уровне личности, конфликтности и потере управляемости общественных процессов – в частности, далеко не всегда происходят подконтрольно для самого источника этих изменений; т.е. данные на выходе «безмасштабной сети», как сказано выше, не учитываются, как и на входе, но тогда получается, что главное для такого «трансформатора» не контроль, а дезориентация и хаотизация социального пространства (что вполне вписывается в новую «византийскую» парадигму управления миром США в период их ослабления).

(Total control & Jail industries) vs Darknet

Далее пойдет речь о компонентах той реальности, инструментальным средством для разведывательно-аналитической работы с которой предложены в предыдущей главе медиаисследовательские предметные различия. То есть речь идет о фактуре того процесса, что формирует тип современного массового человека как живого существа. В первую очередь – о том, куда уйдет "средний класс" и что с ним будут делать, и уже делают, власть имущие, сведения о реальной специфике которых у представителей этого класса весьма скромны. Тотальный контроль – феномен эпохи модерна, но он имеет продолжение в "эпоху спада" как ее органичная часть, увеличивая мощность арсенала собственных средств.

Компромиссный класс в свете форсайта неономадиста Жака Аттали

Очень многое указывает на то, что нынешний мир (и Россия – весьма ярким образом) на начало 2017 года осуществляет сценарий, в свое время представленный Жаком Аттали: зонирование анклавных территорий благоприятного состояния в море территорий депрессивного состояния, богатые и нищие номады, реализация технологических фантазий в немассовом формате, институт денежного насилия, который должен привести к вымученной глобальной демократии через планетарный конфликт, рост регуляторной роли страховых корпораций и тому подобное. Проблема трудностей прогноза развития мировой ситуации (если не считать многочисленных случаев технофутуризма) во многом связана с тем, что этот сценарий сегодня воспринят очень многими представителями элит, регулирующими мировые процессы (включая неолиберально-силовую власть предержащую когорту правителей России начала XXI века) и, похоже, реализуется в смысле все того же "эдипова эффекта", то есть как проектный сценарий мира, распределенный по управленческим сознаниям (или даже по коллективному управленческому бессознательному) пространства планеты. Этот сценарий воспринимается и реализуется как устойчивая и позитивная, но массово не афишируемая, антитеза марксистской традиции, которую дополняет малая негативная антитеза собственно попперовской недосоциологической критики платонизма, марксизма и т.п. вещей, сваливаемых в одну кучу с табличкой "тоталитаризм", поднятая на щит финансистом Дж. Соросом с позитивным прикрытием в виде идеи "открытого общества", весьма сочетающейся с тем, что говорит Аттали.

Не является большой новостью и то, что тренд модели Аттали сегодня, как говорят юристы патентного права, "до степени смешения" похож на маску гитлеровского мирохозяйства.

Процессы эти уже ощущаются массовым образованным сознанием, включая экспертное, но не до конца – не только потому, что до конца не видно всей картины, но и в силу того, что среди прочих футурологических прогнозов концепция Аттали рассматривается, во-первых, как "мрачная частность", а верить люди склонны в лучшее (также, как в случае в психологизмами биржевых инвестиционных стратегий), и во-вторых, эта концепция долгосрочная, а носители наиболее трезвого экспертного сознания не только не склонны доверять долгосрочным прогнозам в столь быстро меняющемся мире, но и вообще каким-либо прогнозам (в противном случае Нассим Талеб, наверное, не был бы среди них столь популярен). Иные же попросту не соотносят окружающий их негатив повседневности с когда-то услышанной или прочитанной страшной экспертной сказкой, поскольку для этого нужно занять отвлеченную философическую позицию, осуществив усилие такого соотнесения, что многие для себя считают неоправданной роскошью.

Между тем, Аттали – честный исследователь[192], и даже если происходящее развивается не "в точности" с его сценарием (а он сам иной раз предупреждал против толкования его прогнозов как "абсолютно точных"), то очень близко к ним: сегодняшние элиты не желают решать мировые проблемы "тонкими" затратными способами, и тем более – уступать власть (в этом смысле для них очень удобна апелляция к естеству человеческих инстинктов), а потому и движут мир в направлении, сочетающем феодальные порядки с технологиями автопоэтических производств (рассчитывая на преодоление политэкономических оснований, заложенных Адамом Смитом), возбуждая и дезориентируя массы тонкой пропагандой национал-социалистического и социал-дарвинистского толка, готовя их к принятию нового мира. Соответственно, возникает новая конфигурация отношений между задачами и потребительскими стандартами все еще

[192] К чести его следует сказать, что он усматривает в тяжелом медиаконтенте (индустриальном художестве) куда больше прогнозной правды, чем в академических штудиях, о чем он обмолвился на примере фильма "Blade runner" в первой главе своей книги "На пороге нового тысячелетия". Я также склонен считать эстетические трактовки грядущего ценным прогнозным средством, особенно если они выполнены в достаточно глубокой системе разделения "масскультного" труда.

"вертикально интегрированных" и иерархически выстроенных элит – с одной стороны, и массовым спросом, сермяжно создаваемым истерлевскими "стимулами", трансформируемыми конкретными формами и методами ленинского "живого творчества народных масс" (или русско-пословичной хитрости голи на выдумки), что также осознается и по мере возможности купируется элитной верхушкой, не усматривающей, однако, для себя пока что никаких перспектив, смыслов и возможностей существования, кроме статусного потребления в мире осуществленной научной фантастики.

Разумеется, история всегда пойдет своей дорогой, но именно с акцентом на такой сценарий следовало бы рассматривать представленные в следующих разделах примеры: модель Аттали начинает работать, когда перестает работать марксова капиталистическая модель, и работать она начинает, прежде всего, в человеческом сознании. Иной вопрос – перестанет ли работать марксова модель на уровне надличностной реальности. Тому продуктивному, что можно было бы противопоставить этой новой модели (именно в качестве естественной перспективы, а не "с потолка" взятой антитезы), и было посвящено все предыдущее изложение. Хотя, опять же, выбор мира во многом зависит от того, что и как мы сознаем в качестве возможного. Важный момент концепции француза-глобалиста состоит в том, что его триада "религия-оружие-деньги" представляет собой не иначе, как основу формационного подхода, и едва ли не единственную именно формационную, а не цивилизационную, альтернативу марксовой, причем как в смысле статичного предметного различия, так и в смысле прогноза глобальной динамики, при этом являясь стадиальной, подобно марксовым общественно-экономическим формациям[193]. В отличие от него, я сам, признавая эту триаду, равно как в случае с марксовыми формациями, предлагаю не абсолютизировать их стадиальность, считая их инструментальными способами властного управления[194], тогда как сам Аттали считает их последовательно сменяющими друг друга в истории преимущественными формами власти. Этой, безусловно существенной, триаде у меня соположено григорьевское различие управления посредством

[193]Я затрудняюсь сказать, насколько это "формационное" обстоятельство учитывается комментаторами или критиками Аттали (особенно марксистского толка), но по впечатлению автора этих строк – не особо.

[194]В случае с марксовыми формациями – дисбалансовыми фазами бытия общества. См. выше раздел с гипотезой о доходах и формациях.

денег или посредством закона – с одной стороны, и фуллерово различие макротехнологических (а значит, и макроэкономических) акцентов общественного развития на livingry либо на weaponry – с другой. В григорьевском случае доминирование денег способно превратить религиозную инстанцию в идеологию (и наоборот, когда власть денег иссякает и на их место приходит господствовавшее в европейском средневековье право)[195], тогда как в фуллеровом вся триада снижает свою актуальность, уступая место целостной науке о природе, представленной знанием прикладной метафизики и того, что названо американским философом "scenario univerce". Сами элементы триады никуда не деваются хотя бы потому, что многие технологии на стыке военного и медицинского дела используют геодезическое координирование и механику tensegrity, однако в рамках синергетической программы происходит нечто большее: сама власть над людьми как ключевой смыслообразующий мотив (полагаемый очень многими специалистами в общественных науках как нечто естественное, хотя при этом они ничуть не сомневаются в разрешающей способности их исторического наблюдения) уступает место более общему и радикальному принципу make sence, противостоящему не только принципу make money, но также осуществляющему религиозно-идеологическое начало проницательной трезвостью и радикально повышающему ответственность в орудийном (и, кстати, оружейном) применении организованных сил природы.

Тем более, что на сегодняшний день вполне может быть решена задача и обеспечивать регенерацию сил природы, и выживание людей – для этого и предлагаются эффективные и эстетически элегантные решения мобильно-модульной инфраструктуры, для чего в помощники привлекаются концепция интегрированного дизайна[196], а также идеи тех, кто продвигает

[195]Хотя, конечно, условия такой трансформации должны быть исследованы с куда большим тщанием – хотя бы потому, что идеология есть признак капитализма, возникшего "странным образом", тогда как религия в смысле официального вероисповедания присуща куда большему числу народов и эпох. И это обстоятельство, кстати, подтверждает стадиальную концепцию Аттали и одновременно поднимает вопрос о том, почему большую часть времени своего развитого существования в развитых имперских государствах деньги не привели к возникновению капитализма, что составляет уже предмет григорьевской проблематики.

[196]Как термин восходящая к Папанеку, как умонастроение – к Вобану, хотя перед последним и стояли задачи weaponry.

талласодевизные принципы инфраструктурной организации на теллурократических пространствах.

***

Пресловутый "средний класс" определяется не только некоторым стандартом потребления, но сознанием и самосознанием – весьма расплывчатым, но и достаточно устойчивым, сформированным в результате определенной и последовательной кристаллизации представлений о нем самом, которые также представляются знаниями или выдаются за таковые; а значит, и определенной системой общения. Осознание его извне представляет собой некий компромисс между бедностью и богатством в ту или иную сторону, и связан с набором критериев, но никоим образом не с некоторым "общечеловеческим стандартом бытия", за который он, тем не менее, выдается – включая гигиенический стандарт, который во многом зависит далеко не от уровня доходов. Этот последний вообще никак не определяет стандарты потребления, оставаясь лишь частным показателем качества жизни; между тем, именно он во многом определяет конечную полезность потребляемого, причем в смысле не столько "лучших ресурсов", сколько "правильных".

Также более раннее научное представление об этом "компромиссном классе" в рамках целостной марксистской традиции, известное под названием "мелкая буржуазия", в контексте сегодняшней жизни не актуализируется и не рецептируется – как из чисто конъюнктурных соображений политического характера, так и по причине все более явственных в последнее время интуиций того, что это понятие, связанное с представлением о массовой достойной жизни, экономически выражаемой определенным типом потребительских поведения и практики, требует существенного переопределения в совершенно новых складывающихся условиях как странового, так и глобального, уровней. Здесь предпринимается попытка рассматривать проблемы управляемости этой, весьма требовательной в своих предпочтениях, но сомнительной в собственных ресурсах влияния на общественные процессы, средой, в контексте вопроса о том, с каким социальным типажом человека предстоит иметь дело в будущем, включая вопросы, касающиеся образа homo

economicus, если слово "economicus" вообще может быть применимым к этому новому виду.

В качестве преамбулы ко всему далее излагаемому хотелось бы сказать о современной системе знаний, частью и, одновременно, суррогатом которой выступают масс-медиа: особенностью этой системы, отчасти взятой в смысле книжного "третьего мира" Поппера, является то, что проактивные группы и школы, развивающие тематические и форматные направления, замыкаются в некоторых, релевантных конвенциональным в рамках этих групп, представлениям, но значительная часть источников остается вне поля их внимания в силу не зависящих от них причин – прежде всего, отсутствия достаточных средств поиска и анализа информации. Этот же момент рождает проблему консолидации проактивных групп из-за отсутствия нарративно-языковых общностей. Для этого такое поисково-аналитическое машинное решение должно предполагать не только чатовый, но и коворкинговый, коммуникативный компонент, то есть такой, в котором поисково-аналитические сессии осуществляются в многопользовательском и пересекающемся режимах. Использование сущностных и модельных представлений о такой органической подсистеме современного общества, как рассмотренные выше масс-медиа, позволяет в значительной мере упростить решение такой задачи поисково-аналитического сотрудничества.

Культурологическая антропология современного человека, безотносительно к социальному статусу, сегодня задается всем аппаратом культурных индустрий и средств коммуникаций в большей степени, нежели смысловыми доминантами предшествующих эпох, каковые суть традиция, карьера или деньги. Более того, характер восприятия этих последних и отношения к ним также определяется этим аппаратом. Иначе говоря, отношение к инструменту управления потоком благ определяется системой управления значимостями, стоящей за пределами этого инструмента как метаязык большего порядка[197]. Разумеется, что более критичный и образованный человек способен справиться с влияющими на него извне факторами управления смыслами и значимостями, однако именно погруженность в современный инфоком создает особую среду повседневности, которую он воспринимает и с учетом данных которой актуализирует собственную

[197]Геделева типа, в отличие от денег как метаязыка булевого (редуцированного) типа.

способность воображения в различных направлениях, соорганизуя вместе с ней собственный образ жизни, известный в системе маркетинговых коммуникаций под словом "бренд".

Признавая важность такой гипотезы или, по крайней мере, признавая справедливость ее утверждения хотя бы отчасти, следует рассматривать эмпирические и общие соображения, касающиеся этой сферы формирования реальности человеческого мира.

Говорят, что если человек не занимается политикой, то политика начинает заниматься им; это мягкая форма выражения: дело в том, что если человек не занимается политикой, то к власти приходят ему подобные (или даже совсем не подобные), которые начинают сживать его со свету – по глупости ли и недальновидности собственных решений, или по прямому злому умыслу, произведенному их топорными представлениями о "природе человека".

Законы для общества (будь то юридические, религиозные или моральные) создаются представителями вида "человек разумный" – то есть того, кто склонен, с одной стороны, избегать абсурда, но с другой стороны – видеть творческое начало в противоречиях. Но именно потому, что противоречие – начало всевозможностей, человек разумный избегает абсурда во вменяемых обществу законах, ибо такое вменяемое противоречит как принципу жизнеобеспечительной функции общества, так и собственно естеству разумности, право на которое также следует признать естественным. Если же общественно-юридический закон нелеп и абсурден, противоречит естественным правам или ограничивает их в перспективе, и является либо порождением глупости, недальновидности и некомпетентности, либо создается по злому или преступному умыслу инстанцией, порождающей и вменяющей обществу законы, не распространяющие свое действие на нее саму (противопоставляющей себя обществу в прямолинейном понимании принципа Эшби), то такие законы не обязательны к исполнению, какую бы степень легальности собственного обеспечения они не имели, а люди вправе руководствоваться в соответствующих сферах составляющими мотивировочную часть любого общезначимого закона моральными максимами и правилами воспитания. Неимоверно высокую степень абсурда,

нелепости и предвзятости, однако, представляют собой очень многие процедурно осененные законы прав граждан государства "Российская Федерация" первой половины второй декады XXI века, прежде всего – те, что касаются налогообложения, распространяющегося на все, что только можно и кого только можно, в пользу привластных компрадоров и олигархов – в своем, казалось бы, новом, но в действительности давно известном по самой разной литературе, конвульсивном пароксизме отживающей капиталистической эпохи, сквозь трещины являющей уродства феодальных отношений. Сформировавшиеся способы регуляции этих отношений, однако, имеют иное устройство, нежели известные для феодализма системы "конфликтующих автономий" – в постгосударственном мире сотрудничающих автономий они способны сыграть свою роль в новом качестве.

Закат Европы: о некоторых противоречиях в рассуждениях о будущем

В конце февраля 2016 года появился весьма интересный материал от Авраама Шмулевича[198] (всегда с интересом читал интервью с ним). Обозначаемые им риски оправданы, но нельзя сказать, что работа в понимании гуманитарных процессов, о которых он говорит, совсем не ведется. Ведется (мной, в частности, и не только мной) – однако, по правде говоря, большей частью камерно. Тот же Шмулевич – разве он не камерный? В рамках этой работы есть и весьма определенные достижения требуемого понимания процессов. А потому, в качестве небольшой поправки к израильскому исследователю – моя гипотеза на перспективу: в мире все же будут возникать "зоны вменяемости" в виде цивилизационных анклавов, но они будут, так сказать, "швейцаризироваться", формируя своего рода "ландмарки", причем в масштабе планеты, и в этих же масштабах искать подобных, налаживая связи с ними и пользуя никуда не девающиеся (а может, и развивающиеся) те самые транспортные технологии, о которых ведет речь автор. Такие анклавы (не хочу говорить "окна стабильности") уже были в истории постримской до- и предкапиталистической Европы: те же "каролинговцы", "барбаросовцы", "рудольфинцы", а также всякого рода "патрикоразмерное" христианство и прочая "кельтовщина". Интерес к последней, кстати, является сегодня модой "коренного населения

[198] http://rusmonitor.com/avraam-shmulevich-chelovechestvo-v-tom-vide-v-kotorom-ono-sejjchas-est-ne-dozhivet-do-konca-tekushhego-veka.html

национальных стран" и, похоже, точкой роста новой европейской идентичности на основе выхода корней "из потаенного". Иное дело, что этим анклавам – "хуторам культуры" придется существовать, с одной стороны, в режиме относительно малых групп, давления тоталитарных структур (по сути, "единоцентровых" имперских), сопротивляясь им и выискивая оригинальные способы защиты. Впрочем, опять же, подобное было в Истории – сегодня достаточно вспомнить нужное и грамотно интерпретировать.

Конечно, я понимаю, что подобные "разнесенные" решения, предлагаемые в качестве "этюдов оптимизма", вполне соответствуют феодальному "форм-фактору" общественного расселения, однако не исключаю и того, что инерция капиталистических "аномалий", включая транспортные возможности плюс инфоком, способна создать нечто продуктивное в смысле кооперации таких групп. Подобная кооперация также будет иметь место в связи с определенными экономическими процессами в США, протекавшими в мае 2013 года на фоне тогдашнего роста безработицы в Европе и грядущими в связи с тем проблемами демографического характера (еще до того, как мигрантский кризис разразился там в полную силу).

Статистика по демографии у Шмулевича верная (в Испании – совсем плохо, лучше всего – в Австрии и Германии). Если, как у него утверждается, Европу ждет эпоха "потерянного поколения", для которого характерны молодежная безработица и, как следствие, бедность, помноженная на социальную изолированность, откуда, в свою очередь, проистекает ответственный вывод об отказе от обзаведения семьей и кризис "ценностей успеха", то с чего вдруг ставить вопрос о том, "*какие заповеди передадут представители "потерянного поколения" своим потомкам*", коли этих потомков не ожидается из-за упомянутого отказа? В комментарии тема не раскрыта, поэтому здесь позволю себе малость порассуждать.

Итак, имеется два варианта: первый – "потерянное поколение" демографически и культурно деградирует, и Европа закатится, уступив место пришлым народам, способным размножаться – "муслимам" всяческим, "индусам" и прочим "китайцам". Вариант второй – "потерянное поколение" все же адаптируется к ситуации и будет иметь детей, но на новых основаниях

ценностей и образа жизни. Первый вариант рассматривать бессмысленно – об этом гораздо лучше меня написал Освальд Шпенглер, а следом – куча разных пессимистов, имя им легион. Второй вариант мне представляется более интересным, ибо, во-первых, молодое поколение внушает надежду злостью, энергичностью и реактивностью, во-вторых, здесь открываются новые возможности урбанистического дискурса, и в третьих, такая адаптация очень хорошо объясняется процессом "фашизации" Европы, о чем уже неоднократно упоминалось много кем и где.

Злость и энергичность молодежи означает, что должно пройти некоторое время с того момента, когда масса образованных и неприкаянных молодых людей в общеевропейском (и, с некоторыми, первыми или вторыми, поправками, общеамериканском) масштабе осознает себя гаврошами, на произвол судьбы брошенными, и своим кипящим разумом возмутится, осознав не свою пролетарскую данность (как раньше, когда пролетариат в эту данность был погружен, и должен был осознать добычу себе образования как необходимый предмет желания), но именно свое желание стать пролетариатом в марксовом смысле, то есть осознать производящую и созидательную деятельность на личностном, экзистенциальном уровне здесь-и-сейчас (а не на социальном – "производство вокруг меня"), как наиболее здоровую жизненную стратегию и желание, имея образованность как данность. В этом смысле сегодняшняя европейская молодежь является "пролетариатом наоборот", и выступает хорошим ответом на то соображение, что пролетарская революция невозможна, поскольку исчез пролетариат. Действительно, в классическом смысле она невозможна, но это может быть "революцией наоборот", когда берется более общий уровень антропологического рассмотрения.

Второй аспект выживаемости европейской цивилизации я связываю с урбанистикой. Имеется в виду кризис жизни в городах капиталистического уклада, которым, действительно, свойственно разобщение, атомизация людей, манипуляция их занятостью, обращение с ними как со средством (эксплуатация), квантирование их в квартирные квазидомохозяйства, предельно минимизирующие хозяйственную автономию на микроуровне, а также ростовщичество как городской феномен, основанный, с одной стороны, на росте городов в условиях капиталистических отношений, с

другой стороны – на традициях отдельных этносов, исторически ведущих преимущественно городской образ жизни. В этой связи, чем бы ни определялись плачевные позиции современной молодежи, поиск ее представителями выхода из них будет связан с попыткой поиска возможностей жизни вне существующих городских урбосред и связанных с ними норм, традиций и ценностей пространства социальных (и даже человеко-природных) отношений. Как бы это ни звучало с точки зрения классической политэкономии, общество должно качнуться в сторону деревни, но это уже будет какая-то новая деревня, включающая в себя компоненты и стандарты, не известные широко в исторической ретроспективе. Сейчас начало этого процесса можно наблюдать в различного рода экологических движениях и экопоселениях, а также в растущих субкультурно-реконструкторских интересах, которые, вопреки некоторым мнениям, могут объясняться не только архаизацией сознания как формой культурной деградации, но также и поиском цивилизационных альтернатив – например, интересом к традициям кельтов как преимущественно деревенской цивилизации и достаточно высоко, для своего времени, развитыми искусством и технологиями.

Третий аспект адаптируемости европейской молодежи (и, далее, всего общества этого региона) связан с ростом национального самосознания как социально-иммунным отторжением мультикультурализма и всеобщей толерастии, реиндустриализацией в виде возвращения производств из стран Третьего Мира и становлением "государства-корпорации" как последователя довоенных традиций "государственного корпоративизма" – становлением, вызванным на новом историческом этапе глобальным характером данного процесса, завязанного на так называемый "глобальный управляющий класс" и реализуемого по принципу "а правительство на другой планете живет". Ценностный кризис либерального общества и нивелирование культурных ориентиров ведут к требованиям ужесточения регламентации общественной жизни, а распад вследствие загнивания монополий корпоративных экономических агентов, сформировавшихся после Второй Мировой Войны как замещение военных организаций, но с соответствующей им системой исполнительности, ведет к возврату к изначальным, военным, формам организации коллегиальной деятельности, с одновременной заменой более

не работающих экономических смыслов на политические. Все это – не говоря про нелюбовь к упомянутым в предыдущем пункте "городским этносам" и "торговым народам", которая-таки тонет в общих рвотных массах, вызванных обильным приемом того же мультикультурализма. Нивелироваться это может созданием "националистического интернационала" (термин М.Делягина), но пока до осознания этой идеи дело дойдет, опять же, должно пройти время, в течение которого европейская молодежь наверняка успеет переболеть неофашизмом, подогреваемая "чуть более" зрелыми политиками, которым сегодня "деваться некуда", и их спонсорами, которым также деваться некуда, кроме как на "плавучие Альфавили".

"Тюремные индустрии": первые признаки

В числе слов и понятий, возникающих для описания грядущего мира, встречаются те, что производят впечатление воссоздания не так уж давно известных, и не так уж давно вроде бы канувших в лету, вещей, только в новых условиях. Что же есть тюремные индустрии: нечто новое или не очень забытое старое?

Где-то с 2012 года автору стали попадаться материалы, где описывалась ситуация с "тюремно-полицейским" способом производства, появляющимся в США в условиях необходимости заставить сверхпотребляющий средний класс работать. Часть этого процесса можно видеть на примере Польши, где безработные записываются в полицию. Позволю себе привести сюжет полностью.

> *"На польском рынке труда профессии «полицейский» и «агент спецслужб» пользуются большой популярностью, несмотря на всю сложную и кропотливую процедуру приёма на работу. Конкурс желающих трудиться в этих государственных учреждениях выше, чем в самые престижные вузы. За одно место в службе безопасности борются 108 человек, в полиции – 6 человек. В нынешнем году число желающих пополнить ряды блюстителей порядка превзошло все ожидания. В агентстве внутренней безопасности говорят о рекорде: подано 8 тысяч заявлений на всего лишь 78 вакантных мест. А по данным Главной комендатуры полиции, поступило 60 тысяч заявлений, и конкурс здесь – 6 человек на место. Как пояснила сотрудник пресс-службы комендатуры Гражина Пухальская, желающих было больше, но именно такое число кандидатов выполнило основные требования.*
>
> *В польскую полицию принимают граждан Польши, окончивших хотя бы среднюю школу и не имеющих судимости. Кандидаты, которые соответствуют формальным требованиям, проходят многоступенчатую квалификацию: это и несколько психологических проверок, и экзамен по физической подготовке. Сотрудники полиции уточняют данные о новобранце: не имел ли проблем с правосудием, проверяют мнение о*

нём в месте проживания. Квалификационные проверки могут продолжаться до года. Тем не менее, наплыв желающих в польские силовые структуры растёт из года в год. Немалую роль в этом играет состояние рынка труда в Польше, растущая безработица, особенно среди молодёжи. Мундир становится всё более привлекательным, так как даёт социальное обеспечение, уверенность в ежемесячной, своевременной заработной плате. Даже изменения пенсионной системы в польских силовых структурах, среди них – продление срока службы, не уменьшили потока желающих пополнить ряды стражей порядка".

("Поляки бегут от безработицы в полицию", ВестиFM, 28.10.2012)[199]

В другом материале[200] содержатся многочисленные примеры со статистикой – о том, каким образом организуется новая система производства в США, становящаяся вполне логичной в условиях ресурсного дефицита: если раньше это был военно-промышленный комплекс, то теперь, в виду "эфемерности" всякого рода угроз и наличия все более пополняющейся армии "трудовых резервов" (термин Мальтуса), все большее значение приобретает рабский труд заключенных, замешанный на изменении законодательства, чувстве вины (для подогрева коего, безусловно, требуется усилить роль идеологических институтов) и прочих институционализациях жестко-распределительного доступа к жизненным ресурсам. Тюремная (или тюремно-корпоративная) экономика – логичное развитие системы, не желающей решать проблемы пределов роста.

Действительно, как еще государству-корпорации составить конкуренцию созданным дешевым трудом азиатским товарам, как не помещением "свободного" "среднеклассового" труженика в тюрьму, и обеспечением его занятостью за мизерную зарплату как благом, в противовес условиям полной изоляции и социальной депривации? Как еще заставить его работать, если деньги кончились, а сделать его свободным фермером, реально чувствующим свою привязанность к стране и земле – смертельно опасная вещь для корпораций? Да и как этим "несчастным" корпорациям выживать в условиях, когда производство вывозится обратно в страну, а "средний класс" все еще требует хорошего соцпакета (включая высококачественное медицинское обслуживание) и больших зарплат, что ни с какой конкурентоспособностью не совместимо?

[199] http://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1402891/ (активно на 16.07.2017)
[200] http://worldcrisis.ru/crisis/1024959 (активно на 16.07.2017)

Неофашизм начинается именно с этих вещей, и он неизменно начнется, ибо материалы, представленные по ссылкам, свидетельствуют о некой логике экономических предпосылок, ведущих к нему. Соответственно, также начнется и сопротивление данному состоянию, ибо столь гнусная вещь, как рабовладение, требует радикального пересмотра ценностных установок, к нему приведших, после, казалось бы, давней изжитости и признания неприемлемости его для человеческого общества. Отсюда же следует еще один вывод: ГУЛАГ – это некая жесткая форма эмерджентного хозяйствования, которая может оказаться, при определенных условиях, свойственной любому обществу, в какие бы одежды "культурности" и "цивилизованности" оно ни рядилось. Тюремная экономика и уголовно-промышленный комплекс (аналогично военно-промышленному комплексу) – это новая проблемная реальность, с которой сегодня приходится сталкиваться, находящая отражение в разного рода масс-культурных творениях вроде Half Life, завязанная на новые технологии, требующая прояснения и определения путей ее изменения; а также новый, легализованный, ползучий геноцидный контроль населения, реализуемый в сегодняшнем мирсистемном устройстве, и то, что сегодня он есть в США, не означает, что он невозможен в России – по тем же мирсистемным причинам. С одной стороны, Россия вроде бы этим уже переболела, и выработался некий исторический иммунитет, с другой – есть очевидные признаки того, что она находится в мировом авангарде распространения ползучей неототалитарной мерзости.

Глядя на события и рассуждения с позиции четырехлетней давности, можно сказать, что ситуация с массой дешевой рабочей силы сама по себе решается довольно топорным и простым способом – через процесс мигрантского наводнения, вызывающий социальную катастрофу, но ничуть не являющийся новым ни в плане самого феномена, ни в плане самой катастрофичности: нынче изнеженная и лощеная Европа музейных "городов-могил" – давнее место поножовщины и социальных распрей, равно как место формирования мирового рабочего движения, вот только большинству нынешних стихийных мигрантов невдомек ни капиталистические процессы, ни вся та посткатолическая история, в рамках которой они возникли: большей частью это плохо понимающие природу процессов малообразованные люди

торгово-мусульманского мировосприятия со стихийной же, туннельной и часто обоснованной террористической злобой против "неверных", и если имеющие, то слабое представление о тех вещах, что в свое время поведал миру Маркс. При всей своей "невписуемости" в Европу они легко сегрегируемая и заведомо непритязательная каста дешевых рабочих рук, с которой вполне себе творчески может поработать high hume. Однако даже с позиций лета 2016 года, когда по Европе прокатилась волна терактов, совершенных большей частью экзальтированными одиночками либо небольшими группами, все то, о чем идет речь дальше в плане изничтожения среднего класса, есть основной процесс, тогда как "мигрантское наводнение" выступает лишь его катализатором. Европа с центральной немецкой экономикой (сохранившейся в регионе – в отличие от британской, например) все еще выступает значительным источником высокого внутреннего спроса на мировой арене, а потому мигранты-беженцы здесь приходятся много кому выгодны и кстати. Здесь же очень кстати оказываются внутриполитические проблемы Турции – исправного поставщика основного состава мигрантов в Германию в "сытый период". Восточные искусственные нации постепенно сменяются империями с той же кровожадностью, с какой из потуг создания империи в Европе в свое время формировались нации. Однако то, что называется "тюремной индустрией", в современных условиях не выглядит как собственное изобретение Европы, несмотря на то, что именно в Европе были изобретены концлагеря. Такие индустрии, основанные на предельно дешевой, рабской, рабочей силе, являются как изобретением, так и выгодой, глобальной метрополии – США. И единственное, что здесь может обнадеживать – то, что, в период геополитических и финансовых пертурбаций эти вещи будут лишь болезненным эффектом, а не общемировым трендом. Здесь важно другое – как эти вещи вписываются в современные глобальные массовые коммуникации (также являющиеся реализацией принципа минимизации транзакционных издержек) и в технологии обесчеловечивания. А также – в возникающие полусознательным образом способы и средства ускользания от новых форм контроля.

Один из первых таких маркерных материалов[201] – про то, как понимать большую публикацию в NYT в конце 2012 года, инструктирующую народ о правилах поведения в условиях "социального коллапса". Приведу отрывок из нее:

> "*...Б.Обама уже предпринял ряд шагов для подготовки к противодействию «масштабной гражданской войне» и «грядущему проявлению тоталитаризма». В этом ему помогает возникшее после 11 сентября 2001 года суперведомство – Department of Homeland Security (DHS) со штатом более 160 тысяч сотрудников, бюджетом в десятки миллиардов долларов, объединяющее нити управления ЦРУ, ФБР, налоговой полиции и многих других федеральных агентств. DHS обладает почти безграничной властью, может оперировать и за пределами США: арестовывать, устранять физически, имеет целый корпус осведомителей и полный карт-бланш на тотальную слежку и борьбу внутри страны с теми, кого власти США объявляют "врагами народа" – террористами. Американские исследователи James Rickards, Doug Hagmann, Gerald Celente и др. сообщают информацию, из которой можно сделать вывод, что подобными террористами вскоре могут объявить и многих их сограждан. Консультант крупных финансовых структур, а также директората Национальной разведки США (advisor to the U.S. Office of the Director of National Intelligence) J.Rickards в своей книге «Валютные войны: создавая глобальный кризис», ссылаясь на отчеты Пентагона, утверждает, что это уже реальная проблема для национальной безопасности. Основатель и генеральный менеджер Socio-Economic Research Institute of America (в настоящее время The Trends Research Institute) G.Celente, получивший в свое время известность благодаря предсказаниям распада СССР и кризиса фондового рынка 1987 года, прогнозирует начало «масштабной гражданской войны» в США уже в ближайшие годы*".

Другой материал[202] посвящен средствам контроля за гражданским обществом США, выходящим, судя по первому материалу, из-под контроля властей этой страны в связи с кризисом и грядущим падением экономики на 50%:

> "*Компания Raytheon, разрабатывающая программные решения в области безопасности, создала сервис, который позволяет следить за передвижением людей, их привычками и социальными контактами, а также, что еще более важно, предсказывать поведение отдельных персонажей в недалеком будущем. Речь идет о программном комплексе RIOT (Rapid Information Overlay Technology). Программа собирает данные из Facebook, Twitter, Google+ и других популярных социальных сетей, а также геолокационных сервисов вроде Forqsquare. Все полученные сведения обрабатываются фильтрами, и владелец RIOT может получить аналитику, составленную на базе разрозненных фактов, понять, в каких местах человек находится чаще всего, с кем он встречается, о чем думает и что планирует. ...для властей специалисты Raytheon создавали целый комплекс сложнейших программных решений, способных обрабатывать «триллионы данных» из виртуального пространства. По слухам, разработку программы, которая умела бы*

[201] http://www.nytimes.com/2012/11/18/magazine/how-to-survive-societal-collapse-in-suburbia.html?pagewanted=all&_r=0 ("How to Survive Societal Collapse in Suburbia", 16.11.2012, активно на 15.03.2017)

[202] http://www.polit.ru/article/2013/02/18/ps_bigbrosnoop/ ("Новые технологии слежки в соцсетях", 18.02.2013, активно на 15.03.2017)

извлекать данные из социальных сетей и позволяла следить за «подозрительными субъектами и группами», заказывала ФБР".

В принципе, тема социальной напряженности в США (а также в Европе) проявляет себя уже не первый день и даже не первый месяц. Начавшийся с безработицы и выселений из кредитных домов, акций "захвати Уолл-Стрит", сегодня процесс имеет выраженный вид откровенно провокационной со стороны властей борьбы с правом на оружие, сопровождающийся его ажиотажной скупкой населением, усилением "борьбы с террористами" и прочей полицейщиной, выходящей на урбанистический уровень формирования организованных инфраструктур для дисциплинарной жизни представителей, судя по всему, среднего класса, помещенных туда для принуждения к производственной деятельности. В первом материале говорится о Department of Homeland Security (DHS) как ключевой организации, имеющей полномочия на "тоталитарные безобразия". Не стоит при этом забывать и про Директорат Разведывательного Сообщества (DNI), созданный для консолидации и координации внутренних силовиков. Соответственно, эти ребята разрабатывают и средства слежения за "рассерженными гражданами", остающимися "пока" на "свободе". В свете чего и стоит рассматривать появление разработки от Raytheon.

Может показаться несколько странным то, что чисто оборонная компания занимается сбором данных из Гугла, ведь для этого сам Google имеется! Но ФБР традиционно конкурируют с ЦРУ по технологическим разработкам. К тому же сейчас эта тема модная и возможная. В принципе, рынок такой аналитики по фактам существует давно, но вот соединение ее с публичным веб-пространством – веяние последнего времени. Остается подождать, когда продукт окончательно интегрируют с Google и Facebook. Это значит, что R&D структуры штатовского ВПК должны более плотно взаимодействовать с аналогичными структурами CIA – в частности, с фондом In-Q-Tel. Отсюда – вопрос: насколько это взаимодействие может быть плотным, и каков характер распила бюджетов во внутриэлитных группировках американского ВПК и структур inelligence? Судя по тому, о чем приведенные материалы, если президент США дает "широкие полномочия" главе Пентагона и расширяет закупки, то впкашные элиты (а это реальный сектор) должны быть на его стороне. А поскольку эти вещи (включая аналитику) на массовом уровне вполне себе успешно может сделать Google, возникает два

предположения: либо Google уже вконец "засветился" в качестве "большого брата", либо мнение "не все же в одно рыло" является ходовым при распределении бюджетов на ИТ-разработки. Впрочем, в сентябре 2012 года я уже размещал перевод с комментарием про аналитическую программу DEFT[203] от DARPA. А еще раньше, в мае – репост новости про доменную зону *.secure[204].

[203]https://www.fbo.gov/index?s=opportunity&mode=form&id=0c51ab9fd387c0a08310ccef2d5dd2ad&tab=core&_cview=1, активно на 15.03.2017

Перевод материала про DEFT (исходный англоязычный текст ко дню написания этого материала, увы, оказался утерян). *Deep Exploration and Filtering of Text (DEFT) представляет собой программу для помощи бойцам с планированием и принятием решений на основе выводов, полученных из сокрытой в текстах информации, фильтрующую избыточные и соединяющую подобные документы. Большая часть оперативной информации, касающаяся поддержки миссий Министерства обороны, может быть выражена скорее в имплицитном, нежели в эксплицитном виде и, в большинстве случаев, информация намеренно запутана, и важные действия и объекты представлены исключительно непрямым образом... "Будучи подавленными дедлайнами и огромным объемом зарубежных разведданных, аналитики могут пропустить критически важные связи, особенно когда смысл намеренно скрыт или иным образом запутан" - говорит Бонни Дорр [Bonnie Dorr], руководитель программы DEFT. "DEFT стремится создать технологию, позволяющую делать надежные выводы на основе базового текста. Мы хотим обеспечить возможность смягчения двусмысленность в тексте посредством того, чтобы снять фильтры, которые могут затемнить смысл, и через отбраковку ложной информации. Чтобы быть успешной, технология должна выходить за рамки того, что эксплицитно выражено в тексте, дабы выводить то, что на самом деле имелось в виду. DEFT будет создана на существующих программах DARPA и существующих академических исследованиях в области глубокого понимания языка и искусственного интеллекта, для восполнения пробелов в возможностях, связанных с выводом, причинными связями и выявлением аномалий. Большая часть необходимых для DEFT фундаментальных исследований была выполнена, но сейчас она должна быть сокращена, применима и интегрирована через развитие новой технологии", сказала Дорр. По мере обработки информации, DEFT также нацелена на интеграцию отдельных фактов в крупных предметных моделях для оценки, планирования и прогноза. В случае успеха, DEFT позволит аналитикам перейти от ограниченной, линейной обработки неопределенных количеств данных, к детальному, стратегическому исследованию доступной информации.*

[204]*"Ведущие американские специалисты в сфере интернет-безопасности из компании Artemis подали официальную заявку на регистрацию домена .secure, где будут работать исключительно надежные и проверенные временем клиенты. Новая безопасная зона сети Интернет будет защищена от всевозможных хакерских атак, а также от рассылки вирусов и различных вредоносных программ, естественно, насколько это вообще возможно при работе с современными компьютерными сетями".* ("В сети Интернет начнет работу безопасная зона *.secure", 18.05.2012, активно на 15.03.2017) Эта новость – на фоне явного ответа на тенденцию ухода львиной доли процессов Сети, в том числе низовых гражданских, в тень, и невозможность их "подцепить" обычными средствами "интернет-экономики": маркетингом-шопингом, соцсетями, интернет-СМИ и т.п. мозгомойством. Все эти вещи – общее место Сети, а доменный "Альфавиль" – маргиналия, как почтовая защита топовых Blackberry – маргиналия на рынке мобильной связи, интернет для избранных, и она может появиться только в ответ на некоторую аналогичную маргиналию, которая "может касаться избранных". Обычная интернет-преступность избранных не касается, она существует либо параллельно, либо даже где-то ими формируется. Это подобно тому, как в глубоком космосе особое движение видимых тел для астрономов означает наличие невидимых источников гравитации. А явно обозначенное требование предоставить о себе открытую информацию, с открыто гарантированным due diligence по ней – обратная сторона того же персонального due diligence, осуществляемого Google, Facebook и т.п. ребятами неявно, что уже давно стало "секретом Полишинеля". Причем интересно, что основа различия доменных зон – темы, а не правила ресурсов. У меня всего один вопрос: почему это не распространяется на уже существующие домены, например *.pro, *.edu, *.gov и т.п. Разве на них не должно распространяться требование прозрачности, проверяемости и свободы от вирусов... или как?

В середине 2013 года соцсеть Facebook открыто заявила о внедрении системы анализа пользовательской среды прогностического уровня, что вызывает ряд соображений в связи с недавними «разоблачениями секретов Полишинеля». Заявлено о некой системе data mining (DM-системе) в среде Facebook на основе нейросетевых алгоритмов, использующих глубокое машинное обучение, обеспечивающей интент-анализ (получение выводов по косвенным, отсутствующим в явном виде, признакам) пользовательских предпочтений, с распознаванием образов, сентимент-анализом, выявлением фактов и возможностью прогноза пользовательского, сиречь потребительского, поведения[205]. При том, что это уже информация немалая, курирующий, судя по всему, систему Mike Schroepfer обозначил как ее секретную.

Новость эту нельзя не рассматривать в свете недавней информации о том, что после откровений Сноудена по поводу сотрудничества Facebook с АНБ, соцсеть покинули 11 млн. пользователей в Британии и США[206]. В связи с чем возникает набор интерпретативных верояций, причем первые из них относятся к исходной новости о DM-системе, а вторые – к связи исходной новости с предшествующей.

Прежде всего, секретом Полишинеля является уже само наличие такого рода DM-систем анализа пользовательской среды. Эти системы составляют сермяжную суть социального софта и основу его капитализации, и чем глубже и обстоятельнее аналитика, замкнутая на манипулятивные механизмы обратной связи, тем полнее владение ситуацией со стороны администрации сети, способной что-то предлагать (по крайней мере,

[205]http://www.cnews.ru/news/top/facebook_uchitsya_predskazyvat_povedenie ("Facebook учится предсказывать поведение своих пользователей", 29.09.2013, активно на 15.03.2017)

[206]http://doitq.ru/2013/05/13/facebook-pokinuli-11-mln-polzovatelej-v-amerike/ ("Facebook покинули 11 млн. пользователей в Америке", 13.05.2013, активно на 15.03.2017): "*Количество уникальных пользователей, которые заходят на сайт Facebook из Америки, стало меньше на 11 млн. — с 153 млн. человек в прошлом марте до 142 млн. — в марте этого года, сказано в отчете [Nielsen]. Исследовательская компания собирает сведения о пользователях Facebook 2мя способами: по браузерам, согласно «меткам», которые она размещает на сайте Facebook, и путем с помощью опросов, которые проводятся в различных странах. Представители Facebook еще не прокомментировали отчет Nielsen. Похожие сведения о посещаемости Facebook приводит также независимый сервис SocialBakers. В соответствии с его информацией, за последние 6 месяцев аудитория Facebook за месяц уменьшилась на 2 млн. пользователей — в Великобритании и на 9 млн. — в Соединенных Штатах. В отчете Facebook за 1й квартал текущего года сказано, что ежемесячно активная аудитория соцсети равна 1,1 миллиардов пользователей, что на одну 1/5 больше, чем в предыдущем году. Мобильная аудитория за 12 месяцев увеличилась в 2 раза - до 750 млн. пользователей, сказано там же*".

рекламодателям). С другой стороны, заявлено не просто о модернизации аналитической компоненты, новых опциях или отдельных продуктах, а вообще о системе с фантастическими возможностями. Оставим в стороне сомнения насчет оснований реализуемости прогнозных методик, рациональности использования нейросетей в соцсофте, сравнимости эффективности такого тагетирования пользователей с используемой поисковиками коллаборативной фильтрацией и т.п. вещами – допустим, что это вполне доступно Facebook средствами сносного суперкомпьютера или большого облака. Хотя и тут, памятуя солидную капитализацию напополам с убыточностью этой социальной сети, возникает стандартное предположение о партнерской схеме реализации аналитического проекта (кто партнер – не суть важно). Однако здесь начинает играть предшествующая, фоновая, новость.

Собственно, еще один «секрет Полишинеля», поведанный недавно миру беглым спецслужбистом Эдвардом Сноуденом, состоит в том, что Facebook-таки связан со спецслужбами США, в частности, с АНБ. После чего куча «прозревших» жителей из США и Британии бежали с ресурса, опасаясь за свою подноготную, наследив там, однако, немало (ведь, как мы знаем от нетронутого гневом американской фемиды Стива Рамбама, «ничто не удаляется и не стирается»). В связи с этим напрашивается еще один простой вывод: отток пользователей пытаются компенсировать радикальным улучшением аналитики оставшейся части – для тех же рекламодателей и самих потребителей. Ибо, как ни крути, поисковики и соцсети – стимуляторы спроса, а безотносительно к заметному падению последнего в последнее время логичным для всей этой айтишной кухни является максимальное уточнение портрета пользователя-потребителя. Ибо логика всей интернет-экономики, начавшейся с 1980-х гг., и логика развития интернет-технологий работы с массовой пользовательской средой, были завязаны на искателя информации как на потребителя товаров и услуг, промышленно создаваемых крупными корпорациями, на упрощение массового интернет-пользования (и вообще массовую депрофессионализацию компьютерного пользования), повышения тем самым объема этой массы, и на вывод ее в легальное интернет-пространство – точнее, в интернет-пространство легальных, а значит, подконтрольных, отношений спроса и предложения,

еще точнее – в пространство подконтрольного формирования массового спроса на основе средств и принципов манипулятивного управления общественными массами. Для коей подконтрольности необходимы эффективные аналитические средства.

Заявленное Facebook внедрение DM-системы, между тем, являет собой гротеск, наподобие кошмарного клоуна, которым пытаются развеселить ребенка. И здесь возникает еще несколько соображений. С одной стороны, этот гротеск можно рассматривать как внутриамериканскую попытку выбить деньги на инновации в системе государственно-частного инвестирования (опять же, не важно, идет это от собственно Facebook, от АНБ или кого-то еще в элитах США, обеспокоенных угрозой дефицита ликвидности). Однако если, вслед за конспирологом Фурсовым, предполагать, что в мире существуют силы, по прежнему способные без проблем инвестировать в нужные им направления, то ситуацию можно толковать как системный слив соцсетей (вспомним, что глобальный ажиотаж вокруг них продлился всего каких-то пару-тройку лет), ради перевода потребительской среды в даркнет (к тому же пресловуто гонимый правооблядятелами), в мутной воде которого крупная рыба найдет себе добычу. Если нет, то это естественный тренд начала живого творчества «среднеклассовых» народных масс в даркнете. С естественным же перемещением туда более-менее крупной рыбы. А вот там уже начинаются аналитические задачи, коим предшествуют задачи глубокого шифрования, взлома и т.п. вещей, решение которых, по мере углубления экономического кризиса, продолжающегося экспорта нестабильности и прочего глобального бардака, будет все меньше зависеть от законодательных ограничений.

Россия следует в фарватере этих процессов. Можно было бы здесь начать рассказывать историю про то, как соцсеть Вконтакте отжали у ее основателя П.Дурова в рамках общего "постболотного" процесса "закручивания гаек", или про то, как различные ведомства (преимущественно силовые) объявляли полураспильные недотендеры на лингво-социо аналитические софты где-то в среднем по 30 млн. рублей в период где-то с 2012 по 2015 год, но вряд ли стоит этим особо нагружать внимание читателя. Стоит лишь отметить, что закупки полицейской брони и разведывательных средств подозрительно похожи на аналогичные процессы в США, ибо в России также растет

социальная напряженность вопреки некоторым горе-ученым, прописывающим публике успокоительное плацебо[207]. Во всяком случае, здесь есть повод задуматься и есть предмет для сравнения.

Даркнет как "темная материя" социальной самоорганизации

Обычно даркнет понимается как "теневой интернет", и первый вопрос, который задают, когда вспоминают о нем – о том, является ли он средством народных или криминальных коммуникаций. Однако даркнет можно понимать шире, нежели как деловые и межличностные коммуникации в нелегальном интернет-сегменте, ориентированном на "теневую экономику". Это система преимущественно одноранговых связей, актуализуруемых как в онлайне, так и в оффлайне, включающая весь спектр производимых ею продуктов и даже новаций коммуникативного, организационного и товарного характера, оказывающаяся теневой лишь в меру закрытости от официальных и специализированных государственных инстанций контроля и учета. Это модус адаптации общества как организма и естественной гражданской консолидации.

С одной стороны, само возникновение феномена даркнета может быть рассмотрено как реакция на усиливающееся госрегулирование удешевленных массовизацией виртуальных средств и сред общения, обеспеченное к тому же как коммерчески, так и некоммерчески (а сегодня, наверное, было бы даже уместно сказать "госкорпоративистски") создаваемыми средствами и средами тотального контроля – как явными, так и латентными; с другой стороны, этот феномен имеет отношение к тому, что известно под именем народной, или гаражной, экономики, включая сюда как депрессивно-деградационные ее формы, так и те, что имеют отношение к естественной среде возникновения изобретений и их превращения в инновации[208]. Наиболее распространенное представление о даркнете, однако, связано с пониманием его как нелегального и преимущественно криминального сетевого присутствия, выражающегося в распространении пиратского контента, порно- и шок-контента, оружия и наркотиков, а также

[207] http://www.rbc.ru/society/24/01/2013/570402979a7947fcbd444ec9 ("Главный психиатр: Россияне стали меньше напрягаться", 24.01.2013, активно на 15.03.2017)

[208] Стоит отметить, что гаражная или артельная экономика не во всех странах является теневой – этот статус зависит от действующего законодательства и проводимой политики, связанной с поощрением самозанятости населения. Причем пребывание гаражников в "светлом сегменте" характерно для стран как первого мира вроде США, так и для стран мира третьего вроде Филиппин.

формирования групп мятежников, чья деятельность направлена на насильственное либо интерпретируемое как насильственное "цветное" свержение "законно избранной власти". И конечно, в рамках теневой одноранговой системы могут возникать отмеченные вещи, девиантные по меркам самих образующих ее участников гражданского общества, что как раз перехватывается в своей повестке и предъявляются государством в качестве главного аргумента для борьбы с "даркнетом" в любых его формах.

В смысле социологии тюремных индустрий стал актуальным вопрос о том, уйдут ли тающие потребители в даркнет. К теме перспектив экономического устройства ближайших лет (а может быть, и десятилетий), стали появляться ссылки на материалы, свидетельствующие о деградации социально-демографической структуры "класса потребления". Вместе с изменением этого класса наверняка изменится и характер сетевого присутствия. И, конечно, этот процесс деградации соответствует общей направленности в сторону "тюремных индустрий", перспектива которых также обозначается отчетливо и составляет отдельную тему.

Признаки деградации этой социальной группы, как видно, довольно давние, и появились они задолго до кризисного 2008, и даже 2000 годов, но на вторую декаду XXI века они обозначаются по Европе и прочим странам "первого мира" все отчетливее, и все отчетливее составляют основу социальной напряженности. И потому о них говорят все громче и серьезнее. В этой связи возникает задача установить связь с тем, каким образом заковывание в кандалы и направление "на работу" представители привыкшего к высокому уровню потребления "середняка" будут использоваться и мотивироваться его поработителями. Или, точнее, эксплуататорами – даже если эксплуататором вдруг окажется все общество и даже если такая эксплуатация найдет свое рациональное оправдание (хотя в рамках излагаемого это сомнительно – поскольку, как было рассмотрено в представленной выше гипотезе, рабовладение скорее есть следствие дисбаланса социально-экономических отношений, а не одна из "формаций"). Первые признаки закручивания гаек в "капстранах", все более лишающихся признаков капиталистических и приобретающих признаки феодально-рентных отношений – это "громкие" гуманитарно-технологические операции (за собственным гулом перестающие быть громкими и становящиеся

фоновыми), направленные на предотвращение какой бы то ни было юридической обеспеченности потенциальной герильи, выражающиеся в использовании (или фабрикации) "стихийных" случаев массовых убийств для оправдания ужесточения правового порядка владения оружием, а также списание на реально существующую или вымышленную иностранную герилью терактов для мотивировки ужесточения полицейского контроля страны. В том числе – с применением автоматизированных средств контроля.

Все эти процессы, во всяком случае, вполне себе выглядят естественно (да и, возможно, во многом таковыми являются). А вот какой процесс наверняка и выглядит, и является естественным (ибо переживаем личностно), в отличие от рассмотренных выше хай-хьюмовских "домыслов" про предотвращение герильи, так это "бесперспективняк-по-любому": образовательный[209], жилищный, семейный, медицинский, социально-лифтовой (почему-то всегда имеется в виду такой лифт "вверх", но никогда не говорится о мягком спуске "вниз"), "безопастностный" (во многом из-за растущей криминализации селитебных территорий на фоне нарушения этноконфессионального баланса) для "среднего класса", копящего пар и формирующего социальную базу той самой герильи, принципиальные формы которой, ценностные базисы[210], уровень подготовки, планомерности и ресурсной обеспеченности до сих пор не известны. Хотя бы потому, что неизвестна доля участия в росте этого напряжения низших слоев верхнего класса, о механизмах обеднения которых также изволят говорить некоторые комментаторы. Остатки своих капиталов эти категории вполне могут инвестировать в месть. Вполне возможно, что именно они станут теми лидерами мнений, вокруг которых будут формироваться сообщества недовольных. Однако не только они: в условиях грядущего дефицита ликвидности будут иметь значение реальные ресурсы, способы их добычи и производства, реальные навыки кооперации,

[209] Важным фактором формирования даркнета в формате локальных сообществ также является феномен перевода полноценных детей (не инвалидов и не маргиналов) на домашнее образование, существующее в формате "теневых школ", возникших после активной государственной деструкции системы начального стандартизированного образования в стране, на фоне завершения тренда образовательной серийности индустриальной эпохи. Для случая Москвы: "Учитель стал его гнобить". Почему родители начали забирать детей из государственных школ". 20.03.2017, активно на 30.03.2017 (https://lenta.ru/articles/2017/03/20/home/?utm_source=lentafb&utm_medium=social&utm_campaign=bolshe-tuda-ne-poydem.-v-rossii-nabira)

[210] Насчет перформативно-деонтической природы этих базисов см. одноименный раздел в книге "Возможность управления. Понимание человеческой способности".

а потому – те, кто их обеспечивает, а также новые форматы коммуникации, которые уже будут идти не в обычных "социальных сетях", а в даркнете, и вот в этом-то самом даркнете и начнет разворачиваться целый ряд пока еще не вполне понятных сцен исторической драмы. И туда же, в даркнет, уйдет значительная часть нынешних "лайт" сервисов: торговых, расчетных, логистических, геоинформационных. Причем это будет сделано с совершенно наплевательским отношением к запретам национальных властей глубокого шифрования и пирингового файлообмена, под знаменем столлмановских и околостоллмановских идей. Причем интенсивность теневого интернет-присутствия наверняка будет нарастать по той, хотя бы, причине, что безработный "средний класс" – преимущественно онлайновые домоседы, для большинства которых сегодня даркнет – что потайная дверца для Буратино за холстом с изображением очага; и вот, эта дверца приоткрывается... Собственно, коммерческий "порноинтернет" и был создан как средство эскапизма для "трудовых резервов", но по мере накопления пара свистком станет не коммерческий "лайт" (на какие такие кредитные шиши в нем покупать?), а "реальносекторно-вторичнорыночно-озлобленно-девяностогодовый" нелегальный даркнет... в стилистике которого, разумеется, будет работать легальный маркетинг, который как пить дать по-прежнему будет ныть по поводу снижения эффективности рекламных усилий.

Однако присутствие в "незаконном" даркнете (технологии контроля которого будут радикально отличаться от технологий контроля "лайта") станет еще одним поводом для рекрутмента "трудовых резервов" на тюремные рабочие поприща. Иной вопрос – на какой спрос и сбыт будут работать эти индустрии, какую долю в экономике и в системах общественных коммуникаций будет иметь такой даркнет. И, конечно, важный вопрос: насколько глобальным (или, наоборот, локальным) он будет?

В очередном, архиапокалиптическом, обзоре от "австрийски" ориентированного экономического комментатора С.Егишьянца[211] (завсегдатая worldcrisis.ru) за первую декаду августа 2013 года были представлены сетования главы ЦРУ о безделии сотрудников, чреватых

[211] http://worldcrisis.ru/crisis/1229115 (активно на 16.07.2017)

предательством. Едва ли это какая-то частность. Чем сие чревато для инноватики госкорпоративных intelligence в более широком смысле?

В том же обзоре узнаем о намеке на то, что навигационная картография от того же цээрушного Гугла оставляет желать лучшего (а это, на минутку, гигант с собственной энергетической системой, так что спорить можно, но все-таки сие показательно). Из того же обзора: хакеры крадут все более секретное, включая персональные данные супруги президента США и Билла Гейтса, а глава Microsoft Баллмер, судя по всему, усугубляется в собственной дикости.

Что все это значит? Продолжение формирования в США мощной социальной базы даркнета, о чем здесь неоднократно было писано. Ну не всем же быть Сноуденами! Есть патриоты и другого толка, обладающие существенными технологическими компетенциями и (даже!) знаниями. А «даркнет» – это условное название для теневого сектора эпохи Интернета. И эти ребята, вскормленные инкубациями In-Q-Tel, пополнят ряды альтергосударственных сообществ компетентными кадрами. Эти ребята устроят и воспроизведут механики финансирования, софинансирования и микрофинансирования, построенные для малых бизнес-форматов, для работы в «параллельном» и т.п. теневых секторах.

К этим знатокам-пассионариям подтянется неустроенная молодежь, составляющая нынче прелюбопытную статистику перерождающегося «среднего класса»[212] в качестве сотрудников и поколения сменщиков, выйдя из одурения поколений «пепси» и «2.0», составив существенный со своими intelligence-пассионариями (и примкнувшими к ним, нежелающими люмпенизироваться, собратьями из академической среды) социальный пласт «новых пролетариев наоборот», существующих в рамках эффективных

[212] В качестве примера "респектабельного" рассуждения на эту тему: http://www.rbc.ru/economics/08/10/2013/570410c89a794761c0ce27ea ("Молодежная безработица: "потерянное поколение" век спустя", 08.10.2013, активно на 15.03.2017): "*На сегодняшний день уровень молодежной безработицы в мире (люди в возрасте 15-24 лет) составляет более 12,5%. По прогнозам специалистов, этот показатель продолжит расти и к 2018г. достигнет отметки почти в 13%. Ожидается, что к концу 2013г. на планете работу будут искать более 73,4 млн. молодых людей - на 3,5 млн. больше, чем в предкризисный 2007г. Больше всего неработающей молодежи традиционно проживает в государствах Африки и Ближнего Востока. При этом одной из характерных черт начавшегося в 2008г. глобального экономического кризиса стало увеличение количества незанятого молодого населения в развитых странах. Уровень молодежной безработицы в продвинутых экономиках в 2012г. составил 18,1%: в прошлом году в них не работало на 2 млн. больше юношей и девушек, чем это было в 2007г. В отдельных государствах, казалось бы, неизменно благополучной Европы, таких как Греция или Испания, уровень безработицы среди молодежи и вовсе превысил 50%*".

социальных систем низового взаимодействия. Дежурный вопрос: каковы возможности перехвата управления ими с учетом того, откуда придут лидеры мнений этих систем? Предупрежденное сообщество уже оказывается вооруженным.

В смысле обычного, онлайнового, понимания даркнета, в России решили бороться с торрентами штрафами за распространение пиратского контента. Инициатива Минкульта и ЕдРа. Ну ладно, на Pirat Bay уже наезжали, на собственно Torrent можно надавить, хотя вроде жив ведь, качалка! Но как Минкульт[213] собирается бороться с трендом? Остается только давить на провайдеров, чтоб физически отключали несанкционированное шифрование. Айпишники проверять? Tor вылезет какой-нибудь. Штатовская технология, кстати! За устройство с его помощью цветных революций какое угодно "пиратство" простят. А ежели, предположим, "тень" будет облачной, межтерминальной и паразитировать на "общественной" электронике? А если она будет не просто "живым творчеством народных масс", а "штатовской"? Ну или "штатовской", но построенной на "живом творчестве народных масс"? Минкульт ТАК умеет работать? А межведомственно взаимодействовать с теми, кто изучает всякое такое "штатовское"?

Про контроль настроений общества как "социальной сети"

Общество – это и есть, по сути, социальная сеть, объединенная тканью семантической сети, обеспечивающей ту или иную степень культурной общности и взаимопонимания субъектов взаимодействия. Что имеется в виду, если акцентировать сеть социальную? Допустим, у меня есть друг Вася, и я его знаю, и Вася знает меня. Для того, чтобы как-то взаимодействовать и делать что-то вместе, мы должны взаимно знать друг друга, то есть:

- я должен знать о Васе;
- Вася должен знать обо мне;
- мы должны общаться, узнавая друг о друге большее.

Иначе говоря, будучи узлами соцсети, мы с Васей связаны минимум тремя отношениями: двумя – противоположно направленными «знает», и одним не направленным «общаются».

[213] http://safe.cnews.ru/news/top/vlasti_rossii_sobralis_shtrafovat ("Власти России собрались штрафовать пользователей торрентов ", 29.05.2013, активно на 15.032017).

Однако, это ситуация не общая, и в случае, если, например, есть некоторый Вова, занимающий в обществе крупный управленческий (например, государственный) пост, вполне может быть так, что я и масса других лиц-узлов знают Вову, но сам Вова, в силу специфики его деятельности, по вполне понятной, естественной, причине, не находится в отношении ко мне и всем прочим, кто его знает, в том же направленном отношении знания каждого из них. Это невозможно. Но если его управленческая деятельность имеет отношение к тем, кто его знает, то знать он их должен, особенно если их (нас) много, а принятие ситуации, соответствующей известной андроповской фразе «мы не знаем общества, в котором живем» никак не приемлемо. В таком случае Вова должен знать нас не каждого, но всех, представленных в массе, и в большей или меньшей, соизмеримой ему, подробности этой массы. Делается это путем социологических (в частности, социометрических) исследований, результаты которых предоставляются (вернее, должны предоставляться) Вове в виде достоверных, исчерпывающих и достаточных для принятия определенных его компетенциями и полномочиями решений обобщенных сведений. Для этих целей Вова может обратиться к такой организации, как ФОМ. И делать он это должен, что важно, сам – хотя бы время от времени, не доверяясь полностью помощникам, как капитан, стоя на мостике, должен сверять показания приборов, самолично контролируя процесс. Именно для этого обобщенные сведения должны обладать отмеченными качествами. Не говоря про удобство формата предоставления этих сведений (эргономики) – еще одно качество, которое должно быть не в ущерб прочим. Именно это все вместе и называется контролем.

Однако, поскольку методики и достоверность, а иногда и набор исследуемых параметров (куда относятся, кстати, едва ли анализируемые современными исследователями параметры солидаризации общества) могут быть недостаточными по причине хотя бы методологической специфики исследования, Вова должен иметь возможность получать аналогичные данные из другой организации – например, ВЦИОМ или РОМИР, дабы повысить общий уровень достоверности экспертизы.

Между тем, и это не все. Поскольку все отмеченные компании-аббревиатуры сидят на одном «рынке» и делят его сегменты, они могут либо вступить в

картельный сговор, дабы согласовывать данные, либо работать на определенный социальный класс или конкретные группы влияния, выступающие их типичными заказчиками, либо просто находиться в поле типичных познавательных установок и технологических возможностей, не позволяющих вполне оперативно перестраивать свою деятельность под соответствующие задачи экспертного обеспечения управленческой деятельности. Поэтому в идеале желательно, чтобы все организации, поставляющие информационно-аналитический материал, работали максимально автономного и беспристрастно – иначе говоря, не имели бы от своей деятельности рыночного интереса. Что, в текущих условиях, невозможно, поскольку в «информационную эпоху» близость к полевым данным, а наипаче наличие собственного поля – что близость к «первому лицу», например, к Вове. Поэтому и нужно, чтоб поступали продублированные (или, вернее, распараллеленные) данные от некоторых, взаимонеконкурентных, инстанций вроде этих социометрических организаций, некоторым из которых, кстати (совсем не обязательно, что именно перечисленным), нужно отчитываться перед зарубежными акционерами, но уж точно всем – кормить прорву собственного народа: полевиков, кодировщиков, аналитиков, бухгалтеров и т.п.

Незаинтересованной же измерительной инстанцией может быть только автоматизированная система сбора информации от неизвестной управленцу массе, основанная на простейших принципах использования – например, значениях «хорошо» и «плохо», выставляемых реостатом из простенького клиента в смартфоне, и отсылаемых в нехитрый ЦОД, обслуживаемый специализированными учреждениями связи. А будучи рассмотренными в аспекте сетевой солидаризации (что уж разработано в последнее время до «немогу» – нужно лишь национализировать соцсети, а это не так уж и трудно, судя по тому, что в последнее время было «вертикально интегрировано») получаем идеальную картину общественных настроений (если и не полную, то всяко высоко репрезентативную). Такое вот средство экспертного обеспечения госуправления. И уж точно для его создания не нужно ни больших денег, ни фонда Сколково. Подобная штуковина была реализована в 1970-х гг. в принципиально аналоговом виде и называлась

"cyberfolk". Слышимость управленцем народа, кстати, была прекрасная, и народ вроде как новшеством был доволен[214].

«Биохакинг» как пример даркнет- формата повышенной технологичности (в качестве приложения)

С одной стороны, биохакинг[215] относится к теме даркнета как все еще андеграундный рынок, с другой – к теме total control, с третьей – к body augmentation. Во всяком случае, это есть некий аспект технологических перспектив, завязанный на футурологию ставшего уже едва ли не политическим движения трансгуманизма, открывающего антропологический нарратив выхода человеком за рамки самого себя. Однако поскольку этот тренд находится в тени безотносительно к тому, сверху эта тень формируется или снизу, и представляет перспективу расширения физиологических возможностей отдельной личности, эта тема помещается в даркнет.

Возможно, за этим "биохакингом" что-то есть, и это реальный тренд технологического развития. Иной вопрос – под какой спрос. Следует рассмотреть и возможность того, что сам термин "биохакинг" также есть некий продукт "культурных индустрий", популяризирующих инвестиционную волну биотеха (еще одна, четвертая сторона его рассмотрения). Иное дело, что волна инвестиций в биотех, так напоминающая 40-летнюю волну глобальных ИТ-инвестиций, не принесшую в отраслевом и глобальном плане экономической отдачи, есть идущий следом пузырь – ведь известно, что всего несколько лет назад уже была некоторая волна вложений в компании фармы и биотеха, существовавших лишь на этапе регистрации стартапа. Конечно, здесь можно все списать на глобальные экономические проблемы – всякое разное с QE, арабской нефтью и прочими делами. Но, как бы то ни было, остается вопрос: кто, в конечном итоге, заплатит за инвестиционное удовольствие? И как долго продлится "инновационная кустарщина"? Ведь биотехное оборудование для "умельцев" тоже кто-то делает под финансовую отдачу, а потом возникают мейджоры и пытаются все монополизировать. Интересно, как это будет происходить в период кризиса глобальных монополий? Как известно, предыдущая "компьютерная" волна с распространением "персоналок" получила отдачу в финансовом секторе

[214] Об этой истории – в томе "Возможность управления...".

[215] http://www.appy-geek.com/Web/ArticleWeb.aspx?regionid=14&articleid=42224643&source= ("10 фактов, которые вы должны знать о биохакинге", 24.05.2015, актуально на 15.03.2017).

("интегрированных машин для бизнеса"), а здесь что сработает? Отдача по здоровью трудовой единицы и корма для нее? А кому сейчас резон вкладываться в "трудовую единицу"? Таки посмотрим.

Оружие как естественное право

Вторая поправка "Билля о правах" и вооруженные школьники

> *"Над народом, который сумеет сам организовать потребление богатств и их производство в интересах всего общества, никто не сможет больше властвовать. Народу, который сам будет вооруженной силой страны и который сумеет дать вооруженным гражданам связь и единство необходимых действий, никто не сможет повелевать. Народом, который сумеет построить свои железные дороги, свой флот, свои школы, никто не сможет управлять. И, наконец, народу, который сумеет организовать свои третейские суды для разбора мелких споров, которые каждое лицо будут рассматривать как возможность помешать негодяю обмануть слабого, не дожидаясь высшего вмешательства полиции, — этому народу не будет нужно ни полицейских, ни судей, ни тюремщиков".*
>
> *П.А.Кропоткин. Анархическая работа во время революции. 1914-1919 гг.*

Оружие – прежде всего, архетип и фактор "этнокультурной" инициации. В "позитивных" обществах он сублимируется, замещается, но никуда не девается. Первоначальные цель и смысл Второй поправки Конституции США – законодательно гарантировать гражданам средства и возможность силового влияния на институты и органы государственной власти в случае, если деятельность последних грубо нарушает интересы граждан, соответствующие провозглашенным в Конституции целям и ценностям. Когда принимался основной закон Североамериканских Штатов, что-то дополнительно разъяснять или доказывать не требовалось в силу очевидности реалий истории, политики и условий жизни в Западном Полушарии, разделяемой большинством вменяемых членов общества. Сейчас, похоже, ситуация не столь очевидна, и требуются дополнительные разъяснения – особенно с учетом тех угрожающих тенденций, что проявляются сегодня в американском обществе (и не только в нем). Сколь частыми и регулярными в истории они должны быть? Могут ли они иметь трансисторический характер? Пока что эти вопросы открыты, но разъяснения некоторых вещей подводят к ответу.

Гражданин отличается от подданного институционализированным правом полной собственности на оружие – по крайней мере и прежде всего, на оружие персонального пользования. Отсутствие такого права означает фактическую невозможность использования такого фундаментального документа, как конституция, в качестве основного закона страны безотносительно к тому, что де-юре статус такого закона конституция

определяет в себе самой, равно как статус единичного члена общества она определяет как гражданство, а не подданство. В таком случае фактический статус основного закона вместо конституции получает уголовный кодекс. Дело в том, что право собственности и ношения оружия де-факто является не просто декларацией его в качестве естественного, стоящего над любым законом (как это имеется в случае с Конституцией США): признание этого права рядовыми членами общества (а не только и даже не столько государством в лице его инстанций и конкретных чиновников) означает признание непосредственного, свободного и регулярно подтверждаемого в решениях и поступках выбора отдельным лицом (именно в этом выборе определяемым в качестве гражданина, поскольку именно государство как стационарный бандит обладает исключительным правом на применение насилия) пребывания в пределах законодательного поля, или поля мирных общественных отношений, не обусловленного и не ограниченного никакой общественной инстанцией или институтом, предписывающим или запрещающим прямо или косвенно (через средства пропаганды или массовой информации) к применению или отказу от применения оружия во имя каких бы то ни было внешних целей, к которым это лицо может быть принуждаемо или склоняемо помимо его воли. Такое право, источником которого является не декларация в тексте закона, но признание его каждым членом общества для другого члена этого общества, есть высшая форма гражданского доверия и ответственности. Право собственности на оружие создает эстетическое переживание весомости своего бытия и такое же переживание значимости порядка общения с другими членами общества, известного как этикет, лишенного страха, алчности, позиции превосходства или унижения.

Институциональное право полной собственности на оружие подчиняет любой уголовный кодекс, как систему запретов, выраженную через набор перечисляемых санкций к действиям, конституции как источнику всеобще декларированных целей и ценностей, во имя которых провозглашается основанный на законе мир и которым подчиняются все прочие законы, поскольку такое право означает признание ответственности за сохранение законодательных границ и социального мира, а значит, и выбор собственной судьбы, за самими гражданами – лицами, декларирующими ценность

неприменения оружия как условия производящего сотрудничества и жизненной самореализации. В случае не разделения большинством граждан конституционных целей и ценностей может быть объективирован социальный конфликт и осуществлена коррекция основного закона в мирных условиях. Именно право собственности на оружие создает ответственного и заинтересованного в законотворчестве человека, способного также к ответственной хозяйственной деятельности в рамках презумпции мира на основе доброй воли, а не принуждения. Действительно, если подлинная демократия есть гарантированное право народа на участие в решении стратегических вопросов общества, а при выборе стратегии, по мнению иных экспертов (вроде того же Н.Талеба) важна именно верхняя граница риска, а не общие прогнозы, то при гарантии права вооруженности граждан (как собственно права гражданства) социальные риски как раз оказываются помещенными в пределы собственно уголовного кодекса как рабочего и подзаконного правового документа, тогда как конституция оказывается точкой отсчета реальных стратегий, а не бессмысленных благопожеланий или общих прогнозов.

При отсутствии гражданского права на личное оружие границы социальных рисков оказываются недоступны массовому сознанию, и возникает основание для делегирования компетенции определения этих границ особой социальной инстанции и, одновременно, группе вооруженных либо вооруженно защищенных людей, представляющих собой классический вариант элит – членов иерархии стационарного бандита – государства, выступающих внешним фактором относительно самого общества именно в силу обстоятельства исключительной обеспеченности оружием, апеллирующих в своем праве его применения к добровольному народному делегированию им властных полномочий и следующего из него представительства как общественной ценности при принятии любых, вменяемых обществу и гарантированных к применению в нем угрозой вооруженного и безответного насилия, законов, ограниченных в своих декларациях, предписаниях и запретах лишь внутриэлитными договоренностями. Большинство членов общества в таком случае получают фактический статус подданного безотносительно к их юридически декларированному статусу.

***

Собственно, сетевой принцип военной организации, а также распределенно-роевые системы вооружения и координации не только реализуют принцип возможности существования в обществе внегосударственной армии, и следуют ему, но даже в тех или иных видах известны с незапамятных времен. Во всяком случае, что касается армии, в некоторых странах приблизились к этому идеалу – но, самое интересное, по принципу частичности, примененному именно там, где хоть и существует государство в статусе, прежде всего, международного права, но в ослабленном в сторону республиканства виде. Можно подумать, что в США, Швейцарии или Израиле государство применяет этот принцип, обращая его действие в своих интересах, однако именно частичность есть то условие общественного бытия, что "полноценное" государство стремится истребить всеми силами, ибо создает островок неподконтрольности – тем более вооруженной неподконтрольности. Отчасти это и происходит в этих странах, но особенно ярко выглядит посягательство иерархических начал на фундаментальное право именно там, где "полугосударственность" выражена наиболее ярко – а именно, в США. Именно там эта тема обостряется тем более, чем более иерархия также стремится усилить контроль и централизацию в сфере монетарного управления. Именно об этом свидетельствуют полуфантомные истории с "кровавыми мальчиками"[216], а также вещи, касающиеся 3D печати оружия в период президентства Б.Обамы, и возникающие из последствий их появления в СМИ призывы начать редактировать "Билль о правах" начиная со "Второй поправки" – благо она очень удобна своей неоднозначностью для тех "мирных граждан", кои запамятовали, что "быть гражданином" – это, в первую очередь, нести личную неотчуждаемую историческую ответственность за собственную свободу.

Раньше публичной темой, в контексте которой неизменно заявлялось о необходимости избавиться от второй поправки к конституции США (и, вместе с ней, от личного оружия) именем здравого смысла, было использование случаев "школьной бойни", по каждой из которых вся прогрессивная публика США должна была бы скорбеть, но с момента начала "кампании разоружения" этих случаев стало столь много, что публика просто перестала

[216] О "кровавых мальчиках", устраивавших не то в собственных школах, не то во дворе, не то в воображении масс-медиа, всамделишный тир, была целая цепочка материалов.

понимать, по какому из них стоит скорбеть, и некоторая ее часть стала сбраживать паникой. На сей раз этот процесс может быть увиден идущим с несколько иной, не менее мрачной, стороны, о чем есть публикация с соответствующим наблюдением.

С другой стороны, известна подозрительная череда смертей знаковых персонажей (а по сути, лидеров мнений), связанных с американской массовой оружейной культурой: Джона Новеске, Кита Ретлифа и Криса Кайла. Не этих ли персонажей боится американский истеблишмент, памятуя о Марвине Химейере, который использовал в качестве оружия бульдозер, никого не убив, но снеся цементный завод в 2004 году, которым его владельцы стали поганить город, где он жил, не спрося разрешения? Тогда он погиб сам – может, именно с него нужно начинать череду этих смертей? А в качестве первого к запрещению личного оружия обозначить бульдозер. Похоже, спецслужбы периода администрации Обамы выводили на корню движение Militia Movement, едва ли не единственную настоящую милицию в мире. А вместо нее, по логике вещей – полиция, только она никогда не обеспечивала интересы граждан[217].

По характеру публикаций и последующих новостных событий возникает неясность, сам ли тот или иной малец всех в школе замочил, или грамотно его кто подвел к этому шагу, или вообще замочил не он, а на него списали, замочив его самого предварительно, или описываются случаи с разными мальцами – очевидно, что подобные вещи используют с подменой понятий, дабы лишить американцев остатков свободы – права на оружие, которое, в конечном итоге, дано им на случай, если произойдет узурпация власти и начнется лишение их свободы (было это, правда, в XVIII веке, но традиции конституции живы). Что очень выгодно некоторым штатовским элитам для инсталляции в обществе того, что именуется "тюремными индустриями". И

[217] "Militia movement" (Движение ополчения) – общественное движение вооруженных граждан США, чтущих и акцентирующих вторую поправку Билля о правах Конституции США о личном оружии. За один присест конституционализм, данный отцами-основателями, из этих не выкуришь. Но вода, как известно, камень точит – волны точечных акций социально-психологической дестабилизации – "сумасшедших случаев" с кровавыми мальчиками – направлены на вымывание этого камешка гражданских свобод.

даже прооружейный настрой президента Трампа не должен был бы вести к снижению бдительности американцев в свете ожидаемых реалий[218].

***

Политическая позиция по конкретному вопросу новоизбранного президента США Дональда Трампа[219] обозначает некоторую загадку более общего характера. К вопросу о продуктивных способах швейцаризации страны и сомнительной необходимости в России баблососно-опричного вооруженного формировании имперского типа под названием "Росгвардия", явственно призванного защищать привилегии правящего меньшинства в ущерб конституционным правам большинства граждан. США – второй после Швейцарии уникум общественного управления с особым типом госадминистрирования, где государственное и административное подчинено общественному и управленческому как частному – с переменным успехом, разумеется. То, что материал размещен на "свидомом" хохляцом ресурсе, не должно смущать: мне тоже не нравится, что Украина больше не Россия, но ничего не поделаешь – таков процесс формирования, пожалуй, последнего национального государства Европы, со всеми, сопутствующими ему, неэстетичными физиологизмами. В этом новоявленном государстве, однако, разрешен патрон Флобера, в России либерализованы колюще-режущие вещи; но суть не в этих "разрешалках" уровня интервью с малограмотными силовиками-запрещальниками "с научно-статистической позиции", а в философии естественного права, и степени живительной адаптивности его нарратива в рамках живого политического процесса, завязанного на конкретные гарантии обеспечения прямого действия Основного Закона. Здесь, однако, есть и сугубо политический момент: после полумифических историй с "вооруженными кровавыми мальчиками в школах" периода президентства Обамы и следующих отсюда безуспешных попыток обойти недвусмысленную "вторую поправку" прямого действия в пользу оформляющегося в jail industries возврата дешевой рабсилы для столь необходимого США экономического подъема Трамп играет на простой антитезе. А вот что последует дальше – вопрос: либо тот же курс на jail

[218] Пример критического взгляда в ЖЖ на произошедшее в штатовской начальной школе – здесь: http://log2stas.livejournal.com/750483.html (активно на 15.03.2017)

[219] http://zbroya.info/ru/blog/11246_donald-tramp-sobiraetsia-znachitelno-rasshirit-oruzheinye-prava-amerikantsev/ ("Дональд Трамп собирается значительно расширить оружейные права американцев", 11.11.2016)

industries, но иными средствами (через "психушечный" контроль) – в тот же, индустриальный, мир "эффектов масштаба", по сути являющийся той или иной формой якобы всегда неэффективного рабовладения (неэффективного при определенных условиях "конечных смыслов"); либо через более здравую "ассоциацию малых" и "право на разрушение крупных", чем так славятся США в рамках парадигмы "конкурентного администрирования". Здесь Трамп (на начало 2017 года) являет загадку: насколько способно сознание "владельца крупного" допускать существование "малых" и действенное согласие с этими самыми институциональными принципами?

Liberator как продукция даркнета повышенной технологичности

> *"Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, такой угнетенный класс заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами".*
>
> *В.И.Ленин, «Военная программа пролетарской революции»*[220]

Напомню, что класс, в отличие от сословия – понятие экономическое, то есть доходно-имущественное. А разница в распределении доходов в российском обществе асимптотически высокая, и уже давно является общим местом да притчей во языцех. Похоже, справедливость может осуществляться естественным образом – вернее, естественным образом способны формироваться условия для выбора осуществления справедливости. И тут вспоминается уже не марксистское, но ницшеанское "падающего подтолкни", емко определяющее принцип долгожданного интеллектуального союза идей В.Ленина и Р.Люксембург. Поскольку прикладная (хотя едва ли профессиональная в веберовском смысле) деятельность философа, несущая общественную пользу – трансисторическая преемственность, воплощаемая в историческом бытии конкретных элитных форм, а не просто бытие встроенным в отупляющую и перемалывающую квазиэлитную[221] иерархию "рациональной бюрократии" государственным управленцем или не менее иерархически выстроенную "индустрию медиа, PR и культуры". Насилие здесь является не ключевым, но крайним и далеко не первостепенным средством – главную роль здесь играет проектная деятельность, основанная на рационально понятой способности к

[220] ПСС, т.30. стр.133-136.

[221] "Квази-", поскольку неспособна к сознательному и рациональному формированию общественный ценностей, стратегий и стандартов.

творческому воображению и поддержанию жизни, которая сама есть способность к творению.

Конечно, хочется избежать сомнительных "удовольствий" раздора, особенно выгодного тем, для которых раздор – "мать родная". Массовая милитаризация и пропагандистская накрутка военно-патриотических идей в обществе выгодна местному истеблишменту не в меньшей степени, чем экономическому гегемону – тезис об этом представляет собой куплет одной известной песни. Однако, как говорил еще один российский практик регионального управления, "путь из Глупова в Умнов лежит через Буянов". И в этом процессе важно не упустить момент "гельветизации" страны (пока специально не хочу говорить "res publica", хотя именно ее исконное, первоначальное значение, спрятанное за массой коннотативных напластований, я имею в виду) – возможность преодоления как имперского, так и национального, состояний для возврата страной не так уж и давнего приоритета в радикальном решении ключевых вопросов, стоящих перед человечеством.

Эта тема непосредственно касается вопроса об угрозе демократии в США со стороны тюремных индустрий и средств тотального контроля. Сюда же относится тема напечатанного на 3D принтере пластмассового пистолета Liberator, синхронно запрещенного в Британии и США в декабре 2013 года, а также появившегося уже в 2016 году напечатанного револьвера в форм-факторе pepperbox[222]. В данном случае можно наблюдать теневую экономику на марше как ответ тюремным индустриям. Все сходится: пока власти США под тем или иным предлогом пытаются изменить Вторую Поправку и воссоздать внутреннее производство на основе системы принудительного труда, либертарианец и антигосударственник Коди Уилсон продемонстрировал возможности своего пластмассового пистолета[223], распечатанного на 3D принтере и вроде как выпустил "джина из бутылки", распространив CAD-файлы с чертежами девайса по сети. Тут, конечно, можно спорить о том, что власти могут ввести ограничения на распространение 3D принтеров (как раньше вводили технологические ограничения на цветные

[222] В Британии: http://www.3dnews.ru/785549 (активно на 15.03.2017); в США: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/822451 (активно на 15.03.2017); в США; новость о пластиковом "pepperbox": https://3dprint.com/107062/worlds-1st-3d-printed-revolver/ (активно на 15.03.2017).
[223] https://www.youtube.com/watch?v=drPz6n6UXQY (активно на 15.03.2017).

лазерные принтеры), экструзионные пластмассы определенных физико-химических свойств (до сих пор остающиеся довольно редким сырьем) и, собственно, распространение патронов, а также о том, как эти ограничения и рогатки будут обходиться энтузиастами да умельцами.

Здесь примечательны две вещи:

1. пластмассовая пушка объявила о триумфальном вступлении давно прогнозируемой и латентно тлеющей 3D печати в свои права, причем аккурат через несколько месяцев после прогнозов NIC об аддитивном 3D производстве в рамках микропроизводственных систем домохозяйств, на что также накладываются как мои собственные, так и неоэкономические, гипотезы о выходе на передний план ремонтно-лизингово-арендных форм хозяйственных отношений;

2. в обществе (прежде всего, в американском) растет доля теневого сектора, и драйвером этого роста оказывается именно что даркнет, который будет обращен на оффлайн как в силу развития отмеченных микропроизводственных форм, появляющихся в ответ на экономический кризис, так и в силу движения предметного интереса ИТ-отрасли в "обратную" сторону девиртуализации конечного продукта (явление такого предметного колебания отрасли может быть подкреплено, по крайней мере, еще несколькими примерами, на которых нет смысла здесь останавливаться).

Как бы то ни было, если сразу отметать предположение о Коди Уилсоне как очередном "пионере-герое", созданном, наподобие Марка Цукерберга или Барака Обамы, в недрах профильных институтов США, специализирующихся на "управляемой истории", появление пластмассового пистолета может быть рассмотрено как гражданская инноватика и user generated branding (а также "живое творчество народных масс"), возникшие в ответ на угрозу социально-политической напряженности в американском обществе, связанную с исчезновением среднего класса, ужесточением полицейского давления и глобальным развитием технологий тотального контроля над населением планеты, главным эмитентом которых на сегодняшний день остаются США.

В плане утрамбовывания "среднего класса" Россия выступает синхронно с США, но с несколько иной позиции: буквально в дни запрета Либератора обнародована система "Паутина"[224], фактически исключающая приватность перемещения на авто (и несколько отошедшая на второй план на фоне возмущения дальнобойщиков электронной системой поборов "Платон"). Борьба с угонами и контроль ПДД – дело-то хорошее, но вот больно уж любопытны возможности новой системы. У нас вообще с американцами много похожего, порою до прямой противоположности: сравнить хотя бы нашу МЧС и их FEMA. Особенно интересно здесь мнение Брендона Смита о возможности гражданской войны в США: его материал[225] по поводу задавливания "конституционных консерваторов" элитами через марионеточные госструктуры США и формирование в этой стране режима реакции, равно как ссылки в нем, хорошо дополняют все то, что здесь было сказано по поводу:

- total control – как американского, так и российского, кстати;
- тюремных индустрий, на сегодняшний день актуальных скорее для США, чем для России;
- а также даркнета, который наверняка будет трансграничным и в котором Россия (вернее, российская территория, или даже российская часть даркнета) имеет возможность сказать существенное слово.

А еще он дополняет представленные в этой и других книгах соображения о сообществах низового уровня с гипотезой о планарных социальных комплексах, открывая тему специфических форм разделения труда и гражданской самоорганизации. Отдельной темой в материале Смита прослеживается сюрвивалистский нарратив вокруг американской FEMA (Federal Emergency Management Agency), одиозность которой на родине зашкаливает не в пример нашей МЧС, остающейся едва ли не единственным ведомством, воплощающим служение государства обществу (хотя число сообщений о коррупции в российском МЧС на 2017 год весьма велико, это все же иная проблема, нежели институциональный репрессивный статус

[224] http://motor.ru/news/2013/12/10/net/ ("ГИБДД начала следить за московскими автомобилями", 10.12.2013, активно на 15.03.2017)

[225] http://www.alt-market.com/articles/1806-is-america-being-deliberately-pushed-toward-civil-war ("Is America Being Deliberately Pushed Toward Civil War?", 06.11.2013, активно на 15.03.2017)

американского ведомства). Похоже, о функциях и роли FEMA еще предстоит услышать много интересного.

Но в данном случае нет противоположностей: как говорится, "те же яйца, только в профиль". Если Либератор был создан в "гражданское" обеспечение Второй Поправки, законодательно гарантирующей штатовским "средним" быть кусачими, то в России именно что автомобиль является показателем среднеклассовости, этаким символом свободы от будь то царского, будь то советского, крепостничества: "куда хочу, туда лечу", символом овеществленного права на свободу перемещения, законодательно урегулированного по "уровню опасности" примерно так же, как оружие в Штатах до всей этой кутерьмы с полуподстроенными пострелушками. О реальных правах на оружие в России, разумеется, только разговоры идут – хотя бы потому, что изначально нет "Второй поправки" к Конституции (кстати, насчет существования Конституции в [сегодняшней] России тоже имеются серьезные сомнения). Так вот, поскольку со стволами у нас все более строго, чем в Штатах, и населением стволы у нас воспринимаются как крайняя мера (о которой все чаще вспоминают в последнее время, но это уже другой вопрос), то "плавное и обоснованное" закручивание гаек идет в отношении иного символа свободы – личного авто.

Только вот что интересно: когда в Штатах изничтожат легальный огнестрел (вполне допустим такое), и окончательно вытеснят его в сферу теневой пластиковой 3D кустарщины хайтековского уровня (или не совсем пластиковой) – хотя бы до нашего уровня распространенности, то ведь, наверное, за авто примутся – детище Форда и обанкротившегося Детройта; и что тогда – авто тоже станут "теневой 3D-кустарщиной"? Первый ответ – вряд ли, они завязаны на дорожную инфраструктуру. С другой стороны, спрос на мелкую и персональную логистику на большие расстояния сохранится в виду значительности масштабов стран. В общем, здесь есть над чем поразмыслить.

Основания первобытного арсенала в смысле истории техники

"...Работая сообща, они этим умножают в невероятных размерах свои индивидуальные силы; а прибегая ко временному разделению труда, — причем за каждой пчелой сохраняется способность исполнить, когда это понадобится, любого рода работу, — они достигают такой степени благосостояния и безопасности, какой нельзя ожидать ни у одного изолированного животного, как бы оно ни было сильно или хорошо вооружено".

П.А.Кропоткин. "Взаимопомощь как фактор эволюции", 1902 г.

Инвенционные основания морального неустаревания

Данный текст навеян деятельностью одного сообщества выживальщиков-реконструкторов в соцсети (конкретное название не имеет значения, таких сообществ много), и представляет собой попытку ответа на вопрос о том, какой набор инструментов является элементарным относительно, во-первых, неких, максимально универсальных, эргономических и функциональных требований к нему и, во-вторых, возможных форм, причем безотносительно к уровню развитости технологий их производства: хоть с применением машин и развитых материалов, хоть с применением подручных вещей, составляющих непосредственное окружение, будь то даже окружение дикой природы. Надобно сказать, что "выживальщицкая" тема сегодня представляет собой весьма широкую область возможных разговоров – как любительских диванных, так и достаточно взвешенных и профессиональных, находящихся на стыке спортивного туризма и военной науки. Тем более что в России создано целое министерство, специализированное на решении разномасштабных вопросов в этой сфере на научной основе.

С другой стороны, задача этого материала – продемонстрировать, что разговор о технологичности оружия (и, одновременно, сущностно связанных с ним инструментальных средств), хотя и представляет собой предмет отдельной сложной науки, тем не менее и, как ни странно, тривиален. Оружие в целом, являясь необходимым благом, не является, однако, в рамках своих целей и функций источником народнохозяйственного блага (если не считать таковым производящего деньги государства-насильника как важный этап эволюции человеческого общества), хотя таковым источником вполне оказываются технологии производства и, отчасти, применения оружия, как в свое время тот же металлорежущий токарный станок, одновременно удешевивший и стандартизировавший производство ружей и

артиллерии, близких к ним цилиндро-поршневых групп тепловых машин, деталей ткацких станков и метизов[226].

Еще одна причина, по которой здесь размещен этот материал – собственно вопрос о технологических основаниях, имеющихся до денег, если считать, вслед за Григорьевым, что деньги – продукт государства, суть которого – вооруженное по преимуществу насилие.

Но здесь речь идет о самых простых и универсальных вещах, известных в опыте с доисторических времен, а вот в понимании, как ни странно – с не очень давнего времени. В ходе дискуссий возникли соображения насчет того, сколь первичными в действительности являются даже те инструменты, что воспринимаются как самые элементарные – нож, топор, копье, скребок, дубинка, молоток, шило, а также более развитые формы ручных орудий и опосредованных усилителями – праща, лук, арбалет, баллиста, ружье и даже "рельсовая пушка". То есть, имеется ли в смысле инструментов нечто такое, что в смысле видов деятельности иные экономисты в иное время до предела разделяли на ренту и труд: при всей похожести эти два вида поиска отличаются, ибо, что касается инструментов, то здесь речь идет об элементарной организации элементарных природных форм и сил, но никак не о вычленении элементарных форм адаптивной человеческой деятельности, и о том, что деятельность, какова бы она ни была, прикладывается к общим ресурсным возможностям того, что вне ее.

А потому данная тема имеет отношение к философии истории ручных механических инструментов, охотничьего и военного оружия, к вопросу Канта о «вечном мире» и фуллерову различию технологий weaponry и leavingry. Она особенно актуальна в начале XXI века, когда человечество вновь встало перед идейным и хозяйственным тупиком, резко увеличив объемы решения цивилизационных проблем средствами радикальной социальной хирургии в формате локализованных вмешательств. При этом сохраняется потенциал великого множества целевых, весьма действенных и глубоко управляемых, средств ведения войны, продолжающих совершенствование по вполне рациональным основаниям. Представляется безумным предложение рассматривать (тем более – противопоставлять)

[226] О чем вскользь упоминалось в книге "Частично управляемое...". Это не говоря про фрезерный станок, целевым образом изобретенный для производства ружей.

простейшие механические вооружения в эпоху существования систем наступления и обороны, завязанных на единые центры управления, инфраструктуры двойного назначения, эшелонированные и включающие развитые элементы с высокой степенью автономии на платформах аэрокосмических, водных, бронетехнических, железнодорожных, а также на платформах личной экипировки комбатанта с разными "умными функциями". Но это лишь на первый взгляд. Такого рода "безумие" имеет свою продуктивность. Во-первых, если уж вести речь о «социальной хирургии», то в хирургии собственно медицинской никого не удивляет тот факт, что инструментальные средства, изобретенные в Древнем Риме и в XIX веке, используются в одних процедурах с контрольно-диагностическими и лечебными средствами, распространенность которых на начало XXI века едва насчитывает несколько десятилетий, а срок морально-технологического обновления – несколько лет. В этом смысле, если не считать инноваций вроде урановых сердечников, то человечество по-прежнему воюет элементарными механизмами, производимыми астрономическим числом, из исчерпаемых цветных металлов – клиньями, каковые представляют собой снаряды и пули, хотя порядок их астрономического же разбрасывания с помощью не менее древних рычагов и пружин (хотя и управляемых для точного наведения микросхемами), сегодня весьма ограничен как средствами и методами разведки и войсковых коммуникаций, так и социально-экономическим эффектом, производимым системой масс-медиа. Кроме того, не всякое такое рассмотрение и предложение является неэффективным: дело не только в том, что в ракетных и зенитных академиях из вполне практичных соображений изучают рукопашный бой, включая технику владения штык-ножом, прикладом и саперной лопатой, но и в том, что сама такая безумная установка оказывается способной быть эффективной; конечно, я имею в виду "безумного" Джека Черчилля, который, вооружившись английским longbow и шотландским палашом, любил поговаривать: “Any officer who goes into action without his sword is improperly armed”. Разумеется, он владел не только палашом и луком (вошедшим, кстати, в своей продвинутой версии в нынешний арсенал спецподразделений некоторых стран), прибыв с этой экипировкой в новые на тот момент, и весьма гораздые на инновации, британские коммандос. И не только в том, что «древний антураж» своей лихостью способен идейно

вдохновлять солдат на бой «орлом победы над полями сражений» в духе «пуля – дура, штык – молодец». Будучи примененными к месту, характеру и порядку выполнения боевой задачи, эти вещи действенны: мастерство состоит не только и не столько в том, чтобы застрелить из высокоточной и сверхпробивной винтовки противника, определяемого по тепловизору через кирпичную стену метровой толщины, сколько, используя навыки и знания об универсальных и простейших структурах, обеспечить себя всем необходимым в произвольных (порой достаточно жестких) средовых условиях, будучи способным создать средства жизнеобеспечения и сражения почти с нуля, органично и быстро адаптировавшись в этой среде и освоив все, предоставляемые ею, преимущества. А высшее достижение этого мастерства – в том, чтобы, изучив находящегося в той же среде более совершенного и оснащенного противника, одолеть его и овладеть его ресурсами, используя вот эти вот собственные, и получить перед ним преимущество (пусть даже локальное). Обращаясь к истории военного дела, это, в общем и целом, старое доброе егерское умение. И это умение, на мой взгляд – весьма достойное подспорье и стиль поведения именно для тех, кто предпочитает процедурно-управленческие методы решения социальных проблем инвазивно-хирургическим, особенно в тех случаях, когда есть установка на поиск таковых и, тем более, видение конкретных средств и направлений. И это представление – одна из наиболее существенных и сермяжных экономических предпосылок военных технологий и военной организации, связанных с категорией трудозатрат (и, соответственно, с понятием разделения труда) в этой сфере общественного воспроизводства, в макросоциальном смысле продолжающей оставаться бюджетной дырой, несмотря ни на какие технологические диковины[227].

Эти соображения выводят на общий вопрос, насколько беспечным можно быть при наличии арсенала, состоящего из простых орудий, а также как и насколько совмещаем шанцевое (хозяйственное) их применение с оружейным. Это касается не только тесака или штык-ножа: в некоторых случаях атомный крейсер способен обеспечить электричеством

[227] Если, конечно, они не являются массово и дешево производимым шедевральным изобретением – но здесь, опять же, возникает вопрос о возврате вложенных средств и качественного приращения "общего блага": если в системе торговых отношений один из агентов планетарного присутствия закупает оружие и затем снижает численность населения в другом месте (или, что также бывает, в месте продажи), то ни о каком основании дифференциации деятельности в глобальном масштабе говорить не приходится.

выключенный из сети небольшой город; как насчет других случаев? В шанцевом смысле орудия есть преобразователи природной среды в организацию, в оружейном – преобразователи нежелательной организации в хаос. Здесь кроется проблема сочетаемости livingry и weaponry: организация в целях конкуренции и организация в целях синергии. А отсюда – вопросы о том, что такого элементарного нужно в наборе, чтобы целенаправленно разрушить, но вместе с тем, иметь возможность создать, не особо заморачиваясь издержками и амортизацией. Корректный (и, кстати, давно известный) ответ здесь – в том, что использование орудия как средства разрушения или как средства созидания – предмет выбора режимов управления.

Здесь возникает другой вопрос (особенно интересный в рамках темы об элементарном орудийно-инструментальном арсенале): как орудие становится оружием? То есть как livingry превращается в weaponry? Существует распространенный рассказ на тему того, что первобытные охотники и собиратели, уже имея инструменты охоты, некогда догадались применить их против себе подобных. В этом смысле, однако, оружие становится первичным фактором социальной иерархии – что также трюизм, но куда менее очевидным оказывается то, что оно также способно быть средством слома любой иерархии. Не говоря про то, что до того, как охотничье оружие становится боевым, существует еще одна предшествующая охоте фаза, когда простейшее механическое орудие используется в отношении неодушевленных предметов. И еще: когда у человека есть некоторое, достаточно продвинутое, оборудование, назначение которого ему известно и способ его применения освоен, но есть серьезные сомнения в целесообразности такового использования или нет представления о том, а противник, располагающий куда более простыми вещами, прекрасно осведомлен о целесообразности и достаточно мотивирован, высоки шансы на победу именно этого последнего. И это обстоятельство давно известна военной науке, но его не лишне напомнить. Хотя, конечно, здесь не учтен фактор оперативности коммуникаций, а также и средств, способов и оснований мотивации. Однако, об этих вещах идет речь дальше, а кроме того, они не относятся к сугубо "инструментально-движительной" теме данного раздела.

Механико-геометрические основания, или палка как предмет науки

Элементарный в своей идее, легкий в производстве и наиболее многочисленный в запасе вид инструментального орудия есть стержень (палка), взятый как геометрический элемент сам по себе. В отношении же других тел и масс, к которым он применяется, стержень в качестве механизма может выступать в двух категориях: клина и рычага, включая те из них, что выполняют конструктивную функцию – например, в триангулярных геодезических и реципрокальных конструкциях[228].

Структурно в нем длина значительно превышает примерно равные ширину и толщину, а механико-архитектурно им соответствуют колонны, как витрувианско-альбертинского типа (конические от одного конца к другому, или несимметричные), так и фуллерианского (сужающиеся к центру либо к концам, в зависимости от преимущественно растягивающей или сжимающей нагрузки, или симметричные).

Палку, или стержень, или протяженное орудие как механический элемент можно использовать двумя основными, или крайними, способами в аспекте его возможных рабочих частей:

1. по торцу его длины или оси – аксиальное, или колющее, воздействие на объект, оказываемое телом с нагрузкой сжатия;

2. поперек его длины или оси – экваториальное, или хлещущее, или ударно-рубящее, воздействие на объект, оказываемое телом (жестким или нежестким на изгиб) с нагрузкой растяжения.

Заострение или расширение лишь одного конца стержня по типу конической колонны, будучи образованием триангуляции, приводит к противоположному эффекту на другом конце, и уже образует инструмент. Впрочем, комбинации составляют частные вариации того, о чем идет речь.

[228] Реципрокальные и геодезические купола со стержнями в качестве несущих элементов можно рассматривать как системы скомпенсированных (уравновешенных) рычагов с четырьмя точками крепления по длине, выступающими, в зависимости от того, какая нагрузка на них идет в данный момент, точками усилия, опоры и сопротивления (общая скомпенсированность векторов сил для нашего трехмерного пространства нашла свое элегантное воплощение в кубоктаэдре – архимедовой фигуре, изобретенной Фуллером). Другим наглядным вариантом такого уже-специализированного универсального предмета является такелажная свайка (за которой сразу же следует такелажный мушкель, но об этом речь дальше).

Так, один или оба конца палки-стерженя можно заострить либо расширить, сделав его, тем самым, узлом концентрации сил. В зависимости от преимущественности работы орудия оформляется его рабочая часть, однако противоположная функция также возможна для любого орудия; то есть любое орудие, имеющую форму по типу колонны, способно сочетать в себе минимум как острую, так и тупую, части, могущие быть использованы в качестве рычага усилия[229] либо в качестве клина[230] (основных героновых механизмов[231]) соответственно структуре колонны.

***

Клиновые линейные инструменты обеспечивают больше торцевое взаимодействие с объектом приложения, тогда как рычажные или же сочетающие линейность – боковое. В первом случае клин есть наиболее оптимальная организация для конца проникающего торцевого орудия (и даже не проникающего – в случае торцевого ударного навершия булавы или вертикального механического молота). Во втором случае ось длины берется как радиус окружности с центром на различных частях этой длины, через который проходит ось, пересекающая данную, или ось удержания (соответствующая понятию точки опоры рычага[232]). Также во втором случае, если поперечный радиус воздействующей поверхности пренебрежительно мал, то имеет место средство резания, или лезвие; поэтому лезвие может быть представлено тонкой струной или вантой. Лезвие может быть рассмотрено как сверхмелкая пила, если боковая поверхность стержня рассматривается как абразивная. Функция резания также создается последовательностью составленных остриями в одну сторону стержней,

[229] В отличие от рычага скорости. «*Рычаг – простейшее механическое приспособление, представляющее собой твёрдое тело (перекладину), вращающееся вокруг точки опоры, и позволяющее совершать работу, получая выигрыш в силе за счёт проигрыша в расстоянии*» (Викисловарь). Наиболее приемлемое для меня определение в смысле синергетики. Очень важно, что понятие рычага здесь связано с категорией вращения, а значит, с понятиями углов, а также большего и меньшего радиусов относительно точек приложения усилия, опоры и сопротивления: «Происходит от польск. rycząg "шкворень на передней оси телеги", из ср.-в.-нем. *rîtstange -- то же, из др.-в.-нем. rîdan "вращать", ср.: шведск. vridstång "рычаг", vrida "вращать"»; данные словаря М. Фасмера.

[230] Фактически, механизма создания трещин – ни более, ни менее.

[231] Простейшими механизмами Герона были клин, рычаг, ворот (собственно, колесо), винт и блок; из них основные – рычаг и клин, первейшие производные – ворот, винт и блок (рычагом в блоке является ванта – жесткая на разрыв, но не жесткая на продольное сжатие). Разумеется, героновы они простейшие по факту классифицированности и совершенности оригинальных изобретений – как с таковыми, с этими механизмами уже работал Архимед лет за 300 до него.

[232] Но я, будучи фуллерианцем еще до знакомства с идеями и фигурой Фуллера, вместе с ним не приветствую понятие точки как продуктивное для прикладной геометрии, предпочитая выражение «узел пересечения», хотя оставляю за «точкой» право рабочего понятия.

образующих тем самым абразивную кромку – совмещение аксиального и экваториального воздействий (по оси и поперек оси) инструмента. Сочетание обоих способов использования стержня в одном инструменте образует нож как элементарный комбинированный, колюще-режущий, инструмент – который, кстати, не воспринимается как комбинированный (или multitool) многими, пользующимися им повседневно.

Длина инструмента относительно точки приложения усилия, или радиуса его действия, дополняет деление холодного арсенала на аксиальное и экваториальное[233]; точка приложения усилия клина – центр окружности, точка приложения усилия рычага – узел пересечения радиуса с периметром. Преимущественную аксиальность или экваториальность, взятые как структурность относительно оси, инструменту придает его общая длина, и характер заострения "аксиальности" относительно "экваториальности", то есть длина вершины треугольника рабочей части относительно точки приложения усилия. Аксиальное имеет наименьший радиус относительно оси и наиболее длинную ось, тогда как экваториальное – наибольший радиус относительно оси и наименее длинную ось. Собственно, трехмерное пространство и может быть задано не только тремя, взаимопересекающимися под прямым углом, прямыми, но и осью некоторой длины, вокруг которой вращается радиус некоторой иной длины. Так, для имеющего большую длину, чем нож, топора, точка приложения усилия может быть вынесена за пределы руки, а потому рабочая часть его может быть (да и, как правило, эргономически должна быть) меньше длины рабочей части ножа. В этом смысле топор, также как нож, есть вариант первичного мультитула, основанного на сочетании большей и меньшей длин, но расположенных под углом. Тогда как нож преимущественно являет собой одну длину, даже если он загнут. Топор (булава, молот, шестопер) есть короткорадиусный инструмент-мультитул, безотносительно к длине его древка.

Клин работает вдоль радиуса окружности, выступая ее сектором (ибо всякая прямая есть периметр окружности с бесконечно большим радиусом), рычаг –

[233] Взятые из "Тенсегрити". Фуллер там рассматривает шар как симметричную фигуру, аксиальную и экваториальную его растянутость – как первичные виды его асимметрии.

поперек радиуса, будучи направлен вдоль него через центра окружности[234]. Таким образом, клин есть линейный механизм, представляющий часть окружности (и статикой своей задающий триангулярность силовых векторов), тогда как рычаг есть также линейный механизм, ее образующий. В свою очередь, винт, ворот и блок производны от рычага и клина как результаты фиксации последовательности их движения.

Клин – линейный, ориентированный вдоль радиуса механизм и несущий элемент, или, вернее, сочетающий радиусы, углообразующий структурно и статично, и трещинообразующий механикой своего действия на жесткие тела. Рычаг – линейный, первый вращательно ориентированный механизм и несущий элемент, даже если сам он не имеет круглых частей. В точке опоры он является механизмом, углообразующим динамикой своего действия.

То есть клин – линейный механизм прямолинейного действия, рычаг – линейный механизм вращательного действия. При этом и клин, и рычаг, поскольку суть простейшие механизмы, представляют простейшие несущие элементы. Клин имеет дело с работой вдоль периметра окружности с бесконечно большим радиусом, тогда как рычаг образует сам центр окружности с ее радиусом, начиная от минимального. И тот, и другой, образуют пару простейших механических реализаций двух типов движения (прямолинейного и кругового), проблемы примирения которых в той или иной форме мучили новоевропейских ученых где-то с XVI до... похоже, до сих пор.

Рычаг, особенно первого типа, будучи механическим условием окружности, способен также представлять собой ванту, причем не только в виде героновых блоков, но и в виде фуллерова проволочного колеса, что еще более наглядно демонстрирует вращательный принцип рычага, взятый относительно понятийной инверсии образующегося из него ворота, или колеса вообще, или, если еще точнее – «артиллерийского колеса», которое оказывается не колесом вообще, но «колесом сжатия», тогда как колесо

[234] Прямая (каковой является всякий радиус) есть, в терминах синергетики, периметр окружности с бесконечно большим радиусом (здесь – рекурсивно еще большим от окружности к окружности), а ее периметр есть самозамыкание вокруг центра – или собственно окружности еще меньшего периметра (и, соответственно, радиуса), в пределе образующей интуицию «идеальной точки», выступающей также символом предельного сжатия (как уменьшения радиуса), а потому и атомарной неделимости.

вообще, или ворот – это система со ступицей и ободом, безотносительно к типу действия сил в образующем их взаимосвязь наборе рычагов.

Всякое орудие может образовывать как рычажную, так и клиновую, функции. Однако преимущественным свойством колющего орудия будет клиновая функция, ударного, рубящего или хлещущего – рычажная. Будучи простейшими элементами, клин и рычаг способны быть создаваемы почти из любых материальных тел во Вселенной, если они способны представлять линейные структуры; при этом, если для клина должен быть стержень, жесткий на сжатие, то рычаг без функции клина может быть представлен как стержнем, так и вантой с грузом на конце – вроде кистеня или пращи.

Поскольку структура разрывается, прежде всего, длинным протяженным предметом, обращенным к объекту воздействия острой частью по торцу, с прилагаемой по длине наименьшей торцевой площадью и наибольшей, линейно довлеющей, массой, постольку самым элементарным орудием (а также оружием) будет все-таки копье или нож-стилет, как орудия с соотносимыми большей и меньшей длиной, радиально (продольно или прямолинейно) используемой относительно точки приложения усилия (а также с возможностью рычажного усилия, каковое всегда поперечно). Они есть элементарное представление об инструментальной периферии человеческого тела. Речь идет о сосредоточении линейно расположенной массы, прилагаемой усилием на меньшей площади – усилием сжатия. Тогда как рубящее, или поперечное, или хлещущее, усилие, прилагаемое к объекту воздействия, для орудия всегда есть усилие растяжения (соответственно, со стороны объекта воздействия имеется сопротивление усилию сжатия или растяжения). Потенциал торцевого и бокового применения имеется в любом линейном инструменте, а сама линейность есть исходная, примитивная, или базовая, геометричность, которая, в случае орудий, связывается с триангулярностью. Собственно исторически исходными средствами вооружения оказываются аксиальное копье, экваториальный щит и меч или кинжал, сочетающий аксиальное действие с экваториальным.

Если говорить об элементарных механизмах с точки зрения накопления механической энергии, то собственно рычаг – механизм без накопления в

себе энергии, но сразу выполняющий полезную работу с ней[235]. Пружина (включая лук как сложную пружину) может быть рассмотрена как рычаг с накоплением энергии. Обратно, как полезное изделие лук может быть рассмотрен как систему, сочетающую в себе пружину и рычаг. Простейшая пружина может быть определена как арочный рычаг с дифференциальным радиусом относительно постоянной длины периметра. В смысле рычага лук интересен тем, что работает с одной точкой опоры и двумя точками нагрузки (сопротивления), при этом точка приложения усилия вынесена у него в другой элемент – представляющую ванту тетиву, и оба плеча лука работают на концах однонаправленными векторами, хотя приходящаяся на рукоять (центр лука) точка опоры работает с усилием в противоположную от них сторону.

Таким образом, в элементарном орудии есть два основных аспекта его геометрии и два основных аспекта способов его использования. В связи с чем в арсенале возможно предполагать присутствие двух типов стержневых (линейно протяженных) орудий, механически работающих преимущественно как клинья и преимущественно как рычаги:

1. колющие (клинья по преимуществу) – стилеты, шила, стрелы, дротики, сулицы, копья, бо-сюрикены;

2. рубяще-режущие (рычаги по преимуществу) – дубинки, булавы, кистени, молоты, топоры, шестоперы, клевцы, кирки, мачете, сякэн-сюрикены.

Соответственно, определяются производные от них комбинированные – колюще-рубящие и режущие, тяготеющие, соответственно, к первому либо второму основным, или маргинальным, вариантам использования стержня, в том числе ножи остроконечные и ножи брюшистые (с различия коих начинается общая классификация всего хирургического инструментария).

Согласно сказанному, минимальный комплект основных инструментов предполагает примерный набор из двух элементов – продольно и поперечно воздействующего типа инструмента (*орудие-клин* и *орудие-рычаг*). Их можно считать инструментами "дизъюнктивного типа". Он дополняется сочетающим

[235] Что касается клина, а также действующих по торцу стержней с параллельными сторонами, то здесь ситуация такая же, хотя имеется особенность, связанная с распространением в таких элементах продольных волн.

в себе эти функции производным инструментом "конъюнктивного типа" – в простом случае ножом. Плюс еще минимум один такой же набор: дублирование инструментов есть элементарный способ их страховочного резервирования (например, в случае утраты), а также способ разделения функций наборов (боевого и бытового, к примеру)... итого минимум шесть штук с запасом.

Что касается основ эргономики всякого орудия, будь оно метательным или удержательным, колющим или рубящим, оружейным или созидательным, представлена тремя основными функциональными компонентами: собственно рабочей, а также удержательной, или частью "фиксации использования" (управления), в отличие от средств фиксации ношения или хранения. С последней она может совпадать или дополняться в единую систему, как это есть в случае, когда ножны удлиняют рукоять или являются ею. Или в случае, когда орудие экваториальной формы представляет собой щит с рабочей кромкой (собственно, прототип спортивного диска), фиксированный на предплечье и удерживаемый кистью; такой щит, к примеру, может фиксироваться нагрудно для ношения с помощью элементов, служащих также фиксации удержания.

Возможно ли запретить личное оружие?

Этот вопрос равен вопросу о том, возможно ли запретить героновы механизмы, особенно в эпоху "информационно-технологической революции", сделавшей принципиально открытым народным массам довольно большой объем знаний (разумеется, с определенными оговорками), включая широкий спектр фундаментальных военно-научных знаний, а также тех, что являются смыслополагающими для них. Которые, при желании и освоении не самых сложных поисково-аналитических навыков, можно не только получить и освоить, но и прирастить. Если этот вопрос ставить как задачу, то это, в первую очередь, означает запретить к личному использованию любой, достаточно жесткий, предмет треугольной формы, реализующий механику клина. Если же задача состоит в том, как снизить применение оружия человеком против себе подобных, то это равносильно задаче снизить применение зубов и когтей домашней кошкой или собакой. Оптимальный способ – подружиться с ними, но находятся такие, кто, боясь хищной природы, считает их, тем не менее, своей

собственностью, а потому не видит ничего лучше, как выхолостить или подавить их, удаляя когти и уродуя животное. Более того, иные, боясь, не понимая или понимая шаблонно природу человека, от недалекости своего ума, трусости и жажды власти стремятся выхолостить или подавить человека в смысле его личных прав как на личное оружие, так и на производственные орудия, несмотря на то, что во всей исторической сумме эта практика мало способствовала улучшению нравов (если они вообще здесь и этим они как-то улучшились) – тем более что это типичная практика народов кочевых империй, рассматривающих народы покоренные мало отличными от табунов скота, в лучшие годы обираемого доением, а в худшие – истреблением на мясо. Увы, дикость требования личной безоружности под прикрытием государственного аргумента широко распространена и в наши дни – главным образом эта дикость опирается на массовое невежество и декларативный отказ принять еще одно фундаментальное, искони присущее народным традициям, измерение ответственности – подлинно нравственное самоограничение при наличии возможности (а не отсутствие возможности как повода для нравственного поступка), а тем самым – иное качество личности. Давно известно многое насчет права вменяемого, ответственного и свободного гражданина на заряженный пистолет (или на шпагу). Иной вопрос, что тему права на оружие достаточно заметно лоббируют крупные производители огнестрела (при всей "незаметности" их "уши" видны отчетливо). Тут же надо помнить, что в периоды резкого обострения социальной напряженности гражданская массовизация оружия быстро ведет к расширению его предложения по вполне себе рыночной причине спроса, который будет не только устойчивым, но и растущим.

Другой пример – основные олимпийские дисциплины, в своем глобально-гуманистическом посыле мира и сотрудничества Пьера де Кубертена (еще до того, как стали ареной битвы био- и прочих технологий и подлинным месторождением body augmentation) ведущие происхождение от состязательности в телесном применении набора эргатического оружия, известного с древнейших времен. Сегодня едва ли не все его виды (равно как прочие спортивные снаряды) представляют высокотехнологично изготовленные устройства, однако оружейная функция спортивных копья, диска, молота, шпаги, лука и булав редуцирована и, всегда пребывая в числе

первоочередных возможностей, уступает место ответственному самообладанию, дающему выигрыш в здоровье. В аспекте последнего речь, конечно, не идет о "спорте высоких достижений" (он-то как раз и неоднозначен для здоровья в смысле коммерчески "разгоняемых" функций тела), выступающем, однако, драйвером подъема древних приспособлений на невероятную технологическую высоту. Еще раз: искусный человек с простой вещью, для владения которой нужно быть искусным, может быть куда опаснее человека менее искусного с вещью более продвинутой, но для владения которой искусным быть не нужно – хотя бы потому, что он особым образом целостно образован и его мотивации сложно и творчески структурируются[236].

Здесь вспоминается, пожалуй, самый верный пример из истории средневековой Англии, наглядно демонстрирующий, что образованность и вооруженность в обозначенном смысле – весьма близкие вещи: после Столетней Войны английские крестьяне, помимо навыков землепашества, получили навыки владения английским большим луком. Лично мне думается, что это первый, исторически обусловленный, опыт массового образования, пусть и не в известном нам, регулярном школьном смысле, а в смысле некой "военно-спортивной" практики, обусловленной некоторыми, базовыми, представлениями о механике. Впрочем, Англия – едва ли не мировой лидер по экспериментам с облагораживанием низов (здесь примечательны категории джентри и йоменов). В то время попытки верхов прихватизировать крестьянские земли напоролись на острие стрел, и верхи поняли, что с низами нужно считаться, а трогать земли – чревато. Да вот беда: спустя несколько десятилетий путем законодательных рогаток владение и пользование луками крестьянами было ограничено. У простых людей (особенно крестьян), увы, оказалась короткая историческая память, а принцип медленного сварения лягушки, похоже, известен давно. И это память собственных интересов. А что до воплощения в жизнь маяковского "землю попашет, попишет стихи", так на это, опять же, не все согласятся. Оружейные инициативы В США (как "pro", так и "contra") – способ политических игр с населением по острому и неоднозначно воспринимаемому вопросу основных прав, "раскачивание лодки" в рамках

[236] В дополнение к чему не могу не упомянуть книгу Н.А.Бернштейна "О ловкости и ее развитии" (Москва, изд. "Физкультура и спорт", 1991 г.), ставшую классикой культурологии.

традиции, устойчивой как раз посредством такого раскачивания. Но едва ли конечному потребителю прав и товаров хотелось бы, чтобы естественное право гражданина на вооруженность обернулось его зависимостью от оружейных баронов. Ибо не всяк, имеющий пистолю, горазд ею должно пользоваться, и не всяк, умеющий ею должно пользоваться, способен ее произвести. Как сказал поэт, "вся суть в естественных правах, а их и втаптывают в прах".

***

Наблюдательный читатель наверняка сможет усмотреть, с учетом сказанного ранее, в представленных в этой главе "оружейных штудиях"некое подобие индийского сикхизма с рационалистическим представлением о природе божественного, предприимчивым и деятельным человеком-воином и ценностным базисом, составляющим особый военный этос. Однако и на этот раз автор не мыслил никаких подобных аналогий, когда расписывал все эти вещи, и обнаружил таковые только посмотрев на них со стороны, когда книга была уже закончена. Опять же, это не вопрос заимствований, но тем более здесь обнаруживается нечто более ценное – принципиальная универсальность общественных устроений, если таковые вызваны сходными закономерными причинами – как внешними обществу, так и обусловленные способностью действовать и сознательно выбирать стиль жизни (что как раз и случилось в Индии в XV веке). Подобие задачи означает не заимствование решения, но подобие логики (этим, кстати, история философии отличается от истории мысли, поскольку выходит за рамки преемственности смысловых конструкций в более широкий контекст условий жизни). Конечно, идентифицирующим себя русскими вряд ли стоит носить массивные тюрбаны с кучей метательных ножей в них и никогда не сбривать волосы. Но общий посыл демократизма нравственных обязательств, а также ничтожность всех сословий, классов и каст в ответственном деле защиты общества близок не только индийским сикхам, но также рассматривавшемся североамериканскому и швейцарскому обществам, с их уникальным для всего мира отношением к порядку вооруженности рядовых членов общества. Для России историческая специфика здесь будет состоять еще и в том, что направление защиты связано не только с внешней интервенцией, но и с внутренними рисками формирования антиобщественного имперского государства. Это – вопрос выстраивания механизма, при котором последнее будет бояться (причем панически) "общества реального" ("res", то есть вещественного, или "того, что сопротивляется"), но никак не наоборот. И, конечно, важно понимать, что вопрос таковой защиты неотделим от прочих стилистико-жизненных обстоятельств, и всегда будет решаться с поправкой на их специфику.

О родственности рычага и ванты: дополнение к фундаментальному предметно-технологическому множеству Герона Александрийского с позиций Р.Б.Фуллера (в качестве приложения)

Говорят, что обезьяна слезла с дерева, взяв в руки палку.
Интересно, какую палку: ветку, балку или колышек?
И зачем ей при этом нужно было слезать с дерева?

К прояснению некоторых неясностей, касающихся пяти механизмов Герона, в свете того, что поведал миру Фуллер, и в продолжении ранее начатого рассмотрения этой темы.

Ванту, или канат (rope), или веревку ("вервие простое") следует признать идеальным воплощением идеи рычага, работающего по периметру окружности в фуллеровом смысле. Но почему Герон не выделил ее в отдельный механизм, а поместил в один из производных – в блок? И тем более не обозначил ее собственно первичным видом и воплощении самой идеи рычага после клина и собственно "рычага-как-палки", который у него жесткий и в собственном простом виде является воплощением идеи стержня, или того же клина, или стила, уже работающего не только продольно, но и поперечно – то есть так, как (сравнительно недавно) обозначил в своем "атласе несущих систем" Хайно Энгель – по принципу "мобилизации срезывающих усилий".

К тому же, как уже было сказано, Герон почему-то не поместил пружину в число основных механизмов: работа всех его пяти механизмов предполагает фиксированность длин и радиусов, но что касается пружины, то это, еще раз, механизм, меняющий радиус при неизменности периметра – то есть такой, что обеспечивает в своей функции как сжатие, так и растяжение, действие inward и outward в смысле Фуллера. Причем такой механизм, что возвращает свою форму в исходное состояние после уменьшения либо увеличения радиуса (в зависимости от своего типа пружины делают это с разной эффективностью). Между тем, клин, он же стило, он же колонна, он же "простой" стержень – механизм, работающий продольно (по торцу) только на сжатие и геометрически воплощающий идею треугольника. Ванта же привычно мыслится как механизм, работающий только на растяжение (ибо жесткий на него), но не жесткий на продольное сжатие. При этом, однако, не учитывается, что ванта же, работающая на "линейное" растяжение, в

фуллеровом смысле предполагающее ничто иное, как работу вдоль периметра окружности с бесконечно большим радиусом, также способна жестко работать вдоль периметра окружности с меньшими радиусами (или "радиусами уменьшения"), или радиусами малыми, для чего с незапамятных времен используется в качестве основы такелажного искусства, сиречь плетения и вязания узлов, включая сюда операции обмотки и навивки с разными целями. По ходу стоит отметить, что с незапамятных же времен это искусство представляло и представляет кое-где до сих пор основу орнаменталистики и письменности. Соединение идеи ванты с идеей клина дает нам идею рычага в героновом смысле – утилитарно работающего поперечно в трех своих родах, но физически способного объединять продольную и поперечную работы, а значит – уже производного от этих двоих. Собственно стержень, работающий вдоль своей длины, в триангулярных системах Фуллера (или "векторактивных системах" Хайно Энгеля, желающего в понятиях своего ветвистого классификатора сыграть алхимическую свадьбу колонно-балочного коня и трепетной вантово-сетчатой лани) объединяет работу и колонны, и ванты, становясь проводником силовых импульсов того или иного типа в зависимости от поведения всей системы в целом, отдавая распределение усилий на милость либо особого коннектора (на "оригинальном дизайне" которого пытаются делать слишком большие деньги некоторые не слишком добросовестные производители геодезических куполов), либо на особый тип "вихревого" соединения, который больше известен как "реципрокальный", а в понятиях Фуллера – "turbining" (вполне уместным переводом чего будет "турбинированный"). Такой стержневой элемент, объединяющий функции двух основных (в уточненном смысле) механизмов, обеспечивает векторную гомеостатичность всей конструкции (как правило, купольной), каковая в фуллеровых же понятиях есть синергийная, и уже содержит начало идеи пружины, даже не будучи ею (то есть если реально или видимо изменения длины стержня не происходит – здесь нагрузка для ньютоновых масштабов осуществляется на уровне межмолекулярных связей стержня), поскольку периодичность восприятия нагрузок сжатия-растяжения и сопротивления им уже есть периодичность восприятия внешних нагрузок уменьшения-увеличения радиуса и собственных нагрузок обратного действия. Кстати, более сложным вариантом векторактивного стержня с изменением длины

будет довольно распространенный втулочный механизм с одной или несколькими внутренними пружинами продольного сжатия.

Тот же несущий элемент, что способен в аналогичных системах работать поперек своей длины, способный также весьма технологично соединяться с себе подобными в реципрокальный узел без коннекторов, уже фактически работает как пружина, даже если по форме своей это самая что ни на есть балка, поскольку он испытывает нагрузки пружины и сопротивляется этим нагрузкам (обычно в качестве таковых используются слегка изогнутые ламели). В этом смысле балка есть редукция механической идеи как ванты, так и пружины, по основанию жесткости, только пружина способна к тому же начать выполнять изменение/сопротивление изменению радиуса как при продольном, так и при поперечном, приложении усилия к ней. Причем любая пружина, поскольку она заведомо радиусна (дугообразна) и в этой своей радиусности упруга, причем работает всегда поперечно независимо от направления (продольного или поперечного) приложения усилия к ней – даже если это упомянутая пружина "продольного сжатия". В свою очередь, еще выше упомянутый "вектораактивный" стержень, функционально сочетающий "линейно" сжимаемый клин и "линейно" растягиваемую ванту, распространяет механические усилия преимущественно продольно, а не поперечно; последним образом он способен действовать, в меру своей жесткости, в случае вибраций и прочих паразитарных воздействий, оказываемых на всю систему.

Между тем, системой, объединяющей в себе основные механизмы Герона в уточненном виде, включающем собственно клин, а также ванту-как-рычаг и пружину, будет известный с незапамятных же времен лук со стрелами, о котором в корпусе идей механики tensgrity почему-то не сказал Фуллер, на странность чего следует обратить внимание.

В своей статье «Тенсегрити» Фуллер начинает рассказ о прецедентах изобретения человечеством первично натяженных структур, как структур концентрических, с велосипедного колеса, проводя параллели с астрономическими явлениями и, далее, атомными структурами, до этого говоря об укрепленной тросами мачте как вторично натяженной структуре. То, о чем пишет Фуллер применительно к натяженным «перецессионалам» и

октаэдрической тенсегрити-структуре с универсальным шарниром (рис. 19 в статье), есть рецепция весьма интересных вещей, известных со времен Филона Византийского (если не раньше), и более поздних рецепций этих же вещей Леонардо да Винчи и Джероламо Кардано. При этом он, похоже, пропускает тот, достаточно очевидный, факт, что едва ли не более простой тенсегрити-механикой являются лук и стрелы, известные таким народам, которые, согласно историкам, не знали ни проволочного, ни артиллерийского, ни какого другого, колеса. Отчего так? Наверное, ответ заключается не только в том, что концентрические натяженные структуры, с которых он начал, являются первейшими полезными структурами природы макро и микромира, но и в том, что сам Фуллер и в своих изобретениях, и в своем пафосе, ориентировался на т.н. livingry – факторы жизнеобеспечения, бионичности и жизнеспособности, нежели weaponry, о чем он пишет в предисловии к своей книге «Усмешка гигантов». Вместе с тем, последнее объяснение не годится, если рассматривать собственно изобретение человеком тенсегрити структур, безотносительно к способам их применения. И остается то, что Фуллер в своей статье, действительно, делал акцент на вселенские природные формы и их моделирование посредством wire wheel. Фуллеровы отношения inward-outward, центр-периферия, tension-compression, аксиальная-экваториальная асимметрии, завязаны на отношения большего и меньшего радиусов, то есть образование системности как таковой в ее элементарном, прецессиональном, виде, взаимобытием этих радиусов как сущих микро- и макро- порядков. Возможно также, что Фуллер не считал лук со стрелами первично натяженными структурами, поскольку основную нагрузку, если исходить из его текста, иллюстрируемого рис. 5 его статьи, берет на себя первично сжатая мачта, достаточно, в случае лука, длинная и упругая, чтобы согнуться в дугу, не сломавшись (см. рис. 10), и лишь вторичное и локальное натяжение тетивы обеспечивает устойчивость конструкции. Но, в таком случае, если признавать, что тетива вторична относительно дуги лука, то она оказывается первичной в системе лук-стрела (о единстве тенсегрити-подструктур он ведет речь в примечании к рис. 22). Кроме того, для случая простого лука, представляющего собой отношение большего и меньшего радиусов, достаточно сложно сказать, что является в нем первичным и всеобъемлющим элементом, а что – вторичным и локальным. Во всяком случае, остается непонятным, почему Фуллер не

обмолвился о таком древнем источнике энергии натяжения, как лук – тем более, что издревле он же использовался не только как неприязненное Фуллеру weaponry-средство охоты и войны, но и как механический привод токарных и ткацких производственных машин – вполне себе средств livingry.

Однако остается вполне себе фуллеров вопрос о том, как вообще человек изобрел лук и стрелы. Разумеется, прототипом тенсегрити-дуги с натянутой тетивой в качестве оси можно было бы рассматривать тыквообразные и бананообразные структуры, приводимые на рис. 11 в “Tensegrity”, однако там речь идет о следствиях вертикального сжатия веретенообразной колонны, и все равно непонятно, как от сжатия этой колонны произошел переход к растяженной механической оси, возможной на упругом к дальнейшему сжатию, но предварительно изогнутом, элементе. Иной случай, когда конский волос или жилу животного натянули на дугу изначально сравнительно прямой ветки или рога, но все равно непонятно, как произошла догадка о стремлении натянутого троса сохранить максимальный радиус (или, эмпирически, прямизну), энергично сопротивляясь его уменьшению, на основе аналогичного стремления изначально либо дуговой, либо прямой, но гибкой и упругой на изгиб, структуры «ветки»-дуги, соединив концы троса с ее концами.

Эти вещи важны с учетом того, что инженерные решения, близкие к тенсегрити, очевидно встречаются в работах Шухова, о связи идей которого с идеями Фуллера я писал в своем комментарии к статье последнего. В данном случае я предлагаю учесть не только тот факт, что Шухов был большим поклонником стрельбы из лука, но и то, что каждая арка купольного перекрытия ГУМа стянута радиально расходящимися от ее основания, связанными в пересечениях, вантами – по три с каждого конца дуги. Причем созданы перекрытия были Шуховым в к. XIX века, то есть за несколько десятилетий до того, как Фуллер занялся натяжными системами. Кроме того, дуговые элементы тенсегрити структур, как промежуточный вариант между прямым и кольцевым элементами, можно немало найти в художественных работах К.Снельсона.

Обращаясь к Снельсону, хозяйственная ценность его идей может быть выражена соображением, являющимся метафорическим лишь наполовину:

если не хватает материи для создания чего-то, не обязательно тратиться на восполнение ее количества, стремясь порой урвать у других: просто увеличьте сами атомы, ибо они есть форма. Человек достиг ранее считавшегося фантастичным умения расщеплять атом, высвобождая огромную энергию, но эта энергия оказалась столь грязная, что требует высококвалифицированных мер предосторожности. Теперь же наверняка выглядит фантастичным умение увеличить атом, и работать с ним совершенно другим способом. Эта идея насчет увеличения малого сразу же отсылает к идеям уменьшения большого и природных констант, будоражившим научные умы в эпоху Лейбница. Только если вторые связаны с константами формул, то первая – с константой форм.

Различие этих трех простых линейных механизмов в составе более сложного механизма лука можно провести по основанию работы в качестве "периметра" относительно радиуса, обуславливающего возможность изменения формы:

- не изменяемости – для первого (что определяет его работу только вдоль радиуса, или по торцу);
- произвольной изменяемости – для второй;
- изменяемости с собственным усилием возвращения к исходному радиусу – для третьей.

Даже если возразят, что геронов рычаг всех трех родов не сводим к ванте как поперечно действующему механизму, как бы ни объединять ее с клином (а он и не сводим, поскольку механическая функция ванты без функции клина не образует рычага), это не снимает вопроса о том, почему у Герона не обозначены отдельно ванта и пружина, и почему последняя не фигурирует у Фуллера как некий основной механизм. Последнее, впрочем, имеет некоторое объяснение: если следовать идее Фуллера о том, что нет сплошных материалов, и лишь решетка молекул сосуда не пропускает большие по размеру молекулы газа, то, собственно, идея пружины как гомогенного механизма подобным же образом может быть истолкована как идея системы, на меньшем масштабе которой ее структура представляет собой tensgrity, механико-гомеостатически (синергетически) возвращающуюся в исходную форму. И если таким, межмасштабным (кстати,

вполне себе обозначенным в статье Фуллера "Tensegrity" от 1961 года) образом мыслить природу пружины, то она как раз и будет ничем иным, как определенным соединением сжимаемых стержней-клиньев и растягиваемых вант между собой с частичным ослаблением определенных натяжений в период нагрузки на всю систему. В свою очередь, на своем уровне структурности место стержней или вант также могут рекурсивным образом занимать пружины, уже в своем масштабе также представляющие tensegrity-организованную материю. Иначе говоря, Фуллер уже мыслил пружинность данного ему мира во всем многообразии образующих это мировое свойство структур. Однако если одну из основ так, в смысле tensegrity, толкуемой пружинности образует ванта, то возникает вопрос о том, что образует саму ванту на структурном уровне ее масштаба, и единственным приемлемым здесь ответом будет пересечение кольцевых или витых, спиральных элементов, никогда не образующих "точек пересечения", коих попросту нет в природе. Иначе говоря, ванты – это всегда цепи, системы последовательно взаимопересеченных периметров. А структурная взаимосвязь колец – это уже ведущая в пространство эстетического тема Снельсона, ученика-антагониста Фуллера. Потому-то последний и не рассматривал лук со стрелами, ибо искал в структурных основах не выделяемых им отдельно в собственную сущность пружин основу жизни в рамках scenario univerce, поскольку его больше интересовали проекты воспроизводства livingry, а не weaponry.

Что касается Герона, то здесь, скорее всего, будет объяснение, более привычное истории античной мысли: для антика, каким, безусловно, был Герон, первичную значимость имеют вещи и сущности, действие которых обусловлено постоянством их форм и параметров, а не изменчивостью. Можно изменить длину точки приложения усилия на рычаге, но не форму рычага, равно как приложение усилия по длине и углу клина, но не саму форму клина, включая его острие. Клин и рычаг должны быть близки к идеалу механического в платоновом смысле, а в нем исходные идеи пребывают в неизменном виде.

Что же имеем в итоге? Клин как механизм, воплощающий геометрическую идею триангулярной структурности (которая в реальной природе суть триангулярная спиральность), и ванта как механизм, воплощающий

геометрическую идею изменчивости линейности (которая всегда есть криволинейность) относительно длины радиуса, то есть идею сжатия и растяжения как основных вселенских механических процессов (пифагорейско-эмпедоклового толка), обозначенных Фуллером. Логическое пересечение их функций продольной работы (по радиусу) дает стержень, способный работать как на растяжение, так и на сжатие, и представляющий механическую возможность любого рычага; пересечение их функций поперечной работы (по периметру) – рычаг как механическую возможность любого стержня. Только Герон едва ли уделял внимание различию рычага и стержня как различию функциональных возможностей геометрически одного элемента, будучи центрирован собственно на рычаге, примеры которого очевидно демонстрировал ему балочно-стоечным образом "правильно организованный" человеческий мир, поскольку способность стержня к одновременной работе на растяжение и сжатие наиболее отчетливо проявляется в преимущественно торцевым образом взаимосвязанной системе ему подобных, и была описана как элементарная природная возможность лишь через много столетий после него Бакминстером Фуллером. Между тем, и стержень, и рычаг могут мыслиться как редуцированные пружины, жесткие на изменение радиуса (кривизны дуги). Блок, ворот и винт уже создаются в комбинации двух основных и двух первично производных механизмов. Таким образом, пять основных механизмов Герона, с учетом того, что дают механо-геометрические идеи Фуллера, оказывается возможным уточнить до семи геометрических (и, соответственно, восьми функциональных), два из которых оказываются имплицитно присутствующими в редуцированном виде в исходном наборе античного мыслителя, причем каждый из них оказывается редуцирован по-своему, и оба они имеют достаточно веское природное основание быть включенными в этот набор, а еще один вовсе в этом исходном наборе отсутствует как предмет мышления, но существует, опять же, механическая возможность и редукция стержня и рычага, дифференциальная категория по основанию сжатия/растяжения, исходными категориями для которой оказываются специализированный на сжатии клин и специализированная на растяжение ванта, а предельно жесткими видами ее по основанию способа работы оказываются рычаг и стержень.

Таким образом, наиболее примитивными природными механизмами оказываются собственно клин, ванта и пружина как первая их производная (или, так сказать, "лучный набор"), а уже их комбинации образуют все прочее многообразие механических систем. И в этом смысле оставшиеся героновы блок, ворот и винт весьма интересно рассмотреть с точки зрения их полезности в случае реализации их рычажных (жестких) компонентов как пружинных (энергонакопительных).

Ванта действует только на растяжение, геронов клин действует только на сжатие, но ванта способна действовать на растяжение как продольно, так и поперечно. Последнее как раз и образует свойство геронова блока, где сами колеса – ворота с континуальным числом рычагов. А значит, с учетом представлений Фуллера о прямой как периметре окружности с бесконечно большим радиусом, получается, что, даже будучи растянута вдоль, ванта также действует по периметру окружности. Далее, собственно пружина есть ничто иное, как элементарный дифференциальный механизм между максимально пластичной на боковое (радиальное) смещение вантой и минимально пластичным на таковое смещение рычагом. Собственно, идея рычага в его родах может быть истолкована как идея вариантов действия натянутой ванты, в котором сама натянутость есть имманентное свойство. Клин – преимущественно воздействующее, ванта – преимущественно воспринимающее, но эта способность воспринимать воздействие зависит от степени натянутости. Иное имя натянутости (tension) – не столь вносящее путаницу "напряжение", сколь тоничность, меру которой стоики определяли критерием существования и реальности как способности сопротивляться (а значит – соединенность в разделении минимум надвое). Причем бытие-в-тонусе – характеристика реальности в пространстве, тогда как самое истинность – традиционная философская характеристика здесь-бытия, кое суть само пространство, и бытие-во-времени. Не эти ли интуиции прямолинейного и скругленного композиционно-механических начал имел в виду Альберти, когда начинал свои книги об архитектуре с рассмотрения колонны (стиля) и арки (дуги)?

Замкнутая пружина, которая по Фуллеру всегда замкнута относительно, образует кольцо, то есть реализует идею окружности. В реальном пространстве трехмерной природы – идею спирали как любой треугольник и

любой тетраэдр, представленный линией. Таков же и стержень, будучи замкнут своими концами либо пересечен в них (в последнем случае он, однако, всегда есть пружина). Но полностью замкнутое реальное для человека кольцо топологически (то есть геометрически) всегда тороид, каково бы оно ни было в сечении. Поскольку пружина – дифференциал рычага и ванты, постольку безотносительно к степени своей упругости кольцо всегда работает как механизм, предполагающий внешнее механическое взаимодействие только по периметру, тогда как торцевое линейное действие в нем всегда оказывается внутренним. Причем кольцевая структура, в зависимости от своих конкретных свойств, может работать и как рычаг, и как пружина, и как ванта. У кольца, представляющего собой механическую реализацию идеи окружности, оказываются особые механические свойства, связанные с распределением колебаний и векторов сил в нем, и оно обнаруживает себя еще одним элементарным механизмом, не рассмотренным Героном. При этом также обнаруживается еще одно, помимо растяжения и сжатия как сугубо механических способов действия, и механо-геометрических продольного и поперечного направлений действия относительно формы механизма, общее и сугубо геометрическое основание деления элементарных механизмов, в основе которых, тем не менее, также лежат действие по радиусу и действие по периметру: разомкнутые и замкнутые, поелику сами элементарные механизмы линейны. В отличие от кольца, продольный механизм способен передавать продольный вектор силы вовне. Он также способен осуществить транзит и распределение продольной волны. Кольцо же (умозрительно всегда редуцируемое до последовательности взаимозамкнутых арочно клиньев), какой бы вектор силы к нему не пришел, всегда осуществляет вовне транзит поперечных колебаний, тогда как продольные бытуют лишь внутри его самого (в той мере, в какой их распределение вдоль периметра можно считать продольным). В принципе, любой элементарный механизм с поперечным (периметрическим) действием уже потенциально содержит механическую идею действия по кольцу. Не потому ли Аристотель мыслил идеальным круговое, или вращательное, движение? Кольцо важно как элементарный механизм, поскольку с его помощью можно объяснить пресловутое дидактическое колесо: оно само не есть это последнее, равно как это последнее на сводится к кольцу. Колесо есть система из двух

концентрических колец, связанных между собой рычагами. Или, что то же самое, есть воплощение объединения кольца и ворота. Равным образом ворот не сводится к колесу (как, кстати, некоторые мыслят ворот со множеством рычагов). Но когда в колесе радиальный элемент сжатия заменяется радиальным элементом растяжения, или вантой, мы получаем ту самую несущую систему wire wheel, на которую как на краеугольный поворот в осознании человечеством вещественного мира указывал Р.Б.Фуллер в своей статье "Tensegrity" 1961 года.

***

Таким образом, имеем в текущем рассмотрении три пары основных возможностей бытия механики:

- тип усилия – растягивающее и сжимающее;
- направление усилия – продольное (торцевое) либо поперечное;
- оформление усилия – спрямляющее или закругляющее (и, соответственно, форму элемента – разомкнутого или замкнутого).

От этих оснований можно идти к прочим возможностям и пытаться выстроить некую логику основных механических явлений и сущностей, бытующих в соразмерном человеческому наблюдению и воздействию мире – подобного тому, как некогда Александр Баумгартен пытался некогда выстроить особую логику эстетических оснований и получил в этом смысле определенные результаты. В случае механических систем успех более очевиден, поскольку имеет место набор заведомо и давно известных и конечных числом вариаций. Таковая логика нужна для упорядочивания известных предметно-технологических наборов и поиска новых решений для них – особенно тех, что имеют критическое значение. И в этом же ключе следует осуществить дальнейшие прояснения, поскольку понимание соответствий и функциональных возможностей в рамках такой логики неизбежно сталкивается с содержательным по сути конфликтом интерпретаций и разговоров иных авторов, также занимавшихся категоризацией оснований механических явлений и сущностей – таких, как упоминаемые здесь Герон, Архимед, Евклид, Фуллер и Альберти. И здесь важно если и не всецело описать, то хотя бы отчасти обозначить моменты, в которых предложения и прозрения этих великих оказывается возможным

сопоставить и дополнить тем, что представится в качестве примечательных результатов такого сопоставления. Опять же, для прикладного поиска новых предметно-технологических возможностей[237].

Так, если брать систему альпинистских механизмов, использующих основные героновы, то становится очевидным, что даже работающий преимущественно на сжатие в случае колонны, оружия или фиксатора клин работает на растяжение – особенно когда используется в качестве крюка или закладки, не говоря про карабины, кольца платформ и тем более веревки. Стоит отметить, что альпинистские системы реализуют механику tensegrity по преимуществу, представляя собой не только средства жизнеобеспечительные (livingry), но даже в наибольшей степени жизнеспасательные.

Собственно же основных типов альпинистских механизмов три:

- постояннорадиусные разомкнутые (клинья и крючья, включая ледорубы, молотки и кошки);
- постояннорадиусно замкнутые (карабины, подъемно-спусковые системы, перфорированные платформы);
- переменнорадиусные (веревки, шнуры и прочие ванты).

Поэтому клинья в альпинистском снаряжении представляют собой геометрически открытые системы, в архитектуре также именуемые арками, рассматриваемыми в некоторых программных архитектурных нарративах (вроде альбертинского) одними из основных композиционных решений наряду с колоннами. Однако крюк – не просто арка, испытывающая в

[237] Действительно, автору этих строк представляется куда более удивительным обнаружить нечто новое в давно известном и простом мире механического (который, с подачи братии неклассических физиков был не совсем справедливо назван ньютоновым, тогда как он все же скорее александрийский), нежели в мире воплощающих самое искусственную сложность полупроводниковых информационных систем: в последних пока нет ничего принципиально нового с точки зрения эпистемологии: это большей частью многоуровневая система искусственных языков электронных схем, математической логики и языков программирования, основанных на известных и общепризнанных в качестве критерия научности парадигмах электромагнетизма, теории автоматов и неклассических логик. Тема этих языков и способы выражения на них (включая даже такие чудесные и тревожные перспективы, как квантовые вычисления) достаточно проработана и пущена в коммерческий оборот мириадами специалистов. Сказать что-то новое здесь можно, копаясь в исторических корнях электромагнетизма, но даже при том, что это есть особая тема занятий, для перехода к ней нужно прояснить именно что основания элементарной механики, особенно если исходить из презумпции целостности форм и принципов бытия мироздания (специально не произношу слова "законов"). Поэтому весь представленный здесь "механологический" нарратив можно считать подготовкой к такому рассмотрению.

архитектуре преимущественно воздействие сжатия по внешнему периметру и стоящая обоими своими концами на опоре пола подобно одноопорной по сути своей колонне. Это есть арка, в которой опирается лишь один конец, тогда как другой свободен, то есть это есть система, работающая как консоль.

Для Альберти (собственно и начинающего свои "10 книгах о зодчестве" с пары базовых категорий колонны и арки) сама арка представляет собой, скорее, либо скривление более прямолинейной системы (которой как раз является колонна), либо соединение двух гибких на поперечное давление колонн. Что так или иначе, скорее всего, находилось в пределах свойственной его эпохе рецепции пифагореизма и все той же старой задачи спрямления кривого. Здесь важно отметить то, что Альберти все еще мыслил в презумпции механизмов сжатия, а не растяжения, а потому едва ли мыслил колонну как аксиально преувеличенную арку, хотя наверняка догадывался о чем-то подобном, глядя на образцы дорического стиля. Для Фуллера же, судя по всему, реальность механизмов начинается с арки большей или меньшей кривизны, которая в трехмерном пространстве также уже есть и спираль, и пружина, тогда как сама колонна есть разновидность арочной системы, а системы стилей уже есть системы систем, каковыми являются арки, а не просто системы элементов. Следует помнить, что для Фуллера "Unity is two".

Между тем, крюк, или консольная арка – это все же не клин и не совсем колесо. Будучи дугой, это, так или иначе, пружина с различным типом жесткости (возможно, нулевой). Равно как ванта, пружина есть элементарный механизм с изменяемым радиусом, но в отличие от нее – возвращающийся к своему исходному радиусу (даже если этот радиус бесконечен, то есть если пружина прямая), то есть пружина есть система с эффектом памяти, именно потому она есть элемент – запасатель энергии, первичный механизм-автомат и едва ли не главный элемент всех механических автоматов.

Элементарная пружина есть линейный консольный объект, создающий вибрации, то есть осциллятор. Также элементарная пружина есть рычаг третьего рода, как пинцет и плечо лука (для стрельбы стрелой – идеальным стержнем с идеальным клином), но такой, что заведомо не замыкает противоположный точке опоры конец, и тем она ценна для создания акустических вибраций в замечательных музыкальных инструментах вроде

африканской калимбы губной гармошки или в мундштуках иных духовых инструментов.

Но поскольку в большинстве европейских инструментов этот элемент обычно скрыт от глаз пользователя, мало обращается внимания на то, что это, пожалуй, единственный пример осциллятора струнного типа, один из концов которого не имеет точки опоры, тогда как у собственно струны закреплены оба конца. И он, в отличие от струны, не является вантой по причине отмеченного его свойства "памяти радиуса". Осциллятор струна также способен обеспечивать память формы, но это память прямолинейности и она возможна только для случая натянутости, то есть когда имеет две точки опоры. То есть струна и пружина представляют собой два противоположных способа осцилляции по основанию способа сохранения памяти формы.

У Герона сразу после интуитивно понятного клина, воплощающего идею треугольника, идет рычаг, который, будучи геометрически, казалось бы, более простым и воплощающим идею разомкнутой линии, тем не менее, куда более сложен в своих механических возможностях, нежели простое соотношение большего и меньшего усилия на единицу площади, как в клине.

Однако следует помнить, что если геронов клин есть механизм продольного действия, то геронов рычаг – поперечного, и точка его опоры представляет момент коловратного движения (тогда как следующий за рычагом геронов ворот представляет собой фиксацию в точке опоры рычага поперечного элемента, имеющего заведомо цилиндрическую форму). А продольное и поперечное действие, вместе с натяжением и сжатием, а также открытостью и замкнутостью линии как основы геометрических форм, представляют собой три пары основных возможностей бытия механики. В этом смысле, с учетом дополнения гернового основного набора вантой, становится понятен фуллеров тезис о том, что сжатие суть уменьшение радиуса, тогда как растяжение – его увеличение. И безотносительно к тому, что создает продольное, или торцевое, усилие, можно рассматривать спецификацию для такового клина. Это значит, что клин также может быть рассмотрен относительно точки опоры, которой для него оказывается его основание. При этом, однако, если клин закреплен в точке опоры жестко относительно поперечного действия, то он уже приобретает свойства консоли, или элементарной пружины, или фиксированного на одном конце и открытого на

другом линейного механизма. И тогда действие некоторого геометрически треугольного механизма как клина определяется его преимущественно продольной механической функцией. Это действительно так, особенно если вспомнить традицию определения качества испанских клинков через их хранение в свернутом кольцом виде, с последующей их способностью, будучи развернутыми, устойчиво сохранять прямолинейность. То есть кузнечное качество клинка, прежде всего воплощающего механическую идею клина, определялось не иначе, как его свойством хранения радиальной памяти и возврата к соответствующему радиусу. В свою очередь, используемый в альпинистской механике острый крюк очевидным образом сочетает функции пружины нулевой гибкости и клина.

Можно говорить о реализации этих механизмов в "естественной" среде. Клин представлен чаще в открытом виде шипов, когтей, клыков и рогов, рычаги в качестве открытых механизмов мы едва ли встретим как "естественные" у покрытых кожей животных, однако они открыты у панцирных. Таковыми являются конечности животных и человека, представляющие рычаг третьего рода по бореллиевой схеме, вторично-натяженной в фуллеровом смысле. Также преимущественно закрыта нежесткая на продольное сжатие ванта, являющаяся, как показывает раннее рассмотрение, более фундаментальным и непосредственно противоположным клину механизмом в способе действия сил, чем рычаг, однако не входящим в число героновых в самостоятельном виде (но в составе блока); она встречается в случаях сухожилий конечностей и сосудов животных, а также проводящих волокон растений. Но также может быть и открытой в случае волос и шерстинок, в более широком смысле – топологически открытой, если учитывать также волоски выстилки кишечника (ибо располагающий ими организм топологически есть тор).

Таким образом, в "естественной" природе можно обнаружить преимущественно ванты (не говоря про идущие дальше них тентовые крылья летучих мышей и плавательные перепонки прочих животных), клинья, пружины и рычаги, причем рычаги преимущественно второго и третьего родов, тогда как случай встречи рычага первого рода, ворота или блока уже должен, казалось бы, вести к предположению о них как об артефактах, не имеющих естественного происхождения. Но и здесь более подробное

рассмотрение обнаруживает зависимость такого суждения от масштаба, или пространства, рассмотрения: на коловратную механику нам указывают крупные космические объекты вроде молодых звезд или галактик, а потому вопрос о естественности механизмов того или иного типа уместен именно относительно их типичности для того или иного масштаба.

С учетом сказанного, представляется вроде бы оправданным говорить о возможности еще одного, четвертого основания механики – известной со времен Архимеда "точки опоры", эмпирически подкрепляющей интуитивизм геометрической изначальности евклидовой точки. Однако с учетом того, что говорил Фуллер относительно отсутствия в природе "точек" и наличия вместо них пересечений, узлов и окружностей малых радиусов, следует говорить о моменте изменения вектора сил как эмпирическом смысле любой "физической точки", или просто об опоре, за которой всегда так или иначе стоит либо продольное трение (а точка ли это будет в таком случае, или "фундаментальная онтология следа"?), либо поперечное действие под разным углом. Вот это самое "под разным углом" как раз и означает то, что основание возможности бытия механики по типу приложения сил одного элемента к другому (прямого или поперечного) представляет собой маргиналии дифференциала, между которыми как раз и находится такой, казалось бы, наипростейший механизм, как клин: геометрически он находится между прямым углом и "нулевым", или чистой линией, то есть таковой, что не имеет уменьшенной радиальности. Клин есть средство механической коммуникативности, своим концом представляющий, так или иначе, не фиксированную вершину арки.

А может ли дуга, или консольная арка, или пружина, работать по торцу? Да, и это, собственно, та самая "бочка" или "дынька", которая представляет сбой уменьшение промежуточной радиусности колонны, которая известна по образцам портальных арок новгородской архитектуры (и рассматривается сегодня как декоративный, а не инженерный, элемент), и которая наглядно представлена на рисунках 10 и 11 фуллеровой статьи "Tensegrity" 1961 года. Собственно идея Фуллера в том и состоит, что никакая ванта не может быть абсолютно прямой, ибо она всегда есть арка той или иной радиусности (рисунок 12). А значит, такую же, пружинно-арочную, природу имеет и клин – на то, что это имело место в механических интуициях древних европейцев,

недвусмысленно указывает механика знаменитого "Венского Копья", если на него посмотреть без золотых накладок[238]. В этом случае обнаруживается суть работы клина как элементарного механизма, состоящая в сжимающем внешнем воздействии на вершину аксиально асимметричной арки. Именно поэтому она может сопротивляться сжатию, тогда как усилие, оказываемое на края арки, как раз образует продольное действие, и в случае сопротивления сжимающему усилию (упругости) на края имеет место функция пружины, тогда как в случае сопротивления растяжению, оказываемому на края, образуется функция ванты.

В свою очередь, рычаг может быть рассмотрен как противоположный по функции механизм, если по-фуллеровски рассматривать его как арку: в этом случае он есть ничто иное, как механизм, сопротивляющийся давлению на вершину арки не извне (как в случае клина), а изнутри, и варьируется в своих трех родах по основанию типа воздействия и симметричности места его приложения. В этом смысле "арочного основания механики" Фуллера можно видеть, что пара открытого и закрытого линейных элементов также представляет собой соотносительную и дифференциальную категорию, зависимую от растягивающего либо, напротив, сжимающего (лучше будет сказать "стягивающего") воздействия на концы арки. Тогда как сами сжатие и растяжение будут, по Фуллеру же, обратимыми действиями.

Комбинации пружинящих арок различного диаметра, упругости и ширины представляют отдельный мир несущих систем, открывающих интересные проектные возможности в сфере биомеханики, а также проясняют ранее сказанное по поводу оснований механики лука и стрел.

С точки зрения фуллерова понятия об арочной изначальности всех механических форм как понятия механики tensegrity, основные механизмы лука у него отказываются представлены тремя арками по типу их нагрузки:

- сжимаемой на концах – собственно пружинные плечи лука;
- растягиваемой на концах – вантовая по сути своей тетива;
- сжимаемой сначала изнутри на вершине (и работающей как рычаг), а затем, у цели – извне (и работающей как клин) аксиально вытянутой стрелы.

[238] Откуда де-факто идеи tensegrity взялись у древних кельтов либо как и почему Фуллер обнаружил свойственные древним кельтам идеи механики – отдельный вопрос.

Арка (для плоскости, для пространства – спираль) составляет геометрическую и механическую суть любой линейности. То, что называют нелинейностью, есть изменение радиуса или направления кривизны, уходящей из проекции плоскости или трехмерного пространства. Концепция Фуллера проясняет суть механических оснований античных и ренессансных авторов и способствует выстраиванию логики этих оснований.

***

Рассмотренные выше три пары основных возможностей бытия механических взаимодействий (направление усилия деформации, направление приложения сил, способ оформления) заявлены составляющими основание бытия умозрительной и невооруженно наблюдаемой механики, соизмеримой человеку. Однако при этом сохраняется ощущение какой-то недосказанности, отсутствие важной категории, дополняющей перечисленные аспекты бытия механики. В чем тут дело? Если присмотреться, все эти основания различаются по типу аристотелевой причинности: например, направление деформации может быть рассмотрено как соответствие действующей, тип оформления линейности – формальной, продольный либо поперечный – опять же, к действующей (если бы я попробовал ее осторожно отнести к целевой, но потребовались бы особые объяснения на фоне уже заметного большого поля для разногласий). А вот чего здесь нет, так это аналога материальной причинности, каковым неизменной оказывается способ деформируемости субстанции действия. Как известно из основ материаловедения и сопромата, краеугольным различием этих наук является упругая либо пластическая деформируемость материала. Если угодно, то эти (уже теперь четыре) пары основных различий можно рассматривать как два "действующе-материальных" и два "действующе-формальных"оснований механики.

То, что ранее было обозначено как пружина, бытующая между рычагом с нулевой гибкостью и вантой с максимальной гибкостью, в действительности представляло собой нарратив элементарного механизма, который, с учетом своего материального аспекта, предполагает сочетание "памяти радиусности" с ненулевой упругой деформируемостью.

Таким образом, получается категориальный крест (в смысле "грузинской школы логиков"), но не из двух, а из четырех пар категорий – условно и мнемонически выражаясь, "мальтийский крест механики". Или, если угодно, восьмилучевой эпистемический крест человекоразмерно наблюдаемой механики.

С учетом добавленного материального аспекта становятся более ясными некоторые вещи – например, то, что было ранее рассмотрено как "фундаментальная онтология следа" и "граммы", не говоря про универсальное значение основ материалорезания ("чем след..." и "на чем след...").

Само же различие упругого и пластического видов деформации вполне себе объясняется в понятиях фуллерианского структурирования мира регулярным (организованным, взаимосвязанным) и нерегулярным (неорганизованным, не взаимосвязанным) распределением силовых взаимодействий между образующими материю элементами ее множественности. Поскольку первейшей формой первой оказывается триангулярная (или, в случае сжатых, или "внутренне-замкнутых", материальных систем – ортогональная) организация, оказывается также возможным говорить о зависимости типа деформируемости материала, в сочетании с другими аспектами, от направление действия сил в треугольной системе векторов как элементарной: против вершины (изнутри либо снаружи) и поперек противолежащей ей стороне, либо параллельно противолежащей вершине стороне и поперек направленности вершины.

Вернее даже более верным, пожалуй, будет говорить не об основании и противоположении вершине треугольника, а об арке и направлениях усилий относительно различных ее сторон: противонаправленном ее вершине (фазе) усилии снаружи и изнутри, а также усилии, смыкающем и размыкающем ее концы (соответственно, параллельно ее основанию, представляющему собой условную линию, соединяющую эти концы, которая в реальном физическом выражении никогда не является абсолютно прямой, но всегда более-менее идеально). В свою очередь, понятие поперечного и продольного направлений воздействия на арку, данное в объяснение

сущности типов деформации материалов, свидетельствует в пользу полноты системы "категориального креста механики" их четырех пар ее оснований.

Мыслимая секвенциально и в своей периодичности представляющей волну или синусоиду, арка определяет механическое бытие пружины и ванты, а также клина, кольца и рычага как наиболее простых механизмов геронового типа в смысле различия направления приложения сил к ее геометрии, причем вполне по-фуллериански без привлечений понятий вроде точки пересечения или ненавидимых "американским Леонардо" категорий верха и низа. Тем самым оказывается возможным дать выразить основу этих механизмов:

- клин – как внешнее противонаправленное воздействие на вершину (фазу) арки;
- рычаг – как внутреннее противонаправленное воздействие на вершину (фазу) арки;
- ванта – растягивающее воздействие на концы (стороны) арки;
- кольцо или петля – стягивающее (сжимающее) воздействие на концы (стороны) арки.

Собственно элементарная пружина при таком уточнении оказывается упругой дугой, образующей свойство едва ли не всех остальных элементарных механизмов. Что, тем не менее, не исключает ценности обозначенного ранее вопроса о невключении Героном пружины в основу механики, и следующей из этого обстоятельства платонической "идеалистической" гипотезы в ответ на него, поскольку лук все же был наиболее наглядным предметно-практическим и повседневным вариантом среди современных Герону видов пружины. Этот постулат о присущности свойства пружины клинку, ванте, рычагу и кольцу означает, что мир пружинящ и арочен по сути, и что в этом состоит основа механической реализации принципа памяти.

О толкованиях неофашизма или что лечится диссоциативностью

Одной ногой российская власть на протяжении нескольких лет (веха – 2014 год, когда страна стала открыто вести внешние войны) толкает граждан "бывшей страны советов" в мрачноватый мир Жака Аттали, а другой стоит в своей исторической могиле. И это – политический курьез, который сейчас мало кто обсуждает. Имеются ли еще прецеденты в истории, и верно ли, что нынешний прецедент как раз характеризуется тем выражением, что вынесено в заголовок?

Зачем об этом здесь идет речь? Автор не снимает с себя ответственности за происходящее вокруг и считаю должным обозначить ряд важных моментов по теме, оказывающейся на поверку не столь однозначной. Действительно, человек более академического подхода будет более беспристрастен, нежели тот, кого нынешняя политическая система затронула непосредственно или чью семью затронула фашистская система в прошлом. Этот материал создан, дабы принимать решения, и не колебаться при случае, запутавшись в определениях. И, конечно, дабы помочь другим принять непростые решения. Как гласит один анекдот, "перестаем называть член писей и начинаем лечить сифилис". Нужно отдать себе отчет: в стране воцарилась махровая уголовщина (по совокупности всего, вспомните), а также нечто, сильно напоминающее фашизм. А, как известно, если нечто выглядит как уточка, крякает, как уточка и ведет себя, как уточка, то... выводы каждый должен сделать сам, заодно попытавшись ответить на вопрос, чем гражданство отличается от подданства и какого рожна на этом шарике делаешь. Соответственно, если нечто – коричневое, скользкое, вязкое, теплое и при этом имеет характерный запах, то что это? И при какой комбинации этих качеств нужно начинать бить тревогу?

О способах говорения и толкования

Сразу следует сказать, что все, здесь излагаемое – лишь напоминание дидактических вещей, а не открытие чего-то принципиально нового, дабы каждый, читающий все это, имел бы некоторые основания для выводов и самостоятельной оценки достоверности этих оснований. Ибо, увы, пришло время вспоминать эти различия в их совокупности по совокупности сложившихся обстоятельств. Почему же, однако, нужно вспоминать то, что

так много и кем было оговорено и расписано по итогам Второй Мировой Войны Ароном, Ясперсом, Фроммом, Поппером, Саркисянцем и многими прочими? Дело в том, что есть немало достаточно просвещенных людей, не считающих правильным называть словом "фашизм" сложившийся политический режим. Они говорят, что-де по старой советской традиции фашизмом принято именовать все, что в обществе ущемляет права одних в пользу других, а потому за этим словом-жупелом не стоит реального содержания, кроме эмоций. Такое говорит, к примеру, умная и эрудированная Шульман. Поскольку таких, как она, мало, в отсутствие альтернативных мнений по совокупности ее же вопросов создается массовое впечатление о том, что представляемая ею слаженная картина мира (во многом разделяемая автором этих строк) является полностью безошибочной. Хотя, если заметить, этот человек подкупает как раз собственной самокритичностью. Здесь стоит задача сохранить ценность умных и эрудированных в этом их качестве, указав ошибочность их мнения по данному, конкретному, вопросу, поскольку именно они оказываются добросовестными источниками просвещения масс, тогда как именно от таковых личностей фашизм, как свидетельствуют разносторонние обобщения исторического опыта, стремится избавиться. Особенность нынешней ситуации (об отличиях нынешней формы фашизма от прошлой еще будет сказано) состоит в допустимости самим режимом отдельных таких персонажей, чья правота именно что частична и полезна к трансляциям через оппозиционные или квазиоппозиционые СМИ (вроде радиостанции "Эхо Москвы" – яркого примера "контролируемой и управляемой демократии", где та же Шульман осуществляет ликбез почтенной публики), тогда как собственно неподконтрольный голос ума, эрудиции и образованности, идущий от более широких (даже все еще академических) общественных слоев жестоко подавляется как буквально полицейской дубинкой на улицах, так и в смысле институтов, что можно видеть на примере полуграмотно-полувредительского процесса между ФАНО и РАН (при том, что саму РАН автор этих строк считает сермяжно виновной во всем, что происходит в его родной стране). Вообще половинчатость ситуаций и допусков является одним из признаков современной российской автократии, почему складывается впечатление скорее о вредительстве, нежели о преступном замысле. Одним же из маркеров фашизма является

пренебрежительное отношение к демократическим институтам, организующим народные массы в цивилизованное общество, руководствуясь высказанным одним из столпов фашизма принципом, согласно которому эти массы есть женщина, а таковая любит силу. И в "век информации" в моде оказывается сила ума и эрудиции.

Существующий в России фашизм имеет общие признаки с другими его формами. Однако существуют иные, не только блистательно умные и эрудированные, но совсем уж до вредности характера гениальные, люди, отрицающие любые обобщения и дедукцию, считающие таковые "абстрактными умствованиями", а не естественной когнитивной функцией. Таков по своим высказываниям Григорьев (при этом рассуждающий про ценность рецепции диалектической презумпции как логики развития, придуманной прожженным "обобщателем" Гегелем), и эта эпистемическая дичь является еще одним признаком того, что "не боги горшки обжигают". Видя общие черты фашизма, оказывается возможным, простите за трюизм, также видеть отличия его конкретно-исторических форм.

***

В силу того, что речь идет не просто о фашизме, но о неофашизме, следует обозначить два возможных толкования последнего. Первое и наиболее известное – толкование его как реставрации некоторой конкретной исторической формы, утратившей позиции, но восстанавливаемой сторонниками-реваншистами. Разумеется, оно не актуально для России 2018 года, ибо никакая форма фашизма не имела место ранее в российской истории именно что на вершинах власти; диктатура сталинского СССР (поскольку СССР был далеко не только сталинским), при схожести тоталитарных черт[239], имела иную природу по совокупности выделяемых здесь трех ключевых спецификаций фашизма, о которых идет речь далее. Кроме того, реваншистская концепция неофашизма не объясняет тот феномен, когда имеющий соответствующие признаки режим празднует каждый год 9 мая победу над фашизмом. Мимикрия самоотрицания на уровне государственной идеологии, вкупе с политикой государственного

[239] Социализм как преимущественная "власть зарплат" среди прочих видов дохода; кроме того, специфика госкорпоративизма: в отличие от той же Германии, СССР был не просто "корпоративным государством", но "государством-чеболем".

тайного террора против населения на фоне официальной борьбы с терроризмом, также является вполне допустимой вещью в фашистских диктатурах – не исключено, что этой практике фашизм обязан работам доктора Геббельса (весьма умного и эрудированного человека для своего времени, специалиста по немецкому романтизму, кстати сказать... что не мешало ему при этом быть редкостной сволочью), рассуждавшего о способности к мимикрии евреев и необходимости в этом отношении их обыграть[240].

Более существенное на 2018 год понятие неофашизма связано с возникновением его как устойчиво формируемого естественным образом политического режима в определенных социально-экономических условиях исторического процесса безотносительно к осознанным действиям отдельных лиц, направленным на конкретную форму, идеологию или атрибутику, при естественном попустительстве общества процессу формирования этого режима, игнорировании им роста числа признаков и их причинной обусловленности. То, почему общество попустительствует и не замечает признаков, отдельный разговор, но в целом это объясняется довольно прозрачными причинами: фрустрациями из-за потери доходов и прочих экзистенциальных угроз, а также деградацией системы просвещения, чему способствует целенаправленная политика государства и пассивность (малая агрессивность) общественных институтов, статус которых легализуется правящим истеблишментом как враждебный. Нужно понимать, что получающее такой режим общество не перестает быть разнородным, и даже при наличии "фасции" элит внутри последних нет борьбы группировок и "кремлевских башен" – это, кстати, один из аргументов тех, кто считает иллюзорным применение понятия фашизма к нынешним российским реалиям. Другим важным здесь аспектом является то, что, несмотря на ключевые признаки, равно как любой политический режим, фашистский оказывается необходимым рассматривать в динамике: да, он представляет собой определенную фиксацию общественного развития, но само его формирование есть процесс развития ситуации, то есть ситуация

[240] Нынешние, увенчавшиеся успехом, попытки "силовой партии" обыграть "неолиберальную партию" в смысле мимикрии, используя полученные в ее же среде политтехнологические и медийные наработки, очень напоминают аспекты политики доктора Геббельса: речь, конечно, идет об имитациях общественно-политического и научно-технологического процесса вроде ОНФ или АСИ, фактически обеспечивающих выявление, замыливание и вымарывание из социальной реальности лидеров общественного мнения.

незавершенности. Не говоря про то, что учет адаптивных к общественному развитию форм фашизма есть базовая предпосылка данного материала. И это еще одна ошибка отрицающих наличие такового и говорящих: ну вот же, смотрите, нет таких-то признаков, и напротив, есть многие признаки свободы слова[241]. Они тривиально не рассматривают ситуацию в перспективе.

Эти условия надличностного формирования политического режима рассматриваемого типа, конечно, связаны с исчезновением низового предпринимательства и его подавлением государством при заинтересованности и попустительстве крупных корпораций, и с формированием зависимого корпоративного "среднего класса", доходы которого начинают падать, а его ряды как раз пополняются из числа этих самых низовых предпринимателей, замученных неопределенностями конкурентной экономической среды[242]. А также с особыми внешнеполитическими и внешнеэкономическими обстоятельствами. С учетом того, что и средний класс, и государства-нации суть продукты капиталистической эпохи, стоит помнить, что таковым же продуктом капитализма является и фашистская политическая система, возникающая как эффект более традиционалистских общественных состояний в аномалии капиталистического бытия, и никакого другого: ни опричнину Ивана Грозного, ни латиноамериканскую конкисту, ни погром Рима ландскнехтами Карла V нельзя толковать как признаки фашизма. Таковыми признаками уже обладает бонапартистская Франция, но еще не полностью, поскольку социальная среднеклассовая среда и кризис перепроизводства отсутствовали как в этой стране, так и в мире. Признак для Франции –

[241] В нацистской Германии, кстати, имели место признаки ограниченной свободы слова в виде тех же полуоппозиционных СМИ, первым среди каковых в нынешней России является "Эхо Москвы".

[242] Под низовым предпринимательством имею в виду моих любимых "великих гаражников", создавших Ford, UPSA, Dysney, Amazon, Apple, а не носителей мелкобуржуазного сознания – мелкогешефтных торговцев, трясущихся перед страшным конкурентным миром и как раз-таки бегущих от него в теплый и сырой этатизм и "ту самую" идеологию под крыло такого удобного и понятного фюрера. Чтобы дать понять, о чем речь, приведу пример запомнившейся мне фразы одного дизайнера-коуча, услышанной мной как-то на Винзаводе: настоящий дизайнер никогда не боится конкуренции, ибо не боится того, что у него украдут – его потенциал неисчерпаем. Именно этим мелкобуржуазные толькорутинные производители дженериков отличаются от "великих гаражников": последние – творцы, и попросту не заинтересованы в столь радикальном оскудении собственной жизни, как "работа на дядю". Однако именно эта общая дженериковая гаражная среда является той самой, в которой возможно появление "великих", поскольку гараж как место творческого священнодействия должен быть именно мелкособственным. Одними лишь бизнес-инкубаторами и технопарками не обойтись; более того, они вторичны.

попытка превратить нацию в империю или создание империи посредством одной нации, с последующей унитаризацией гражданства.

Маркерными и существенными, необходимыми, но не достаточными и не исчерпывающе специфицирующими, являются широко известные признаки тоталитарных диктатур – например, пропаганда страхов и угроз со стороны "пятых колонн" и враждебных внешних сил, милитаризация массового сознания через пропаганду военщины и милитаризация экономики в ущерб прочим отраслям, этатизм и пропаганда сверхценности государства, массовые бравурные мероприятия в поддержку партии власти, вовлечение "антуража благочестия" преобладающей в обществе религии в орбиту идеологии с игнорированием тонкостей учения и редукцией до оголтелого обскурантизма. Все они важны и по совокупности подкрепляют суждение о политическом режиме как фашистском в составе набора основных признаков, но сами по себе еще не представляются сущностными, хотя наличие по меньшей мере двух из них и устойчивое их воспроизводство должны заставить серьезно задуматься и начать копать эмпирику.

В дискуссиях на эти щекотливые темы изначально ощущается некая недоразрешенность в вопросе о том, так ли уж различны в своих определениях фашизм и то, более широкое, понятие, что названо тоталитарной диктатурой индустриального общества. Действительно, каким бы ни было конкретное воплощение подобной диктатуры, ее характеристические признаки оказываются теми полюсами притяжения, к которым она тяготеет независимо от того, реализованы они полностью в виде фашизма или нет. Внутривидовая борьба подобных диктатур представляет собой малорефлексируемую борьбу нанайских мальчиков, поскольку в ходе такой борьбы противоположная сторона декларируется в своей непосредственной данности (эти – "фашисты", а эти – "социалисты"), тогда как для своей стороны происходит ужесточение порядков под старым аргументом, являющимся лозунгом: "дело серьезное – нужно единоначалие, никакой демократии". Разумеется, вошедшие во вкус игнорируют искусственную срочность любого единоначалия как один из основополагающих принципов демократии, в том числе в собственной риторике – порукой тому "девичья забывчивость" общества плюс сменяемость поколений, каждое из которых в той или иной форме по-

новому изобретает велосипед общественных отношений. И это представляется удобным, особенно с учетом того, что индустриальная эпоха массовой занятости, похоже, закончилась. Тем не менее, существенные различия видов таких диктатур имеются.

По мнению автора этих строк, известный перечень из 14 определяющих признаков фашизма Лоуренса Бритта, действительно, является определяющим, но не сущностным, поскольку не говорит о специфике фашизма в основных отношениях общественной жизни, и о специфике этого феномена как европейского явления. Между тем, набор этих признаков, относящихся, в представленной здесь терминологии, к маркерным или подкрепляющим, по-своему обозначает и сущностные в числе прочих как именно признаки, но не системные условия, хотя и не раскрывая их суть, а потому вполне согласуется со всем здесь изложенным, являясь не только весьма ценным критериальным средством для прикладной диагностики, но и важным нравственным достоянием человечества. Будучи представлены как императивы с отрицанием (в модусе "не допускай того, чтобы..."), признаки фашизма Лоуренса Бритта оказываются ценностным базисом, или системой заповедей, о которых как об особом логическом феномене (или форме мысли) упоминалось ранее. Перечень Бритта – прекрасное дополнение в коллекцию прочих. По совокупности наличия большинства этих признаков можно с уверенностью судить, что имеет место диктатура тоталитарного типа.

Вот, кстати, еще один существенный, но не сущностный, признак фашизма, который широко известен, но на который не так уж часто обращают пристальное внимание. Его следовало бы отнести к, так сказать, досадным последствиям – в том самом смысле, как говорил Ницше о досаде как болезни, не исчезающей с исчезновением ее причины. Это дискредитация либо придание в последующем массовом сознании негативного значения известным ранее и вполне себе нейтральным, либо имеющим даже обратное, сугубо позитивное, значение, сущностей символического порядка, путем присвоения их фашизмом в качестве собственной атрибутики. Таков религиозный индуистский символ свастики (вообще широко распространенный в культурах всего мира символ – образ вихревых потоков, воротного механизма и того самого пресловутого "коловратного движения",

над постижением которого так маялся Михайло Ломоносов), до времени безобидная песня "Wenn die Soldaten" или даже губная гармошка – известные развлечения солдат Вермахта. Коннотативное и оценочное восприятие очень многих вещей у сотен миллионов людей оказалось способным к смене на прямо противоположное или неоднозначное в очень короткий срок в силу ассоциаций.

В условиях пост-постмодернистского варианта фашизма начала XXI века сюда же можно отнести тот примечательный феномен, что подпадающий и под определения Бритта, и под определения автора этих строк, политический режим позиционирует себя в качестве антифашистского, и как раз под антифашистской риторикой осуществляет военную имперскую экспансию. Здесь интересны именно что медийные последствия, то есть последствия массового восприятия, этого явления: с одной стороны, это отрицание фашизмом фашизма может быть по сути (а также и для некоторых, достаточно сознательных идеологов режима) ничем иным, как эволюционным самоотрицанием новой формой фашизма прежней или стереотипной исторической формы. С другой, для немалой доли носителей массового сознания, не затуманенного сложными предметными различиями (см. на этот счет 11 признак Бритта), борьба некоторого диктаторского режима с фашизмом может восприниматься в пользу предшествующей формы и, таким образом, на уровне семантической сети исподволь готовить почву для его очередного эволюционного воплощения. Я также не исключаю иных эффектов этого исторического курьеза, имеющего место в современной мне России, очевидно носящего характер фарса. Но если так, то имеется основание для некоторого оптимизма: фарсовое повторение истории может означать завершение одного из ее трагических сюжетов.

О признаках сущностных и комплексных

Итак, в дополнение и соответствие к имеющимся критериям предлагается тезис, согласно которому некий политический режим особым (хотя и достаточно известным) образом специфицируется как фашистский комплексными признаками в трех отношениях: идеологическом, политическом и экономическом, причем каждый в этом списке последовательно обусловлен другим. Сразу отмечу, что при этом я не являюсь сторонником эпистемы базиса и надстройки в ее исходной версии,

считая таковую сильной редукцией понимания общества как целостности. Исходные версии таких эпистем, как правило, являются сильными, поскольку им приходится пробивать себе дорогу среди господствующих парадигм и познавательных установок, но они не достаточны для более взвешенных подходов и оценок.

Едва ли не первым существенным маркером фашизма является государственная идеология "поднятия с колен" угнетенной нации с тезисом "возвращения ею былого величия", причем угнетенной недавно либо продолжающей быть угнетаемой неким общим врагом, а потому такая идеология уже всегда имеет этот самый образ врага за всяким "поднятием с колен" – пусть даже виртуального врага. Ибо если нет врага, то кто "поставил на колени"? Лучше, если изначально еще не исчерпанный, свежий, враг имеет реальный образ и угнетает недавно, и это не какой-то отдельный супостат, а целая их когорта, во главе которой, конечно, может стоять кто-то один или "главный" (американские элиты, Рот Фронт, вообще коммунисты, евреи, масоны, etc.), стремящийся разрушить общество, лишив его автономии, под которой уже заведомо понимается государственная автономия, а само государство определяется как единственная форма общественного управления. Именно поэтому рост национального самосознания и вообще националистическое движение еще не есть признак фашизма – для него должно иметь место объединение особой националистической риторики с риторикой этатистской и с риторикой врага, с дальнейшим закономерным этапом присвоения такой риторики государством. А также использование национализма в качестве преимущественной аргументации насильственного подавления любого инакомыслия (даже не имеющего националистической окраски), а не отстаивания национальных интересов (даже насильственного). Собственно, необходимость, но не достаточность, нации как предпосылки формирования фашистской политии указывает на то, что этот режим есть эпифеномен капитализма как особенность исторического развития Европы, поскольку государства-нации, в конечном счете, возникли во многом вследствие многосотлетнего институционального раскола гвельфско-гибеллинских европейских элит, формирования вольных городов и университетских наций – студенческих сообществ, кои являются прямым изначальным

определением слова "нация". В этом смысле важно помнить, что понятие нации не сводится к понятию этноса: это достаточно специфическое для мировой истории явление. Разумеется, пропагандистское разыгрывание карты "обиженной нации" происходит на реальных к тому предпосылках, а разогрев на этой теме масс осуществляется через усилители формируемой фактуры новостных поводов, нередко становящихся основой шок-контента: посредством осуществляемых спецслужбами терактов, этноконфессиональных разборок и прочих провокаций. По сути враг абстрактен, ибо мифологизируем, но всегда должен быть удобным образом конкретизируем, дабы оживлять его происки примерами из жизни. Наиболее, пожалуй, известный случай – поджог Рейхстага, а про российские подобные случаи – теракты и политические убийства – сказано столь много, что здесь нет смысла их упоминать. Пусть все эти случаи рассматриваются в международном суде. Однако стоит отметить, пожалуй, наиболее откровенный, задуманный и осуществленный как откровенный по своему составу преступления, случай террористической атаки на граждан в Петербурге в апреле 2017 года на станции метро "Технологический институт". Здесь есть всего два варианта: либо это сделали власть предержащие, либо их так подставили, что прозевавшее это, как ничто иное, руководство российских спецслужб (главных сегодняшних охранителей режима) должно полететь с должностей архирезво. И безотносительно к тому, какая именно из этих версий наиболее правдоподобна и какой категорией граждан какая из них будет воспринята, важно то, что их всего две и они именно такие.

Далее, поскольку речь идет о нациях, следующим специфицирующим признаком фашизма, обозначенным как политический, следует отметить стремление или попытку нации либо социальной общности, мыслящей себя большинством своих членов как нация, либо превратиться в империю, либо осуществить имперский проект, создав единый общественно-территориальный монолит, объединив прочие нации и народы под эгидой и водительством некоторой данной нации или некоторого данного народа, провозглашенного и пропагандируемого как избранный к такой имперской миссии. Поскольку провозглашается возврат к истокам великого прошлого (а для классического варианта империи свойственен административно-

территориальный унитаризм), постольку здесь возможны два варианта. Или принимается решение об исключительности и приоритете одной нации над всеми прочими как сверхценной идее и руководстве к прямому действию, как в гитлеровской Германии. Или нация, силами которой творится новая имперская цивилизация, с благодарностью приносится в жертву великому строительству более широкой унитарной имперской общности, тогда как руководящая и направляющая роль передается институциональной структуре партии, существование которой становится сверхценной идеей – как было с русским народом в СССР, только в отличие от Германии была идеология не "вставания нации с колен", а победы идей коммунизма во всем мире, сменившаяся, по мере уничтожения Сталиным Коминтерна, идеей победы социализма в отдельно взятой стране, что считается иными авторами заслугой диктатора, пожалевшего-таки "великий русский народ", за которого он-таки поднимал тост по случаю Великой Победы. Именно поэтому, при внешней схожести, сталинскую диктатуру в СССР нельзя считать фашистской: в смысле политического основания это другой вид тоталитарной диктатуры в индустриальном обществе. Империю строила партия, а не нация, сохранность которой была предметом дискуссии и которая повлияла на нынешнюю ситуацию с политическим федерализмом в России: сегодня он очевидным образом сворачивается преимущественно русскими по национальности элитами с подавлением права прочих наций на самоопределение в качестве криминализованного сепаратизма с параллельной унитаризацией страны, без акцентирования элитами своего национального статуса, вместо которого актуализируется тема религиозно-монархического традиционализма "духовных скреп", имеющая, тем не менее, завуалированный националистический характер некой "россиянской" особенности. Об унитаризации свидетельствует не только волюнтаристский запрет выборности губернаторов и глав регионов, но и, пожалуй, наиболее ярко – недавние события вокруг тягомотного переоформления Татарстана как автономии с должностью республиканского президента в составе Российской Федерации. И если прежняя форма фашизма провозглашала одну нацию превосходящей все прочие в деле создания империи, тогда как та же европейская общность не была единой федерацией де-юре, то в случае России сразу имеет место юридически федеративное устройство, превращаемое в имперскую унию под пропагандой страха сепаратизма. То

же самое происходит и на уровне городов, а поскольку рыба гниет с головы, то и процесс "разрушительной реставрации" начинается с унитаризирующей "реновации" Москвы пришлым с российских северов гауляйтером и его прихвостнями: ибо унитаризация есть повышение однообразия, тогда как город, по Аристотелю – единство непохожих. Этот московский процесс еще будет отмечен далее.

Идеология "поднятия с колен" сопровождается не только тезисом о "восстановления попранного национального достоинства", но и о "возврате своего назад". Еще раз для тех, кто не понял (а есть и такие, и их много): это все не относительно достоинства, доброго имени или имущества отдельного человека или его семьи, а макрогруппы "нация", мыслимой и воспринимаемый как единый субъект истории, причем единство этого субъекта мыслится как императив, отсутствие такого единства – как аномалия, а отрицание такой субъектности – как угроза. Этот, свойственный сугубо нации, феномен, можно было бы определить как поиск некоторой, ограниченной числом, общностью всечеловеческой всеобщности, и реализацию такой всеобщности на отдельно взятой территории с попыткой последующего распространения на прочие территории. Из чего имеются весьма разнообразные по своему значению глобальные следствия – как фашизм, так и вполне себе антифашистская способность к обнаружению этой всечеловечности в ином, себе подобном. При этом наилучшим образом на уровне отдельного человека и его семьи принцип "национальное как свое" (сравним с крылатым "все вокруг народное, все вокруг мое") работает в случае, когда у человека нет ничего, что можно было бы считать подлинно своим - например, своего "гаража" как пространства автономного присутствия и неподконтрольного творения общественного блага, о чем шла речь выше. Именно поэтому диктаторское государство, имея мелкую буржуазию в качестве своей социальной базы, вместе с тем стремится ликвидировать многочисленных мелких собственников и независимых самозанятых граждан как обладателей реально обеспеченных прав гражданства на территории страны. Лишая граждан их личной собственности, диктатура тем временем получает возможность делать все, что угодно с национальным достоянием и объектами культурного наследия, поскольку большинством населения они уже не воспринимаются как

объекты личной заинтересованности в их общественной полезности. Именно это и происходит в собянинской Москве.

Действительно, нельзя отрицать и того обстоятельства, что, в отличие от гвельфско-гибеллинской Европы, для России аналогом такой натянутости личностного выбора был антагонизм статусов русского человека как национально-свойско-земляческого и, здесь же, имперско-всеохватно-общечеловеческого. Однако тема борьбы с пресловутой разрухой для молодого советского государства была куда актуальнее роста национального самосознания – тем более, что, согласно всем советским идеологическим обоснованиям национального вопроса, ни одна нация не может быть свободной, если не помогает, избавившись от эксплуатации, сделать это другим нациям, предоставив им, пусть в итоге и декларативное, право на самоопределение в новом, свободном, мире – именно с этой идеей и создавалась новая советская общность, и этот императив был реальным феноменом массового сознания, а также самосознания и самомотивации отдельных личностей, чего совершенно не было в фашистских государствах Европы, стремившихся восстановить попранную справедливость и былое величие *на этой почве* и распространить принципы *этой почвы* за ее пределы. Советский человек – антропологический проект чего-то нового, устремленного в будущее, направленный против экстерриториального и заведомо глобалистического капитализма, не привязанного к земле, распространяющий принципы марксизма, которые мыслились как научные, то есть заведомо не религиозные; хотя, конечно, отношение к самой науке в индустриальную эпоху носило во многом религиозный характер, причем едва ли не во всем мире. Этот человек в такой же степени вненационален, как воин Золотой Орды, даже если он и мыслит себя монголом. Нынешний политический режим России, действительно, приватизировал национальную тему в виде "концепции русского мира", только здесь нет никакой реальной почвы: западные части бывшей империи формируют собственные национальные государства, совершенно не думая при этом становиться империями или частью какой-то империи. А в качестве исходной почвы основной массе населения нынешний российский режим не может предложить ничего, кроме московско-питерской толкотни, где все еще

сохраняются остатки цивилизованной жизни при ускоряющемся загнивании оной в регионах. А потому имеет смысл перейти к следующему отношению.

Эта политическая направленность превращения нации в империю, заквашенная на политическую идеологию "вставания с колен и восстановления попранного нацдостоинства", погружена в контекст неких экономических признаков, одновременно представляющих собой условия возникновения режима фашистского типа. Что это за условия? Их два: внешние и внутренние. К внешним относится глобальный кризис перепроизводства индустриальной экономики, самый ранний из которых, как мы знаем от Хобсбаума и некоторых прочих, приходится на 1875 год. В случае с формированием нацистской Германии и сталинского тоталитаризма это глобальный кризис перепроизводства 1929 года, также совпавший с внутрисоветским кризисом хлебозаготовок 1928 года. Он сопровождался дефляцией и падением совокупного спроса населения, обеднением европейского "среднего класса", славно жившего после Первой Мировой Войны в "золотые 1920-е" (сравним их с "жирными 2000-ми" в России). Банкротство фирм и финансовые трудности конечных потребителей становятся хорошей основой поиска виноватых. Причины, их вызывающие – безличностный процесс, о котором хорошо расписано у Григорьева в его книге "Эпоха роста", и в целом это совершенно отдельная тема, равно как рецепты лечения весьма неоднозначных и мирситсемных проблем. На уровне отдельных стран лечение, так или иначе, оказывается связано со свободой торговли, административным разукрупнением и отказом от метанарративной (сверхзадачной) риторики, которая, увы, очень тесно связана с макроэкономическим сознанием – во всяком случае, именно конкретные формы такого сознания создают внушительную долю "научного обоснования" тоталитарных диктатур и применения "надстроечных" инструментов пропаганды, медийных по своей сути (с метанарративным компонентом макроэкономического нарратива еще предстоит разбираться отдельно). Но дело в том, что фашизм – не про это. Он, более того, против этого, поскольку эти меры ставят под удар интересы объединяющихся в фасцию на волне экономического кризиса элит, а потому им очень не выгодно допустить обогащение народа и снова превращение в его часть: ради чего, спрашивается, старались, идя во власть непростой ценой? Ради

этого они должны быть другими элитами – более продвинутыми, мобильными и сознательными, а таковыми они быть не могут, ибо в самых обычных для себя условиях отстаивают групповые, классовые, интересы. Рискну сказать, что это интересы "привилегированного стада", но стадо – не единственная форма существования "элит" – последнее способно представлять более широкое понятие. В случае России, на фоне сворачивания капиталистических отношений в мире, политические элиты превращают собственный класс в сословие, а само общество – в сословное, начиная реставрационные разговоры про "новое дворянство". Здесь следует сделать одно замечание, касающееся отличия внешнеэкономического условия возникновения диктаторских режимов сего дня от таковых конца первой трети XX века, и связано оно как раз с этим самым "концом капитализма". Дело в том, что, несмотря на кризис 1929 года, обрушившего судьбы многих людей, общее состояние экономики мира тогда находилось все еще на волне спроса, начавшейся с середины XIX века – по мнению того же Хобсбаума, с "хлопковой" промышленной революции в Англии, добавившей сюда отопление жилищ техническим углем и спрос на часовую автоматику, стимулировавшую спрос на точную механику вообще и технологии металлорезания. Потенциал формирования новых рынков сбыта и экономического роста на момент начала Великой Депрессии был еще не исчерпан. Однако на начало XXI века наблюдается окончание 150-летней волны спроса, исчерпание имеющейся капиталистической модели, основанной на принципе расширенного воспроизводства и, опять-таки, падение совокупного спроса, лежащего в основе глобального экономического спада. Новые модели существования мира еще только формируются, а старые политические формы показывают на десятилетия спрятанные зубы в самых, казалось бы, неожиданных местах – например, в России, когда на фоне "рафинированного" капитализма "без но и если", пусть и совершенно недавнего, возникает при первом же его серьезном кризисе доходности, обусловленном внешними причинами монокультурной ресурсозависимости, вроде бы хорошо известная и достаточно изученная политическая кракозябра в самом дидактическом ее виде. Иначе говоря, внешнеэкономическое отличие нынешнего российского режима от прочих подобных ему – в отличии обуславливающего его существование кризиса в период спада большой волны спроса от кризиса в период ее роста. Его

лозунгом, конечно, является "денег нет, но вы держитесь". Немецким рабочим Третьего Рейха тоже, кстати, приходилось "держаться", несмотря на то, что "эпоха дизельпанка" знаменовала собой пик эпохи роста и даже дальнейшие ее достижения в период спада.

Внутриэкономическим признаком фашизма является то, что уже имеет напрямую ассоциированное с ним название "госкорпоративизм". Отличие его российской версии от того, что имело место в гитлеровской Германии (и не только в ней ее эпохи) – в том, что если раньше крупный бизнес стремился выстроить собственную систему управления по образцу государственной бюрократической иерархии, то сегодня – наоборот, государство-корпорация, очевидно регистрируя недостаточность собственной "рациональной бюрократии" конституционно-монархической эпохи, берет за образец принцип более жесткой и ротируемой крупнокорпоративной иерархической системы. Эта государственническо-корпоративистическая особенность, несмотря на вектор заимствований, имеет общую черту в том, что высшие политические лидеры режима, занимая свои посты, присваивают максимум (если не все) экономические активы, выводя в оффшоры финансовые ресурсы развития страны. Это свойственно не только российской клептократии – известно, что нацистская Германия оставила финансовый след в банковских системах Испании и Швейцарии. Разумеется, над всей этой камарильей стоит авторитетный фюрер, только теперь это "фронтмен", как его модно сейчас называть. Кстати, именно статус фронтмена как заложника обстоятельств и человека подневольного (который исподволь формируется в СМИ в виде мемов а-ля "краб на галерах") сегодня является маркером того, что государство заимствует у корпоративного сектора управленческую стилистику, а не наоборот, и само стремится стать системой свойских корпораций, распространяясь тем временем в СМИ про частно-государственное партнерство. Государство-корпорация, подобно своему предшественнику, любит грандиозные мегапроекты, в том числе проекты тотальной реконструкции столицы ради избавления от "отжившего прошлого", разрушая при этом памятники архитектуры, затрачивая немалые суммы под сомнительное экономическое обеспечение. В этом смысле сталинская реконструкция Москвы мало чем отличается от реконструкции гитлеровского

Берлина, о чем неплохо написано в книге Голмштока "Тоталитарное искусство". В случае же московской "хреновации" немного другое: это сживание со свету все еще постсоветского среднего класса с его "пятиэтажной" традицией и разрушение символических порядков бытия, лишение граждан чувства своего города и отчуждение городской территории от них. Есть свидетельства того, как во времена оные подобными внутригородскими депортациями в Риме занималось правительство Муссолини (тогда селили мужчин и женщин в отдельных кварталах, но кто знает, что придет в голову "плиточникам"). Сегодня единственно вменяемая целесообразность, в рамках которой это происходит – тренд, ориентированный на глобалистическую "модель Аттали", предполагающую острова крупных агломераций как центров жизни для "лучших людей" и обслуживающего их персонала, окруженные "землями варваров" – концепция, идущая вполне себе в гитлеровском духе. (Как при этом think tank вроде неоэкономистов будут двигать свою идею трехмиллионника, не подвергаясь "высочайшему" освистанию, представить трудно.) Примечательно, что, в отличие от фашизма прошлого, в силу отсутствия в стране ликвидности на спаде и монокультурного характера экономики, все эти реновации – чистая конъюнктурщина, направленная в конечном итоге на спасение банковского сектора посредством спасения строительных девелоперов, причем заведомо бесплодная и не несущая в себе сколь-нибудь стратегических целей развития человеческой жизни на отдельной взятой территории. Другим признаком экономической гигантомании фашизма в России являются великие стройки олимпийских и космических объектов, со столь же космическими масштабами воровства на них и прожектерскими планами "профессора Рогозина" научить играть аборигенов Луны на скрипке.

Государство-корпорация, аутсорсящая собственные функции фирмам, пребывающим в поле коррупционного взаимодействия, обнаруживает связанный с ним социализм как еще один, именно экономический, а не политический, признак тоталитарных диктатур в государствах индустриального типа. Будучи в этом, не являющемся конкурентном, поле, фирмы по сути не имеют иного дохода, кроме зарплатного, ни на уровне менеджмента, ни тем более на уровне рядовых сотрудников (хотя на уровне

владельцев доход будет представлять собой пресловутую коррупционную ренту). Дело в том, что считать идущие от Маркса собственно экономические формации именно политическим, а не экономическим, феноменом, является примечательной расхожей привычкой масс. Здесь же социализм имеется в виду как "власть зарплат", то есть доминирование зарплат (одного из трех, известных экономической науке, разновидностей дохода), не только по валовому составу численности населения страны, но и по большинству ступеней общественной иерархии (для случая СССР зарплатные доходы были на всех ступенях), тогда как рента и прибыль (их доминирование определяет, соответственно, феодальное и капиталистическое устройства) концентрируются в руках государства и его афилиантов. Это тема также представлена ранее в разделе касательно соотношения видов дохода и формаций. Здесь же "власть зарплат" обозначена в силу ее актуальности и общепризнанности в качестве существенного внутриэкономического признака фашистского режима. Наблюдаемое в России начала XXI века огосударствление экономики, даже не будучи обеспечено какой-либо идеологией, не только не сопровождаясь массовой занятостью, но даже ростом безработицы, свидетельствует о сохранении либо об увеличении массовой доли бюджетников и наемных работников при резком сокращении массового же бизнеса (при фактической его ликвидации в форматах ИЧП и МБ) и роста ренты топ-менеджеров крупных корпораций, поскольку говорить о прибылях таких игроков, свойственных "эпохе роста" (и, в частности, "Великой Депрессии") сегодня не приходится. Элементы феодализма вкупе с остаточной и не массовой рецепцией социалистических зарплат (растущих только в силовом секторе) составляет широко известную как специфику, так и общее место режимов рассматриваемого типа.

О направлении действий

Сказав про "становление вины", считаю должным обозначить хотя бы черты того, "что делать". Здесь не затрагиваются такие вопросы деятельности городской герильи в условиях развитой информатизации общества (особенно таких средств тотального контроля, как скрининг активности сетевых пользователей и вводящей в параноидальный ступор повсеместности камер наружного наблюдения) – они не относятся непосредственно к постановке диагноза и составляют отдельный предмет; более важным считаю затронуть более широкий вопрос. Развитие практики

общественной диссоциации и развитие институтов ассоциативно-диссоциативной социально-групповой деятельности автор сих строк предлагает рассматривать как эпистему позитивного упразднения фашизма, то есть как способ преодоления самой возможности возникновения неофашистских политических режимов в сходных условиях, обеспечивая общество принципом действия, позволяющим эффективно преодолеть эти условия. Новостью здесь является то, что диссоциативность общественных групп рождает не асоциальное или девиантное поведение (напротив, таковое почти всегда оказывается следствием социальной сжатости), а расширяет горизонт общественных взаимосвязей, делает общество (причем начиная с низового уровня) адаптивным и "атмосферным", то есть делает его средой, где личности возможно дышать. Такая практика, лежащая в основе нетворкинга как формата деловых коммуникаций, еще должна быть в достаточной мере осмыслена, но уже сейчас видна ее способность оживить среду и решать многие проблемы разных уровней общественного бытия: личности, семьи и предприятия, и быть, пожалуй, единственный категориальным антагонистом "фасции". Сплоченность в ряд перед зловещим и неправильным миром, похоже, требует преодоления куда более фундаментального, чем ранее мыслилось, и попперовская тема насчет открытого общества все более очевидным образом требует быть не единственной (тогда как в своем соросовском изводе для России 1990-х она выглядела вполне себе мимикрично-империалистической). Собственно, фашизм и есть ничто иное, как предельная форма предельной общественной ассоциативности – его "приапическая форма". И в России она закономерным образом возникает в условиях, когда более развитая форма общественного взаимодействия не получила раскрытия: пришедший в страну рынок в конкретной реализации его устройства воспринимался и все еще воспринимается с позиции шаблонов и недоверия, а возможность разорвать удушающие объятия социальных связей многими по-прежнему мыслится как редкий Юрьев День, а не как повседневность.

Потому требуется осмысление того, куда более фундаментального, обстоятельства инстинктивного поведения человека, что сплачивающая его с незапамятных времен и позволяющая выживать стадность, даже в своих наиболее развитых, осознанных и окультуренных романтизацией видах, не

только не единственный фактор выживания, но уже препятствующий личному и общественному развитию атавизм. Способность не только к ассоциациям, но и к безболезненным диссоциациям, должна стать столь же освобождающим и отрезвляющим открытием в области общественных наук, каким в свое время стало фуллерово открытие в механике натяженности как парного сжатию состояния и обратимого с ним, а также удивительные возможности открытых им и его коллегами конструкций. Применительно же к рассматриваемой теме речь идет о новых конструкциях делового, управленческого и социального взаимодействия.

Ушедший к другим ранее бывший с тобой человек вовсе не обязательно предатель и чужой, а распавшаяся общность не обязательно есть свидетельство незначительности целей или бессмысленности оснований ее формирования – таковы, например, участники международных научных групп, завершивших прорывной исследовательский проект, приступившие в других коллективах по новым направлениям. Высвобождение ранее связанных энергии и ресурсов (включая время человеческой жизни, являющееся самым главным и обуславливающим ценность всех прочих ресурсом) дает возможности для новых свершений и создание благ для тех, кто образовывал прежнюю форму взаимосвязи. Также и отказ от вхождения в ассоциацию (клику, банду, клуб, кружок по интересам) не означает того, что такой отказник злонамерен: существует много оснований отказа от коммуникации, особенно в сложно устроенном обществе. Заслугой как "эпохи роста", так и осмысления итогов Второй Мировой Войны, можно считать то, что на уровне обыденной жизни отказ личности входить в некий круг общения или (что более важно) более тесно ассоциироваться внутри некоторого сообщества или круга общения, не считается основанием для враждебного к ней отношения со стороны членов этого сообщества. Кстати, воспитанием подобного отношения к себе подобным человечество во многом обязано протестантизму, исходящему из презумпции уважения времени жизни других. Возможность разойтись и посмотреть друг на друга со стороны, будь то друзья, члены семьи или трудового коллектива, а также наборы групп людей – подразделения предприятия или даже целые народы – создает ажурность и калейдоскопичность возможностей человеческой жизни, делая ее интересной и осмысленной. Они не разойдутся без

основания, но разойдясь, имеют возможность сойтись снова в новом качестве. Когда этого не происходит, в условиях достаточно сложной организации способно образоваться столь плотное сжатие общества, что личности перестают различаться и сливаются в единую серую массу. Образуется социальная "черная дыра", и это может происходить, опять же, на разных масштабах. И возникает фашизм, которому для поддержания иллюзии личной свободы и счастья нужны их суррогаты и пропаганда. Столь часто наблюдаемые случаи личной свободы и личного счастья как личный выбор при повсеместной угнетенности духа и несчастьях также есть суррогат, поскольку такая "полнота жизни" требует внутреннего морального оправдания, которое называют "философским отношением к жизни" люди, чьи способности к творчеству и философии убоги.

А потому здесь можно выделить одно существенное условие, лежащее за пределами трех обозначенных аспектов спецификации фашизма, распространяющееся на любые формы тоталитаризма и диктатур индустриальной эпохи, которое также сегодня не новость и на начало 2018 года все чаще упоминается: стремление политической системы к полноте контроля, берущее начало не где-нибудь, а в самой основе таких обществ – в рациональной прогрессистской науке. Действительно, до ее возникновения в "длинном XVI веке" проблемы полноты контроля общества власть предержащими не было – этот вопрос решался "матерью европейских демократий" – христианской церковью, а власть суверена как определялась презумпцией "божественного промысла", так и ограничивалась ею. То же самое – со стороны народных масс, свободное творчество которых могло как получать весьма широкие легитимации при апелляции к "слову божию", так и творить величайшую покорность этих масс при апелляции к нему же. После того, как Бог был изгнан из картины мира, рациональной стала задача "взять, а не просить милости у природы", которая со временем логично превратилась в задачу освоить природу общественной жизни, постичь ее как можно полнее, не постигаемое и не постижимое вынести за рамки рассмотрения, а в рамках постижимого и постигнутого начать контролировать. Потому, что так безопасно, а безопасность общества – высшее благо и ценность. А лучше всего этим могут заняться лишь те, кто все это обеспечивает. Других сюда пускать нельзя, эту деятельность –

лицензировать, а то вдруг неумехи что-то нарушат! Кто сказал "тотальный контроль"? Речь всего лишь об общественной науке и ее ответственном прикладном использовании. Не полностью подконтрольное есть не полностью управляемая человеком сфера общественной жизни – разве не так? Частично управляемое? Что это такое вообще? А другой частью кто управляет? Бог? Ну хорошо, люди, вот вам заново та же самая церковь с той же самой божественной соской – успокоились? А безбожников мы проводим, тьфу на них! Но "мы-то" люди образованные – знаем, что нужно развивать big data, сети наружного наблюдения, средства сбора данных, методы "мягкой силы" и гибридные способы управления этим податным, а при грамотном подходе – податливым обществом, ведь оно как женщина, а "женщина любит силу"[243].

"Что это за поток сознания" – спросит меня читатель? На что я отвечу, что это то самое состояние артикулированного отношения людей друг к другу – общественных отношений, модус и режим их семантической сети, сиречь культуры, которое и определило начало того самого процесса, когда "запахло коричневеньким". Это реальные соображения и реальные предметно-тематические расклады кулуарных дискуссий "осведомленных профессионалов-циников", ведшихся по меньшей мере где-то с 2000 года в России. Справедливости ради стоит сказать, что похожие разговоры вели также стратегические конкуренты, которым "наши мерзавцы" – фарватерщики в рот смотрели, выводя тем временем активы к "супостату". Вот только "супостат" куда ближе к диссоциации, чем имперское "наше все", возрождающее свою унитарную особость – в противном случае вряд ли имел бы место этот самый вывод активов.

Далее – о президентской системе правления, несущей риски фюрерства – пожалуй, наиболее перверсивной формы монархизма. И эти риски очевидным образом тем выше, чем хуже обстоят дела в экономике. Когда говорят, что вместо президентской системы, чреватой монархическим фюрерством-вождизмом, нужна парламентская, первое возражение касается отсутствия партий, ибо-де за долгие годы реальные политические игроки были выхолощены в России. Но такие ли уж они были реальные – все

[243] Не ту ли самую ситуацию имеем в случае с историей вокруг "Лаборатории Касперского"? (https://meduza.io/feature/2018/01/22/orki-pobedivshie-tehnarey, активно на 12.02.2018)

эти сразу же смытые политической историей маргиналы, не говоря про имитации политики посредством ЛДПР, КПРФ, Яблоко, Справедливой России и ее "старшего брата "Единой России"? Дело в том, что собственно понятие политической партийности тесно связано с федерализмом, и даже в большей степени – с конфедерализмом, как реальностью и максимумом территориально-политической автономии, в диссоциативной изначальности которой сама многопартийность берет спрос на отстаивание собственных интересов на одной, общей для всех интересантов, дискуссионной парламентской платформе. И тем более дискуссия оказывается содержательной и конкретной, чем более ее предмет проистекает из этого самого принципа автономии и ее обеспечения для выработки согласованных действий с другими сторонами, обозначающими смысл своего бытия в совместной проектной деятельности. В этом, собственно, и заключается сермяжный смысл фразы "политика есть концентрированное выражение экономики", поскольку именно последняя есть ничто иное, как система взаимоувязанных автономных (выбравши-свой-путь) интересов. Таковые интересы на уровне макрогрупп как раз и составляют уровень федерализма, республиканства и демократии.

Заключение

Излагаемое в этом и двух других томах представляет собой то, что можно было бы назвать проектной футурологией, часть которой конкретно в этой книге представлена наброском футурологии личности. Проект создания нового человека – не новость, все более-менее масштабные изменения в человеческой истории начинались с проектирования человека. Но едва ли многие из них предполагали создание целостного образа и условий существования собственно человека проектирующего. Случайна ли эта задача, или она оказывается следствием цепи закономерностей?

Если человека определять как образ и подобие божие в сути, то есть как творца, то будет выглядеть странным, что в предшествующие эпохи все разговоры о новом человеке (будь то христианство, протестантизм или социалистические антропологии эпохи "рабочего движения") прямо не говорили о проектанте. Однако уже поверхностное касание этих историй свидетельствует о том, что именно этот, проектный и творческий, посыл, как раз и присутствовал в смысловой основе каждого нового сдвига. Но лишь появившись, очень быстро затушевывался, замалчивался и стирался институциональной практикой, будучи поначалу очень мощной приманкой для широких масс. Разбиваясь об эти институциональные "реалии жизни", идея человека-творца выдерживала проверку на прочность лишь в немногих случаях, но для большинства людей оказывалась достаточно глубокой, а потому мало рефлексируемой, фрустрацией, списываемой на возраст и "умудренность жизнью" тех, кто некогда был вдохновлен "прекрасным порывом души". Этот принцип общий, и здесь не нужна какая-то конкретика: любой человек способен обнаружить это, обратившись к собственным интересам и воспоминаниям.

В начале эпохи промышленной революции едва ли не главным футурологом человека в Европе был Жюль Верн, прямо наследовавший Роджеру Бэкону и воплотивший свои прозрения в форме художественной литературы. Объем его сбывшихся предсказаний, пожалуй, соизмерим лишь интенсивности появления технологических новинок его эпохи, буквально на глазах менявших мир и образ жизни миллионов. Значительно позже, где-то к середине 2000-х годов, на нескольких онлайн-лентах, посвященных ИКТ, появилась едва заметная волна сообщений о находке якобы неизданной его

рукописи, где упоминается сверхуниверсальное и сверхпортативное коммуникационное устройство, известное нынче под именем "сотовый телефон", оказавшееся в действительности способным изменить как медиа среду, так и некоторые поведенческие черты миллионов людей. Но была эта рукопись на самом деле или нет, в уже более позднюю эпоху распространения мобильных гаджетов на второй план ушло более важное его прозрение – довольно целостные образы личности главных игроков эпохи изобретений. В ходе промышленной революции, по мере роста среднего класса и стандартов образа жизни классов капиталистического общества второй половины XIX века, оказался забыт социально-технологический феномен Робура-Завоевателя и капитана Немо – неуязвимых и обеспеченных аристократов духа и рыцарей мечты, тем не менее способных эндоскопически и радикально влиять на принятие довольно масштабных решений "наземного" общества. Примечательно, что даже в ту эпоху повальной предприимчивости это были образы-форсайты, представлявшие развитие и обобщение примеров реальных личностей, коих в те времена было немало. Более примечательно то, что на этих людей, чей образ которого имеет литературно-творческий прецедент, еще даже не сформировался спрос в период видового исчезновения более-менее обеспеченного среднеклассового человека начала XXI века, очень многие (хотя и далеко не все) представители которого, будучи аристократами духа, не имеют возможности реализоваться как рыцари мечты. Их литературный образ, очень мало просуществовавший в XX веке как медийный, но вполне способный стать образом-брендом, сегодня прослеживается довольно маргинальным образом в нишевых вещах вроде волшебных мультиков Миядзаки и всяческого артхауза, но не массово. В таких вот "образах жизни" Верн, действительно, выразил то, что еще не нашло воплощения, но что до сих пор стоит на пороге своего возникновения: особый формат деятельности в присущей творческим интересам среде тех, кто силами малой группы единомышленников организует особый, локальный мир некоего "мобильного острова", хозяйствующего на экологической границе "большой цивилизации" и пока еще неподконтрольного ей природного мира. Образы этих маленьких миров намекают на способность существенно влиять на процессы в первой и мудро использовать ресурсы второго, не скатываясь к дешевому экспансионистскому хищничеству, будучи загадкой и скандалом.

Это идея самодостаточной коммуны-корпорации "организованных людей", большей частью герметичной относительно внешнего мира, но готовой быть открытой ему.

Поскольку первая версия известного в истории «организованного человека» веберовского типа была христианским протестантизмом (то есть носила религиозную форму), создавшим из мирового религиозного же учения и его «христианской науки» науку эпохи НТП, рассуждения об аспектах и возможностях современной версии такого человека неизбежно должны отталкиваться от внерелигиозных познавательных установок, с поправкой на то, что такие установки актуализируются и развиваются при взаимодействии «нового организованного» с себе подобными. В этом смысле здесь и было продолжено к развитию все то, рассмотренное ранее, что относится к данной теме, включая концепцию проектной деятельности и "нарративную методологию", взятые относительно прочих подходов и концепций, а также модель диалога на основе представлений о сопряженных универсумах, толкуемых как взаимодействующие среды человеческого присутствия (рынки, хозяйственные ойкумены, предметно-технологические множества, профессиональные области и т.д.). И в этом же смысле "божественность" оказывается толкуемой как "управляемость".

Обычно говорят, что когда Бог желает наказать человека, он лишает его разума, а значит, и трезвой оценки перспектив, погружая в самодовлеющее и болезненное здесь-бытие, заменяя будущее страхом и фрустрациями, первая среди которых – неизвестность; некоторые считают это состояние естественным, апеллируя к образам животного мира. Реже отмечают, что когда Бог желает подтвердить свое существование, то делает это путем "удивительных и неожиданных совпадений" (для не особо понятливых увеличивает их частоту). А когда Он человека награждает, то дает ему предмет достаточно обоснованного желания (в противном случае божественная награда была бы наказанием). Обоснованность желания пребывать в состоянии доверительности и есть ничто иное, как гражданский мир, и представляет собой высшую награду, которая, однако, далеко не всегда обосновывается и желается самими гражданами: одни тяготятся властью над другими, другие – властью над собой посторонних, третьи – отсутствием собственной власти над собой. Начиная с третьего случая, и

переходя к первым двум, верно будет сказать, что власть над другими людьми связана с поражением их способности воображения и сотрудничества в этой способности, прежде всего и в предельном случае – посредством страха, который есть не иначе, как "экзистенциал ожидания". Поэтому в другом случае воображение поражается посредством порождающего тоску несбыточного желания... за которым, опять же, компаньоном следует страх. Именно поэтому предлагаемый человекам образ будущего по своему определению не может и не должен иметь характер несбыточного желания, сколь бы смелым и футуристичным этот образ ни был. На это обстоятельство, а также на прояснение ряда связанных с ним конкретных конструкций, как раз и направлены эта и две предшествующие книги. В этой, в частности, отмечалось, что лишь та власть, что удерживается из страха, основана на страхе подвластных, и здесь имеет смысл еще раз повторить этот тезис. Там же, где возникает страх, появляется взаимопорождаемое с ним насилие, и первичные орудия становятся первичным оружием. Действительно, вслед за Дарвиным можно признать ту максиму, что обезьяна превратилась в человека, взяв в руки палку, дабы избавиться от страха перед хищниками. Но вряд ли она им стала бы, задавшись целью устрашать других (включая тех же хищников), превратившись в "вид устрашителей". Такое было бы (а для многих, ставших людьми, к сожалению, и является) инверсией страха в виде постоянного реактивного ожидания его абстрактного предмета, но не избавлением от него. Здесь же и в других томах речь идет о том, что доверие миру и другим людям есть способ бытия, который еще предстоит осознать и освоить, но который всегда как неприкрытая возможность сопровождал человечество всю его сознательную историю. И этот способ – не отдельная модель, или редукция, но парадигма, или предмет общего жизненного выбора. А потому здесь же обнаруживается тема власти и свободы, поскольку последняя возможна только в рамках этой парадигмы. Ведь если власть есть контроль над ожиданием будущего посредством способности к воображению оного, то что есть свобода, как не лично развиваемая и осуществляемая способность к такому воображению относительно себя и других в диалоге с такими же другими? Идея проектного человека, о котором идет речь в этой книге, есть, прежде всего, идея человека свободного и органически открытого другим, но не "рубахи-парня". Увы, для многих соотечественников

автора, с которыми ему приходилось обсуждать подобные темы, эта идея не является очевидной.

Получить власть над людьми как основу для управления ими – значит не просто дать им образ будущего, а вменить его им так, чтобы они в него поверили; именно для этого нужна религия, а также иные средства "тонкой настройки". Давно стало трюизмом, что это тем легче сделать без особого сопротивления (но и без особо долгосрочной выгоды для самого управителя, кстати), когда восприятие такого вменения со стороны респондента настроено либо вовсе не критически, либо напротив сверх отрицательно (собственно это самое "либо" и составляло здесь всегда определенный камень методологического преткновения). Является ли управлением ситуация, когда человека физически хватают и бросают в узкое помещение, ограниченное "рамками" стен – вопрос открытый и спорный, очевидно лишь то, что она очевидно является "проявлением власти". Но безусловно, высшей формой властного насилия оказывается способность сломить волю и вменить представление о том, что человек обречен к такому ограничению собственных перспектив неподконтрольными ему силами и всегда будет заложником такого состояния, аргументируя это различными вещами: тем, что он раб от природы, что представляет собой неспособную к эволюции машину или чем еще.

Иное дело – предоставить возможность развития способности воображения и самоосуществления, а значит – дать перспективу оставить больший след, не ограничиваясь "пролетарской функцией", но и не ставя пред выбором между этой перспективой и этой функцией, поскольку в случае такого выбора второе рано или поздно продукт этой последней получит реальный шанс превратиться в пушечное мясо. При всей очевидной благоприятности такого решения оно все не вписывается в набор понятий об управлении одних людей другими, большей частью представленный страхом и насилием, не исключая при этом управление посредством денег. Действительно, убивая за деньги, люди едва ли способны за них умирать, но вполне способны на то и другое в случае идеологий и прочих метанарраций. Игры обмена с их участием большей частью исторически представлены односторонними играми, и порой ведущие их мирным образом удивляются, как это вдруг "с той стороны" возникает военная игра – ведь все было

"понарошку" и "не взаправду", и "всего лишь игрой"! Однако если считать деньги средством выражения доверия, то умереть за доверие как значение, а не за его знаки – совсем иное дело: в случае государства это доверие монарха, в случае республики – взаимность гражданского доверия. Первое – удел аристократии, тогда как второе возможно в прямом смысле, если речь идет о цене за обоснованность чувства такого отношения – комфортную и родную среду других людей, поскольку существование в иной среде нельзя назвать полноценной жизнью. Но именно для последнего случая правовое и законодательное творчество становится широкой отраслевой поляной производства общественного блага – отраслью управления, не самодовлеющей и не существующей ради воспроизводства ее участников, требующей какого-то дополнительного идеологического обоснования или "высшей санкции", поскольку это и есть поляна формирования перспектив общественного развития, вовлекающая под собственные спрос и задачи экспертные и аналитические формы интеллектуальной организации. Будет ли эта "поляна" существовать в формате парламента, советов или некоего открытого, но регламентного, коворкинга – совсем другой вопрос, решаемый в процессе взаимодействия множества открытых сознаний.

Поэтому в смысле развития способности воображения вряд ли задачей сегодняшнего дня является создание какой-либо новой религии, да и вообще формирование религиозного сознания – массовый человек начала XXI века и так достаточно мистифицируем. Сегодняшняя задача – достаточно прозрачная и понятная интуитивно картина мира, позволяющая быть основой будущих конструкций. Доступность и, главное, осознание доступности, возможностей и средств проектирования такой картины сегодня на порядок меньше, чем было в том же XIX веке, что сегодня представляет существенную проблему, выражающуюся в жестких политических требованиях к властям стран конституционализма (как монархического, так и конкурентно-административного, типов) об изменении ситуации в виду массового же дефицита жизненных перспектив, обратной стороной чего оказывается не занятость времени жизни личности и отсутствие возможности добровольного выбора, тогда как прямым следствием – кризис субъекта власти как таковой, поскольку этот субъект больше не способен предлагать такие перспективы, или образ будущего,

своим подвластным. Главным же критерием наличия, вменяемости и приемлемости такого образа является непосредственное его восприятие наиболее многомерным сознанием. Поскольку отсутствие образа будущего у субъекта власти есть одновременно отсутствие его и для себя, этот субъект как раз оказывается сам поражен опасной пагубой страха, порождая архаичные формы общественных отношений. Философию легко спутать с религией: так же, как юриспруденция, религия исключает воображение, тогда как философия его не только допускает, но даже предполагает в качестве необходимого. Задача начала XXI века – допущение воображения в практику "экономического хозяйствования" без потери последним при этом корней "научной законности".

Вопрос о новом человеке, с учетом актуальной востребованности открытого, многомерного и многочисленного сознания, неизменно должен ставиться в смысле антропологии самостроительства, несмотря на все страхи относительно самой возможности постановки этого вопроса, возникшие по результатам такого рода экспериментов первой половины XX века, и все сомнения насчет реалистичности таких перспектив XXI века. Набор четко осознаваемых ценностей, в новых (демистифицированных, но не исключающих сверхрациональное) условиях – главный предмет споров и неясностей. Здесь имеет место довольно тонкое условие, и прохождение «между Сциллой и Харибдой» есть куда более важный предмет, нежели демаркация разговора на такую тему от аллопоэтической евгеники в различных ее социально-политических формах, либо от навязываемого идеологией и обеспечиваемого с ее помощью образом «правильной личности», законопослушно вписывающейся в миропорядок, уготованный для нее не обсуждаемыми «лидерами мнения». Речь о «новом организованном» человеке, конечно, касается того, как создать новое общество, претерпевающее кризис в глобальном масштабе. Ни одна из известных форм, включая «привычную экзотику» субкультур, а также психосоциальных и экономических маргиналов, сегодня не дает ответа на вопрос о новом человеке. Этот человек, помимо прочего, в принципе должен работать на любом социальном масштабе, причем не обязательно с трендом расширения масштаба деятельности. Разумеется, это идеал, но в данном случае он берется как конкретная цель социальной инженерии,

особенность которой состоит в ее самоприменимости: субъектами ее действия оказываются ее объекты. Это ведет к тем противоречиям, что создают новые качества и их рефлексии, а значит, обеспечивают развитие.

Разумеется, по скромному мнению автора, в этом или предыдущих томах многие вещи оказались не прояснены или не разрешены какие-то, незамеченные им, проблемы и противоречия. Говоря об управленческой открытости, автор имел в виду в том числе и его собственные тексты, и в его задачи не входило создание абсолютно ригористичной и герметичной концепции – таковая была бы не более, чем основанным на эпистемическом страхе эскапизмом, которым грешат столь многие (и небезынтересные) теории, следующие принципу "ничего не упустить". На взгляд автора, ему все же удалось продемонстрировать принципиальную разрешимость ряда существенных вопросов, находя антитезы и осуществляя в некоторых случаях "снятия по срединному пути". Для этого, однако, стала заметной необходимость выхода за рамки эмпирической данности научного "boreland", через выстраивание неизменно на его основе систематического продукта воображения – эта связь была обозначена в книге на примерах нераздельно-неслиянного взаимосуществования проектного и прогнозного видов деятельности, а также указав на то, что государство как широко известный формат власти имеет свою позитивную альтернативу, нежели простое "отсутствие".

Раньше у людей не было мало средств сопротивляться затяжной болезни государственничества, которое в качестве макросоциальной болезненной аномалии (равно как более молодой капитализм) оказывается замечен лишь с позиции "большого времени". Теперь, похоже, такие инструменты появляются, поскольку происходит неизвестный доселе, грандиозный исторический перелом, по некоторым оценкам превосходящий даже то, что было на рубеже XIX и XX веков. Склонный к трансграничности и личной инициативе проектный человек может сегодня существовать массовым образом лишь через человека разгосударствленного (и, в частности, расцерковленного), анархичного и свободного, осуществляя эту трансграничность, прежде всего, в рамках своей ойкумены. Те вещи, которые здесь и ранее были перечислены, вполне могут быть истолкованы как инструменты не то анархии, не то постгосударственнического

республиканства, но во всяком случае – как естественные и надзаконные атрибуты и права гражданственности. То, что на имперской ландшафтно-климатической территории возможно создание здоровой "полилокальной" ("полицентричной", "националистически-интернациональной") системы сообществ, доказывается простым термодинамическим примером старика Бенара с равномерно разлитым маслом на ровной, постепенно нагреваемой, сковороде: процесс одноранговой самоорганизации возникает на однообразной планарной территории, когда энергия подается масштабно и распределенно (подобным образом именно сильная энергия удерживает естественные планетарные структуры в огромных масштабных пустотах космоса и микромира). Для случая общества это может быть, с одной стороны, энергия низовых форм гражданской кооперации ("живое творчество народных масс"), либо буквальное физическое потепление климата и следующее из него плодоношение земли, происходящее естественным либо искусственным (на сегодняшний день уже весьма масштабируемым) образом. Но если общество переходит к территориальной экспансии, располагая рецессивной хозяйственной динамикой и не имея низовых гарантий добровольной массовой активности, "азарта жизни", а главными переживаниями в нем оказываются лишь страх перед хищником или желание растерзать самого хищника, то это точно приведет к снижению уровня его организованности – тем более, если в обществе повышается монотонность, сиречь энтропия. Архаичная пагуба чистого территориального экспансионизма имеет положительную обратную связь: сама идея экспансии существует на уровне отдельного сознания, воспроизводится в атомарной социальной среде и обратно транслируется на более масштабные структуры. Но не является принципом развития, поскольку предполагает все тот же захват природы, но не взаимодействие и соорганизацию с ней.

***

Здесь закономерно возникает вопрос "что делать?", который неизбежно оказывается адресован автору этой и двух других книг. Требовать от него буквальный рецепт – значит допускать ту же ошибку перекладывания ответственности за собственный выбор на кого-то другого – что, например, имеет место, когда экономисту задается вопрос о предпочтительных инвестициях: умный экономист сам в них вложится и не станет создавать

себе конкуренцию. Однако экспертная задача и экономиста, и философа в том и состоит, чтобы выявить наиболее приемлемые и жизнеспособные возможности и связи из того, что уже актуально дано (а значит, раньше или позже выявлено), и предложить той группе пользователей, для которой это предложение наиболее референтно. Здесь, однако, задача философа выглядит сложнее: кем бы он узкопрофильно ни был (хоть экономистом, хоть юристом) и сколь бы ни скромничал, озвучиваемое им всегда так или иначе соотносится со всем миром, а потому и сочетание разнородного как сермяжное условие творчества и содержание воображения требуется здесь в наибольшей мере, особенно если стоит задача обеспечить мир на основе согласия, а не насилия. Никакой мистики, это требование профессии!

Задача предписывать человечеству конкретные действия будет играть против самого автора, поскольку заведомо ставит его по отношению к другим в позицию спорщика, но не того, кто чем-то делится. Но это не значит, что автор не имеет в виду логику конкретных действий и конкретное направление; путь же многие (и, прежде всего, уважаемый читатель, ради которого и предпринята вся эта работа) должны выбрать себе сами, поскольку дорога еще не проторена. Эти действия – в комплексе нового представления об обществе, сформированного согласно отчетливому пониманию того, что человек есть то, кем он хочет быть, и в меру отчетливости понимания конкретного содержания этого бытия. Важной "неновостью" оказывается осознание того печального и, вместе с тем, ответственного, факта, что сама история как наука о прошлом оказывается плодом человеческого воображения, и лишь в той мере истинна ("das ist"), в какой прояснение причин существующей данности, а также чреватых определенными последствиями связей этой данности, позволяет строить будущее. В своей повседневной социальной практике любой проектант тем или иным способом революционен и проактивен, поскольку взламывает дежурные уровни повседневного общения и потребления взаимных благ. Это имеет место даже в том случае, когда он добровольно конвенционален, а если он к тому же конформен, то это чревато или болезнью, или взрывом.

Идеи, достаточно пространно и разноаспектно излагаемые, иной раз вызывают запрос на изложение в предельно наглядном, простом и коротком виде – желательно "схематическом". Некоторые, весьма уважаемые мною,

авторы, на это отвечают негодованием, указывая на невозможность это сделать по причине того, что все понятия и определения выстроенных ими систем введены контекстуально, а понимание способно прийти лишь в ходе последовательного освоения их нарратива. Но это верно лишь отчасти – для тех, кто желает разбираться в их предмете более подробно, составляя пул потенциально наиболее достойных учеников или даже последователей, однако мало способствует распространению идей и введению в предмет тех, кто о предмете или теории автора слышал лишь в связи с фамилией последнего. Потому сыграю здесь против себя (тем более, что вопросам массового распространения информации посвящена существенная часть этой книги), перечислив некоторые ключевые моменты излагаемого, но сразу предупреждаю моего читателя, что это будет редукция, которая предлагается как ориентир, а не набор чего-то заведомо и полностью ясного или самоочевидного. И если он желает получить ее, то вот этот набор условий, в которых видится возможным проявление нового общества и нового человека. Он, конечно, не полон, но пространство смыслов, образуемое вокруг этих реперных точек, представляется наиболее продуктивным условием благоденствия многих; прежде всего, имеются в виду:

- локальные и лично эмитируемые деньги (а если они "частные", то лишь после того, как обретут способность быть личными);
- личное (персоноразмерное) оружие как первичное право гражданства;
- республика = демократия = антиэлитаризм = эгалитаризм = анархизм-в-развитии;
- конкурентное администрирование социальной системы как средство исключения "власти немногих";
- сверхновые media и user generated branding (UGB);
- диссоциация как социальное право личностей и групп;
- проектный и срочный характер ассоциации личностей;
- принятие принципа частичности взаимоуправления в отношении с природным и человеческим мирами;
- кибернетика жизнеспособных систем как область проектного моделирования;

- общее социальное администрирование как сервисно-коммуникационная инфраструктура;
- новое понимание революционного процесса как фазового перехода в рамках адаптивной способности общественных систем.

Все это – лишь акценты, или ориентиры. Менять их или дополнять – вопрос отдельный, а с более подробным их рассмотрением дорогой читатель оказал мне честь ознакомиться выше. Такие ориентиры, от которых можно развивать и развертывать сколь-нибудь значимое повествование, особенно важны в случаях, когда человек теряет канву повседневного бытия, и пребывает в непосредственной прострации, не в состоянии комплексно определить координаты окружающего мира, отличить важное от неважного и ценное от бессмысленного, но это состояние и есть отправная точка для повышения комплексности собственного мировосприятия, с которым обычно связывают для личности – понятие экзистенциальной заброшенности, для общества – проявляемый на его уровне кризис, тогда как с выходом из этого состояния – уже ничего не дающую личности мечту о "светлом будущем" или иную метанаррацию, а потому и впадают в состояние еще большего экзистенциального ужаса. Это – признак нашего мира. Но именно тогда подлинным выходом за рамки экзистенциального самоужасания становится практика задавания вопросов. Всерьез ли я считаю, что смогу изменить какие-то правила игры или что мой opus содержит нечто, способное это сделать? Если так, то не наивен ли я? И не есть ли все это самобичевание лишь иллюзия самокритичности? Но разве, с другой стороны, сомнение не есть разрушитель великих трудов? Стоит ли вообще писать заключение? Но почти сразу обнаруживается, что позитивные решения и нужны, и возможны уже здесь и сейчас как принципы, относительно которых должно быть принято решение о принятии, и просто начато хоть какое-то первичное действие в соответствии с ними. Человек – это неполнота бытия, творящая собственную ценность в ней самой и в акте восполнения, а незавершенность есть и принцип, и ответ, и начало ответа.

Список цитируемых источников

Печатные

1. "Глобалистика". Международный междисциплинарный энциклопедический словарь под ред. И.И.Мазура, А.Н.Чумакова. Изд. центр "ЕЛИМА", ИД "Питер". Москва – Санкт-Петербург – Нью-Йорк, 2006 г.
2. "Доминанты и девиации современной философии". Сб. статей Divisio, 2002 г.
3. Алексеев Д.Н. "Герменевтика медийного пространства. Основные предметные категории". Сборник «Труды членов Российского Философского Общества» №6, Москва, 2003 г.
4. "Алексеев Д.Н. ""Предварительные замечания о методологии исследования универсума СМИ"". Сборник ""Труды членов Российского Философского Общества"" №7, Москва, 2004 г.
5. Бернштейн Н.А. "О ловкости и ее развитии". Изд. "Физкультура и спорт", Москва, 1991 г.
6. Генкин А. "Частные деньги". Изд. "Альпина паблишер", Москва, 2002 г.
7. Григорьев О.В. "Эпоха роста. Расцвет и упадок мировой экономической системы". Изд. "Карьера пресс", Москва, 2014 г.
8. Кропоткин П.А. "Анархическая работа во время революции", 1919 г.
9. Кропоткин П.А. "Взаимопомощь как фактор эволюции", 1902 г.
10. Кропоткин П.А. "Современная наука и анархия". "Некоторые выводы анархизма", 1913 г.
11. Кропоткин П.А. "Справедливость и нравственность", 1920 г.
12. Кулик С. "Кенийское сафари". Изд. Мысль, Москва, 1976 г.
13. Ленин В.И. «Военная программа пролетарской революции», 1916 г. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 30. Изд. политической литературы, Москва, 1967-1981 гг.
14. Макаров П.В. "Об иерархической природе деформации и разрушения природных тел и сред". Институт физики прочности и материаловедения СО РАН, Томск, 2004 г.
15. "Макиавелли Н. ""Государь"". Изд. ""Академический проект
16. "", Москва, 2015 г. "
17. Маригелла К. "Бразильская герилья. Краткий учебник городского партизана". 1969 г.
18. Платонов С. "После коммунизма". Изд. "Молодая гвардия", Москва, 1989 г.
19. Рэнд А. "Атлант расправил плечи". Изд. "Альпина Паблишер", Москва, 2015 г.
20. Соловей В.Д. "Революtion!". Издательство «Эксмо», Москва, 2016 г.
21. Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. "К интеграции семантики и прагматики". Перевод с английского Г.Ю.Левина. Сборник "Новое в зарубежной лингвистике". Выпуск XXIV: "Компьютерная лингвистика". Изд. "Прогресс", Москва, 1989 г.
22. Шкурин И.Ю. "Основы логистической теории цивилизации. Издательство". Изд. «Спутник +», Москва, 2013 г.
23. Fuller R.B. "Tensegrity", 1961 г.
24. Lamarck J. B. "Zoological Philosophy: Exposition with Regard to the Natural History of Animals", 1809 г.

Сетевые

1. "10 фактов, которые вы должны знать о биохакинге" (http://www.appy-geek.com/Web/ArticleWeb.aspx?regionid=14&articleid=42224643&source=), 24.05.2015, актуально на 15.03.2017
2. "Facebook покинули 11 млн. пользователей в Америке" (http://doitq.ru/2013/05/13/facebook-pokinuli-11-mln-polzovatelej-v-amerike/), 13.05.2013, активно на 15.03.2017
3. "Facebook учится предсказывать поведение своих пользователей" (http://www.cnews.ru/news/top/facebook_uchitsya_predskazyvat_povedenie), 29.09.2013, активно на 15.03.2017

4. "Богатая Чеченская свадьба племянника Рамзана Кадырова" (https://www.youtube.com/watch?v=RXl55T_4D7Q), 02.05.2016, активно на 21.03.2017

5. "Быть или не быть войне? Декан философского факультета МГУ о мировой политике" (https://life.ru/t/%D0%B7%D0%B2%D1%83%D0%BA/889332/byt_ili_nie_byt_voinie_diekan_filosofskogho_fakultieta_mghu_o_mirovoi_politikie), активно на 21.03.2017

6. "В Великобритании запретили оружие, напечатанное на 3D-принтере" (https://3dnews.ru/785549), 09.12.2013, активно на 15.03.2017

7. "В США продлен запрет на оружие, которое можно пронести через металлодетектор" (http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/822451), 10.12.2013, активно на 15.03.2017

8. "Власти России собрались штрафовать пользователей торрентов " (http://safe.cnews.ru/news/top/vlasti_rossii_sobralis_shtrafovat), 29.05.2013, активно на 15.032017

9. "ГИБДД начала следить за московскими автомобилями" (http://motor.ru/news/2013/12/10/net/), 10.12.2013, активно на 15.03.2017

10."Главный психиатр: Россияне стали меньше напрягаться" (http://www.rbc.ru/society/24/01/2013/570402979a7947fcbd444ec9), 24.01.2013, активно на 15.03.2017

11."Дональд Трамп собирается значительно расширить оружейные права американцев" (http://zbroya.info/ru/blog/11246_donald-tramp-sobiraetsia-znachitelno-rasshirit-oruzheinye-prava-amerikantsev/), 11.11.2016, активно на 21.03.2017

12."Закат Европы устроят молодые" (http://www.utro.ru/articles/2013/03/05/1104962.shtml), 05.03.2013, активно на 15.03.2017

13."Историю со стрельбой уже так переврали" (http://log2stas.livejournal.com/750483.html), 17.12.2012, активно на 15.03.2017

14."Конституция Российской Федерации" от 12.12.1993 (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/), активно на 21.03.2017

15."Новые технологии слежки в соцсетях" (http://www.polit.ru/article/2013/02/18/ps_bigbrosnoop/), 18.02.2013, активно на 15.03.2017

16."Поляки бегут от безработицы в полицию" (http://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1402891/), ВестиFM, 28.10.2012, активно на 21.03.2017

17."Учитель стал его гнобить". Почему родители начали забирать детей из государственных школ". 20.03.2017, активно на 21.03.2017 (https://lenta.ru/articles/2017/03/20/home/?utm_source=lentafb&utm_medium=social&utm_campaign=bolshe-tuda-ne-poydem.-v-rossii-nabira)

18.Ю.Д.Артамонова, В.Г.Кузнецов. "Герменевтический аспект языка СМИ" (http://evartist.narod.ru/text12/04.htm; http://www.km.ru/referats/27F3943ECEA54B24B72D96B0E6D19366) в учебном пособии к 250-летию Московского университета "Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования" под ред. д.ф.н. проф. М.Н.Володина (http://evartist.narod.ru/text12/01.htm). Изд-во МГУ, Москва, 2003 г., активно на 21.03.2017.

19.А.А.Виноградов. "Румынская зима" (http://neoconomica.ru/article.php?id=569), 13.02.2017, активно на 21.03.2017

20.О.В.Григорьев. "Курс на полную стабилизацию" (http://neoconomica.ru/article.php?id=565), 22.01.2017, активно на 21.03.2017

21.О.В. Григорьев. Ответы на вопросы WC. Выпуск 32 (http://neoconomica.ru/article.php?id=575), 15.03.2017, активно на 21.03.2017

22.А.А.Гусейнов. "Марксизм и этика" (http://sbiblio.com/biblio/archive/guseynov_miet/), 2004 г., активно на 21.03.2017.

23.С.Егишьянц. Обзор мировых рынков за 28.09-04.10.2013 (http://worldcrisis.ru/crisis/1229115), 05.10.2013, активно а 21.03.2017

24.Б. Мандевиль "Басня о пчелах" (http://samlib.ru/k/kormin_m_w/opcelah.shtml), активно на 21.03.2017

25."Молодежная безработица: потерянное поколение век спустя" (http://www.rbc.ru/economics/08/10/2013/570410c89a794761c0ce27ea), 08.10.2013, активно на 21.03.2017

26.Ответы пользователя площадки worldcrisis.ru "ifg" в рамках дискуссии (http://worldcrisis.ru/crisis/1024959), 05.10.2012, активно на 21.03.2017

27.Н.Н.Талеб. "Побеждает наименее толерантный: Как работает диктатура меньшинства" (https://insider.pro/ru/opinion/2016-08-16/kak-rabotaet-diktatura-menshinstva/#), 16.08.2016, активно на 21.03.2017

28.А.Шмулевич. "Человечество, в том виде, в котором оно сейчас есть, не доживет до конца текущего века" (http://rusmonitor.com/avraam-shmulevich-chelovechestvo-v-tom-vide-v-kotorom-ono-sejjchas-est-ne-dozhivet-do-konca-tekushhego-veka.html), 16.02.2016, активно на 21.03.2017

29."Deep Exploration and Filtering of Text (DEFT) Proposers' Day" (https://www.fbo.gov/index?s=opportunity&mode=form&id=0c51ab9fd387c0a08310ccef2d5dd2ad&tab=core&_cview=1), активно на 15.03.2017

30."How to Survive Societal Collapse in Suburbia" (http://www.nytimes.com/2012/11/18/magazine/how-to-survive-societal-collapse-in-suburbia.html?pagewanted=all&_r=0), 16.11.2012, активно на 15.03.2017

31."Is America Being Deliberately Pushed Toward Civil War?" (http://www.alt-market.com/articles/1806-is-america-being-deliberately-pushed-toward-civil-war), 06.11.2013, активно на 15.03.2017

32."Is America Being Deliberately Pushed Toward Civil War?" (http://www.alt-market.com/articles/1806-is-america-being-deliberately-pushed-toward-civil-war), 06.11.2013, активно на 15.03.2017

33."Liberator - Dawn of the Wiki Weapons" (https://www.youtube.com/watch?v=drPz6n6UXQY), 05.05.2013, активно на 15.03.2017

34."The World's First Fully 3D Printed Revolver is Here" (https://3dprint.com/107062/worlds-1st-3d-printed-revolver/), 23.11.2015, активно на 15.03.2017

35.Ю.М.Плюснин, Я.Д.Заусаева, Н.Н.Жидкевич, А.А.Позаненко. "Отходники" (https://www.hse.ru/data/2013/11/01/1283037797/OTHOD.pdf). Изд. "Новый хронограф", Москва, 2013 г.

Именной указатель

Список прямо или косвенно упомянутых персоналий разных эпох и рода занятий, пофамильно и постранично. Включая тех, кто отмечен в схемах связей.

А

Аглиетта М. – стр. 191

Альберти Л.Б. – стр. 432, 451, 453, 455

Андропов Ю.В. – стр. 68, 379

Аристотель – стр. 37, 62, 101, 111, 128, 161, 269, 283, 452, 460

Артамонова Ю.Д. – стр. 320, 447

Арон Р. – стр. 464

Архимед – стр. 432, 433, 453, 458

Аттали Ж. – стр. 388-390, 463, 479

Ашока – стр. 80

Б

Баллмер С. – стр. 413

Бартини Р. – стр. 82

Баумгартен А. – стр. 453

Бем-Баверк О. – стр. 124

Бенар Т.К. – стр. 210

Бернштейн Н. – стр. 446

Бир С. – стр. 35, 137, 283

Блан Ж. – стр. 211

Богданов А.А. – стр. 82, 281

Бодрийяр Ж. – стр. 235, 313

Браудер В. – стр. 342

Бритт Л. – стр. 469, 470

Бузгалин А.В. – стр. 124

Бэкон Р. – стр. 486

Бэкон Ф. – стр. 138

В

Вакслер М. – стр. 53

Вебер М. – стр. 10, 27, 39, 56, 121, 122, 196, 224, 270, 275, 386, 422

Верн Ж. – стр. 486

Вильсон В. – стр. 113

Виноградов А.А. – стр. 291, 447

Витрувий М.П. – стр. 45, 432

Вобан С. – стр. 125, 392

Высоцкий В. – стр. 148

Г

Гаврилюк В. – стр. 385

Гадамер Х.Г. – стр. 9, 320

Галилей Г. – стр. 228

Геббельс Й. – стр. 380, 466

Гегель Г. – стр. 148, 149, 273, 292, 465

Гедель К. – стр. 145, 219

Гезель С. – стр. 177, 204, 222

Гейтс Б. – стр. 413

Гексли Т.Г. – стр. 279

Генкин А. – стр. 202, 204, 206, 209-211, 248-252, 257-259, 263, 446

Герон – стр. 433, 435, 438, 443-445, 448, 450, 452, 453, 456, 462

Гоббс Т. – стр. 265, 266

Гозман Л. – стр. 141

Голдберг Р. – стр. 236

Голдрат Э. – стр. 146

Голмшток И. – стр. 479

Григорьев О.В. – стр. 7,9, 26, 28, 31, 41, 42, 46, 49, 54, 58, 59, 62, 65, 66, 72, 98, 105, 106, 110, 111, 118, 119, 124, 142, 147, 153, 155, 157, 162, 167, 173, 181, 182, 185, 191, 192, 196, 197, 202, 204, 206, 211, 212, 216, 222, 232, 235, 238, 239, 253-255, 258, 262, 265, 266, 268, 269, 275, 276, 284, 285, 291, 293, 297, 391, 428, 446, 447, 476

Гроций Г. – стр. 105

Гусейнов А.А. – стр. 135, 136, 447

Гэллэтин А. – стр. 229

Д

Дарвин Ч. – стр. 166, 261, 262, 265, 292, 389, 489

Делез Ж. – стр. 139

Делягин М. – стр. 399

Джемс У. – стр. 363

Дорр Б. – стр. 405

Дуров П. – стр. 408

Дэмблби Д. – стр. 241

Дэнс Ф. – стр. 311

Дэфо Д. – стр. 82

Дюркгейм Э. – стр. 114

Е

Евклид – стр. 453

Егишьянц С. – стр. 412, 447

Ельцин Б. – стр. 40, 383

З

Зиновьев А. – стр. 233

И

Иван Грозный – стр. 467

Ильюшин В. – стр. 383

Йордан Б. – стр. 383

Истерли В. – стр. 18, 260

К

Кадыров Р. – стр. 87, 447

Кайл К. – стр. 420

Калликл – стр. 148, 151

Кампанелла Т. – стр. 101

Камю А. – стр. 140

Кант И. – стр. 31, 129, 372, 428

Кардано Дж. – стр. 446

Карелов С. – стр. 383

Карл V – стр. 467

Кестлер А. – стр. 31, 105, 293, 301

Колганов А.И. – стр. 124

Кордонский С. – стр. 129, 144, 148

Королев А. – стр. 58

Костин К. – стр. 384

Кропоткин П.А. – стр. 7, 82, 98, 247, 250, 252-255, 260-264, 276-279, 281-289, 291-293, 295, 297, 416, 427, 446

Кубертен П. – стр. 439

Кудрин А. – стр. 383

Кузнецов В.Г. – стр. 320, 447

Кулик С. – стр. 446

Кювье Ж.Л. – стр. 271

Л

Ламарк Ж.Б. – стр. 269, 271

Лассвел Г. – стр. 311

Левинтов А.В. – стр. 20

Лейбниц Г.В. – стр. 35, 269, 275, 448

Ленин В.И. – стр. 113, 130, 135, 144, 148, 168, 171-176, 180, 256, 264, 390, 422, 446

Леонардо да Винчи – стр. 446

Листон Р. – стр. 170

Лихачев Д.С. – стр. 89

Ломоносов М. – стр. 470

Лонгфилд М. – стр. 208

Лоренц К. – стр. 271

Лоренцо де Медичи – стр. 81

Лоу Дж. – стр. 27, 189

Люксембург Р. – стр. 72, 173, 264, 289, 422

М

Мазур И.И. – стр. 310, 446

Макаров П.В. – стр. 287, 446

Макиавелли Н. – стр. 101, 266, 446

Маклуэн М. – стр. 312

Мальтус Т. – стр. 400

Малюков А. – стр. 383

Малютин М. – стр. 84

Мандевиль Б. – стр. 265, 266, 448

Маригелла К. – стр. 76, 446

Маркс К. – стр. 15, 20, 22, 23, 38, 41, 67, 69, 70, 73, 81, 97, 98, 105, 109, 112, 121, 124-129, 131, 134-140, 144, 146, 148, 155, 157, 160-162, 164, 165, 167, 168, 173-175, 178, 180, 203-205, 211, 224, 228, 235, 239, 248, 252, 256, 263-265, 275, 276, 278, 292, 297, 316, 349, 366, 388, 390, 392, 397, 423, 475, 480

Маслоу А. – стр. 300

Матфей ап. – стр. 383, 387

Маяковский В. – стр. 440

Медоуз Д. – стр. 72, 133

Мертон Р. – стр. 114, 383

Мид Дж. – стр. 27

Миклухо-Маклай Н. – стр. 82

Миронов В. – стр. 69, 70

Миядзаки Х. – стр. 487

Монтескье Ш. – стр. 106

Муссолини Б. – стр. 479

Н

Найт Ф.Х. – стр. 54, 113

Найшуль В.А. – стр. 211

Негропонте Н. – стр. 82

Николай I Романов – стр. 87

Ницше Ф. – стр. 14, 112, 135, 272, 273, 294, 422, 469

Новеске Дж. – стр. 420

Норманн Дж. – стр. 208

Нэш Дж. – стр. 85, 184, 279

Ньютон И. – стр. 444

О

Обама Б. – стр. 403, 404, 419-421, 424

Орлеан А. – стр. 191

Оруэлл Дж. – стр. 159

Осгуд Ч. – стр. 311

Ослон А. – стр. 383, 384

Оттон Великий – стр. 197

Охитович М. – стр. 82, 292

П

Папанек В. – стр. 28, 35, 49, 251, 392

Паскаль Б. – стр. 37

Патрик св. – стр. 395

Пикассо П. – стр. 70

Пирс Ч. – стр. 30,31, 261

Питер Л. – стр. 95, 96, 142, 274, 286

Платон – стр. 99, 101, 106, 107, 388

Платонов С. – стр. 16, 144-150, 157, 158, 160-165, 172, 205, 206, 446

Поппер К. – стр. 292, 338, 363, 388, 393, 464

Примаков Е. – стр. 82

Прохоров М. – стр. 383

Прудон П.Ж. – стр. 263

Пуанкаре А. – стр. 260, 364

Путин В. – стр. 68, 95, 383

Р

Рамбам С. – стр. 407

Ретлиф К. – стр. 420

Решер Н. – стр. 338

Ригель Е. – стр. 177, 202-204, 206

Рикер П. – стр. 54, 135, 336

Риккардо Д. – стр. 263

Робинсон У. – стр. 236

Рогозин Д. – стр. 479

Рэнд А. – стр. 266, 446

С

Саркисянц М. – стр. 464

Сера А. – стр. 267, 295

Скот Д. – стр. 213, 298

Скот Р. – стр. 162

Смит А. – стр. 21, 22, 23, 25, 64, 68, 86, 121-128, 130-132, 136-138, 201, 225, 265, 389, 425

Смит Бр. – стр. 425

Смит В. – стр. 229

Снельсон К. – стр. 447, 449

Сноуден Э. – стр. 406, 407, 413

Сократ – стр. 101, 148, 151

Соловей В.Д. – стр. 84, 237, 253, 254, 363, 446

Сорос Дж. – стр. 388

Спиноза Б. – стр. 53

Сталин И. – стр. 88, 111, 473

Стивенсон Р. – стр. 194

Столлман Р. – стр. 412

Сурков В. – стр. 384

Т

Талеб Н.Н. – стр. 46, 53, 54, 57, 58, 108, 131, 151, 152, 277, 288, 303, 305, 389, 418, 448

Тесла Н. – стр. 279

Тинберген Н. – стр. 271

Томас У. – стр. 363

Трамп Д. – стр. 421, 422, 447

Тьюринг А. – стр. 354

У

Уивер У. – стр. 311

Уилсон К. – стр. 423, 424

Ф

Фасмер М. – стр. 433

Федоров Б. – стр. 342, 343

Фейерабенд П. – стр. 228

Филипп, герцог Эдинбургский – стр. 43

Филон Византийский – стр. 446

Флобер Л. – стр. 421

Флюэр М. – стр. 311

Форд Г. – стр. 426

Форрестер Дж. – стр. 72, 133

Фрейд З. – стр. 65, 235, 247

Фромм Э. – стр. 464

Фрунзе М. – стр. 88

Фуллер Р.Б. – стр. 11, 23, 35, 109, 135, 155, 157, 184, 240, 260, 261, 279, 281, 292, 391, 428, 432-435, 443-451, 453, 455-462

Фурсов А.И. – стр. 127, 128, 294, 408

Х

Хайек Ф. – стр. 209, 224, 230, 254

Химейер М. – стр. 420

Хобсбаум Э. – стр. 476, 477

Хомский Н. – стр. 105

Ц

Ципф Дж. – стр. 291

Цукерберг М. – стр. 424

Ч

Черчилль Дж. – стр. 429

Чубайс А. – стр. 383

Чумаков А.Н. – стр. 310, 446

Ш

Шарыгин А. – стр. 291

Шаубергер В. – стр. 237

Шенк Р. – стр. 446

Шеннон К. – стр. 311

Ширинский-Шахматов П.А. – стр. 70

Шкурин И.Ю. – стр. 232, 233, 235, 236, 238, 446

Шмулевич А. – стр. 395, 448

Шпенглер О. – стр. 397

Шрамм У. – стр. 311

Штирнер М. – стр. 260

Шульман Е. – стр. 464

Шухов В. – стр. 447

Шютте-Лихоцки М. – стр. 302

Щ

Щедровицкий Г.П. – стр. 35, 54, 105

Э

Энгель Х. – стр. 443, 444

Эшби У.Р. – стр. 219, 394

Я

Яровая И. – стр. 70

Ясперс К. – стр. 464

***

C

Celente G. – стр. 403

H

Hagmann D. – стр. 403

Heben A. – стр. 166

R

Rendon John – стр. 383

Rickards J. – стр. 403

S

Schroepfer M. – стр. 406

Об авторе

Я родился в 1973 году в Москве, и спустя лишь значительный промежуток времени узнал, что же действительно произошло знаменательного в этот, непосредственно предшествующие и непосредственно последующие ему годы. Из наиболее ярких впечатлений детства помнится бурная природа Зауральной рощи, куда я часто летом ездил к деду на дачу. В начале 90-х получил среднеспециальное медицинское образование, 2 года работал в лаборатории реанимационного отделения клинической больницы, стал свидетелем крушения СССР, а также своими глазами увидел, от каких естественных причин умирают люди в преклонном возрасте в казенных условиях, и как до них нет никому никакого дела. В конце 90-х закончил Философский факультет МГУ по специальности «История и философия науки и техники». Это было время старой, как мир, борьбы противоречий: постижение наук вступало в конфликт с постоянным поиском заработка и попыткой понять основания своей востребованности. Одновременно росло ощущение и осознание того, что положение научной и образовательной базы в стране все больше напоминает положение стариков из клинической больницы: нет никому никакого дела. Осознание ценности самого фундаментального из всех возможных видов высшего образования требовало совмещения с ценностью освоения реальных условий спроса на собственный труд, и понимания направлений, где такое совмещение возможно. Наиболее активно вопрос прорабатывался с последних лет учебы в начале 00-х, с накоплением профессионального опыта и формирования собственного «бэкграунда». По той же причине я закончил аспирантуру своего факультета, но не стал защищать диссертацию. Я чувствовал, что именно там, за стенами, как раз и есть то важное, что требует ученого внимания и способно наполнить весомостью и содержанием предмет моих научных интересов на тот момент – логику диалога и структурные основы коммуникативных процессов. Уже тогда было видно, что и сам этот предмет, и какая-то значительная доля многих других предметов требовали совершенно иных форматов и методов исследований, нежели привычное источниковедение, и что сам способ познавательной деятельности должен быть каким-то иным, некампусовым. Период, о котором идет речь, равно как поиск таких способов, во многом продолжается до сих пор. В своей профессиональной деятельности я много лет работал аналитиком, а также руководителем аналитических подразделений, в организациях, специализирующихся на различных направлениях «индустрии пропаганды», «культурных индустрий» и «гуманитарных технологий». Будучи сферами приложения моей деятельности и ее продуктов, они стали одним из поводов расширять свой взгляд на мир, включая аспекты экономических, политических, экологических, урбанистических и культурных процессов, составляющих части единого процесса человеческой истории.

Je suis né en 1973 à Moscou, et après une période de temps considérable pour savoir ce qui est vraiment arrivé sur ce capitales précédentes et les suivent immédiatement ses années. Parmi les plus vives impressions de l'enfance, je me souviens d'une nature violente Zauralnoy Grove, où je suis allé souvent à son grand-père à l'été à la datcha. Au début des années 90 ont obtenu la formation médicale secondaire, 2 ans, il a travaillé dans le laboratoire de l'hôpital de l'unité de soins intensifs, assisté à l'effondrement de l'URSS, ainsi que de leurs propres yeux vu, de causes naturelles des gens meurent à un âge avancé dans des conditions de l'Etat, et comment ne pas avoir personne aucun cas. À la fin de la 90, il est diplômé de la Faculté de philosophie de l'Université d'Etat de Moscou sur une spécialité «Histoire et philosophie des sciences et de la technologie." Il fut un temps de vieux comme le monde, la lutte des contradictions: la compréhension de la science en conflit avec la recherche constante de la base des revenus et de tenter de comprendre leur pertinence. Dans le même temps il a augmenté le sentiment et la réalisation que la situation de la base scientifique et éducatif dans le pays ressemble de plus en plus l'ancienne situation de l'hôpital: il n'y a aucun cas à personne. Prise de conscience de la valeur de la plus fondamentale de toutes sortes possibles de l'enseignement supérieur requis pour l'intérêt de combiner le développement des conditions réelles de la demande pour leur propre travail, et la compréhension des domaines où une telle combinaison est possible. La question la plus active a été travaillé dans les dernières années d'études au début des années 00'S, avec l'accumulation de l'expertise et la formation de leurs propres «origines». Pour la même raison, je fini l'école d'études supérieures de la faculté, mais il n'a pas défendu sa thèse. Je me suis senti qu'il était là, à l'extérieur des murs, avoir juste quelque chose d'important qui nécessite une attention et le scientifique est en mesure de combler le poids et le contenu de l'objet de mes intérêts de recherche à ce moment - la logique du dialogue et des bases structurelles du processus de communication. Même alors, il était clair que le sujet lui-même, et une certaine proportion significative de nombreux autres sujets nécessitent un complètement différents formats et méthodes de recherche, plutôt que d'une source familière, et que la méthode même de l'activité cognitive doit être un autre, non-campus. La période en question, ainsi que la recherche de ces méthodes, à bien des égards est toujours en cours. Dans son activité professionnelle depuis de nombreuses années, je travaillais comme analyste et chef du département de la recherche, dans les organisations spécialisées dans des directions différentes "propagande de l'industrie", "industries culturelles" et "la technologie humaine." Comme les domaines de mon travail et de ses produits d'application, ils sont devenus l'une des raisons d'élargir leur vision du monde, y compris les aspects des processus économiques, politiques, environnementales, urbaines et culturelles qui font partie d'un processus unifié de l'histoire humaine.

I was born in 1973 in Moscow, and after a considerable period of time to find out what really happened on that momentous immediately preceding and immediately following his years. Among the most vivid impressions of childhood I remember a violent nature Zauralnoy grove, where I often went to his grandfather in the summer at the dacha. In the early 90's got Secondary medical education, 2 years he worked in the laboratory of the intensive care unit hospital, witnessed the collapse of the USSR, as well as with their own eyes saw, from any natural causes people die at an advanced age in state conditions, and how to they do not have anyone no case. At the end of the 90 he graduated from the Philosophical Faculty of Moscow State University on a specialty "History and Philosophy of Science and Technology." It was a time of old as the world, the struggle of contradictions: comprehension of science in conflict with the constant search for the earnings base and attempt to understand their relevance. At the same time it increased the feeling and the realization that the situation of scientific and educational base in the country increasingly resembles the old situation of the hospital: there is no case to anyone. Awareness of the value of the most fundamental of all possible kinds of higher education required to the value of combining the development of the real conditions of the demand for their own work, and understanding of the areas where such a combination is possible. The most active issue was worked from the last years of study in the early 00's, with the accumulation of expertise and the formation of their own "backgrounds." For the same reason I finished graduate school of the faculty, but he did not defend his dissertation. I felt that it was there, outside the walls, just have something important that needs attention and the scientist is able to fill the weight and content of the subject of my research interests at that time - the logic of dialogue and structural bases of communication processes. Even then it was clear that the subject himself, and some significant proportion of many other subjects require a completely different formats and methods of research, rather than a source familiar, and that the very method of cognitive activity must be some other, non-campus. The period in question, as well as the search for such methods, in many respects is still ongoing. In his professional activity for many years, I worked as an analyst and head of the research department, in organizations specializing in different directions "industry propaganda", "cultural industries" and "human technology." As the application areas of my work and its products, they have become one of the reasons to expand their view of the world, including aspects of economic, political, environmental, urban and cultural processes that make up part of a unified process of human history.

Также в серии – книга

Дмитрий Н. Алексеев
ВОЗМОЖНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ. ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ

Книга представляет первый том сборника и посвящена основным сферам управления, которые могут быть доступны человеку.

Существует сложность, связанная с тем, что наибольшее число книг про то или иное управление, давящих авторитетом либо достойных быть авторитетными, изданы на английском языке, в котором, в отличие от великого и могучего русского, существует целый ворох терминов, соответствующих этому понятию: “manage”, “govern”, “ruling”, “cybernetics”, “directorate”, “control”. И, кстати говоря, “economy” в своем третьем значении перевода – «организация», «строение», «структура», «устройство», «система»; в буквальном переводе – «домострой». Читателю я предлагаю самому почувствовать весь коннотативный колорит слова «домострой», поскольку именно тот колорит и та гамма чувств, что возникают вместе с аллюзиями на сочинения Островского, представляют собой отблеск наиболее корректных определений и отсылок, с учетом которых предстоит интерпретировать одну из наиболее прорывных и системных на начало XX века экономических концепций (опять же, на момент написания этих строк, да и на многие последующие моменты, подозреваю, тоже). В русском же языке здесь имеем слово «управление» (русскоязычный англицизм «контроль» – не в счет).

Понимание предмета управления (особенно что касается его прикладной части) и роли личности в этом самом деле стало фундаментальной, абстрактной и обезличенной научной идеей, потерявшей свои корни. Зачем этой наукой вообще занимаются? При том, по странному «совпадению», чем дальше развивается эта наука (особенно в сфере “computer science”), тем более мир становится неуправляемым. Похоже, пришло время писать историю науки об управлении, причем делать это с неких свежих позиций и подходов, за рамками того, что нам на сей счет диктуется в пределах мейнстрима. Но это значит, что придется пересматривать и саму научность (ибо смысл ее, в конечном итоге, как раз в организации и управлении); и значит, придется немало говорить об экономике, поскольку именно в ее рамках долгое время и до сих пор сосредотачивалась львиная доля прикладных и теоретических решений в плане того, на что может быть направлена управленческая деятельность человека. Особенно это оказывается важным, когда выражение «экономический кризис» становится расхожей оскоминой, а иные великие высказывают свежие идеи насчет того, что системной аномалией как раз является не рецессия и депрессия, но именно что рост. Отсюда и возникает вопрос о роли человека в процессе управления, о подконтрольности ему этих вещей.

Но допускать такую подконтрольность – значит поставить вопрос о подконтрольности человеку норм, стандартов и представлений его жизни, а значит – способность посмотреть на них со стороны и как бы сверху. На что здесь вообще нужно смотреть и что пересматривать? Каков здесь должен быть пространственно-временнОй масштаб, дабы определить горизонт используемой фактологии? Можно ли поставить под сомнения вещи, считающиеся или кажущиеся незыблемыми, особенно если они имеют статус «достижений разума»? Такое оказывается возможным лишь в условиях требования жизни, но никак не абстрактных спекуляций.

Также в серии – книга

Дмитрий Н. Алексеев
ЧАСТИЧНО УПРАВЛЯЕМОЕ. К НОВОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Работа продолжает ряд начатых в первой книге тем. А этот анонс представляет небольшую выдержку из введения: действительно, если бы здесь было дано хотя бы на одну эту страницу нечто новое, то был бы закономерен вопрос, почему этого нет в общем тексте; и, собственно, оправдана ли именно такая частичность.

...В начале XXI века все более становится очевидным, что, выкачав природу на потребу «прогрессу», дискредитировавшему идею научно-технического развития, сменяющие друг друга в поколениях «отцы общества» стали выкачивать деньги, а также потенциал здоровья и жизни из самого населения, численность которого является главным условием разделения труда и богатства, редуцируя тем самым уровень цивилизационного развития и разрушая тем самым основу собственного существования. Мир сформировал глобальную торговую конфигурацию, однако одновременно стали возникать идеи о разукрупненности, связанной с высоким уровнем локальной жизни. Отсюда возникают вопросы о рисках со стороны остальной части мира и подконтрольности его процессов, и о том, может ли быть целостным частичное управление миром как часть его самоуправления. Выходящая за рамки экономики концепция экстерналий указывает на то, что такое управление неизбежно есть управление экосистемой, частично открытой самой Вселенной. Так, вспоминаемая в рамках этих рефлексий системная динамика (СД) как изобретение, направленное на решение фундаментальных проблем глобального присутствия человека, обнаруживает, что она как инструмент эффективна лишь в парадигме частичной управляемости, но никак не в парадигме патерналистски-централизованного, что связано с объемом входных данных, неподконтрольных связей и факторами саморегуляции, естественным образом исключающими ятрогенный патернализм. Более того, сферой приложения СД сразу была заявлена автоматизированная управляемость урбосреды, и как раз с этой одновременно и задачей, и сверхзадачей, она вышла в свет. А значит, поскольку здесь открыт нарратив об органике человеческого присутствия в ограниченной зоне хозяйствования, этот нарратив также о частичной управляемости. Подобно тому, как "не абсолютным" является медицинское управление человеческим телом и, конечно, обществом, не абсолютным, частичным, является и управление урбосредой, охватывающее все три сферы управления. А потому видится оправданным рассмотрение предмета этой книги именно в аспекте урбосреды как объекта метауправления. И, конечно, категория частичности д.б. соотнесена со столь странным понятием современной кибернетики, как "открытые системы". Уже на уровне элементарной интуиции заметно, что таким системам свойственна частичная управляемость, однако я сильно сомневаюсь, чтобы этот их аспект кто-нибудь рассматривал сколь-нибудь серьезно или строго...

Отдельной темой в связи с "частичностью" стала криптовалюта, неоднозначно вписывающаяся в корпус современных экономических понятий. Эта тема "гражданских денег" становится сегодня весьма актуальной в связи с процессами цифровизации монетарных расчетов, осуществляемых на государственном уровне и наблюдаемых в некоторых регионах мира.

Большей частью открытые системы рассматривают как нарушаемую и восстанавливаемую целостность, но едва ли в качестве чего-то, заслуживающего внимание и доверие, рассматривается заведомая разрозненность (или ее допустимость), особенно если речь идет о системах человеческих сообществ. Эта тема также отчасти продолжается в третьей книге.